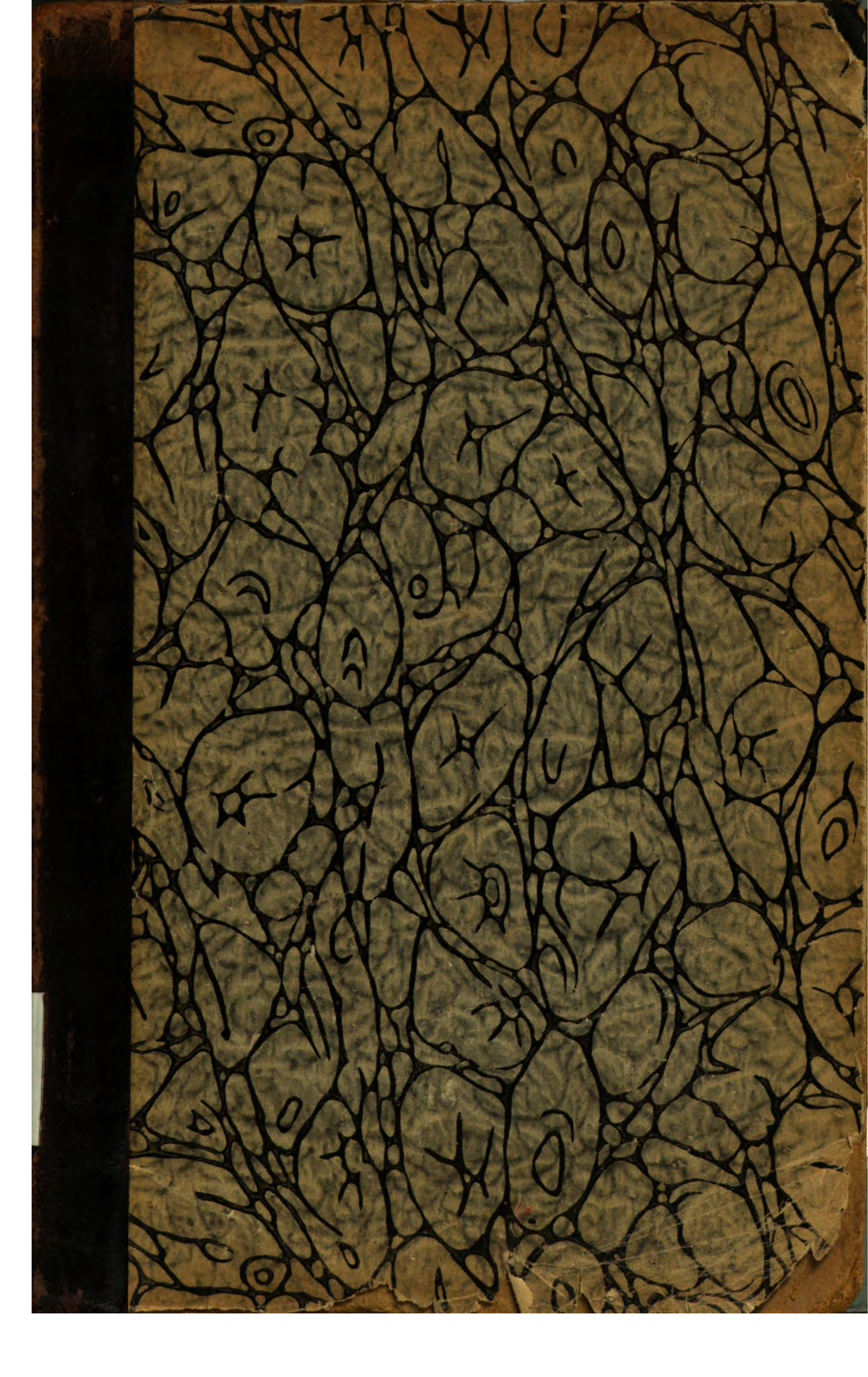
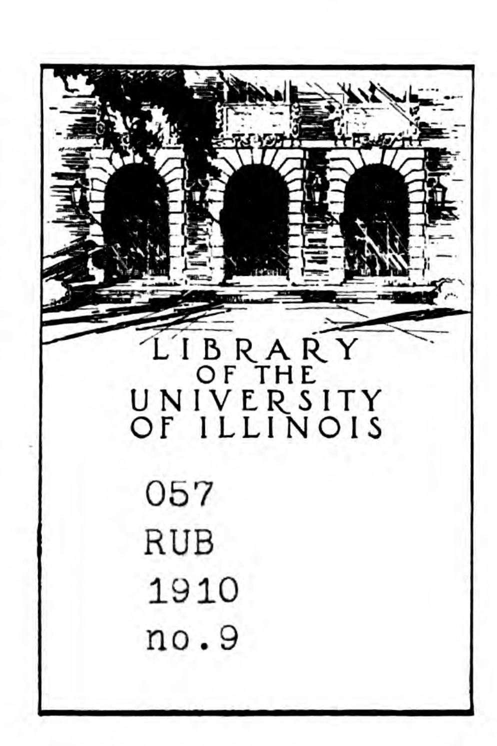

Адресъ редакціи и конторы: Баскова ул., 9. Телефонъ № 20-83.

СЕНТЯБРЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

№ 9.

СОДЕРЖАНІЕ:

СЕНТЯБРЬ. 1910.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ, НАУЧНЫЙ и ПОЛИТИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ.

№ 9.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Первой Спб. Трудовой Артели.—Лиговская, 34.
1910.

СОДЕРЖАНІЕ:

(*См. на оборотѣ*).

КАКЪ ОНИ УМИРАЛИ.

Изъ лѣтописи минувшей войны.

«De loin, c'est quelque chose, mais de près ce n'est rien».
(Издали оно чѣмъ-то кажется, но вблизи—ничто»).
Лафонтенъ.

Съ адмиральскаго корабля грянула пушка, и андреевскій флагъ медленно поползъ по флагштоку.

Съ закатомъ солнца закончился оффиціально день на военныхъ судахъ, и они стояли на рейдѣ мрачными силуэтами съ застывшей жизнью до слѣдующаго разсвѣта.

Спустили флагъ и на военномъ транспортѣ „Ангара" Караулъ отпустили, и на палубѣ остались лишь вахтенные, да на капитанскомъ мостикѣ—сигнальщики.

Въ офицерской каютъ-кампаніи суетились вѣстовые, накрывая столъ къ ужину. Вошелъ судовой докторъ Борисенко, завѣдующій офицерскимъ столомъ. Подошелъ къ буфетной стойкѣ, приподнялъ графинъ съ коньякомъ, покачалъ головой, что-то буркнулъ въ сторону вѣстовыхъ и вышелъ. Двое вѣстовыхъ перемигнулись, но докторъ опять вошелъ, и они, сдѣлавъ сосредоточенныя лица, углубились въ свою работу.

— Мичману Никулину не накрывайте,—сказалъ докторъ, протирая очки.—Онъ на берегу ужинать будетъ!

— Есть!—отвѣтилъ одинъ изъ вѣстовыхъ и быстро снялъ на подносъ поставленный было приборъ мичмана.

— А старшему офицеру поставь сифонъ съ сельтерской,—продолжалъ докторъ.

— Они содовую приказали!

— А за обѣдомъ изъ за чего скандалъ вышелъ?

---

*) Упомянутыя здѣсь суда носятъ вымышленныя названія.

— За зельтерскую! Къ ужину же приказали ставить содовую.

Борисенко недовѣрчиво посмотрѣлъ на вѣстового.

— Путаешь, поди, опять?.. Погоди, я спрошу.

Онъ вышелъ въ коридоръ и крикнулъ у двери каюты старшаго офицера:

— Петръ Петровичъ! Ты что за ужиномъ пьешь: сельтерскую или содовую?

— Сельтерскую!—донеслось изъ каюты, а затѣмъ дверь отворилась, и на порогѣ появился тучный мужчина въ одномъ тѣльникѣ, съ засученными рукавами.

— Ты почему спрашиваешь?

— Потому что вѣстовой хочетъ ставить содовую.

— Сволочь онъ, больше ничего! — крикнулъ старшій офицеръ, обтирая мохнатымъ полотенцемъ руки и шею.— Вотъ я ему морду набью!

Докторъ взглянулъ на него поверхъ очковъ и улыбнулся...

— Ну, не сердись.... Ошибиться всякій можетъ. Можно къ тебѣ?

— Входи!

Докторъ вошелъ и присѣлъ на диванъ, отдѣланный плюшемъ.

— Пойдешь сегодня на берегъ?—спросилъ онъ.

— Да! У командира винтъ. Хотя съ удовольствіемъ остался бы дома и выспался. Впрочемъ, я къ полуночи вернусь.

— Ну, да!..—недовѣрчиво улыбнулся докторъ...—Знаемъ мы васъ. Опять придешь къ подъему флага.

Старшій офицеръ подошелъ къ зеркалу и началъ ерошить кверху усы. Ему все хотѣлось сдѣлать ихъ „а ля Вильгельмъ“, но усы были жиденькіе, торчали въ разныя стороны отдѣльными щетинками и не слушались. Онъ слышалъ послѣднее замѣчаніе доктора, но не обратилъ на него вниманія, думая о средствѣ для рощенія усовъ.

— Скажи кому, что теперь война, никто не повѣритъ...— продолжалъ докторъ послѣ небольшой паузы.—Не успѣютъ флагъ спустить, какъ ужъ ни одного офицера на суднѣ не найдешь!

— А тебѣ что: жалко судна, что ли?..

— Да не судна жалко, а васъ! Ну, какіе вы вояки, прости за выраженіе. Цѣлый день по каютамъ спите, а потомъ до разсвѣта на берегу.

— Это ничего не доказываетъ...—кисло улыбнулся Петръ Петровичъ, расчесывая щеткой волосы. — Можно гулять, пока гуляется, а когда будетъ бой, пойдемъ въ бой.

Онъ пошелъ къ платяному шкафу, по дорогѣ потрепавъ доктора по плечу.

— Моралистъ ты, Андрей Васильевичъ... Хе!..хе!..

Докторъ безнадежно махнулъ рукой...

— Только и знаете!.. А впрочемъ, мнѣ какое дѣло. Я вѣдь такъ. Просто, больно смотрѣть!

— На что?

— На такую службу, на весь вашъ флотъ, на всю Россію!.. Вотъ теперь стоимъ мы во Владивостокѣ. Стоимъ безвыходно цѣлый мѣсяцъ. А тамъ...—онъ показалъ куда-то рукой—въ эту минуту льется кровь!..

Петръ Петровичъ ничего не отвѣтилъ. Докторъ стряхнулъ съ рукава пылинку, поправилъ очки и поднялся:

— Ужинъ готовъ,—сказалъ онъ на ходу.—Приходи!

Выйдя въ коридоръ, онъ, постоявъ мгновеніе въ нерѣшимости, постучалъ въ третью отъ него каюту.

— Кто тамъ?—спросилъ молодой голосъ.

— Это я—Борисенко.

Щелкнула задвижка, и докторъ вошелъ. Передъ зеркаломъ сидѣлъ молодой, бѣлокурый мичманъ, совсѣмъ еще мальчикъ съ чуть замѣтнымъ пушкомъ на верхней губѣ. Увидя доктора, онъ широко улыбнулся и подставилъ складную табуретку.

— Садись!

— Ты опять на берегъ?..—укоризненно сказалъ, садясь, Борисенко.

— Опять на берегъ!..—передразнилъ мичманъ, оправляя на себѣ бѣлоснѣжный китель...—Гуляемъ, дорогой докторъ, гуляемъ!

— И ужинать не будешь?

— Нѣтъ, я ужинаю въ „Монрепо".

— Кто же тамъ сегодня будетъ?

— Будутъ кое-кто изъ нашихъ. Давыдовъ будетъ. Разумихинъ обѣщалъ придти.

— И, конечно, Зина будетъ?

— Это обязательно!

Мичманъ обернулся и ударилъ доктора по колѣнкѣ...

— Славную я бабу подцѣпилъ?.. А?..

Докторъ замялся и перебиралъ пальцами по подзеркальнику...

— Я ея не видѣлъ... Но знаешь ли... Я бы тебѣ посовѣтовалъ того...

Мичманъ сдѣлалъ серьезное лицо и наклонился корпусомъ къ доктору...

— Ну?

— Ты бы, Сергѣй Захаровичъ, отъ нея подальше! Дама она шантанная, а ты молодъ!

Щеки мичмана заалѣли, но сейчасъ же губы его сложи-

лись въ улыбку, и въ глазахъ заигралъ задорный огонекъ.

— Не бойся за меня, милый...—молодцевато выпятилъ онъ грудь...—Меня тоже вокругъ пальца не обведешь! Я волкъ травленный!

— Да я ничего, — словно оправдывался докторъ... — Я тебѣ добра желаю, а тамъ—твое дѣло! Ну,—всталъ онъ,—я пойду. Такъ значитъ: до завтра?

Мичманъ утвердительно кивнулъ головой и, когда докторъ вышелъ, нажалъ кнопку звонка. На порогѣ, словно изъ земли, выросъ вѣстовой.

— Шестерку мнѣ!..—крикнулъ мичманъ...—Да живо!

Вѣстовой затрусилъ по коридору, и скоро на палубѣ послышались свистки, вызывающіе фалрепныхъ *) къ трапу. Мичманъ надѣлъ кортикъ и фуражку, оглядѣлъ себя въ зеркало, удовлетворенно свистнулъ и вышелъ изъ каюты. На палубѣ его встрѣтилъ вахтенный начальникъ,—худощавый и желчный лейтенантъ,—и двое фалрепныхъ матросовъ, застывшихъ у трапа въ почтительныхъ позахъ.

— Когда вернешься?—спросилъ лейтенантъ.

— Какъ и всегда—утромъ. Я тогда съ берега свистну.

— Хорошо. Желаю веселиться.

Лейтенантъ облокотился на бортъ и смотрѣлъ, какъ мичманъ сходилъ по трапу.

— Отъ трапа отталкивайся... чортъ!!—вдругъ крикнулъ онъ матросу, сидѣвшему на носу шестерки...—Весь трапъ подрали... дьяволы!..

— Есть!..—донеслось снизу, и шестерка начала отваливать отъ транспорта.

— Весла-а... на во-оду!..—послышалась команда...

И мѣрный плескъ веселъ, хлопавшихъ лопастями по поверхности бухты, скоро замеръ въ вечернемъ туманѣ, окутавшемъ Золотой Рогъ...

II.

Девять часовъ вечера. Въ кафе-шантанѣ „Монрепо“ только что освѣтили электричествомъ залъ и начались приготовленія къ предстоящему разгулу. Дюжина лакеевъ съ плутоватыми лицами бѣгала отъ одного столика къ другому, разставляла стулья, перемѣняла салфетки, кое-гдѣ на ходу смахивая пыль. Просеменилъ короткими ножками на грузномъ туловищѣ „распорядитель“, обругалъ мимоходомъ ка-

*) Двое матросовъ, выставляемыхъ у трапа при пріѣздѣ или отъѣздѣ офицера.

кого-то лакея и скрылся въ буфетѣ. Прошли за кулисы три шансонетки, расфуфыренныя и подмалеванныя, и передъ сценой начали разсаживаться музыканты.

Первымъ посѣтителемъ, какъ и всегда, оказался артиллерійскій капитанъ Хромовъ, высокій и жилистый офицеръ съ длиннымъ, набухшимъ отъ горячихъ напитковъ носомъ. Онъ подошелъ къ своему излюбленному мѣсту—столику около оркестроваго барьера,—бросилъ на одинъ стулъ фуражку на другой сѣлъ самъ и скомандовалъ подбѣжавшему лакею

— Водки!.. Салатъ изъ омаровъ!.. Ахъ да, постой: что въ буфетѣ новаго?

— Корюшка получена, Николай Николаевичъ!—сгибаясь въ три дуги, доложилъ тотъ.

— Корюшка?.. Рыба?..

— Такъ точно-съ!.. Въ маринадѣ! Не угодно ли попробовать?..

Хромовъ втянулъ носомъ воздухъ, повелъ, какъ тараканъ, усами и крякнулъ:

— Кхм!.. Что же... можно и корюшку!..

Вошла компанія флотскихъ и съ ней два саперныхъ офицера. Покрутились между столами и усѣлись за однимъ большимъ, у стѣны. Къ нимъ побѣжали сразу два лакея и скоро на этомъ столѣ красовалась солидная закуска и цѣлая батарея бутылокъ.

Черезъ полчаса пріѣхалъ мичманъ Никулинъ. По дорогѣ онъ заѣхалъ къ парикмахеру и, хотя ему нечего было брить, все-таки выбрился и подвился. Онъ издали раскланялся съ флотскими и сѣлъ въ самомъ концѣ зала, около искусственной пальмы.

Подбѣжавшаго лакея онъ спросилъ:

— Зина здѣсь?

Тотъ обвелъ глазами залъ...

— Никакъ нѣтъ, еще не пріѣхали.

— А она занята сегодня?

— Во второмъ отдѣленіи.

— Хорошо. Подай мнѣ пока бутылку деми-секъ и жаренаго миндалю!

Оркестръ проигралъ маршъ. Понемногу залъ началъ наполняться. Больше преобладала военщина, но были и штатскіе, три путейскихъ инженера, какой-то китаецъ съ красной пуговкой на шапкѣ и пожилой почтовый чиновникъ.

Подняли занавѣсъ, и дебелая венгерка пропѣла хриплымъ контральто куплеты. Ее вызывали, и кто-то бросилъ ей на сцену апельсинъ, который она прижала къ сердцу. Ее смѣнилъ куплетистъ въ босяцкомъ костюмѣ, несомнѣнный пропоица въ обыденной жизни. Онъ пѣлъ что-то скабрезное

и хулиганское, а изъ зала къ нему неслось удовлетворенное ржаніе и аплодисменты.

Къ Никулину подошелъ знакомый лейтенантъ, перекинулся съ нимъ нѣсколькими фразами и подсѣлъ къ компаніи флотскихъ, пировавшихъ у стѣны. Мичманъ остался одинъ и все время думалъ о Зинѣ и о томъ, что она долго не идетъ.

— Вѣроятно, этотъ инженеръ-механикъ у нея сидитъ!

И ненавистный образъ франта-соперника всталъ передъ его глазами.

— Пижонъ!.. Отростилъ себѣ тараканьи усы, чортъ бы его побралъ! И фамилія-то какая противная: Мочульскій! Не знаю, что Зина нашла въ немъ хорошаго. Противная, нахальная рожа! Морда такая, что такъ и проситъ плюхи! Вотъ бы вызвать на дуэль!

Но сейчасъ же Никулинъ вспомнилъ, что дуэль въ военное время не разрѣшатъ. Тогда онъ началъ упрекать себя за то, что не заѣхалъ за Зиной. Не зная, на комъ сорвать свою досаду, онъ съ ненавистью началъ думать о командирѣ транспорта и старшемъ офицерѣ:

— Сволочь!.. Палачи!.. Тиранятъ до спуска флага на своемъ паршивомъ транспортѣ! И дѣло не дѣлай, а сиди! Прокиснешь съ этой вонючей матросней, а имъ и горя мало!

И вдругъ въ глазахъ мичмана отразилась несказанная радость: въ залъ входила Зина и—вопреки его опасеніямъ—одна. Но ревность подсказала ему, что Мочульскій могъ остаться у нея на квартирѣ, и отъ одной этой мысли Никулинъ насупился и принялъ безразличный видъ.

Зина вошла, окинула весь залъ опытнымъ взоромъ и сразу направилась къ мичману. Тотъ позабылъ сразу все, расцвѣтился весь улыбкой и горячо пожалъ ей руку...

— Я давно здѣсь... жду тебя...—сказалъ онъ, снимая съ нея накидку и усаживая.

Зина была высокая пышная брюнетка не первой молодости, но хорошо сохранившаяся. Она улыбнулась, показавъ ослѣпительные зубы, плотные, какъ частоколъ. Глаза у нея были каріе, слегка на выкатѣ, но это ея не портило, а, наоборотъ, какъ-то освѣщало все лицо. Говорила она быстро, быстро, словно боясь, что ее перебьютъ, голосъ у нея шелъ откуда-то изъ глубины, и въ немъ дрожалъ металлъ.

— Я заѣзжала къ портнихѣ,—сказала она, поправляя прическу.—Понимаешь: третью недѣлю шьетъ мнѣ костюмъ. Чортъ знаетъ, что такое! Ну, вотъ, заѣхала и выругала! Вели подать мнѣ стаканъ.

Когда стаканъ принесли, она умѣло налила въ него

шампанскаго, сдѣлала глотокъ и начала грызть миндаль. Грызла она его, какъ бѣлка, ловко кидая на передніе зубы двумя пальцами, и въ то же время разглядывала посѣтителей.

— Давыдова нѣтъ?—спросила она, опоражнивая стаканъ.

— Обѣщалъ придти. Ты будешь ужинать?

— Послѣ моего отдѣленія. И только въ отдѣльномъ кабинетѣ!

Никулинъ моментально сообразилъ, что у него въ карманѣ нѣтъ и ста рублей.

— Почему же въ кабинетѣ?—началъ было онъ, но, видя, что Зина нахмурилась, поспѣшилъ согласиться.

— Купи мнѣ цвѣтовъ!—попросила Зина.—Я приколю ихъ на корсажъ передъ выходомъ на сцену.

И, не дожидаясь согласія, крикнула проходившему лакею:

— Григорій, принесите мнѣ желтыхъ розъ!.. Если у Эмиліи Карловны нѣтъ,—пусть пошлетъ въ магазинъ.

— Четвертной ухнулъ!—подумалъ Никулинъ.—Пожалуй, на ужинъ не хватитъ...

Вскорѣ пришли мичманъ Давыдовъ и лейтенантъ Поспѣшный. Выпили еще бутылку шампанскаго, а затѣмъ Зина ушла одѣваться. Послѣ ея ухода офицеры говорили о ней, и Никулинъ сознался, что онъ живетъ съ Зиной. Затѣмъ перевели разговоръ на службу. Жаловались на тягость ея.

— И къ чему это торчать цѣлый день на суднѣ?—возмущался Никулинъ.—Отстоялъ бы вахту и иди съ Богомъ!

— А ты знаешь: Малеванный убитъ?—спросилъ Давыдовъ.

— Развѣ? —поднялъ брови Никулинъ.—Когда?

— Сегодня есть въ газетахъ. Убитъ при послѣдней бомбардировкѣ Артура.

Невольно какъ-то вспомнили, что теперь война, и что гдѣ-то умираютъ ихъ товарищи. На минуту сдѣлались серьезны, но потомъ Поспѣшный спохватился:

— Охота вамъ объ этомъ говорить? Здѣсь не мѣсто!

— Ты правъ!—согласился Никулинъ.—Будемъ говорить о чемъ-нибудь другомъ! Кстати, Давыдовъ: у тебя есть деньги?

— Есть. А что?

— Сколько?

— Сотни четыре найдется.

— Давай мнѣ три! До завтра! Я васъ сегодня угощаю ужиномъ!

Никулинъ зналъ, что завтра ему отдать нечѣмъ, но рѣ-

шилъ, что до завтра еще далеко, и хладнокровно спряталъ въ карманъ три занятыхъ сотни.

Когда Зина вышла на сцену, Никулинъ не спускалъ съ нея глазъ и ожесточенно апплодировалъ каждому ея номеру, чѣмъ обращалъ на себя вниманіе. Зина была въ розовомъ платьѣ съ открытымъ корсажемъ и въ короткой до нескромности юбкѣ. Причесана она была «а ля Кавальери», съ двумя желтыми розами на вискахъ. Такіе же цвѣты были у нея приколоты на лѣвой груди—отъ плеча до пояса. Пѣла она что-то ужасно пошлое и скабрезное, дополняя пѣніе циничными жестами, и вообще производила впечатлѣніе проститутки плохого сорта. Но голосъ былъ звонкій, хотя безъ умѣлаго придыханія и безъ всякой школы.

Когда она ушла со сцены, Никулинъ обратился къ Поспѣшному:

— Это такой талантъ, что ей только пѣть въ столицѣ!

Лейтенантъ сдѣлалъ гримасу, но ничего не отвѣтилъ.

— Я думаю послѣ войны увезти ее въ Петербургъ,—продолжалъ мичманъ.—У меня тамъ есть знакомые антрепенеры.

— Шантанные?—спросилъ лейтенантъ.

— И шантанные, и опереточные!

Мичманъ вскинулъ на товарища удивленные глаза:

— Развѣ Зина не можетъ пѣть въ опереткѣ?

Лейтенантъ опять сдѣлалъ гримасу. Никулинъ понялъ, хотѣлъ было вспылить, но закусилъ губы и надулся.

III.

Въ кабинетъ пошли цѣлой компаніей. Зина притащила пять шансонетокъ, да Никулинъ пригласилъ еще трехъ офицеровъ: лейтенанта Разумихина, инженеръ-механика Котова и адъютанта коменданта Ергашева, только что выпущеннаго изъ кавалерійской школы. Адъютантъ ежеминутно щелкалъ шпорами, щипалъ надъ верхней губой крохотные усики и влюбленно посматривалъ на свои аксельбанты.

Онъ же вызвался быть распорядителемъ попойки и сейчасъ же утащилъ въ буфетъ метръ-д-отеля, говоря тому на ходу искусственнымъ басомъ:

— Я васъ попрошу, чтобы сервировка была приличная! Я васъ особенно это попрошу!

Кабинетъ былъ большой, въ три окна, съ тяжелыми портьерами и ковромъ во всю комнату. Никулинъ сѣлъ на диванъ рядомъ съ Зиной и что-то шепталъ ей, обхвативши за талію. Зина громко смѣялась, толкала локтемъ мичмана,

но въ то же время кокетничала глазами съ инженеръ-механикомъ. Остальные офицеры расположились около своихъ дамъ, и скоро въ кабинетѣ воцарился невообразимый шумъ и хаосъ. Быстро опустошались бутылки, звенѣли бокалы и рюмки. Краснѣли лица. Заплетались языки.

— Позови хоръ, — приставала Зина къ мичману...—Ну, если любишь меня—позови!

Мичманъ отнѣкивался, говорилъ, что онъ не милліонеръ, что лучше этотъ четвертной билетъ онъ подаритъ Зинѣ,— та ничего не хотѣла слушать. Пришлось согласиться, и скоро въ кабинетъ ввалилось человѣкъ двадцать мужчинъ и женщинъ. Сюда же вкатили передвижное пьянино.

Черезъ минуту въ кабинетѣ гремѣло:

«Туса, туса, туса... вахчечо...
Цѣѣлооваться гаарячоо»!..

Спѣли номеровъ десять. Послѣдніе номера пѣли всѣ: и хоръ, и гости. Затѣмъ угощали хоръ шампанскимъ, а потомъ лейтенантъ Поспѣшный, съ раскраснѣвшимися отъ вина щеками и мокрымъ лбомъ, къ которому прилипли волосы, вскочилъ и крикнулъ:

— Господа!.. Минуту!.. Прошу слова!.. Господа!.. — продолжалъ онъ, когда въ кабинетѣ немного попритихло... —Сегодня я прочелъ въ газетахъ, что въ Артурѣ убитъ мой товарищъ по выпуску, лейтенантъ Малеванный...

— Ты съ ума сошелъ?!. — дернулъ его сзади Разумихинъ...—Развѣ здѣсь... въ такомъ мѣстѣ!..

— Погоди!.. — отстранилъ его рукой Поспѣшный...—Ты же не знаешь, что я хочу сказать?!. Я желаю почтить его память!

Онъ вышелъ на середину кабинета и крикнулъ хриплымъ голосомъ таперу:

— Похоронный маршъ!.. Шопена!.. Живо!..

Тихіе, заунывные звуки задрожали въ табачномъ дыму и въ пьяномъ угарѣ. Офицеры подпѣвали мотивъ, а лейтенантъ Поспѣшный, стоя посреди комнаты, дирижировалъ бокаломъ и выводилъ, покачиваясь:

«Штыыками могилу коопали!»

Первой опомнилась Зина:

— Да ну васъ къ чорту, съ вашей панихидой!..—вдругъ крикнула она такъ, что таперъ остановился...—Мы не на отпѣваніе пришли! Давайте что-нибудь другое!

Ее поддержали:

— Конечно, конечно!.. — послышались голоса...—Давайте лучше кекъ-уокъ!..

Зина вскочила съ дивана:

— Правильно! Я буду плясать кекъ-уокъ! Кто со мной?

Охотниковъ нашлось много, но умѣющимъ оказался только Давыдовъ. Танцовалъ онъ, дѣйствительно, превосходно, съ какимъ-то благоговѣніемъ выводя ногами фигуры танца. Зина танцовала по шантанному — съ канканомъ. Потомъ плясали матчишъ. Раньше Зина съ Давыдовымъ, потомъ всѣ вмѣстѣ.

Никулинъ сидѣлъ мрачный отъ ревности, много пилъ и нервничалъ. Одну минуту между нимъ и адъютантомъ чуть не вспыхнула ссора, но ихъ быстро помирили товарищи и заставили выпить брудершафтъ.

Въ четыре часа разсвѣло. Было какъ-то странно глядѣть, какъ блѣдные лучи восходящаго солнца, прорываясь сквозь портьеры, клали особый отпечатокъ на лица присутствовавшихъ. Лица эти были истомленныя, жалкія, и румяна женщинъ казались грязными бликами.

Стали понемногу расходиться. Никулинъ заплатилъ по счету и съ тремя красненькими въ карманѣ поѣхалъ къ Зинѣ.

IV.

Зина жила въ «Золотомъ Рогѣ», и до транспорта Никулину было минутъ двадцать ходьбы. Но все-таки онъ всталъ рано — что-то около шести утра—наскоро одѣлся и, не будя Зины, тихо вышелъ изъ номера.

Въ коридорѣ никого не было. Очевидно, бойки *) спали, но Сергѣй Захаровичъ, какъ-то крадучись и скользя по стѣнѣ, быстро прошелъ по коридору, спустился съ лѣстницы и облегченно вздохнулъ, не встрѣтивъ въ подъѣздѣ швейцара.

Конечно, онъ никого не боялся. Но было какъ-то совѣстно ему, морскому офицеру, выходить изъ номера шантанной пѣвицы въ такое раннее время. Также неловко чувствовалъ онъ себя и тогда, когда быстрыми шагами шелъ по Свѣтланской, направляясь къ адмиральской пристани. Ему казалось, что и заспанные дворники, неохотно тыкавшіе метлой въ мостовую, и не менѣе заспанный городовой, вышедшій только что изъ укромнаго мѣстечка, въ которомъ онъ провелъ ночное дежурство, и даже запоздалый извозчикъ,—все это обращало на него вниманіе и съ любопытствомъ его разглядывало.

---

*) Бойками называютъ на Дальнемъ Востокѣ лакеевъ-китайцевъ.

И Сергѣй Захаровичъ больше надвигалъ на лобъ фуражку и кутался въ накидку съ капишономъ.

Болѣла голова. Вчерашняя попойка, во время которой было выпито лишнее, и ненормально проведенная ночь давали себя чувствовать. Мичмана слегка тошнило, у него сосало гдѣ-то подъ сердцемъ.

А солнце встало, и улица понемногу пробуждалась. Побѣжали по тротуару юркіе корейцы-газетчики, придерживая одной рукой пачки мѣстныхъ газетъ, еще пахнущихъ типографской краской.

Одинъ изъ нихъ догналъ мичмана и совалъ ему въ руки газету:

— Возьми, капитана!.. Япешки артурски пуской буммъ... буммъ!.. Возьми капитана!.. Много контрами *) ей зе богу!..

Кореецъ заглядывалъ мичману въ глаза и улыбался, показывая рядъ гнилыхъ зубовъ.

Никулинъ, чтобы отвязаться отъ него, взялъ газету и сунулъ ее въ карманъ. На адмиральской пристани онъ увидѣлъ шлюпку со своего транспорта. При видѣ офицера, команда встала.

— За мной?..—спросилъ мичманъ боцманманта **), стоявшаго у руля.

— Никакъ нѣтъ, ваше бро-діе, за старшимъ офицеромъ.

— Развѣ онъ не на транспортѣ ночевалъ?

— Никакъ нѣтъ.

Мичману показалось, что матросъ улыбнулся краями губъ. Никулинъ насупился.

— Чему ты улыбаешься?..—спросилъ онъ злобно.

— Никакъ нѣтъ... Я ничего.

— Только смѣяться умѣете!..—проворчалъ Сергѣй Захаровичъ, вскакивая въ шлюпку...—А винтовки вычищены?..

— Такъ точно!

— И прицѣлы вывѣрены?

— Такъ точно!

— Сегодня будетъ строевое ученье,—объявилъ мичманъ, вспомнивши, что онъ—ротный командиръ на транспортѣ, и что чѣмъ-нибудь нужно это показать.

— Есть!

— Вѣроятно, знаютъ, что я у Зины ночевалъ...—началъ думать мичманъ, вглядываясь въ лица матросовъ...—Замѣчательно пронырливая сволочь... все узнаютъ!

На минуту ему стало стыдно, но только на минуту. Онъ вспомнилъ, что и Давыдовъ, и Разумихинъ, и даже старшій

---

*) «Контрами»— по китайски «убитый».

**) Унтеръ-офицеръ во флотѣ.

офицеръ, котораго онъ сейчасъ ждетъ,—всѣ жили такой же жизнью. И Никулинъ нашелъ, что иначе жить немыслимо. Правда, на мгновеніе промелькнулъ образъ судового доктора Борисенко, но сейчасъ же Сергѣй Захаровичъ рѣшилъ, что Борисенко—дуракъ и не понимаетъ смысла жизни.

— Идіотъ какой-то, анахоретъ!..—обругалъ онъ Андрея Васильевича.—Впрочемъ, чортъ его дери! Пускай живетъ, какъ хочетъ!

Минутъ черезъ двадцать пришелъ старшій офицеръ. Лицо у него было опухшее, глаза красные, ясно говорившіе о безсонной ночи. Онъ былъ на что-то золъ и сухо поздоровался съ мичманомъ.

Шлюпка отошла отъ пристани и пошла къ транспорту. Издали еще Никулинъ увидѣлъ, что на транспортѣ моютъ палубу: цѣлые каскады воды лились изъ клюзовъ и шпигатовъ *).

Шлюбку встрѣтилъ офицеръ, вставшій на вахту съ двухъ часовъ ночи. Онъ пропустилъ старшаго офицера и задержалъ на минуту руку мичмана...

— Въ «Монрепо»?—спросилъ онъ Сергѣя Захаровича и улыбнулся.

— Да,—отвѣтилъ Никулинъ.—Жалко, что тебя не было.

— Ты же знаешь, что я хожу въ «Акваріумъ». А ты сегодня опять туда?

— Разумѣется!

Мичманъ прошелъ въ свою каюту, скинулъ китель и съ наслажденіемъ вымылся холодной, забортной водой. Съ восьми часовъ онъ вступалъ на вахту, и потому, сдѣлавши туалетъ, снова розовый и въ чистомъ кителѣ, поспѣшилъ въ каютъ-компанію, чтобы до подъема флага успѣть напиться чаю.

V.

Въ каютъ-кампаніи онъ засталъ всѣхъ офицеровъ, за исключеніемъ стоявшаго на вахтѣ. Всѣхъ офицеровъ на транспортѣ было шесть, въ томъ числѣ „старшій“ и докторъ. Эти двое вахты не стояли, а ее „отзванивали“ четверо: Никулинъ, лейтенантъ баронъ Бриксъ, провожавшій вчера Сергѣя Захаровича, когда тотъ уѣзжалъ на берегъ, мичманъ Бахметьинъ и штурманскій офицеръ Голубковъ. Обыкновенно, съ началомъ кампаніи, вахту полагалось стоять по четыре часа, но такъ какъ теперь стояли на якорѣ, почти у самаго берега, то офицеры нелегальнымъ образомъ раз-

*) Отверстія въ борту корабля для стока воды.

дѣлили сутки на четыре вахты и стояли каждый по шести часовъ. Это упрощало посѣщеніе берега. Бахметьину вслѣдствіе этого приходилось постоянно стоять съ восьми вечера до двухъ ночи, и потому днемъ его не тревожили, и онъ не исполнялъ на транспортѣ никакихъ больше обязанностей. Къ подъему флага, впрочемъ, Бахметьинъ выходилъ, но только на пять минутъ, чтобы послѣ этого завалиться спать, а послѣ обѣда—уѣхать на берегъ. Что Бахметьинъ дѣлалъ на берегу, гдѣ онъ бывалъ—никто этимъ не интересовался.

Командиръ это зналъ, но смотрѣлъ какъ-то на все сквозь пальцы, стараясь только, чтобы на его транспортѣ не было никакихъ скандаловъ, а если что и случалось, то все должно было быть шито-крыто, какъ это и требовалось корпоративными соображеніями и традиціями россійскаго военнаго флота.

Штурманскій офицеръ Голубковъ былъ изъ прапорщиковъ запаса, въ военный флотъ попалъ только на время войны и потому былъ человѣкомъ пришлымъ и временнымъ. Ему очень льстило, что онъ носитъ офицерскіе погоны и имѣетъ право голоса въ каютъ-кампаніи среди флотскихъ—людей выше его по образованію и происхожденію. Этимъ, конечно, флотскіе пользовались, и на Голубкова были взвалены всѣ судовыя работы. Фактически онъ былъ и штурманскимъ, и миннымъ, и артиллерійскимъ офицеромъ. Въ его же рукахъ была вся канцелярія по части ревизора, хотя оффиціально ревизоромъ числился лейтенантъ, а ротнымъ—Никулинъ.

Въ виду всего этого, Голубкову никогда почти не при ходилось съѣзжать на берегъ. Да онъ и не протестовалъ. У него гдѣ-то, около Херсона, была жена и дѣти, и имъ онъ отсылалъ все свое жалованье.

Просиживая цѣлые дни на транспортѣ, онъ нашелъ себѣ достойнаго компаньона въ лицѣ доктора Борисенко, съ которымъ по вечерамъ садился играть въ шахматы. Иногда же, когда шахматы надоѣдали, они просиживали часами въ каютѣ доктора, обмѣниваясь своими впечатлѣніями о войнѣ и о современныхъ событіяхъ. На военный флотъ, къ которому они имѣли честь принадлежать, они давно уже махнули рукой и рѣшили разъ навсегда, что при существующихъ условіяхъ русскій флотъ никогда не будетъ на высотѣ своего призванія И потому они избѣгали даже разговаривать на эту тему, тая гдѣ-то, въ глубинѣ своей души, тихую грусть о томъ, чему они оба являются невольными свидѣтелями.

Когда мичманъ Никулинъ вошелъ въ каютъ-кампанію, баронъ захлопалъ въ ладоши:

— Да здравствуетъ молодость!.. Посмотрите: онъ свѣжъ, какъ майское утро!

— Разцвѣтшее въ „Монрепо“,—добавилъ „старшій“ и глупо захохоталъ.

Никулинъ сдѣлалъ гримасу, но ничего не сказалъ. Поздоровавшись со всѣми, онъ присѣлъ къ столу и потребовалъ себѣ стаканъ чаю.

— Новостей никакихъ?..—спросилъ онъ доктора, наливая въ чай консервированныхъ сливокъ.

Борисенко не безъ ироніи улыбнулся:

— Я думалъ, ты мнѣ ихъ разскажешь? Ты вѣдь былъ на берегу, а не я...

— Ну, какія у меня новости! Я же не въ городѣ былъ, а въ шантанѣ. А тамъ все по старому.

— И даже шансонетки старыя,—сострилъ Петръ Петровичъ.

— Вотъ Петръ Петровичъ намъ разскажетъ новенькое,—кивнулъ на старшаго офицера докторъ.

— А ты почему это думаешь?..—спросилъ тотъ.

— Да ты же былъ на берегу?.. У командира, что ли?.. А тамъ всегда свѣжія новости.

„Старшій“ поднялъ пальцами кончики усовъ, вытянулъ нижнюю губу и пробасилъ съ разстановкой:

— Во первыхъ, у командира ничего новаго не было. Во вторыхъ, у него никогда ничего не узнаешь. А въ третьихъ... въ третьихъ... я у него вчера и не былъ!

Всѣ дружно разсмѣялись.

— Какъ!?—воскликнулъ докторъ, продолжая смѣяться глазами,—Ты у командира не былъ?.. Но ты же пошелъ къ нему?

— Пошелъ! Это еще ничего не доказываетъ.

— Онъ былъ въ „Тихомъ Океанѣ“,—самоувѣренно протянулъ баронъ.—Или въ приказчичьемъ клубѣ.

Старшій офицеръ задергалъ усами...

— Гм!.. А ты откуда знаешь?

— Во снѣ видѣлъ!

— Вообрази: ты правъ!.. И тамъ я былъ, и тамъ!..

Затѣмъ „старшій“ разсказалъ, какъ ему вчера не везло въ „мáкашку“, какъ онъ чуть нъ избилъ сапернаго поручика, побившаго у него девять картъ рядовыхъ, и что онъ, съ горя, послѣ поѣхалъ въ „Тихій Океанъ“, гдѣ и пропилъ послѣдній четвертной билетъ.

На палубѣ проиграли „повѣстку“. Офицеры встали изъ-за стола и, толкая другъ друга и остря, поднялись по трапу на верхнюю палубу, а затѣмъ выстроились на шканцахъ.

Минуты черезъ двѣ на шканцы вышелъ командиръ, при-

нялъ отъ „старшаго“ и вахтеннаго начальника рапортъ и поздоровался съ офицерами и карауломъ.

На адмиральскомъ кораблѣ заиграли къ подъему флага. Вахтенный офицеръ сдѣлалъ два шага впередъ и скомандовалъ:

— На-а... кра... улъ!.. Флагъ поднять!..

По флагштоку полѣзъ бѣлый флагдукъ съ андреевскимъ крестомъ...

Судовая жизнь началась.

VI.

Въ полдень отъ мичмана Давыдова пришелъ вѣстовой и принесъ Сергѣю Захаровичу записку. Давыдовъ просилъ возвратить взятые у него вчера триста рублей, такъ какъ эти деньги казенныя и ему въ данный моментъ до крайности нужны.

Никулинъ прочелъ и задумался. Такихъ денегъ у него, конечно, не было, а достать ихъ было нужно во чтобы то ни стало. Взять впередъ жалованье? Безъ командира—нельзя, а къ командиру и обращаться не стоитъ: не дастъ. На Петра Петровича тоже надежда была плохая: самъ, очевидно, ходитъ теперь безъ гроша. Баронъ и Бахметьинъ? Нѣтъ, нѣтъ, и у нихъ ничего не выйдетъ! Остаются Борисенко и Голубковъ. Докторъ, по всей вѣроятности, выручилъ бы, но ему Сергѣй Захаровичъ и такъ долженъ уже рублей двѣсти. Вотъ у Голубкова деньги есть: онъ нигдѣ не бываетъ, никуда не тратитъ! Наконецъ, у него есть казенныя, можно изъ нихъ пока выдать...

Никулинъ вышелъ изъ каюты, отыскалъ Голубкова и отвелъ его въ сторону.

— Мнѣ нужно на нѣкоторое время триста рублей, — сказалъ онъ прапорщику.—Можете вы мнѣ ихъ дать?

Голубковъ сдѣлалъ удивленные глаза.

— Вамъ дать триста рублей? Но откуда же я ихъ возьму?

— Развѣ у васъ нѣтъ своихъ?

— А какъ вы думаете? Вы же знаете, что почти все свое жалованье я посылаю семьѣ.

— Тогда дайте изъ казенныхъ!

Лицо прапорщика сдѣлалось серьезнымъ.

— Нѣтъ, Сергѣй Захаровичъ. Изъ казенныхъ я вамъ не дамъ.

— Почему? Вы мнѣ не вѣрите?

— Боже меня сохрани! Но принципіально я не трону изъ казенныхъ ни одной копѣйки.

Мичманъ сухо улыбнулся и отошелъ. И вдругъ онъ вспомнилъ, что и въ его распоряженіи имѣются казенныя деньги. Правда, эти деньги принадлежали командѣ и были положены на сберегательную книжку отъ имени ротнаго командира транспорта „Ангара". Но онъ же—ротный командиръ, и, слѣдовательно, въ любой моментъ ему выдадутъ изъ этой книжки какую угодно сумму.

Онъ прошелъ въ свою каюту, открылъ бюро и досталъ нужную ему книжку. Всѣхъ денегъ по ней значилось около трехъ тысячъ. Сергѣй Захаровичъ рѣшилъ вынуть изъ нихъ только триста рублей, а потомъ погасить этотъ заемъ своимъ жалованьемъ. Конечно, погашать пришлось бы срока въ три, но это ничего не значитъ.

На минуту промелькнула мысль, что это—подлость, что это—растрата, но сейчасъ же Сергѣй Захаровичъ поймалъ себя на сантиментѣ:

— Вотъ ерунда! Вѣдь я же не беру ихъ совсѣмъ!.. Вѣдь могъ же Давыдовъ дать мнѣ вчера триста рублей и, конечно, онъ не называлъ это растратой. Никулинъ такъ и рѣшилъ. Сейчасъ онъ съѣдетъ на берегъ, зайдетъ на почту, въ сберегательную кассу и отошлетъ эти деньги Давыдову.

Теперь надо было найти предлогъ для съѣзда на берегъ. Но и тутъ Никулинъ придумалъ. Ему давно нужно было съѣздить въ Экипажъ и потолковать тамъ съ коммиссаромъ относительно матросскихъ одѣялъ.

Черезъ десять минутъ мичманъ сидѣлъ уже въ шлюпкѣ, захвативъ съ собою давыдовскаго вѣстового. Сойдя на берегъ, онъ приказалъ матросу идти домой и сказать барину, что черезъ полчаса онъ самъ будетъ.

Вѣстовой ушелъ, а Сергѣй Захаровичъ пошелъ по Свѣтланской, направляясь къ почтѣ. Почти у самыхъ дверей ея онъ столкнулся съ Зиной. Та шла къ нему навстрѣчу, расфранченная и надушенная, съ цѣлымъ ворохомъ покупокъ.

— Откуда ты? — спросила она мичмана, передавая тому покупки и сама поправляя шляпку... — Развѣ ты можешь днемъ съѣзжать на берегъ?

— Обыкновенно не могу. Но сегодня я на берегу по дѣламъ службы. Вотъ, напримѣръ, сейчасъ я иду на почту.

— Ну, а потомъ?

— Потомъ думаю на минуту заѣхать къ Давыдову, а оттуда въ Экипажъ.

— Ну, въ Экипажъ-то ты сегодня не поѣдешь,—улыбнулась Зина и взяла мичмана подъ руку...—Идемъ вмѣстѣ на почту, а потомъ поѣдемъ ко мнѣ. Кстати: у меня хотѣлъ

сегодня быть Мочульскій, но я ему пошлю сказать, что меня не будетъ дома!

Этого было достаточно, чтобы Сергѣй Захаровичъ рѣшилъ провести весь сегодняшній день съ Зиной.

Когда онъ писалъ бланкъ на выдачу денегъ, она заглянула ему подъ руку:

— Ты что это, деньги берешь?

— Да! А что?

— Это твои?

Мичманъ почему-то сказалъ:

— Мои!

— Вотъ какъ?.. — удивилась Зина. — Я и не знала, что ты богачъ! Сколько же у тебя?

— Пустяки! Около трехъ тысячъ!

Онъ началъ жалѣть, что выдалъ эти деньги за свои, ибо онъ предчувствовалъ, что Зина будетъ просить. И онъ не ошибся.

— Возьми и на мою долю двѣсти рублей, — попросила она.—Я расплачусь съ этой проклятой портнихой, а то она мнѣ не даетъ проходу.

— Но видишь ли...—началъ было Сергѣй Захаровичъ.

— Что?.. Ты мнѣ жалѣешь?..—она презрительно пожала плечами... Какъ знаешь! Я попрошу у Мочульскаго!

— Ну, хорошо, хорошо! — поспѣшилъ согласиться мичманъ.—Никто тебѣ не жалѣетъ!..

Онъ взялъ другой бланкъ и написалъ на немъ шестьсотъ рублей, беря лишнюю сотню на непредвидѣнные сегодняшніе расходы.

Выйдя съ почты, они взяли коляску и поѣхали къ Давыдову. Тотъ жилъ въ офицерскомъ флигелѣ и ужасно обрадовался, увидѣвъ съ Никулинымъ Зину.

— Вотъ пріятный сюрпризъ!.. — говорилъ онъ, помогая Зинѣ снять манто.—Какимъ образомъ вы вмѣстѣ?

Никулинъ разсказалъ, затѣмъ передалъ ему въ другой комнатѣ триста рублей.

Очень быстро былъ сервированъ затракъ. Появилась бутылка шампанскаго, а затѣмъ кофе и ликеры.

Сергѣю Захаровичу было очень пріятно, что онъ сидитъ здѣсь вмѣстѣ съ Зиной, одинъ только онъ говоритъ ей „ты“, и что Давыдовъ обращается съ ними, какъ съ мужемъ и женой. И онъ входилъ въ свою роль съ видомъ опытнаго въ семейной жизни человѣка, не давалъ Зинѣ много пить и отнималъ отъ нея папиросы.

Послѣ завтрака послали опять за коляской и поѣхали на Эгершельдъ, гдѣ катались до тѣхъ поръ, пока не стем-

нѣло. Потомъ поѣхали въ „Золотой Рогъ“ и пили у Зины снова кофе.

Часовъ около десяти Давыдовъ сталъ прощаться.

— Куда же ты?—спросилъ его Никулинъ.

— Думаю проѣхать въ клубъ. Попытаю счастья.

— Въ макао?

— Разумѣется.

— А не поѣхать ли и намъ?—предложила Зина.—Я сегодня занята лишь въ концѣ второго отдѣленія. Слѣдовательно, до двѣнадцати мы можемъ смѣло играть.

— Но мало же денегъ!—сказалъ Никулинъ, у котораго отъ выпитаго шампанскаго слегка кружилась голова, и ему больше улыбалось остаться у Зины.

— А у тебя сколько денегъ?—спросила Зина.

— Сто съ чѣмъ-то.

— Да у меня двѣсти, и тоже съ чѣмъ то! Ѣдемъ!

Она встала и начала надѣвать шляпку. Но Сергѣю Захаровичу все еще казалось, что онъ уговоритъ ее не ѣхать. Онъ напомнилъ ей о потнихѣ.

Зина громко разсмѣялась:

— Какія глупости! Ждала долго—подождетъ еще! Стану я о какой то портнихѣ думать! Можетъ быть, ты, дѣйствительно: не настроенъ ѣхать?—обернулась она къ Никулиу,—тогда ложись себѣ здѣсь спать, а я поѣду съ Давыдовымъ.

Никулинъ ничего не отвѣтилъ, всталъ и началъ надѣвать кортикъ.

VII.

Когда вошли въ залъ, сплошь уставленный карточными столиками, Сергѣй Захаровичъ ощутилъ невѣдомый ему доселѣ подъемъ духа. Сразу какъ-то сдѣлалось страшно весело, хотѣлось дурачиться, хотѣлось выдѣлить себя чѣмъ-нибудь неординарнымъ, привлекающимъ общее вниманіе. Онъ, прищурясь, оглядѣлъ всѣ столы и, замѣтивъ на одномъ груды золота и кредитокъ, потащилъ къ нему за руку Зину:

— Пойдемъ туда! Я тамъ буду играть!

Хотя Никулинъ и не былъ завсегдатаемъ клубовъ и въ карты игралъ рѣдко, — игру въ макао онъ зналъ. На ихъ счастье, изъ-за стола сразу встали двое, и ихъ мѣста заняли Никулинъ съ Зиной. Та оглянулась, ища глазами Давыдова, но онъ уже сидѣлъ за другимъ столомъ. Какой-то артиллерійскій полковникъ держалъ банкъ. Когда дошла очередь до Сергѣя Захаровича, тотъ вынулъ сто рублей и прикрылъ ими свою карту. Потомъ открылъ ее: девятка...

— Дамбле! — крикнулъ онъ и потянулъ изъ банка сто рублей.

Зина поставила двадцать пять рублей и проиграла. Дошла опять очередь до Никулина, и снова онъ потянулся къ банку съ сотеннымъ билетомъ. Это пріятно щекотало нервы. Никулинъ уже окунулся въ какой-то туманъ довольно странныхъ ощущеній: словно какая-то стѣна встала между нимъ и окружающими его, и онъ говорилъ и дѣлалъ различныя движенія, какъ во снѣ. Мелькали люди. Доносились откуда-то слова и фразы. Что-то говорила Зина. Что-то онъ ей отвѣчалъ. Это былъ кошмаръ, но не страшный, а жгучій и любопытный своей неизвѣстностью, что будетъ дальше. Передъ его глазами пестрѣли кредитныя бумажки, переливалось желтымъ огонькомъ золото. И онъ машинально трогалъ все это руками. Получалъ. Выдавалъ. Давалъ сдачи.

Очнуться его заставилъ Давыдовъ, подошедшій и дотронувшійся до его плеча:

— Вамъ, Сергѣй, пожалуй, ѣхать пора... Уже двѣнадцать часовъ!

— Да неужели?—крикнула Зина, и Никулинъ окончательно пришелъ въ себя.

— Ѣхать, такъ ѣхать!—сказалъ онъ и всталъ.—А жаль! Мнѣ, кажется, сегодня везло...

Онъ пересчиталъ лежавшія передъ нимъ деньги.

— Двѣсти шестьдесятъ рублей выигралъ!

— А я проиграла около двухсотъ!—сказала Зина, поднимаясь.

— А ты какъ?—спросилъ Давыдова Сергѣй Захаровичъ.

— Я въ маленькомъ выигрышѣ. Впрочемъ, я рѣдко проигрываю.

— Почему?

Давыдовъ улыбнулся.

— Умѣю играть! Не зарываюсь, вотъ и все!

Вышли всѣ трое въ переднюю клуба и здѣсь распростились съ Давыдовымъ, взявши съ него слово, что онъ черезъ два часа пріѣдетъ въ „Монрепо".

Дорогой Зина упросила Никулина отдать ей двѣсти рублей.

— А то проклятая портниха все таки не дастъ мнѣ проходу.

Остатокъ этой ночи проведенъ былъ очень бурно. На Никулина почему-то напала тоска и, пока Зина уходила, чтобы выступить на сценѣ, онъ сидѣлъ и мрачно пилъ водку, почти не закусывая. На умъ назойливо лѣзли матросскія деньги, и порою на Сергѣя Захаровича нападалъ такой ужасъ, что онъ весь холодѣлъ. А то ему начинало казаться, что

преступнѣе его нѣтъ никого на свѣтѣ. Или вдругъ дѣлалось страшно пусто и хотѣлось ни о чемъ не думать, а сидѣть такъ цѣлую вѣчность и смотрѣть въ одну точку. Когда же и это настроеніе проходило, Сергѣй Захаровичъ наливалъ себѣ водки и пилъ ее, чувствуя, какъ она жжетъ пищеводъ и ложится тепломъ на желудокъ. Иногда же ему хотѣлось встать и кричать на весь залъ, что все это—ерунда, что онъ—вовсе не преступникъ и можетъ привести тысячу такихъ же примѣровъ, среди своихъ товарищей.

Закончилось все это кабинетомъ, хоромъ и полнымъ опьяненіемъ Никулина. Когда онъ всталъ, чтобы идти на транспортъ, оказалось, что уже около одиннадцати утра, и что онъ спалъ на диванѣ нераздѣтый, а Зина—въ другой комнатѣ.

Передъ его уходомъ Зина проснулась и разсказала, что онъ вчера „нализался, какъ сапожникъ" и какъ у него вышла ссора съ Давыдовымъ, да такая, что насилу ихъ помирили.

— Такъ не забудь же мнѣ сегодня двѣсти рублей прислать!—сказала она на прощаніе Никулину.

Тотъ сдѣлалъ удивленные глаза...

— Какіе? Но я же вчера далъ тебѣ изъ выигрыша?

Зина всплеснула руками.

— Вотъ видишь, какъ ты былъ пьянъ! Неужели ты не помнишь, что ты ихъ у меня отобралъ, чтобы расплатиться?

Никулинъ началъ припоминать, но у него ничего не вышло.

— Ничего не помню! Ну, разъ ты говоришь... Хорошо!

Онъ шелъ на транспортъ, сильно недовольный на себя, въ особенности за то, что не во время придетъ на транспортъ. Могли выйти непріятности. Могло даже кончиться арестомъ.

VIII.

Оказалось, что вахту за Никулина отстаиваетъ Голубковъ. Сергѣя Захаровича это отчасти обрадовало: стой за него флотскій, было бы немного неудобно, пришлось бы благодарить за любезность. А разъ прапорщикъ—на то онъ и созданъ.

Такъ, по крайней мѣрѣ, думалъ Никулинъ, пока прапорщикъ разсказывалъ ему на верхней площадкѣ трапа, что командиръ ничего не знаетъ и думаетъ, что мичманъ попросту боленъ.

— Старшій не ругался?

— Нѣтъ, ничего. За ужиномъ вспоминали. Впрочемъ, мы всѣ знаемъ, гдѣ вы были!

— Ну, гдѣ же я былъ?—прищурилъ глаза мичманъ.

Прапорщикъ добродушно улыбнулся.

— Вѣроятно, опять тамъ... въ „Монрепо"?..

— Ничего подобнаго!—сухо оборвалъ его Никулинъ.—Я весь день пролежалъ у Давыдова на квартирѣ. Мнѣ нездоровилось!

Онъ пошелъ въ свою каюту. Его догналъ Голубковъ.

— Ахъ, да: мы же завтра идемъ въ походъ!

— Развѣ?..—остановился Никулинъ.—Куда?

— Неизвѣстно. Изъ штаба прислали пакетъ съ надписью: „выходить ночью и вскрыть на параллели камня Матвѣева".

Когда Сергѣй Захаровичъ, переодѣвшись, вошелъ въ каютъ-кампанію, тамъ разговоръ шелъ о походѣ. О причинахъ неявки Никулина на транспортъ никто не спрашивалъ и только „старшій" мимоходомъ замѣтилъ:

— На этотъ разъ скрылъ! Другой разъ не стану!

И улыбнулся.

— Ты ужъ до вечера на палубу не выползай. Я командиру сказалъ, что ты боленъ.

Никулину это какъ разъ было на руку. Вчерашній кутежъ особенно отозвался, и Сергѣй Захаровичъ чувствовалъ себя окончательно разбитымъ. Онъ пришелъ въ свою каюту, раздѣлся, прикрылъ занавѣсками иллюминаторы, и сейчасъ же заснулъ, какъ убитый.

Проснулся онъ уже послѣ спуска флага, не спѣша вымылся, одѣлся и вышелъ въ каютъ-кампанію. Тамъ всѣ офицеры, за исключеніемъ Петра Петровича, были въ сборѣ: на берегъ сегодня никого не отпускали. „Старшій" же былъ у командира въ каютѣ, очевидно, совѣщаясь съ нимъ относительно предстоящаго похода.

Никулинъ чувствовалъ голодъ и, такъ какъ ужинъ уже кончился, приказалъ подать себѣ что-нибудь изъ закусокъ.

Изъ машины доносилось гудѣніе: это поднимали пары въ котлахъ.

— Въ которомъ часу идемъ?—спросилъ Никулинъ Бахметьина.

— Да вотъ сейчасъ узнаемъ. Старшій придетъ отъ командира и скажетъ.

— А куда идемъ?

— Неизвѣстно!

— Вѣроятно, недалеко,—вмѣшался Борисенко.—Провизіи приказано брать на двое сутокъ.

— Такъ, частнымъ образомъ командиръ кое-что знаетъ,—сказалъ баронъ.—Онъ сегодня былъ въ штабѣ. „Равный" и

„Вѣрный“ уже ушли. Получено также приказаніе уходить съ нами сегодня и „Родинѣ“.

— Очевидно, будетъ дѣло...—задумчиво сказалъ прапорщикъ.—Да и пора!

Никулинъ жевалъ кусокъ сыру и иронически щурилъ глаза.

— А вамъ что: надоѣло на транспортѣ сидѣть?..—спросилъ онъ прапорщика.

— Надоѣло бездѣйствовать! Какая это война? Находимся на театрѣ военныхъ дѣйствій, а непріятеля не видно!

— Посмотримъ, что вы запоете завтра, когда японцевъ увидите!..—сквозь зубы процѣдилъ Никулинъ.—Умирать-то не всякому пріятно!

Голубковъ вспыхнулъ:

— Ну, меня смертью не запугаете! Я вѣдь въ торговомъ флотѣ проплавалъ, и не разъ мнѣ она улыбалась!

Въ эту минуту пришелъ „старшій“, и всѣ, конечно, набросились на него съ разспросами:

— Ну, что: идемъ?

— Когда идемъ?

— Куда? Онъ не говорилъ?

Петръ Петровичъ сѣлъ на свое мѣсто и потребовалъ пива.

— Погодите! Все по порядку! Дайте раньше глотку промочить.

Онъ налилъ себѣ въ баварскую кружку пива, залпомъ выпилъ и заѣлъ сыромъ.

— Ну, вотъ! Уходимъ сегодня въ полночь. Командиръ думаетъ, что недалеко японцы. Крейсеръ „Родина“ тоже уходитъ.

— Я уже разсказалъ имъ...—замѣтилъ баронъ.

— А ты откуда знаешь?

— Мнѣ командиръ днемъ разсказывалъ.

— Ага! Ну, вотъ. Конечно, пока это все предположенія. Настоящую диспозицію узнаемъ, когда вскроемъ пакетъ. Командиръ просилъ меня передать господамъ офицерамъ, чтобы они позаботились каждый о своей части. У тебя, докторъ, провизія куплена?

— Разумѣется.

— И перевязочныя средства въ порядкѣ?

— Обо мнѣ ты не безпокойся! Я свое дѣло знаю!

— Да я, Андрей Васильевичъ, и не безпокоюсь. Я спрашиваю это только для формы, чтобы не было послѣ никакихъ недоразумѣній. А теперь я предлагаю всѣмъ бабаиньки. По крайней мѣрѣ, я это сдѣлаю!

Онъ поднялся, протяжно зѣвнулъ и ушелъ въ свою каюту. Понемногу разошлись всѣ офицеры. Ушелъ къ себѣ

и Никулинъ. Спать ему не хотѣлось: только что всталъ. Онъ взялъ книгу, прилегъ на диванъ и началъ было читать, но потомъ бросилъ и лежалъ просто такъ, заложивши за голову руки. Невольно какъ-то мысли свелись на предстоящій походъ, и Сергѣй Захаровичъ началъ думать о завтрашнемъ днѣ. Боялся ли онъ его? Никулинъ прислушался къ своему сердцу: оно билось ровнымъ, спокойнымъ темпомъ. Но все таки какая-то странная жуть медленно подползала откуда-то извнѣ, и тогда сердце мичмана сжимала тоска.

Не предчувствіе ли? Можетъ, убьютъ завтра? Сталъ думать о смерти. И чѣмъ больше думалъ, тѣмъ болѣе успокаивался и убѣждался, что смерть ему не страшна. Особенной жажды жить онъ никогда не испытывалъ, а за послѣднее время все порядкомъ поднадоѣло.

Вѣроятно, отъ скуки и кутежей! Неужели въ двадцать три года ничего интереснаго въ жизни нѣтъ?

Унесся мыслями въ прошлое. Ничего особеннаго. Средней руки семья флотскаго офицера. Вотъ дѣдъ былъ адмираломъ, а отецъ дальше капитана перваго ранга не ушелъ, Имъ и умеръ въ отставкѣ. Жили на пенсію, на крохотные доходы съ раззореннаго имѣнія.

Вспомнился корпусъ. Товарищи. Приходилось тянуться за богатыми, поддерживать устарѣвшія и прогнившія традиціи. Двѣ сестры, окончившія институтъ. Обѣ безпомощныя. Безъ всякихъ знаній жизни. Живутъ теперь на шеѣ у матери. Ждутъ жениховъ.

Перенесъ мысли на другое, и опять встали призракомъ матросскія деньги.

Похолодѣлъ. Между бровей легла складка, и губы скривило отъ внутренней боли.

Чѣмъ онъ покроетъ растрату? Чѣмъ? Вчерашнія мечты о томъ, что это—не растрата, и что это случается со многими, показались до смѣшного наивными. Конечно,—растрата! Даже больше: воровство! Смѣшнымъ кажется утѣшеніе, что онъ покроетъ эти деньги изъ жалованья. Шестьсотъ-то рублей? Сколько же онъ можетъ покрывать ежемѣсячно? Сто рублей въ мѣсяцъ, не больше? Итого—полгода. А вдругъ завтра переведутъ на другое судно? Какъ же онъ сдастъ ротныя деньги?

Мичману сдѣлалось невыносимо тяжело. Онъ застегнулъ китель и вышелъ на палубу. У трапа мирно поклевывалъ носомъ вахтенный. На мостикѣ монотонно расхаживали сигнальщики. Прошелъ на ютъ *), но вернулся назадъ, замѣтивъ на свѣтломъ люкѣ Борисенко и прапорщика.

*) Кормовая часть судна на верхней палубѣ.

Взяла злость. Вѣчно вмѣстѣ, какъ Ромео и Джульета! О чемъ они теперь шепчутся? Вѣроятно, говорятъ о родныхъ? Мѣщане!

Облокотился на бортъ и началъ смотрѣть на городъ. Сквозь дымку ночи онъ горѣлъ загадочными, маленькими огоньками. Береговой вѣтерокъ донесъ грохотъ одинокаго, экипажа. Гдѣ-то Зина? Можетъ быть, это она ѣдетъ въ „Монрепо"? Можетъ быть, даже съ кѣмъ-нибудь другимъ? А вдругъ—Мочульскій?

И странное дѣло: Сергѣю Захаровичу въ данную минуту было рѣшительно все равно,—съ кѣмъ проводитъ время Зина. Какъ-то сразу сдѣлалось пусто. Словно стоитъ на верхушкѣ скалы и съ четырехъ сторонъ—бездна. Не все ли равно, въ какую сторону падать.

Надъ жилой палубой просвистали дудки унтеръ-офицеровъ. Какъ муравьи, начали выползать матросы и покрывать палубу темными силуетами. Никулинъ слышалъ, какъ вахтенный офицеръ крикнулъ:

— Вахтенный! Старшаго офицера разбудить и господъ-офицеровъ!

Черезъ полчаса транспортъ оживился. Отправили людей на шлюпку отклепаться отъ кормовой бочки. Потомъ поднимали шлюпки и ставили ихъ на ростры [1]). Завалили трапъ и начали прогрѣвать машину.

Никулинъ пошелъ на свое мѣсто: онъ при авралѣ находился у телеграфа.

На верхній мостикъ прошелъ командиръ съ вахтеннымъ офицеромъ.

— Якорь поднять!—крикнулъ послѣдній.

Загудѣлъ паровой брашпиль [2]). Залязгала якорная цѣпь.

— Малый ходъ впередъ!—сказалъ командиръ.

Никулинъ перевелъ ручку телеграфа со „стопъ" на „малый ходъ впередъ".

Дзинь... дзинь... прозвенѣлъ телеграфъ, и за кормой забулькали винты. Зашуршалъ по палубѣ рулевой штуртросъ [3]).

Транспортъ тронулся и пошелъ къ выходу изъ Золотого Рога. Со штаба что-то ему семафорили [4]). Имъ отвѣчали съ транспорта сигнальщики фонарями.

---

[1]) Мѣста для шлюпокъ во время плаванія.

[2]) Машина, подымающая якорь.

[3]) Система цѣпей, приводящая въ дѣйствіе рулевое перо.

[4]) Секретная сигнализація, принятая въ военномъ флотѣ.

IX.

На параллели камня Матвѣева вскрыли пакетъ. Диспозиція оказалась слѣдующая:

„Въ виду полученныхъ свѣдѣній о нахожденіи японцевъ у береговъ Кореи, эскадренные миноносцы „Равный“ и „Вѣрный“ посланы въ Гензанъ на рекогносцировку. При первомъ соприкосновеніи съ непріятелемъ они должны уходить къ Владивостоку. На случай преслѣдованія ихъ, крейсеръ I ранга „Родина“ займетъ позицію у мыса Поворотнаго, а транспорту „Ангара“ стать въ бухтѣ св. Троицы и, въ случаѣ надобности, принимать участіе въ бою, совмѣстно съ крейсеромъ „Родина“.

Пакетъ вскрывали подъ командирскимъ мостикомъ (въ штурманской рубкѣ) въ присутствіи всѣхъ офицеровъ.

Читали, и лица у всѣхъ постепенно дѣлались сосредоточенно-серьезными.

То далекое, проблематичное, къ чему еще вчера утромъ можно было отнестись съ улыбкой недовѣрія, оказалось теперь такимъ близкимъ, неизбѣжнымъ.

Возможность боя отрезвила этихъ людей, засосанныхъ тиною бездѣйствія.

Словно кончился сонъ, и началась дѣйствительность. И всѣ какъ-то сразу засуетились, какъ-то сразу сознали всю важность настоящей минуты. Начали оріентироваться. Мичманъ Бахметьинъ пошелъ осматривать минные аппараты. Баронъ Бриксъ, какъ артиллерійскій офицеръ, взялъ комендоровъ и началъ возиться около орудій.

Мичманъ Никулинъ былъ пока свободенъ и потому спустился внизъ, на шканцы, и сталъ ходить по нимъ, заложивши руки за спину.

Вотъ теперь онъ долженъ былъ сознаться, что его нервы нѣсколько приподняты. Но опять таки это была не трусость, а нѣчто новое, ничѣмъ необъяснимое волненіе, отъ котораго бросаетъ въ дрожь, и сердце начинаетъ усиленно биться. А главное: хотѣлось узнать, что будетъ дальше. Сергѣю Захаровичу казалось, что онъ отдалъ бы полжизни только за то, чтобы предугадать финалъ этого похода. Но это было невозможно, и потому волненіе охватывало мичмана все сильнѣе и властнѣе.

На разсвѣтѣ пришли въ бухту св. Троицы и отдали якорь. Команду отпустили пить чай. Офицеры тоже спустились въ каютъ-компанію. На мостикѣ остались только вахтенный офицеръ да сигнальщики.

Сѣли всѣ за столъ, молча, думая каждый свою думу и пили и ѣли какъ-то странно, словно по обязанности. И опустились каждый въ свои мысли, не замѣчая одинъ другого, и чувствовали себя одинокими, оторванными отъ внѣшняго міра и беспомощными.

Первымъ заговорилъ Петръ Петровичъ:

— Дай-ка мнѣ еще пива! — крикнулъ онъ вѣстовому.— Выпью-ка я въ послѣдній разъ настоящаго мюнхенскаго.

И его голосъ показался всѣмъ какимъ-то отдаленнымъ эхомъ жизни. Сразу всѣ очнулись и посмотрѣли другъ на друга изумленными глазами. А потомъ всѣ сразу заговорили, перебивая другъ друга. Смѣялись нервнымъ, захлебывающимся смѣхомъ.

Начали шутить и сводить финалъ этого похода на побѣду. Единогласно рѣшили, что если и будетъ непріятель, то въ видѣ какихъ-нибудь незначительныхъ судовъ или миноносцевъ.

— Ну, а съ миноносцами-то мы справимся!—увѣрялъ „старшій".— У насъ, слава Богу, шесть сто двадцатимиллиметровыхъ! Да что у насъ! Вотъ „Родина" ахнетъ изъ восьмидюймовыхъ! Вотъ это будетъ почище!

И онъ обводилъ пальцемъ мѣсто на своемъ кителѣ, для предполагаемаго георгіевскаго креста.

— Вотъ здѣсь онъ будетъ! Гм!.. Красиво, чортъ возьми!

И всѣ почему-то ужасно обрадовались этому походу, Какъ это вообще имъ до сихъ поръ не пришло въ голову. что, кромѣ смерти, есть еще другой результатъ—побѣда. И въ каждомъ изъ нихъ сказался карьеристъ. Начали говорить о боевыхъ наградахъ такъ, будто онѣ заслужены. Спорили, что лучше: Владиміръ съ бантомъ или золотое оружіе.

Въ кають-компанію вбѣжалъ сигнальщикъ, доложилъ, что „дымы на горизонтѣ", и убѣжалъ. Поднялись всѣ, какъ одинъ человѣкъ и бросились къ выходу. Гурьбой бѣжали по трапу.

На мостикѣ уже былъ командиръ и разсматривалъ въ цейсовскій бинокль указанное мѣсто на горизонтѣ.

— Да, это суда!..—сказалъ онъ, наконецъ, опуская бинокль.

И обернулся къ толпившимся офицерамъ:

— Попрошу занять свои мѣста!

На мостикѣ, кромѣ командира, остались мичманъ Никулинъ и прапорщикъ Голубковъ, завѣдующій сигнализаціей. Дымы приближались, и скоро можно было опредѣлить два эскадренныхъ миноносца, идущіе полнымъ ходомъ въ заливъ Петра Великаго.

— „Вѣрный“ и „Равный“!—сказалъ командиръ.

— И на стеньгахъ боевые флаги!—добавилъ Голубковъ.

Сергѣй Захаровичъ впился въ бинокль. Да, это наши миноносцы. И разъ на стеньгахъ боевые флаги, значитъ, есть гдѣ-то непріятель. Вотъ теперь сердце начало прямо выбивать дробь, и на глаза легла легкая дымка. Да, да... сейчасъ будетъ бой... начнутъ съ визгомъ рваться снаряды!.. Такъ вотъ она гдѣ—смерть!

И вдругъ какая-то волна подкатилась къ горлу, и Сергѣй Захаровичъ почувствовалъ необычайный подъемъ духа. Онъ оставилъ бинокль и смотрѣлъ впередъ, затаивъ дыханіе и съ горящими отъ волненія глазами.

— Скорѣй бы... скорѣй! Стрѣлять! Рѣзать! Колоть! Впиться зубами въ горло противника! Выть и рычать отъ ярости безсилія!

— Тра... тара... та... та... тара... та!..—донесъ вѣтерокъ откуда-то.

Никулинъ повернулъ голову въ сторону доносившихся звуковъ. Сквозь утренній туманъ зловѣще вырисовывался контуръ крейсера „Родина“. Это на немъ проиграли артиллерійскій сигналъ: „приготовиться къ открытію огня“.

— Десять дымовъ на горизонтѣ!..—крикнулъ сигнальщикъ, смотря въ подзорную трубу.

Опять заработали бинокли. Сначала впереди были маленькія, чуть замѣтныя точки. Затѣмъ, понемногу, начали опредѣляться, принимать соотвѣтствующую форму, а еще черезъ нѣкоторое время, съ транспорта „Ангара“ могли увидѣть, что впереди десять неизвѣстныхъ номерныхъ миноносцевъ, несущихся сюда развернутымъ, боевымъ фронтомъ.

— Японцы!—крикнулъ Никулинъ и самъ испугался своего голоса:—онъ шелъ откуда-то изнутри и былъ совершенно не его.

— Играть къ открытію огня!—крикнулъ командиръ.— Комендоры: по орудіямъ!

Проиграли.

— Нужно ли поднять сигналъ: гдѣ непріятель?—спросилъ Голубковъ,—навязывая на фалъ сигнальный флажокъ.

Командиръ обернулся.

— Зачѣмъ это вамъ? Развѣ не видите, гдѣ непріятель?

— Но по уставу требуется!

— Мало ли что по уставу! Впрочемъ, подымайте..

На гротъ-стеньгѣ взвился небольшой флажокъ. Въ эту минуту на траверзѣ былъ шедшій полнымъ ходомъ „Вѣрный“. Съ него отвѣтили сигналомъ: „непріятеля не видно“.

На транспортѣ опѣшили.

— Что это такое?—крикнулъ командиръ.—Что это за комедія? Повторите сигналъ!

Съ „Равнаго“ подтвердили: „непріятеля нигдѣ нѣтъ“ Снова вѣтеръ донесъ артиллерійскій рожокъ съ „Родины“ На этотъ разъ играли „отбой“. Проиграли его и на „Ангарѣ“. На мостикъ прибѣжали всѣ офицеры и начали уже съ любопытствомъ смотрѣть впередъ.

Командиръ пожималъ плечами:

— Не понимаю! Просто какая-то чертовщина! Разъ „нѣтъ непріятеля“, то какіе же это миноносцы? Вѣдь въ диспозиціи не упоминалось о другихъ нашихъ миноносцахъ?

— Нѣтъ,—отвѣтилъ „старшій“.—Тамъ ничего не сказано...

Начали опять смотрѣть въ бинокли.

— Да это наши, номерные!—воскликнулъ Петръ Петровичъ и вдругъ покатился со смѣха.—Охъ, батюшки, уморили!

Командиръ все еще не вѣрилъ:

— Да неужели же это наши? Но какъ же это такъ?

— А вотъ такъ!—трясся всѣмъ тѣломъ Петръ Петровичъ.—Это флотилія барона Дена! Развѣ не видите?

— Когда же они ушли изъ Владивостока?

— А чортъ ихъ знаетъ, когда!

Миноносцы приближались. Теперь уже было очевидно, что Петръ Петровичъ правъ. А черезъ четверть часа самъ баронъ Денъ на головномъ миноносцѣ пролетѣлъ мимо борта „Ангары“ и кричалъ на транспортъ съ мостика, блѣдный и негодующій.

— Да что вы меня, разстрѣлять, что ли, хотѣли?! Дьяволы!..

Улыбались всѣ,—и офицеры, и команда. И только одинъ командиръ былъ взбѣшенъ:

— Ну, и порядки! Ну, гдѣ намъ воевать, когда штабъ забываетъ извѣстить объ уходѣ въ этотъ же походъ еще десяти миноносцевъ.

Въ каютъ-компаніи шутили и острили. „Старшій“ представлялъ картину, если бы по миноносцамъ былъ открытъ огонь.

— Нѣтъ, вы подумайте только! Ну, у насъ стодвадцатимилиметровыя! А вотъ если бы „Родина“-то хватила всѣмъ бортомъ! Охъ, умора, да и только!

А Сергѣй Захаровичъ сидѣлъ молча и кусалъ губы отъ стыда и негодованія.

Вышло все какъ-то ужасно глупо. И обидно было за перенесенное...

X.

Снялись съ якоря къ вечеру и пришли во Владивостокъ во второмъ часу ночи. Командиръ сейчасъ же уѣхалъ домой,—сталъ собираться на берегъ и Никулинъ. Онъ уже выходилъ на палубу, когда навстрѣчу ему попался Борисенко.

— Неужели ты хочешь ѣхать?—спросилъ онъ мичмана.—Но теперь же глубокая ночь!

— Ничего. Поѣду—провѣтрюсь.

Докторъ ласково положилъ ему на погонъ руку.

— Эхъ, Сергѣй Захаровичъ!.. Не мое это дѣло, но погубишь ты себя!

— Развѣ? Ты думаешь?—въ голосѣ мичмана прозвучала какая-то покорность судьбѣ.—А я думаю, что мы всѣ уже погублены.

— Ты про что это говоришь?

— Да про все, про насъ... про весь флотъ!..

И вдругъ взялъ обѣ руки доктора и крѣпко, крѣпко пожалъ ихъ...

— Андрей Васильевичъ, ты хорошій, чудный человѣкъ!.. Ты прямо свѣтлая личность! А мнѣ тяжело... Понимаешь?

Наступила пауза. Мичманъ отвернулся и чувствовалъ, что еще секунда—и онъ разрыдается.

— Понимаю!—глухо сказалъ Борисенко и отнялъ свои руки.—Да, ты правъ: вы всѣ уже погублены...

Онъ круто повернулся и пошелъ, какъ-то согнувшись, къ своей каютѣ, а Никулинъ поднялся на палубу, сѣлъ въ шлюпку и поѣхалъ на берегъ. На пристани онъ подошелъ къ фонарю, вынулъ часы и посмотрѣлъ. Было около трехъ часовъ. Сергѣй Захаровичъ поднялъ капюшонъ накидки и зашагалъ по Свѣтланской. Подъѣздъ „Золотого Рога" уже былъ запертъ, и отворившій его швейцаръ, заспанный и чѣмъ-то недовольный, весьма неохотно, какъ показалось мичману, пропустилъ его.

— Барыня изъ шестого—дома?—спросилъ Никулинъ.

— Дома-то дома! Только онѣ не однѣ-съ... У нихъ гость.

Мичманъ вздрогнулъ. Значитъ, Зина его обманываетъ?

— Кто же у нея?

— Не могу знать! Какой-то флотскій!

Никулинъ откинулъ капюшонъ и побѣжалъ по лѣстницѣ. Вотъ и шестой номеръ. Прислушался. Ничего не слышно. Очевидно, спятъ. Слегка постучалъ. Никто не отвѣчаетъ.

Постучалъ еще разъ. И еще. Послышался шорохъ, разговоръ, а потомъ Зина спросила:

— Кто тамъ?

Никулинъ еле сдерживалъ себя. Онъ чувствовалъ, что если Зина ему сейчасъ не откроетъ, онъ способенъ выломать дверь.

— Это я—Никулинъ!—сказалъ онъ глухо.—Пусти меня

За дверью зашушукались... Мичманъ началъ трясти дверь. Наконецъ, Зина отвѣтила:

— Прости, но я не могу открыть... Я нездорова.

Кровь бросилась въ голову Сергѣя Захаровича. Она еще вретъ, она еще увертывается!

— Открой сію же минуту, дрянь!—закричалъ дикимъ голосомъ мичманъ.—Сволочь ты этакая, потаскушка.

Онъ уже не помнилъ, что говоритъ. Въ немъ бушевала злоба. Изъ сосѣднихъ номеровъ начали выглядывать люди.

Вдругъ щелкнулъ замокъ, и на порогѣ открывшейся двери появился Давыдовъ. Никулинъ на него посмотрѣлъ, какъ на привидѣніе.

— Ты?.. Давыдовъ?.. У Зины?—упавшимъ голосомъ спросилъ онъ.

Давыдовъ былъ въ разстегнутомъ кителѣ. Было замѣтно, что онъ только что одѣлся.

На вопросъ мичмана Никулина онъ нахально улыбнулся:

— Да, это я—Давыдовъ! А ты что здѣсь кричишь, мичманъ Никулинъ?

Сергѣй Захаровичъ уже овладѣлъ собой. Онъ презрительно смѣрилъ съ ногъ до головы Давыдова и бросилъ ему въ лицо:

— Ну, и мерзавецъ же ты!.. Альфонсъ!.. А еще офицеръ!..

Давыдовъ нахмурился:

— Мы съ вами завтра поговоримъ, господинъ мичманъ Никулинъ!—холодно сказалъ онъ.—А теперь не забудьте, что и вы, къ несчастью, офицеръ...

Онъ захлопнулъ передъ самымъ носомъ Никулина дверь и ушелъ внутрь.

Сергѣй Захаровичъ судорожно схватился за кортикъ, но опомнился и пошелъ внизъ.

XI.

Давыдова можно было застать дома только съ двухъ часовъ. И Никулинъ съ нетерпѣніемъ ожидалъ этого часа, и ему казалось, что время тянется убійственно медленно. Всю эту ночь онъ не могъ сомкнуть глазъ и только передъ раз-

свѣтомъ заснулъ. Да и это былъ не сонъ, а какой-то кошмаръ, отъ котораго мичманъ чувствовалъ себя сейчасъ окончательно разбитымъ. Послѣ подъема флага онъ отстоялъ кой-какъ свою вахту, а затѣмъ ушелъ въ каюту, заперся въ ней и не вышелъ къ завтраку.

Передумалъ онъ за эту ночь больше, чѣмъ за всю жизнь. Съ Давыдовымъ онъ ликвидируетъ счеты американской дуэлью. Кто вынетъ жребій, тотъ застрѣлится.

Сергѣй Захаровичъ нисколько не сомнѣвался, что Давыдовъ приметъ его предложеніе. Вчерашнее оскорбленіе, какъ съ одной, такъ и съ другой стороны между офицерами смывается только кровью.

Никулинъ былъ даже почти увѣренъ, что роковой жребій выпадетъ на его долю. И онъ на это смотрѣлъ совершенно спокойно. Жизнь потеряла для него теперь цѣну. Была родина, за которую онъ готовъ былъ пролить кровь, и вѣрилъ въ ея могущество, въ ея умѣнье защитить себя. Вчерашній эпизодъ показалъ мичману всю несостоятельность его идеаловъ. Была женщина, которую онъ любилъ, хотѣлъ вытащять ее изъ омута, поднять до себя и призвать къ порядочной жизни. Былъ, наконецъ, товарищъ, наперсникъ юношескихъ дней, однокласникъ по корпусу... И ничего этого у него теперь нѣтъ! Онъ одинъ... совершенно одинъ! Такъ что если жребій смерти и выпадетъ ему, то кромѣ благодарности къ судьбѣ онъ ничего не будетъ чувствовать! А какъ же матросскія деньги? Неужели онъ сойдетъ въ могилу съ клеймомъ вора?

При одной этой мысли, мичманъ стискивалъ зубы, и все лицо его передергивало. И онъ усиленно напрягалъ мозгъ, придумывая способъ выбраться изъ позорнаго положенія. И придумалъ: къ двумъ часамъ дня сегодня онъ зайдетъ на почту и вынетъ съ книжки всѣ деньги. Каковъ бы ни былъ результатъ свиданія съ Давыдовымъ, онъ сегодня ночью будетъ играть въ клубѣ! Если онъ отыграется, и ему суждено жить, то покроетъ растрату и начнетъ другую, осмысленную жизнь. А если даже и умретъ, то никто не посмѣетъ бросить въ него комкомъ грязи.

Но тутъ вставалъ другой, самый мучительный вопросъ:

А если... и эти деньги онъ проиграетъ? Что тогда?

На этотъ вопросъ у мичмана не находилось отвѣта. Онъ только чувствовалъ, что стоитъ на краю огромной зіяющей бездны, черезъ которую переброшена тонкая соломинка. Выдержитъ она его—и онъ спасенъ, и другой берегъ откроетъ ему новые, хорошіе горизонты. Обломится—и поглотитъ Никулина черная бездна.

Въ часъ дня Сергѣй Захаровичъ съѣхалъ на берегъ,

зашелъ на почту, получилъ по книжкѣ всѣ матросскія деньги и около двухъ уже звонилъ въ дверь Давыдова. Сердце у него сильно билось. Онъ не боялся этой встрѣчи, но она была ему непріятна. Какъ встрѣтитъ его Давыдовъ? Вѣроятно, будетъ сухъ и подчеркнуто вѣжливъ! Никулину не приходилось съ нимъ ссориться, но онъ зналъ, что, когда Давыдовъ взволнованъ, у него этого почти не видно.

А можетъ быть, онъ будетъ грубъ, наговоритъ Никулину дерзостей? Нѣтъ, на него это непохоже!

Никулинъ позвонилъ еще разъ и опять началъ создавать картину встрѣчи съ Давыдовымъ. Теперь почему-то начало казаться, что, когда онъ войдетъ, Давыдовъ пойдетъ къ нему навстрѣчу съ протянутой рукой и попроситъ не вспоминать случившагося. Удовлетворило бы это Сергѣя Захаровича? Нѣтъ! Вчерашній инцидентъ не могъ окончиться впустую! Это было бы слишкомъ банально, а нервы Сергѣя Захаровича требовали сильной реакціи.

За дверью послышались шаги... Можетъ быть, самъ Давыдовъ? Открыли: вѣстовой...

— Баринъ дома?—спросилъ Никулинъ, проходя въ переднюю.

— Такъ точно съ. Ванну принимаютъ. Пожалуйте въ гостиную.

Сидя въ гостиной и перебирая листы какого-то альбома, Никулинъ чувствовалъ себя нѣсколько разочарованнымъ. Онъ ожидалъ увидѣть блѣдное лицо Давыдова, проведшаго, какъ и онъ, безсонно остатокъ этой ночи. И вдругъ—ванна.

Вошелъ Давыдовъ. Онъ былъ въ свѣжемъ кителѣ, тщательно причесанный и надушенный. Никулинъ всталъ и сухо поклонился. Такимъ же поклономъ отвѣтилъ Давыдовъ и жестомъ указалъ на кресло. Оба сѣли.

— Вы обѣщали сегодня переговорить со мной?—началъ Никулинъ слегка дрожащимъ голосомъ.

Давыдовъ кивнулъ головой, но ничего не отвѣтилъ. Это придало Никулину смѣлости.

— Вотъ я и пришелъ для этихъ разговоровъ,—онъ подчеркнулъ послѣднее слово.—Что же вы мнѣ можете сказать?

— Вы пришли ко мнѣ. Слѣдовательно, вы и будете говорить первымъ.

Отъ каждаго слова Давыдова вѣяло холодомъ и ненавистью.

— Хорошо, тогда буду говорить я,—закусилъ губы Никулинъ.—Я долженъ вамъ сказать, что вчерашнее оскорбленіе смывается только кровью!

— Я къ вашимъ услугамъ.

— Я въ этомъ не сомнѣвался. Но... будь это обыкновенное

время, вопросъ разрѣшился бы очень просто. Но теперь—война! И мы должны придумать какой-нибудь другой выходъ.

Сергѣй Захаровичъ говорилъ и самъ дивился тому спокойствію, которое звучало въ его голосѣ. Какъ будто разговоръ шелъ объ обыденномъ.

— Можетъ быть, этотъ выходъ вы придумаете?

— Я ужъ придумалъ. Мы сейчасъ напишемъ два билетика и вынемъ ихъ... ну, что ли, изъ фуражки. Вы меня понимаете?

— Американская дуэль?—поднялъ брови Давыдовъ.— Я васъ слушаю!

— Кто вынетъ „умереть", долженъ сегодня же ночью застрѣлиться. Вы согласны?

Вмѣсто отвѣта, Давыдовъ всталъ и направился къ сосѣдней комнатѣ.

— Я принесу бумаги и карандашъ,—сказалъ онъ на ходу.

И такъ же спокойно онъ принесъ требуемое и положилъ все это передъ Сергѣемъ Захаровичемъ.

— Вы, вѣроятно, потрудитесь приготовить.

Онъ отошелъ и сталъ у окна, смотря на улицу, а Никулинъ нарѣзалъ перочиннымъ ножемъ два квадратика, написалъ на одномъ „жить", на другомъ—„умереть", свернулъ ихъ ровными трубочками и спросилъ:

— Могу я воспользоваться своей фуражкой?

Давыдовъ подошелъ къ столу.

— Прошу васъ!

Никулинъ бросилъ въ фуражку трубочки и свелъ вмѣстѣ края.

— Вы желаете первый?—спросилъ онъ.

— Все равно. Могу я!

Давыдовъ сунулъ руку въ фуражку, пошарилъ въ ней и вынулъ трубочку.

— „Умереть"!—прочелъ онъ глухо и пожалъ плечами.— Ваше счастье!

Онъ круто повернулся и пошелъ въ сосѣднюю комнату. Никулинъ слышалъ, какъ она рѣзко хлопнула. И ему стало безумно жаль Давыдова.—Что мы дѣлаемъ?—мелькнуло у него.—За что?

Было мгновеніе, когда Сергѣй Захаровичъ хотѣлъ пойти въ сосѣднюю комнату, горячо обнять бывшаго друга, успокоить его и сказать, что все это шутки, что пора все это бросить.

Въ это время отворилась дверь, и на порогѣ появился Давыдовъ. Онъ былъ немного блѣденъ, но въ глазахъ его

Никулинъ опять прочелъ ненависть и нескрываемое теперь презрѣніе.

— Я долженъ вамъ сказать,—холодно началъ онъ,—что Зина жила со мной все это время! Такъ что вы напрасно думаете, что она васъ любила.

Никулинъ вскочилъ и сдѣлалъ шагъ впередъ, но Давыдовъ скрылся за дверью, и Сергѣй Захаровичъ пошелъ къ выходу, унося въ сердцѣ негодованіе и горечь незаслуженной новой обиды.

XII.

Въ эту ночь въ клубѣ была большая игра. Войдя въ залъ, Никулинъ увидѣлъ человѣкъ тридцать любопытныхъ, окружившихъ одинъ столъ. Сергѣй Захаровичъ протискался къ нему, и первое, что ему бросилось въ глаза— груда сторублевыхъ и пятисотенныхъ билетовъ. Банкометомъ былъ прапорщикъ по морской части Баклановъ, про котораго ходили цѣлыя легенды. Говорили, что ему страшно везетъ, что онъ въ послѣдніе два мѣсяца выигралъ болѣе ста тысячъ. Увѣряли, что онъ бьетъ всегда шестую карту.

— Почему именно шестую?—думалъ Никулинъ, слѣдя за игрой и началъ считать понты, послѣ послѣдняго выигрыша Бакланова.

Изъ шести разъ тотъ, дѣйствительно, побилъ три карты, при чемъ самый большой кушъ пришелся на шестую.

Странное какое-то чувство начало овладѣвать мичманомъ. Ему вдругъ безумно захотѣлось рискнуть сразу, рискнуть на все.

— Мнѣ сегодня везетъ,—мелькнуло у него.—Провѣримъ судьбу!

Слегка кружилась голова, когда онъ бралъ карту. Баклановъ вопросительно на него смотрѣлъ.

— Ва банкъ!—сказалъ Никулинъ, кладя передъ собой пачку сторублевыхъ.

За его спиной зашептались. Кто-то сказалъ: „попадется! Идетъ шестая карта!“

Посмотрѣлъ на свою карту: пятерка.

— Даю!—сказалъ банкометъ, посмотрѣвъ на свою.

— Позвольте мнѣ еще,—сказалъ Никулинъ.

Баклановъ скинувъ ему съ аппарата карту, а себѣ не взялъ. Сергѣй Захаровичъ посмотрѣлъ на прикупъ: четверка.

— Вамъ больше не нужно?.. —спросилъ Баклановъ и, получивъ отрицательный отвѣтъ мичмана, съ легкой улыбкой раскрылъ свою карту...

— Восемь!

— Девять!..— открылъ свои карты Никулинъ и потянулъ къ себѣ банкъ.

Опять за его спиной загудѣли голоса и послышалось движеніе. Никулинъ чувствовалъ, какъ десятокъ лицъ нависъ надъ его плечами.

— Сколько было въ банкѣ?..—спросилъ сухо Баклановъ.

Никулинъ пересчиталъ...

— Двѣ тысячи пятьдесятъ два!

Въ головѣ шелъ хаосъ спутанныхъ мыслей. Опять, какъ и въ прошлый разъ, между Никулинымъ и окружающими встала какая-то стѣна.

Настала снова его очередь. На этотъ разъ банкъ держалъ мѣстный адвокатъ, славившійся въ городѣ тоже крупной игрой. Передъ Никулинымъ полковникъ по адмиралтейству шелъ „по банку“ и проигралъ, заплативъ двѣ съ чѣмъ-то тысячи.

Прежде, чѣмъ взять карту, Никулинъ спросилъ:

— Сколько въ банкѣ?

— Четыре съ чѣмъ-то,—отвѣтилъ банкометъ.

— Ва банкъ!

Открылъ полученную карту: опять пятерка.

— Мнѣ больше не надо!.. — сказалъ Никулинъ и прикрылъ карту ладонью.

Банкометъ пытливо на него посмотрѣлъ, мгновеніе подумалъ и потянулъ себѣ изъ аппарата карту. Поморщился и потянулъ еще.

— Закупился!—глухо сказалъ онъ и отбросилъ карты въ сторону.

У него раньше была шестерка и прикупилъ онъ четверку и валета.

Въ банкѣ было четыре тысячи триста. За два раза Никулинъ взялъ болѣе шести тысячъ.

— Баста!..—подумалъ онъ и положилъ деньги въ карманъ.—Нельзя больше испытывать судьбу.

Онъ ушелъ изъ клуба, провожаемый десятками завистливыхъ глазъ. Раньше хотѣлъ было ѣхать куда-нибудь поужинать, но потомъ почувствовалъ потребность остаться одному. Вышелъ и тихо пошелъ по Свѣтланской къ Амурскому заливу. На улицѣ было совершенно пусто, и шаги мичмана гулко по ней раздавались.

И первый разъ за весь вечеръ пришли на мысль матросскія деньги. Свалилась громадная гора съ сердца, и оно билось теперь счастьемъ и горячей благодарностью къ судьбѣ...

— Спасенъ!.. Спасенъ!..—кричало что-то внутри, и мич-

манъ въ какой-то истомѣ сознавалъ, что это кричитъ у него, что рѣчь идетъ о немъ.

Онъ пришелъ на крутой берегъ и сѣлъ на лавочку передъ чьимъ-то домикомъ, однимъ изъ тѣхъ однообразныхъ домиковъ, которые, какъ солдаты на плацу, выстроились по этому берегу залива. Было уже близко къ разсвѣту. Впереди чернѣла площадь воды и слышно было, какъ легкій прибой лижетъ внизу камни... Гдѣ-то, далеко, вырисовывались контуры горъ и сопокъ. Причудливыми узорами тянулись онѣ къ небу, по которому бѣжали пушистыя, предразсвѣтныя тучи. Влѣво отъ мичмана, гдѣ горы раздвигались и давали дорогу проливу, блѣднѣла полоска горизонта. Отъ нея бѣжали тучи и отъ нея же шла по водѣ тихая рябь.

— Сейчасъ будетъ всходить солнце,—подумалъ мичманъ, съ какимъ-то благоговѣніемъ смотря на это мѣсто горизонта.—И я могъ навсегда потерять его!

Что-то кольнуло въ сердце—вспомнилъ Давыдова. Неужели застрѣлится? Какъ-то не вѣрилось, что гдѣ-то можетъ быть смерть, гдѣ-то можетъ быть муракъ, когда сейчасъ всюду будутъ солнце и свѣтъ...

Можетъ быть... побѣжать, пока не поздно... остановить поднятую руку... разсказать о нахлынувшемъ счастьи?

Приподнялся, чтобы идти, но снова опустился, вспомнивъ послѣднія слова Давыдова про Зину. Съ какимъ цинизмомъ это было сказано! И въ такую минуту! Мичманъ ненавидѣлъ сейчасъ Давыдова и рѣшилъ, что если онъ и застрѣлится, то туда ему и дорога. Но больше всего Сергѣю Захаровичу казалось, что Давыдовъ никогда не застрѣлится. Такіе циники не кончаютъ съ собой: они слишкомъ для этого подлы!

Блѣдная полоска на горизонтѣ окрасилась сначала въ фіолетовый, а затѣмъ въ розовый цвѣтъ. Одновременно побѣлѣло все небо, и контуры горъ и сопокъ стали еще рельефнѣе, и внизу ихъ легли по землѣ смутныя тѣни.

Никулинъ всталъ и подошелъ къ самому обрыву. Теперь уже можно было ясно различить корейскую шаланду, слегка качающуюся у самаго берега. Ея одинокая мачта, со скомканнымъ наскоро парусомъ, монотонно описывала верхушкой въ воздухѣ дугу, и почему-то мичману вспомнились фарфоровые китайцы, также монотонно раскачивающіе головой.

Оттуда, гдѣ раздвигались горы сразу, брызнуло золотомъ... И шло это золото по всему горизонту, и бѣжали отъ него быстрѣе ночныя тучи, открывая Никулину безпредѣльное, синее небо.

А онъ стоялъ надъ обрывомъ, восхищенный и жизнерадостный, и всѣмъ существомъ привѣтствовалъ восходящее свѣтило, которое своимъ появленіемъ вливало въ него успокоеніе и безумную жажду жить и пользоваться всѣми благами этой жизни.

XIII.

Въ это утро Никулина насилу добудился вѣстовой, за пять минутъ до подъема флага. Мичманъ спалъ всегда два часа, но никогда онъ не чувствовалъ себя такимъ сильнымъ и бодрымъ, какъ сейчасъ. Вчерашняя игра въ клубѣ сначала показалась сномъ, но когда Сергѣй Захаровичъ заглянулъ въ туго набитый бумажникъ—сомнѣнія ушли далеко, и мичманъ облегченно и глубоко вздохнулъ.

Онъ наскоро одѣлся и вышелъ на палубу. Первымъ ему попался навстрѣчу Борисенко, и по его лицу Никулинъ увидѣлъ, что докторъ хочетъ ему сообщить что-то очень важное...

— Вотъ, батенька, насчастіе-то съ Давыдовымъ!..—началъ Андрей Васильевичъ.

Но мичманъ уже все понялъ:

— Застрѣлился?

— Да! А ты уже знаешь?

— Мнѣ вѣстовой сейчасъ сказалъ,—солгалъ мичманъ.

— Да... да... въ полночь!—качалъ головой Борисенко.— И никому неизвѣстна причина! А жаль: молодая жизнь и такъ скоро оборвана!

Дальше пришлось говорить на эту тему со всѣми офицерами транспорта и даже съ самимъ командиромъ. Всѣ они знали, что Давыдовъ—одного выпуска съ Никулинымъ и, кромѣ того, былъ его близкимъ другомъ.

И мичману пришлось притворяться, дѣлать печальное лицо и говорить со всѣми о томъ, чьего имени онъ не могъ слышать безъ возмущенія. Правда, гдѣ-то въ уголкѣ души поднималось нѣчто, примиряющее съ Давыдовымъ, но мичманъ дѣлалъ надъ собой усиліе и старался заглушить это чувство, недопустимое, по его мнѣнію, послѣ того, что сказалъ Давыдовъ на прощаніе.

— Ты пойдешь на панихиду?—спросилъ его баронъ.

— Пойду! Въ которомъ часу?

— Говорили—въ двѣнадцать.

До двѣнадцати Никулину нужно было стоять вахту, но его смѣнилъ Голубковъ.

Передъ тѣмъ, какъ отправиться на панихиду, Сергѣй Захаровичъ заѣхалъ на почту и внесъ на книжку всѣ мат-

россія деньги. И тутъ же, ожидая окончанія нѣкоторыхъ формальностей, онъ мысленно далъ себѣ клятву никогда больше не дотрагиваться до казенныхъ денегъ.

— Какъ странно все сложилось...—думалъ онъ, стоя у сѣтчатой перегородки, за которой ему готовили книжку.— Вынь я тотъ жребій, который достался Давыдову—я бы лежалъ уже холоднымъ и бездыханнымъ, какъ онъ! А изъза простой случайности, изъ-за того только, что маленькій клочекъ бумажки съ роковой надписью подвернулся подъ руку ему, а не мнѣ—я остался жить! А потомъ вчерашняя игра... Тоже случайность? Проиграй онъ первую ставку—вѣроятно, пришлось бы послѣдовать примѣру Давыдова! А теперь онъ стоитъ здѣсь, молодой, здоровый и жизнерадостный, снявшій съ себя ужасную тяготу, избѣжавшій позора и клейма. Повезло—остался жить, исправилъ ошибку...

Съ почты онъ поѣхалъ въ банкъ и внесъ на свое имя пять тысячъ. И всю дорогу, отъ банка до квартиры Давыдова, мичманъ думалъ о томъ, что теперь онъ совершенно иначе поведетъ ее, болѣе осмысленно, болѣе разумно.

Подъѣзжая къ офицерскому флигелю, въ которомъ жилъ Давыдовъ, мичманъ увидѣлъ нѣсколько экипажей и, въ числѣ ихъ, лошадей командира порта.

— Очевидно, панихида началась,—думалъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ во второй этажъ.

И, дѣйствительно, когда онъ вошелъ въ гостиную, въ которой у него вчера съ Давыдовымъ происходило объясненіе, онъ засталъ ее переполненной. Было на лицо все морское начальство, сослуживцы покойнаго, многіе изъ товарищей.

Экипажный священникъ съ причтомъ, облаченный въ эпитрахиль, стоялъ около большого стола, на которомъ лежалъ Давыдовъ, и монотонно раскачивалъ кадиломъ.

Сергѣй Захаровичъ протискался впередъ и взглянулъ на покойника. Тотъ лежалъ, глубоко ушедши затылкомъ въ подушку, со сложенными на груди руками.

Лежалъ какъ живой, какъ тотъ... «вчерашній» съ улыбкою презрѣнія и со зло сдвинутыми бровями. Голова была повязана.

Такъ какъ это была первая панихида, и покойника еще не успѣли одѣть въ мундиръ,—онъ лежалъ въ одной ночной сорочкѣ, прикрытый до груди простыней. Простыня была коротка, и ноги Давыдова, въ пестрыхъ лѣтнихъ носкахъ, назойливо глядѣли подошвами на Никулина и раздражали его своей неподвижностью и угловатостью.

Въ комнатѣ пахло ладаномъ, воскомъ и еще чѣмъ то, непріятно дѣйствующимъ на нервы. Панихида шла. Пѣвчіе

уныло тянули печальные мотивы. Какія-то двѣ дамы плакали.

Мичманъ смотрѣлъ на нихъ и раздраженно думалъ:

— Ну, чего онѣ воютъ? Вѣдь, вѣроятно, у нихъ ничего общаго не было съ Давыдовымъ! По крайней мѣрѣ, я ихъ никогда съ нимъ не видалъ.

Онъ придвинулся ближе къ столу и сталъ въ самомъ концѣ его, смотря на лицо покойника. Смотрѣлъ долго, упорно, не моргая. И вдругъ ему показалось, что лѣвое вѣко Давыдова слегка приподнялось, и изъ подъ него глянула стеклянная выпуклость.

Мичманъ зажмурилъ глаза, и когда снова посмотрѣлъ— покойникъ глядѣлъ на него широко открытыми, стеклянными глазами.

И въ нихъ Никулинъ прочелъ и угрозу себѣ, и проклятіе.

Онъ хотѣлъ было вскрикнуть, но чья-то желѣзная рука сдавила ему горло, и онъ безшумно опустился на полъ.

Очнулся онъ въ сосѣдней комнатѣ, окруженный докторами, въ числѣ которыхъ былъ и Борисенко. Панихида уже окончилась, всѣ разъѣхались, и лежалъ онъ на кровати Давыдова съ растегнутымъ кителемъ и со смоченнымъ воротомъ рубашки.

— Что это со мной?—спросилъ онъ Андрея Васильевича, осматривая комнату.

— Пустяки, простой обморокъ!—отвѣтилъ тотъ, помогая ему встать.—Ты вотъ что: приведи себя въ порядокъ и ѣдемъ-ка на транспортъ.

Когда проходили гостиную, Давыдовъ былъ закрытъ съ головой, и мичманъ почему-то ускорилъ шаги. Дорогой онъ оправился и спрашивалъ доктора о причинахъ обморока.

— Издергался ты за послѣднее время. Каждый день безсонныя ночи и кутежи... А тутъ еще смерть друга! Наконецъ, бываютъ люди, которые просто не выносятъ вида покойника.

Никулинъ хотѣлъ было разсказать о томъ, что ему показалось, но побоялся, что Андрей Васильевичъ назоветъ его „бабой“, и на транспортѣ поднимутъ его на смѣхъ.

И онъ скрылъ, но весь остатокъ дня ходилъ совершенно разбитый и чѣмъ-то подавленный, а когда легъ спать—во снѣ вскрикивалъ, и всю ночь въ его каютѣ горѣло электричество.

XIV.

Прошло недѣли двѣ послѣ похоронъ Давыдова. На нихъ Никулинъ не былъ, отговорившись нездоровьемъ. Онъ, дѣйствительно, былъ не то, что нездоровъ, но какъ-то неузнаваемъ. Изъ веселаго, еще мѣсяцъ назадъ жизнерадостнаго юноши, съ лица котораго никогда не сходила улыбка, онъ превратился въ серьезнаго, вѣчно о чемъ-то думающаго человѣка, а если когда и улыбался, то при видѣ этой улыбки многіе тревожно на него посматривали.

Но такъ, въ общемъ, Сергѣй Захаровичъ чувствовалъ себя хорошо. Онъ очень рано вставалъ, быстрѣе, чѣмъ раньше, дѣлалъ свой туалетъ и выходилъ на палубу, гдѣ занимался съ командой. На берегъ онъ эти двѣ недѣли совсѣмъ не съѣзжалъ, а по вечерамъ сидѣлъ въ каютъ-компаніи и смотрѣлъ, какъ докторъ съ прапорщикомъ играли въ шахматы. Потомъ всѣ вмѣстѣ пили чай и около полуночи расходились по своимъ каютамъ.

Андрей Васильевичъ сіялъ счастьемъ, видя такую перемѣну въ Никулинѣ, и говорилъ о немъ такъ, будто рѣчь шла не объ его сослуживцѣ по транспорту, а о любимой женѣ, которая повела скромный образъ жизни.

— Вы посмотрите, какимъ сталъ теперь Никулинъ!—говорилъ онъ въ каютъ-компаніи, въ отсутствіе мичмана.— Вотъ именно такимъ и долженъ быть каждый морской офицеръ: трезвымъ, серьезнымъ, дѣловитымъ!

— Увы! я не могу быть трезвымъ!—со вздохомъ сказалъ „старшій".—Не могу, если бы даже и хотѣлъ!

— Почему?—удивился докторъ.

— Потому что я постоянно пьянъ! Кажется, ясно!

Борисенко укоризненно качалъ головой.

— Ты все шутишь, а тебѣ пора бы взять примѣръ съ Никулина! Ты посмотри: у тебя уже склерозъ сосудовъ... И это въ тридцать-то семь лѣтъ!

— Есть одно, въ чемъ я желалъ бы взять примѣръ съ Никулина.

— Именно?

— Когда пойду сегодня въ клубъ—выиграть, какъ онъ, шесть тысячъ! Что же касается до сосудовъ, то меня больше интересуютъ сосуды винные, чѣмъ кровеносные.

Всѣ разсмѣялись.

— Что это, правда, сдѣлалось съ Никулинымъ?—спросилъ прапорщикъ.

Докторъ задумался.

— Трудно сказать! Мнѣ кажется, смерть Давыдова на него произвела огромное впечатлѣніе. Они вѣдь были очень дружны. А можетъ быть, просто организмъ переутомился и потребовалъ отдыха.

Пробовалъ было Борисенко заговорить на эту тему съ самимъ мичманомъ, но тотъ какъ-то странно улыбнулся.

— Вовсе я и не перемѣнился... Такой же!

— Брось! Раньше ты ни одной ночи на транспортѣ не ночевалъ. Пилъ много. А теперь—калачемъ тебя на берегъ не заманишь. Можно подумать, что ты поистратился и нагоняешь теперь экономію? Но вѣдь этого же нѣтъ! У тебя есть крупныя деньги!

— Ерунда все это,—дѣланно зѣвалъ мичманъ.—Побѣсился и довольно! Не вѣкъ же пьянствовать!

Сошелся за это время Никулинъ и съ прапорщикомъ. Раньше онъ какъ-то пренебрежительно на него смотрѣлъ, считалъ недостаточно образованнымъ и недостойнымъ своего общества.

Мичманъ зналъ, что этими глазами смотрятъ на прапорщиковъ всѣ флотскіе, неохотно допускающіе въ свою корпорацію посторонній элементъ. Зналъ онъ также, что пошло это съ того добраго, стараго времени, когда существовалъ только парусный флотъ, была одна только семья военныхъ моряковъ, были только „флотскіе". И всѣ они выходили изъ одного гнѣзда, вскормленные однимъ и тѣмъ же историческимъ прошлымъ, и у всѣхъ у нихъ были одинаковые юношескіе дни и воспоминанія. Потомъ, когда появился флотъ паровой, и на палубѣ корабля заходили инженеръ-механики,—флотскіе рѣзко отграничились отъ нихъ, замкнулись въ свою корпорацію и начали ревниво ее оберегать. И, вотъ, съ тѣхъ поръ въ морскомъ лексиконѣ народились новыя слова: „бѣлая кость" и „черная кость". Подъ первой подразумѣвались, конечно, флотскіе, подъ второй—всѣ тѣ, кто къ нимъ не принадлежалъ.

Теперь же, съ начала русско-японской войны, на военныхъ корабляхъ появился новый видъ „черной кости" — прапорщики. И ихъ терпѣли лишь потому, что всѣ они были опытные моряки, серьезно относились къ дѣлу и вообще были нужны.

Но за эти дни сидѣнія на транспортѣ, Никулинъ присмотрѣлся ближе къ прапорщику и съ удивленіемъ увидѣлъ, что Голубковъ ничѣмъ не хуже, если не лучше, многихъ изъ его флотскихъ товарищей. Правда, онъ не кончилъ морского корпуса,—а гдѣ-то на югѣ реальное училище,—но былъ довольно начитанъ и достаточно развитъ. Что же касается до его морскихъ способностей, то послѣ

одного спеціальнаго спора, изъ котораго побѣдителемъ вышелъ Голубковъ, мичманъ началъ питать къ нему особое уваженіе.

Любилъ мичманъ также слушать разсказы прапорщика объ его службѣ въ торговомъ флотѣ. И передъ Сергѣемъ Захаровичемъ понемногу открывался новый, доселѣ невѣдомый ему міръ настоящихъ тружениковъ моря, съ его незатѣйливыми радостями и громаднымъ, гигантскимъ трудомъ, передъ которымъ плаваніе на военныхъ судахъ кажется увеселительною прогулкой.

И, что всего больше нравилось въ этихъ разсказахъ мичману, — никогда „я" Голубкова въ нихъ не фигурировало. Прапорщикъ былъ даже слишкомъ скроменъ и всегда старался оставить себя въ тѣни, выдвигая на первый планъ товарищей.

Какъ то разъ, зайдя зачѣмъ-то въ каюту прапорщика, мичманъ увидѣлъ у него на стѣнкѣ значекъ, выдаваемый обществомъ спасанія на водахъ въ особыхъ случаяхъ. Значекъ состоялъ изъ краснаго эмалированнаго креста, лежащаго на перекрещенныхъ якоряхъ, былъ на андреевской лентѣ и носилъ надпись: „за спасеніе погибающихъ на морѣ".

— Откуда это у васъ?—спросилъ Никулинъ.

— А, это мой значекъ... Онъ у меня значится въ формулярѣ... Я получилъ его за спасеніе чужого судна.

Въ эту мнуту вошелъ Борисенко и, узнавъ, въ чемъ дѣло, весело сказалъ:

— Какъ же... какъ же... вѣдь онъ у насъ герой: спасъ цѣлый корабль со всѣмъ экипажемъ!

И прапорщикъ разсказалъ этотъ случай, краснѣя и заикаясь, и когда кончилъ, Сергѣй Захаровичъ съ чувствомъ пожалъ ему обѣ руки:

— Однако, вы того... молодчина!..

Потомъ поднялъ удивленно брови и спросилъ:

— Почему же вы его не носите?

— Зачѣмъ же мнѣ его носить?

Мичманъ еще болѣе удивился.

— Какъ зачѣмъ? Но вѣдь это же — высокая награда? Вѣдь это же равносильно георгіевскому кресту?

— Пусть виситъ на стѣнкѣ! — махнулъ рукой Голубковъ.—Еще скажутъ: хвастается!

Съ берегомъ Никулинъ порвалъ все, но за это время берегъ ему о себѣ напомнилъ. Слухъ о выигрышѣ мичмана въ ту памятную ночь распространился по городу и дошелъ до Зины. И вотъ, какъ то послѣ обѣда, Сергѣй Захаровичъ получилъ съ посыльнымъ надушенное письмо,

въ которомъ Зина, безграмотно и каракулями, увѣряла мичмана въ своей неизмѣнной любви, клялась, что исторія съ Давыдовымъ—простое недоразумѣніе, и умоляла хоть на полчаса заглянуть къ ней въ „Золотой Рогъ“.

До появленія этого письма, мичманъ не разъ думалъ о Зинѣ и боялся больше всего, чтобъ она ему не написала... Ему казалось, что одинъ видъ ея письма можетъ разбудить въ немъ заснувшее теперь чувство, и у него не хватитъ характера отказать въ свиданіи.

Но теперь, держа въ рукѣ розовый листокъ почтовой бумаги, мичманъ почувствовалъ себя такимъ далекимъ и чуждымъ этой женщинѣ, что оставилъ письмо безъ отвѣта.

Черезъ часъ же онъ вложилъ въ конвертъ двѣсти рублей и отослалъ съ вѣстовымъ Зинѣ, сдѣлавъ на клочкѣ бумаги приписку безъ подписи:

„Прошу оставить меня въ покоѣ“.

XV.

Случилось это въ воскресенье... Послѣ завтрака мичманъ Бахметьинъ уѣхалъ на берегъ и къ вечеру возвратился на транспортъ съ двумя дамами и съ барономъ. Командиръ былъ на берегу, „старшій“—тоже, и поэтому компанія вела себя совершенно непринужденно: до полуночи сидѣли въ каютъ-компаніи, пили, ѣли, слушали граммофонъ. Дурачились. Пригласили и Никулина, но тотъ посидѣлъ съ ними полчаса и ушелъ въ свою каюту, отговорившись головной болью. Совершенно не входили въ каютъ-компанію ни Борисенко, ни прапорщикъ. Да ихъ, кажется, и не приглашали.

Къ полуночи на транспортѣ все притихло, и Сергѣй Захаровичъ легъ спать, увѣренный, что гости уѣхали.

Проснулся онъ отъ неестественнаго топота, какого-то шума въ коридорѣ и криковъ. Онъ наскоро одѣлся и выскочилъ изъ каюты. Передъ дверью въ ванную комнату онъ увидѣлъ барона, доктора и прапорщика, уговаривающихъ Бахметьина, полуголаго и совершенно пьянаго. Бахметьинъ ругался матерною бранью и грозилъ кому то кулакомъ.

Никулинъ посмотрѣлъ влѣво и увидѣлъ караулъ съ ружьями, а посреди его—вѣстового Павлюка, блѣднаго, съ перекошеннымъ лицомъ.

Замѣтя Никулина, Бахметьинъ бросился къ нему и началъ выкрикивать, брызгая на Сергѣя Захаровича слюной:

— Ты понимаешь!.. Этакій мерзавецъ!.. Онъ меня уда-

рилъ!.. Сволочь!.. Сукинъ сынъ! Меня... офицера россійскаго флота!..

Затѣмъ вдругъ взвизгнулъ и началъ отбиваться отъ удерживавшихъ его офицеровъ:

— Пустите!.. Гдѣ мой браунингъ?.. Я его застрѣлю, какъ собаку!..

Его насилу успокоили и отвели въ каюту. Баронъ распорядился увести въ карцеръ вѣстового. Никулинъ хотѣлъ было заглянуть въ ванную и взялся уже за ручку двери, но докторъ его предупредилъ:

— Нельзя! Тамъ—дама!

И тутъ же разсказалъ мичману, что Бахметьинъ устроилъ въ ванной цѣлую оргію, и что вѣстовой Павлюкъ сдѣлалъ какое-то замѣчаніе, послѣ котораго Бахметьинъ его ударилъ, а тотъ далъ сдачи.

Скандаломъ пахло грандіознымъ, и замять его нельзя было никакъ. Всѣ это сознавали и, отправивъ поскорѣе даму на берегъ, долго еще не ложились, все обсуждая инцидентъ.

Что же касается до Бахметьина,—онъ долго не хотѣлъ успокоиться, грозилъ, ругался, плакалъ пьяными слезами. Потомъ свалился на койку и захрапѣлъ. Утромъ, когда пришелъ Петръ Петровичъ, опять долго обсуждали вчерашнее всѣ сообща, прежде чѣмъ „старшій“ пойдетъ съ докладомъ къ командиру. Въ совѣщаньи участвовалъ и Бахметьинъ. Онъ нисколько не былъ сконфуженъ, наоборотъ: настаивалъ на преданіи вѣстового суду. Противъ этого были Никулинъ, докторъ и Голубковъ. Особенно возмущался Сергѣй Захаровичъ и доказывалъ Петру Петровичу, что лучшій исходъ— какъ нибудь замять это дѣло и наказать Павлюка властью командира, дисциплинарнымъ образомъ.

— Это же позоръ!.. Грандіознѣйшій скандалъ!..—говорилъ Никулинъ, держась за виски...—Офицеръ съ женщиной въ ванной... на военномъ кораблѣ... въ военное время!.. Вѣдь предать это огласкѣ—заклеймить весь флотъ, опозорить андреевскій флагъ!

— А какъ ты замнешь?..—спрашивалъ „старшій“—Ну, замнешь офицера съ женщиной... А плюху то офицеру, батенька, замять не удастся!.. Вѣдь далъ-то ее не кто-нибудь въ ресторанѣ или на улицѣ, а нижній чинъ на томъ же военномъ кораблѣ! Какой же это будетъ примѣръ для команды? Нѣтъ, этого такъ оставить нельзя!

Онъ ушелъ къ командиру и пробылъ у него болѣе часа. А когда вышелъ—былъ весь багровый и тяжело сопѣлъ...

— Павлюка отдаетъ подъ судъ, а меня хочетъ опротестовать. Вѣроятно, спишетъ. И Бахметьинъ тоже... этакую свинью подложить!..

Вызывали и Бахметьина къ командиру, послѣ чего онъ сѣлъ въ свою каюту, и у двери ея поставили часового. Павлюка же, подъ усиленнымъ конвоемъ, отправили въ Экипажъ, гдѣ онъ и остался.

Дня черезъ два Никулина вызывалъ морской слѣдователь, и, въ качествѣ ротнаго командира транспорта, Сергѣй Захаровичъ давалъ ему отзывъ о Павлюкѣ. Ничего, кромѣ хорошаго, сказать о вѣстовомъ онъ не могъ. Былъ онъ всегда трезвый, безукоризненнаго поведенія и безпрекословно исполнялъ офицерскія приказанія.

Павлюка предали военно-морскому суду, для сужденія по законамъ военнаго времени. Судебное разбирательство назначили на четвертый день послѣ случившагося.

На судъ пошли всѣ свободные офицеры транспорта, исключая Бахметьина. Когда Никулинъ вошелъ въ залъ, начали уже читать обвинительный актъ.

На скамьѣ подсудимыхъ сидѣлъ небольшого роста, широкоплечій хохолъ, съ добродушнымъ и обыкновенно осмысленнымъ лицомъ. На этотъ разъ лицо его было какъ то безжизненно, и Павлюкъ безучастно смотрѣлъ на длинный столъ, покрытый зеленымъ сукномъ, за которымъ сидѣли судьи.

Согласно обвинительному акту, матросъ второй статьи Игнатій Павлюкъ, обвинялся въ томъ, что въ указанное число онъ, будучи призванъ въ ванную комнату транспорта „Ангара" миннымъ офицеромъ этого транспорта мичманомъ Бахметьинымъ, въ грубой формѣ сдѣлалъ послѣднему неумѣстное для нижняго чина замѣчаніе, и когда мичманъ Бахметьинъ, въ порывѣ раздраженія, ударилъ подсудимаго по лицу, тотъ, въ свою очередь, ударилъ вышеуказаннаго офицера. Преступленіе это, совершенное въ военное время, на военномъ кораблѣ, предусматривалось цѣлымъ рядомъ статей и каралось смертной казнью черезъ разстрѣляніе.

Предсѣдатель спросилъ Павлюка:

— Признаешь ли ты себя виновнымъ?

— Такъ точно-съ, ваше превосходительство! — отвѣтилъ тотъ.—Признаю!

Въ виду признанія подсудимаго, свидѣтельскія показанія оказались излишними.

— Разскажи же, братецъ, какъ это было?—сказалъ предсѣдатель.

— Было это, ваше превосходительство, около двухъ часовъ ночи. Ихъ благородіе, господинъ мичманъ Бахметьинъ, приказали мнѣ приготовить имъ ванну. Приготовилъ. Затѣмъ они ушли въ нее съ этой госпожей.

— Съ какой госпожей?

— Госпожа у нихъ была съ вечера привезена на тран-

спортъ. Раньше были двѣ, но потомъ одну отправили на берегъ. А эта осталась. Я, значитъ, когда приготовилъ ванну, пошелъ въ буфетъ и прикурнулъ. Слышу, звонокъ. Прихожу въ ванну. „Подай—говорятъ—коньякъ!“ Подалъ. „Лей—говорятъ—ей на брюхо“. А барыня-то лежитъ поверхъ воды въ ваннѣ и блюетъ въ воду. Пьяная-то есть очень. И такая меня тошнота взяла... Я и говорю: „никакъ не могу, молъ, ваше благородіе этого исполнить“. А господинъ мичманъ хлясть меня въ ухо! Ну, тутъ и вскипѣло у меня. Обидно стало очень. И я сдалъ!

— Больше ничего не можешь сказать?—спросилъ предсѣдатель.

— Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство!

Затѣмъ говорили: прокуроръ и защитникъ—какой-то пѣхотный капитанъ. Прокуроръ говорилъ о деморализаціи, о томъ, что нижнихъ чиновъ распустили, и требовалъ самыхъ суровыхъ мѣръ, пока не поздно... Защитникъ почему-то заговорилъ объ аффектѣ, но предсѣдатель его остановилъ:

— Дисциплина, капитанъ, не признаетъ никакого аффекта!

Отъ послѣдняго слова подсудимый отказался, и судъ поднялся и ушелъ въ совѣщательную комнату. Черезъ полчаса онъ вышелъ и объявилъ резолюцію: матросъ второй статьи Игнатій Павлюкъ лишался всѣхъ правъ воинскаго званія и предавался смертной казни черезъ разстрѣляніе.

Никулинъ взглянулъ на Павлюка, и у него сжалось сердце: тотъ стоялъ съ вытянутыми по швамъ руками и съ окаменѣвшимъ отъ ужаса лицомъ.

Возвращались всѣ на транспортъ въ подавленномъ состояніи. Особенно угнетенъ былъ Никулинъ. Ему казалось, что передъ нимъ раскрывается громадная, черная яма. Ушелъ въ свою каюту, заперся и не вышелъ къ обѣду. Вечеромъ зашелъ къ нему Борисенко. Тоже былъ подавленъ и избѣгалъ встрѣчаться съ мичманомъ глазами. Разсказалъ Никулину, что командующій флотомъ конфирмировалъ приговоръ, и передъ разсвѣтомъ Павлюка разстрѣляютъ. Сказалъ и вышелъ, согнувшись, какъ тогда, когда возвратились изъ похода.

Мичманъ приказалъ подать шлюпку и поѣхалъ на берегъ. Добиться свиданія съ Павлюкомъ не представляло особаго труда. Никулинъ изложилъ дежурному по эки... у офицеру свое желаніе, и тотъ тотчасъ же разрѣшилъ и далъ въ проводники фельдфебеля. По длинному коридору мичманъ прошелъ въ самый конецъ его, и разводящій отворилъ небольшую дверь съ окошечкомъ. Когда вошли, Павлюкъ сидѣлъ на койкѣ, но при видѣ офицера всталъ. Когда же узналъ мичмана—улыбнулся...

— Сиди, сиди, Павлюкъ,—ласково сказалъ мичманъ и присѣлъ самъ на табуретъ.

Потомъ отпустилъ разводящаго и фельдфебеля, помолчалъ немного и смущенно сказалъ:

— Вотъ... пришелъ навѣстить тебя!..

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше благородіе! — тихо отвѣтилъ Павлюкъ.—Одинъ только вы не забыли.

— Ну, что же...—подыскивалъ мичманъ тему для разговора и не находилъ.—Ты молодцомъ, кажется?

— Такъ чего же мнѣ убиваться-то, ваше благородіе?.. Двухъ смертей не бывать—одной не миновать... Обидно только--не за родину!..

Никулинъ задумчиво качалъ головой...

— Да... да... ты правъ!.. Обидно, что не за родину!.. Ну, что-же... умрешь ты... умремъ мы... всѣ тамъ будемъ!..

Потомъ стряхнулъ съ себя что-то и спросилъ:

— У тебя есть семья?

— Такъ точно-съ... Жена и малой сыночекъ.

— Гдѣ же они?.. А?..

— Въ Черниговской губерніи!.. Черниговскіе мы!..

— Скажи-ка мнѣ адресъ.

Вынулъ записную книжку и тщательно записалъ адресъ жены Павлюка...

Помолчалъ.

— Обидѣли тебя, Павлюкъ!

Тотъ сидѣлъ, согнувши корпусъ и сложивши на колѣняхъ руки...

— Богъ съ ними, ваше благородіе!.. У меня на нихъ зла нѣтъ. Такъ, видно, на роду написано! Семью вотъ жалко!..

— Объ этомъ не заботься. Семью я твою обезпечу. Умирай спокойно!..

Потомъ всталъ и вдругъ подалъ руку.

— Ну... прощай... не поминай лихомъ!..

Матросъ растерялся и въ первую минуту не зналъ, что дѣлать съ рукой офицера. А когда взялъ—растерялся еще болѣе: Никулинъ потянулъ его руку къ своему лицу, поцѣловалъ и стремительно выбѣжалъ изъ камеры.

Павлюкъ, ошеломленный, держалъ нѣсколько мгновеній руку въ воздухѣ и широко открытыми глазами смотрѣлъ на полуотворенную дверь камеры...

Потомъ бросился на койку, зарылся головой въ подушку...

И зарыдалъ.

. . . .

Черезъ пять дней мичмана Никулина хоронили... Онъ,

неожиданно для всѣхъ, застрѣлился въ своей каютѣ, передъ самымъ разсвѣтомъ...

Никакихъ записокъ послѣ себя онъ не оставилъ, за исключеніемъ весьма страннаго рапорта на имя командира транспорта „Ангара“:

„Застрѣлившись сего числа, службу Его Императорскаго Величества нести не могу. Мичманъ Сергѣй Никулинъ“.

Да на поляхъ рапорта было наскоро написано карандашемъ: „...такъ умираемъ на войнѣ“...

Сергѣй Гаринъ.

---

* * *

Слилось безпредѣльное море
Съ морскимъ золотистымъ туманомъ...
Я знаю—уже не впервые
Живу я подъ солнцемъ багрянымъ!
Не тамъ ли, на камняхъ горячихъ,
Я грѣлась зеленой змѣею,
Шуршала вверху надъ обрывомъ
Спаленной отъ зноя травою?
Иль свѣтлой, прозрачной медузой,
На берегъ внесенной приливомъ,
Дремала въ пескѣ серебристомъ
Надъ синимъ спокойнымъ заливомъ?
Я помню,—я помню такъ ясно,—
Какъ въ листьяхъ звенѣла цикада,
Какъ вѣяло солнцемъ и зноемъ
Отъ вялой листвы винограда,
Какъ море, слѣпившее свѣтомъ,
Внизу, подъ обрывомъ, блестѣло,
Какъ жаркіе бѣлые камни
Мнѣ грѣли холодное тѣло.
Я помню,—да, помню такъ ясно,—
Въ хрустальномъ воды саркофагѣ
Зеленый мерцающій отсвѣтъ,
Въ соленой дробящійся влагѣ;
Вверху, высоко надо мною,
Медлительныхъ рыбъ очертанья;

Нѣмые узоры кораллов
И вѣчную тайну молчанья.
И солнце, и перловъ отливы,
И травы, и пѣну морскую
Я помню... Я въ городѣ темномъ
По нимъ безотчетно тоскую!
Въ запутанный, сросшійся узелъ
Мечты въ моемъ сердцѣ связали
Тоску о минувшемъ, далекомъ
Съ стремленьемъ къ невѣдомой дали.
Быть можетъ, я путь совершаю
Къ прекрасной и свѣтлой отчизнѣ,
Изъ безднъ поднимаяся къ Богу
Въ моей завершительной жизни.

Ада Чумаченко.

Изъ записокъ невольнаго туриста.

I.

Въ поискахъ работы.

Уже около двухъ недѣль бродили мы по Марселю въ поискахъ работы. Къ несчастью, какъ и подобаетъ двумъ студентамъ-естественникамъ, мы не знали никакого ремесла и могли разсчитывать только на самую простую, «черную» работу. Мы и не обманывались на этотъ счетъ нисколько, предлагая себя въ качествѣ носильщиковъ, грузчиковъ, чистильщиковъ. На первый взглядъ это казалось такъ просто: невозможно, чтобы двое молодыхъ здоровыхъ ребятъ не нашли себѣ какого-нибудь дѣла въ городѣ, кипящемъ непрерывнымъ клокотаніемъ труда. Вѣдь такая пропасть работы кругомъ: неужели только намъ двоимъ дѣлать нечего? Это казалось слишкомъ нелѣпымъ, и первыя двѣ недѣли мы ни разу не падали духомъ, несмотря на ежедневныя неудачи. Напротивъ, такая острая радость была толочься среди этого шума, треска и грохота, теряясь въ яркой пестротѣ огромной портовой жизни, овѣваясь мощнымъ дыханіемъ напряженнаго, неустаннаго труда; было глубокое, волнующее наслажденіе подойти вплотную къ этому гремучему водовороту непрерывной, энергической дѣятельности и ждать, что вотъ-вотъ подхватитъ и тебя; мы не сомнѣвались въ томъ, что подхватитъ: за это ручалось то трепетаніе молодой энергіи, которое мы чувствовали въ себѣ и которое такъ гармонировало съ немолчною музыкой труда, окружавшаго насъ.

Весело было шляться по безконечной набережной Новаго Порта, гдѣ самый воздухъ, накаленный полуденнымъ солнцемъ, кажется, дрожитъ и звенитъ отъ милліона шумовъ и звуковъ, разрывающихъ его и сливающихся въ одинъ оглушительный, неумолкающій аккордъ, въ громѣ котораго теряется и глохнетъ рокотъ и плескъ вѣчно безпокойнаго моря. Съ утра до поздней ночи гремятъ цѣпи подъемныхъ крановъ, дробно стучатъ колеса безчисленныхъ телѣгъ, гудятъ и фыркаютъ огромные океанскіе левіафаны, весело и звонко посвистываютъ крошечные пакеботы и тауботы, бойко шныряющіе

по мутно зеленымъ волнамъ въ адской тѣснотѣ между бортами морскихъ гигантовъ. Сквозь желтые, сизые, черные клубы дыма, медленно расплывающіеся надъ гаванью, въ яркомъ безпорядкѣ пестрѣютъ несмѣтные флаги, трепещущіе подъ вѣтромъ. На пристаняхъ, на трапахъ и сходняхъ, на палубахъ, вокругъ подъемныхъ крановъ, подъ металлическими навѣсами грузовыхъ складовъ,—всюду волнуется, жужжитъ и наустанно движется разноцвѣтная и разноязычная толпа, собравшаяся сюда со всѣхъ концовъ земли, омываемой «вѣчнымъ потокомъ океана». Весело было толькаться въ этой толпѣ, нервной, подвижной и страшно занятой. На пристаняхъ Новаго Порта нѣтъ ничего, кромѣ труда: тутъ не видно ни одного кабака, ни кафе, ни лавочки, ни разносчиковъ, ни женщинъ, ничего, что нарушало-бы стройную гармонію этого гигантскаго муравейника. Все здѣсь глядитъ серьезно, озабоченно и сосредоточенно-сурово; даже небо задернуто смутно-желтоватой завѣсой отъ лишняго соблазна, и моря не видно, и дыханіе его не доносится сюда сквозь тѣсную громаду плотно сдвинутыхъ и дымящихъ судовъ.

Дней десять мы сохраняли неизмѣнно бодрое настроеніе духа, толкаясь въ толпѣ, кружа по окрестнымъ улицамъ, обходя по двадцати разъ весь портъ изъ конца въ конецъ и пытаясь соблазнить хмурыхъ надсмотрщиковъ и бойкихъ подрядчиковъ чистосердечной готовностью работать за любую плату. Въ полдень въ достаточной мѣрѣ измученные, пропитанные ѣдкой пылью и запеченные солнцемъ, мы шли на одну изъ прибрежныхъ площадей, гдѣ въ крошечной съѣстной лавченкѣ подъ паруснымъ навѣсомъ намъ давали за четыре су по чашкѣ рисоваго супа и за два су хлѣба. Здѣсь у насъ были знакомства. Какой-то фантастически оборваннный, но никогда не падавшій духомъ субъектъ, въ лохматыхъ бакахъ и разстегнутомъ жилетѣ, неизмѣнно обращался къ намъ съ одною и тою же формулой ободренія:

— Ну что, ребята, дѣло не клеится? Tant pis, nom d'un nom!.. Ничего, не робѣйте... Ça arrive à tout le monde!

Первое время эта философская сентенція производила свое дѣйствіе; но съ каждымъ днемъ ея ободряющая сила явно убывала. Бывали дни, когда Викторъ отвѣчалъ нашему неунывающему знакомому нескрываемо-саркастическимъ смѣхомъ. Еще небольшая штука—«не робѣть». Робѣть, конечно, не слѣдуетъ, но вѣдь, и не робѣя, можно протянуть ноги съ голода. И вздоръ, что «это случается со всѣми»: никому такъ безповоротно и такъ глупо не отказывали въ работѣ. Что у насъ на лбу написано, что-ли, что мы московскіе студенты? И развѣ быть московскимъ студентомъ значитъ быть никуда негодной тряпицей? Еще вопросъ, кто лучше выволочетъ изъ трюма мѣшокъ: тотъ-ли плюгавый итальянецъ, который поскользнулся на сходнѣ, или одинъ изъ насъ, все равно который?..

Жили мы или, лучше сказать, спали въ крошечной конурѣ у нѣкоего m-r Грюнберга, молчаливаго и нелюдимаго человѣка. Квартира Грюнберга находилась въ глубинѣ кривого, узкаго и грязнаго переулка, названіе котораго я никакъ не могъ запомнить; впрочемъ, переулокъ не сталъ отъ этого хуже. М-r Грюнбергъ былъ человѣкъ одинокій и хотя по внѣшности имѣлъ какое-то хозяйство, но хозяйствомъ явно пренебрегалъ. У него были дѣла на сторонѣ,—какія именно, понять было невозможно, такъ какъ, будучи по происхожденію румынскимъ евреемъ, онъ говорилъ на совершенно оригинальномъ французско-румынскомъ мѣсивѣ, которое было понятно, повидимому, только старому, грязно-бѣлому попугаю, единственному закадычному другу m-r Грюнберга. Возвращаясь по вечерамъ домой, Грюнбергъ подолгу бесѣдовалъ съ попугаемъ и въ другихъ собесѣдникахъ, очевидно, нисколько не нуждался. Попугай кричалъ что-то несуразное своимъ противнымъ горловымъ голосомъ; нашъ хозяинъ отвѣчалъ ему длинными назидательными диссертаціями, и оба были совершенно довольны.

Въ характерѣ нашего хозяина была странная смѣсь мрачной нелюдимости и вмѣстѣ съ нею дѣтскаго простосердечія. Комнату онъ намъ уступилъ очень дешево и даже собственноручно стряхнулъ съ маленькаго коряваго стола пыль, покрывавшую сплошнымъ слоемъ полъ и все, что было вокругъ, т. е. кровать, стулъ, подоконникъ и маленькую развалившуюся печь. Устроивъ насъ такимъ образомъ, m-r Грюнбергъ пригласилъ насъ на кухню и при помощи выразительной жестикуляціи далъ намъ понять, что весь находившійся тамъ инвентарь, т. е. двѣ кастрюли, чайникъ, сковорода и уголь—представляются въ полное наше распоряженіе. Потомъ онъ показалъ намъ попугая, объяснивъ, что птица нрава крутого, и лучше ее не дразнить. Въ доказательство онъ щелкнулъ попугая по носу: тотъ взъерошилъ перья и заболталъ нѣчто дѣйствительное свирѣпое. Послѣ этого m-r Грюнбергъ ушелъ, оставивъ намъ ключъ и не принявши рѣшительно никакихъ мѣръ къ тому, чтобы мы его не обокрали.

Въ этой коморкѣ мы коротали наши вечера, которые день ото дня становились грустнѣе. Когда погасала красная заря, сіявшая въ наше окошко, и медленно замиралъ усталый гигантскій городъ, тяжелая муть одиночества и потерянности мало-по-малу овладѣвала душою. Хорошо, что насъ было двое, и хорошо, что мы были братски дружны... Э, наплевать. Давай спать,—утро вечера мудренѣе.

Спали мы вмѣстѣ на узенькой и неимовѣрно грязной кровати, разумѣется, не раздѣваясь, отчего она становилась еще грязнѣе. Часто, несмотря на отчаянную усталость, намъ не спалось; тогда приходили думы о недавнемъ прошломъ, о родинѣ, вставали въ душѣ всѣ голоса, заглушенные дневнымъ грохотомъ исполинскаго города, разгорались воспоминанія, и по цѣлымъ часамъ мы тихо

бесѣдовали въ темнотѣ, чуть озаряемой слабымъ мерцаніемъ уличнаго фонаря. Ночной сумракъ и усталость смягчали грусть, и все милое, все лучшее, что связано было съ родиной, оживало въ памяти, одѣвалось въ краски и свѣтъ. Раннія впечатлѣнія университета, буйныя сходки студенчества, и яростные споры, и гордые обѣты, и простодушная безтолочь товарищеской богемы, и неизбѣжное репетиторство, и неизбѣжная влюбленность, и весь простой и теплый обиходъ русской домашней жизни, и первыя откровенія самостоятельной мысли, и первые опыты борьбы, и первыя гражданскія тернія, манежъ, Бутырки, и Арбатская часть, и Тверская часть, и Мясницкая часть, и Таганка, и высылки, и проводы при высылкахъ, славныя лица и сердечныя горячія слова и скитаніе по разнымъ городамъ, и первыя серьезныя испытанія,—все это возникало и развертывалось въ воспоминаніи въ непостижимой гармоніи свѣта и тѣней. Родина... Милымъ и печальнымъ образомъ вставала она въ воображеніи, и матерински-нѣжнымъ являлся ея страдальческій ликъ, не оскверненный никакой скверной; въ эти безсонныя ночи на чужбинѣ не хотѣлось думать о томъ, о чемъ съ тоскою и стыдомъ думаетъ каждый русскій: о той крови и грязи, въ которую погружена русская жизнь, о дикой жестокости безъ смысла и границъ, о нищетѣ, униженіи и позорѣ. Приходили эти думы, но сейчасъ заслонялись другими, полными неопредѣленно-радостной юношеской надежды. Что-то идетъ, встаетъ какой-то свѣтъ,—это былъ слабый крикъ предразсвѣтнаго пѣтуха—нашъ всероссійскій студенческій дерзко-веселый переполохъ. Скоро будетъ день на святой Руси, и скоро мы снова будемъ тамъ...

Нелѣпый крикъ проснувшагося хозяйскаго попугая за тонкой перегородкой прогонялъ наши думы и прерывалъ бесѣду. Глупой птицѣ снились, вѣроятно, какіе-нибудь безтолковые птичьи сны, потрясавшіе ея птичій мозгъ. Во второмъ часу ночи поднималась неистовая возня, сопровождаемая нескончаемыми и совершенно безсмысленными монологами. Тосковалъ ли попугай по жарко-пахучимъ зарослямъ Амазонки, гдѣ необразованный, но счастливый провелъ онъ лучшую пору юности, или просто, проснувшись, онъ чувствовалъ, что хозяинъ, кормя его вечеромъ, поскупился,—но кричалъ онъ такъ яростно и долго, что m-r Грюнбергъ просыпался. Тогда между попугаемъ и человѣкомъ завязывалась длинная примирительная бесѣда, подъ которую мы, наконецъ, засыпали.

Утромъ, выпивъ по стакану сквернаго жидкаго кофе, мы брели своимъ переулкомъ на Rue de la République и на углу ея на нѣкоторое время задерживались. Направо былъ путь въ портъ, налѣво—въ городъ. Иногда, посвятивъ нѣсколько минутъ совершенно метафизическимъ соображеніямъ о томъ, въ какой сторонѣ скорѣе ждать удачи, мы поворачивали налѣво и углублялись въ чрево Марселя. Тутъ, впрочемъ, всякіе поиски были совершенно безполезны, и мы только для очистки совѣсти приставали съ разспро-

сами къ зѣвающему парню, стоявшему возлѣ грузовой телѣги, къ суровому малому, подметавшему улицу, или еще къ кому-нибудь. Черезъ городъ мы держали путь къ товарнымъ станціямъ въ разсчетѣ примѣнить свои способности къ немудреному искусству перетаскиванія тюковъ.

Во время одной изъ такихъ, всегда безплодныхъ, экскурсій мы замѣтили небольшую мѣдную дощечку, прибитую у дверей дома на одной изъ шумныхъ, людныхъ улицъ. На дощечкѣ значилось: «M-r P***, professeur russe». Русскій профессоръ въ Марселѣ... Прежде всего мы подвергнули это открытіе всесторонему теоретическому разсмотрѣнію. Какимъ образомъ могъ оказаться въ Марселѣ русскій профессоръ? Зачѣмъ ему здѣсь быть? Обсудивъ вопросъ со всѣхъ сторонъ, мы остановились на такомъ рѣшеніи: кто бы ни былъ этотъ внезапно обрѣтенный соотечественникъ, мы пойдемъ къ нему. Мы скажемъ ему, что мы давно уже бродимъ здѣсь по берегамъ Средиземнаго моря, что мы устали отъ голода и бездѣлья, что мы окончательно запутались въ этомъ проклятомъ городѣ, и что онъ долженъ помочь намъ найти работу, по крайности, дать два-три полезныхъ указанія. Вѣроятно, профессоръ живетъ здѣсь давно и можетъ насъ направить куда-нибудь, — а если нѣтъ, то мы все-таки очень рады его видѣть, потому что соскучились по своему, по родному.

Набравшись храбрости, мы уже приготовились звонить къ великому изумленію молочницы, вышедшей изъ воротъ съ двумя огромными жестяными сосудами. Но вдругъ Викторъ сказалъ:

— Знаешь, не стоитъ идти обоимъ. Что хорошаго, если ввалятся къ почтенному человѣку сразу два этакихъ красавца? Ступай ты одинъ.

Однако, послѣ краткаго совѣщанія, мы рѣшили, что пойдетъ Викторъ. Правда, обтрепанъ и пыленъ онъ былъ не меньше меня, но видъ у него въ общемъ былъ все-таки приличнѣе. Во первыхъ, на немъ были штиблеты, тогда какъ на мнѣ были ужасающіе сапоги, одинъ изъ которыхъ отличался голенищемъ прямымъ и твердымъ, какъ желѣзная труба, а другой, напротивъ, былъ поразительно мягокъ и собирался въ тысячу складокъ; эта особенность обуви въ совокупности съ огромной, безобразно измятой шляпой придавала мнѣ видъ совершенно разбойничій. Викторъ выглядѣлъ много лучше: къ тому же характеръ его лица оставался совершенно неизмѣннымъ въ любомъ костюмѣ, тогда какъ достоинства моей физіономіи постоянно и непостижимо измѣнялись въ зависимости отъ костюма. Указавши на это обидно-странное свойство, я сослался на одну московскую барыню, которая, видя меня въ студенческой тужуркѣ, находила, что у меня типично-студенческая физіономія, а когда я отбывалъ воинскую повинность, ей казалось, что у меня чисто-солдатское лицо молодого фельдфебеля. Итакъ, было рѣшено, что пойдетъ одинъ Викторъ.

Викторъ ушелъ, а я остался ждать его, усѣвшись на тумбѣ. Ждать мнѣ пришлось не долго, такъ какъ минутъ черезъ пять Викторъ выскочилъ изъ дверей, красный, какъ макъ, съ гнѣвно сверкающими глазами. Я вскочилъ съ тумбы. Нѣкоторое время мы шли молча.

— Чортъ знаетъ, куда насъ занесло!—сказалъ, наконецъ, Викторъ.—Это не профессоръ, а какая то темная личность. Я, понятно, сказалъ ему, кто мы такіе. Какъ онъ вскинется: «я, говоритъ, знаю вашего брата. Бунтовщики!.. начитаетесь разныхъ Михайловскихъ и прочей жидовской ерунды, а потомъ бунтовать, а теперь вотъ шляетесь по свѣту»... Я сначала даже потерялся, а потомъ выругалъ его отъ всей души и ушелъ... Животное...

— Да что онъ—дѣйствительно профессоръ? Откуда онъ?

— А чортъ его знаетъ—не все ли равно? Когда я сталъ ругаться, онъ вдругъ вытащилъ два франка и суетъ его мнѣ. «Возьмите, говоритъ, если вамъ дѣйствительно ѣсть нечего». Тутъ я даже не нашелся что сказать... Каковъ нахалъ!..

— Ну и чортъ съ нимъ!—сказалъ я успокоительно.

Однако, мы оба были подавлены этимъ, совсѣмъ въ сущности незначущимъ эпиводомъ. Разумѣется, профессоръ былъ совершенно въ своемъ правѣ, прогнавши отъ себя двухъ бродячихъ студентовъ, отмѣченныхъ печатью явной неблагонадежности, а его великодушная готовность пожертвовать въ пользу политическаго врага два франка заслуживала положительной похвалы. Тѣмъ не менѣе, эта бѣглая встрѣча оставила въ насъ болѣзненно-тяжелое впечатлѣніе. Тотъ, кому долго приходилось скитаться на чужбинѣ, знаетъ цѣну случайной встрѣчѣ съ соотечественникомъ, даже случайно долетѣвшему до слуха звуку родной рѣчи. Самыя простыя, обыденныя слова вдругъ прозвучатъ сквозь гулъ чуждаго языка,— и весь вздрогнешь и встрепенешься, какъ будто кто-то близкій позвалъ тебя по имени. Но отъ словъ профессора, отъ первыхъ русскихъ словъ, услышанныхъ нами въ этомъ исполинскомъ, чужомъ и негостепріимномъ городѣ,—такъ явственно пахнуло участкомъ... Будь дѣло на родинѣ, мы наградили бы профессора двумя-тремя болѣе или менѣе лестными эпитетами и предали бы забвенію. Но тутъ на душѣ получился какой то мутный и тяжелый осадокъ.

Мы шли молча, сами не зная куда, сворачивая за углы безъ всякаго вѣскаго основанія или держась прямого направленія, также не обусловленнаго никакимъ планомъ,—пока, наконецъ, не выбрались за городъ и очутились на морскомъ берегу. Легкій вѣтерокъ дулъ съ моря, и пѣнистый прибой сверкалъ и шумѣлъ вдоль излучистаго побережья, замыкавшагося вдали четкою группою красныхъ скалъ, наклонившихся надъ волнами. Воздухъ здѣсь былъ чистъ и прозраченъ, и вся могучая лазурная пустыня, озаренная солнцемъ, разстилалась передъ нами во всемъ своемъ торжествен-

номъ и спокойномъ величіи. Два-три черныхъ вьющихся дымка чуть виднѣлись въ блѣдной синевѣ неба надъ самымъ горизонтомъ; недалеко отъ берега, граціозно склонясь на бокъ, легко скользила по волнамъ маленькая шлюпка съ бѣлоснѣжнымъ, крѣпко надутымъ парусомъ. Пройдя по берегу, мы усѣлись на камнѣ у самыхъ волнъ, кидавшихъ намъ въ лицо влажной, соленой пылью, и долго сидѣли, любуясь красотой разстилавшейся передъ нами картины. Тяжелое настроеніе мало-по-малу разсѣялось.

— Пойдемъ наниматься на пароходы,—сказалъ Викторъ,—будемъ обходить всѣ подърядъ. Прогонятъ тамъ, здѣсь,—въ концѣ концовъ, ей Богу же, гдѣ-нибудь да возьмутъ...

Мы занялись обсужденіемъ новаго предпріятія. Собственно эта мысль занимала насъ уже давно; еще въ Генуѣ мы дѣлали попытку наняться матросами, но остановились передъ первой же неудачей. Это было въ самомъ началѣ нашихъ странствованій, и намъ недоставало еще настойчивости и упорства: отказъ конфузилъ насъ, неудача—быть можетъ, случайная—обезкураживала. Теперь было совсѣмъ другое дѣло: отказы въ работѣ не только не оскорбляли насъ, но становилось положительно интереснымъ: до какой поры намъ будутъ отказывать? Мнѣ казалось, что это будетъ всегда. Викторъ находилъ это нелѣпымъ, неестественнымъ и невозможнымъ.

— Главное,—сказалъ Викторъ,—ты не распространяйся со своими s'il vous plait gayez l'obligeance,—а начинай прямо съ того, что мы нанимаемся за одни харчи.

Здѣсь Викторъ язвительно намекалъ на нѣкоторыя особенности моей французской рѣчи. Теоретически я зналъ языкъ недурно, и могъ даже при случаѣ проплести съ грѣхомъ пополамъ цѣлую бесѣду на политическія или литературныя, вообще на отвлеченныя темы. Трагическимъ недостаткомъ моего французскаго языка была именно его книжная отвлеченность. Приступы у меня были великолѣпные; благодарить, извиниться за безпокойство, пожелать счастливаго пути, выразить надежду и т. д., однимъ словомъ, отмочить кристаллизованную французскую любезность изъ серіи тѣхъ любезностей, какими наполнены діалоги различныхъ «полиглотовъ»,—я могъ съ большимъ успѣхомъ. Но дѣло въ томъ, что въ этомъ суровомъ мірѣ подрядчиковъ, рабочихъ, матросовъ, капитановъ и кабатчиковъ съ этими деликатесами было совершенно нечего дѣлать; литературности тутъ тоже никто не спрашивалъ, а требовалась тутъ прежде всего выразительная простота, краткость и сжатая энергія языка. Этого какъ разъ мнѣ и недоставало. Викторъ зналъ не болѣе пятнадцати словъ, но съ этими пятнадцатью словами онъ достигалъ едва ли меньшаго успѣха, чѣмъ я. На его сторонѣ была предпріимчивость и чудовищная жестикуляція. На Вѣнскомъ вокзалѣ онъ потребовалъ себѣ «буттербродъ

avec cochon» и хотя никто изъ кельнеровъ не понималъ по французски, однако, онъ добился своего, т. е. ветчины...

— Прямо съ этого и валяй,—повторилъ Викторъ:—работаемъ, молъ, за одни харчи.

Наше совѣщаніе было прервано появленіемъ на берегу крошечнаго босоногаго мальчугана въ красной фуфайкѣ съ черными полосками и короткихъ штанишкахъ. Неизвѣстно, откуда появилось это маленькое черноглазое и черноволосое существо, но оно было такъ прелестно, что оба мы залюбовались. Подбѣжавъ къ берегу, мальчуганъ остановился и, не обращая на насъ никакого вниманія, нѣсколько времени внимательно смотрѣлъ на волны, набѣгающія на берегъ. Одна изъ волнъ, клубясь бѣлою пѣной, подкатилась къ самымъ ножкамъ ребенка. Онъ отскочилъ, погрозилъ ей пальцемъ, но едва волна отхлынула назадъ, онъ кинулся за ней вдогонку, болтая и смѣясь непрерывно; когда тяжелый изумрудный валъ снова поднялся, чтобы броситься на берегъ, мальчикъ проворно повернулся и побѣжалъ отъ него съ ликующимъ визгомъ; по временамъ онъ останавливался, поджидая, пока волна подойдетъ вплотную, отскакивалъ, кидался ей навстрѣчу и звонко хохоталъ, когда нѣсколько соленыхъ брызгъ попадало ему въ лицо. Прелестна была эта игра ребенка съ моремъ; огромная волна какъ будто понимала, что маленькаго не трудно обидѣть: мнѣ положительно казалось, что могучія движенія рѣзвящагося прибоя были нарочито бережны и любовны... Синій сводъ неба, переполненный горячимъ сіяніемъ, красноватый песокъ на берегу, изумрудныя волны, кипящія снѣжною пѣной, ихъ гармоническій рокотъ и плескъ и сливающаяся съ нимъ звонкая болтовня ребенка—все это было такъ согласно, такъ шло одно къ другому, что въ концѣ концовъ невозможно было отдѣлить это полосато-красное, сверкающее глазами и смѣхомъ существо отъ этихъ прозрачно-зеленыхъ, ласково рокочущихъ волнъ, то гоняющихся за ребенкомъ, то убѣгающихъ отъ него, то брызжущихъ въ него сіявшей на солнцѣ пѣной. Это дитя казалось прямымъ порожденіемъ горячаго моря, Бёклиновскимъ символомъ граціозной красоты морского прибоя, играющаго въ полуденныхъ лучахъ, и если бы этотъ мальчуганъ заявилъ намъ, что онъ вовсе не прибѣжалъ изъ города, а выброшенъ моремъ вмѣстѣ съ пурпуровыми морскими звѣздами, краснѣющими тамъ и сямъ на пескѣ, мы охотно повѣрили бы ему.

Игра, однако, окончилась ссорой. Увлеченный возней ребенокъ, очевидно, позабылъ о нѣкоторой неуклюжести своего могучаго товарища, и блестящій перловый гребень волны свалился на черную головку, обливъ мальчугана съ головы до ногъ. Ребенокъ ужасно разсердился. Выскочивъ на берегъ, онъ схватилъ въ обѣ руки песку, швырнулъ имъ что было силы въ море и топнулъ ногой съ гнѣвно горящими глазенками. Тутъ только онъ замѣтилъ насъ и былъ, повидимому, ужасно удивленъ: зачѣмъ затесались сюда эти

большія, грязныя и неподвижныя существа? Подойдя къ намъ, онъ снялъ съ меня шапку и внимательно осмотрѣлъ меня; потомъ подвергъ такому же изслѣдованію Виктора. Надѣвъ снова на насъ шапки, онъ пустился бѣжать, что есть мочи, и исчезъ за песчанымъ холмомъ.

Профессоръ былъ забытъ окончательно. Мы поднялись и бодро направились въ городъ, держа путь къ Новому Порту. Рѣшено было немедленно начать великій обходъ пароходовъ.

Мы начали съ какой то «Золотой Кэтъ», гигантскаго англійскаго парохода, только что выгрузившаго сверхъестественное количество орѣховъ. Улучивъ минуту, мы взобрались на палубу; негръ, стоявшій у трапа и занятый ловлею насѣкомыхъ въ своемъ до крайности упрощенномъ костюмѣ, не обратилъ на насъ никакого вниманія. Возлѣ капитанской рубки мы наткнулись на джентльмэна въ бѣломъ кителѣ съ мѣднокраснымъ лицомъ и острыми безцвѣтными глазами.

— Что вамъ надо?—спросилъ онъ, разумѣется, по-англійски.

Мы постарались объясниться, какъ могли.

— Нѣтъ... мы беремъ только черныхъ... Красное море,—отрывисто сказалъ англичанинъ.

Мы не сразу сообразили, въ чемъ дѣло. Только уходя, мы замѣтили, что дѣйствительно вся команда состояла изъ цвѣтнокожихъ. Капитанъ былъ правъ: я вспомнилъ матросскіе разсказы объ огненной геєннѣ Краснаго моря, гдѣ иногда всякая работа на суднѣ становится совершенно невозможной.. Мы ушли ни съ чѣмъ; однако, то обстоятельство, что мѣднокрасный капитанъ взялъ въ разсчетъ только нашу кожу и ничѣмъ по существу не проявилъ своего презрѣнія къ нашему предложенію,—было истолковано нами, какъ добрый знакъ. Правда, на нѣсколько слѣдующихъ судовъ насъ не пустили вовсе, встрѣчая непосредственнымъ предложеніемъ убираться къ чорту, но мы рѣшили не отступать.

Пароходъ, на который мы забрались теперь, былъ французскій.

— Ваши бумаги?—спросилъ капитанъ, даже не выслушавъ насъ.

По русскому обычаю мы полѣзли за паспортами. Морякъ ужасно разсердился.

— На кой мнѣ чортъ это? Уберите къ дьяволу... Ваши морскія бумаги, ваши аттестаты... Вы плавали вѣдь раньше, безъ сомнѣнія?

— Нѣтъ..

Французъ посмотрѣлъ на насъ съ презрѣніемъ.

— Можете идти!—отрывисто сказалъ онъ.

— Идіотъ...—сказалъ Викторъ, когда мы спустились на пристань и поплелись къ слѣдующему пароходу:—вѣдь всякій начинаетъ съ того, что плаваетъ въ первый разъ. Почему, не понимаю, ты не объяснилъ ему, что мы нанимаемся за одни харчи?

— Не успѣлъ,—сказалъ я.

— Въ слѣдующій разъ, пожалуйста, успѣй...

Но успѣть мнѣ не удавалось ни разу. Всюду было одно и то же: нигдѣ не выражали желанія пускаться съ нами въ лишніе разговоры; вопросъ о бумагахъ ставился гораздо скорѣе, чѣмъ я могъ составить нужную фразу, и этимъ вопросомъ исчерпывалась всякая возможность дальнѣйшихъ переговоровъ. Конечно, они были правы, эти суровые и лаконическіе ребята: нелѣпо было бы въ гавани, переполненной профессіональными матросами, брать на бортъ двухъ оборванныхъ молодыхъ людей только на томъ основаніи, что они московскіе студенты и что имъ не хочется пропасть съ голода.

Наступали черные дни. Мы снова съ утра до вечера бродили по городу, предлагая себя на самыя различныя амплуа, заглядывали въ грузовыя конторы, на товарныя станціи. Кое-какія средства еще были у насъ, и Викторъ, въ качествѣ кассира, расходовалъ ихъ съ бережливостью безчеловѣчной: съѣвши въ полдень по чашкѣ супа, мы ужинали хлѣбомъ и редиской или варили картошку въ кастрюлькѣ m r Грюнберга. Съ каждымъ днемъ яснѣе означалась безнадежность нашихъ поисковъ: огромный городъ рѣшительно отталкивалъ насъ. Наперекоръ данному нами торжественному обѣщанію, мы должны были воспользоваться помощью одного изъ добрыхъ швейцарскихъ друзей; недѣлю-другую мы могли какъ нибудь перебиться, но рано или поздно долженъ былъ истощиться послѣдній источникъ. Ужасно было иногда это безнадежное бездѣлье. Бывало, присѣвъ на какомъ - нибудь пустомъ устричномъ боченкѣ, мы жадными, завистливыми глазами смотрѣли на работу угольщиковъ, сгибавшихся подъ бременемъ тяжелыхъ мѣшковъ, съ лицами, покрытыми отъ пота и угольной пыли слоемъ черной грязи, сквозь которую сверкали бѣлки глазъ и зубы. Было мучительно завидно, и сами собою судорожно напрягались мускулы, и все тѣло пронизывалось тоскливымъ желаніемъ работать. За послѣдніе два-три мѣсяца мы такъ полно прочувствовали тѣсную связь между трудомъ и хлѣбомъ, что грань между ними почти стерлась въ сознаніи, и облѣпленный известью каменщикъ, встрѣчавшійся намъ, представлялся намъ счастливѣйшимъ человѣкомъ уже на одномъ томъ основаніи, что на плечѣ у него былъ молотъ или кирка и что завтра онъ встанетъ не съ тѣмъ, чтобы праздно болтаться по раскаленнымъ мостовымъ, а чтобы прямо пойти на работу... Что бы ему прихватить и насъ? Мѣшать известку—развѣ это не весело? А таскать кирпичи? А дробить каменья, а мазать стѣны—развѣ это не чудесно? За все, за всякую работу мы ухватились бы обѣими руками, и хотя мы были только выгнанные русскіе студенты, но мы поклялись бы, что станемъ работать не хуже всякаго другого, хоть будь онъ трижды мастеръ своего дѣла...

Но работы не было... Бродя съ утра до вечера, отдыхая на

тумбахъ или за городомъ на прибрежныхъ скалахъ, мы оборвались до послѣдней крайности. Говоря по совѣсти, уже въ первый день нашего вступленія въ Марсель, мы не имѣли серьезныхъ основаній обольщаться своею внѣшностью. Еще когда мы проходили Ниццу, какая то дѣвочка, игравшая возлѣ садовой калитки, бросилась, увидѣвъ насъ, къ крыльцу съ крикомъ: «maman, deux assassins!..» А въ Монако насъ даже арестовали и выпустили только подъ честное слово, что мы немедленно покинемъ территорію знаменитаго княжества. Теперь же наши костюмы способны были искусить самую покладистую снисходительность, и ближайшее будущее ихъ, въ связи съ нашей манерой шляться по всему городу, не обѣщало намъ ничего хорошаго. По вечерамъ мы употребляли героическія усилія, стараясь придать себѣ болѣе приличный видъ: мы чистили, выколачивали, шили и штопали при свѣтѣ тоненькой свѣчки, въ то время, какъ за стѣною попугай m-r Грюнберга карабкался въ темнотѣ по мебели, крича злобно и напряженно что-то въ высокой степени несуразное, очевидно, издѣваясь надъ нами...

Кромѣ Грюнберга у насъ были еще знакомства. Сказать кратко и опредѣленно, кто такой былъ m-r Коганъ, было бы затруднительно. На карточкѣ, прибитой у дверей Café de l'Etoile, гдѣ имѣлъ онъ постоянную резиденцію, его профессія обозначалась двумя словами: commissionaire, interpête. Ни то, ни другое не охватывало всего разнообразія дѣятельности m-r Когана. Намъ часто случалось встрѣчать его въ Новомъ Порту; захаживали мы въ Café de l'Etoile, гдѣ m-r Коганъ отдыхалъ отъ трудовъ, поучая и наставляя житейской мудрости пеструю полудюжину жизнерадостныхъ молодыхъ людей, торговавшихъ въ пассажирскомъ порту открытками и биноклями и носившихъ въ виду этого желтые штиблеты и яркіе галстухи.

Кафе, служившее резиденціей m-r Когана, на первый взглядъ не представляло собою ничего особеннаго. Обыкновенный приличный баръ,—изъ категоріи тѣхъ, гдѣ почтенные мелкіе буржуа, такъ остроумно воспѣтые С. Я. Елпатьевскимъ, выпиваютъ свой petit verre de vermouth,—съ длинной стойкой, обитой цинкомъ, и съ малоподвижнымъ «патрономъ», облеченнымъ въ жилетъ, величіе и безмолвіе, приличествующее гражданину и кабатчику великой республики... Но, присмотрѣвшись ближе, нельзя было не замѣтить, что тутъ былъ нѣкій центръ, управлявшій своимъ особымъ міркомъ. M-r Коганъ являлся властителемъ и верховнымъ руководителемъ этого мірка.

Если бы отъ меня настойчиво потребовали, чтобы я опредѣлилъ профессію m-r Когана непремѣнно однимъ словомъ,—я сказалъ бы, что онъ былъ пиратъ, такъ какъ жилъ онъ добычею съ иностранцевъ, плавающихъ по морямъ. Въ извѣстные дни онъ отправлялся въ портъ, приноравливаясь къ прибытію какого-нибудь пассажирскаго парохода, протискивался къ самой пристани и под-

жидалъ. Когда, шипя и отдуваясь, грузно подваливалъ къ берегу великолѣпный океанскій гигантъ, и сходили на берегъ толпы путешествующаго люда,—m-r Коганъ зоркимъ и опытнымъ взглядомъ мгновенно намѣчалъ себѣ плѣнника. Среди этой публики, вооруженной Бедэкерами, всегда имѣется не мало такихъ, которые путешествуютъ впервые. Узнать ихъ очень легко по растерянному и немного глупому виду. Выйдя на берегъ, они нѣкоторое время движутся вмѣстѣ съ толпой, потомъ останавливаются, безтолково озираются по сторонамъ, оглядываются зачѣмъ то на свой пароходъ, лѣзутъ въ карманъ за Бедэкеромъ и снова озираются. Кругомъ шумъ, гамъ, громъ; ихъ толкаютъ со всѣхъ сторонъ; какіе то прохвосты теребятъ ихъ, предлагая апельсины и еще всякую ерунду; ливрейные кучера и носильщики изъ разныхъ отелей дергаютъ ихъ за полы и рукава, пока они не сбиваются окончательно съ панталыкъ... Высмотрѣвъ одного изъ такихъ вотъ несчастныхъ, m-r Коганъ устремлялся къ нему. Націи онъ умѣлъ различать безошибочно. Онъ заговаривалъ съ потерявшимся туристомъ на его языкѣ и бралъ его подъ защиту такъ рѣшительно, что лицо иностранца сразу дѣлалось веселѣе. M-r Коганъ велъ его въ отель, за что, конечно, получалъ отъ содержателя соотвѣтствующее спасибо. Затѣмъ на нѣсколько дней иностранецъ поступалъ въ полное и безконтрольное распоряженіе m r Когана. M-r Коганъ водилъ его по городу, возилъ въ Chateau d'If, обѣдалъ съ нимъ вмѣстѣ и за его счетъ, торговался за него въ магазинахъ при покупкахъ разныхъ мѣстныхъ бездѣлушекъ, объяснялъ ему исторію памятниковъ, а также достоинства марсельскихъ устрицъ и bouillabaise'a, былъ ему проводникомъ, переводчикомъ, собесѣдникомъ, собутыльникомъ, отцомъ и благодѣтелемъ. Въ результатѣ представлялъ иностранцу необременительный счетъ и провожалъ его на пристань или на вокзалъ съ наилучшими пожеланіями.

Съ m-r Коганомъ у насъ случайно оказался общій знакомый въ Генуѣ,и на этомъ основаніи онъ принималъ въ насъ нѣкоторое участіе. Но онъ наотрѣзъ отказывался понимать наше пристрастіе къ черному труду. Къ тому же это вовсе и не такъ просто—найти работу, когда учили тебя вовсе не этому. О нашихъ морскихъ затѣяхъ m-r Коганъ отзывался съ нескрываемымъ презрѣніемъ. Развѣ мы матросы? M-r Коганъ желалъ бы хоть издали посмотрѣть на идіота, который внушилъ намъ эту мысль. Мы надорвемся черезъ два дня, если насъ не затошнитъ до смерти въ первый же день. При этомъ, если мы воображаемъ, что на суднѣ съ нами будутъ обращаться очень галантерейно, то наша глупость нуждается въ исключительномъ снисхожденіи. Почему намъ не попробовать торговать? Мы начинаемъ съ открытокъ; потомъ, расторговавшись, переходимъ на бинокли, операціи съ которыми могутъ въ короткое время поставить насъ на ноги. Вокругъ Марселя пропасть чудесныхъ видовъ,

и иностранцу бинокль необходимъ до зарѣзу: нужно только не дать ему времени добраться до нужнаго магазина. Важно также, чтобы путешественникъ не успѣлъ еще приспособиться къ быстрому переводу мѣстныхъ цѣнъ на свои деньги: тогда съ него свободно можно взять лишнихъ пять франковъ, чего не слѣдуетъ упускать изъ вида. Если вести дѣло съ умомъ, то можно пойти далеко, какъ пошелъ, напримѣръ, вотъ этотъ рыжій Люсьенъ въ оранжевомъ галстухѣ. Полгода назадъ онъ былъ почти безъ штановъ, а теперь ходитъ, какъ настоящій франтъ, и куритъ сигары только чуточку дешевле, чѣмъ m-r Коганъ. Правда, у него на плечахъ настоящая голова, а не скорлупа отъ кокосоваго орѣха, но вѣдь и насъ учили же чему нибудь въ университетѣ.

М-г Коганъ былъ очень разочарованъ, увидѣвъ, что его блестящее предложеніе не произвело должнаго эффекта. Во первыхъ, у насъ не было того, что принято называть оборотнымъ капиталомъ; во вторыхъ, не было ни малѣйшихъ способностей къ торговому дѣлу и не малѣйшей надежды на то, что онѣ когда либо появятся.

М-г Коганъ долго въ молчаніи разсматривалъ насъ, попыхивая толстой сигарой и постукивая пальцами по столу. Въ концѣ концовъ онъ, видимо, пришелъ къ заключенію, что никакого прока изъ насъ не выйдетъ, и что намъ слишкомъ далеко до рыжаго Люсьена, который того и гляди женится на дочкѣ сосѣдняго épicier. И не одного рыжаго Люсьена онъ, Коганъ, поставилъ на ноги, хотя все это были такіе же оборванцы, которые готовы были утопиться въ ложкѣ воды. Но изъ насъ ничего путнаго не выйдетъ.

— Въ Старомъ Портѣ,—сказалъ, наконецъ, m-r Коганъ,—есть одинъ мой знакомый. Его зовутъ Deutsch Harry. Онъ ставитъ матросовъ на суда. Попробуйте обратиться къ нему. Только неизвѣстно, когда онъ зайдетъ сюда, а дома вы его едва ли застанете. Онъ пьяница и непосѣда... Но сюда иногда заглядываетъ... Постойте... Вы сумѣете копать землю?

— Сколько угодно, хоть сейчасъ...—поспѣшно сказалъ я.

— Такъ вотъ, ступайте въ Campagne Vesinet. Тамъ живетъ русскій студентъ, управляющій. Онъ, навѣрное, дастъ вамъ земляную работу,—въ деревнѣ теперь работы много. Это недалеко—километровъ пятнадцать...

Отъ волненія мы почти не спали въ эту ночь. Какую перспективу открыло передъ нами это случайное предложеніе. Русскій студентъ ужъ, навѣрное, это не чета выгнавшему насъ профессору. А какая это чудесная вещь—копать землю въ деревнѣ... Ухъ, какъ мы ее вскопаемъ!. Что за молодчина, однако, этотъ неизвѣстный коллега.

Солнце едва поднялось, когда мы вышли за городъ. Идти было весело. Дорога прихотливо вилась между невысокими, отлогими холмами, то пропадая между нихъ, то взбираясь на ихъ вершины.

Тогда слѣва, всякій разъ, какъ негаданная радость, открывалось море въ розовой дымкѣ южнаго утра, спокойное, свѣжее, еще не успѣвшее разгорѣться и заблистать въ огненныхъ лучахъ полуденного солнца; вѣтеръ доносилъ до насъ его утреннее животворное дыханіе, и такъ было весело и вольно шагать между этихъ красноватыхъ холмовъ, поросшихъ мелкимъ кустарникомъ, что спохватились мы только тогда, когда намъ стало ясно, что мы сбились съ пути.

Пошли разспросы у встрѣчныхъ крестьянъ. По убѣжденію одного изъ нихъ, отыскать Везинэ было легко до смѣшного.

— C'est ben simple, n'est ce pas?.. Вы идите отсюда вотъ такъ, все прямо n'est ce pas?.. Километровъ семь. Берите влѣво, n'est ce pas... Идете прямо не болѣе одного километра, затѣмъ берете вправо, n'est ce pas,—et vous tomberez la bàs.

Мы вѣжливо поблагодарили славнаго малаго за любезность, на что онъ основательно замѣтилъ, что «это ему ровно ничего не стоитъ». Намъ за то этостоило остатковъ нашихъ подошвъ, потому что выполнить въ точности маршрутъ, начертанный намъ съ такой завидной простотэй, оказалось гораздо труднѣе, чѣмъ сдѣлать верстъ двадцать безъ всякаго толку. Въ концѣ концовъ мы забрались въ какой то лѣсъ, сбились съ направленія, забыли, откуда мы шли, заподозрѣли, что мы шли именно оттуда, куда теперь идемъ,—и усѣлись, обливаясь потомъ, на пнѣ какъ-разъ возлѣ дерева, на которомъ была прибита доска съ надписью, воспрещавшей проходъ по лѣсу.

— Куда же теперь?—спросилъ Викторъ, когда мы отдохнули.

— Не все ли равно?—сказалъ я.—Пойдемъ, куда попало.

Поднявшись, мы пошли, куда глаза глядятъ, предавши проклятію и Когана, и встрѣчнаго мужичка, и себя самихъ, и даже русскаго студента, забравшагося невѣсть въ какія трущобы. Найти его мы уже не надѣялись: лишь бы выбраться изъ этого проклятаго лѣса.

Неожиданно лѣсъ сталъ рѣдѣть, и вдругъ передъ нами открылась просторная зеленая лужайка. Чистый ручей плескался у подошвы небольшого холмика, огибая его и пропадая въ лѣсу. Стадо овецъ паслось на лугу; невдалекѣ, на лѣсной опушкѣ виднѣлись какія то строенія, бѣленькія, чистенькія, подъ черепитчатыми кровлями, отчетливо и весело краснѣвшими на темной зелени лѣса. Надъ ручьемъ въ философическомъ раздумьѣ сидѣлъ съ коротенькой трубкой въ зубахъ приземистый дѣтина съ бронзовымъ лицомъ, въ широчайшей соломенной шляпѣ, блузѣ безъ пояса, плисовыхъ брюкахъ и деревянныхъ sabots. Огромный бичъ, символъ его дискреціонной власти, мирно лежалъ рядомъ.

Приблизившись, мы вѣжливо сняли шляпы.

— Скажите, пожалуйста,—сказалъ я:—какъ намъ пройти въ Vesinet?

— Это здѣсь и есть... Qu'est ce qu'vous voulez?

— Видите ли, мы ищемъ одного молодого русскаго, который живетъ здѣсь. Его зовутъ Пьеръ.

— Sacrebleu! Mais c'est moi-même!

Неожиданный отвѣтъ сбилъ насъ съ толку. Что за оказія? Коганъ говорилъ намъ о русскомъ студентѣ, объ управляющемъ. Сидѣвшій передъ нами парнюга, во первыхъ, по всѣмъ видимостямъ, былъ только пастухомъ, во вторыхъ, законченнымъ экземпляромъ французскаго пейзана, отъ бронзоваго лица до деревянныхъ башмаковъ. Парень невозмутимо разглядывалъ насъ, посасывая трубку, сплевывая въ полъ-оборота и не обнаруживая ни тѣни любопытства или нетерпѣнія.

— Позвольте,—нерѣшительно сказалъ я:—вы вѣдь русскій?

— Mais voui! Qu'est ce qu'vous voulez?

— Въ такомъ случаѣ вы, конечно, и говорите по русски? — сказалъ я, переходя уже на отечественный языкъ.

Парень поднялся и удивленно посмотрѣлъ на насъ. На лицѣ его изобразилось нѣкоторое смущеніе.

— Ну да, говоримъ... — сказалъ онъ съ видимымъ трудомъ: —только я немножко забылъ... А вы скудова вы сами?

Мало по-малу мы разговорились. Мѣшая русскую мужицкую рѣчь съ ужасающимъ южно-французскимъ нарѣчіемъ, парень разъяснилъ намъ заблужденіе, въ которое ввелъ насъ m-r Коганъ. Малый никогда не былъ студентомъ, а былъ онъ запросто бѣглый русскій матросъ, удравшій съ военнаго крейсера въ Тулонѣ года четыре тому назадъ. За это время онъ успѣлъ офранцузиться окончательно, такъ какъ грамотенъ не былъ и писемъ съ родины не получалъ. Языкъ русскій онъ почти позабылъ. Однако, часъ спустя, онъ направился и ругался великолѣпно. Удралъ онъ, по его опредѣленію, «дуро̀мъ», и теперь вотъ пасетъ «brobis». Коганъ слышалъ о немъ, вѣроятно, черезъ одного поляка въ Марселѣ, которому онъ возилъ молоко.

Къ нашимъ разсказамъ о себѣ малый отнесся съ веселымъ скептицизмомъ:

— Ну, чорта ли тамъ? Протяпали вѣрно что-нибудь? Не иначе. Вѣрно говорю, ребята? О, sacrebleu! Это здѣсь такъ ругаются,—пояснилъ онъ.—Тутъ все иначе говорятъ, а по нашему никто не можетъ понимать. Все другое. У нихъ, скажемъ, ругаются nom de chien, по нашему сказать...

Тутъ парень пристегнулъ совершенно нецензурное выраженіе, въ наивной увѣренности, что онъ даетъ намъ точный переводъ,— и залился веселымъ смѣхомъ.

— Протяпали, стало быть, что-нибудь?—повторилъ онъ, вкладывая въ понравившееся ему слово какой-то совершенно невѣдомый смыслъ.—Ну, ничего. Тутъ тоже люди живутъ... И хорошо,

братъ, лучше нашего, куда ты... Я и читать по здѣшнему, и писать умѣю...

Разговоръ съ нами пробудилъ въ маломъ заглохшія воспоминанія. Гдѣ-то въ Орловской губерніи были у него отецъ, мать, двое братьевъ. Извѣстное дѣло, пашутъ землю; живутъ, оно, конечно, бѣдно. Меня поразила въ нашемъ соотечественникѣ страшная вялость, какая-то безжизненность воспоминанія; что-то онъ, видимо, старался припомнить и представить себѣ ярко, но ничего изъ этого не выходило, какъ будто мысль его скользила въ какомъ-то пустомъ пространствѣ... «Оно, конечно, трудно... Опять же, скажемъ, подать, ну, понятно, знамо дѣло»... Съ воспоминаніями, однимъ словомъ, ничего не выходило. О французской своей жизни парень, напротивъ, распространялся охотно, съ увлеченіемъ.

— Братъ ты мой... — вдругъ схватился онъ. — Ребятушки... вѣдь вы говорите, съ утра изъ городу. Что же я поѣсть то вамъ!..

Пьеръ сорвался и стремглавъ бросился на ферму. Черезъ минуту онъ возвратился съ огромной ковригой бѣлаго хлѣба и бутылкой вина. И то, и другое мы съѣли и выпили съ жадностью, доставившей Пьеру невыразимое удовольствіе...

Никакой работы Пьеръ дать намъ, разумѣется, не могъ. Мы поболтали еще часа два и простились дружески. Прежде чѣмъ углубиться въ лѣсъ, мы оглянулись еще разъ. Молодая дѣвушка подбѣжала къ нашему «студенту», и между ними шелъ самый оживленный и веселый разговоръ на великолѣпномъ южно-французскомъ жаргонѣ. Въ это время нѣсколько овецъ отбилось отъ стада, и оба они кинулись за овцами съ крикомъ и смѣхомъ. Пьеръ щелкалъ бичемъ возлѣ самыхъ ногъ дѣвушки, она взвизгивала съ дѣланнымъ испугомъ, и оба были совершенно счастливы. Малый, повидимому, пустилъ глубокіе корни во французской почвѣ.

Солнце склонялось далеко за полдень. Возвращаться было грустно. Опустивъ головы, мы медленно плелись, одинъ за другимъ, и только поздним вечеромъ добрались домой, пыльные, грязные, оборванные и измученные до послѣдней степени. Въ этотъ день мы сдѣлали, вѣроятно, верстъ сорокъ или пятьдесятъ... Картошку мы варить не стали, а прямо легли впотьмахъ, не зажигая свѣчи.

Это былъ одинъ изъ наиболѣе тяжелыхъ нашихъ вечеровъ. Лежа, мы оба молчали, глядя въ темноту. Попугай за стѣной болталъ во все горло, что-то, очевидно, недружелюбное. Онъ былъ старый мизантропъ и циникъ, этотъ попугай, и теперь его громогласные монологи имѣли, вѣроятно, тотъ смыслъ, что намъ придется протянуть ноги съ голоду, и что онъ это предвидитъ, и очень радъ этому, такъ какъ единственный сносный человѣкъ — его хозяинъ, да и тотъ негодяй, потому что не кормитъ его по цѣлымъ днямъ...

И самая встрѣча съ соотечественникомъ, вмѣсто той освѣжающей радости, какой мы ждали, оставила по себѣ какую-то неясную, тяжелую муть. Не везло намъ и съ соотечественниками. Одинъ привезъ на чужбину и прочно консервировалъ все то злое, темное, упрямое и непримиримое, что казалось такимъ прочнымъ у насъ на родинѣ; другой за то позабылъ все начисто...

Почему этотъ парень такъ легко стряхнулъ съ себя все, что дала ему отчизна? Какъ скупа, очевидно, была она къ нему, какъ темно и скудно должно было быть его существованіе, какою сѣрою и безцвѣтною была его жизнь, если всѣ краски ея такъ полно сбѣжали съ души за четыре года... И то вѣдь: о чемъ было ему помнить, ради чего было беречь родную русскую рѣчь, на которой онъ чаще всего только бранился или жаловался въ пьяномъ видѣ, не понимая хорошенько, на что жалуется онъ, и кто виноватъ въ томъ, что его жизнь — жизнь скотская, злая, холодная, тусклая жизнь?.. Какъ мутный, безтолковый сонъ, тяготѣла она надъ душою и забылась, и свѣялась съ души, какъ сонъ, мутный и безтолковый...

Невесело думалось въ эту ночь о Россіи, такъ же невесело, какъ въ ту ночь, когда я, усталый, измученный и злой, пришелъ къ австрійской границѣ. Помню, когда я оглядывался назадъ, на эту безконечную сплошную равнину, слившуюся вдали съ печальнымъ бѣлесоватымъ небомъ: мнѣ казалось, что тамъ, за этой мутной пеленой, нѣтъ ничего живого, кромѣ жандармовъ. Правда, я зналъ, что тамъ есть и еще кое-что живое, но такъ какъ человѣку свойственно смотрѣть на вещи по преимуществу субъективно, то мнѣ, въ тогдашнемъ моемъ положеніи, вся Россія представлялась жандармомъ по преимуществу.

Я вспомнилъ себя въ маленькой, дымной, полутемной землянкѣ съ однимъ крошечнымъ окошечкомъ, уже занесеннымъ сугробомъ почти наполовину. Сквозь оставшуюся свободную часть я видѣлъ, какъ крутились, свиваясь и разсыпаясь въ прахъ, снѣжные вихри; какъ иногда, словно по условленному сигналу, разомъ стихали они, и тогда сквозь туманную, рѣющую дымку тускло желтѣлъ ущербный мѣсяцъ.

Въ углу около печи, на кучѣ грязной соломы крѣпко спала молодая женщина; ребенокъ спалъ возлѣ нея, тѣсно прильнувъ къ ея груди и временами пугливо вздрагивая. Двое контрабандистовъ на лавкѣ играли въ шашки передъ закопченымъ фонаремъ. Надъ головой одного изъ нихъ, въ углу, мрачно чернѣлъ образъ какого-то святого. Сонъ клонилъ меня...

Низенькая дверь отворилась, и облака бѣлаго морознаго пара наполнили лачугу. Громадная фигура, засыпанная снѣгомъ, приблизилась къ играющимъ...

— Айда, ребята...

— Эге.. Смѣна, что ли?—спросилъ одинъ, вставая.

— Сейчасъ идетъ... Айда, господинъ.

Я вышелъ съ двумя контрабандистами. Мы долго шли по глубокому снѣгу, сначала рѣдкимъ лѣсомъ, потомъ черезъ кладбище. Черные перекосившіеся, поломанные кресты печально торчали кругомъ; вѣтеръ съ шумомъ и свистомъ носился по кладбищу, вздымая вороха снѣга, и они клубились, плясали и взвивались между крестами, какъ фантастическіе призраки. За кладбищемъ мѣстность отлого спускалась къ рѣкѣ.

Здѣсь мы остановились. Одинъ изъ проводниковъ пошелъ впередъ на развѣдки; прошли минуты довольно тягостнаго ожиданія. Потомъ мы двинулись черезъ рѣчку гуськомъ, другъ за другомъ, держась близь какой-то невысокой плетеной загороди, перерѣзавшей рѣку съ одного берега до другого. Шаговъ за семьдесятъ впереди насъ, на другомъ берегу, начиналась Австрія.

Вдругъ я услышалъ короткій, сдавленный шепотъ: «Ложись»... Шедшій впереди меня проводникъ повалился ничкомъ, крѣпко прижавшись къ сваямъ, перегораживавшимъ рѣку. Я послѣдовалъ его примѣру и растянулся на льду, сдерживая дыханіе. Мы лежали такъ нѣсколько минутъ. Приподнявъ немного голову изъ-за нашего прикрытія, я съ трудомъ различилъ шагахъ въ шестидесяти отъ насъ стройную фигуру часового. Временами неугомонная пляска снѣговыхъ вихрей прекращалась, и часовой былъ ясно виденъ мнѣ въ блѣдномъ сіяніи ущербной луны; крутящіяся облака снѣжной пыли то скрывали его, то вновь онъ показывался въ бѣлой буркѣ и бѣлой папахѣ, спокойный и неподвижный, какъ статуя... Наконецъ, я услышалъ удалявшіеся шаги, и когда снова разорвалась снѣжная движущаяся пелена, никого не было видно на рѣкѣ; коегдѣ лишь блѣдно свѣтлѣли небольшіе блики льда, выступавшіе изъ подъ льда.

Минуту спустя мы всѣ трое проворно взобрались на высокій и крутой австрійскій берегъ и тамъ, наверху, усѣлись прямо въ снѣгъ отдохнуть. Мятель какъ-то разомъ утихла; изрѣдка вставалъ гдѣ-нибудь одинокій крутящійся столбикъ и тутъ же замиралъ безсильно, должно быть, убѣдившись, что всѣмъ его пріятелямъ уже надоѣла безтолковая возня. Бѣлая пелена, заволакивавшая небо, таяла и рѣдѣла; тамъ и сямъ сквозь нее уже загорались звѣзды. Луна свѣтила низко надъ горизонтомъ, озаряя разстилавшуюся передъ нами безконечную, бѣлую, мертвую равнину. Это была Россія. Что-то тупое и тяжелое наполнило мнѣ грудь и подступило къ горлу...

И часто—въ минуты усталости, малодушія, тоски—вставала въ моей памяти эта безкрайная бѣлая равнина, освѣщенная грустнымъ матовымъ свѣтомъ ущербнаго мѣсяца, страшно-спокойная, полная загадочнаго безмолвія. Чѣмъ разрѣшится эта скорбная загадка? Какимъ словомъ прервется это глубокое, таинственное безмолвіе?

. . . .

— Спишь, Евгеній?—глухо спрашиваетъ меня Викторъ.

— Нѣтъ.

— Пойдемъ завтра въ Старый Портъ искать этого дьявола,— какъ его? про котораго говорилъ Коганъ?

— Дейчъ Гарри?

— Во-во... А теперь спи, братъ. Нечего зря валяться.

II.

Въ Старомъ Портѣ.

Старый Портъ, древняя гавань римской Массиліи, является совершенно обособленнымъ уголкомъ современнаго культурнаго Марселя. Какъ пристань, онъ давно уже уступилъ свое значеніе колоссальнымъ искусственнымъ бассейнамъ Новаго Порта, устроеннымъ при помощи гигантскихъ моловъ, вдвинутыхъ прямо въ море. Ни одинъ порядочный океанскій пароходъ не заглядываетъ въ Старый Портъ, въ небольшую, сравнительно, узкую и длинную бухту. За то здѣсь находитъ пріютъ неимовѣрное количество парусныхъ судовъ, бриговъ, шхунъ и баркасовъ, упорно отстаивающихъ свое существованіе противъ торжествующаго господства парового винта. Дремучій лѣсъ мачтъ, переплетенныхъ воздушною паутиной снастей, высится, колеблясь, надъ обоими берегами бухты, пестрѣя вымпелами и флагами всѣхъ странъ свѣта, плавающихъ по морямъ. Суда стоятъ вдоль берега сплошною стѣной, тѣсно прижавшись другъ къ другу, такъ что можно, какъ Аяксъ, по палубамъ обѣжать весь портъ. Отъ острыхъ, приподнятыхъ кверху носовъ, украшенныхъ часто облинявшими символическими фигурами, переброшены на плиты пристани коротенькія доски-сходни; подъ ними, въ узкомъ промежуткѣ, между фалангой судовъ и каменною набережной, неподвижно стоитъ темно-зеленая, грязная вода, покрытая всевозможными отбросами. Тутъ вѣчно копошатся рои мальчишекъ, вылавливающихъ палками упавшіе при разгрузкѣ апельсины.

Населеніе этихъ судовъ рѣзко разнится отъ населенія пароходовъ, хозяйничающихъ въ Новомъ Портѣ. Тутъ все народъ суровый, дикій, не охочій до разговоровъ и слишкомъ дорожащій временемъ стоянокъ на сушѣ, чтобы особенно увлекаться работой. Оживлены только суда, еще не успѣвшія разгрузиться или грузящіяся вновь. Палубы всѣхъ остальныхъ тихи и пусты; изрѣдка покажется на ютѣ вылѣзшая изъ кормовой каюты лѣнивая фигура боцмана, изнывающаго отъ скуки и желанія выпить, постоитъ нѣсколько времени на палубѣ, позѣвывая и почесываясь, пройдется вяло до бака, заглянетъ въ пустой матросскій «кубрикъ» и крошечный «камбузъ» (кухню) съ остывшей печью и спящимъ «кокомъ»—и скроется вновь...

Судамъ этимъ живется неважно. Дьявольская выдумка, замѣ-

нившая благородный парусъ винтомъ, роющимся подъ водою, окончательно отбиваетъ у нихъ хлѣбъ. Кто теперь станетъ сдавать грузъ на какую-нибудь трехмачтовую «Леду», которая не можетъ даже сказать напередъ, когда она доберется до Гулля? Конечно, если будетъ хорошій вѣтеръ, да не заштилѣетъ въ проклятомъ мѣстѣ у Гибралтара, да не отнесетъ куда-нибудь къ западу, въ въ океанъ, миль на семьсотъ, то можно доплыть въ какихъ-нибудь двѣ-три недѣли. Но, разумѣется, все можетъ случиться: бываетъ, что тутъ же, въ виду города, въ Ліонскомъ заливѣ настоишься цѣлую недѣлю, а любой изъ этихъ пыхтящихъ чертей успѣетъ за это время дойти до Англійскаго Канала. Конечно, всякій предпочитаетъ имѣть дѣло съ ними, а на парусныя суда попадаетъ только самый дрянной грузъ, съ которымъ спѣшить нечего: придетъ черезъ три недѣли—и хорошо, черезъ два мѣсяца—тоже ничего. Правда, фрахтовыя цѣны на парусныхъ судахъ втрое и вчетверо ниже пароходныхъ. Лучше другихъ работаютъ маленькія каботажныя, двухъ и даже одномачтовыя шхунки, развозящія по средиземно-морскимъ берегамъ испанскіе апельсины, оливковое масло и англійскій каменный уголь. Онѣ въ вѣчной работѣ, и видъ у нихъ поэтому истрепанный и жалкій до невозможности.

Неширокая набережная, окружающая бухту, заставлена ящиками, бочками, оставляя лишь узкій проходъ для телѣгъ. На сколько тихи и безмолвны тѣсныя фаланги судовъ, на столько же здѣсь круглый день царитъ непрестанное, порою бурное оживленіе. Тутъ владычество кабака. Ни одного склада, амбара, магазина или просто навѣса вы не найдете здѣсь; сплошной стѣнѣ судовъ у берега соотвѣтствуетъ сплошная стѣна кабаковъ на берегу, такъ что, сбѣжавъ по сходнѣ на пристань, морякъ попадаетъ прямо въ открытую дверь, не тратя времени на лишніе поиски. Это особенно удобно для вахтеннаго, ставящагося на бакѣ до разгрузки судна: ему нужно не болѣе полминуты, чтобы прянуть въ кабакъ, хватить стаканъ абсента и отпрянуть на свое мѣсто, прежде чѣмъ боцманъ замѣтитъ его отсутствіе.

Названія кабаковъ разсчитаны на всѣ націи и на всѣ характеры. Вотъ «Баръ Феликсъ Форъ»; рядомъ съ нимъ «Баръ Королевская Голова», за которой непосредственно слѣдуетъ «Баръ Веселыхъ Моряковъ», сосѣдствующій въ свою очередь съ баромъ «Сенегалъ». Имѣется кафе «Летучій Голландецъ» и баръ «Всѣхъ Странъ Свѣта», стоящій, видимо, на космополитической точкѣ зрѣнія. Несмотря на свою многочисленность, всѣ эти учрежденія находятся въ цвѣтущемъ состояніи, и видъ ихъ патроновъ, неизмѣнно и безъ всякихъ основаній именующихъ себя «кептэнъ», не оставляетъ желать лучшаго. Населеніе судовъ Стараго Порта пропивается здѣсь до тла, такъ какъ по убѣжденію, исповѣдуемому «настоящимъ» паруснымъ матросомъ, моряку можно выходить въ море только съ абсолютно пустымъ карманомъ.

Эта сплошная стѣна кабаковъ со стороны гавани довольно красива со своими пестрыми вывѣсками и большими стеклами; когда въ нихъ зажигается свѣтъ, вся бухта опоясывается длинною огнистою цѣпью. Это парадный фасадъ порта. За нимъ, въ глубинѣ стараго города, начинается царство ужасающей портовой трущобы, день и ночь кипитъ пьяная, распутная, угарная жизнь публичнаго дома. Сюда ведутъ съ пристани узкіе, кривые переулки, ходить по которымъ даже днемъ слѣдуетъ съ опаской. Грязные, почернѣлые дома, безобразно узкія, извилистыя улицы, закиданныя устричными раковинами, объѣдками фруктовъ и другой дрянью,— и у открытыхъ низенькихъ дверей десятки неодѣтыхъ, нечесаныхъ, немытыхъ и нетрезвыхъ женщинъ, сиплыми голосами зазывающихъ прохожихъ или ожесточенно переругивающихся другъ съ другомъ.

Нѣсколько улицъ занято разнымъ матросскимъ товаромъ. Синія куртки и панталоны, клеенчатыя непромокаемыя «винцерады» живописно мотаются надъ дверями крошечныхъ лавчонокъ: тутъ можно пріобрѣсти все, что нужно порядочному матросу, отъ сапогъ до пышныхъ шейныхъ платковъ пламенно-пестрыхъ окрасокъ. Часто все это на другой же день вновь продается сюда, разумѣется, за половинную или четвертную цѣну, смотря по степени похмелья.

Здѣсь же обитаетъ и ведетъ свои дѣла то древнее и почтенное сословіе, на которое мы теперь возлагали всѣ свои надежды.

Бордингъ-мейстеръ это — поставщикъ матросовъ на суда. Пропившійся вдребезги матросъ является къ бордингъ-мейстеру и предъявляетъ ему свои бумаги, послѣ чего бордингъ-мейстеръ даетъ ему уголъ, койку, столъ, даже одежду, являясь въ данномъ случаѣ сущимъ благодѣтелемъ человѣка, которому пришлось туго. Мало того, онъ обязуется даже отыскать матросу мѣсто: до тѣхъ поръ матросъ можетъ жить, ѣсть и курить на хозяйскій счетъ. Черезъ недѣлю-двѣ хозяинъ, дѣйствительно, помѣщаетъ его на судно, за что капитанъ выдаетъ ему мѣсячный «адвансъ» принятаго матроса. Такъ ведется споконъ вѣка, и почтенное сословіе является тою каменною стѣной, за которой привольно и безтревожно развивается матросское бражничество. Матросы не говорятъ «пропился до нитки». Пропился «до бордингъ-гауза». Кабакъ—альфа, бордингъ-гаузъ—омега береговой жизни матроса.

Однимъ изъ такихъ благодѣтелей человѣчества былъ и нашъ Deutsch Harry, котораго искали мы часа два.

Наконецъ, мы нашли его жилище. Суровая съ виду, рыжая женщина сказала намъ, что хозяина можно найти въ лавочкѣ на углу набережной. Въ лавочкѣ намъ посовѣтовали подождать, такъ какъ кептэнъ пошелъ промочить горло. День былъ жаркій, и горло почтеннаго кептэна, повидимому, пересохло отчаянно, такъ какъ промачивалъ онъ его добрыхъ три четверти часа, въ теченіе которыхъ мы могли безпрепятственно наслаждаться зрѣлищемъ шумной и пестрой жизни, кипѣвшей кругомъ и гомонившей тысячью

голосовъ. Лавочка торговала птицами. Фантастически - яркіе бразильскіе и аргентинскіе попугаи, синіе, зеленые, огненно-красные, орали, надсаживаясь и стараясь перекричать другъ друга, ползая по стѣнкамъ клѣтки, цѣпляясь за прутья клювомъ или повисая внизъ головой. Цѣлые рои крошечныхъ колибри и другихъ неизвѣстныхъ намъ птичекъ рѣяли въ большихъ проволочныхъ клѣткахъ, похожіе издали на живые порхающіе цвѣты. Стоялъ оглушительный свистъ и гамъ, что не помѣшало оборванной дѣвчонкѣ остановиться передъ нами и пропѣть «Viens, Poupoule» съ начала до конца, при чемъ лицо и голосъ ея сохраняли совершенно равнодушное выраженіе, а глаза были устремлены на лотокъ съ какими то калачами, стоявшій на тротуарѣ. Пришлось положить ей въ протянутую кокосовую скорлупу два су, такъ какъ она дала понять, что пѣньемъ своимъ она имѣла въ виду доставить эстетическое наслажденіе именно намъ. Плату свою дѣвочка получила во время, такъ какъ огромная негритянка, подметавшая тротуаръ, была, повидимому, плохой цѣнительницей пѣнья. Едва дѣвчонка взяла свои два су, какъ африканская красавица съ изумительной ловкостью поддѣла ее метлой сзади и перекинула на другую сторону улицы. Продѣлавъ эту операцію, она повернулась къ намъ и погрозила намъ метлой, при чемъ бѣлки и зубы у ней ослѣпительно блеснули подъ солнцемъ. Викторъ хотѣлъ выругаться, но, къ счастью, изъ французскихъ ругательствъ онъ зналъ только cochon, что не произвело на женщину ни малѣйшаго впечатлѣнія, и она спокойно принялась за свое дѣло.

Deutsch Harry, наконецъ, явился. Былъ это огромный дѣтина съ бѣльмомъ на глазу и съ одной только половиною уха. Другая была оторвана, вѣроятно, въ какой-нибудь схваткѣ. Оба эти недостатка, какъ природный, такъ и благопріобрѣтенный, мало смущали ихъ обладателя, нисколько не мѣшая ему выглядѣть молодцомъ. Горло почтеннаго кептэна, очевидно, пересохло безповоротно, разъ и навсегда: нельзя было сомнѣваться въ томъ, что оно только что было основательно промочено, однако голосъ у него былъ престраннаго тембра, напоминавшаго одновременно скрипъ фокъ-мачты и рычаніе дикаго звѣря.

— Чего вамъ, ребята?—спросилъ кептэнъ, уставя на насъ бѣльмо.

Мы объяснили, что намъ нужно, присовокупивъ для вящей убѣдительности, что явились мы по совѣту m-r Когана.

— Ага...— сказалъ Deutsch Harry невозмутимо:—значитъ, старый прохвостъ живъ и здоровъ. Я знаю эту бестію. Ну, хорошо. Только на какой же чортъ вы мнѣ понадобились? Если старый дуракъ Коганъ думаетъ, что вамъ можно получить мѣсто на суднѣ, то пусть вамъ и дастъ мѣсто.

Высказавъ это соображеніе, Deutsch Harry усмѣхнулся кабат-

чику, стоявшему въ дверяхъ на противоположной сторонѣ улицы, затѣмъ нѣсколько времени критически осматривалъ насъ.

— Навѣдайтесь черезъ недѣлю...—сказалъ онъ.—Можетъ быть, найдется оселъ, которому вы пригодитесь.

Послѣ этого бѣльмо браваго кептэна обратилась внутрь лавчонки, и обладатель его забылъ о нашей судьбѣ, поставивъ ее въ зависимость отъ существованія нѣкоего осла. Нѣсколько минутъ мы стояли на мѣстѣ, соображая выгоды этого положенія; потомъ повернули за уголъ и уныло поплелись вдоль пыльной и раскаленной набережной. Тутъ все текло обычнымъ порядкомъ. Медленно двигались телѣги съ разнымъ грузомъ, щелкали бичами погонщики, громыхали по сходнямъ какія то бочки. Невдалекѣ направо медленно отходилъ отъ берега великолѣпный бѣлый четырехмачтовый бригъ, увлекаемый маленькимъ буксирнымъ «тауботомъ» къ выходу изъ бухты, откуда сіяло и голубѣло тихое прекрасное море. Мальчишки ползали по сходнямъ; изъ кабаковъ неслись звуки пѣсенъ и щелканье ручной рулетки. Однимъ словомъ, обычная жизнь Стараго Порта шла полнымъ ходомъ, давая каждому свое, и только мы понуро брели по улицѣ, никому не нужные и невѣдомо зачѣмъ затесавшіеся въ этотъ совершенно не желающій насъ міръ. Вѣроятно, фигуры наши были до невозможности нелѣпы, такъ какъ даже одноногій нищій, комфортабельно расположившійся возлѣ тротуара и съ видомъ записного бонвивана раскуривавшій поднятый имъ на мостовой сигарный окурокъ, посмотрѣлъ на насъ саркастически и пустилъ какое то язвительное замѣчаніе, къ счастью, непонятое нами.

Солнце пекло безпощадно; сухая удушливая известковая пыль носилась въ раскаленномъ воздухѣ. Побродивъ еще нѣсколько часовъ, мы должны были признать, что ословъ, которымъ мы могли бы пригодиться, нѣтъ на этихъ безчисленныхъ судахъ, развозящихъ по морю разную дрянь. Въ мрачномъ отчаяніи, придавленные и злые, мы присѣли на одинъ изъ ящиковъ, загромождавшихъ берегъ, угрюмо озираясь по сторонамъ. Куда идти? Если были въ эту минуту два человѣка, которымъ идти было рѣшительно некуда, то это были мы, я и Викторъ.

Желтоволосая женщина, стоявшая въ дверяхъ кабачка, разумѣется, ничемъ не могла привлечь нашего вниманія. Намъ также было мало дѣла до нея, какъ и до того обстоятельства, что кабачекъ ея назывался «Bar Edward VII»! Не все ли равно: седьмой, шестой или десятый? Но вдругъ Викторъ сказалъ мнѣ:

— Знаешь что, дружище... Намъ идіотски не везетъ, и мы уже цѣлый мѣсяцъ живемъ хуже всякой собаки. Такъ не долго одичать. У насъ сейчасъ всего девяносто сантимовъ, которые насъ не спасутъ. Давай наплюемъ на все, пропьемъ ихъ, а я поиграю на піанино...—Предложеніе совершенно выходило изъ ряда вонъ.

Въ открытую дверь бара «Эдуардъ Седьмой», дѣйствительно, было видно піанино. Кабачекъ былъ пустъ.

— Ты ли это, мой строгій другъ?—сказалъ я.

— Наплевать,—повторилъ Викторъ, убѣжденно глядя на меня, (дѣйствительно, въ нашемъ настоящемъ положеніи самое лучшее было наплевать).

Минуту спустя желтоволосая женщина ставила передо мною на столикѣ литръ холоднаго пива, а Викторъ, расположившійся за піанино, наигрывалъ что-то трогательно-меланхолическое. Игралъ онъ вообще очень недурно. Правильнаго музыкальнаго образованія у него не было, но, музыкальный по природѣ, онъ замѣнялъ его недостатокъ искреннимъ, хотя нѣсколько однообразнымъ лиризмомъ. Слушать его было во всякомъ случаѣ пріятно. Я налилъ ему пива, и долго такъ мы сидѣли въ этомъ кабачкѣ, отдыхая физически и душевно. Музыка удивительная вещь.. Всего лишь двадцать минутъ назадъ мы чувствовали себя несчастнѣйшими тварями на землѣ; теперь же дѣла наши казались мнѣ вовсе не такъ уже плохи, и мысли приняли совсѣмъ другой оборотъ. Кто знаетъ? Мы молоды и сильны, а жизнь во всякомъ случаѣ прекраснѣйшая и интереснѣйшая вещь. Прекрасно море и небо, и этотъ грохотъ и блескъ человѣческаго труда, и вся штука въ томъ, чтобы не киснуть, а идти смѣло въ этотъ гремящій и блещущій водоворотъ, который рано или поздно тебя подхватитъ... И, можетъ быть, намъ сегодня же повезетъ...

Желтоволосая женщина, слушавшая музыку, стоя за прилавкомъ, вдругъ обратилась ко мнѣ:

— Вы итальянцы?

— Нѣтъ, мы русскіе.

— Русскіе?—удивилась она.—Въ самомъ дѣлѣ, вы русскіе? Святая Матерь!...

Женщина вышла изъ за стойки и сѣла рядомъ со мною, оглядывая то меня, то Виктора съ непонятно-жаднымъ любопытствомъ.

— Почему этой бабѣ кажется, что человѣкъ не можетъ быть русскимъ?—сказалъ Викторъ.

— Это вашъ товарищъ говоритъ по русски?—спросила женщина съ новымъ приступомъ изумленія.

— Oui, madame!—отвѣтилъ очень галантно Викторъ, всегда охотно пользовавшіся случаемъ пустить въ дѣло тѣ пятнадцать словъ, какія онъ зналъ во французскомъ языкѣ.

Женщина продолжала удивленно разсматривать насъ, какъ будто мы были чучелами какихъ нибудь гетчинсоновскихъ ископаемыхъ.

— А вы, судя по вашему акценту, не француженка?—спросилъ я, такъ какъ она молчала.

— Да, я голландка. Все-таки это ужасно интересно, что вы

русскіе... И вашъ товарищъ такъ хорошо играетъ. Что вы дѣлаете здѣсь?

— Мы ищемъ работы,—сказалъ я.

— А... Но вѣдь вашъ товарищъ можетъ играть... Подождите немного,—вдругъ сказала желтоволосая хозяйка.—Я сейчасъ спрошу патрона. Посидите здѣсь.

Она вышла.

— Вотъ, братъ, штука!—сказалъ Викторъ. Очевидно, у него мелькнула та же мысль, что и у меня,

Черезъ минуту хозяйка явилась въ сопровожденіи плотнаго, краснолицаго мущины въ жилетѣ. Его, видимо, оторвали отъ обѣда: губы его лоснились, а въ рукахъ былъ недопитый стаканъ съ виномъ.

— All right!—сказалъ онъ, посмотрѣвъ поочередно на насъ.

— Патронъ предлагаетъ вамъ играть у насъ по вечерамъ,—сказала женщина:—вы будете получать каждый разъ одинъ франкъ, кромѣ того вы, конечно, будете дѣлать la quête. Вечеромъ здѣсь много бываетъ гостей, вы можете заработать кое-что.

— Что такое la quête?—спросилъ я.

Хозяйка схватила со стола блюдечко, протянула его ко мнѣ, потомъ къ Виктору, потомъ къ патрону. Затѣмъ сдѣлала видъ, будто сгребаетъ съ блюдечка монеты, сунула, наконецъ, руку въ карманъ своего чернаго передника и хлопнула по нему ладонью; при этомъ патронъ выразительно подмигнулъ намъ въ знакъ того, что эта послѣдняя манипуляція представляется ему особенно пріятной.

— Идетъ...—вскричалъ Викторъ, вскакивая со стула съ оглушительнымъ хохотомъ.—Будемъ кабацкими таперами... Чѣмъ не карьера? Отлично... Да здравствуетъ баръ Эдуардъ Седьмой!

Затѣмъ, снова усѣвшись за піанино, онъ сыгралъ какой то бѣшенный маршъ, заключивъ его громоподобной полькой. Мы ушли домой въ отличномъ расположеніи духа. Грюнбергъ, сверхъ всякаго ожиданія, былъ дома. Узнавши, какъ мы устроились, онъ одобрительно покачалъ головой.

Въ этотъ же вечеръ мы отправились играть въ Bar Edward VII. Играть въ сущности долженъ былъ Викторъ, я же отправился отчасти отъ нечего дѣлать, отчасти на всякій случай. Играть онъ обязанъ былъ отъ семи часовъ вечера до часу ночи, и въ случаѣ усталости я могъ немножко помочь ему. Я зналъ нѣсколько вальсовъ и полекъ собственной упрощенной аранжировки; играть ихъ я навострился довольно бойко, проведя какъ то университетскія каникулы дома. Для вечерней публики бара Эдуардъ VII они были совершенно удовлетворительны.

Вечеръ удался какъ нельзя лучше. Первая половина его носила характеръ почти семейный. Пришло нѣсколько завсегдатаевъ кабачка, свои люди, всегдашніе гости, живущіе рядомъ и любящіе

не столько выпить, сколько посидѣть и покалякать о разныхъ предметахъ. Былъ тутъ отставной алжирскій сержантъ, курившій дешевыя сигары сверхъ-естественной крѣпости и неизмѣнно преданный увлекательнымъ воспоминаніямъ о своей африканской службѣ. Былъ нѣкій молодой человѣкъ, неопредѣленныхъ занятій, по имени Альберъ, малый бойкій и очаровывавшій компанію неизсякаемымъ потокомъ анекдотовъ; третьимъ завсегдатаемъ былъ оптовый виноторговецъ, молчаливый мужчина, приходившій въ кабакъ ровно на полтора часа.

Патронъ, занимавшій, повидимому, положеніе друга сердца желтоволосой хозяйки, проявилъ музыкальныя способности и очень недурно спѣлъ съ аккомпаниментомъ піанино шубертовское «Ожиданіе», потомъ Альберъ спѣлъ какую то фривольность, заставившую мадемуазель Жозефину сдѣлать видъ, будто бы ей стыдно. Наконецъ, выступилъ сержантъ и объявилъ, что хотя пѣть онъ не мастеръ, но все-таки позволитъ себѣ пропѣть одну пѣсню, которой онъ выучился въ Алжирѣ. Пѣть онъ, дѣйствительно, былъ не мастеръ, и голосъ имѣлъ довольно противный, но недостатки вокальные онъ съ такимъ искусствомъ замѣнялъ истинно-военной выразительностью, такъ грозно сверкалъ глазами и принималъ такія великолѣпныя позы, что слушателямъ не оставалось ничего другого, какъ наградить его рукоплесканіями. Хозяйка поднесла ему стаканъ мадеры, послѣ чего онъ подсѣлъ ко мнѣ и рѣшительно посовѣтовалъ мнѣ поступить во французскія колоніальныя войска. Я сказалъ, что подумаю объ этомъ.

Однимъ словомъ, часовъ до десяти продолжалась сущая идиллія, пока въ кабакъ не ввалилась многочисленная компанія подгулявшихъ матросовъ. Въ мгновеніе кабакъ преобразился. Крики, хохотъ, ревъ, залихватски-веселая ругань, дружелюбныя затрещины, звонъ стакановъ,—все это слилось въ оглушительно-нестройный концертъ. Виктору пришлось довольно туго: публика сразу оцѣнила нововведеніе бара «Эдуардъ VII» и ни минуты не желала оставаться безъ музыки. Правда, она была не требовательна, предоставляя Виктору полное право барабанить, что Богъ на душу положитъ. Воспользовавшись этой снисходительностью, я нѣсколько разъ подмѣнялъ Виктора, наигрывая свои самодѣльные вальсы и польки въ то время, какъ Викторъ набирался силъ для слѣдующаго отдѣленія.

La quête мы, однако, дѣлать не рѣшались. M-lle Жозефина, тронутая несомнѣннымъ вліяніемъ музыки на потребленіе напитковъ, любезно предложила взять эту обязанность на себя. Въ этотъ первый вечеръ мы заработали около трехъ франковъ: послѣ нищеты послѣднихъ дней это было цѣлое богатство.

Такимъ образомъ, черные дни миновали. Разумѣется, этотъ неожиданный поворотъ счастья, открывшій передъ нами блистательныя кабацкія перспективы,—отнюдь не измѣнялъ нашихъ за-

вѣтныхъ плановъ. Карьера кабацкаго тапера, представляющая, несомнѣнно, свои выгоды и преимущества, была все-таки слишкомъ своеобразна, чтобы мы могли находить въ ней особенную прелесть. Но важно было то, что теперь у насъ была подъ ногами какая ни на есть почва, опираясь на которую, мы не чувствовали уже себя безпомощными и безоружными въ борьбѣ за существованіе. Бодрое состояніе духа вернулось къ намъ. Жизнь перестала насъ отталкивать: такъ или иначе, она приняла насъ въ свое лоно,—правда, не безъ иронической гримасы.

Съ этихъ поръ наше существованіе представляется въ видѣ двухъ самостоятельныхъ теченій. День мы бродили по прежнему, заглядывая то на товарныя станціи, то въ грузовыя конторы, лазая по вновь прибывающимъ судамъ и повсюду настойчиво и безрезультатно предлагая свои труды. Вечеромъ шли въ Старый Портъ, гдѣ мы были теперь своими людьми. Дѣла бара Эдуарда Седьмого шли блистательно: каждую ночь его закоптѣлыя стѣны оглашались неистовымъ шумомъ, пѣніемъ, хохотомъ и нашей музыкой, въ которой Викторъ блестяще развернулъ свое музыкальное дарованіе. Не было публики, передъ которой онъ растерялся бы; не было пѣвца, какого-нибудь Билля или Томми,—къ дикой пѣснѣ котораго онъ не сумѣлъ бы подобрать аккомпанимента.

Среди посѣтителей кабачка Викторъ быстро завоевалъ популярность, блѣдные отблески которой падали и на мои польки и вальсы...

Все это было недавно; но уже теперь мнѣ трудно вызвать въ воображеніи хотя бы одинъ рѣзкій, индивидуальный образъ изъ этой калейдоскопической вереницы пьяныхъ, буйныхъ и непутевыхъ фигуръ, которые мелькали передъ нами въ дымной атмосферѣ сквернаго марсельскаго кабачка. Не знаю, что виною: слабость ли воспоминанія или удушающая густота зловоннаго табачнаго дыма, висѣвшаго тучей надъ ночною компаніей «Эдуарда Седьмого»,—но только вся наша двухмѣсячная служба въ портовомъ кабачкѣ представляется мнѣ теперь въ видѣ быстраго сумбурнаго сновидѣнія, послѣ котораго человѣкъ просыпается съ нѣкоторой тяжестью въ головѣ и недоумѣваетъ: точно ли было все это, всѣ эти крики, гомонъ и ревъ, вся эта возня и кутерьма въ клубахъ дыма и виннаго пара?.. Точно ли была эта фантастическая Адель, дико прыгавшая и визжавшая среди хохочущей толпы, награждавшей ее то стаканомъ водки, то пинкомъ и ругательствомъ. Былъ ли въ дѣйствительности этотъ огромный, угрюмый, сосредоточенно пьяный великанъ, который являлся каждый вечеръ всегда съ одной и той же жалкой, забитой женщиной, заказывалъ намъ польку, танцовалъ молча въ продолженіе получаса и такъ же молча уходилъ, оставивши на піанино 20 сантимовъ и не удостаивая ни однимъ взглядомъ пьяную, орущую и поющую компанію.

Но было за два эти мѣсяца одно событіе, котораго нельзя забыть...

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Марселя въ открытомъ морѣ высится небольшая черная гранитная скала. Она открыта всѣмъ вѣтрамъ, гуляющимъ въ морѣ, и волны кипятъ и клубятся вокругъ нея, далеко закидывая свои бѣлые гребни. Пароходъ не можетъ подойти къ ней вплотную; онъ бросаетъ якорь невдалекѣ, и тогда отъ скалы отходитъ шлюпка, перевозящая пассажировъ съ пароходика на островъ—не болѣе двухъ-трехъ человѣкъ сразу. Изумительно искусство, съ какимъ рулевой умудряется подвести скользящую по гребнямъ, взлетающую вверхъ и ныряющую шлюпку къ отвѣсной гранитной стѣнѣ и ловкимъ движеніемъ втолкнуть ее въ небольшое углубленіе, вырытое волнами въ черномъ камнѣ. И здѣсь, уже упершись носомъ въ скалу, шлюпка еще продолжаетъ вскидываться вверхъ и падать внизъ; улучивъ моментъ, двое рослыхъ молодцовъ подхватываютъ посѣтителя подъ мышки и разомъ перекидываютъ его на твердый гранитный берегъ. Вы у дверей Chateau d'If.

Онъ большею частью выдолбленъ прямо въ цѣльной глыбѣ чернаго крѣпкаго камня. Глубокій круглый вертикальный колодезь высѣченъ въ скалѣ, образуя то, что въ современныхъ многоэтажныхъ домахъ называется пролетомъ. Двѣ узкихъ галлереи, одна надъ другой лѣпятся по стѣнкамъ этого колодца; на эти галлереи выходятъ двери страшныхъ каменяыхъ мѣшковъ, тоже большею частью прямо высѣченныхъ въ скалѣ. Chateau d'If, несомнѣнно, стоитъ Бастиліи...

Мы видѣли камеру, въ которую былъ заключенъ Мирабо. Неправильной формы треугольная пещера, изрытая въ камнѣ; неровный, косо идущій внизъ полъ; неглубокая ниша въ одной изъ стѣнъ, гдѣ, вѣроятно, спалъ узникъ. Черный камень и мутная подавляющая полумгла, вѣчно царящая здѣсь, потому что солнечный свѣтъ проникаетъ сюда только черезъ узкое и длинное отверстіе, въ родѣ трубы, пробитое сквозь полусаженную стѣну и перекрещенное, неизвѣстно для чего, двумя толстыми желѣзными полосами. Только подойдя вплотную къ этой каменной трубѣ, вы можете увидѣть крошечный кусочекъ сіяющаго бирюзоваго моря, играющаго своими пѣнно-серебристыми гребнями. Здѣсь невольно рука поднимается къ шляпѣ, и вы обнажаете голову; здѣсь въ медленномъ огнѣ одинокаго страданія зрѣла и крѣпла та ненависть къ тираніи, которой суждено было нѣсколько лѣтъ спустя озарить цѣлый міръ грознымъ пламенемъ возстанія. Здѣсь выростилъ свои крылья одинъ изъ величайшихъ геніевъ Великой Революціи.

Мы видѣли темницу, въ которой жилъ аббатъ Фаріа. Здѣсь проводникъ покажетъ вамъ камень, вынутый аббатомъ изъ толстой перегородки, отдѣлявшей его отъ ужасающей дыры, въ которой томился несчастный Эдмондъ Дантесъ. Вашъ проводникъ нисколько не сомнѣвается въ томъ, что Эдмонтъ Дантесъ дѣйствительно былъ

заключенъ въ этомъ гранитномъ гробу, и что все разсказанное Дюма—сущая правда. Во всякомъ случаѣ, кто то былъ заключенъ здѣсь, и—да будутъ прокляты всѣ мѣста, подобныя этому... Только человѣкъ и только тиранъ могъ придумать эти подлинные каменные мѣшки, въ которыхъ нельзя было сѣсть, гдѣ узникъ лежалъ, какъ заживо зарытый, лишенный возможности даже размахнуться, чтобы раздробить себѣ голову о камень. Здѣсь такъ легко представить себѣ этого человѣка, извивающагося, какъ червь, задыхающагося, грызущаго свои собственныя руки...

Наши блужданія по городу продолжались своимъ порядкомъ, разумѣется, съ прежнимъ успѣхомъ. Но мы упорно держались порта и были, наконецъ, вознаграждены за свое постоянство.

Однажды, проходя по одной изъ бойкихъ и шумныхъ улицъ, примыкающихъ къ крайнему бассейну Новаго Порта, мы замѣтили двѣ фигуры, въ которыхъ показалось намъ нѣчто отечественное. Два матроса торопливо и вмѣстѣ съ тѣмъ немного растерянно пробирались рядкомъ по серединѣ улицы, лавируя между телѣгами и озабоченно оглядываясь по сторонамъ. Поровнявшись съ ними, мы тотчасъ по нѣсколькимъ восклицаніямъ убѣдились, что ребята были чистаго великорусскаго происхожденія. Мы остановили ихъ и разговорились. Только вчера сюда пришелъ большой русскій пароходъ «Князь Голицынъ»; онъ почему то остается здѣсь, а матросовъ отправляютъ въ Россію на какой-то итальянской «посудинѣ». Но все это ничего, а вотъ бѣда: неизвѣстно куда запропастился тотъ кабакъ, гдѣ хозяйка понимаетъ по русски и гдѣ можно было бы хватить «обстѣнка», т. е. абсента. Кабака этого мы указать не могли и, предоставивъ имъ продолжать поиски, поспѣшно направились на «Князя Голицына». Найти его было нетрудно, такъ какъ, еще бесѣдуя съ матросами, мы по ихъ указаніямъ, замѣтили огромный русскій флагъ, развѣвавшійся по вѣтру въ полуверстѣ отъ насъ.

«Князь Голицынъ» оказался великолѣпнымъ, совершенно новымъ блестящимъ судномъ, настоящимъ океанскимъ чудищемъ тысячъ въ шесть тоннъ. Гигантскіе подъемные паровые краны уже успѣли вычерпать его содержимое, и теперь на палубу его приходилось взбираться по безконечной лѣстницѣ. Начальство, должно быть, было на берегу; группа матросовъ комфортабельно расположилась на средней палубѣ.

Матросы встрѣтили насъ очень привѣтливо и дружелюбно. Общественнымъ положеніемъ нашимъ никто не интересовался: морякъ вообще мало любопытенъ. Шелъ толкъ о возвращеніи въ въ Россію, о войнѣ. Кое-кому предстояло идти въ солдаты: эти съ особенною живостью распрашивали о новостяхъ. Узнавши, что я умѣю читать по французски и даже понимать при этомъ, послали

юнгу на берегъ купить газету. Юнга притащилъ «Маленькаго Марсельца», изъ котораго я и прочелъ послѣднія извѣстія съ Дальняго Востока. Слушало, впрочемъ, только двое или трое изъ непосредственно заинтересованныхъ; остальнымъ скоро надоѣло. Откуда то явилась маленькая обезьяна, которую звали Яшкой, и на нѣкоторое время завладѣла общимъ вниманіемъ. Обезьянка лазила по снастямъ, корчила гримасы, наконецъ, забралась боцману на голову и принялась шарить тамъ.

— Чисто человѣкъ...—сказалъ кто-то.

— Чисто Лаптевъ,—поправилъ другой.

Лаптевъ отвѣтилъ не совсѣмъ цензурнымъ каламбуромъ. Въ отвѣтъ ему загнули не болѣе цензурную шутку, или «ребусъ», какъ выразился какой то флегматичный, огромный дѣтина. Началось общее, довольно благодушное сквернословіе, составляющее, какъ я имѣлъ не одинъ случай убѣдиться, обычное времяпрепровожденіе матросовъ всѣхъ странъ свѣта. Такъ продолжалось, пока на бакѣ пробили стклянки.

— Вахта на смѣну!..—закричалъ боцманъ.

Нѣсколько человѣкъ поднялись и ушли. На смѣну имъ явилось трое ребятъ, среди которымъ одинъ обратилъ на себя наше вниманіе. Былъ это неимовѣрно грязный парень, неповоротливый и тяжелый, съ маленькими, заплывшими, но довольно умными глазами на мясистомъ, безволосомъ лицѣ. Въ наружности его, впрочемъ, было мало примѣчательнаго, и обратили мы на него вниманіе не изъ-за внѣшнихъ его качествъ. Но были какія-то интересныя черты въ отношеніи къ нему товарищей. Во-первыхъ, звали его не просто Угрюмовъ, а дворянинъ Угрюмовъ.

— Почему дворянинъ?—спросилъ я матроса, съ которымъ мы передъ тѣмъ болтали.

— А онъ на самомъ дѣлѣ дворянинъ, да еще столбовой. Посмотрите у него бумаги страсть... Геральдія тамъ какая-то или герольдія, песъ ее знаетъ. Благородныхъ родителей сукинъ сынъ, въ кадетскомъ корпусѣ учился.

— Какъ же онъ попалъ въ матросы?

— А песъ его знаетъ. Пьянюга и бродяга. Только ему матросомъ и быть. Съ дѣтства бродяжитъ. Да вы спросите его, онъ вамъ много чего разскажетъ.

Личность дворянина Угрюмова меня заинтересовала; я сталъ разглядывать его. Придя, онъ съ большимъ комфортомъ развалился на палубѣ и, вытащивъ трубку и жгутъ чернаго англійскаго табаку, занялся раскуриваніемъ, обращая очень мало вниманія на сыпавшіяся на него шутки и лишь изрѣдка отвѣчая на нихъ хладнокровнымъ ругательствомъ, спокойная выразительность котораго приводила окружающихъ въ восторгъ.

Мало-по малу матросы разбрелись по пароходу. Мы собрались уходить.

— Пойду и я съ вами. Выпить хорошо бы... —вдругъ заявилъ Угрюмовъ, поднимаясь.

— Ты бы почистился, чортъ!—посовѣтовалъ кто-то.—Собакъ вѣдь распугаешь. Рожу бы вымылъ.

— Сойдетъ... —невозмутимо сказалъ дворянинъ Угрюмовъ. Мыться онъ не сталъ, ограничившись тѣмъ, что намоталъ на шею платокъ необыкновенной пестроты и яркости, неизмѣнный аттрибутъ матросскаго кокетства. Затѣмъ мы втроемъ спустились по трапу.

Намъ была пора идти на службу; мы предложили Угрюмову пойти въ нашъ кабачекъ, на что онъ согласился съ большою готовностью. Дорогой онъ изумилъ насъ чудовищной освѣдомленностью о различныхъ видахъ алкоголя. «Обстѣнку» онъ находилъ дрянью. Гораздо предпочтительнѣе казался ему джинъ, который онъ пилъ въ Бомбеѣ, и еще какое-то питье, съ которымъ связывалось у него пріятное воспоминаніе о Ванкуверѣ на Тихомъ океанѣ. Въ Барселонѣ «своей» водки хорошей нѣту, и жрутъ разное, но за то тамъ хороши и дешевы дѣвки, тогда какъ въ Бомбеѣ дѣвки черныя, какъ дьяволъ. Въ Гуллѣ хороша виски, а въ Копенгагенѣ хлещутъ брандвинъ, который все равно, что наша сивуха. Я выразилъ свое изумленіе передъ этой выдающейся эрудиціей. Угрюмовъ былъ замѣтно польщенъ.

— Десять лѣтъ плаваю,—сказалъ онъ съ достоинствомъ.—Съ двѣнадцати лѣтъ. Какъ сиганулъ послѣдній разъ изъ исправительнаго, такъ съ той поры и плаваю.

— Я слышалъ, вы были въ кадетскомъ корпусѣ?—спросилъ я.

— Какъ же... Французскій языкъ изучалъ, еще бы. Ну завонъ, ву заве, иль зетъ, мать честная... Выперли съ трескомъ изъ второго класса. Маманъ, конечно, въ слезы; ну, какъ же это Шурочка, сукинъ сынъ, необразованный выйдетъ. Хо-хо-хо...

Въ претензіи maman было въ глазахъ Угрюмова, повидимому, нѣчто до послѣдней степени нелѣпое и несообразное. Помолчавъ нѣсколько времени, онъ спросилъ:

— А вы чего собственно здѣсь окалачиваетесь? Вы вѣдь, должно быть, студенты?.. Видно птицу по полету.

Мы подтвердили его догадку, объяснивъ въ общихъ чертахъ свое положеніе.

— За политику, стало быть,—сказалъ онъ одобрительно.—Это хорошо. Не бунтуй. Я вотъ съ десяти лѣтъ началъ бунтовать. То учителю кресло чернилами вымажешь, то инспектору подъ ноги кувырнешься. Бились, бились, бились, взяли домой. А дома я такой тарарамъ поднялъ, что дымъ столбомъ. Папаша меня драть, а я свиснулъ у него сорокъ рублей да на Кавказъ. Перехватили молодца,—опять драть, потомъ въ исправительное... Что было... Ну наплевать... Мало мѣста на свѣтѣ, что ли? Одиннадцатый годъ плаваю, а вездѣ ли еще былъ-то—вопросъ.

— Неужто дома за это время не были ни разу?—спросилъ Викторъ.

— Какъ же, былъ недавно. Этотъ пароходъ изъ Батума, а туда я прикатилъ прямо изъ дому. Случилось быть въ Ревелѣ,—оттуда, думаю, дай-ка съѣзжу домой. Взялъ и катнулъ. Ухъ ты, братъ... пріѣхалъ домой въ имѣніе—мамаша, ахъ, охъ, Боже мой, въ обморокъ... Съ папашей уже, оказывается, они врозь давно. Пожилъ я съ мѣсяцъ,—нѣтъ, думаю, ну васъ къ монаху!.. Махнулъ въ Батумъ, а тамъ этотъ чертякъ въ Бомбей съ керосиномъ собирается. Ну, вотъ...

— А что же мать?—спросилъ я, не совсѣмъ удовлетворенный лаконизмомъ этого разсказа.

— Что мать? Ничего. Денегъ дала. Она хорошая баба.

— А теперь вы ѣдете въ Россію?

— Вотъ была нужда... На кой она мнѣ хрѣнъ? Поѣдемъ дальше...

Бесѣдуя такимъ образомъ, мы дошли до Эдуарда Седьмого. Своимъ порядкомъ начался вечеръ. Угрюмовъ сразу выказалъ себя человѣкомъ высокоопытнымъ въ дѣлахъ кабацкихъ. Адресовавшись сперва съ кое-какими нѣжностями къ m-lle Жозефинѣ, встрѣченными ею, впрочемъ, довольно холодно, онъ комфортабельно расположился на диванчикѣ возлѣ піанино и принялся за методическое истребленіе дешеваго матросскаго коньяка, приведшее въ несказанное изумленіе добраго отставного сержанта. Африканскій служака, видавшій на своемъ вѣку всякіе виды и обнаруживавшій крѣпостью своихъ сигаръ выносливость почти нечеловѣческую, казался на этотъ разъ глубоко заинтересованнымъ, почти встревоженнымъ; сидя за маленькимъ столикомъ въ углу, онъ не сводилъ съ Угрюмова широко раскрытыхъ глазъ. Замѣтивъ это, дворянинъ Угрюмовъ самодовольно усмѣхнулся, опрокинулъ залпомъ четвертый или пятый стаканъ и въ свою очередь уставился на сержанта.

— Bien fait!—сказалъ французъ.

— All right!—сказалъ дворянинъ Угрюмовъ. Потомъ онъ обвелъ весь кабакъ благосклоннымъ взоромъ и снова погрузился въ глубокомысленное молчаніе. По временамъ онъ поглядывалъ на меня, какъ будто что-то соображая.

— Айда завтра вмѣстѣ искать судно?—вдругъ обратился онъ ко мнѣ.

— Да вѣдь у насъ нѣтъ никакихъ бумагъ,—сказалъ я.

— Ни черта... Наплевать... На парусникъ можно. Безъ жалованья, понятно, за одни харчи.

Разумѣется, я ухватился за это предложеніе. Проклятый кабакъ опротивѣлъ намъ. Въ послѣднее время намъ съ Викторомъ порою приходили въ голову малодушныя мысли. Правда, мы сейчасъ же ловили себя на мѣстѣ преступленія и не давали воли

малодушію. Мы напоминали другъ другу нашъ давній торжественный зарокъ побороться съ жизнью собственными силами, воспитать въ себѣ убѣжденіе, что мы не пропадемъ ни при какихъ условіяхъ, что мы не нѣженки, не маменькины сынки, а люди, способные выбиться изъ любой житейской передряги. Но служба въ кабакѣ съ каждымъ днемъ становилась противнѣе. Вѣчный пьяный гомонъ, вѣчные французско-скабрезные куплеты Альбера и пьяныя взвизгиванія Адели,—все это, имѣвшее вначалѣ интересъ новизны, становилось теперь несноснымъ. Возвращаясь домой на разсвѣтѣ, мы съ трудомъ стряхивали съ себя угарныя впечатлѣнія кабака. Мы вытаскивали книги, писали письма, сочиняли стихи или просто вели нескончаемыя бесѣды, разумѣется, о прошломъ и, разумѣется, о Россіи, пока не засыпали, наконецъ, братски прижавшись другъ къ другу. Днемъ, обойдя безчисленное число всяческихъ предполагаемыхъ «мѣстъ», мы выходили за городъ и цѣлые часы просиживали на прибрежныхъ скалахъ, у подножія которыхъ бились и шумѣли зеленѣющія волны.

Изъ Эдуарда Седьмого нужно было уходить и еще по одной причинѣ. Не берусь рѣшать, какъ и почему это случилось, — но только въ обращеніи со мной m-lle Жозефины обнаружились признаки пылкаго сердечнаго влеченія. Я былъ тутъ совершенно не причемъ; въ мои планы нисколько не входило безпокоить цѣломудренный сонъ желтоволосой голландки. Какъ бы то ни было, но къ ряду случаевъ, оставившихъ потомству имена Беллерофона и Іосифа Прекраснаго, я долженъ прибавить еще одинъ. Проявившись однажды, нѣжная настойчивость m-lle Жозефины возрастала съ каждымъ днемъ; въ концѣ концовъ пылкая кабатчица предложила мнѣ общими усиліями «выбросить» ея кэптена и занять его мѣсто со всѣми присвоенными ему преимуществами. Викторъ хохоталъ до упада, издѣвательски рисуя предо мной перспективы моего счастья: другъ Жозефины и обладатель марсельскаго бара. Онъ увѣрялъ меня, что моя карьера составитъ одну изъ оригинальнѣйшихъ страницъ въ исторіи русской эмиграціи. Конечно, хохотали мы оба,—но изъ бара намъ слѣдовало уходить. Угрюмовъ принесъ намъ новую надежду. Мы условились встрѣтиться завтра въ Эдуардѣ Седьмомъ утромъ.

Угрюмовъ явился не одинъ; съ нимъ вмѣстѣ пришелъ сухощавый блѣдный малый съ лицомъ помятымъ, очевидно, вчерашнимъ пьянствомъ. По первому взгляду можно было заключить только то, что его жестоко мучитъ похмелье. Придя, онъ прежде всего подошелъ къ стойкѣ и выпилъ стаканъ абсента съ такой жадностью, что его всего судорожно передернуло и въ глазахъ изобразился ужасъ.

— Ухъ, мать моя Маланья, душу обварилъ... Извините мистрисъ, алле пардонъ, еще, пожалуйста.

— Что братъ, Лаптевъ, поѣхало?—сказалъ Угрюмовъ.

— По первое число...—отвѣтилъ Лаптевъ.

Онъ выпилъ еще стаканъ, облизалъ губы и выпрямился.

— Ну вотъ, теперь я снова герой. Николай Лаптевъ—честь имѣю представиться. Идемте, что ли, ребятишки?

Мы вышли вмѣстѣ.

— Что онъ, тоже съ нами думаетъ?—спросилъ я Угрюмова.

— Тоже,—усмѣхнулся тотъ.—Не ѣдетъ простакъ въ Россію, бабы боится. Гоняется тамъ за нимъ одна. Стрѣляла его на Волгѣ— до сихъ поръ пуля въ боку сидитъ... Эй, Лаптевъ... твоя то любовь тебя теперь поди ищетъ?

Лаптевъ, шедшій съ Викторомъ впереди, рѣзко обернулся къ намъ.

— Ты, сволочь, мнѣ про это не говори, а то какъ бы около уха не въѣхало.

— Ну ладно, ладно, чортъ съ тобой... Не любить,—пояснилъ Угрюмовъ.—Чудакъ... мало бабъ на свѣтѣ... Только рожи разныя— больше ничего.

Этой сентенціей тема была исчерпана. Мы шли вчетверомъ по набережной, лавируя между грудами ящиковъ, бочекъ и всякой клади, выгруженной изъ судовъ.

— Ну, что-жъ?—сказалъ Викторъ,—будемъ ходить по судамъ.

— Постой, постой...—сказалъ Угрюмовъ,—чего зря болтаться? Тутъ, ребята говорили, какая то «Альма» есть, латышская шхуна или баркасъ, шутъ ее знаетъ. Съ нея всѣ матросы разбѣжались. Авось, туда всѣ вчетверомъ ухнемъ.

— Шкиперъ, должно быть, стерва, разъ всѣ разбѣжались,— предположилъ Лаптевъ.

— А чорта ли онъ съ нами, съ четырьмя сдѣлаетъ? Навѣрное, посудина не важная, это видно. Ну, ладно, пусть студентики поучатся. Хе-хе... Это имъ не книжки читать...

Мы обошли весь портъ, перечитали названія полусотни судовъ; были тутъ итальянскія «Анжелины», испанскія «Мерседесъ», нѣмецкія «Добрыя Лотты» и англійскія «Black Lion», но «Альмы» не было. Наконецъ, мы добрели до отводнаго канала, соединяющаго Старый Портъ съ докомъ.

— Ишь куда ее запропастило...—сказалъ Угрюмовъ, останавливаясь передъ темнымъ деревяннымъ судномъ, неуклюже торчавшимъ въ узкомъ каналѣ.—Хороша лохань!..

Лохань, въ самомъ дѣлѣ, была не изъ привлекательныхъ. Черная краска, когда-то лоснившаяся на выпуклыхъ бокахъ судна, давно уже была изъѣдена моремъ, сморщилась и во многихъ мѣстахъ обвалилась. Судно, вѣроятно, видывало на своемъ вѣку разные виды: сразу бросалось въ глаза, что корма и носъ его сильно осѣли, и можно было бы принять его за рѣчную баржу, если бъ не три стройныя мачты, легко вознесшіяся вверхъ и опутанныя сѣтью снастей. На носу, подъ основаніемъ бушприта, съ трудомъ

можно было разобрать имя шхуны, написанное русскими буквами, облинявшими отъ вѣтра и волнъ. Въ средней части съ высокаго борта висѣлъ веревочный трапъ.

— Ну, лѣземъ.—сказалъ Угрюмовъ.

Одинъ за другимъ мы вскарабкались на бортъ и спрыгнули на палубу. Судно казалось пустымъ. Налѣво, въ носовой части, виднѣлась открытая дверь въ низенькій досчатый домикъ, заключавшій въ себѣ и матросскій «кубрикъ», и крошечную кухню и пронзенный на самой серединѣ передней мачтой-фокомъ.

Тюремный люкъ по срединѣ, возлѣ грота, былъ открытъ; сквозь него была видна вся внутренность судна и былъ слышенъ прѣло-древесный запахъ. Непріятное впечатлѣніе производилъ этотъ огромный пустой деревянный коробъ.

Направо—два большихъ бака для прѣсной воды, охваченные желѣзными полосами и прикованные къ палубѣ, примыкали къ капитанскому помѣщенію, выстроенному гораздо болѣе солидно, чѣмъ матросское. Два небольшихъ окна выходили на палубу. Изъ одного изъ нихъ выглянуло заспанное лицо и тотчасъ же исчезло; черезъ минуту на кормѣ, куда выходила дверь, показалась атлетическая фигура. Мы приблизились.

— Captain?—спросилъ Угрюмовъ, навострившійся за десять лѣтъ плаванья въ томъ фантастическомъ интернаціональномъ нарѣчіи, которое слыветъ между матросами за англійскій языкъ.

— Yes,—сказалъ великанъ, осматривая насъ небольшими проницательными и добрыми глазами.

— Хотите работать?—спросилъ онъ.

Угрюмовъ въ пространной рѣчи объяснилъ все, что было нужно.

— Какой націи?—спросилъ капитанъ, указывая на насъ съ Викторомъ глазами.

— Мы всѣ русскіе,—сказалъ Угрюмовъ.

— Ага... я знаю немножко по-русски...—сказалъ капитанъ,—руль умѣешь?—обратился онъ ко мнѣ.—Нѣтъ? А это—онъ указалъ на мачты—умѣешь? Нѣтъ? А зачѣмъ плавать хочешь?

— Нечего дѣлать,—сказалъ я,—кромѣ того, всему можно научиться.

— О, можно, можно,—засмѣялся капитанъ.—Ну вотъ. Первый мѣсяцъ—жалованья нѣтъ. Потомъ 15 рублей. Хорошо?

— Хорошо.

— All right! Приходите послѣзавтра.

Угрюмовъ съ Лаптевымъ нанялись за 30 рублей каждый. Тѣмъ же порядкомъ мы спустились на набережную.

Не помню, приходилось ли мнѣ когда-нибудь испытывать такое чувство удовлетворенности, какъ въ этотъ моментъ. Тутъ была не одна мысль о томъ, что у насъ есть отнынѣ вѣрный кусокъ хлѣба: была горделивая радость, было странно грѣющее чувство въ со-

знанія, что отнынѣ окончена наша праздная оторванность, наше бездѣльное одиночество, что мы входимъ отнынѣ органически-нужной частицей въ этотъ могучій, энергическій міръ, гремящій непрерывнымъ трудомъ. Помню, все представлялось мнѣ въ новомъ освѣщеніи, когда мы возвращались съ Альмы; все, что я видѣлъ сто разъ на дню: суда, стоявшія у берега, группы носильщиковъ, возящихся между грудами ящиковъ и бочекъ; телѣги, громыхавшія по набережной—все казалось теперь близкимъ, понятнымъ, своимъ. Взгляды встрѣчнаго рабочаго люда уже не дышали явнымъ пренебреженіемъ; окрикъ ломового не звучалъ нарочитымъ оскорбленіемъ; напротивъ, было въ немъ что-то грубовато, дружеское: «не зѣвай, молъ, дружище, неравно задѣну оглоблей, а люди мы свои...»

Въ тотъ же день m-lle Жозефинѣ было заявлено, что наша служба въ Эдуардѣ Седьмомъ окончена. Желтоволосая голландка была явно огорчена. Я разсказалъ Угрюмову о романтическомъ планѣ m-lle Жозефины, открывшемъ было предо мною блистательную будущность. Угрюмовъ былъ искренно возмущенъ моею глупостью.

— Ты баба и больше ничего!—сказалъ онъ.—Дураку счастье, а онъ кобенится. Я бы на твоемъ мѣстѣ прибралъ къ рукамъ рыжую стерву.

— Что же бы ты сталъ дѣлать?—спросилъ я.

— Пропилъ бы все—и прощай. Чтожъ, разъ сама лѣзетъ?..

Лаптевъ высказалъ иной взглядъ. Онъ находилъ, что я правъ. Противъ того, чтобы пропить все, онъ, конечно, ничего не имѣетъ, но съ бабой заводить канитель не стоитъ. Ну, ихъ всѣхъ къ анаѳемѣ!..

Евгеній Синегубъ.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Исторія юной Ренаты Фуксъ.

Романъ Якова Вассермана.

Переводъ съ нѣмецкаго **А. Полоцкой.**

III.

Дальше все было какъ будто продолженіемъ сна, онѣ сидѣли за круглымъ столомъ, керосиновая лампа освѣщала только часть комнаты, другая часть была въ тѣни, и нѣсколько прадѣдовскихъ картинъ и изразцовая печь плавали гдѣ-то далеко въ морѣ полумрака. За столомъ сидѣла старая женщина, постоянно открывавшая беззубый ротъ, какъ будто собираясь смѣяться; затѣмъ Фанни-Элиза, которая стала вдругъ отталкивать Ренату: то, что она такъ равнодушно и даже презрительно говорила о страшной судьбѣ, ожидавшей ее, казалось Ренатѣ хвастовствомъ. Разъ она прервала свою болтовню и черезчуръ рѣзво побѣжала къ комоду; старая мать озабоченно и тупо качала головой, какъ будто не могла удержать ее на мѣстѣ. Фанни принесла маленькую шкатулку, къ которой было привинчено подвижное зеркало. Она вытащила ящикъ и показала старую фотографію.

— Это мой бывшій,—сентиментально сказала она. — Онъ уже давно умеръ. Его закололъ товарищъ во время стачки.—Рената спокойно взяла карточку, но, несмотря на ея нелюбовь къ фотографіямъ, что-то въ лицѣ этого человѣка захватило ее. Быть можетъ, что-то геройское въ выраженіи, придававшее особенно рту поразительный отпечатокъ благородства. О томъ, что это рабочій, напоминалъ только низкій угловатый лобъ.

— Правда, красивый мужчина? — спросила Фанни, фамильярно обнимая Ренату за плечи. Рената поблѣднѣла и быстро встала, мягко освободившись изъ объятія дѣвушки.

— Мнѣ надо идти,—пробормотала она, глядя на часы,— пора.

— Пора? Почему?—Рената смущенно молчала; затѣмъ она сказала упрямо и рѣзче, чѣмъ хотѣла:

— Да, мнѣ надо идти.—На лицѣ Фанни выразилось раздраженіе и она стала черезчуръ вѣжлива со своей гостьей. Вся кровь прилила къ сердцу Ренаты, и она коротко простилась, не подавъ руки. Она отправилась въ Гернальсъ, гдѣ ее ждалъ веселый вечеръ съ вальсами и маршами.

— Вы опоздали, барышня, — прожужжалъ господинъ Пиненцанъ.—Искусство не можетъ ждать. Искусство требуетъ точности... Funiculi funiculaa!—заревѣлъ онъ въ каменный коридоръ.

Съ этого дня работа стала дѣйствовать на Ренату иначе, чѣмъ до сихъ поръ, какъ будто какое-то невидимое существо въ ней, знающее точно, чего ему нужно, признало, что не на этомъ пути спасеніе. Часто уже въ срединѣ дня ее охватывала глубокая усталость, и краски на полукругломъ кускѣ ткани, лежавшемъ передъ ней, начинали расплываться передъ ея глазами. Въ ушахъ была тихая, мучительная музыка, какъ будто всѣ пивныя мелодіи Зеленаго Острова наступали на нее, какъ безпорядочное войско. У дня не было опредѣленныхъ границъ, лица людей были похожи на выцвѣтшіе рисунки на сѣрой стѣнѣ. Вечеромъ она съ омраченной душой тащилась на „Зеленый Островъ", а ночью, по пути домой, ею овладѣвалъ духъ сопротивленія и возмущенія, у котораго только усталость и сонъ мало-по-малу отнимали силу.

Такъ прошла недѣля. Въ воскресенье утромъ, едва разсвѣло, она встала съ постели и, не одѣваясь, сѣла у окна. Но скоро ей стало холодно и она развела огонь. Ангелюсъ слѣдилъ за каждымъ ея движеніемъ, какъ будто чего-то ожидалъ или боялся. Казалось, онъ спрашивалъ, почему его госпожа такъ устала, почему она не обращается къ нему, почему ея руки такъ безсильно свѣшиваются внизъ, почему горько-покорное выраженіе не сходитъ съ ея губъ. —Иди сюда, Ангелюсъ,—сказала Рената,—какъ будто она поняла его, но находитъ слишкомъ труднымъ дать ему объясненіе и отвѣтъ. Собака положила голову къ ней на колѣни и не шевелилась. Волосы Ренаты свѣсились черезъ спинку стула и почти достигли пола. Она откинула назадъ голову, чтобы уменьшить ихъ тяжесть. Среди по воскресному чисто выметеннаго двора по прежнему стояло чахлое деревцо, точно печальный остатокъ пышныхъ садовъ. Въ восемь часовъ послышался звонокъ и сейчасъ же вслѣдъ за нимъ, какъ будто пришелъ кто-то, не позволявшій задержать себя, въ двери постучали и такъ же торопливо открыли ее. Вошла Фанни, вся красная отъ возбужденія,

она съ заискивающей улыбкой поздоровалась и затѣмъ, вдругъ присмирѣвъ, спросила, не поѣдетъ ли Рената въ церковь. Она разрядилась во все лучшее, что у нея было; на головѣ у нея была шляпа съ колеблющимися страусовыми перьями, когда-то предназначавшимися для вѣеровъ; она ихъ получила на фабрикѣ въ качествѣ рождественскаго подарка. Въ серьгахъ у нея были большіе фальшивые камни, въ брошкѣ множество мелкихъ такихъ же. Платье такъ и сверкало блестками и мишурой. Она съ нескрываемымъ любопытствомъ оглядывала комнату, какъ будто стараясь разгадать какую-то тайну.

— Какъ вы сюда попали?—спросила Рената, которая стояла лицомъ къ окну и чувствовала, какъ ею овладѣваетъ неудержимый гнѣвъ.

— Мнѣ сказали вашъ адресъ въ конторѣ. Вамъ непріятно, что я пришла? Я могу уйти. Вамъ стоитъ только сказать.

— Я не поѣду въ церковь,—уже спокойно отвѣтила Рената.

— Вы больны? Остаться мнѣ съ вами?

— Я не больна,—сказала Рената, прошла черезъ комнату и сѣла на край постели, какъ будто въ ожиданіи всего плохого.

Фанни враждебно посмотрѣла на нее. Затѣмъ ея лицо вдругъ опять прояснилось, и на немъ выразилось еще большее любопытство.

— Ахъ, смотрите!—воскликнула она, съ изумленіемъ глядя на шкафъ,—у васъ такой же туалетный ящикъ, какъ у меня! И зеркало, и такая же рѣзьба! Это удивительно!

Что было въ этомъ удивительнаго, Рената не могла понять. Это была самая обыкновенная шкатулка, какую можно встрѣтить во многихъ домахъ. Рената никогда не употребляла ея, никогда не касалась ея. Съ тѣхъ поръ, какъ она здѣсь жила, ящикъ стоялъ на шкафу

— Можетъ быть, тамъ тоже есть кто-нибудь бывшій? Или, можетъ быть, будущій? —продолжала, поддразнивая, дѣвушка,—и въ ея неукротимомъ любопытствѣ было что-то болѣзненное и отталкивающее. Она безпечно подошла къ шкафу, подняла руку и открыла ящикъ.

— Ахъ, это только письма! — разочарованно сказала она, нерѣшительно держа въ рукѣ нѣсколько бѣлыхъ листковъ. Но что-то въ лицѣ Ренаты, казалось, обезпокоило ее. Она съ боязливой улыбкой положила письма на мѣсто и закрыла ящикъ.

— Милая Фанни,—спокойно сказала Рената,—оставьте меня одну. Я сегодня не расположена разговаривать.

— О, пожалуйста, пожалуйста,—язвительно отвѣтила дѣвушка.

Но сейчасъ же вслѣдъ за этимъ она закрыла глаза и прижала руки къ груди.

— Колетъ,—сказала она съ измѣнившимся лицомъ.

Когда она ушла, Рената легла на кровать, скрестивъ руки и уткнувшись лицомъ въ подушку, и долго лежала такъ. Но неожиданнымъ послѣдствіемъ утренняго визита Фанни было враждебное и недовѣрчивое отношеніе къ Ренатѣ, распространившееся на фабрикѣ. Повсюду она встрѣчала наблюдающіе и подстерегающіе взгляды, а Фанни возбуждала всѣхъ внизу, интриговала наверху, толковала со служащими въ конторѣ, расположеніемъ которыхъ пользовалась, сочинила цѣлый романъ, который невольно накладывалъ на нее обязанности его послѣдовательнаго развитія, такъ что скоро ей самой стало въ тягость то, что вначалѣ было для нея удовольствіемъ. Ибо клевета становится всегда госпожей клевещущаго.

Все это мало трогало Ренату. Только ея одиночество еще увеличилось. Она большей частью едва замѣчала это отношеніе и, слѣдовательно, не страдала отъ него. Ея затуманенные взоры все еще были устремлены вдаль. То, что она дѣлала и какъ жила, было похоже на шествіе лунатика къ невѣдомой, но давно намѣченной цѣли. Поэтому она не уставала ежедневно разрисовывать дюжинами вѣера и сидѣть на Зеленомъ Островѣ за роялемъ, хотя каждую ночь думала, вѣрнѣе, надѣялась, что утромъ не сможетъ встать съ постели. Единственной опорой былъ Ангелюсъ. Ему теперь было разрѣшено ходить въ Зеленый Островъ, гдѣ онъ могъ на досугѣ созерцать большой свѣтъ. Въ кухнѣ онъ получалъ лакомые куски, и одинъ изъ кельнеровъ, бывшій ростомъ не больше обыкновенной трости, сталъ его особеннымъ покровителемъ. Часто онъ печально бродилъ по коридорамъ и мрачный возвращался на свою войлочную подстилку. Часто онъ неподвижно стоялъ у воротъ и разсматривалъ кошекъ и воробьевъ. Казалось, онъ ждетъ кого то, кому долженъ будетъ самоотверженно служить.

Зима проходила. Въ началѣ марта наступили первые весенніе дни съ почти лѣтнимъ тепломъ. Воздухъ сталъ мягокъ, а пушистыя облака, казалось, были полны теплыхъ испареній. Какъ трудно стало Ренатѣ ходить! Ея глаза устали смотрѣть, мысли—работать. Онѣ лежали въ душѣ, какъ птицы, внезапно задохшіяся отъ слишкомъ жаркаго

вѣтра. Было опять воскресенье, она сидѣла въ своей комнатѣ и пыталась шить.

— Сколько времени мы будемъ жить здѣсь, Ангелюсъ,— прошептала она.—Я думаю, еще долго. Вокругъ насъ становится все тише. Всѣ наши друзья умерли.

Она хотѣла пойти немного погулять и начала причесываться. Но такъ какъ ручное зеркало вчера разбилось, она хотѣла уже отказаться отъ этого намѣренія, когда ея взглядъ упалъ на старый туалетный ящикъ. Она вспомнила Фанни, которая продолжала все такъ же весело жить. Вспомнила она и про письма, которыя та тогда держала въ рукѣ. Рената никогда не думала объ этомъ, но теперь ей захотѣлось посмотрѣть, что это за письма. Она вынула листки изъ ящика и развернула ихъ. Это было два письма. Они были написаны четкимъ, осторожнымъ и въ то же время смѣлымъ почеркомъ. Каждое начиналось: Дорогой другъ Дарья, а подпись гласила: Агатонъ Гейеръ.

Когда Рената прочла письма, у нея закружилась голова. Ей казалось, что она поднялась высоко на воздухъ и теперь боится упасть. Въ ея душѣ было смятеніе и страхъ, которые нельзя было ничѣмъ утишить. Она долго бродила по комнатамъ, что-то шептала про себя, стояла у окна, смотрѣла на темно-голубое небо, сіявшее надъ дворомъ и опять боялась упасть съ высоты внизъ. Она машинально пошла въ Зеленый Островъ и, только очутившись въ совершенно пустомъ залѣ, вспомнила, что сегодня нѣтъ концерта, такъ какъ умеръ хозяинъ. Она взошла на эстраду и открыла рояль. Рядомъ въ стѣнѣ была стеклянная дверь и въ комнатѣ, похожей на нору, сидѣли четыре человѣка съ разбойничьими лицами, совершенно пьяные, и играли въ карты. Весь залъ былъ теменъ и напоминалъ катакомбу. По полоскѣ свѣта между двумя столами пробѣжала крыса, за ней лѣниво слѣдовала вторая. Рената провела пальцами по клавишамъ, прислонилась лбомъ къ подставкѣ для нотъ и долго что-то тихо говорила. Это была причудливая смѣсь молитвы и страстной жалобы.

IV.

Послѣдній разъ думала Рената на улицѣ, глядя на смѣющихся, болтающихъ, по праздничному веселыхъ людей. За холмами еще пылалъ догорающій день, теперь уже парившій надъ далекими морями. Вслѣдъ за нимъ плыло облако, спокойно пересѣкая небо; оно какъ будто отбрасывало полосы, какъ лодка по водѣ. Но все это стало вдругъ далекимъ

для Ренаты, выступило изъ круга ея интересовъ, и яснѣе, чѣмъ когда-либо, слышала она зовъ, который уже донесся до нея однажды, когда она покидала домъ своихъ родителей. На слѣдующее утро она не пошла на фабрику. Она сѣла на свое любимое мѣсто у окна и начала шить; она вынула изъ шкафа свои платья, тщательно разсмотрѣла ихъ и привела въ порядокъ. Я должна быть готова къ веснѣ,—подумала она съ мимолетной улыбкой, но у нея было чувство, что ей предстоитъ далекое путешествіе. А вечеромъ она опять вынула письма къ Дарьѣ и снова прочла ихъ.

Первое письмо гласило:

„Дорогой другъ Дарья, я долженъ поблагодарить Васъ, такъ какъ материнская заботливость, съ которой Вы относились къ моей сестрѣ въ Цюрихѣ, обязываетъ меня къ благодарности. Поэтому я называю Васъ другомъ, осмѣливаюсь называть Васъ по имени, хотя я никогда не видѣлъ Васъ. Тѣмъ не менѣе я знаю Васъ черезъ Миріамъ, которая любитъ Васъ, и которая помогла мнѣ создать Вашъ образъ. Вы знаете, что Миріамъ дорога мнѣ. Изъ всѣхъ дорогихъ людей только она и осталась у меня. Уже три года я не видѣлъ ея, и я думалъ, что встрѣчусь съ ней этой зимой. Но это невозможно. Я хочу, я долженъ избѣгать городовъ. Уже двѣнадцать лѣтъ моя нога не была въ городѣ. Такимъ образомъ я не увижу Миріамъ раньше весны. Напишите мнѣ, дорогой другъ, какого будущаго Вы ждете для моей сестры. Ведетъ-ли путь, по которому она идетъ къ цѣли, заставитъ-ли онъ ее забыть отсутствіе спутника. Маріамъ не создана для любви. Многое въ ней даетъ мнѣ право сказать это. Она не создана для этого, она сломилась-бы, зачахла-бы. Я вѣрю, что существуютъ женщины, слишкомъ тонкія, слишкомъ гордыя, слишкомъ хрупкія, слишкомъ преисполненныя идеала, чтобы служить несовершенной страсти. И если-бы въ самомъ дѣлѣ пришелъ кто-нибудь, кто могъ-бы захватить ее, все это было-бы чудомъ, чудесной случайностью. Поэтому напишите мнѣ, на что можетъ надѣяться Маріамъ, и что Вы думаете. Нужды ей нечего бояться: съ тѣхъ поръ, какъ умеръ нашъ родственникъ Левенгардъ, мы можемъ жить безъ унизительныхъ работъ. Но этого еще недостаточно. Тамъ, гдѣ покоится духъ, спитъ душа. А если душа женщины спитъ, она проходитъ жизнь, точно въ глубокомъ снѣ, и ея рука хватается за другія руки, которыя должны стянуть ее внизъ.

Вашъ Агатонъ Гейеръ“.

Второе:

„Дорогой другъ Дарья, примите мою благодарность за то, что Вы успокоили меня. Я глубоко цѣню Вашъ ясный

взглядъ, который можетъ исходить только изъ яснаго сердца. Миріамъ не подпадетъ заблужденіямъ тѣхъ, кто живетъ точно во снѣ, пишете Вы. Я и самъ думаю это. Въ ней есть сила стараго еврейства. Вы просите меня написать Вамъ о себѣ, что я дѣлаю здѣсь, въ деревняхъ Галиціи, почему я живу точно въ пустынѣ, среди людей, изъ которыхъ никто не можетъ стать моимъ другомъ. На это я отвѣчаю Вамъ: мужчинѣ не нужны друзья. Вы, можетъ быть, знаете, что у меня была страшная юность. Рано, слишкомъ рано сорвалъ я плоды съ древа познанія. Я отказался отъ великой вѣры и въ мірѣ, лишенномъ Божества, я видѣлъ сильныхъ людей, стремящихся къ радости. Меня не задерживали никакія традиціи, и конечная свобода была цѣлью, окрывавшей мои желанія. То, что я видѣлъ, казалось мнѣ старымъ, и ветхимъ, обременительнымъ и гибельнымъ. Мораль религій и общества ожесточила меня и сдѣлала меня борцомъ. Я думалъ, что смогу дѣйствовать словомъ и примѣромъ. Теперь я больше не думаю этого. Потомъ я сталъ думать, что надо дать времени созрѣть, но время созрѣваетъ только для тѣхъ, кто готовъ. Я не могу говорить о разочарованіяхъ, потому что я остался тѣмъ-же. Въ двадцать лѣтъ я женился на обольщенной дѣвушкѣ, не обращая вниманія на сплетниковъ и зложелателей. Но она была слаба и мала душой, мелкое овладѣло ею, какъ болѣзнь. Она не могла обойтись безъ людей и страдала отъ людскихъ пересудовъ. Она перестала видѣть меня, а видѣла того, кого видѣли люди. Она все больше уходила отъ меня и мало-по-малу зачахла. Тогда я покинулъ родину и лишь теперь началъ складываться. Я смотрѣлъ на жизнь людей, отъ самаго малаго до самаго большого, и молчалъ. Мнѣ стало ясно, что мое назначеніе—молчать. Я ничего не отрицаю и не утверждаю, я просто стою и живу. Отъ всѣхъ прежнихъ выработанныхъ мною убѣжденій и желаній я постарался освободиться. Я освободился. Я никогда не старался кого-либо убѣдить или обратить. Имѣть послѣдователей не было никогда моимъ желаніемъ. Быть прославляемымъ или осуждаемымъ тоже нѣтъ. Я не стремился привлечь къ себѣ взоры странностями, чтобы тотъ или иной спросилъ, что это значитъ. Я не ходилъ въ власяницѣ, не закатывалъ глазъ, не старался поразить своимъ уединеніемъ, не усвоивалъ себѣ возвышенныхъ манеръ, хотѣлъ быть по внѣшности равнымъ каждому, встрѣчавшемуся на моемъ пути, не хотѣлъ добиваться своего съ помощью ложныхъ средствъ. Я былъ вездѣ и вездѣ смотрѣлъ. И мало-по-малу я научился видѣть подоплеку каждой человѣческой жизни. Мало-по-малу вышло такъ, что спѣшившій мимо меня не могъ скрыть отъ меня ничего,

потому что его молчаніе, его поспѣшность громко говорили. Слова, которыя я, дѣйствительно, слышалъ, стали для меня невѣрными знаками, жалкими помощниками, я скоро замѣтилъ, что ни одинъ правдивый человѣкъ не можетъ пользоваться ими, чтобы дать понятіе о своей душѣ. Всѣ страдающіе нѣмы, всѣ они точно запечатаны семью печатями. А теперь слушайте: бродя по свѣту и слушая нѣмыя слова, я пересталъ придавать имъ какое-либо значеніе, а сталъ смотрѣть глубже ихъ, на то, что покоится точно на днѣ рѣки. И тогда я началъ страдать. Каждая глупость, каждая несправедливость, каждая слабость, каждое горе, каждое угнетеніе, каждое страданіе переходило на меня, и я скоро почувствовалъ себя такъ переполненнымъ имъ, что я думалъ—время близко. Ибо я вѣрю, что тотъ, кто страданіями и знаніемъ освободитъ самого себя, освободитъ всѣхъ страдающихъ и невѣдающихъ. Въ мірѣ не пропадаетъ ничто, меньше всего нѣмая жертва. Если о ней не возвѣститъ воздухъ, это долженъ сдѣлать прахъ, въ который я разсыплюсь. Безслѣдно не проходитъ ничто. Тотъ, кому я пожимаю руку, передаетъ мнѣ свой страхъ и свои работы, и я молча ободряю его. Быть добрымъ—это все, а быть добрымъ—значитъ видѣть и сносить. Каждый чувствуетъ, что я ношу на себѣ его вину и его горе, только въ большихъ въ тысячу разъ размѣрахъ. Отъ этого растетъ его сила и чувство легкости, и онъ кажется себѣ единственнымъ отвѣтственнымъ за свою судьбу. Время открытыхъ мученичествъ прошло. Кто гибнетъ теперь, отмѣченный печатью рока и предназначенія, тотъ и есть искупитель. Я еще не старъ, мнѣ не больше тридцати пяти лѣтъ, но я стою у заката своей жизни, я ясно сознаю это. Моя природа начинаетъ возмущаться, но не физическое страданіе приведетъ меня къ концу. Здѣсь, среди галиційскихъ евреевъ, гибель ходитъ съ поднятымъ мечемъ. Я вижу, какъ гибнутъ мои соплеменники, какъ будто ихъ подкашиваетъ старая кровавая вина. Я не чувствую себя принадлежащимъ къ нимъ, но я чувствую, что и я виноватъ въ томъ огромномъ заблужденіи, которое омрачило землю. Они стоятъ вокругъ трупа своего Бога и дѣлаютъ видъ, что онъ живъ и только не хочетъ слышать. Это—несчастье, способное отравить длинные ряды грядущихъ поколѣній. Здѣсь я остался навсегда. И здѣсь приходятъ ко мнѣ дѣти. Они приходятъ изъ трехъ деревень, ихъ сотни. Я не учу и не проповѣдую. Все дѣлается какъ будто въ игрѣ. Они находятъ себя во мнѣ. Они уходятъ отъ того трупа. Я хожу съ ними по лѣсу и они поютъ. Наступаетъ вечеръ, и они располагаются на отдыхъ. Вдругъ они становятся другими. Они какъ будто даютъ таинственныя обѣщанія, и какой-нибудь

блѣдный мальчикъ со смѣлыми глазами подходитъ ко мнѣ и спрашиваетъ, люблю-ли я его. Это — событіе, въ этомъ вопросѣ начало переворота. Но довольно объ этомъ. Моя рука, непривычная къ писанію, устала. Одно то, что я писалъ, кажется мнѣ чуждымъ и страннымъ. То, что вы прочли, дорогой другъ, слова, обрывки чувствъ, только тѣнь дѣйствительности. Агатонъ Гейеръ".

Многое, чего Рената не поняла сразу, она прочла дважды. Но больше всего взволновало ее нѣчто невыразимое, что трепетало за словами и не находило формы для своего выраженія. Ей казалось невозможнымъ, что эти письма предназначались другой, а не ей. Они были точно вѣсть, которой она долго, долго ждала. Но не было ли слишкомъ поздно? Не опоздала ли эта вѣсть на цѣлые годы?

V.

Ночью она сосчитала свои сбереженія. У нея было тридцать шесть съ половиной гульденовъ,—съ трудомъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ отложенные гроши. Въ глазахъ Ренаты они имѣли гораздо большую цѣнность, чѣмъ въ дѣйствительности. Они предназначались на расходы идеальнаго характера. Половину ночи Рената просидѣла за шитьемъ; наконецъ, керосинъ въ лампѣ выгорѣлъ. Свѣтъ становился все болѣе тусклымъ, а она все сидѣла и задумчиво смотрѣла передъ собой. Работа покоилась у нея на колѣняхъ. Въ углу между печью и стѣной неподвижно сидѣлъ Ангелюсъ. Ночь была бурная; вѣтеръ часто, точно тѣло, напиралъ на окно и грозилъ разбить стекло. Когда Рената легла спать, было уже три часа. Такъ какъ она очень устала, она скоро задремала, но трепетное, полное ожиданія возбужденіе не покидало ея во снѣ; черезъ часъ она проснулась: ей почудилось, что кто-то произнесъ ея имя. Она прислушалась, отбрасывая рукой спутавшіеся волосы. Буря улеглась. Міръ, казалось, затихъ отъ края до края. Слышалось тихое дыханіе собаки.

Рано утромъ пришелъ посланный съ фабрики спросить, почему ея не было вчера. Она отвѣтила, что не въ состояніи работать. Госпожа Габезамъ, ворчливая и мрачная, выпытала изъ посланнаго все, что хотѣла знать. Она уже давно отказалась видѣть въ Ренатѣ Фуксъ графиню. Такъ какъ весь придуманный романъ разлетѣлся и, повидимому, больше уже не было никакихъ тайнъ, въ ней вспыхнулъ молчаливый гнѣвъ на жилицу. Но сосѣдей она продолжала уго-

щать баснями, составлявшими добрую славу дома и его особаго рода аристократичность.

— Не преступно ли это?—со страхомъ спрашивала себя Рената, когда посланный ушелъ. Но странная увѣренность была сильнѣе страха. Шить, только шить. Пусть все будетъ готово. Въ тотъ же день пришла и дѣвушка, присланная господиномъ Пиненцаномъ. Она сообщила, что капелла играетъ сегодня въ „Золотомъ Яблокѣ". Растерявшеюся госпожей Габезамъ вдругъ овладѣло недовѣріе; безъ всякихъ основаній она потребовала платы за комнату, хотя мѣсяцъ еще не кончился. Рената не заставила ее ждать и не выказала ни малѣйшаго удивленія. Солнце свѣтило и грѣло и манило пойти погулять. Она надѣла свое лучшее платье, черное, которое выглядѣло еще совершенно свѣжимъ. Шляпа тоже была черная, съ черными перьями, только перчатки были бѣлыя. Когда Рената вышла въ коридоръ, госпожа Габезамъ стояла у противоположной двери и кормила своихъ двухъ кошекъ. Она широко открыла глаза при видѣ своей жилицы—стройной, спокойной фигуры и блѣднаго, прекраснаго, неподвижнаго лица подъ чернымъ вуалемъ.

— Сегодня чудная погода,—тихо сказала Рената,—смущенно улыбаясь, какъ будто прося извиненія. Старуха всплеснула руками; легенда о графинѣ опять пріобрѣла вѣроятность. Рената вспомнила, когда въ послѣдній разъ надѣвала это платье. Это было тогда, когда она ходила отъ Анны Ксиландеръ къ графинѣ Шерке. Тогда былъ весенній день, и въ Англійскомъ саду появились почки.

Ангелюсъ бѣжалъ впереди. Казалось, его гнало тайное нетерпѣніе. Онъ часто останавливался, оглядывался назадъ, бѣжалъ впередъ, опять останавливался. Онъ обнюхивалъ воздухъ, встряхивался, былъ полонъ безпокойства, еще больше, чѣмъ его госпожа. Рената пошла по направленію къ ратушѣ, прошла подъ тихими арками и вдругъ почувствовала себя одинокой и беззащитной. Она съ тоской смотрѣла въ открытыя окна жилищъ, глядѣла вслѣдъ быстрымъ экипажамъ. Затѣмъ она сѣла на скамью въ Народномъ саду, и ей казалось, что солнце утратило свой блескъ. Мимо проходили молодыя дѣвушки, болтая и радуясь молодому году, который такъ много обѣщалъ. Но то, что видѣла она, казалось, уходило въ далекія дали, и она невольно нагнулась впередъ, чтобы почувствовать почву подъ своими ногами. Она боролась съ воспоминаніями и размышленіями, но было невозможно противиться мыслямъ и образамъ, вертѣвшимся какъ будто въ колесѣ и безпрестанно возвращавшимся. Вся ея натура стремилась къ цѣли, а кругомъ

была безцѣльность. Куда ты ведешь меня?—казалось, спрашивала она призрачнаго спутника, но отвѣта не было.

Домой. Но въ тѣсной комнатѣ призраки разрастаются и неопредѣленные прежде звуки пріобрѣтаютъ смыслъ и форму. Ей хочется спать, но она чувствуетъ себя въ опасности въ своемъ одиночествѣ, и ей кажется, что надо запереть дверь на задвижку. Она дѣлаетъ это. Но не это мѣшаетъ ей заснуть. Ангелюсъ не хочетъ отдыхать, и его надо уговорить. Въ его глазахъ что-то угрожающее, фальшивое, смятенное. Во дворѣ играютъ дѣти, такъ какъ еще рано. Они очертили мѣломъ кругъ вокругъ чахлаго деревца, внутри круга убѣжище отъ врага. Ренатѣ кажется, что она тоже еще дитя; сочувственная, но въ то же время разсѣянная улыбка играетъ на ея губахъ. Вечерній сумракъ прорѣзываетъ чей то звучный теноръ. Игра обрывается. Дѣти разсыпаются, какъ искры на пеплѣ отъ сгорѣвшей бумаги. Становится необыкновенно тихо. Рената слушаетъ и слушаетъ. Ей кажется, что она вдругъ потеряла способность слышать. Наконецъ, она чувствуетъ усталость, и сонъ снисходитъ къ ней, какъ важный сановникъ, сознающій размѣры своей милости. Быстрѣе обыкновеннаго дышетъ она въ своей постели, и одѣяло давитъ ее своей тяжестью. Она видитъ горы въ холодныхъ испареніяхъ ночи. Горы выростаютъ тамъ, гдѣ прежде были города, и ихъ вершины увѣнчаны снѣгомъ. Наверху стоитъ Ангелюсъ, превратившійся въ чудовище, жирный и вздувшійся отъ труповъ Рената въ испугѣ просыпается, ея голова горитъ, и она съ сжимающимся сердцемъ закрываетъ лицо дрожащими руками.

Наступаютъ дни, окутанные бѣлымъ туманомъ, проходящіе безшумно, безъ цѣли, безъ событій. Имъ не свѣтитъ солнце, и они тянутся одинъ за другимъ, какъ скованныя звенья цѣпи. Госпожа Габезамъ приноситъ затракъ и обѣдъ и часто уноситъ ихъ нетронутыми.

— Сегодня опять хорошая погода,—говоритъ почтенная дама,—прекрасный вечеръ, барышнѣ слѣдовало бы пойти пройтись.—Рената одѣвается, какъ будто по приказу и идетъ, идетъ, идетъ, не зная куда. Надъ Пратеромъ стоитъ желтая пыль, и кажется, что милліоны звуковъ задыхаются въ ней. Тамъ кричатъ, смѣются, суетятся; экипажи гремятъ, колокола поютъ, колокольчики звенятъ; музыка въ Пратерѣ, свистъ паровозовъ; а на западѣ пылаетъ вечернее зарево. Рената платитъ гдѣ-то за входъ, это—„Венеція въ Вѣнѣ". Она кажется Ренатѣ тюрьмой, потому что надъ деревьями, которые она видитъ, нѣтъ неба. Въ вѣтвяхъ висятъ безчисленныя лампочки, и изъ всѣхъ направленій, дисгармонически переплетаясь, льются

мелодіи. Въ аллеяхъ суета и толкотня, и Ренату забрасываютъ конфетти, такъ что шляпа и платье становятся уже не черными, а пестрыми, какъ во время карнавала. Напротивъ вертится гигантское колесо-качели, усаженное огнями, точно солнце, потерявшее все свое пламя, за исключеніемъ нѣсколькихъ искръ. Всюду музыка, всюду пѣніе, всюду веселый смѣхъ.

Съ Ренатой заговариваютъ, она не отвѣчаетъ, не слышитъ. Рената покидаетъ мѣсто развлеченій, вздрагиваетъ отъ холода. Еще слишкомъ рано ходить въ одномъ платьѣ. Но куда дѣвался Ангелюсъ? Она останавливается и озирается. Она идетъ назадъ до входа и зоветъ. Подходитъ человѣкъ въ желтой фуражкѣ, спрашиваетъ, чѣмъ можетъ служить.

— Моя собака пропала,—отвѣчаетъ Рената прерывающимся голосомъ и идетъ по аллеѣ, гдѣ уже становится пусто и темно. „Ангелюсъ“, зоветъ она. Въ отвѣтъ только шумятъ кусты. Она останавливается въ ожиданіи, съ трудомъ собирается съ мыслями. Ей становится ясно, что собака побѣжала домой. Она спѣшитъ къ трамваю; въ ея нетерпѣніи ей кажется, что трамвай едва плетется.—„Ангелюса дома нѣтъ. Я не должна была ѣхать,—съ отчаяніемъ думаетъ Рената,—я, навѣрно, встрѣтила бы его по дорогѣ“.—Она становится у воротъ дома и ждетъ. Ворота запираютъ, она все еще ждетъ. „Ангелюсъ уменъ,—думаетъ она, онъ знаетъ, гдѣ его домъ, онъ, навѣрно, скоро придетъ“. Но все напрасно. Проходящіе мимо мужчины нагло смотрятъ на Ренату, но она не сводитъ глазъ съ улицы, не появится-ли на ней Ангелюсъ. „Я небрежно относилась къ нему, съ болью думаетъ она, и онъ почувствовалъ это. Я позволила его бить, и онъ не простилъ мнѣ этого. Онъ былъ вѣренъ и терпѣливъ, понималъ все, былъ настоящимъ товарищемъ. Онъ зналъ свою госпожу лучше, чѣмъ кто-либо изъ людей, но я принимала это равнодушно, поэтому я потеряла его. Я не увижу его больше“.

Рената въ уныніи идетъ къ парку, и ея глаза блуждаютъ вокругъ, ища. Одиночество, въ которомъ она находится, вдругъ кажется ей невыносимымъ. Ея комната съ голыми выбѣленными стѣнами представляется ей кошмарнымъ видѣніемъ. Она лучше будетъ ходить по улицамъ и искать Ангелюса, она скорѣе согласна лишиться жизни сегодня-же ночью, чѣмъ вернуться туда.

Она узнаетъ зданіе, передъ которымъ находится. Это—фасадъ фабрики. Она прислоняется къ стѣнѣ, дрожа отъ усталости. Ворота открываются, и на улицу, оживленно бесѣдуя, выходятъ десять—двѣнадцать работницъ. И Рената видитъ среди нихъ и Фанни. Она думаетъ, что это—сонъ. Но дѣ-

вушки замѣтили ее, окружаютъ ее, и Фанни съ изумленнымъ восклицаніемъ ее узнаетъ. Рената проситъ ихъ взять ее съ собой, и Фанни сейчасъ-же начинаетъ плакать отъ жалости. —Почему онѣ здѣсь ночью? устало спрашиваетъ Рената. Теперь, передъ Пасхой, нѣкоторое количество дѣвушекъ работаетъ каждую ночь до двѣнадцати часовъ, отвѣчаютъ ей. Рената не можетъ идти, и одна изъ дѣвушекъ бѣжитъ за экипажемъ. Фанни беретъ руки Ренаты, которыя оказываются холодными, какъ ледъ, и цѣлуетъ ее. Она со свойственнымъ ей непостоянствомъ изливается въ нѣжностяхъ, пока не подъѣзжаетъ экипажъ. Мари, находящаяся среди ожидающихъ дѣвушекъ, закрыла лицо передникомъ. Она любитъ Ренату, хотя иногда не говорила съ ней. Рената испытываетъ только желаніе спать. Ей кажется, что завтра, ее ждетъ день, отличающійся отъ всѣхъ прежнихъ,—цѣль. къ которой она безсознательно стремилась, и передъ которой ей теперь грозитъ упасть безъ силъ.

VI.

— Какая удивительная случайность, что я встрѣтила васъ,—сказала Рената утромъ, проснувшись въ низкой, комнатѣ, пропитанной запахомъ мускуса и камфоры.—Ангелюсъ нашелся?

— Кто?—переспросила Фанни.

— Ангелюсъ. Моя собака. Она пропала. Я потеряла ее: Я искала ее по всему городу. Богъ знаетъ, гдѣ я только не была.—Рената съ застѣнчивой улыбкой стиснула руки.

— Васъ не разберешь,—отвѣтила Фанни, качая головой. Она закашлялась, и лицо ея стало сѣрымъ.

— Скоро комедія кончится,—сказала она, кривя губы,—похороны четвертаго разряда.

— Это безразлично,—отвѣтила Рената, спокойно глядя на нее. Она взяла со стола черную мѣховую муфту и зарылась въ нее щекой. Муфта лежала тамъ съ зимы, въ открытой коробкѣ.

— Когда я подумаю обо всемъ, что я пережила,—задумчиво продолжала она,—я удивляюсь. Я только удивляюсь всему. Я что-то хотѣла сдѣлать сегодня и теперь уже не помню что. Ангелюса я не найду никогда.

— Напечатайте объявленіе въ газетѣ. Или пойдите въ полицію.

— Нѣтъ, нѣтъ. У него видно были причины уйти.

— Причины?—Фанни сдѣлала такое лицо, какъ будто сомнѣвалась, въ здравомъ-ли умѣ ея гостья.

Рената встала, одѣлась, распахнула окно и съ выраженіемъ горячей мольбы посмотрѣла на небо. Узкая, похожая на шоссейную дорогу улица была пуста, а дома имѣли такой видъ, какъ будто ночью ихъ чисто вымыли.

— Что вы думаете теперь дѣлать?—спросила Фанни, принося чашку кофе и ставя ее на столъ.—Я скоро должна идти на работу.

Рената стояла передъ зеркаломъ; при этомъ вопросѣ она перестала расчесывать волосы. „Въ сущности, я еще совсѣмъ недурна", бѣгло подумала она, разглядывая свое лицо. —Что я думаю дѣлать? Право, не знаю. Охотнѣе всего я теперь уѣхала-бы куда-нибудь далеко.

— Знаете, что я думаю, моя милая? хотите знать? Я думаю, что вы ужасно непрактичны.—Фанни стояла съ такимъ видомъ, какъ будто теперь ей стало понятнымъ все загадочное въ Ренатѣ.

— Это возможно,—отвѣтила Рената.—Но развѣ вы думаете, что практичныя спасутся?

— Спасутся? Какъ это?..

Рената сѣла на окно и опустила руки на колѣни, охваченная внезапнымъ уныніемъ.

— Я хотѣла-бы только знать, почему Ангелюсъ пропалъ. Это имѣетъ какое-нибудь значеніе, должно имѣть его.

— Что вы такое говорите! Что же это можетъ быть? И кто такъ убивается изъ-за животнаго!

— Изъ-за животнаго? Онъ все понималъ, и я сама только теперь понимаю это. Я безполезна. Развѣ это не такъ? Скажите сами. Ангелюсъ исчезъ, это значитъ, что или со мной все кончено, и мое назначеніе не выполнено, или что завтра-же произойдетъ нѣчто такое великое, что можно сойти съ ума.—Она была блѣдна, и ея глаза горѣли. Она все время глядѣла куда-то вдаль.

Фанни, испуганная, ходила отъ двери къ окну.

— Выпейте же вашъ кофе,—съ безпокойствомъ сказала она.

— Я спала,—прошептала Рената.—Мнѣ кажется, что теперь я могла-бы цѣлыя недѣли непрерывно плакать. И сердце у меня бьется такъ безумно.

— Вы должны непремѣнно пойти къ доктору.

— Это болѣзнь не для докторовъ, Фанни.—Легкіе, торопливые шаги по песку лежавшей подъ окномъ дороги заставили Ренату выглянуть. Она вздрогнула и невольно протянула руку. Спѣшившая остановилась и, вытянувъ впередъ голову и защищая глаза рукой отъ солнца, посмотрѣла вверхъ. Затѣмъ она быстро подошла къ окну и протянула Ренатѣ руку. Рената схватила руку и растерянно улыбну-

лась.—Вы всегда такъ торопитесь, Миріамъ,—стѣсненно сказала она.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо, что я встрѣтила васъ,—сказала Маріамъ, и Рената испугалась, взглядѣвшись въ заплаканное лицо молодой дѣвушки.—Идемте-же со мной. Или мнѣ войти?

— Нѣтъ, я иду,—торопливо отвѣтила Рената, начиная дрожать отъ страннаго предчувствія. Ея голосъ казался ей глухимъ и неразборчивымъ.

— Благодарю, благодарю, Фанни,—пробормотала она, надѣвая шляпу и беря зонтикъ.—Прощайте, благодарю васъ!

Кружевная Фанни была тронута и отклонила благодарность. Миріамъ ждала у воротъ, нервно отягивая и натягивая перчатки.—Мой братъ боленъ,—сказала она.

— Вашъ братъ Агатонъ?—спросила Рената, останавливаясь. На мгновеніе она закрыла глаза: блѣдныя воспоминанія о снахъ.

— И я должна ѣхать къ нему,—глухо продолжала Миріамъ.

— Гдѣ же онъ?

— Въ Моравіи. Гдѣ-то тамъ онъ заболѣлъ. Его перенесли къ какой-то крестьянкѣ, куда-то въ домъ или старый замокъ Гельфенштейнъ. Я получила телеграмму отъ тамошняго врача. Агатонъ хотѣлъ повидаться со мной, я должна была черезъ недѣлю поѣхать ему навстрѣчу, и по дорогѣ съ нимъ случилось это. У него болѣзнь сердца, написано въ телеграммѣ.

— И вы, конечно, ѣдете сейчасъ, Миріамъ?

— Ахъ, какъ я искала васъ, Ренэ.

— Не называйте меня Ренэ. Меня зовутъ Рената, Рената Фуксъ. Все то было ложью. Меня зовутъ Рената.

Миріамъ схватила руку Ренаты.

— Я знала это, знала уже тогда, что вы другая. Давидъ сказалъ мнѣ это еще тогда. Я знаю все.

— Миріамъ!—На нижней губѣ Ренаты выступила капелька крови.—Зачѣмъ-же вы искали меня? Я тоже, да, я искала васъ, не зная того.

— Дарья уѣхала. Мы жили вмѣстѣ съ февраля, Дарья и я, до самаго послѣдняго времени. Недѣлю тому назадъ Дарья уѣхала съ...—Миріамъ пошатнулась, оперлась о заборъ сада и съ отчаяніемъ опустила глаза.—Но мы уже пришли,—спокойнѣе сказала она и вошла въ сѣни маленькаго домика, гдѣ молодая служанка мыла полъ. Онѣ вошли въ комнату, выходившую окнами въ садикъ, и Миріамъ легла на кровать и тихо зарыдала.—Агатонъ, Агатонъ,—прошептала она, когда Рената машинально-успокаивающе погладила ее по плечу.

Въ комнатѣ царилъ безпорядокъ. Изъ шкафовъ были вынуты платья и бѣлье, на столѣ стоялъ нетронутый завтракъ. Солнечные лучи преломлялись въ бутылкѣ съ водой, и радужные цвѣта пестрили развернутую телеграмму.

— Поѣдемте со мною, Рената,—просила Миріамъ, поднимаясь.—Если вы будете со мною, мнѣ будетъ легче; вы не знаете, какъ я одинока. Помните, вы подарили мнѣ въ Цюрихѣ свой портретъ? Я послала его зимой Агатону. Черезъ нѣкоторое время онъ прислалъ мнѣ его обратно; внизу онъ написалъ: „не выпускай ея, Миріамъ“. Это меня сильно взволновало. Два дня спустя я встрѣтила васъ на улицѣ и не могла даже поговорить съ вами.

Рената не отвѣчала. Въ ней точно звучала далекая, но незавершенная, сладостная и мирная мелодія.

— Вы поѣдете, Рената?—умоляюще продолжала Миріамъ.— Видите ли, если я поѣду одна... я не могу говорить съ чужими людьми. Мнѣ всѣ представляются животными. Уже недѣлю я живу взаперти, не рѣшаюсь выйдти на улицу.

— Что-же случилось?

— Вы поѣдете?

— Какъ я могу поѣхать? Вы не знаете, какъ я бѣдна.

— Рената! Вы не должны говорить такихъ отвратительныхъ вещей. Почему вы хотите унизить меня? Мы поѣдемъ сегодня-же въ часъ дня. Въ семь часовъ мы будемъ тамъ. Я уже знала все.

— Но тогда я должна сейчасъ пойти домой.

— Я поѣду съ вами. Я не хочу быть одна.

Миріамъ послала служанку за экипажемъ. По дорогѣ она безвучнымъ голосомъ, судорожно стиснувъ руки, разсказала, что случилось.

— Дарья ѣздила въ октябрѣ въ Голландію, гдѣ былъ ея мужъ. Въ концѣ января она вернулась и сказала, что развелась. Я была рада, что она опять со мною, и мы поселились вмѣстѣ. Но въ нашемъ домикѣ жилъ еще одинъ человѣкъ, котораго я знала уже давно. И не только знала, но и... Однажды осенью мы встрѣтились у подъѣзда. Онъ посмотрѣлъ на меня, я не могла забыть этого взгляда. Онъ былъ врачъ. Онъ лѣчилъ только бѣдныхъ и не бралъ денегъ. Мы часто вмѣстѣ гуляли и много разговаривали, Онъ сейчасъ-же расположилъ меня къ себѣ, а затѣмъ и совсѣмъ очаровалъ. Мы часто ходили гулять и среди недѣли, какъ-бы холодно ни было. Однажды была звѣздная ночь, и все было покрыто снѣгомъ,—онъ сказалъ мнѣ, какъ измѣнилась бы его жизнь, если бы я захотѣла раздѣлить ее съ нимъ. Я отвѣтила, что хочу. Больше мы не сказали ни слова. Когда мы дома прощались въ коридорѣ, онъ поцѣловалъ

меня. Больше между нами никогда не было ничего. Всегда, когда мы говорили другъ другу спокойной ночи, мы цѣловались. Онъ имѣлъ вліяніе на все, что я думала и дѣлала. Потомъ пріѣхала Дарья. Сначала она много разговаривала съ нимъ, потомъ вдругъ они перестали говорить другъ съ другомъ. Я пробовала помирить ихъ, думая, что они поссорились. Однажды ночью я проснулась, мнѣ было какъ-то тоскливо и жутко, и я пошла разбудить Дарью. Когда я подошла къ двери, я услышала тихіе голоса. Дверь открылась и... Ну, что говорить. Я упала на мѣстѣ. Утромъ они уѣхали. Мое сердце такъ..!—Она судорожно сжала руку въ кулакъ, чтобы нагляднѣе показать Ренатѣ, какъ сдавлено ея сердце. Рената тихо поцѣловала дѣвушку въ високъ, и Миріамъ обвила руками шею Ренаты. Несмотря на весь свой опытъ, Рената не чувствовала своего превосходства надъ дѣвушкой. Въ этотъ моментъ она не казалась себѣ опытной, она была глубоко благодарна за довѣріе и чувствовала себя виновной во всякой винѣ.

— Ангелюсъ здѣсь?—были первыя слова, съ которыми она живѣе обыкновеннаго обратилась къ фрау Габезамъ. Ворчливое покачиванье головы лишило ее послѣдней надежды.

— Теперь мы должны укладываться,—сказала Миріамъ, расхаживая по комнатѣ съ опущенными глазами.—Это была комната Дарьи,—упорно думала она. Она не хотѣла даже подняться наверхъ, когда Рената сообщила ей это.

Фрау Габезамъ вошла вмѣстѣ съ Ренатой; отъ удивленія глаза у нея сдѣлались большіе, какъ орѣхи: ее поразило, во-первыхъ, извѣстіе объ отъѣздѣ, а во-вторыхъ, таинственное появленіе молодой дамы, которую она такъ часто видѣла у прежней жилицы. Ея ограниченному уму весь міръ сталъ представляться дьявольскимъ котломъ, въ которомъ люди и судьбы перемѣшаны самымъ непостижимымъ образомъ. Она стала и покачивала головой и, вѣроятно, качала бы ею до начала слѣдующаго мѣсяца, если бы у дверей не показались обѣ кошки.

— Я нашла письма вашего брата къ Дарьѣ,—сказала Рената, протягивая Миріамъ листки со страннымъ, затуманеннымъ взглядомъ. Все время, пока Рената была занята укладкою, Миріамъ читала письма, не могла оторваться отъ нихъ, и въ послѣдующіе часы въ ней безсознательно для нея самой появилась что-то важное и торжественное.

Рената сдѣлала все, что надо было, ограниченность времени увеличила ея спокойствіе и осмотрительность. Затѣмъ онѣ вернулись къ Миріамъ, уложили все окончательно и два часа спустя уже сидѣли въ поѣздѣ и смотрѣли другъ на друга, усталыя и удивленныя. Въ странномъ порывѣ Миріамъ

амъ схватила руку Ренаты и прижалась къ ней губами. Рената вздрогнула, точно отъ удара. Черные глаза Миріамъ лихорадочно горѣли; она отворачивалась отъ окна, какъ будто хотѣла уйти отъ зрѣлища города, и не была способна на это. Она улыбалась почти искаженной улыбкой. Ея взволнованной душѣ огромный городъ казался только хранилищемъ одной единственной несправедливости, которой подверглась въ немъ она сама.

Длинная равнина къ сѣверу, затѣмъ слегка волнистыя цѣпи холмовъ съ бархатной предвечерней дымкой весенняго солнца.

— „Всегда я ѣзжу такъ загадочно по свѣту"—думала Рената,—является невидимая рука и уноситъ меня: на югѣ, на западѣ и на востокѣ я уже была, сегодня въ первый разъ я ѣду на сѣверъ. Кто сплелъ эти нити? Для случайной игры или-же со смысломъ и планомъ?

— Имѣетъ ли значеніе все, что переживаешь?—спросила она, доведенная до этого вопроса ходомъ своихъ мыслей. Онѣ были однѣ и могли бесѣдовать безъ помѣхи.

— Надо спросить Агатона, Агатонъ знаетъ все это!—наивно сказала Миріамъ.

— Агатонъ высокій?

— Да. Высокій и красивый. Особенно красивы глаза. Такихъ глазъ больше нѣтъ на свѣтѣ. А лобъ надъ ними, какъ у мраморной головы.

— А какой онъ вообще?

— Тихій.

— Всегда? Всегда тихій?

— Нѣтъ, въ немъ есть какая-то внутренняя сила, которая сама возвѣщаетъ о себѣ. Это такъ. Иначе этого нельзя выразить, и оттого, что я это знаю, я еще такъ спокойна. Ему не грозитъ опасность.

— Ахъ, Миріамъ, мнѣ кажется, что и въ васъ есть эта сила. Вамъ тоже не грозитъ опасность. Если бы я была вами, я не растратила бы своего сердца. Теперь я похожа на отлученную отъ церкви.

— Но вездѣ можно воздвигнуть свою собственную церковь.

— Тому, кто силенъ,—да.

— Посмотрите на поля, Рената. Какъ это похоже на Франконію. А мы уже въ Моравіи.

— Это тамъ не вѣтряная мельница?—спросила Рената.

— Не думаю.

— Какимъ новымъ кажется мнѣ все!—сказала Рената, глядя на поля впитывающимъ, почти умоляющимъ взглядомъ.

— Эти деревья у дороги! Какіе чудесные тополя!

Рената глубоко вздохнула; въ груди у нея было горько-сладкое чувство, и она не находила словъ для того, что ей хотѣлось высказать.

Наконецъ, цѣль была достигнута,—маленькая станція, широкая, покрытая сѣрой пылью шоссейная дорога къ городу. Онѣ проѣхали въ экипажѣ между рядами домиковъ лиллипутовъ, изъ которыхъ тамъ и сямъ выглядывало лицо матроны или любопытные дѣтскіе глазки. Затѣмъ онѣ выѣхали за городъ къ замку Гельфенштейнъ. Вдали погружалось въ равнину солнце. Онѣ охотно предались молчанію, которымъ и прежде часто прерывалась ихъ бесѣда. Имъ пришлось переѣхать наполовину высохшую рѣку, черезъ которую былъ переброшенъ полусгнившій мостъ. Затѣмъ пошли песчаныя равнины, потомъ нива, вздувавшаяся на тускнѣвшемъ небѣ, какъ животъ. Мимо проходили крестьяне съ лицами чуждаго типа; за лѣскомъ тоскливо мычали быки. Всюду были разбросаны перелѣски, вдоль извивающагося ручья группами росли деревья. Наконецъ, показалась замковая гора, и Миріамъ дрожащей рукой расплатилась съ кучеромъ. Онѣ, молча, поднялись наверхъ. Съ равнины дулъ свѣжій вѣтеръ. За длинными рядами деревьевъ показался полуразрушенный замокъ безъ крыши и воротъ, съ окнами безъ стеколъ; вокругъ было глубокое, беззвучное одиночество. Рано пожелтѣвшія травы дрожали на склонѣ, а еще зеленые стебли на пшеничномъ полѣ стлались, какъ сукно.

— Гдѣ-же это?—растерянно прошептала Миріамъ, поднимая глаза къ алѣвшему небу. Сбоку у горы былъ длинный сѣрый дровяной амбаръ, надъ которымъ небо казалось высокимъ вдвойнѣ, дальше шло древнее зданіе съ немногими окнами, сверкавшими при солнечномъ закатѣ. Рената смотрѣла на нихъ, она не могла ни говорить, ни думать, она едва шла. Она крѣпко сжала губы, и глаза на ея блѣдномъ лицѣ были закрыты съ выраженіемъ усталости.

Изъ боковой дорожки, скрытой кустами, вышла дѣвочка. Миріамъ назвала имя крестьянки, и дѣвочка, въ рукахъ у которой былъ маленькій букетъ изъ буквицъ, рыцарскихъ шпоръ и незабудокъ, необыкновенно серьезно кивнула головой, показала на вершину горы и пошла впередъ. Пройдя нѣсколько шаговъ, она обернулась, лукаво и смущенно улыбнулась и протянула Ренатѣ цвѣты.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

Крестьянка, вышедшая на темную уже лужайку, окруженную низкимъ заборомъ, испытующе и напряженно вглядывалась въ подходившихъ женщинъ. Голова ея была окутана платкомъ, лицо было необыкновенно интеллигентно и выразительно.

— Кто изъ васъ сестра?—спросила она суровымъ низкимъ голосомъ, и затѣмъ прибавила, обращаясь исключительно къ Миріамъ: — Онъ ждалъ васъ цѣлый день. Онъ былъ нетерпѣливъ и не слушалъ меня.

— Проводите меня къ нему,—отвѣтила Маріамъ, хватая обѣими руками руку женщины. Она едва могла говорить.

— Онъ спитъ теперь,—сказала крестьянка; у нея было такое лицо, что, казалось, она не умѣетъ улыбаться.—Пока онъ спитъ, вамъ придется ждать и, если захочетъ Богъ, вамъ придется ждать всю ночь.

— Но я хочу хоть видѣть его.

— Этого нельзя, — возразила крестьянка.—Взглядъ можетъ вызвать неспокойные сны. Если вы голодны, у меня есть молочный супъ, черный хлѣбъ и масло.

— Гдѣ онъ? Гдѣ Агатонъ? — спрашивала Миріамъ, боязливо глядя на старуху.

— Деревянная лѣстница слѣва ведетъ на сѣновалъ, внизу помѣщеніе для коровъ. Рядомъ съ нимъ вы видите ворота и часть каменной лѣстницы. Каменная лѣстница ведетъ на башню, тамъ лежитъ онъ. Стѣны наверху въ два метра толщиной. Туда не доходитъ никакой шумъ.

— Башня? Я не вижу башни.

— Мы называемъ это башней, хотя это и не башня... Не все должно быть непремѣнно такимъ, какъ называютъ. Вѣдь горе тоже отъ Бога, а приписываемъ же мы его дьяволу.

— Скажите, какъ Агатонъ попалъ сюда? Гдѣ врачъ, и что онъ говоритъ? Какъ онъ думаетъ, Агатонъ скоро выздоровѣетъ?

— Слишкомъ много сразу. Спрашивать я всегда готова, отвѣчать не всегда. Но будь по вашему: вѣдь вы сестра. Кого это вы привезли съ собой?—Она указала на Ренату, неподвижно сидѣвшую на скамьѣ подъ старой грушей.

— Это—моя подруга,—робко отвѣтила Миріамъ.—Одна я не могла бы поѣхать. У меня самой... было горе... Я не ожидала этого несчастья съ Агатономъ.

— Да, чего только не дѣлаетъ Богъ,—пробормотала крестьянка.—Неожиданное показываетъ намъ, чего мы стоимъ.

Теперь я принесу вамъ поѣсть, тогда мы поговоримъ. —Рѣшительность во всемъ, что говорила женщина, внушала робость Миріамъ. Она посмотрѣла ей вслѣдъ, какъ она твердой неторопливой походкой направилась къ амбару; затѣмъ она сѣла рядомъ съ Ренатой, которая не произносила ни слова и смотрѣла на едва уже замѣтныя очертанія развалинъ замка. Крестьянка вернулась, неся въ поднятыхъ рукахъ небольшой столъ, на которомъ было приготовлено все необходимое для ужина.

— Въ комнату вамъ войти нельзя,—сказала она,—тамъ не мѣсто для васъ. Спать вамъ придется наверху на сѣнѣ, поочередно, одна изъ васъ можетъ дежурить при немъ. Это хорошо, что васъ двѣ... Марика!—крикнула она, — принеси фонарь!

Дѣвочка, показавшая дорогу Миріамъ и Ренатѣ, принесла фонарь, какой употребляютъ въ хлѣвахъ, поставила его на столъ, едва замѣтно улыбнулась и упорхнула, какъ птичка.— На дворѣ еще свѣжо,—сказала крестьянка, не обращая вниманія на дочь; она стояла, скрестивъ руки, у дерева и смотрѣла на Миріамъ и Ренату, которыя начали машинально ѣсть. Она видѣла на лицѣ Миріамъ нервное нетерпѣніе, но упорно молчала, пока онѣ не кончили.

— У васъ есть съ собой вещи?—наконецъ, спросила она.

Миріамъ кивнула головой, но была не въ состояніи отвѣтить.

— Мы оставили все на вокзалѣ, пошлемъ за ними завтра,— сказала вмѣсто нея Рената. Крестьянка устремила пристальный взглядъ своихъ сѣрыхъ, какъ сталь, горящихъ сдержаннымъ огнемъ глазъ на Ренату. Затѣмъ придвинула къ узкой сторонѣ стола кадку, стоявшую за деревомъ, и сѣла на нее.

— Что-же съ Агатономъ, фрау?—вырвалось, наконецъ, у Миріамъ. Она вся дрожала.

— Вы можете называть меня фрау Вильмоферъ, — спокойно поправила крестьянка.—Онъ (Рената замѣтила, что она ни разу не назвала Агатона по имени)—онъ пришелъ три дня тому назадъ. Мы—старые знакомые. Четырнадцать мѣсяцевъ тому назадъ онъ уже былъ въ Моравіи, и я могу сказать, что онъ спасъ Марикѣ жизнь. Марика была больна, это было въ декабрѣ, и снѣга было столько, сколько не было уже двадцать лѣтъ. Я не могла поѣхать въ городъ изъ-за снѣга да и не на кого было оставить Марику. Мы вѣдь живемъ здѣсь совсѣмъ одни. Но когда я уже совсѣмъ отчаивалась, несмотря на глубокій снѣгъ, пришелъ *онъ*, какъ будто его принесъ Богъ. Я лежала на полу и ревѣла, потому что Марика уже не шевелилась. Четыре недѣли я не видѣла ни одного человѣка; послѣдній былъ

крестьянинъ, который каждые три дня привозитъ намъ воду, потому что здѣсь нигдѣ вокругъ нѣтъ колодца. И когда *онъ* пришелъ точно чудо, черезъ недѣлю Марика была здорова. Тогда онъ отправился дальше въ Галицію. Да, въ тотъ разъ его принесъ Господь. Три дня тому назадъ я доила корову, вдругъ слышу Марика зоветъ меня, и когда я вышла и увидѣла его на скамьѣ, я подумала, что это—трупъ. „Фрау Вильмоферт, сказалъ онъ, я не могу идти дальше". Мы уложили его наверху, пришелъ докторъ, и Марика побѣжала на почту съ телеграммой.

— Что-же говоритъ докторъ?

— Онъ говоритъ что-то по латыни. Сердце! Скоро онъ самъ будетъ здѣсь. Онъ приходитъ въ девять часовъ утра и въ девять вечера: хорошій человѣкъ и любитъ своихъ больныхъ. Онъ смотритъ сердитымъ, но онъ добрый, и никакое разстояніе не кажется ему слишкомъ далекимъ.

— Но почему теперь при Агатонѣ нѣтъ никого?

— Онъ просилъ, чтобы мы ушли. Даже Марикѣ не позволилъ остаться.

Глухіе тяжелые шаги за заборомъ заставили встрепенуться всѣхъ трехъ.

— Докторъ,—съ удовлетвореніемъ сказала крестьянка, и ея лицо просвѣтлѣло. Миріамъ не могла двинуться съ мѣста. Она сидѣла, какъ будто въ ожиданіи приговора. Рената обняла молодую дѣвушку за плечи, докторъ подошелъ, поклонился съ комичной важностью, приподнявъ свою полинявшую шляпу, и сказалъ: „А, очень хорошо, очень хорошо", чтобы показать что онъ подготовленъ ко всему.

— Что это, что это за болѣзнь, докторъ?—спросила Миріамъ, съ трудомъ удерживая рыданія и порывисто вставая.

Докторъ сдѣлалъ огорченное лицо, развелъ руки и пожалъ плечами.

— Перерожденіе сердца,—сказалъ онъ со странной смѣсью благоволенія, грусти и научнаго достоинства.

— Это опасно? Умоляю васъ во имя милосердія, скажите мнѣ правду.

Докторъ вступилъ въ кругъ свѣта, отбрасываемаго фонаремъ и подперъ подбородокъ рукой.

— Это, во всякомъ случаѣ очень странная болѣзнь,— сказалъ онъ мягко и задумчиво; въ его манерѣ говорить было что-то пасторское.—Я сказалъ бы—износившееся сердце, истрепавшееся сердце, сказалъ бы *я*. А это ведетъ туда, куда придется отправиться всѣмъ намъ, сказалъ бы *я*. И такъ какъ вы умоляете меня во имя милосердія, я скажу, что такое сердце недолговѣчно, какъ снѣгъ въ маѣ.

— И помочь нельзя ничѣмъ, рѣшительно ничѣмъ?

— Помочь? Я сказалъ-бы: нѣтъ.

— А если пригласить какого нибудь знаменитаго врача?

— На это я скажу, что знаменитый врачъ можетъ быть и хорошимъ врачемъ. Но откуда онъ возьметъ новое сердце? Я сказалъ-бы: какими средствами онъ располагаетъ для этого?

Миріамъ закрыла лицо руками.

—Проводите меня къ нему,—прошептала она.—Я уже больше часа здѣсь, и меня не пускаютъ къ нему. Я хочу его видѣть.

— Подите наверхъ, фрау Вильмоферъ,—сказалъ докторъ молчавшей крестьянкѣ.—Посмотрите, спитъ-ли онъ, подготовьте его.

— Когда онъ не спитъ, онъ зажигаетъ свѣчи, господинъ докторъ.—Какъ разъ въ этотъ моментъ освѣтились три окна въ каменной стѣнѣ. Миріамъ вздрогнула. Фрау Вильмоферъ направилась къ воротамъ, мимо сложенныхъ дровъ. Врачъ посмотрѣлъ ей вслѣдъ.

— Золотая особа,—сказалъ онъ съ очевиднымъ намѣреніемъ развлечь обѣихъ тупо молчавшихъ женщинъ.—Золотая особа. Она не крестьянка по рожденію. Она сверху, я хочу сказать,—изъ общества. Вышла замужъ за Вильмофера, крестьянина, замѣчу я, который былъ бѣденъ, какъ Іовъ. Интересная судьба, сильная душа, желѣзное сердце. Возвышенная женщина, сказалъ бы я.

Ни Миріамъ, ни Рената не слышали хорошенько, что онъ „сказалъ бы". Фрау Вильмоферъ подошла къ воротамъ и сдѣлала знакъ рукой. Миріамъ тихо вскрикнула и побѣжала къ воротамъ. Докторъ медленно пошелъ за ней, черезъ каждые три шага тяжело вздыхая. Рената осталась одна; надъ ней было огромное небо, вокругъ—похожій на глубокое дыханіе шелестъ деревьевъ. Высоко въ воздухѣ плыли темныя облака, сквозь которыя свѣтящимися точками мелькали звѣзды. Рената считала удары своего сердца; изъ ея ума вдругъ исчезли всѣ воспоминанія. Чѣмъ дальше она смотрѣла на волнистыя поверхности верхушекъ деревьевъ, тѣмъ свѣтлѣе, казалось, становилось на землѣ, какъ будто скрытые источники свѣта могли даже полночь превратить въ сумерки. Она не изумлялась, какъ попала сюда. Ей казалось, что она всегда была здѣсь.

Она долго сидѣла такъ, не чувствуя холоднаго вѣтра, не замѣчая, какъ проходило время.

— Рената, пойдемте,— шепнула вдругъ возлѣ нея Миріамъ и повела ее черезъ лужайку къ каменной лѣстницѣ „башни". Лѣстница была такъ узка, что двое съ трудомъ могли идти рядомъ. Пахло плѣсенью; у воротъ черное отверстіе безъ двери вело въ подземный ходъ къ руинѣ. Изъ этой ямы поднимались гнилыя, сырыя испаренія. Ренатѣ казалось, что она

еще никогда не взбиралась по такой длинной лѣстницѣ, и пока она, наконецъ, увидѣла свѣтъ, она совершенно обезсилѣла. Миріамъ казалась необыкновенно сдержанной, проявляла благородное спокойствіе. На порогѣ стояла Марика съ торжественнымъ личикомъ и слегка раскраснѣвшимися щеками; она была прелестна. Фрау Вильмоферъ и врачъ стояли у ногъ постели, и первая высоко держала свѣчу, между тѣмъ какъ докторъ что-то отмѣчалъ въ своей записной книжкѣ. Тутъ была большая комната, но отъ двухъ глубокихъ нишъ она казалась значительно меньше. Потолокъ былъ сводчатый, и два массивныхъ квадратныхъ камня позволяли судить о толщинѣ стѣнъ. Стѣны были выбѣлены. Въ комнатѣ не было ничего, кромѣ кровати, стола, плоскаго ящика и полки съ нѣсколькими книгами. Миріамъ подвела Ренату къ постели и сказала: „Вотъ Рената“.

Рената протянула руку и почувствовала въ своей рукѣ другую, мягкую и сухую. У нея стало темно передъ глазами, и лишь постепенно къ ней вернулась способность видѣть и слышать. Она заглянула въ его темные глаза и сейчасъ же, точно испуганная, отвела свой взглядъ.

— Видишь, Агатонъ, я не выпустила ея, — сказала Миріамъ нѣжнымъ голосомъ. Глаза ея были влажны. Агатонъ съ улыбкой покачалъ головой; съ его лица не сходило выраженіе изумленія.

— И все-таки портретъ былъ плохой,—сказалъ онъ, и его странно оживленный ротъ закрылся. Затѣмъ онъ отвелъ исхудалой рукой волосы со лба и нѣсколько мгновеній лежалъ неподвижно, какъ будто прислушиваясь къ чему-то.

— Вы страшно блѣдны,—сказала Миріамъ Ренатѣ, которая схватилась рукой за горло и сдѣлала головой такое движеніе, какъ будто ей не хватало воздуха. Докторъ подошелъ къ Агатону, откинулъ коричневую рубашку, покрывавшую его грудь, и положилъ руку на сердце больного.

— Сколько времени еще проработаетъ машина? — улыбаясь, спросилъ Агатонъ.

— О,—возмущенно отвѣтилъ врачъ,—десятки лѣтъ! Десятки лѣтъ! Странный вопросъ, признаюсь.

— Я останусь сейчасъ здѣсь,—сказала Миріамъ,—а вы, Рената, подите отдохните.

Рената машинально посмотрѣла кругомъ, затѣмъ опустилась на колѣни передъ Марикой и поцѣловала ее въ лобъ. Фрау Вильмоферъ слѣдила за ней неподвижнымъ лицомъ. Только дѣвочка видѣла, какъ бурно и безудержно вздрагивали губы Ренаты.

Добраться до сѣновала было довольно трудно: надо было подняться по крутой лѣсенкѣ. Наверху было душно и жарко.

— У насъ—только одна кровать,—извинилась крестьянка,—мы отдали ее больному. Я и Марика спимъ на мѣшкахъ съ соломой.

— Это безразлично, гдѣ спать,—отвѣтила Рената тономъ благодарности, но нѣсколько застѣнчиво.

— Если спать, то это безразлично, конечно. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи. — Полоса свѣта медленно исчезла. Рената лежала на сѣнѣ, не шевелилась и не сводила широкооткрытыхъ глазъ съ куска неба, нависшаго надъ входомъ, какъ темное стекло. Живыя фигуры полукругомъ обступили ее, но, прежде чѣмъ она успѣла разглядѣть ихъ, онѣ опять исчезли. Снизу доносился запахъ хлѣва, и слышно было, какъ шевелится корова. Опять пришли видѣнія, ясно отличавшіяся отъ сонныхъ грезъ, и показалась фигура съ отпечаткомъ чего-то чуждаго, полная философскаго спокойствія. Она громко читала изъ какой-то книги слѣдующія слова: „ложный путь, который все-таки ведетъ къ цѣли, преисполняетъ тебя пониманіемъ необходимости твоей судьбы".—Слишкомъ поздно,—отвѣчала Рената, и ночь набросила на плечи болѣе темный покровъ и неподвижно и безшумно лежала передъ вратами утра.

Когда наступилъ день, Рената не знала, спала ли она. Она встала, очистила платье отъ стеблей и пыли и, спустившись внизъ, вымыла лицо въ оловянной чашкѣ и напилась свѣжаго, теплаго молока. Пришла Миріамъ, измученная безсонной ночью; солнечный свѣтъ слѣпилъ ея усталые глаза, но она не хотѣла отойти отъ постели Агатона. Рената бродила кругомъ, и едва поняла, въ чемъ дѣло, когда привезли съ вокзала вещи. Не рѣшаясь войти въ комнату больного, она пошла къ руинѣ и безпокойно блуждала среди развалившихся стѣнъ, отъ которыхъ уцѣлѣли только искрошенные кирпичи, со множествомъ дверей, воротъ, разрушенныхъ оконъ. Всюду лежалъ соръ, какъ будто здѣсь каждую ночь бушевала буря, исключительно съ цѣлью разрушенія; на подоконникахъ росла трава. Рената сѣла у воротъ и долго смотрѣла на равнину, на далекіе, голубоватые лѣса, на тускло поблескивавшую ленту рѣки; въ этой картинѣ было что-то оторванное отъ временъ года: въ ней была одновременно мрачная осень и тихая весна. Рената сидѣла въ позѣ сфинкса, опершись локтями о колѣни. Ей казалось, что она умретъ отъ непонятнаго отчаянія, отличавшагося отъ всего, что она испытала до сихъ поръ. Сама природа начала говорить съ ней, въ выраженіи ея лица было что-то умоляющее, какъ будто она была готова пожертвовать собой, лишь бы не случилось того, чего она

боялась. Хороводъ часовъ казался ей чѣмъ-то прозрачнымъ, и вечеръ наступилъ такъ неожиданно, какъ будто дня совсѣмъ не было. Она бесѣдовала съ какимъ-то крестьяниномъ на холмѣ, худымъ парнемъ съ маленькимъ оживленнымъ лицомъ, ходила съ Марикой до самой проѣзжей дороги, и онѣ рвали цвѣты. Пришелъ докторъ, опять что-то писалъ въ своей записной книжкѣ, фрау Вильмоферъ высоко держала свѣчу.

— Надо, надо вызвать врача изъ Вѣны,—тихо сказала Миріамъ, когда онъ ушелъ, Ренатѣ.

Однако, Агатонъ услышалъ. Онъ слегка выпрямился и покачалъ головой.

— Развѣ ты не помнишь, что я говорилъ тебѣ, Миріамъ?— сказалъ онъ, не моргнувъ глазами.—Не забывай-же этого...

Миріамъ замолчала, крѣпко схватилась за доску постели и медленно отвернула лицо къ стѣнѣ.

— Но я буду дежурить, я останусь здѣсь всю ночь,— мучительно пробормотала она.

— Если ты останешься, Миріамъ, это будетъ хуже для меня, чѣмъ если бы я былъ одинъ,—отвѣтилъ Агатонъ, глубоко переводя дыханіе.—Ты должна отдохнуть. Отдохни отъ города. Городъ омрачилъ твою душу и ожесточилъ тебя.

Рената что-то сказала и сама не слышала своего голоса.

— Я въ состояніи отдохнуть только въ томъ случаѣ, если Рената останется,—сказала Миріамъ, и Рената почувствовала губы молодой дѣвушки на своей шеѣ.—Спокойной ночи, Агатонъ!—сказала она затѣмъ и тяжелыми шагами вышла изъ комнаты.

Рената придвинула къ кровати ящикъ и сѣла на него. Стало вдругъ такъ необыкновенно тихо, что даже воздухъ, казалось, въ комнатѣ началъ пѣть.

— Почему это все мнѣ чудится, что вы уже давно близки мнѣ,—сказалъ Агатонъ, обращая къ Ренатѣ свое необыкновенно блѣдное лицо. Темная борода, обрамлявшая ротъ и подбородокъ, бросала тѣнь на все лицо до бѣлаго мраморнаго лба, отдѣлявшагося отъ влажныхъ волосъ.

— Я давно слышала о васъ,—отвѣтила Рената.—Я слышала ваше имя отъ Гудштиккера.

Агатонъ Гейеръ вздрогнулъ отъ изумленія и поднялъ голову.

— Гудштиккеръ?—медленно и удивленно переспросилъ онъ и повторилъ, весь во власти туманнаго воспоминанія:— Гудштиккеръ! Поэтъ, не правда ли? Да, онъ зналъ меня. Это было давно, я помню, это—лживый человѣкъ, не правда ли?

Рената кивнула головой и поникла всѣмъ тѣломъ.

— Это было почти еще во времена дѣтства,—продолжалъ

Агатонъ, и его голосъ звучалъ, какъ всегда, точно подъ сурдинку.—Онъ былъ глашатаемъ правды и всегда только лгалъ. Онъ разыгрывалъ пророка, а въ дѣйствительности гнался только за приключеніями.

Рената опять кивнула головой, и ея руки крѣпко обхватили колѣни.

— Такъ вы знали его?

— О, очень хорошо!

— Почему вы говорите это съ такой горечью? Правда, разъ вы хорошо знали его, это должно быть горько. Я помню, я еще вижу его. Я еще слышу его вкрадчивый голосъ, его медовый голосъ, вижу его взглядъ, полный убѣжденія. Онъ—дурное начало, кажущееся симпатичнымъ, благодаря остроумію и утонченности. Онъ—писатель, потому что это помогаетъ ему скрыть отъ себя свою собственную душу, потому что на нее набрасывается покровъ тщеславія. Вы понимаете?

— О, это правда, и я хорошо понимаю это,—прошептала Рената.

— Почему же вы знали его? Это не любопытство, Рената. Я называю васъ Ренатой, только какъ подругу Миріамъ, не сердитесь на меня за это. Какъ-же это вышло? Или это тайна?

— Нѣтъ, это нисколько не тайна.

— Значитъ, такъ,—отвѣтилъ Агатонъ съ загадочно увѣреннымъ, понимающимъ взглядомъ.—Да, такихъ много. Они берутъ женщину и высасываютъ изъ нея сердце. Это ихъ искусство. Въ глубинѣ души они равнодушны, но чистая кровь опьяняетъ ихъ. Ни одна не проходитъ мимо нихъ, не раздразнивъ ихъ алчности.—Рената дрожала, и Агатонъ, замѣтивъ это, сдѣлалъ успокаивающій жестъ и мягко сказалъ:

— Не пугайтесь. Я зналъ одну дѣвушку, ее звали Моника, она была чиста, какъ золото. И онъ, Гудштиккеръ, пришелъ и ушелъ, наполнивъ ее жизненной тревогой. Она зачахла на глазахъ у меня.

— Онъ, какъ всѣ, какъ всѣ,—пробормотала Рената, у которой было такое чувство, какъ будто она окончательно заблудилась.

— Что съ вами Рената, почему вы не смотрите на меня?

— Это слишкомъ трудно,—боязливо шепнула Рената, обращаясь къ мраку нишъ.

— Вы явились издалека, вы совершили долгій путь, правда?

— Да, очень долгій путь,—отвѣтила она, какъ ребенокъ, робко дающій отчетъ.

— И одна?

— Одна. Никто не помогъ мнѣ. Каждый гналъ меня опять въ пустыню.

— Какъ же вы попали сюда? Я подразумѣваю не ту причину, которую я знаю,—Миріамъ и все остальное,—я подразумѣваю невидимую причину, которую вы чувствуете.

— Я не знаю. Это было предназначено .. Я прочла письма, которыя вы писали Дарьѣ Блюмъ. Мнѣ стало вдругъ свѣтло, и меня потянуло куда-нибудь вдаль.. Нѣтъ, нѣтъ, я не могу говорить.

— А здѣсь... чего вы ищите здѣсь, Рената?

— Не знаю. Здѣсь я хочу быть.

— Здѣсь? Кто можетъ дать здѣсь счастье?

— Я не ищу больше.

— Только тотъ, кто стоитъ передъ смертью, можетъ сказать это о себѣ.

— Ахъ, нѣтъ! нѣтъ!—сорвалось съ устъ Ренаты подавленнымъ крикомъ. Она подняла голову и закрыла глаза рукой.

— Но такое осуществленіе бываетъ рѣдко, не встрѣчается на улицѣ,—задумчиво сказалъ Агатонъ.—Вы были слѣпы, пустились въ путь, не замѣчая пропастей, которыя на на каждомъ шагу открывались передъ вами. Вы довѣряли, потому что были полны мыслью о своемъ пути, только ради него вы сохранили себя, вы говорили не своими устами, осязали не своими руками, только страдали своей душой. Сохранили себя для далекой цѣли, не зная ея, даже не вѣря въ нее. Такъ это?

— Да, да, да,—отвѣтила Рената, потрясенная до глубины души. Она ликовала и мучилась одновременно.—Только теперь я понимаю себя.

— Обо всемъ этомъ говорятъ ваши глаза, вашъ голосъ,—сказалъ Агатонъ, слегка кивнувъ головой.—Вы обокрадены и все же не стали беднѣе. Съ сухими ногами прошли вы сквозь болото и тину... Ахъ, я люблю женщинъ,—сказалъ онъ вдругъ тише, съ искренностью, дѣйствовавшей, какъ музыка.—Я люблю ихъ судьбу и ихъ страданія, люблю ихъ довѣріе и ихъ искренніе взоры. Но теперь для нихъ наступаетъ новая пора. Ихъ чувства становятся болѣе могучими, и онѣ начинаютъ не довѣрять чувственнымъ предразсудкамъ, хотятъ изжить свою жизнь, свою женскую судьбу и не хотятъ больше быть крѣпостными.

Агатонъ замолчалъ и утомленно закрылъ глаза. Его пульсъ, казалось, бился быстрѣе, на вискѣ отчетливо выступила синяя жила. Рената не смѣла пошевелиться, да у нея не было и желанія къ этому. Ея душа вознеслась къ далекимъ

вершинамъ. Во всѣ поры ея существа ворвался утренній свѣтъ. Ея губы открылись точно для молитвы, но она чувствовала, что Богъ съ ней, пока она не потеряетъ самое себя. Воздухъ опять началъ звенѣть и пѣть, и иногда онъ звучалъ, какъ далекій, торжественный, похожій на гимнъ, хоралъ. Все въ ней начало вибрировать, начало принимать участіе въ этомъ пѣніи воздуха, которому, казалось, предшествовало холодное и таинственное вѣяніе вѣчности.—Такъ прошелъ часъ, и Рената впервые взглянула безъ страха на лицо спящаго. Затѣмъ она поднялась, вошла въ глубокую нишу и открыла окно. Вся страна спала, потому что Агатонъ спалъ. Чернѣла цѣпь холмовъ, передъ руиной свѣтлѣло небо. Гора и ея очертанія, казалось, утратили свою плотность, и легкое золотое сіяніе лежало на ней, точно навѣянное грезой, или же внутри горы былъ свѣтъ, слегка просачивавшійся наружу. Надъ равниной, казалось, дышавшей въ своемъ глубокомъ спокойствіи, одиноко сіяла зеленая звѣзда. Рената не шевелилась, и только неподвижность ея тѣни, рисовавшейся на лужайкѣ внизу, вернула ее къ дѣйствительности. Когда она обернулась и подошла къ постели,—то робко улыбнулась, потому что глаза Агатона были пристально и вопросительно устремлены на нее. Онъ попросилъ ее дать ему стаканъ воды, и она принесла и подала его ему съ полузакрытыми глазами.

— У васъ прекрасное лицо, Рената, какихъ я видѣлъ мало,—серьезно и задумчиво сказалъ Агатонъ.—Особенно когда видишь вашъ ротъ, знаешь, что вы никогда не солжете.

— Нѣтъ, я не лгу,—беззвучно отвѣтила Рената.

— Вашъ лобъ выдаетъ каждое ваше побужденіе. Этого-то и недостаетъ портрету. И, что важнѣе всего, въ вашемъ взглядѣ выражается безсмертіе.

— Какъ такъ?—спросила Рената съ тихимъ, застѣнчивымъ смѣхомъ.

Агатонъ тонко улыбнулся.

— Это не трудно угадать.. Прекраснѣе всего,—добавилъ онъ послѣ нѣкотораго молчанія,—когда вы медленно поднимаете глаза, какъ будто не можете повѣрить, что все осталось совершенно такимъ, какимъ было, когда вы опустили ихъ.

— Я думаю, вамъ не слѣдуетъ такъ много говорить,—сказала Рената, покраснѣвъ.

Агатонъ долго смотрѣлъ вверхъ.

— И вотъ я лежу и жду смерти,—сказалъ онъ, наконецъ.—Я не разочарованъ, я не потерпѣлъ крушенія, но я и не побѣдитель. Я жилъ, и жизнь разрушила меня, вотъ и все. Умереть такъ прекрасно, потому что я уношу съ собой много страданій. Ваше тоже, Рената.

Мало-по-малу наступилъ день, и съ первымъ проблескомъ его явилась Миріамъ; она долго держала руку Ренаты въ своей. Затѣмъ она сѣла у постели брата. У нея былъ растерянный видъ, какъ послѣ внезапно прерваннаго сна, и въ ея темныхъ волосахъ висѣли соломинки.

— Да ты тоже больна, Миріамъ,—сказалъ Агатонъ, беря ее за руку.

Молодая дѣвушка улыбнулась и увѣренно покачала головой. Рената ушла и хотѣла лечь спать, но черезъ часъ встала и долго бродила по горѣ и рощамъ. Вернувшись домой, она еще ходила гулять съ Марикой; вернулась смертельно усталая, но все таки не могла ни спать, ни ѣсть, ни пить. Она нашла Агатона болѣе блѣднымъ, чѣмъ вчера, глаза болѣе блестящими, Миріамъ же была не въ состояніи держаться на ногахъ и должна была вечеромъ лечь на соломенный тюфякъ фрау Вильмоферъ, которая спала съ дѣвочкой на сѣновалѣ. Ренатѣ пришлось опять дежурить. Она стала спокойнѣе. Ее наполнило чувство страннаго, грустнаго торжества.

Врачъ ушелъ, и все погрузилось въ сонъ; Рената сѣла на край постели и стала разсказывать Агатону свою жизнь. Она почти не останавливалась, почти не повышала голоса, не волновалась и не возбуждалась воспоминаніями, она разсказывала, точно исполняла миссію, просто и правдиво, переходя отъ событія къ событію. Окончивъ, она немного помолчала, но вдругъ ей представилось, что сердце въ ея груди зашевелилось, что темныя окна комнаты начали безшумный, робкій танецъ. На нее нахлынуло сознаніе огромной несправедливости, и горячія слезы, какими она не плакала никогда съ тѣхъ поръ, какъ начала мыслить и чувствовать, полились изъ ея глазъ. Она вся поникла, словно сломленная чьей-то сильной рукой, и плакала такъ, какъ будто хотѣла вылить всю свою жизнь въ этотъ горькій потокъ. Но другая рука обняла ее, и, прижавшись лицомъ къ плечу Агатона, она продолжала рыдать...

И Агатонъ ласково проводилъ рукой по ея волосамъ и не говорилъ ничего, а только крѣпко держалъ ее, и въ его глазахъ появился теплый, пламенный и восхищенный блескъ.

— Ахъ, мнѣ такъ легко теперь, такъ безгранично легко,— прошептала Рената.

— Ты создана для меня, Рената,—сказалъ Агатонъ смертельно-блѣдный.

— И ты для меня,—отвѣтила Рената глухо, какъ будто вглубь его тѣла. Она прижалась къ нему со страстной силой, и все ея существо словно вырвалось на волю, и отовсюду изливалось пламя, неземное, безконечное, и время

казалось безъ границъ—временемъ жизни до конца міровъ. Это не было больше для Ренаты человѣческое лицо, это было лицо Бога, рока осуществленія. Счастье, которое она испытывала, было накоплено поколѣніями, чтобы этой одной, повидимому, такой мимолетной ночи дать долговѣчность для будущихъ поколѣній. Она лежала рядомъ съ Агатономъ, и ея поцѣлуи были полны долголѣтней тоски, таинственнаго огня, и она теперь знала, что это была любовь, а все остальное ничто, и что она была въ Агатонѣ съ самаго начала и будетъ въ немъ до конца жизни и послѣ нея.

— А если ты умрешь?—спросила она, поднимаясь и прижимаясь губами къ его рукѣ.

— Развѣ я могу умереть для тебя, Рената? Развѣ смерть для насъ то же, что для другихъ? Я никогда не умру для тебя, Рената. Ты не должна горевать.

— Не должна горевать...—въ забытьѣ прошептала она.

Агатонъ нагнулся и поцѣловалъ ее въ грудь. Она обняла его и прижалась щекой къ его холодному лбу, по которому пробѣгалъ трепетъ. — Я совсѣмъ другая,—думала Рената,— я другая, новая.—Невѣдомое, ничѣмъ ненарушимое спокойствіе овладѣло ея душой.

Агатонъ приблизилъ губы къ ея уху и тихо сказалъ:

— Рената! Ты слышишь.

— Да, я слышу тебя,—отвѣтила Рената, слегка поднимаясь, словно прислушиваясь къ звукамъ ночи.

— Рената, если будетъ мальчикъ, назови его... ты слушаешь меня, Рената?

— Я только тебя и слушаю, Агатонъ.

— Назови его Беатусомъ. А это *будетъ* мальчикъ!

— Беатусъ...

— И воспитай его въ чистотѣ, Рената. Воспитай его, какъ Парсифаля, вдали отъ всѣхъ. Ты сдѣлаешь это?

— Да, сдѣлаю.

Въ глубинѣ равнины забрезжилъ сѣрый день. Рената одѣлась. Когда она опять коснулась руки Агатона, то это была холодная и безжизненная рука. И лицо, которое она обдавала своимъ дыханіемъ, было холодно и безжизненно. Оно выражало мечтательность и увѣренность.

Такъ умеръ Агатонъ Гейеръ.

Рената испустила долгій, жалобный крикъ, встала на колѣни и положила лицо на бѣлыя простыни. Она оставалась такъ до тѣхъ поръ, пока пришла Миріамъ, которую привлекло сюда безпокойство.

ВМѢСТО ЭПИЛОГА.

Могила Агатона лежитъ за развалинами замка Гельфенштейнъ, простирающаго къ сѣрому моравскому небу остатки стѣнъ, точно молящія о помощи руки. Въ головахъ могилы стоятъ двѣ молодыя ели, а у ея ногъ уже начинается лѣсъ. Въ первыя недѣли Рената и Миріамъ ежедневно ходили туда и отдыхали тамъ и шепотомъ вели бесѣду. Но затѣмъ Рената стала приходить одна, потому что Миріамъ, полная тревоги, не нашедшая счастья, ушла опять въ ту жизнь, откуда пришла Рената. Ей стало извѣстно, что ночь смерти сдѣлалась ночью любви и, какъ она скоро узнала,—ночью жизни. Она поцѣловала Ренату, но въ ея поцѣлуѣ была примѣсь страннаго гнѣва, въ которомъ не было, однако, ничего личнаго; это былъ скорѣе гнѣвъ на судьбу.

Рената осталась. Комната „башни" была ея жилищемъ, и Агатонъ жилъ и дышалъ съ нею, спала ли она или бодрствовала. Для нея не существовало больше одиночества, даже если бы каждое дерево перестало быть для нея живымъ существомъ. Никакой день не казался для нея слишкомъ длиннымъ, и каждая ночь приносила сонъ безъ сновидѣній. Она помогала фрау Вильмоферъ въ мелкихъ легкихъ полевыхъ работахъ и такимъ образомъ чувствовала, что служитъ землѣ, плодородію. Отношенія между нею и крестьянкой стали дружбой, первой и единственной, которая у нея была въ жизни. Общее было въ прошломъ, ненарушимый миръ давало настоящее. Часто къ Ренатѣ приходила Марика; сначала она просила сказокъ, потомъ правды. Но одно неразрывно соединялось съ другимъ и формировало лукавый граціозный умъ и серьезное, полное жизни, открытое радости сердце.

Весна была въ полномъ разгарѣ, когда Рената написала своему отцу. Три дня писала она это письмо, въ тонѣ котораго было царственное достоинство, но въ то же время чувствовалась скрытая нѣжность. Невѣдающая стала знающей, невѣдомая цѣль была достигнута, мракъ разсѣялся; теперь она могла сказать то, что было живо въ ней, и отнестись къ черезчуръ поспѣшному проклятію, какъ къ несуществующему. И нѣсколько дней спустя пришелъ отвѣтъ, быстрый отвѣтъ одинокаго. Это были нетвердыя слова полныя неувѣреннаго чувства, наполовину упрямыя, наполовину стыдливыя. Мѣсяцъ спустя явился онъ самъ и вскорѣ стоялъ съ Ренатой у могилы ея супруга. Но

ея уединеніе было не для него, рано состарѣвшагося, неспособнаго отказаться отъ своихъ привычекъ. Черезъ недѣлю онъ опять уѣхалъ съ сознаніемъ, что снова пріобрѣлъ свое дитя. Полное глубины чувства существо Ренаты преисполнило его изумленіемъ и заставило жалѣть о прошломъ.

Такъ прошли мѣсяцы, и Рената дала жизнь мальчику, котораго назвала Беатусомъ. У него былъ лобъ и глаза Агатона, но робкій и въ то же время рѣшительный ротъ Ренаты. Для Ренаты-матери наступили дни, мѣсяцы и годы счастья. Себя самое и невидимаго возлюбленнаго она видѣла возродившимися въ болѣе совершенной и чистой формѣ. Беатусъ казался ей родственнымъ солнцу; черезъ него она воспринимала жизнь и тепло, и всѣ проявленія его существа казались ей непосредственными силами природы, которая была его истинной наставницей вдали отъ городовъ и людей. И когда Рената стояла съ Беатусомъ на полуразрушенномъ валу замка и внимательно смотрѣла на мирную равнину, на краю которой скользило внизъ солнце, ей казалось, что она стоитъ на развалинахъ прошлаго и духовными глазами видитъ пришествіе новаго поколѣнія, сильнаго, рожденнаго для любви.

Конецъ.

Новая книга по исторіи французской революціи.

I.

Литература по исторіи французской революціи громадна и, вдобавокъ, увеличивается съ каждымъ годомъ. Конечно, далеко не все въ этой громадной литературѣ одинаково цѣнно, и не всѣ ея новинки заслуживаютъ вниманія со стороны не только обыкновенныхъ читателей, но и историковъ, болѣе или менѣе пристально слѣдящихъ за тѣмъ, что дѣлается въ области изученія такого важнаго событія, какъ «великая» революція.

Со времени появленія первыхъ настоящихъ исторій французской революціи,—а таковыми были книги Тьера и Минье въ двадцатыхъ годахъ XIX столѣтія,—не прошло еще ста лѣтъ, а уже изученіе революціи само, можно сказать, имѣетъ очень длинную и сложную исторію, заслуживающую, въ свою очередь, внимательнаго изученія. За это неполное столѣтіе, прежде всего, сильно измѣнился самый взглядъ на исторію. Сто лѣтъ тому назадъ исторію сближали, по задачѣ ея, съ изобразительными искусствами вообще, ближайшимъ образомъ съ поэзіей и потому охотно говорили объ «историческомъ искусствѣ», тогда какъ теперь исторія обозначается, какъ «историческая наука», и ее стараются отмежевать не отъ другого искусства, поэзіи, а отъ другой науки, ей родственной,—соціологіи, бывшей еще неизвѣстною въ тѣ старыя времена. Какъ-никакъ, во времена Тьера и Минье исторія, прежде всего, если не исключительно, была воспроизведеніемъ событій прошлаго, разсказомъ объ этихъ событіяхъ, при чемъ бытъ общества въ широкомъ смыслѣ этого слова, т. е. матеріальная и духовная культура общества, равно какъ его соціальныя отношенія и политическія учрежденія, право и экономика отодвигались на самый задній планъ, если только не игнорировались и вовсе. Внутреннее развитіе исторической литературы, выразившееся въ превращеніи исторіи изъ искусства въ науку, сближеніе ея съ теоретическими соціальными науками политическаго, юридическаго

и экономическаго содержанія, возникновеніе соціологіи, по новому опредѣлившей задачи историческаго знанія,—всѣ эти перемѣны, сказавшіяся на всемъ изученіи нами прошлаго, не могли, конечно, не отразиться и на отношеніи историковъ къ перевороту, ознаменовавшему во Франціи конецъ XVIII в. и оказавшему такое громадное вліяніе на все европейское развитіе XIX столѣтія.

Это—одно. Другимъ важнымъ обстоятельствомъ въ развитіи исторіографіи французской революціи было то, что, главнымъ образомъ, съ середины XIX в. началось разыскиваніе новаго матеріала, имѣющаго отношеніе къ французской революціи и вмѣстѣ съ тѣмъ къ тому «старому порядку», который она разрушила, но изъ котораго, тѣмъ не менѣе, сама вытекла. Тьеръ и Минье, въ значительной мѣрѣ пользовавшіеся еще устной традиціей, основывались вообще на печатномъ матеріалѣ, обращеніе же къ архивамъ, извлеченіе изъ нихъ новыхъ фактическихъ данныхъ, изданіе документальнаго матеріала,—все это началось гораздо позднѣе. Между тѣмъ, что знали первые историки революціи, и тѣмъ, что могутъ знать историки теперешніе, существуетъ громадная разница. Новый историческій матеріалъ накопляется съ каждымъ годомъ, и становится все болѣе и болѣе труднымъ за нимъ слѣдить отдѣльному лицу. Не довольствуясь тѣмъ, что издано и издается, изслѣдователи сами обращаются къ архивнымъ источникамъ, тѣмъ самымъ увеличивая количество дѣлающихся извѣстными новыхъ фактовъ. Это накопленіе новаго матеріала отчасти сопровождается, а отчасти и прямо вызывается—детальною разработкою отдѣльныхъ эпизодовъ или разныхъ сторонъ столь грандіознаго и сложнаго вопроса, какъ французская революція. Чѣмъ фактичнѣе дѣлается изученіе французской революціи, тѣмъ оно становится не только болѣе полнымъ и всестороннимъ, но и болѣе вѣрнымъ исторической правдѣ, въ виду того, что самое развитіе исторической науки идетъ въ сторону эмансипаціи ея отъ служенія практической политикѣ, въ качествѣ арсенала аргументовъ, тенденціозно подобранныхъ въ пользу тѣхъ или другихъ тезисовъ. Въ этомъ, напримѣръ, отношеніи весьма характерно то, что около четверти вѣка тому назадъ произошло съ авторомъ «Паденія стараго порядка», Шере, который приступилъ къ изученію своего предмета съ предвзятою мыслью очень консервативнаго характера, но котораго научное изслѣдованіе фактическаго матеріала привело совсѣмъ не къ тому, что онъ собирался доказать. Превращеніе исторіи въ науку, между прочимъ, въ томъ и состояло, что историки стали хлопотать о розыскѣ новаго матеріала, о критической провѣркѣ на его основаніи старыхъ традицій, объ освобожденіи историческаго изображенія отъ всякихъ соображеній о томъ, что было бы для насъ пріятнѣе думать или выгоднѣе говорить. По мѣрѣ того, какъ французская революція все болѣе отъ насъ удаляется, и растетъ разстояніе между нашимъ вре-

менемъ и ею, тѣмъ самымъ, разумѣется, облегчается и самая задача научнаго объективизма въ изученіи этого событія.

Это постепенное отдаленіе французской революціи отъ все новыхъ поколѣній ея историковъ не могло не имѣть для разработки ея исторіи и другого значенія. Само по себѣ развитіе исторической жизни раскрываетъ въ прошломъ, отъ насъ удаляющемся, такія стороны, которыя раньше не обращали на себя вниманія или оставались совершенно неизвѣстными. Первые историки революціи, жившіе въ эпоху реставраціи, когда шла борьба между клерикально-феодальною реакціей и либеральною буржуазіей, совсѣмъ почти не видѣли въ революціи той соціальной борьбы, на которой сосредоточили все свое вниманіе соціалистическіе историки (Бюшезъ и Луи Бланъ) временъ іюльской монархіи, когда началась борьба между буржуазіей и пролетаріатомъ. По мѣрѣ того, какъ въ самой жизни все больше давало себя знать значеніе экономическихъ вопросовъ, и въ исторіографіи французской революціи все больше начинала признаваться односторонность прежней, исключительно политической точки зрѣнія, съ какой только, главнымъ образомъ, и разсматривалась революція первыми ея историками. Съ другой стороны, потеря Франціей политической свободы послѣ переворота 2 декабря 1851 г. поставила передъ мыслящими умами вопросъ, почему французы, сдѣлавшіе такія героическія усилія для пріобрѣтенія политической свободы, не достигли, въ концѣ концовъ, своей цѣли, и это повлекло за собою болѣе углубленное изученіе нѣкоторыхъ сторонъ французской революціи въ знаменитомъ трудѣ Токвиля «Старый порядокъ и революція». Равнымъ образомъ, іюньскіе дни 1848 г. и весеннія событія 1871 г. (т. е. парижская коммуна) помогли выяснить, по аналогіи, происхожденіе реакціи противъ революціи середины девяностыхъ годовъ, приведшей къ 18 брюмера 1799 г. Было бы, однако, немалою ошибкою упустить изъ виду, что это постоянное воздѣйствіе жизни на расширеніе и углубленіе пониманія французской революціи, будучи въ этомъ отношеніи весьма благотворнымъ, въ то же время нерѣдко, съ другой стороны, шло въ разрѣзъ съ общимъ усиленіемъ научнаго духа въ современной исторіографіи французской революціи. Примѣръ Луи Блана приписавшаго якобинцамъ конца XVIII в. соціалистическія стремленія сороковыхъ годовъ XIX столѣтія, недурно иллюстрируетъ то, къ чему можетъ привести неосмотрительное, безъ достаточной критики, подчиненіе указаніямъ современности на новыя стороны въ исторіи прошлаго. Другимъ примѣромъ,—и при томъ уже совершенно иной категоріи,—является отношеніе къ революціи, какое мы находимъ у Тэна, поддавшагося реакціонному настроенію французской буржуазіи послѣ ужасовъ коммуны 1871 г.

Все болѣе и болѣе строгія требованія, какія предъявляются историку развитіемъ самой исторической науки, именно какъ науки,

а не искусства, все большее и большее накопленіе историческаго матеріала, касающагося французской революціи, и частныхъ изслѣдованій, посвященныхъ разнымъ связаннымъ съ нею вопросамъ, непрекращающая необходимость считаться съ разными проявленіями въ исторіографіи французской революціи тѣхъ или другихъ вліяній современности, особенно по скольку они имѣютъ отрицательное въ научномъ отношеніи значеніе,—все это дѣлаетъ крайне труднымъ въ наше время написать общую исторію французской революціи. И въ послѣднихъ наиболѣе крупныхъ трудахъ, ей посвященныхъ, особенно разработанною является лишь одна какая-либо сторона. Такъ, Сорель въ своемъ капитальномъ трудѣ «Европа и французская революція» разработалъ только исторію международныхъ отношеній во взаимодѣйствіи, впрочемъ, внѣшней политики съ внутреннею *). Въ свою очередь, Оларъ въ своей не менѣе капитальной «Политической исторіи французской революціи» все свое вниманіе сосредоточилъ, какъ это значится и въ заглавіи, на политической сторонѣ революціи. Наоборотъ, Жоресъ въ своемъ трудѣ, которымъ начинается его серія «Соціалистической исторіи», выдвинулъ впередъ ту сторону, которую игнорируютъ Сорель и Оларъ, т. е. сторону соціально-экономическую. Поэтому можно сказать, что труды Сореля, Олара и Жореса представляютъ собою общія исторіи французской революціи съ спеціальныхъ точекъ зрѣнія, и кто хочетъ въ наши дни болѣе или менѣе всесторонне войти въ кругъ подробностей «великой» революціи долженъ познакомиться съ трудами всѣхъ трехъ названныхъ историковъ.

Французская революція съ глазахъ историка всегда будетъ оставаться событіемъ слишкомъ многограннымъ, чтобы нельзя было оправдывать появленіе такихъ общихъ трудовъ, написанныхъ съ какихъ-либо спеціальныхъ точекъ зрѣнія, особенно если онѣ не совпадаютъ съ грубою партійностью. И даже тогда, когда въ книгѣ проводится какая-либо исключительная точка зрѣнія, книга можетъ представить собою большой интересъ, если точка зрѣнія отличается оригинальностью и новизной.

II.

Въ 1909 г. сразу на трехъ языкахъ — французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ—вышла въ свѣтъ книга П. Кропоткина о французской революціи, компактный томикъ, въ 746 страницъ текста во французскомъ изданіи **). «Чѣмъ болѣе, говоритъ авторъ въ предисловіи,—чѣмъ болѣе изучаешь французскую революцію,

*) См. мою брошюру „Альберъ Сорель, какъ историкъ французской революціи".

**) Pierre Kropotkine. La grande révolution, 1789—1793.—Нѣмецкое изданіе (Peter Kropotkin. Die französiche Revolution. 1789—1793) вышло въ свѣтъ въ двухъ частяхъ въ 284 и 279 страницъ.

тѣмъ болѣе обнаруживаешь, до какой степени исторія этой великой эпохи еще неизбѣжна, сколько въ ней пробѣловъ и темныхъ пунктовъ». Относясь съ изумленіемъ къ громадности работы, сдѣланной прежними историками революціи (особенно Мишле), онъ въ то же время констатируетъ громадность работы, которую еще предстоитъ совершить. Политическая исторія революціи, продолжаетъ Кропоткинъ, болѣе или менѣе изслѣдована, но «изученіе экономической стороны (des aspects économiques) революціи и столкновеній на этой почвѣ еще только нужно предпринять:... цѣлый рядъ новыхъ проблемъ, обширныхъ и сложныхъ открывается передъ историкомъ, какъ только онъ приступаетъ къ разсмотрѣнію этой стороны революціонной бури». Этотъ выводъ автора новой книги о французской революціи вполнѣ совпадаетъ съ заключеніями, къ которымъ недавно пришелъ въ исторіографическомъ обзорѣ Буассонадъ, фактически доказавшій, что по экономической исторіи французской революціи сдѣлано поразительно мало, и подробно перечислившій всѣ проблемы, возникающія въ этой области *). Кропоткинъ, очевидно, самостоятельно пришелъ къ тому же выводу: по крайней мѣрѣ, на Буассонада онъ не ссылается, и пришелъ онъ къ этому еще задолго до появленія работы названнаго историка.

«Для того,—читаемъ мы далѣе въ томъ же предисловіи,—чтобы разобраться въ нѣкоторыхъ изъ этихъ проблемъ, я, еще съ 1886 г., предпринялъ отдѣльныя изслѣдованія о началѣ революціоннаго движенія въ народѣ, о крестьянскихъ возстаніяхъ 1789 г., о борьбѣ изъ-за отмѣны феодальныхъ правъ, объ истинныхъ причинахъ движенія 31 мая и т. п. Къ сожалѣнію,—находитъ нужнымъ оговориться авторъ,—я вынужденъ былъ ограничиться для этихъ изслѣдованій печатными коллекціями Британскаго музея, очень, впрочемъ богатыми, и я не могъ порыться въ матеріалѣ французскаго національнаго архива». Такъ какъ, однако, отрывочныя работы этого рода не могли бы быть понятны внѣ связи съ общимъ ходомъ революціи, нашъ авторъ рѣшился изобразить и послѣдній, «не пересказывая драматической стороны грандіозныхъ эпизодовъ, уже столько разъ повѣствовавшихся», но за то «широко пользуясь новѣйшими изслѣдованіями въ цѣляхъ яснаго представленія внутренней связи и основныхъ причинъ отдѣльныхъ событій», совокупность которыхъ называется французской революціей. Итакъ, самъ новый историкъ революціи видитъ въ своемъ трудѣ лишь рядъ частныхъ изслѣдованій, связанныхъ между собою на фонѣ общаго хода революціи. Онъ даже, мало того, находитъ извѣстныя неудобства въ «методѣ изученія революціи путемъ отдѣльнаго разсмотрѣнія разныхъ ея частей», хотя и оправдываетъ себя тѣмъ,

---

*) Boissonade. Etudes relatives á l'histoire économique de la révolution française. Ср. статью мою объ этой работѣ въ «Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института». за 1907 г.

что этимъ методомъ онъ будетъ въ состояніи «лучше запечатлѣть въ умѣ читателей мощныя теченія мысли и дѣйствія, сталкивавшіяся во время французской революціи, — теченія, прибавляетъ онъ,—столь тѣсно связанныя съ самою сущностью человѣческой природы, что неизбѣжно должны будутъ обнаруживаться и въ историческихъ событіяхъ грядущихъ временъ».

Вотъ какъ самъ Кропоткинъ опредѣляетъ характеръ своего общаго труда о французской революціи. Прежде всего, его интересуетъ экономическая сторона революціи, и въ этомъ отношеніи «La grande révolution» какъ нельзя болѣе соотвѣтствуетъ главной очередной задачѣ въ дѣлѣ изученія революціи. Не даромъ, однако, говоря о своей задачѣ, онъ дѣлаетъ различеніе между «экономическими аспектами революціи» и «проявленіями борьбы» (ses luttes) на этой почвѣ; заранѣе отмѣчаемъ, что все вниманіе автора сосредоточено именно на борьбѣ въ области экономическихъ интересовъ, и читатель даже не найдетъ у него изображенія экономическихъ отношеній, въ сущности и являющихся главнымъ предметомъ экономической исторіи. Я бы даже сказалъ, что автора интересуетъ не экономика французской революціи, а соціальная сторона происходившей тогда борьбы классовъ на почвѣ экономическихъ интересовъ: это еще не экономическая исторія въ болѣе тѣсномъ значеніи слова. Если, наконецъ, въ исторіи различать исторію событій (прагматическую) и исторію быта (культурную), то книга Кропоткина должна быть отнесена къ первой категоріи: онъ самъ перечисляетъ заинтересовавшія его событія или проявленія революціонной борьбы.

Эти событія, далѣе, онъ сдѣлалъ предметомъ своихъ частныхъ изслѣдованій. Въ данномъ отношеніи разсматриваемая книга тоже вполнѣ соотвѣтствуетъ современному направленію исторіографіи французской революціи, особенно богатой за послѣднія десятилѣтія маленькими работами болѣе или менѣе эпизодическаго характера. Извѣстное «Общество исторіи французской революціи и его періодической органъ «Le révolution française» *) въ числѣ своихъ задачъ прямо поставили детальную разработку иногда самыхъ ограниченныхъ вопросовъ и второстепенныхъ эпизодовъ, имѣющихъ отношеніе къ революціи, и въ этомъ отношеніи Кропоткинъ пошелъ по пути цѣлаго ряда изслѣдователей въ области спеціальныхъ вопросовъ, возбуждаемыхъ желаніемъ внести въ изученіе революціи большую точность деталей. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ,—опять-таки стоя на уровнѣ современной науки,—понимаетъ, что настоящіе отвѣты на многіе ставимые имъ вопросы можно найти только въ архивахъ (и, конечно, не въ одномъ національномъ, о которомъ онъ го-

*) См. объ этомъ въ статьѣ моей. «Новѣйшія работы по исторіи французской революціи» въ первомъ томѣ „Историческаго Обозрѣнія" (Спб., 1890).

воритъ, но и въ департаментахъ), и только особыя жизненныя обстоятельства (запрещеніе пребыванія во Франціи), разумѣется, помѣшало ему заняться архивными источниками по исторіи революціи и присоединить свое имя къ именамъ другихъ русскихъ, работавшихъ во французскихъ архивахъ. Не въ одномъ только предисловіи Кропоткинъ выражаетъ сожалѣніе по поводу отсутствія архивнаго матеріала въ его изслѣдованіяхъ. За то въ его распоряженіи были печатныя сокровища Британскаго музея, а ихъ, какъ извѣстно, такъ много, что ими могъ довольствоваться другой историкъ революціи, бывшій одно время тоже лишеннымъ возможности проживать во Франціи, Луи Бланъ.

Какъ бы тамъ ни было, въ своей книгѣ о революціи Кропоткинъ является изслѣдователемъ, работавшимъ надъ источниками, какъ старыми, такъ и новыми. Я не стану утверждать,—да и самъ онъ этого не утверждаетъ,—чтобы ему были извѣстны всѣ источники, и въ видѣ примѣра возможныхъ пропусковъ я укажу хотя бы на бумаги феодальныхъ комитетовъ, недавно изданныя *), но быть можетъ, эта публикація увидѣла свѣтъ въ печати слишкомъ поздно, чтобы онъ могъ ею воспользоваться. Недостатокъ архивныхъ данныхъ авторъ старался замѣнить провинціальными исторіями, которыхъ ему извѣстно нѣсколько, а что онъ пользовался и трудами общихъ историковъ революціи, объ этомъ можно было бы и не упоминать. Въ самомъ дѣлѣ, мы находимъ въ книгѣ ссылки, иногда единичныя, иногда неоднократныя на Тьера и Минье, на Бюшеза, на Мишле и Луи Блана (которымъ онъ отдаетъ пальму первенства въ изображеніи драматической стороны революціи), на Кине, на Тэна и Сореля, на Олара (и не на одну только его «Политическую исторію», но и на другія работы) и Жореса, и я только отмѣчаю пропускъ Токвиля, впрочемъ, объясняемый тѣмъ, что старый порядокъ самъ по себѣ очень мало интересуетъ Кропоткина и что кругъ вопросовъ, особенно интересовавшихъ знаменитаго автора «Стараго порядка и революціи», довольно далекъ отъ того на чемъ сосредоточивается вниманіе Кропоткина. Во всякомъ случаѣ, нашъ авторъ знакомъ съ главной литературой по исторіи революціи, и въ частности тамъ, гдѣ ему приходится затрагивать ея политическую сторону, онъ хорошо освѣдомленъ относительно работъ такого историка, какъ Оларъ. Не была оставлена имъ безъ вниманія и литература по частнымъ вопросамъ: я даже могъ бы въ доказательство этого, сослаться на списокъ въ нѣсколько десятковъ сочиненій, на которыя ссылается авторъ, хотя, съ другой стороны, конечно, ничто не было бы такъ легко, при громадности литературы по исторіи революціи, какъ составить другой

*) Sagnac et Caron. Les comités des droits féodaux et de législation. Объ этомъ изданіи см. мою замѣтку въ „Извѣстіяхъ Спб. Политехническаго Института“ за 1907 г.

списокъ—пробѣловъ въ первомъ спискѣ. Конечно, нѣкоторые такіе пробѣлы оказались бы совершенно случайными, но въ громадномъ большинствѣ случаевъ они, конечно, объяснились бы тѣмъ, что, какъ-никакъ, въ основу всей книги положено ограниченное количество эпизодовъ прагматическаго характера, т. е. событій и въ частности событій революціоннаго значенія, или народныхъ возстаній, все же остальное служило лишь для установленія общей связи между этими эпизодами.

Да не подумаетъ читатель, что послѣдними словами я хотѣлъ сказать, что въ книгѣ Кропоткина изображеніе общаго хода революціи является лишь чисто внѣшнею связью для эпизодическихъ частей, и чтобы, такимъ образомъ, въ книгѣ отсутствовалъ какой-либо общій взглядъ на событія 1789—93 г., или такъ сказать, философія исторіи французской революціи. Прежде, чѣмъ написать свою «Великую революцію», Кропоткинъ уже не разъ излагалъ свое ея пониманіе. Въ годъ столѣтія французской революціи въ англійскомъ журналѣ «Nineteenth Century» появилась статья Кропоткина подъ заглавіемъ «The great french revolution and its lesson». Въ слѣдующемъ году о «великой революціи» онъ издалъ брошюру и на французскомъ языкѣ. Наконецъ, въ «La Rèvolte» за 1892—93 гг. имъ, все подъ тѣмъ же заглавіемъ, былъ напечатанъ рядъ небольшихъ статей, изданныхъ потомъ и отдѣльно. Да и трудно было бы ожидать, чтобы человѣкъ съ такимъ ярко-выраженнымъ міросозерцаніемъ, какъ Кропоткинъ, ограничился своими эпизодами и не высказалъ общаго взгляда на всю революцію, и уже то, что въ основу книги положены эпизоды съ очень опредѣленнымъ содержаніемъ, проливаетъ нѣкоторый свѣтъ на общую точку зрѣнія автора. Если бы книга Кропоткина и менѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ, соотвѣтствовала состоянію науки, если бы онъ и не производилъ самостоятельныхъ изысканій и даже меньше былъ начитанъ въ литературѣ предмета, то и тогда его трудъ представлялъ бы большой интересъ. Иногда въ исторической работѣ нѣтъ ничего новаго по части фактовъ и могутъ быть обнаружены изъяны по части эрудиціи, но разъ въ ней есть новая точка зрѣнія, это даетъ ей право на особое вниманіе.

Выше мною было сказано, что современная историческая наука отличается своею соціологичностью, стремленіемъ къ пониманію исторіи, какъ процесса, совершающагося въ жизни общества, какъ разныхъ стадій соціальной эволюціи и т. п. Современный историкъ не можетъ не имѣть своей теоріи общества, и своей философіи историческаго процесса. Какъ ни далеко еще соціологіи до того, чтобы стать настоящей наукой, въ смыслѣ комплекса болѣе или менѣе общепризнанныхъ истинъ, все таки существуютъ нѣкоторыя соціологическія положенія, болѣе или менѣе раздѣляемыя, напримѣръ, всѣми историками, сколько-нибудь заботящимися о научности своихъ взглядовъ. Въ отдѣльныхъ направленіяхъ соціологіи, какъ

никакъ, подготовляется матеріалъ для будущаго научнаго синтеза, въ интересахъ котораго происходитъ и работа въ области исторической науки, и нерѣдко какъ-разъ съ неодинаковыхъ соціологическихъ точекъ зрѣнія, по скольку отдѣльные историки, не одинаково понимая существо историческаго процесса, тѣмъ не менѣе стремятся постигнуть объективную истину безотносительно къ тому, будетъ ли она для нихъ пріятна или непріятна, выгодна или невыгодна. У Кропоткина, отличающагося большою искренностью, въ которой многіе даже готовы видѣть поразительную наивность, есть свое особое общественное міросозерцаніе, соединяющее въ себѣ извѣстныя представленія о правдѣ-истинѣ и о правдѣ-справедливости и въ обоихъ отношеніяхъ элементы реализма съ элементами идеализаціи и утопизма: быть можетъ, его желанія относительно будущаго подсказываютъ ему тѣ или другія положенія въ его пониманіи того, какъ вообще совершается исторія, этимъ опредѣляется кое-что въ пониманіи имъ и прошедшаго, но въ исторіи онъ, несомнѣнно, хочетъ быть добросовѣстнымъ изслѣдователемъ и даже не совсѣмъ одобрительно высказывается о партійности прежнихъ историковъ революціи *). Допустимъ, однако, что самому ему это не удается, но какіе субъективные элементы ни осложняли бы общее представленіе о ходѣ революціи у Кропоткина, оно именно тѣмъ и можетъ особенно привлекать къ себѣ вниманіе наше, что на немъ, помимо воли автора, отразилось его историсологическое міросозерцаніе, его взглядъ на то, какъ совершается исторія, и міросозерцаніе соціальное, его общественный идеалъ.

Исторію французской революціи писали и оцѣнивали это событіе съ точекъ зрѣнія реакціоннаго традиціонализма, либерализма, радикализма, соціализма, и каждая изъ нихъ что-либо вносила своего въ ея пониманіе и оцѣнку, но всѣ эти точки зрѣнія исходили изъ идеи неизбѣжности или необходимости, полезности, и желательности существованія государства. Кропоткинъ прославился, какъ идеологъ анархизма, и не только для историка, но и для каждаго интересующагося общественными вопросами человѣка не можетъ не быть интереснымъ, какъ представляется французская революція, ея причины, ходъ, успѣхи, пораженія, пріобрѣтенія и разочарованія съ такой исключительной точки зрѣнія, на которую до сихъ поръ изъ общихъ историковъ революціи никто не становился. По крайней мѣрѣ, когда я узналъ о существованіи книги, увидѣвъ ея нѣмецкое изданіе лѣтомъ 1909 г. за границей въ витринѣ одного книжнаго магазина, первою мыслью моею было купить и прочитать книгу не потому, чтобы я ожидалъ встрѣтить какіе-либо новые факты, а именно по той причинѣ, что любопытно было познакомиться съ изображеніемъ революціи съ точки зрѣнія опре-

---

*) „L'histoire de la Grande Révolution française a été faite et refaite bien des fois, au point de vue de tant de partis différents", стр. 5.

дѣленнаго міросозерцанія, изъ среды представителей котораго еще не было историковъ революціи.

Думая, что такой же интересъ можетъ явиться и у многихъ русскихъ читателей, я тотчасъ же, какъ познакомился съ содержаніемъ книги, почувствовалъ желаніе написать о ней статью, которая позволила бы болѣе или менѣе широкому кругу читателей, не знакомыхъ съ самою книгою, составить себѣ общее о ней представленіе. Задачею настоящей статьи я ставлю, впрочемъ, не столько изложеніе содержанія книги, или сокращенный ея пересказъ, сколько общій ея анализъ, хотя и безъ критики деталей, которая потребовала бы въ иныхъ случаяхъ слишкомъ много мѣста, такъ какъ съ нѣкоторыми утвержденіями автора,—иногда бросаемыми, впрочемъ, вскользь,—я позволилъ бы себѣ не согласиться. Авторъ самъ заявляетъ въ предисловіи, что не считаетъ свой трудъ свободнымъ отъ фактическихъ ошибокъ въ подробностяхъ событій («les erreurs de faits dans les détails»), и онѣ, конечно, есть, но задачу критики я полагаю не въ томъ, чтобы останавливаться на мелкихъ промахахъ *).

III.

Въ книгѣ Кропоткина исторія революціи заключена въ рамки 1789—1793 гг. Состояніе Франціи передъ революціей едва только вообще затронуто въ первыхъ главахъ, да и то авторъ интересовался преимущественно только настроеніемъ народа, а не его положеніемъ. «Было бы безполезно, говоритъ самъ онъ въ началѣ маленькой (въ четыре страницы) главы «Народъ до революціи»,— было бы безполезно долго останавливаться на описаніи быта крестьянъ и бѣдныхъ классовъ въ городахъ наканунѣ 1789 г. Всѣ историки французской революціи посвятили этому предмету красно-

---

*) Такъ какъ авторъ самъ проситъ указать на вкравшіяся въ его книгу погрѣшности, я позволю себѣ отмѣтить нѣкоторыя изъ нихъ изъ начала труда. Въ указаніи на то, что французская буржуазія передъ 1789 г. изучала (стр. 11 въ нѣм. изд. даже сказано «gut studiert», I, 7) Адама Смита, заключается анахронизмъ. Таможенныя заставы между отдѣльными провинціями Франціи напрасно названы сеньёрьяльными (стр. 27). Графъ д'Артуа неправильно превращенъ въ герцога (стр. 35), но въ другомъ мѣстѣ (стр. 305) сказано правильно. Провинціальныя собранія были учреждены (instituées) не Тюрго, а Неккеромъ (стр. 31). Недоумѣнія возбуждаютъ указанія на то, что реформами Тюрго были отмѣнены нѣкоторыя (certaines) феодальные поборы (стр. 51), и что не только деревни, но и города одинаково вмѣстѣ съ ними были подчинены феодальнымъ правамъ (стр. 52). Въ дальнѣйшемъ такихъ погрѣшностей гораздо меньше, и наличность ихъ на первыхъ десяткахъ страницъ объясняется тѣмъ, что авторъ, повидимому, мало изучалъ дореволюціонную Францію. Нѣкоторыя невѣрности въ нѣмецкомъ изданіи объясняются неправильностью перевода (напр., названіе санкюлотовъ «Ohnehosen»).

рѣчивыя страницы», прибавляетъ Кропоткинъ какъ бы въ оправданіе краткости, съ какою онъ говоритъ о положеніи народныхъ массъ. Вообще, какъ я уже имѣлъ случай замѣтить, въ революціи его интересуетъ болѣе исторія событій съ порождавшими ее, прибавлю теперь, настроеніями, нежели исторія быта, исторія фактическихъ отношеній, къ каковымъ нужно причислить и классовыя отношенія, составляющія самый строй общества. Какъ историкъ революціи, онъ видитъ въ ней классовую борьбу, для правильнаго пониманія которой ему слѣдовало бы нѣсколько подробнѣе объяснить, изъ какихъ же элементовъ состоялъ народъ, являющійся, собственно, главнымъ дѣятелемъ революціи. Вѣдь и крестьяне не были однородною массою, какъ это хорошо, впрочемъ, извѣстно самому же автору, да и въ массѣ городского населенія существовали разные «бѣдные классы», а потому, разъ поставлена была задача изученія народнаго дѣйствія въ революціи, нужно было отвѣтить на вопросъ, что же такое былъ этотъ народъ, изъ какихъ элементовъ онъ состоялъ, каковы были положеніе, интересы, настроеніе и стремленія отдѣльныхъ классовъ трудового люда. Извѣстный матеріалъ для отвѣта на этотъ вопросъ,—особенно по отношенію къ сельскому населенію, больше вообще интересующему Кропоткина въ его книгѣ, нежели городское,—у него былъ, и онъ могъ бы въ данномъ отношеніи дать болѣе вѣрную картину расчлененія, собственно, народной массы, нежели та, какую мы имѣемъ въ извѣстной работѣ Каутскаго «Противорѣчія классовыхъ интересовъ въ 1789 г.» *).

Одна изъ основныхъ мыслей всего труда Кропоткина—та, что народное дѣйствіе, которое его главнымъ образомъ интересуетъ, началось еще раньше того, въ чемъ обыкновенно видятъ начало революціи. Мы видѣли, какъ возникла его книга изъ ряда эпизодическихъ изслѣдованій объ отдѣльныхъ народныхъ возстаніяхъ. Поэтому и концомъ революціи Кропоткинъ признаетъ тотъ моментъ, когда якобинская государственность устранила возможность спонтаннаго народнаго дѣйствія **). Событіямъ 1794—1799 г.г. въ его книгѣ отведено вслѣдствіе этого лишь небольшое количество страницъ: это уже былъ періодъ умиранія революціи, когда мѣсто народнаго дѣйствія заступили «интриги различныхъ партій». Правда, и въ этомъ періодѣ были кое какія «конвульсіи», но онѣ уже не

*) Ссылаюсь на русскій переводъ подъ ред. В. В. Водовозова, который отмѣтилъ въ одномъ своемъ примѣчаніи недостаточность того представленія о французскомъ крестьянствѣ, какое даетъ Каутскій.

**) Les sections à Paris et les sociétés populaires en province étaient bien mortes. L'état les avait dévorées. Et leur mort fut la mort de la révolution», стр. 685. «Le triomphe des comités sur la commune de Paris, c'était le triomphe de l'ordre, et, en révolution, le triomphe de l'ordre, c'était la clôture de la période révolutionnaire. Maintenant il y aura encore quelques convulsions, mais la Révolution est finie», стр. 705.

интересуютъ нашего автора, и даже коммунистическому заговору Бабёфа онъ едва посвящаетъ четыре строки.

Таковы хронологическія рамки, въ какія заключена у Кропоткина исторія революціи: это—періодъ, когда на сценѣ мы видимъ народъ, періодъ народнаго дѣйствія. Рядомъ съ этимъ дѣйствіемъ авторъ видитъ на исторической сценѣ революціи еще другую силу, въ соединеніи съ которою народное дѣйствіе и совершило революцію. «Два великихъ теченія, говоритъ онъ въ самомъ началѣ книги, подготовили и произвели революцію. Одно теченіе, идейное (le courant d'idées), потокъ новыхъ идей о политическомъ переустройствѣ государствъ, шло отъ буржуазіи. Другое, дѣйственное (celui d'action), исходило изъ народныхъ массъ—крестьянства и городского пролетаріата, желавшихъ получить непосредственныя и осязательныя улучшенія своего экономическаго быта. И когда эти два теченія встрѣтились въ стремленіи къ общей сначала цѣли, когда они въ теченіе нѣкотораго времени оказывали одно другому поддержку, тогда и была революція». Нѣсколькими страницами дальше (стр. 4) онъ ту же мысль выражаетъ такими еще словами: «нужно (т. е. для того, чтобы произошла революція, а не былъ простой бунтъ въ родѣ пугачевщины),—нужно, чтобы *революціонное дѣйствіе*, идущее отъ народа, совпало съ движеніемъ *революціонной мысли*, идущимъ отъ образованныхъ классовъ (des classes instruites). Нужно соединеніе того и другого». Отмѣтивъ теперь же мимоходомъ, что въ первой цитатѣ народу противополагается буржуазія, т. е. соціальный классъ, а во второй—уже интеллигенція, т. е. культурный слой, остановимся нѣсколько дольше на анализѣ основной точки зрѣнія Кропоткина относительно двойственнаго источника революціи 1789 г.

Было время, когда теоретическое пониманіе историческаго процесса сводилось къ признанію движущей силы въ исторіи за идеями, время господства идеологическихъ, или интеллектуалистическихъ объясненій для совершающихся въ исторіи перемѣнъ. Одна изъ первыхъ мыслей, какія высказывались по вопросу о причинахъ революціи, была та, что движеніе это произвела философія XVIII в. Конечно, такое объясненіе было неполнымъ, одностороннимъ, но изъ этого еще не слѣдуетъ, что оно должно было бы быть замѣнено другимъ, столь же неполнымъ и одностороннимъ, какое для всѣхъ историческихъ фактовъ готовъ давать экономическій матеріализмъ. Кропоткинъ очень далекъ отъ этой послѣдней доктрины, какъ и отъ многого другого, составляющаго специфическія черты соціалъ-демократіи *), и признаетъ идейное движеніе XVIII в.

---

*) Въ книгѣ есть мѣста, въ которыхъ ясно выражено несочувствіе автора къ соціалъ-демократіи. «La conception de l'État capitaliste, à laquelle la fraction social-démocrate du grand parti socialiste cherche aujourd'hui à réduire le socialisme» etc. стр. 16. «Quel regret que cette idée franchement communiste n'ait

за самостоятельный источникъ французской революціи. «Уже задолго, говоритъ онъ, философы XVIII в. подрывали основы цивилизованныхъ обществъ своего времени» и тѣмъ, «конечно, подготовили паденіе стараго порядка, по крайней мѣрѣ, въ умахъ. Но, читаемъ мы далѣе, одного этого было недостаточно, чтобы вспыхнула революція. Нужно было еще перейти отъ теоріи къ дѣйствію, отъ идеала, представившагося въ воображеніи, къ практическому осуществленію его въ фактахъ» (стр. 2). Кропоткинъ поэтому считаетъ очередною задачею изученія революціи («ce qu'il importe surtout à l'histoire d'étudier aujourd'hui») изслѣдованіе «обстоятельствъ, которыя дозволили французской націи, въ данный моментъ, совершить это усиліе, т. е. начать осуществленіе идеала. Съ другой стороны, продолжаетъ онъ, еще очень задолго до 1789 г. Франція уже вступила въ періодъ возстаній», сначала голодныхъ бунтовъ, потомъ изъ-за нежеланія платить феодальныя повинности. Сами по себѣ жакеріи еще не революція «Революція, поясняетъ свою мысль Кропоткинъ, это неизмѣримо больше, чѣмъ рядъ возстаній въ деревняхъ и городахъ. Это болѣе, нежели простая борьба партій, какъ бы кровава она ни была, болѣе, нежели уличная битва, и гораздо болѣе, нежели простая перемѣна правительства, какія были во Франціи въ 1830 и 1848 г.г. Революція, это—быстрое ниспроверженіе, въ теченіе немногихъ лѣтъ, учрежденій, пускавшихъ корни въ почву цѣлыми вѣками и казавшихся столь прочными, столь несокрушимыми (immuables), что самые яростные реформаторы едва дерзали нападать на нихъ въ своихъ сочиненіяхъ. Это—паденіе, раскрошеніе (l'émiettement) въ короткое время всего, что составляло до того самое существо общественной, религіозной, политической и экономической жизни націи, низверженіе всѣхъ пріобрѣтенныхъ идей и ходячихъ представленій о столь сложныхъ отношеніяхъ между отдѣльными единицами человѣческаго стада. Наконецъ, это—возникновеніе новыхъ взглядовъ о равенствѣ во взаимныхъ отношеніяхъ между гражданами, взглядовъ, скоро становящихся дѣйствительностью въ жизни общества» (стр. 3—4).

Аналогію такой революціи для французскихъ событій конца XVIII в. Кропоткинъ видитъ въ англійской революціи XVII в. «Французская революція, говоритъ онъ, какъ и англійская въ предыдущемъ вѣкѣ, произошла, когда буржуазія, глубоко пропитавшаяся воззрѣніями философіи того времени, пришла къ сознанію своихъ правъ, создала новый планъ политической организаціи и, сильная своими знаніями, жаждая дѣла, почувствовала себя способною взять въ свои руки правленіе, вырвавъ его у придвор-

---

pas prévalu chez les socialistes du dix-neuvième siècle, au lieu du collectivisme étatiste de Pecqueur et de Vidal, exposé en 1848 et servi aujourd'hui en réchauffé sons le nom de socialisme scientifique», стр. 465.

ной аристократіи, которая приводила къ гибели все королевство своею неспособностью, легкомысліемъ и расточительностью. Но, прибавляетъ авторъ, сами по себѣ буржуазія и образованные классы ничего не сдѣлали бы, если бы, въ силу многочисленныхъ обстоятельствъ, не взволновалась также крестьянская масса и непрерывнымъ рядомъ возстаній, продолжавшихся четыре года, не дала недовольнымъ среднихъ классовъ возможности вступить въ борьбу съ королемъ и дворомъ, низвергнуть старыя учрежденія и совершенно измѣнить политическій строй королевства» (стр. 5).

Итакъ, по Кропоткину, французская революція была «двойственнымъ движеніемъ», и эту двойственность онъ прослѣживаетъ въ отдѣльныхъ событіяхъ революціи, въ родѣ, наприм., возстанія 12–14 іюля 1789 г. *). Это при томъ, по его словамъ, были движенія совершенно различнаго происхожденія («d'origine diverse»). Сводя то, что сказано авторомъ въ приведенныхъ мѣстахъ, къ обнаженной схемѣ, мы можемъ выразить его мысль въ такомъ видѣ:

Одно движеніе:	Другое движеніе:
Мысль.	Дѣйствіе.
Буржуазія.	Народъ.
Политическая цѣль.	Экономическая цѣль.

Мысль о раздѣльномъ участіи въ революціи, съ одной стороны, буржуазіи, а съ другой—народа съ болѣе или менѣе несходными цѣлями не нова, и съ нею мы встрѣчаемся уже у первыхъ историковъ французской революціи, наприм., Минье, который постоянно противополагаетъ «средніе классы» (les classes moyennes) толпѣ (la multitude): въ двадцатыхъ годахъ XIX в. терминъ «буржуазія» въ его современномъ значеніи не былъ еще въ ходу. У Бюшеза и и Луи Блана, какъ извѣстно, противоположеніе буржуазіи и народа положено въ основу ихъ историко-философскихъ обобщеній. Если отдѣльные историки, какъ, главнымъ образомъ, Мишле, возражали противъ такого раздѣленія, они были неправы. Тѣмъ не менѣе, однако, въ это раздѣленіе нужно вносить бо́льшую детальность и вести дальше анализъ классового состава населенія Франціи въ 1789 г., какъ это пытался сдѣлать Каутскій въ упомянутой уже брошюрѣ. Ни буржуазія, ни народъ не были чѣмъ-то однороднымъ по составу, и между буржуазіей и народомъ были своего рода переходныя ступени—какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. Самъ же Кропоткинъ говоритъ, наприм., о расслоеніи французскаго крестьянства,—что совершенно проглядѣлъ Каутскій, — о «новомъ классѣ крестьянъ нѣсколько болѣе зажиточныхъ и знающихъ себѣ цѣну» (ambitieux), о которыхъ онъ отзывается какъ о

*) «Ce double mouvement», стр. 5.—«Dans le soulèvement de Paris... il y eut, comme dans toute la Révolution, deux courants séparés, d'origine diverse: le mouvement politique de la bourgeoisie et le mouvement populaire", стр. 76.

деревенской буржуазіи или объ «обуржуазившихся поселянамъ» (le campagnard embourgeoisé, стр. 24), хотя, замѣтимъ отъ себя, и здѣсь нужно было бы еще различать, съ одной стороны, болѣе крупныхъ собственниковъ изъ буржуазіи и мелкихъ собственниковъ или фермеровъ крестьянскаго типа, ведшихъ, какъ-никакъ, самостоятельное хозяйство и въ качествѣ именно сельскихъ хозяевъ (laboureurs) отличавшихся отъ сельскихъ рабочихъ, жившихъ наемнымъ трудомъ (manouvriers). Вѣдь самъ же Кропоткинъ говоритъ, что требованіе уничтоженія феодальныхъ правъ,—которое онъ называетъ народнымъ par excellence и даже, въ сущности, непріятнымъ для буржуазіи, стоявшей горячо за ненарушимость права собственности,—было требованіемъ именно зажиточной части крестьянства, преимущественно изъ-за этого и волновавшагося въ теченіе четырехъ или пяти лѣтъ (стр. 24 и 51). Съ этой стороны, въ схемѣ Кропоткина зажиточные крестьяне—народъ, и именно этотъ народъ поддержалъ буржуазію, дѣйствуя за одно и съ деревенскою бѣднотою («les miséreux des villages»), ютившеюся въ земляныхъ лачужкахъ и питавшеюся чуть не одними каштанами (стр. 52). Когда, однако, былъ поставленъ вопросъ о раздѣлѣ общинныхъ земель, въ крестянской массѣ уже единодушія не оказалось: этого добивалась, говоритъ Кропоткинъ, одна сельская буржуазія («les bourgeos des villages»), или крестьяне-буржуа («les paysans-bourgeois», стр. 531—532), среди которыхъ онъ продолжаетъ не различать двухъ совершенно разныхъ категорій принадлежности ихъ либо къ среднему классу, либо къ народу. Если бы авторъ больше, чѣмъ это онъ вообще дѣлаетъ, обратилъ вниманіе на соціальныя отношенія, существовавшія въ городахъ, и въ нихъ тоже онъ нашелъ бы болѣе сложный составъ буржуазіи и народа.

Но идемъ далѣе въ разборѣ основной формулы автора. Въ буржуазіи беретъ у него начало идейное движеніе исключительно политическаго характера, въ народѣ—движеніе дѣйственное съ экономической программой. Для такой формулировки были, конечно, свои основанія, и потому аналогіи для подобнаго распредѣленія ролей между буржуазіей и народомъ мы могли бы найти и у другихъ историковъ революціи, но, въ концѣ концовъ, эта схематизація требуетъ цѣлаго ряда поправокъ, которыя, въ сущности, ее разрушаютъ.

Мы только-что видѣли, что все существенное въ происхожденіи революціи сводится у Кропоткина къ дуализму буржуазіи-мысли-политики и народа-дѣйствія-экономики. Если бы въ данномъ случаѣ подчеркиваемая авторомъ противоположность могла быть поставлена на одну доску съ такою, напр., какъ, съ одной стороны, сахаръ-бѣлизна-сладость, а съ другой—лимонъ-желтизна-кислота, разумѣется, нечего было бы и возражать, но дѣло какъ-разъ въ томъ, что формула: «буржуазія-мысль-политика и народъ-дѣйствіе-экономика» не можетъ идти въ сравненіе съ нашимъ

примѣромъ различія между бѣлымъ и сладкимъ сахаромъ, съ одной стороны, и желтымъ и кислымъ лимономъ—съ другой.

Во-первыхъ, выше я уже отмѣтилъ, что Кропоткинъ противополагаетъ въ одномъ мѣстѣ народъ не просто буржуазіи, а буржуазіи *плюсъ* образованнымъ людямъ, и это онъ дѣлаетъ не въ одномъ только приведенномъ мѣстѣ: можно было бы привести еще цѣлый рядъ мѣстъ, гдѣ рядомъ съ буржуазіей фигурируетъ еще «интеллигенція» (les intellectuels). Разъ за мыслью, за умственнымъ движеніемъ признается самостоятельная роль въ революціи, для категоріи интеллигенціи, философовъ, реформаторовъ и т. п., о которыхъ мѣстами упоминается въ книгѣ, слѣдовало бы отвести особое мѣсто, тѣмъ болѣе, что, по представленію самого автора, новыя идеи воспринимались не только «образованными классами», болѣе или менѣе, пожалуй, и бывшими буржуазіей, но и народомъ. «Народъ, и онъ также,—говоритъ Кропоткинъ,—въ извѣстной мѣрѣ подвергся вліянію философіи вѣка. Тысячью непрямыхъ каналовъ великіе принципы, великіе принципы свободы и освобожденія (de liberté et d'affranchissement) просочились и въ деревни, и въ предмѣстья городовъ... Идеи равенства проникли въ самые темные углы... Надежды на близкую перемѣну заставляли биться сердца самыхъ простыхъ людей» (стр. 15). Конечно, работа мысли началась не въ народной средѣ, но въ народной средѣ не только сдѣлались извѣстными ея результаты, происходило также свое продолженіе этой работы, даже испугавшее буржуазію, какъ это отмѣчается самимъ нашимъ историкомъ революціи. Интеллигенція 1789—1793 гг. при томъ не стояла въ исключительной связи съ буржуазіей, на что указываетъ мѣстами самъ же Кропоткинъ, хотя бы, напр., тамъ, гдѣ говоритъ о такихъ «inconnus», любимцахъ народа, какъ Сантерръ, Фурнье-Американецъ, Карра и др. (стр. 343). Мысль работала не въ одной буржуазіи, не объ одной буржуазіи заботилась и интеллигенція. Къ счастью, Кропоткинъ не раздѣляетъ теоріи экономическаго матеріализма, крайніе представители котораго всякую идеологію готовы признавать исключительно классовою, и потому, связывая въ своей формулѣ идейное теченіе революціи съ буржуазіей, онъ не приписываетъ, однако, всей философіи XVIII в. буржуазнаго характера. «Разумѣется,—замѣчаетъ онъ, между прочимъ,—было бы несправедливо говорить, что буржуазія 1789 г. руководствовалась исключительно узко-эгоистическими взглядами. Если бы это было такъ, она никогда не была бы въ состояніи выполнить свою задачу. Всегда нуженъ извѣстный идеализмъ, чтобы имѣть успѣхъ въ великихъ перемѣнахъ. Въ самомъ дѣлѣ, лучшіе представители третьяго сословія напоялись изъ этого чуднаго (sublime) источника философіи XVIII в., заключавшаго въ себѣ зародыши всѣхъ великихъ идей, какія послѣ этого только ни возникали. Чисто научный духъ этой философіи,—продолжаетъ авторъ,—носитъ въ основѣ своей прав-

ственный характеръ, хотя бы она и осмѣивала условную мораль, ея вѣра въ умственныя способности, въ мощь и достоинство свободнаго человѣка, когда онъ будетъ жить среди равныхъ, ея ненависть къ деспотическимъ учрежденіямъ,—все это мы находимъ у дѣятелей революціи. Да и гдѣ бы они нашли силу убѣжденія и самоотверженности, которая обнаружена была ими въ борьбѣ?» (стр. 13). Мало того, разные, съ народной точки зрѣнія, недостатки философіи XVIII в. въ ея практическихъ послѣдствіяхъ Кропоткинъ совершенно правильно объясняетъ не классовымъ своекорыстіемъ, а чисто умственными ошибками, вытекавшими изъ неопытности, недостаточности знанія и т. п. Такова была, напр., ошибка экономистовъ, «искренно вѣровавшихъ, что обогащеніе отдѣльныхъ лицъ было бы лучшимъ средствомъ обогащенія всей націи вообще» (стр. 13). Кропоткинъ даже особенно обращаетъ вниманіе своихъ читателей на то, что «незнаніе (l'ignorance) писателей, большею частью горожанъ и людей кабинетныхъ (hommes d'étude)» было прямо причиною непониманія, напр., феодальнаго вопроса *). Вотъ, слѣдовательно, какія оговорки вызываетъ соединеніе идейнаго движенія съ буржуазіей: философія XVIII в. не была проникнута исключительно буржуазнымъ духомъ; въ буржуазіи были искренніе люди, дѣйствительно увлекавшіеся общечеловѣческими идеалами свободы, равенства и свободнаго прогресса (стр. 13); часть интеллигентныхъ дѣятелей революціи прямо выходила за предѣлы чисто буржуазной программы (стр. 14); возбужденная событіями народная мысль тоже работала. Но при всемъ томъ, съ другой стороны, умственныхъ силъ было, понятно, больше у буржуазіи, нежели у народа, какъ было и больше сознательности въ ея дѣятельности. «Недостатокъ ясности въ представленіяхъ народа относительно того, чего онъ могъ ожидать отъ революціи, по словамъ Кропоткина, наложилъ свою печать на все движеніе», но у народа все таки стали возникать «проекты аграрнаго закона и уравненія состояній» (стр. 18); только эти «идеи народа были смутны въ положительной своей сторонѣ» (стр. 19), да и «у мыслителей, которые желали счастья народу, онѣ тоже не принимали ясной и конкретной формы» (стр. 17).

Во-вторыхъ, если идейная сторона революціи не можетъ считаться исключительнымъ достояніемъ буржуазіи, то и сторона дѣй-

*) Эту мысль, между прочимъ, проводилъ и я въ своей книгѣ «Крестьяне и крестьянскій вопросъ во Франціи въ послѣдней четверти XVIII в.», но въ общей характеристикѣ философіи XVIII в. съ точки зрѣнія крестьянскаго вопроса я допустилъ, къ сожалѣнію, такой пробѣлъ, который, конечно, очень понравился бы всякому особенно прямолинейному экономическому матеріалисту, но вызвалъ совершенно справедливый упрекъ со стороны П. Л. Лаврова въ его разборѣ моей книги, помѣщенномъ въ «Дѣлѣ» за 1879 г. подъ заглавіемъ «Исторія Франціи подъ перомъ новыхъ русскихъ изслѣдователей». Общая характеристика философіи XVIII в. въ книгѣ Кропоткина невольно напомнила мнѣ этотъ инцидентъ.

ственная не была исключительнымъ достояніемъ народа. Мысль и дѣйствіе вообще не могутъ быть раздѣлены, и можно только говорить о большей ясности мысли и сознательности у одной стороны и о большей напряженности и успѣшности дѣйствія у другой. Народъ не только дѣйствовалъ, но и думалъ, какъ и буржуазія не только думала, но и дѣйствовала. Нельзя, разумѣется, не признать того, на чемъ особенно настаиваетъ авторъ,—именно, что безъ всенароднаго движенія, безъ содѣйствія со стороны народа, буржуазія ничего не достигла бы, но это было какъ разъ «содѣйствіе», т. е. подкрѣпленіе одного дѣйствія другимъ дѣйствіемъ. Въ своемъ изложеніи событій революціи новый ея историкъ, — что дѣлалось, впрочемъ, конечно, и до него, — показываетъ, какъ обѣ силы,— т. е. буржуазія и народъ, если ужъ на то пошло,—дѣйствовали сначала въ одномъ направленіи, но какъ впослѣдствіи дѣйствія народа вызвали рядъ «противодѣйствій» со стороны буржуазіи, — противодѣйствій, которыя въ концѣ-концовъ одержали побѣду въ своей борьбѣ съ дѣйствіями народа. Революція была сначала борьбою буржуазіи и народа противъ правительства и привилегированныхъ, но потомъ перешла въ борьбу между собою самихъ буржуазіи и народа, когда прежнія содѣйствія превратились въ противодѣйствія. Можно спеціально интересоваться лишь дѣйствіемъ одной силы, какъ наиболѣе рѣшительно давшей побѣду революціи, но это еще далеко не значитъ, что только одна эта сила была дѣйствующею.

Въ-третьихъ, требуетъ очень большихъ оговорокъ и раздѣленіе политики и экономики между буржуазіей и народомъ, какъ это представляется въ основной схемѣ Кропоткина. Буржуазія стремилась не только завладѣть правленіемъ и дать государству новое устройство въ духѣ требованій новой политической философіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ ставила революціи и экономическія цѣли. Представители экономическаго матеріализма—и въ данномъ случаѣ не безъ основанія — утверждаютъ даже, что политическія стремленія буржуазіи были приноровлены къ ихъ экономическимъ цѣлямъ, и преувеличеніемъ съ ихъ стороны является только высказываемое ими мнѣніе, будто у политики не было никакихъ не-экономическихъ цѣлей, будто вся теорія государства опредѣлялась исключительно экономическими соображеніями и т. п. Самъ же Кропоткинъ, при томъ, указавъ на то, какъ буржуазія думала устроить государство, дополняетъ политическую ея программу и экономическою. Буржуазія хотѣла взять все въ свои руки, чтобы, провозгласивъ свободу промышленности, «дать полную волю индустріальнымъ предпріятіямъ въ цѣляхъ эксплуатаціи природныхъ богатствъ, а также рабочихъ, отданныхъ въ полную власть всякаго, кто только можетъ имъ дать работу», т. е. государство по этому плану должно было «благопріятствовать обогащенію частныхъ лицъ и накопленію крупныхъ состояній» (стр. 10). «Экономическія идеи буржуазіи, по

словамъ самого же автора, отличались большою ясностью»,—быть можетъ, даже гораздо большею ясностью, чѣмъ то было на самомъ дѣлѣ, разъ буржуазія, какъ думаетъ Кропоткинъ, предвидѣла развитіе массового производства товаровъ при помощи машинъ и сознательно хлопотала о созданіи будущаго фабричнаго капитала (стр. 11). Осмѣливаюсь, думать, что ни того, ни другого не было, и привожу это мнѣніе лишь въ доказательство того, что самъ же авторъ приписываетъ буржуазіи очень опредѣленные экономическіе планы. Да и философія XVIII в., по собственному его представленію, занималась не только политическими, но и экономическими вопросами. При томъ же, если буржуазія бросилась въ реакцію, то на первомъ планѣ здѣсь была охрана соціальнаго status quo отъ новыхъ экономическихъ стремленій, обнаруживавшихся въ народныхъ массахъ. Далѣе, что народъ болѣе интересовался вопросами матеріальнаго благосостоянія, нежели отвлеченными «правами человѣка и гражданина», входившими въ политическую программу буржуазіи, это совершенно вѣрно, хотя, конечно, «права человѣка и гражданина» нужны были не одной буржуазіи, и если народъ ихъ меньше понималъ и цѣнилъ, нежели интеллигенты, то въ этомъ еще никакого преимущества не было. Противополагая, однако, экономическія стремленія народа политическимъ стремленіямъ буржуазіи, Кропоткинъ, понятно, вовсе не могъ имѣть въ виду аполитичности народа во время революціи, такъ какъ этой аполитичности и не было, по крайней мѣрѣ, въ наиболѣе дѣйственныхъ группахъ народа, да и самъ онъ, авторъ, изображаетъ эти круги, какъ среду, въ которой развивалась новая идея дѣйствительно демократическаго государства. Отмѣтивъ, что въ народной массѣ не было единомыслія по вопросамъ объ аграрномъ законѣ и уравненіи имуществъ, онъ указываетъ, что въ народѣ было разное пониманіе организаціи государства: по крайней мѣрѣ, въ части народныхъ массъ, — въ той, конечно, которая наиболѣе проявила себя въ революціи, — уже были въ ходу новыя идеи о политической децентрализаціи и о правѣ самого народа на преобладающую роль въ муниципальныхъ учрежденіяхъ и въ собраніяхъ гражданъ (стр. 29). Политическія и экономическія стремленія всегда тѣсно связаны однѣ съ другими, и въ разсматриваемую эпоху, какъ буржуазія, такъ и народъ проявляли стремленія обѣихъ категорій съ тѣмъ только различіемъ, что буржуазія яснѣе понимала, чего хотѣла, т. е. сознательнѣе и опредѣленнѣе формулировала свои политическія и экономическія пожеланія, нежели народныя массы. Можно, слѣдовательно, только говорить о разныхъ степеняхъ ясности и разработанности и политическихъ, и экономическихъ идей у буржуазіи и у народа, а не о томъ, будто буржуазія и народъ, какъ-бы подѣлили между собою политику и экономику. Въ концѣ концовъ, авторъ такъ, конечно, какъ слѣдуетъ, и по-

нимаетъ дѣло, но это уже составляетъ отступленіе отъ его общей схемы.

IV.

Разумѣется, намъ нельзя прослѣдить на всѣхъ частностяхъ исторіи революціи, какъ примѣняется Кропоткинымъ къ изложенію событій его основная идея о двухъ теченіяхъ, изъ которыхъ складывается у него все движеніе 1789—1793 гг., его главный тезисъ, на который онъ охотно ссылается почти при каждомъ удобномъ случаѣ*). Въ исторіи революціи онъ даже видитъ двѣ исторіи, и изъ нихъ одна уже хорошо изслѣдована, именно «политическая исторія, исторія завоеваній буржуазіи», «парламентарная исторія, ея войны, ея политика, ея дипломатія», тогда какъ другую исторію, «*народную* исторію революціи», исторію «роли *народа* селъ и городовъ», нужно еще, по словамъ Кропоткина, создать (стр. 5). «Намъ,—прибавляетъ онъ,—потомкамъ тѣхъ, кого современники называли анархистами, и надлежитъ изучить это народное теченіе или, по крайней мѣрѣ, отмѣтить наиболѣе существенныя его черты» (стр. 6).

Народную, именно «народную» исторію революціи желали писать вообще всѣ демократическіе историки,—народную и въ смыслѣ сочувственной народу точки зрѣнія, и въ смыслѣ исторіи самаго народа, а иные, кромѣ того, и для народа, какъ это сдѣлалъ Жоресъ въ своемъ обширномъ трудѣ, предназначенномъ имъ для крестьянъ и для рабочихъ. Было бы интересно прослѣдить, какъ разные историки понимали и исполняли задачу народной исторіи французской революціи, но, очевидно, ни одна изъ исторій французской революціи, которая имѣла въ виду говорить преимущественно о народѣ, не удовлетворяетъ Кропоткина: такую исторію только предстоитъ еще написать, такъ какъ,—говоритъ онъ,—«роль народа селъ и городовъ въ этомъ движеніи никогда не изучалась въ ея цѣломъ» (стр. 5). Полнымъ изученіемъ, исчерпывающимъ предметъ, Кропоткинъ, конечно, не можетъ считать и свою книгу.—Народъ, такимъ образомъ, является главнымъ героемъ его книги, и въ этомъ отношеніи она напоминаетъ знаменитый трудъ Мишле. Этотъ историкъ, высоко цѣнимый и Кропоткинымъ, былъ великимъ народолюбцемъ и демократомъ, и въ его представленіи народъ даже былъ чѣмъ-то идеальнымъ, стоящимъ въ моральномъ отношеніи неизмѣримо выше образованнаго общества. Революція для Мишле вышла изъ глубинъ народной жизни съ ея внутреннею правдою, и все хорошее, что она съ собою

*) „A mesure que la Révolution avançait, les deux courants, dont nous avons parlé au commencement de cet ouvrage, le courant populaire et le courent de la bourgeoise, se dessinaient de plus en plus nettement“, стр. 253. Такихъ ссылокъ нѣсколько въ книгѣ.

принесла, справедливость и свобода, было дѣломъ всѣхъ, т. е. народа, тогда какъ все мрачное, кровавое, ненавистное было дѣломъ отдѣльныхъ «честолюбивыхъ маріонетокъ», вознесенныхъ народнымъ движеніемъ на гребни революціонныхъ волнъ и думавшихъ руководить по-своему этимъ движеніемъ. Отношеніе Кропоткина къ народному движенію въ революціи, историкомъ котораго онъ выступилъ въ своей книгѣ, нѣсколько напоминаетъ Мишле.

Объ этомъ говоритъ общій тонъ его книги, но только безъ сентиментальности Мишле, и на это указываютъ отдѣльныя мѣста, гдѣ говорится о вѣрности народнаго чутья, народнаго инстинкта. Буржуазія хотѣла помѣшать народу овладѣть Бастиліей, но народъ, руководимый своимъ «революціоннымъ инстинктомъ», началъ дѣйствовать безъ чьихъ бы то ни было приказаній (стр. 110). 5 октября 1789 г. «толпа, коллективный умъ парижскаго народа, понимала то, что съ такимъ трудомъ понимали отдѣльныя лица» (стр. 203). Послѣ побѣды народа должно было быть введено нѣчто новое въ учрежденія, что помогло бы новымъ формамъ жизни выработаться и окрѣпнуть, и «французскій народъ, повидимому, удивительно понялъ эту необходимость», создавъ народную коммуну (стр. 234): народъ организовался, благодаря «своему удивительному духу революціонной организаціи» (стр. 236). Въ исторіи съ бѣгствомъ Людовика XVI только народъ не ошибся и не поддался обману (стр. 293 и 295), какъ сразу же онъ понялъ и козни буржуазіи послѣ возвращенія короля въ Парижъ (стр. 299). «Народъ всегда обладаетъ вѣрнымъ чутьемъ положенія («un sentiment vrai de la situation») даже тогда, когда не умѣетъ его толково (correctement) выразить и обосновать свои предвидѣнія доказательствами по-ученому; онъ неизмѣримо лучше, нежели политики, угадывалъ заговоры» и т. д. (стр. 330). «Народъ со своимъ всегда столь вѣрнымъ чутьемъ (avec son instinct toujours si juste) въ совершенствѣ понималъ» и т. д. (стр. 347). «Парижскій народъ со своимъ удивительнымъ инстинктомъ» и пр. (стр. 354). Вотъ нѣсколько мѣстъ, характеризующихъ отношеніе Кропоткина къ народному дѣйствію. Нерѣдко народъ совершенно правильно хотѣлъ идти дальше, но его останавливали, мѣшали ему тѣ, кого революція поставила во главѣ движенія (стр. 613). Отдѣльныя личности, кромѣ разныхъ «неизвѣстностей» (inconnus), дѣйствовавшихъ заодно съ народомъ, цѣлыя партіи и сами представительныя собранія революціи являются у автора виновниками того, что вѣрное пониманіе народомъ положенія дѣлъ оставалось безрезультатнымъ. Особенно неблагосклоненъ онъ въ этомъ отношеніи къ управлявшимъ Франціей собраніямъ, которыя и противополагаются имъ непосредственному дѣйствію народа. Вотъ національное собраніе, которое «дѣлало то же самое, что всегда дѣлали и всегда дѣлать будутъ всѣ собранія», т. е. не принимало

никакого рѣшенія (стр. 86). Подобная ссылка на то, какъ поступаетъ «всякое собраніе парламентарныхъ политиковъ» (стр. 369) встрѣчается еще не разъ въ книгѣ, при чемъ дается также и объясненіе, почему парламенты имѣютъ скорѣе отрицательное значеніе, хотя въ этомъ объясненіи вѣрность пониманія уже и не приписывается народу въ его цѣломъ. «Революціи,—говоритъ Кропоткинъ,—совершаются всегда меньшинствами, и даже тогда, когда революція началась и когда часть націи уже приняла ея послѣдствія, всегда только незначительное меньшинство (une infime minorité) понимаетъ, что нужно сдѣлать для обезпеченія уже достигнутаго, и имѣетъ мужество дѣйствовать (le courage de l'action)», тогда какъ «всякое собраніе, всегда представляющее собою средній уровень (la moyenne) страны или даже стоящее ниже средняго уровня, во всѣ времена было и всегда будетъ тормазомъ (un frein) революціи, отнюдь никогда ея оружіемъ» (стр. 335).

Средній уровень страны,—это и есть народная масса. Понимается дѣло, какъ слѣдуетъ, только незначительнымъ меньшинствомъ: значитъ, не инстинктъ народа, массы, а пониманіе призваннаго къ тому меньшинства играетъ главную роль въ народномъ, дѣйственномъ теченіи революціи. Или тутъ у автора допущено противорѣчіе, или самимъ намъ нужно допустить, что пониманіе меньшинства, стоящаго впереди движенія и имъ руководящаго, совпадаетъ съ народнымъ инстинктомъ. Для признанія такой предустановленной гармоніи, однако, нѣтъ основаній, и взглядъ Кропоткина въ данномъ вопросѣ отличается неясностью.

За то совершенно ясенъ и опредѣлененъ его взглядъ на то, что можно назвать методомъ дѣйственнаго участія народа въ движеніи. Законодательной дѣятельности учредительнаго и законодательнаго собраній и конвента Кропоткинъ не придаетъ большой цѣны, по скольку ими только декретировались мѣры, которыя безъ проведенія ихъ въ жизнь самимъ народомъ обречены были оставаться чисто бумажными законами. Это онъ говоритъ не одинъ разъ въ своей книгѣ. Извѣстно, какіе факты были обобщены Тэномъ въ понятіи «anarchie spontanée», но извѣстно также, что Оларъ далъ совершенно иное освѣщеніе этимъ фактамъ. Ссылаясь на результаты, добытые Оларомъ, Кропоткинъ защищаетъ коммуналистическое движеніе 1789 г. отъ нападокъ историка, видѣвшаго въ немъ только одинъ общественный развалъ. «Тэнъ,—говоритъ онъ,—и всѣ, восхищающіеся административнымъ порядкомъ сонныхъ (somnolents) министерствъ, шокированы, несомнѣнно, зрѣлищемъ этихъ дистриктовъ, предваряющихъ своими голосованіями національное собраніе, указывающихъ ему своими рѣшеніями на волю народа, но вѣдь только такъ и развиваются человѣческія учрежденія, когда они не простое произведеніе бюрократовъ». Онъ сравниваетъ ихъ возникновеніе съ тѣмъ, какъ строились и строятся всѣ большіе города: здѣсь группа домовъ и рядомъ съ ними ла-

вокъ намѣчаетъ центръ будущаго города, тамъ едва проведенная линія—одну изъ будущихъ крупныхъ улицъ. «Это,—продолжаетъ онъ,—анархическая эволюція, единственная, которую мы видимъ въ свободной природѣ (стр. 133). То же самое бываетъ и съ учрежденіями, когда они—органическій продуктъ жизни, и вотъ почему революціи имѣютъ такое громадное значеніе въ жизни обществъ, такъ какъ онѣ позволяютъ людямъ предаваться этой органической, созидательной работѣ безъ помѣхи въ данномъ дѣлѣ со стороны власти, которая неизбѣжно является представительствомъ прошедшихъ вѣковъ» (стр. 134). Изображая процессъ возникновенія, какъ ихъ можно было бы назвать, самочинныхъ, муниципальныхъ организацій, Кропоткинъ оговаривается, однако, что «это движеніе далеко не было общимъ», и что въ данномъ случаѣ проявлялась воля если не всего народа на мѣстахъ, то, по крайней мѣрѣ, воля мѣстныхъ собраній избирателей. Тѣмъ не менѣе именно эта «коммуналистическая революція» придала всему движенію особую силу, особенно въ 1792 и 1793 г.г. (стр. 132). Въ такомъ дѣйственномъ выступленіи народа авторъ и видитъ проявленіе удивительнаго организаторскаго инстинкта народа (стр. 236). «Отсюда видно,—говоритъ онъ еще,—что анархистскіе принципы, которые нѣсколькими годами позже были выражены Годвиномъ въ Англіи, ведутъ свое начало еще отъ 1789 г. и что происходятъ они не изъ теоретическихъ умозрѣній, а изъ *фактовъ* великой революціи» (стр. 239). Коммуны не только вмѣшиваются въ общую политику, но и вступаютъ въ сношенія съ Парижемъ по самымъ различнымъ вопросамъ. «Такъ возникаетъ,—говоритъ еще Кропоткинъ,—стремленіе, сдѣлавшееся позже столь рѣзко выраженнымъ, къ установленію непосредственной связи между городами и деревнями Франціи помимо національнаго парламента» (стр. 240).

Черезъ всю книгу красною нитью проходитъ противопоставленіе коммунализма, какъ движенія благотворнаго, централизму, какъ направленію зловредному. «Душою великой революціи,—читаемъ мы въ одномъ мѣстѣ,—были коммуны, и безъ этихъ очаговъ, разсѣянныхъ по всей территоріи, никогда революція не была бы въ состояніи низвергнуть старый порядокъ, отразить германское нашествіе и возродить Францію... Безразсудное довѣріе къ представительному правленію, характеризующее наше время,—прибавляетъ Кропоткинъ,—не существовало во время великой революціи (стр. 235). Коммуна, возникшая въ народныхъ движеніяхъ, не отдѣляла себя отъ народа,.. оставалась сама народомъ, что и составляло революціонную мощь этихъ организмовъ» (стр. 236). «Правительственная централизація пришла позднѣе» (стр. 234), и въ ней-то нашъ историкъ видитъ все несчастье Франціи.

Коммунальное движеніе было, дѣйствительно, большимъ народнымъ движеніемъ со всѣми признаками чисто стихійной силы, овладѣвшей всею націею,—движеніемъ народнымъ въ болѣе широ-

комъ смыслѣ, нежели тотъ, какой дается слову при противоположеніи народа буржуазіи. Кропоткинъ этого, къ сожалѣнію, не подчеркиваетъ, хотя и отмѣчаетъ, что въ новыхъ учрежденіяхъ шла классовая борьба за власть. Вѣрно и то, что преимущественно эти «самочинныя организаціи» проводили въ жизнь новые законы. «Учредительное и законодательное собранія издали массу законовъ, говоритъ по этому поводу Кропоткинъ,.. но большая часть ихъ оставалась мертвою буквою. Извѣстно, что двѣ трети существенныхъ законовъ, изданныхъ между 1789 и 1793 г.г., даже и не начинали приводиться въ исполненіе. Дѣло въ томъ, что недостаточно издать новый законъ, а нужно еще почти всегда создать особый механизмъ для его примѣненія». Бюрократическаго механизма, особенно въ его современномъ видѣ, во Франціи не было, и «какимъ бы образомъ, спрашиваетъ авторъ,—законы представительныхъ собраній могли войти въ жизнь безъ того, чтобы *фактическая революція* (*la Révolution de fait*) не совершалась въ каждомъ городѣ, въ каждой деревушкѣ, въ каждой изъ тридцати шести тысячъ коммунъ Франціи?» (стр. 280). Кропоткинъ прямо прибавляетъ, что «для того, чтобы изъ декретовъ собранія вышло жизненное дѣло, *нуженъ былъ безпорядокъ*».—«Безъ безпорядка, повторяетъ онъ нѣсколькими строками ниже, безъ *соціальнаго* безпорядка» не могло бы начаться новой жизни, а между тѣмъ, заключаетъ онъ свое разсужденіе, «этому-то безпорядку законодатели именно и хотѣли помѣшать» (стр. 281). Мы видимъ, какъ Кропоткинъ смотритъ на вліяніе парламента, и этимъ опредѣляется его взглядъ на добро и зло въ исторіи революціи.

Выше было отмѣчено, что коммунальное движеніе не вездѣ было, по словамъ самого же Кропоткина, одинаково сильнымъ, какъ не вездѣ народъ былъ достаточно энергиченъ въ осуществленіи своихъ стремленій. Когда національный конвентъ издалъ законъ о возвращеніи сельскимъ общинамъ земель, отобранныхъ у нихъ въ силу ордонnанса 1669 г. о «тріажѣ» *), не вездѣ проявилось одинаковое практическое отношеніе крестьянъ къ новому закону. «Коммуны,—говоритъ авторъ,—которыя, не теряя драгоцѣннаго времени, поторопились возвратить себѣ свои прежнія земли, *на самомъ дѣлѣ, тутъ же* (*de fait, sur place*), получили эти земли, и когда восторжествовала реакція и сеньёры опять вошли въ силу, они не могли ничего сдѣлать, чтобы взять обратно то, что законъ у нихъ отнялъ и что стало предметомъ *реальнаго* обладанія крестьянъ. Что же касается общинъ, которыя не сдѣлали того же (hésitèrent à le faire), онѣ ничего не получили (стр. 544)... Въ концѣ концовъ, повторяетъ онъ, можно сказать, что общины, которыя *фактически* вошли въ реальное обладаніе землями, отобранными у нихъ съ 1669 г., *остались большею частью въ обладаніи этихъ земель*, а

*) Раздѣлъ общинныхъ земель съ помѣщикомъ.

тѣ, которыя этого не совершили до іюня 1796 г., не пріобрѣли ничего. Въ революціи только совершившійся фактъ имѣетъ дѣйствительную силу» (стр. 545).

Такъ понимаетъ Кропоткинъ методъ народнаго дѣйствія въ 1789—1793 гг., методъ, который онъ называетъ анархистскимъ. Главными цѣлями того, что имъ признается за народный элементъ во французской революціи, онъ считаетъ, прежде всего, отмѣну феодальныхъ правъ и возвращеніе общинныхъ земель, которыми завладѣли сеньёры. Въ возстаніи крестьянъ для достиженія этихъ двухъ цѣлей онъ видитъ (и подчеркиваетъ это) «*самую сущность, всю основу французской революціи*» (стр. 124),—въ крестьянскомъ возстаніи, къ которому, такъ сказать, пристроилась борьба буржуазіи за свои политическія права, и безъ котораго сама революція была бы безсильна что-либо сдѣлать (ср. стр. 60). Что именно двѣ эти задачи были у народной революціи, Кропоткинъ даже особенно охотно при случаѣ повторяетъ (стр. 145, 151 и др.): «какъ городская буржуазія знала очень хорошо, чего она хотѣла и чего ждала отъ революціи, и они, крестьяне, тоже хорошо знали, чего хотѣли» (стр. 151), и волненія ихъ продолжались до тѣхъ поръ, пока они своего не достигли въ 1793 г. Всю французскую революцію авторъ, сравнивая ее съ англійскою, считаетъ «преимущественно крестьянскимъ возстаніемъ», борьбою за землю съ прибавкою, что если крестьяне и стремились къ индивидуальному обладанію землею, то, съ другой стороны, въ движеніи проявился и коммунистическій элементъ въ провозглашенномъ въ 1793 г. правѣ всей націи на землю (стр. 126—127). Между тѣмъ во французской революціи участвовало вѣдь и городское населеніе, и у нѣкоторыхъ историковъ (напр., у Луи Блана) оно-то преимущественно и фигурируетъ на историческій сценѣ. Что же было для городскихъ работакою же конкретною и столь же ясно сознаваемою цѣлью, какою для крестьянъ былъ вопросъ о феодальныхъ правахъ и о бывшихъ общинныхъ земляхъ?

По этому вопросу у Кропоткина нѣтъ такой же простой и опредѣленной формулировки. Въ революціи 1848 г. обобщающимъ требованіемъ городского пролетаріата во Франціи было знаменитое «право на трудъ», но въ 1789—93 г. такого общаго лозунга не существовало. Быть можетъ, когда Кропоткинъ писалъ въ началѣ книги, что во взглядахъ народа на то, чего можно было ожидать отъ революціи, не было никакой ясности (стр. 18) и что въ этихъ взглядахъ господствовало одно отрицаніе, онъ имѣлъ въ виду именно рабочій классъ въ городахъ, а не крестьянъ, знавшихъ очень хорошо, чего они хотѣли. Тѣмъ не менѣе, когда у Кропоткина заходитъ рѣчь о борьбѣ между жирондистами и монтаньярами въ 1793 г., рядомъ съ различнымъ отношеніемъ ихъ къ вопросамъ о феодальныхъ правахъ и бывшихъ общинныхъ земляхъ онъ ставитъ, какъ третій великій вопросъ, — о максимумѣ цѣнъ

на предметы первой необходимости; онъ такъ и говоритъ: «три великихъ вопроса ставились передъ Франціей» (стр. 463), или еще: «вотъ какія три великихъ вопроса волновали Францію и дѣлили ее на два враждебныхъ лагеря» (стр. 464). Понятно, однако, что не ради установленія максимума рабочій людъ городовъ принялъ такое участіе въ революціи.

Дѣло въ томъ, впрочемъ, что аграрно-крестьянская сторона революціи гораздо лучше изучена, чѣмъ индустріально-рабочая. Каковы бы, при томъ, ни были цѣли, какія ставило себѣ народное движеніе соціальнаго характера въ деревняхъ и въ городахъ, оно встрѣтило противодѣйствіе со стороны среднихъ классовъ, частныя причины и отдѣльныя проявленія котораго тоже разсматриваются Кропоткинымъ въ его книгѣ.

На этомъ, я думаю, останавливаться долго не стоитъ, такъ-какъ въ данномъ отношеніи новый историкъ французской революціи повторяетъ лишь то, что говорилось раньше другими демократическими или соціалистическими историками революціи, а, кромѣ того, многое изъ того, что въ книгѣ говорится о буржуазіи, будетъ еще разсмотрѣно въ другой связи. Здѣсь только отмѣтимъ, что вся книга — нѣчто вродѣ обвинительнаго акта противъ буржуазіи. Иниціатива революціоннаго духа шла отъ буржуазіи, въ особенности отъ мелкой буржуазіи, но до 1789 г. она была очень труслива (стр. 39) и сдѣлалась смѣлой лишь послѣ того, какъ возсталъ народъ, ею же самою приведенный въ движеніе. Однако, народу она не довѣряетъ, боится его и, желая одна господствовать, а также дрожа за свою собственность, противодѣйствуетъ народнымъ движеніямъ, обнаруживаетъ готовность идти на сдѣлки съ представителями стараго порядка, интригуетъ, организуется и вооружается для борьбы съ народомъ, предпочитаетъ даже иностранное нашествіе господству демократіи и сама его вызываетъ *), стремится исключительно къ матеріальнымъ выгодамъ отъ распродажи, наприм., національныхъ имуществъ и т. п. Не станемъ разбирать, что въ изображеніи этой «системы измѣны» вѣрнаго, что основано на недоразумѣніи, въ чемъ есть преувеличенія и отголоски партійныхъ обвиненій 1789—1793 гг.: это ничего не прибавило бы къ общеизвѣстному факту, что французская буржуазія была, дѣйствительно, напугана народными выступленіями и въ концѣ концовъ ударилась въ реакцію, въ которой, однако,—не нужно этого забывать,—приняла участіе и крестьянская масса, какъ только были удовлетворены ея аграрныя стремленія.

Н. Карѣевъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

---

*) „Non, plutôt le roi-traître, plutôt l'invasion étrangère que le succès de la révolution populaire", стр. 301.—„Les classes opulentes étaient prêtes à soutenir les envahisseurs étrangers", стр. 575 и др.

КРАСНЫЙ УГОЛЕКЪ.

(Изъ наблюденій художника).

VI.

Прошли слишкомъ сутки.

. . . .

Вечеромъ въ такъ называемое „кровавое воскресенье", 9-го января 1905 года, я сидѣлъ у себя передъ застывшимъ стаканомъ чаю, погруженный въ мрачныя думы. Вообще говоря, я люблю находиться съ кодакомъ и моими карандашами въ самомъ центрѣ событій, но на этотъ разъ впечатлѣній было такъ много—и все такого угнетающаго свойства, что, когда, часовъ около десяти, выросла предо мною фигура Кашинцева въ пальто и мѣховой шапкѣ, я не сразу осмыслилъ ея появленіе.

— Не у васъ?—повторялъ онъ, озираясь.

— Какъ она можетъ оказаться у меня?—отвѣтилъ я, уразумѣвъ по тону, о комъ идетъ рѣчь.

Кашинцевъ, не снимая польто, бросился въ кресло.

— Ея нѣтъ нигдѣ. Вотъ результаты.

— Значитъ, она участвовала въ процессіи?

Онъ съ сердцемъ засмѣялся.

— О чемъ тутъ спрашивать? Конечно! По совѣту друзей и добрыхъ знакомыхъ... Вѣдь здравый смыслъ долженъ былъ взять верхъ надъ самодурствомъ, не правда-ли? А теперь вотъ у нея на квартирѣ говорятъ: „Ушла съ утра. и больше ничего не знаемъ". Объѣхалъ всѣхъ ея знакомыхъ—то-же самое. Ни слуху, ни духу.

Въ его блѣдномъ отъ сдержаннаго бѣшенства лицѣ просвѣчивало что-то до-нельзя жалкое, унылое, обезоруживающее, да и моя собственная совѣсть была далеко не спокойна. Поэтому, какъ меня ни подмывало отвѣтить ему колкостью, я ограничился вопросомъ:

— Вы такъ и не видѣли со вчерашняго утра Вѣру Павловну?

— Сегодня была у меня, — пробормоталъ онъ сквозь зубы.

— Ахъ, сегодня... Когда?

— А вотъ въ самый разгаръ побоища. Прибѣгала на минуту.

— Ну... и что-же?

— Странный вопросъ! Что я могъ сдѣлать? Наконецъ, ей извѣстенъ мой образъ мыслей... Вчера я, кажется, достаточно ясно выразился. Стало быть... чего еще?

Онъ говорилъ крайне неохотно, съ трудомъ,—точно давился своими словами.

— Вы, вѣроятно, по обыкновенію, разсорились?—спросилъ я послѣ нѣкоторой паузы.

Кашинцевъ всталъ, разстегнулъ пальто и опять сѣлъ.

— Понятно... Какъ можетъ быть иначе? Чуть не съ перваго слова...

— Въ такія минуты?.. Не понимаю...

Онъ чуть-чуть усмѣхнулся.

— Удивительно вы съ нею схожи: даже одни и тѣ-же выраженія. Она вотъ такъ-же давича: „Какъ! Въ такія минуты?!." Только поводъ другой былъ. Зачѣмъ у меня, изволите видѣть, гости! Гости... въ такія минуты!.. Съ этого все и началось... А спросить, какіе гости? Ахъ, Боже мой, Боже мой!.. Да наша департаментская публика. Зябловскій, Мокринъ, Звягинцевъ... впрочемъ, вы все равно ни одного не знаете. Человѣкъ шесть, должно быть. Фланировали съ утра по Невскому ...устали... ну и зашли на перепутье, на робберъ... такъ сказать, въ ожиданіи событій. Что тутъ особеннаго? Не гнать-же ихъ вонъ?—Кашинцевъ развелъ руками.—При томъ и общее мнѣніе было такое, что авось все обойдется благополучно... безъ кровопусканія... Выпили по единой и засѣли. И вдругъ это проклятое: ту-ру-ру!.. ту-ру-ру! какъ разъ подъ-ухомъ, на Невскомъ... Да, сначала мы еще не поняли. Зябловскій говоритъ: „А вѣдь это, господа, чуть-ли не сигналъ играютъ на рожкѣ?" И вдругъ въ ту-же минуту... не успѣлъ онъ еще кончить: б...бацъ!.. Мгновенье спустя: а-а-ай! Понимаете, самое дикое... отчаянное. Потомъ снова: ту-ру-ру!.. б...бацъ!.. а-а-ай! Ту-ру-ру!.. б...бацъ, а-ай! Дѣло ясное: бьютъ залпами въ толпу. У насъ и карты изъ рукъ посыпались... Звягинцевъ позеленѣлъ, на диванъ свалился. Съ Мокринымъ—истерика. Другіе—кто что: кто шторы спускаетъ, кто аккорды беретъ на роялѣ, чтобы ничего не слышать съ улицы. У меня—сердцебіеніе, какъ обыкновенно. Выскочилъ—ужъ не знаю, черезъ сколько времени—въ кухню перемѣнить компрессы... да прямо на Вѣрочку...

Кашинцевъ нервно взмахнулъ руками.

— Въ лицѣ—ни кровинки... Я такъ и думалъ: ранена. А она, оказывается, за меня перепугалась: отчего шторы спущены? Можетъ быть, на столѣ лежу? Словомъ, все шло отлично... Да потомъ изъ-за гостей вотъ...

— „Людей, какъ собакъ бьютъ на улицѣ, а они въ карты играютъ, бражничаютъ!“

Попробовалъ было втолковать ей: „Что ты, матушка! какое бражничанье; погляди на насъ: одинъ безъ памяти лежитъ, другой—блеетъ, какъ овца,—у меня—компрессъ на сердцѣ!“—только масла въ огонь подлилъ.

— «Ай-да молодцы! И я такого любила! Какъ изъ насъ кровь пить, вы это умѣете? А какъ заступиться за насъ—тутъ... и шторы спустили».

Понимаете, съ ея точки зрѣнія—иди подъ разстрѣлъ... и баста!—Съ голыми руками?—«Ну такъ что-жъ? Всѣхъ не перебьютъ, всѣхъ не перестрѣляютъ»! То-есть, чортъ знаетъ что... А... да вы поглядѣли-бы на ея глаза! Вѣдь съ нея картину-бы писать. Прямо полководецъ... послѣ проиграннаго сраженія...

— Ну, хорошо, чѣмъ же у васъ кончилось?

— Понятно, подъ конецъ и я взбѣсился. Попрекнулъ вчерашнимъ... Во-отъ! Этого не слѣдовало дѣлать. Если, молъ, я такая дрянь,—на кой чортъ было ко мнѣ идти? Вѣдь я вчера предсказывалъ, предупреждалъ? Не вѣрила? Къ Филарету Романычу ушла? Ты ему больше вѣришь? А какъ плохо стало — опять ко мнѣ-же? Она—сейчасъ въ двери... На лѣстницу... Хотѣлъ, было, удержать: куда тебѣ!—«Не троньте! Вы мнѣ противны»! Какъ вскрикнетъ!.. Понимаете, во весь голосъ!.. Ну, я и отступился. Противенъ?—иди. Главное—у меня тѣ-то подлецы сидятъ: можетъ быть, очнулись, слушаютъ...

— Такъ и ушла?

— Такъ и ушла.—„Я своихъ не брошу!“ Да что-то еще закричала съ лѣстницѣ,—не то: забудь!..—не то: не забудь!—не разобралъ я. Ахъ, Боже мой! Вотъ ужасъ-то!

Кашинцевъ всталъ и заходилъ по комнатѣ.

— Не понимаю, чего-жъ вамъ охать?—произнесъ я черезъ минуту.—Вѣдь вы правы? Совѣсть васъ не упрекаетъ? Значитъ, нѣтъ причинъ... къ сокрушеніямъ...

— Ну-да, да; извѣстно—куда вы гнете. Отчего было не пойти съ ней... бунтовать на улицу?—отвѣтилъ онъ раздраженно.—Вѣдь такъ?.. Конечно? Но скажите ради Бога, какой былъ-бы смыслъ... въ моемъ выступленіи? Увеличить собою цифру разстрѣлянныхъ?

— Могъ быть еще тотъ смыслъ, что вы теперь, по крайней мѣрѣ, знали-бы, гдѣ она...

Кашинцевъ бросилъ растерянно-свирѣпый взглядъ въ моемъ направленіи и ушелъ въ темный уголъ комнаты, гдѣ я не могъ его видѣть.

Прошло нѣсколько минутъ. Мы оба молчали.

— Ну хорошо... Допустимъ... что я виноватъ. Все равно, разсуждать объ этомъ теперь поздно,—началъ онъ, вновь выходя на свѣтъ и садясь противъ меня въ кресло.—Нужно подумать, какъ найти ее. Я просто теряю голову.

— Гдѣ-жъ вы теперь ее найдете?—сказалъ я безнадежно.

Снова протянулась долгая тоскливая минута.

— Да не мучьте меня!.. Посовѣтуйте хоть что-нибудь! вдругъ вскрикнулъ онъ, еще болѣе блѣднѣя.—Неужели... вы не видите...

— Ей-Богу, не знаю, что. Впрочемъ, еще не поздно,—прибавилъ я въ видѣ утѣшенія.—Мало ли какія могли произойти случайности. Представьте, что она увлечена толпой на заводы? А то просто отбилась отъ дому? Черезъ мосты, вы знаете, не пускаютъ. Я самъ, чтобы попасть сюда, далъ крюку версты три.

Кашинцевъ нервно мялъ шапку въ рукахъ.

— Да, все это возможно, конечно. Отбиться нетрудно. Но, можетъ быть, и такъ, что она сейчасъ лежитъ гдѣ-нибудь... запорошенная снѣжкомъ... подъ заборомъ... и истекаетъ кровью? Очнется, осмотрится: пусто? нѣтъ никого?—и опять приткнется къ забору.—Онъ съ ужасомъ передернулъ плечами...—И, знаете, это... это всего возможнѣе. Вѣдь она на смерть пошла... Я только потомъ сообразилъ. Вотъ, что меня мучитъ!—вскрикнулъ онъ, срываясь съ мѣста.—Она, можетъ быть, затѣмъ и приходила, чтобы я спасъ ее... отъ самой себя. За словомъ участія... ободренія... надежды... А я... А я преспокойно выпустилъ ее одну... подъ пули! Нѣтъ, ужъ если я былъ такимъ... безсердечнымъ подлецомъ, то на мнѣ лежитъ долгъ и отыскать ее—живую или мертвую... гдѣ бы-то ни было!

Онъ ударилъ по столу кулакомъ и началъ торопливо, привычнымъ жестомъ застегиваться. Но пальцы у него судорожно дрожали, и застежки не попадали на пуговицы...

— Постойте, гдѣ же вы намѣреваетесь искать ее?—спросилъ я въ раздумьи.—Опять поѣдете на квартиру, къ знакомымъ?

— Нѣтъ, это безполезно. Я почти убѣжденъ, что съ нею случилось несчастіе. Да, я почти убѣжденъ въ этомъ!—повторилъ онъ съ отчаяніемъ.—На дорогѣ сюда у меня мель-

кала мысль объѣхать мѣста, гдѣ происходили столкновенія: можетъ быть, не подберу ли? Но вѣдь городъ великъ... Стрѣляли въ разныхъ мѣстахъ... И при томъ... смотрите— какая темень,—прибавилъ онъ съ тоской, заглянувъ въ окошко.—Фонари—гдѣ потушены, гдѣ разбиты, гдѣ выворочены съ корнемъ. Можно пройти мимо пять разъ и не замѣтить...

— Позвольте, тогда я вотъ что сдѣлаю,—заговорилъ онъ вновь, нѣсколько оживляясь.—Брошусь по больницамъ, по пріемнымъ покоямъ. Все-таки ее привезутъ куда-нибудь. Какъ вы думаете: вѣдь привезутъ же? Ну, хотя бы для того... чтобы констатировать смерть? У меня кстати есть знакомые врачи: сообщу примѣты, и чрезъ нихъ не узнаю ли чего-нибудь. Ну, а если и такимъ путемъ ничего не выяснится,—тогда хоть подъ утро на заводы. Все равно я не могу сидѣть такъ... я съума сойду. Если не сошелъ уже... Черепъ прямо готовъ лопнуть...

Онъ надѣлъ шапку и, видимо, позабывъ со мною проститься, направился къ дверямъ.

— Подождите минутку!—крикнулъ я вслѣдъ.—Поѣдемъ вмѣстѣ.

Кашинцевъ вернулся и крѣпко пожалъ мнѣ руку.

— Вмѣстѣ?—вотъ это по дружески. Никогда не забуду. Поѣдемъ и будемъ искать ее... пока не свалимся. А?.. хорошо?

Что-то страшно-человѣческое, милое, самоотверженное выступило вмѣстѣ со слезами въ его глазахъ.

— Хорошо,—отвѣтилъ я, улыбаясь.

— Ну, слава Богу! Тогда отыщемъ! Дорогой мой, вы не думайте... и у меня есть совѣсть... Только бы найти ее живою! Красавица-то вѣдь какая!.. И какая душа! О! если бы свершилось это чудо! Клянусь Богомъ, не было и нѣтъ у меня болѣе искренняго желанія, какъ сдѣлать ее... счастливою!

Черезъ нѣсколько минутъ мы вышли на улицу. Она была пустынна. По направленію къ Невѣ тьма стояла мѣстами кромѣшная. Съ трудомъ можно было различить группы людей, жавшихся подъ воротами. Временами неожиданно выростали въ глазахь бѣгущія фигуры прохожихъ. Только мальчишки, очевидно, чувствовавшіе себя, какъ рыба въ водѣ, носились по срединѣ улицы. Откуда-то издали, изъ первыхъ линій Острова, долеталъ съ попутнымъ вѣтромъ глухой ревъ голосовъ: тамъ, по словамъ тѣхъ же мальчишекъ, изъ фонарныхъ столбовъ и всяческой рухляди строили баррикады. На углу какого-то переулка насъ обогнала сотня

казаковъ и тутъ же съ ругательствами шарахнулась въ сторону: переулокъ былъ прегражденъ колючей проволокой. Въ другомъ переулкѣ шла ожесточенная драка—и страшно истерзанный субъектъ, бомбой вырвавшись изъ-за угла, въ смертельномъ ужасѣ присѣлъ за Кашинцева.—А! скотина! за шубу спрятался!—проворчалъ гнавшійся за нимъ высокій молодой парень, повидимому, рабочій, и повернулъ обратно. Осталась еще въ памяти растерянная фигура городового, у котораго со страху, должно быть, троилось въ глазахъ, потому что онъ долго кричалъ намъ съ середины улицы:

— Эй, вы! Не сбирайся кучкамъ! Чего опять надумывае-тя? Чего опять замышляе-тя?

Добравшись до подъѣзда какой-то гостиницы, гдѣ стояло нѣсколько извозчиковъ, мы рѣшили, что самое лучшее для насъ будетъ раздѣлиться, при чемъ я взялъ на себя больницы центральныя, а Кашинцевъ—зарѣчныя.

Не стану описывать моихъ поисковъ: они были неудачны. Но, вернувшись домой чуть живымъ подъ утро, я имѣлъ утѣшеніе найти у себя записку, только что принесенную отъ Кашинцева.

„Посчастливилось напасть на слѣдъ: въ городской больницѣ. Въ палату допущенъ не былъ, но видѣлъ доктора. Ранена въ двухъ мѣстахъ: въ грудь и руку, повидимому, не опасно. Теперь только бы дотянуть до часу дня: къ этому времени пріѣдетъ къ вамъ—и, если можно, за вами—

вашъ оживающій Кашинцевъ“.

VI.

И, дѣйствительно, когда онъ пріѣхалъ на другой день къ назначенному сроку, замѣтно осунувшійся и поблѣднѣвшій, но умиленно и торжественно настроенный, мое впечатлѣніе именно было такое, что онъ какъ-бы поправляется послѣ тяжелой болѣзни. Пожимая мнѣ руку, онъ только и могъ выговорить:

— Счастье-то какое? а?.. Счастье-то!..

Тѣмъ не менѣе, закончивъ облаченіе въ приличные случаю доспѣхи, я счелъ нужнымъ серьезно сказать ему:

— Я ѣду съ вами, Павелъ Николаевичъ, но только въ надеждѣ, что, по крайней мѣрѣ, на этотъ разъ...

Онъ на лету поймалъ мою мысль и не далъ кончить.

— Оставьте, ради Бога... Я столько перестрадалъ за ночь, передумалъ, перечувствовалъ,—что „на этотъ разъ“ вы будете мною довольны!

Я посмотрѣлъ еще разъ на его рѣшительное, по праздничному торжественное лицо и впалъ въ противоположное сомнѣніе.

— Но... тогда не рискую ли я оказаться... лишнимъ?

— Ничуть. У каждаго изъ насъ самостоятельная роль: у меня жениха, а у васъ—свата...

Чуть замѣтная обычная кашинцевская улыбка появилась на его губахъ, но въ ту же минуту, вѣроятно, изъ опасенія, какъ бы я грѣхомъ не обидѣлся, онъ схватилъ меня за руку.

— Нѣтъ, нѣтъ, голубчикъ, ваше присутствіе безусловно необходимо... послѣ вчерашняго... Вѣдь Богъ знаетъ—въ какомъ она настроеніи? Ну... короче сказать: съ вами-то, авось, не прогонитъ...

Послѣ такого искренняго сознанія, мнѣ оставалось взять шапку,—а еще приблизительно чрезъ полчаса мы уже подъѣзжали къ старой зарѣчной больницѣ, окруженной, какъ курица цыплятами,—многочисленными деревянными и каменными флигелями.

Здѣсь была такая же картина смятенія, какую мнѣ довелось наблюдать въ центральныхъ больницахъ ночью. Тѣ же безпорядочныя вереницы людей, суетившихся между флигелями въ поискахъ родныхъ и знакомыхъ, тѣ же испуганныя, недоумѣвающія или озлобленныя лица. Привратникъ, отовсюду засыпаемый вопросами, махалъ на обѣ стороны руками:

— Въ пріемъ идите, въ пріемъ! Тамъ скажутъ. А я ничего не знаю. Убѣдительно вамъ говорю.

— Да и въ пріемѣ ничего не знаютъ: куда еще мнѣ пойти?—перекрикивалъ его высокій блѣдный мастеровой, когда мы проходили мимо.

— А ты въ покойницкой понавѣдайся,—съ сдержанной злостью посовѣтовали ему изъ кучки молодыхъ людей, стоявшихъ на дорогѣ.—Мы на своего живо попали.

— Либо на кладбищѣ копни,—прибавилъ весь забинтованный, похожій на чернобородую мумію рабочій.—Преображенское, чай, знаешь? Тамъ, братъ, нонѣ развалъ, ярмарка. Скорѣй докопаешься.

Молоденькая рыжеволосая фельдшерица, бѣжавшая изъ аптеки со стклянками, провела насъ „по пути" въ хирургическое отдѣленіе, которое помѣщалось въ трехэтажномъ зданіи, рядомъ съ главнымъ. Здѣсь результаты столкновенія слабыхъ съ сильными, безоружныхъ съ вооруженными сказывались особенно ярко. Пріемная и коридоръ были набиты биткомъ; стоны, жалобы, вопли наполняли воздухъ. Они замѣтно сгущались у кабинета врачей и еще болѣе по мѣрѣ

приближенія къ мужскому отдѣленію Отсюда, изъ раскрытыхъ дверей на лѣстницу, вырывалось уже такая оглушительно-болѣзненная звуковая волна, что невольно хотѣлось закрыть уши. Особенно выдѣлялся пронзительный старческій голосъ, судорожно выкрикивавшій почти безъ передышки одну и ту же фразу:

— О-о-о!.. либо помощи дайте... о-о-о!.. либо смерти предайте!.. о-о-о!..

Въ верхнемъ этажѣ, у женщинъ было много спокойнѣе, хотя населеніе и у нихъ значительно поприбавилось. Тутъ, на первыхъ шагахъ, мы получили новыя извѣстія о Вѣрочкѣ. Высокій рыжеватый докторъ, знакомый Кашинцева и, кстати сказать, одинъ изъ лучшихъ петербургскихъ хирурговъ, съ цѣлой свитой курсистокъ, одѣтыхъ, какъ и онъ, въ бѣлые халаты, попался намъ навстрѣчу.

— А! здравствуйте, здравствуйте!—заговорилъ онъ торопливо съ легкимъ нѣмецкимъ акцентомъ, останавливая на Кашинцевѣ утомленные голубые глаза, повидимому, очень мало смыкавшіеся за ночь. Ваша больная—вонъ тамъ... въ томъ концѣ... въ запасной палатѣ. Ну-съ (докторъ выговаривалъ: „Ню-съ") непосредственной опасности я не вижу, но... возможны осложненія. И прежде всего, по причинѣ ея собственной возбужденности. Это,—пояснилъ онъ курсисткамъ,—первая отъ входа... съ рукой и грудью. Еще которая воюетъ,—прибавилъ онъ съ улыбкой.—Дѣло въ томъ,—докторъ опять обернулся къ Кашинцеву,—что она не считаетъ нужнымъ исполнять наши предписанія, а это... напрасно. Сначала нужно вылѣчиться, а потомъ ужъ воевать.—Въ перевязочную!—махнулъ онъ прислугѣ, остановившейся съ носилками въ ожиданіи и, поспѣшно протянувъ Кашинцеву мускулистую, за локоть засученную руку, побѣжалъ съ курсистками внизъ по лѣстницѣ.

— Слышите? Она и здѣсь воюетъ?—вздыхалъ Кашинцевъ, пробираясь сзади меня по коридору, уставленному по обѣ стороны кроватями.

Тогда былъ часъ пріема посѣтителей—и запасная палата гудѣла, какъ пчелиный улей. Я ожидалъ, что найду Вѣрочку въ кровати, раздраженной, нравственно убитой, и потому былъ удивленъ, когда ея высокая фигура въ пестромъ больничномъ капотѣ легко отдѣлилась отъ группы сидѣвшихъ у кровати, по всѣмъ признакамъ, заводскихъ бабъ и, какъ всегда, стремительно направилась къ намъ навстрѣчу. Съ тревогой художника я оглядѣлъ ея милое личико, но, слава Богу, оно было цѣло, и только темноголубые глаза замѣтно впали и воспаленно искрились, да на щекахъ игралъ пят-

АРЗАРЕТЪ.

Разсказъ *Пера Холльстрема.*

(Переводъ со шведскаго Елены Благовѣщенской).

На вершинѣ горы еще лежалъ снѣгъ, выдѣляясь сѣровато-грязными пятнами; ниже чернѣлъ каштановый лѣсъ съ голыми еще деревьями, а внизу, въ долинѣ, раскинулся городъ.

До берега моря было не болѣе полудня ходьбы, но здѣсь трудно было себѣ представить, что весна не за горами, и происходило это оттого, что солнечные лучи заглядывали сюда поздно и лишь ненадолго, и земля была лѣнивѣе и скупѣе, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. А потому одни только разорванныя, быстро проносящіяся облачка указывали на то, что зима миновала.

Городу было тѣсно въ глубокой котловинѣ, и онъ могъ любоваться только на самого себя. Такъ это и было. Грязные дома бестолково ютились на неровныхъ холмахъ и лѣпились по мокрымъ скатамъ горъ; они, какъ будто, подпирали другъ другу бока локтями, вытягивались во всю длину узкихъ, мрачныхъ фасадовъ и съ суровой гордостью смотрѣли на своихъ сосѣдей, на вытекающую изъ горнаго ущелья рѣку, на противоположный берегъ, откуда на нихъ вызывающе глядѣла кучка такихъ же домовъ. Надъ городомъ возвышался замокъ съ ржаво-коричневой деревянной кровлей; стѣны съ выбитыми зубцами напоминали беззубый ротъ стараго великана. А въ самой глубинѣ котловины, на днѣ ея, ютился еврейскій кварталъ.

Тамъ, гдѣ рѣка дѣлала изгибъ подъ нависшими скалами, тамъ, куда стекала грязь со всѣхъ склоновъ, гдѣ стоялъ смрадъ, гдѣ замиралъ каждый звукъ, гдѣ полумракъ давилъ и тѣснилъ грудь,—тамъ виднѣлась кучка домовъ съ черными мокрыми крышами, съ пестрыми вылинявшими тряпками на окнахъ, похожими на запущенныя раны, тамъ

лежалъ этотъ городъ, предметъ насмѣшекъ и издѣвательствъ для каждаго, какъ бы низко онъ самъ ни упалъ.

Лѣтомъ вода принимала тамъ нездоровый, гнилой видъ, покрывалась желтоватыми пузырями и жирными пятнами; теченіемъ прибивало къ берегу трупы животныхъ съ вздувшимся тѣломъ, и они плыли по теченію, скаля свои обнаженныя десны. Во время разлива рѣка выходила изъ береговъ; съ ревомъ несся потокъ, звеня цѣпями якорей; онъ врывался въ подвалы, выгонялъ изъ жилищъ испуганныхъ людей и животныхъ, лизалъ пороги и двери. Даже первый ранній снѣгъ—и тотъ казался такимъ жалкимъ и грязнымъ

Всюду кишѣли люди, вездѣ было тѣсно и душно; вся эта часть города была какъ бы прикована къ позорному столбу и стояла, безсильная, со связанными руками, устремивъ въ пространство истомленный, мрачный взоръ.

Блѣдные мужчины въ черныхъ одеждахъ, блѣдныя женщины въ черныхъ покрывалахъ медленно двигались по улицамъ этого города; у каждаго изъ нихъ на плечѣ была вышита желтая геральдическая лилія, напоминавшая собой клеймо преступниковъ, чтобы даже по одеждѣ можно было узнать ихъ національность. Мало того: чтобы еще увеличить позоръ, чтобы дать больше повода къ презрѣнію и насмѣшкамъ, этому знаку придали форму копыта.

Даже въ своихъ жилищахъ, и тамъ они всегда носили на себѣ это напоминаніе, а на горѣ, въ христіанской части города, они должны были обнажать голову передъ каждымъ встрѣчнымъ и низко склоняться подъ каждымъ взглядомъ который съ холоднымъ презрѣніемъ скользилъ по нимъ. На Пасху они должны были сидѣть у себя дома; въ продолженіе всей святой недѣли они не смѣли выходить за предѣлы своего квартала и должны были терпѣливо слушать безпрерывный колокольный звонъ. Но одинъ изъ нихъ долженъ былъ по очереди присутствовать ночью въ христіанской церкви на богослуженіи; онъ выставлялся на позоръ и на всеобщее поруганіе въ то время, какъ возносились гимны воскресенія. За преступленіе предковъ его ударяли по лицу, и онъ шелъ домой къ своимъ дѣтямъ и братьямъ съ этимъ позорнымъ пятномъ на щекѣ, которое должно было служить имъ всѣмъ напоминаніемъ и предостереженіемъ.

Приближалась Пасха, ранняя Пасха, а воздухъ былъ такой тяжелый, мглистый, что въ немъ даже не чувствовалось приближенія весны; рѣка вздулась и съ ревомъ неслась, выступивъ изъ береговъ, словно она собиралась унести съ собой эти жалкія жилища и весь кусочекъ земли, который былъ единственнымъ достояніемъ этихъ несчастныхъ.

Тамъ они, по крайней мѣрѣ, могли жить, могли хранить

нистый нездоровый румянецъ. Отчасти поэтому, отчасти по короткому удивленно-презрительному взгляду, который она бросила на Кашинцева, подавая ему лѣвую забинтованную руку, можно было заключить, что „красный уголекъ“ находится въ высокой степени каленія, и что Кашинцеву, при всей его повадкѣ кающагося грѣшника, безъ меня пришлось бы плохо... Подведя насъ къ дальнему окну, возлѣ котораго никого не было, она тотчасъ повернулась ко мнѣ, не обращая никакого вниманія на Кашинцева.

Помнится, нѣкоторое время мы только обмѣнивались восклицаніями

— Вотъ что вышло!

— Не говорите!

— И вы сподобились?

— Двѣ обновки. Но это пустяки. Сколько народа—какъ косой скосило!

— Ничего! Вчерашніе залпы отдадутся эхомъ по всей странѣ. Они вызовутъ такую отвѣтную волну...

— Это—торжество побѣжденныхъ!—вставилъ, въ свою очередь, Кашинцевъ.

Насмѣшливая улыбка тронула губы Вѣрочки.

— Торжество... барановъ? Не очень лестно для страны...

— Вѣрочка, знаешь поговорку: кто старое вспомнитъ...—съ неловкимъ смѣхомъ пробормоталъ Кашинцевъ.

Она повела плечами и опять отвернулась ко мнѣ. Начала разсказывать о тѣхъ ужасахъ, которые произошли на ея глазахъ. Назвала нѣсколько „павшихъ“, въ томъ числѣ—„братишку“.

— Убитъ?!—снова вмѣшался Кашинцевъ съ естественнымъ или притворнымъ испугомъ.

Она вдругъ замолчала, потупилась и, наконецъ, выговарила не безъ усилія:

— Вы лучше про себя не пораскажете ли? Слава Богу, цѣлы? Компрессъ то сняли?

— Обо мнѣ рѣчь впереди... а теперь ты отвѣть мнѣ про братишку,—глухо произнесъ Кашинцевъ.

— Извольте. Покуда живъ.

— Гдѣ-жъ онъ?

— Какъ и я, въ больницѣ.

— Здѣсь?

— Нѣтъ, у себя, въ заводской.

„Ну-съ, что вы еще спросите?“—говорила она глазами.

— И... очень... опасенъ?—запинаясь, спросилъ Кашинцевъ.

— Да, очень. Пять ранъ сквозныхъ. Бабы говорятъ: едва ли выживетъ

— Вздоръ!—перебилъ онъ съ внезапной горячностью, замахавъ руками.—Сразу не померъ—выживетъ!

— Почему вы такъ думаете?

— Пулевыя ранки нынче... нипочемъ... Помнишь Михайлова? Послѣ Лаояна былъ, кажется, весь какъ рѣшето, а теперь—на дняхъ я его встрѣтилъ—погуливаетъ съ палочкой по Невскому.

— Удивляюсь, чего же вы вчера такъ трусили?—проговорила она, внезапно расхохотавшись.

Кашинцевъ развелъ руками, хотѣлъ что-то возразить, но она, торопливо прошептавъ мнѣ съ гримасой: „Извините... я не могу... я на минуту“,—отошла къ бабамъ, которыя, кстати, уже начали видимо скучать въ ея отсутствіи.

— Вы видите, она прямо говорить со мной не хочетъ,—растерянно пробормоталъ Кашинцевъ, отворачиваясь къ окну и барабаня пальцами по подоконнику.

Но тутъ неожиданное обстоятельство пришло ему на помощь. Какъ разъ въ эту минуту въ палатѣ появился священникъ.

Это былъ ветхій сгорбленный старичокъ, вѣроятно, заштатный, котораго позвали напутствовать раненую, лежавшую въ другомъ концѣ, подъ иконой. Шумокъ отъ говора и смѣха, носившійся надъ палатой, началъ стихать; повѣяло чѣмъ-то грустнымъ и безнадежнымъ. Особенно,—когда священникъ заговорилъ тономъ старческаго философическаго состраданія:

— Ну, что-о: помираешь?

— Помираю, батюшка,—чуть слышно отвѣтила раненая.

— А всѣмъ-ли простила согрѣшенія ихъ—вольная и невольная?

— Всѣмъ, батюшка.

— И тѣмъ, которые убили тебя?

Женщина молчала. Священникъ подождалъ нѣсколько мгновеній отвѣта и прибавилъ строго:

— Прости и имъ, ибо... сами не вѣдали, что творили...

Вздыхая, онъ зажегъ на столикѣ восковую свѣчку, разостлалъ „воздухъ“, на который поставилъ дарохранительницу, надѣлъ эпитрахиль.

— Хочется причаститься-то?.. Хочется?—началъ онъ вновь, наклоняясь надъ раненой.—Знаю я!.. вѣрю!.. Душа болитъ!.. Больше, чѣмъ тѣло... Жгутъ душу дѣла наши. Давно-ли не была у исповѣди и святого причастія?

— Года три, батюшка,—отвѣтила она черезъ силу.

— Некогда было придти ко Христу; вотъ онъ самъ при-

шелъ къ тебѣ... и теперь здѣсь невидимо стоитъ, пріемля, чадо, исповѣданіе твое.—Отойдите!—сказалъ священникъ окружающимъ.—А ты повторяй за мной... какъ зовутъ-то?—Марія?—повторяй за мной, если можешь, святыя слова, которыми каялись праведники.

Началось чтеніе молитвъ передъ исповѣдью.

— Постой, ты, кажется, очень слаба?—вдругъ перебилъ себя священникъ.—Все слышишь? И понимаешь? Не все... Ну, тогда скажи мнѣ на-ухо, о чемъ больше всего скорбитъ твоя душенька.

Въ палатѣ началось легкое шумарканье. Заводскія бабы, знавшія раненую, утирали глаза и крестились. Вѣрочка подошла къ намъ, блѣдная, взволнованная. Кашинцевъ что-то тихо сказалъ ей разъ, два, она отвѣтила...

И вотъ, спустя нѣкоторое время, мнѣ стало казаться, что въ противоположныхъ концахъ палаты идутъ одновременно двѣ исповѣди. Въ одномъ—умирающая шепотомъ говорила о чемъ-то священнику, въ другомъ—тоже шепотомъ каялся въ своихъ прегрѣшеніяхъ Кашинцевъ. Внезапно прорвавшись цѣлымъ потокомъ словъ, онъ разсказывалъ Вѣрочкѣ о своей вчерашней тоскѣ послѣ того, какъ она ушла на улицу, о рисовавшихся ему страшныхъ картинахъ, о судорожныхъ ночныхъ исканіяхъ...

— Я не думалъ, что я найду тебя!

Вѣрочка хмурилась, недовѣрчиво покачивала головою, на глазахъ у нея навертывались слезы, но время отъ времени все ея личико невольно улыбалась. И когда Кашинцевъ, нащупавъ на ея рукѣ свѣжіе порѣзы и царапины, неожиданно припалъ къ нимъ губами, она нѣсколько мгновеній смотрѣла на склоненную передъ ней бѣлокурую голову, какъ-бы не понимая, что онъ дѣлаетъ, но затѣмъ испуганно отняла руку и оглядѣлась. Однако я стоялъ въ сторонѣ и ничѣмъ не подавалъ повода предполагать, что я что-нибудь слышу или вижу; заводскія бабы были также поглощены происходившимъ въ другомъ концѣ палаты.

— Глотай!.. глотай!—доносился оттуда суровый, почти испуганный голосъ священника.—Проглотила?—ну, и слава богу. Не плачь; о чемъ плакать-то? Ты молода еще: вѣрно, дѣвушка? И соблюла дѣвство? Такъ о чемъ же горевать тогда? Помрешь—домой пойдешь. Я вотъ каждый день молюсь: Господи, аль забылъ? Но не беретъ меня Господь. Цѣлуй крестъ животворящій... на дальній путь, въ онь-же пойдеши, душе...

Священникъ надѣлъ на себя дароносицу, завернулъ крест-

въ эпитрахиль и „воздухъ“, еще разъ благословилъ на прощанье „дочь духовную“ и поплелся дальше по „своему приходу“, который за послѣдніе сутки едва-ли не удвоился.

Вслѣдъ за нимъ ушло и торжественно-повышенное настроеніе изъ палаты. Всѣ какъ-то разомъ задвигались, заговорили заводскія гостьи Вѣрочки, отправились къ умирающей „поплакать“ и „попрощаться“. А для Кашинцева... увы!—начались новыя испытанія...

По моему, онъ самъ былъ виноватъ. Въ надеждѣ, что ему дано полное отпущеніе грѣховъ, онъ немного неосторожно затронулъ больные пункты, а именно попросилъ Вѣрочку разсказать, что именно и какъ съ нею случилось? А Вѣрочкой тотчасъ вновь овладѣло злое чувство.

— Если это доставитъ вамъ удовольствіе, я разскажу, извольте,—протянула она зловѣще тоненькимъ, пѣвучимъ голоскомъ, на подобіе пчелы, которая сбирается ужалить.

И начала расписывать! Въ одномъ мѣстѣ ее трясли, какъ собаченку, за шиворотъ. Въ другомъ плеточку новенькую и спробовали.—„Ничего,—славненькая плеточка... и дерутся тоже умѣючи“... Въ третьемъ—подъ коня подмяли... Кашинцевъ краснѣлъ и блѣднѣлъ, а она, вѣроятно, чтобы увеличить ему „удовольствіе“, еще больше пускалась въ подробности.

— Лежу я вверхъ лицомъ подъ лошадью: встать невозможно, а она у самой головы... хлопъ да хлопъ копытомъ. Я и глаза закрыла.

— Ну... и какъ-же ты?—съ болѣзненной гримасой пробормоталъ Кашинцевъ.

— Вотъ сынъ ея, говорятъ, выхватилъ.—Вѣрочка указала глазами на толстую, прилично одѣтую женщину, которая въ эту минуту возвращалась къ намъ съ того конца палаты.

— Ахъ, это... все тотъ-же Филаретъ Романычъ?—удивленно воскликнулъ Кашинцевъ.—Онъ-же доставилъ тебя и въ больницу?—прибавилъ онъ, помолчавъ.

— Развѣ это для васъ не безразлично? Вѣдь все-равно это были не вы!—произнесла она презрительно, дѣлая крутое движеніе къ толстой женщинѣ и имъ еще болѣе подчеркивая свою отчужденность отъ Кашинцева.

Мой другъ только вздохнулъ и развелъ руками. Но главное огорченіе ожидало его еще впереди—и не только его, а и меня,—когда изъ словъ Вѣрочки выяснилось, что она уѣзжаетъ сегодня-же вечеромъ на заводы. Повидимому, сама толстая женщина была поражена ея горячностью.

— Сможешь ли, сердешная?—покачала она съ сомнѣніемъ головою.

— Э! ничего!.. Какъ-нибудь!—отвѣчала Вѣрочка, махнувъ ручкой.—Мнѣ только платье получить. Въ шесть принесутъ—въ восемъ буду.

— Ну.... какъ знаешь. Тогда, смотри, прямо ко мнѣ. Я такъ и Филарешѣ скажу. И самоваръ къ тѣмъ порамъ сготовлю. Вечеркомъ, можетъ, къ Катѣ сбѣгаемъ. Какъ живая лежитъ, голубушка.

— Конечно, сбѣгаемъ! Непремѣнно!—съ восторгомъ воскликнула Вѣрочка.

Кашинцевъ толкнулъ меня подъ-руку.

— Слышите?

— Слышу, отвѣтилъ я такъ-же тихо.

— Но вѣдь это безуміе!

Я только пожалъ плечами. Тогда онъ подвинулся ко мнѣ и зашепталъ на ухо:

— Вотъ на что давича намекалъ докторъ. Это она къ свекрови своей будущей сбирается. Къ ней подъ крылышко ютится... Ну, да мы еще посмотримъ! Надѣюсь, на этотъ разъ вы меня поддержите?

Кашинцевъ такъ страшно хрустѣлъ пальцами, что я рѣшился сказать ему:

— Знаете что: вы-бы помолчали немного. Можетъ быть, мнѣ, какъ человѣку, искренно къ ней расположенному, удастся...

— Примѣнить ваши дипломатическіе таланты? Хорошо. Попробуйте.

Но развѣ онъ могъ утерпѣть? Какъ только гостья ушла, и мы съ Вѣрочкой не безъ удовольствія расположились у окна на освободившихся табуреткахъ, онъ началъ при первой-же паузѣ глухимъ, видимо, взбѣшеннымъ голосомъ:

— Скажи, пожалуйста: что мы сейчасъ слышали? Ты это, не шутя, сбираешься сегодня выписываться?

— Не шутя,—отвѣтила она небрежно. И тотчасъ обернулась со смѣхомъ ко мнѣ:—Я хотѣла еще ночью уѣхать, да меня чуть не заперли съ сумасшедшими...

— Что вы! Какимъ образомъ?

Но Вѣрочка еще разъ взглянула мелькомъ на мрачную физіономію Кашинцева и тотчасъ сама сердито нахмурилась.

— Вонъ тетка Наталья разскажетъ: она рѣчистѣе.

Сидѣлка, немолодая степенная баба, давно переминавшаяся съ ноги на ногу въ очевидномъ желаніи вступить въ разговоръ, тотчасъ подвинулась къ намъ поближе и запѣла не безъ ехидной пріятности:

— Ой, было у насъ, голубчикъ, грѣха съ ней—и Господи! Припала ко мнѣ середь ночи: подавай ей платье. Да вѣдь кричитъ какъ! Прочіимъ больнымъ спать мѣшаетъ! Дальше—больше: принуждена пожаловаться дежурному. Тотъ и пригрозилъ: „Въ такомъ разѣ надѣньте на нее смирительную рубашку да черезъ дворъ—въ психіатрическое!" Небойсь, какъ рукой сняло. Она вотъ и сейчасъ поступаетъ не по правилу,—продолжала сидѣлка, видимо входя въ свою роль. —Больная! Что сказалъ господинъ докторъ? Лежать? Это у насъ такое правило,—пояснила она Кашинцеву.—Ежели которая больная—лихорадящая, то она лежать должна...

— Какъ?... У нея лихорадка?—перебилъ я, точно обрадовавшись.—Сколько?

— Да 39 поутру было. Ей и порошки сонные прописаны, и впрыскиванье подкожное, а вонъ, смотрите на нее: и знать ничего не хочетъ. Истинный Господь, за десять лѣтъ первую такую бунтовщицу вижу! Недаромъ имъ вчера ребра посчитали!—возмущенно закончила сидѣлка, отходя на зовъ въ сторону.

Вѣрочка, молча, улыбалась. Кашинцевъ сзади хрустѣлъ пальцами Я началъ мягко, по-дружески уговаривать ее. Куда ѣхать въ такомъ состояніи? Съ лихорадкой шутки плохія. Мало ли что можетъ случиться! Вдругъ обморокъ по дорогѣ? Что тогда? Привезутъ обратно—и только.

Но Вѣрочка смотрѣла на меня исподлобья, какъ разсерженный ребенокъ, и упрямо стояла на своемъ.

— Привезутъ—такъ привезутъ. Вамъ-то какая печаль? Все равно я не могу не ѣхать. Я ужъ дала слово. Да и доктору прямо заявила...

— Не понимаю,—что у тебя за неотложныя дѣла на заводахъ?—внезапно вмѣшался Кашинцевъ тономъ человѣка, которому больше не въ силу выносить боль. Лицо у него замѣтно подергивалось.

Я испуганно тронулъ его за руку: „Павелъ Николаичъ, вы обѣщали мнѣ!"... Но въ ту же минуту и она поднялась съ насмѣшливымъ и раздраженнымъ видомъ:

— Это прелестно. Онъ никогда ничего не понимаетъ...

— Вотъ и сжалься надо мной: если не секретъ, просвѣти меня,—тотчасъ возразилъ Кашинцевъ.

— Секретъ, что на заводахъ, вѣроятно, нѣтъ дома, гдѣ бы не было покойника?!

— Ты ихъ воскресишь?

— Да не воскрешу я!.. Господи, какое мученье говорить съ этимъ человѣкомъ!—Вѣрочка начинала почти кричать и я долженъ былъ сдѣлать серьезное усиліе, чтобы усадить ее на мѣсто. „Вѣра Павловна, на насъ смотрятъ; успокой-

тесь Бога-ради!“ Она притихла, но тотчасъ обернулась ко мнѣ и, лихорадочно блестя сквозь слезы глазами, вновь заговорила вполголоса:—Что же мнѣ дѣлать, если онъ ничего не понимаетъ... Вы вѣдь слышали: братишка при-смерти, Катя, моя землячка, на столѣ лежитъ... Если-бъ вы знали, Николай Петровичъ, какая это была умненькая дѣвушка!.. Не въ меня, не балованная,—даромъ что круглая сироточка! Ну, кто теперь тамъ позаботится... о ней? Вотъ я и думала: перешью ей мое бѣлое платье—я только разъ въ немъ ходила къ причастью—да розочекъ не достану ли... гдѣ-нибудь... или ландышей... или хоть какихъ-нибудь бѣлыхъ цвѣточковъ... убрать изголовье... Вѣдь кругомъ бѣднота... самимъ не на что ку... купить гробъ... Ой, нѣтъ,—тамъ у меня пропасть дѣла!—вдругъ воскликнула она, вся вздрагивая отъ волненія.—Все же у меня хоть маленькія средства... Конечно, Павелъ Николаичъ будетъ смѣяться. По его мнѣнію, все это „глупость“, „курьезъ“... Но тогда я не понимаю, зачѣмъ онъ трудился и разыскивать меня?

Вѣрочка выхватила платокъ изъ кармана и отвернулась: я подумалъ, что съ ней сейчасъ сдѣлается истерика, и съ испугомъ поглядѣлъ на Кашинцева. Но Кашинцевъ и не думалъ смѣяться. Онъ что-то усиленно обдумывалъ, заглянулъ, между прочимъ, въ бумажникъ и, наконецъ, проговорилъ совершенно естественнымъ тономъ, какъ будто между ними ничего не случилось:

— Вѣрочка! а что если я вмѣсто тебя поѣду?

Она удивленно вэмахнула на него глазами.

— Вы? Это съ какой стати?

— Съ такой же, какъ и ты.

— Да что они вамъ за родня?

— Не такая близкая, какъ тебѣ,—отвѣтилъ онъ, улыбаясь,—но по тебѣ... со вчерашняго дня... родня и мнѣ. А, главное, я могу сдѣлать для нихъ неизмѣримо больше твоего, ты сама знаешь это...

— Знаю. И все таки я не могу понять, съ чего у тебя къ нимъ такая нѣжность припала? Нѣтъ, извините, мнѣ нужно самой. Я хочу видѣть братишку и... Филарета Романыча... не говоря уже о Катѣ...

По лицу Кашинцева прошла тѣнь.

— Видишь что: къ братишкѣ, если онъ дѣйствительно опасенъ, насъ—ни того, ни другого—не пустятъ — это вопервыхъ. А что касается Филарета Романыча, то тутъ... конечно... Я не могу замѣнить тебя... Разъ у васъ интимности...

— Что такое? Фуй!—перебила она, топнувъ ногой и вся багрово вспыхнувъ.—Если вы еще разъ... посмѣете...

Но Кашинцевъ уже вновь повеселѣлъ и усиленно замахалъ руками.

— Ради Бога... Прости, голубчикъ!.. Съ языка сорвалось!..

— У васъ это не впервые срывается. Какъ вы не можете понять, что мнѣ интересно...

— Да понимаю, понимаю, все понялъ теперь... Тебѣ нужны свѣдѣнія о томъ, что они думаютъ... и дѣлаютъ? Прекрасно, я ихъ привезу.

— Ого! Откуда вы ихъ возьмете? Кто васъ знаетъ? Вотъ, видите, и глупо выходитъ.

— Ничуть не глупо. Скажи, къ кому обратиться,—сказалъ онъ убѣдительно.—Я приду отъ тебя... хоть къ тому же Филарету Романычу, какъ твой другъ... какъ лучшій другъ— и мнѣ повѣрятъ, мнѣ разскажутъ. Наконецъ, они увидятъ,— что я буду дѣлать. Если тамъ окажутся нуждающіеся въ матеріальной помощи...

— Ахъ, теперь, ужъ если окажутся?—замѣтила она, машинально ударивъ его концомъ распустившагося бинта по рукѣ.

— Опять провинился? Извини, пожалуйста. Это „если", разумѣется, неумѣстно...

— Я же говорю, что тамъ инымъ не на что купить...

— Знаю, знаю. Вотъ и чудесно!—подхватилъ онъ, точно радуясь, что тамъ могутъ оказаться и такіе. Я ихъ разыщу. Назови имена, дай адресы. Вообще, повѣрь мнѣ,—Кашинцевъ поймалъ конецъ бинта и, добравшись по нему до ея руки, понизилъ голосъ до шопота,—я сдѣлаю все, что только могу... и ничего не пожалѣю для тебя. Вѣдь ужъ дѣло ясное: я—вашъ,—вотъ при свидѣтеляхъ говорю. Какъ ты не замѣчаешь этого?—прибавилъ онъ дрогнувшимъ голосомъ. —Вашъ—и не на словахъ только, а именно—какъ ты и требовала: на дѣлѣ!

Вѣрочка пристально вглядывалась въ его взволнованное и умиленное лицо, невольно подкупавшее своимъ искреннимъ выраженіемъ.

— А если съ вами опять сдѣлается сердцебіеніе?—вдругъ вспомнила она и невольно усмѣхнулась.—Или вы возьмете съ собой компрессъ?

— Сердцебіеніе?—презрительно сказалъ Кашинцевъ.—Ну ужъ это пустяки! Послѣ того, что я испыталъ ночью,—меня ничѣмъ не напугаешь. И вотъ тебѣ доказательство: сейчасъ на заводахъ идутъ, навѣрно, обыски, аресты—и, однако-же, я не боюсь: ѣду!

Вѣрочка не сводила съ него глазъ.

— Но вѣдь тутъ нужно сегодня. А вы любите подумать... Написать... предварительно исходящую... за номеромъ... за

печатью,—говорила она, чуть-чуть улыбаясь и все еще какъ будто не довѣряя.

— Нѣтъ, не сегодня, а немедленно,—сейчасъ-же!—возразилъ онъ съ силой.—Жаль вотъ—тѣ... дамы ушли, твои знакомыя: я, такъ и быть, подвезъ-бы которую-нибудь...

Какая-то новая мысль явственно блеснула въ глазахъ Вѣрочки: она вдругъ встала и выпрямилась.

— Что ты?—спросилъ Кашинцевъ.

Вѣрочка качнулась въ нерѣшимости раза два всѣмъ корпусомъ и, наконецъ, подняла умоляющіе глаза на Кашинцева.

— Можно сказать?

— Можно, конечно.

— Возьми меня съ собой!

— На заводы?!—испуганно прошепталъ Кашинцевъ и даже отступилъ на шагъ.

— Нельзя? Ну отчего-о? Поѣдемъ! Вѣдь мы уже разъ ѣздили. Помнишь?—прибавила она съ смущенной и счастливой улыбкой.

Должно быть, и для Кашинцева въ этомъ воспоминаніи было много соблазнительнаго, потому что онъ весь съежился и заговорилъ плачевно:

— Вѣрочка, не мучь меня. Ты знаешь—для меня сейчасъ не было-бы бо́льшаго счастья, какъ ѣхать вмѣстѣ съ тобою... Но, если потомъ придется отвозить тебя на кладбище,—нѣтъ,—слуга покорный!

— Послушай, съ тобой мнѣ ничего не сдѣлается... Я знаю... Я ничего не боюсь съ тобой,—возражала она горячо

Но Кашинцевъ только махалъ руками.

— Ни за что. Ты-то не боишься, да я боюсь... Ни за какія блага.

— Но я хочу видѣть Катю!—проговорила она жалобно.

— Голубчикъ мой, поручи Катю мнѣ. Я одѣну ее, какъ святую, какъ мученицу. Съ головы до ногъ засыплю цвѣтами. Даже, если хочешь, сниму ее... Хорошо? Согласна?

— Хорошо,—отвѣтила она рѣшительно.

— Но только съ условіемъ? Во первыхъ, ты сейчасъ ляжешь.

— Да... тогда я лягу!—прошептала она съ блаженнымъ выраженіемъ въ лицѣ.—У меня вѣдь и въ самомъ дѣлѣ болитъ тутъ подъ бинтами,—обернулась она ко мнѣ съ смущенной улыбкой, точно стыдясь своей слабости.

— И лѣкарство примешь? И подкожное впрыскиваніе сдѣлаешь?

— Да ладно ужъ... Сдѣлаю.

— Ну и прекрасно,—подхватилъ Кашинцевъ.—Это, матушка, во первыхъ...

— Какъ? Еще есть?—съ испугомъ спросила Вѣрочка.

— Да... И ужъ ты вертись-не вертись, а оттуда я... прямо за тобою...

— За мной?

— А то какъ-же?—Кашинцевъ внезапно принялъ строгій и даже сердитый тонъ, чтобы замаскировать овладѣвшее имъ волненіе.—Ты, можетъ быть, голубушка, воображаешь, что я позволю тебѣ дохнуть здѣсь... въ этой обстановкѣ... въ больничныхъ условіяхъ? Нѣтъ, ты сильно ошибаешься. Это дудки!.. Я возьму тебя домой.. то-есть, ко мнѣ въ Конюшенную... приглашу того-же доктора... сестру милосердія... однимъ словомъ, отхожу тебя!—вскрикнулъ онъ, почти задыхаясь.—Поѣдешь?

— Ну, ужъ это...—Вѣрочка разомъ закраснѣлась, бросила взглядъ въ моемъ направленіи и умолкла.

— Что „это"?

— И потомъ... какъ-же такъ: на заводы мнѣ нельзя, а въ Канюшенную можно?—вдругъ проговорила она, стараясь подавить лукаво-насмѣшливую женскую улыбку.

— Да вѣдь я не говорю: сегодня, сейчасъ... Хоть... завтра... послѣ завтра... Когда твое состояніе позволитъ... Да ты, можетъ быть, думаешь, что я приглашаю тебя,—Кашинцевымъ опять овладѣло сильнѣйшее волненіе,—въ качествѣ... просто больной.. или, какъ прежде, хозяйки? Такъ это матушка, брось!.. Выкинь изъ головы! Я зову тебя,—онъ на мгновеніе остановился и глубоко перевелъ духъ,—какъ мою... милую невѣсту... какъ мою будущую обожаемую жену, потому что я... вотъ опять-таки при свидѣтеляхъ... или, лучше сказать, несмотря на присутствіе свидѣтелей... дѣлаю вамъ, сударыня, предложеніе... и если ты можешь простить... мою прежнюю жестокость...

Я не слыхалъ продолженія этой безконечной тирады, такъ какъ счелъ за лучшее отойти къ сосѣднему окну и загородить ихъ моей объемистой фигурой отъ любопытныхъ взглядовъ. Но я видѣлъ оттуда, какъ блаженно темнѣли и полузакрывались прелестные глаза Вѣрочки, какъ иногда они наполнялись слезами и тотчасъ яснѣли вновь, какъ въ лицѣ то исчезалъ, то загорался румянецъ... Странно: я самъ находился въ состояніи крайняго возбужденія и даже на собственныхъ глазахъ ощущалъ какую-то для нихъ давно невиданную сырость...

— Молодецъ, Вѣрочка!—звенѣло во мнѣ побѣднымъ звономъ.—Заставила-же признать въ себѣ человѣка, равнаго ему

по достоинству! Слетѣло таки съ губъ такъ долго не срывавшееся слово!

Дальнѣйшія событія пошли быстро. Спустя нѣкоторое время я былъ приглашенъ не то шаферомъ, не то „посаженымъ" отцомъ на свадьбу Вѣрочки: эта подробность почему-то исчезла изъ памяти. За то я помню отлично, что сама невѣста была въ какомъ-то пестромъ настроеніи и не разъ принималась охать и ныть съ недоумѣвающимъ видомъ.

— Такіе дни.. столько покойниковъ... и... развѣ я ему пара? Но что-же дѣлать, если я...—Она умолкала, но за то глаза ея, счастливые и виноватые, договаривали:

— Если я люблю его?

Затѣмъ что-то скоро она уже лежала въ постели, закутанная одѣяломъ, и торопливо, такъ какъ часы пріема давно кончились, подсказывала заводскіе адресы Кашинцеву, который ихъ записывалъ. Термометръ показалъ незначительное повышеніе температуры: 38° или около того. Но, когда наша знакомая рыжеволосая фельдшерица сдѣлала подкожное вспрыскиваніе морфія, глаза Вѣрочки, вообще чувствительной къ наркотикамъ,—тотчасъ начали щуриться. Мы встали и простились.

— Подожди,—сказала она Кашинцеву.—Сдѣлаешь все, какъ обѣщалъ?

— Конечно...

— Дай руку.

Кашинцевъ въ нѣкоторомъ недоумѣніи протянулъ ей руку. Вѣрочка быстро прижала ее къ губамъ и, прошептавъ: „За нихъ... за себя!.. за все!"— крѣпко поцѣловала.

— Теперь иди. Завтра придешь? Буду ждать съ нетерпѣніемъ.

И, вся вспыхнувъ, какъ зарево, закрылась до ушей простынею.

— Ну, что: вы сегодня довольны мною?—спросилъ Кашинцевъ, когда мы вышли на коридоръ.

— Болѣе того: подъ конецъ любовался вами.

— А такая мысль не приходила въ голову: «вонъ-де человѣкъ, который внезапно съ ума сошелъ?» Впрочемъ, это не бѣда, если и сошелъ: скоро всѣ сойдемъ! Они сдѣлаютъ это!—прибавилъ онъ, посылая угрожающій жестъ въ пространство.

Спустившись на дворъ, онъ взялъ свободнаго извозчика и уѣхалъ. А я еще долго бродилъ отъ флигеля къ флигелю съ его порученіями относительно Вѣрочкинаго стола, паспорта и т. п. При этомъ я видѣлъ много такого, что едва-ли забудется во всю жизнь. Видѣлъ, напримѣръ, какъ молодыя

цвѣтущія женщины внезапно впадаютъ въ кликушество, прощаясь съ мужьями, которыхъ спѣшно препровождали на переполненныхъ дрогахъ «въ царство небесное». Какъ плачутъ, соперничая съ ребятишками, древніе, казалось-бы, ко всему равнодушные, старики, грозясь кому-то высохшими безсильными кулаками. Видѣлъ и много другого, что неудобно описывать на этихъ страницахъ. А сверху смотрѣло на насъ величественно безучастное синее небо. И напрасно глазъ искалъ въ немъ красныхъ пятенъ отъ крови, плѣсени отъ слезъ, черной копоти отъ проклятій, къ нему возносившихся: все такъ-же, какъ прежде,—чисты, прозрачны, невинны были высокіе эфирные своды.

VIII.

Увы! мнѣ не пришлось пировать на свадьбѣ Вѣрочки... Дня черезъ три послѣ вышеописанныхъ событій я совершенно неожиданно былъ вынужденъ уѣхать въ мѣста, весьма отдаленныя отъ Петербурга, гдѣ и прожилъ слишкомъ два года. Подъ шумъ забастовокъ, мятежей, погромовъ, выборовъ, думскихъ дебатовъ и роспусковъ время шло незамѣтно. Не получая отъ Кашинцева съ Вѣрочкой отвѣта на мои письма, что при тогдашней почтовой безурядицѣ и при постоянной перемѣнѣ мѣстъ моего жительства, казалось совершенно естественнымъ, я понемногу забылъ о нихъ. Затѣмъ, по возвращеніи въ Петербургъ, я хотя и встрѣчалъ иногда, какъ будто, Кашинцева, но отнюдь не былъ увѣренъ въ этомъ, такъ какъ встрѣчи всегда происходили въ условіяхъ, не дозволявшихъ къ нему присмотрѣться. Такъ, напримѣръ, мнѣ показалось однажды, что онъ промелькнулъ мимо за городомъ, на резинахъ, въ обществѣ какой-то высокой дамы, собственноручно правившей карими лошадками.

— Неужели это Вѣрочка?—подумалъ я невольно.

Приблизительно черезъ недѣлю я сдѣлалъ имъ визитъ. Но тутъ оказалось, что Кашинцевъ давно выѣхалъ изъ Конюшенной, не оставивъ адреса. Эта маленькая черточка еще болѣе усилила во мнѣ увѣренность, что Кашинцевъ женился и не желаетъ поддерживать отношеній съ прежними знакомыми.

Прошло лѣто 1907 года и настала осень, а именно—мѣсяцъ октябрь, мѣсяцъ созыва третьей Думы. Пробираясь какъ-то вечеркомъ по Невскому, я толкнулся по старой памяти къ Еженю, который, среди всевозможныхъ передрягъ, процвѣталъ по прежнему. Какъ и два года назадъ, толпи-

лись люди того типа, къ которому отчасти принадлежалъ и Кашинцевъ: молодые адвокаты, доктора, чиновники, дѣльцы изъ начинающихъ, и—вотъ удивительная вещь!—не успѣлъ я усѣсться въ уголкѣ старой знакомой „коричневой“ залы, какъ у меня почему-то явилось предчувствіе, что я непремѣнно увижу сегодня и самого Кашинцева... Мало того: приблизительно чрезъ полчаса мнѣ стало казаться, что онъ уже здѣсь гдѣ-то, витаетъ, такъ сказать, въ пространствѣ ресторана, а, спустя еще нѣкоторое время, ухо, постепенно привыкшее къ ресторанному шуму, начало совсѣмъ явственно различать среди говора и стука билліардныхъ шаровъ звуки кашинцевскаго голоса... Нѣкоторое сомнѣніе вызывалось лишь тѣмъ единственнымъ обстоятельствомъ, что голосъ этотъ временами какъ бы двоился: то дѣлался старше, внушительнѣе, авторитетнѣе, то моложе и жизнерадостнѣе, точно разговаривали двое Кашинцевыхъ...

Покончивъ съ котлетой, я рѣшился покончить и съ этимъ моимъ недоумѣніемъ: всталъ и прошелъ черезъ коридоръ въ билліардную. Но иллюзія слуха сопровождалась и иллюзіей зрѣнія: въ группѣ играющихъ находились несомнѣнно двое Кашинцевыхъ. Старшій,—тотъ, котораго я зналъ,—замѣтно поблекшій, округлившійся и облысѣвшій, съ чрезвычайно важнымъ и сосредоточеннымъ видомъ нацѣливалъ шара въ среднюю; младшій, очень похожій даже по костюму на старшаго, только повыше ростомъ и вообще почемпіонистѣе, стоялъ рядомъ и „сатанилъ подъ-руку“:

— Мимо! Конечно, мимо!

— Нельзя ли вести себя корректнѣе?—произнесъ старшій Кашинцевъ, выпрямляясь и показывая мнѣ красное отъ натуги и раздраженія лицо.

— Но вѣдь я вижу, какъ ты мѣтишь? Я просто констатирую фактъ.

— И я констатирую фактъ, что такіе пріемы недопустимы въ порядочномъ обществѣ.

— Разъ ты въ немъ находишься...

— Ну-съ! Что изъ этого слѣдуетъ?

— Играйте, играйте!—закричали вокругъ.—Не тяните время!

Старшій Кашинцевъ презрительно фыркнулъ, опять согнулся, щелкнулъ кіемъ по красному и, убѣдившись, что далъ промахъ, при общемъ смѣхѣ швырнулъ кій маркеру.

— Воды! Я кончилъ.

Маркеръ на лету поймалъ кій, подвелъ сердитаго и, по всѣмъ признакамъ, почетнаго посѣтителя къ рукомойнику,

досталъ свѣжее полотенце. Кашинцевъ вымылъ, не торопясь, руки, надѣлъ сюртукъ, поправилъ волосы, кое-гдѣ уже отливавшіе серебромъ и, бросая свысока косвенные взгляды на играющихъ, направился мимо меня къ столику съ закусками. Но тутъ, нечаянно встрѣтившись со мной глазами, онъ остановился, какъ вкопанный. Что-то странное, походившее не то на испугъ, не то на смущеніе, отразилось въ его лицѣ и даже въ голосѣ, когда онъ произнесъ:

— Вы?! Вотъ удивительно!

Но затѣмъ онъ быстро овладѣлъ собою и, потрясая мою руку, засыпалъ меня вопросами. Между прочимъ, и я освѣдомился объ адресованныхъ ему письмахъ.

— А сколько ихъ вы отправили?

— Три, должно быть.

— Итого, значитъ, я не дополучилъ за это время... двадцати семи писемъ,—по крайней мѣрѣ,—на сколько мнѣ это извѣстно,—сказалъ онъ, улыбаясь.—Однако, что же мы стоимъ? Присядемъ и... по прежде бывшимъ примѣрамъ... выпьемъ. Кстати,—должны же вы меня поздравить.

— Съ чѣмъ!

— А, помните, во время оно я упоминалъ о пятомъ отдѣленіи... то есть, вѣрнѣе, высказывалъ надежду, что это отдѣленіе когда-нибудь откроется? Такъ вотъ: столь величественный моментъ, наконецъ, наступилъ... и съ будущаго вицедиректора рвутъ авансы...

— Съ васъ?

Онъ скромно потупился, сдерживая улыбку.

— Какъ можно предполагать... хотя назначеніе оффиціально еще не объявлено.

— Это все ваши?

Онъ подвинулся ко мнѣ и заговорилъ вполголоса, живо напомнивъ игривой и насмѣшливой интонаціей прежняго Кашинцева.

— Это—моя шайка... моя камарилья... ха-ха!.. Она разноситъ, гдѣ только возможно, моихъ соперниковъ, распускаетъ подъ рукой о нихъ ехиднѣйшія сплетни... и выдвигаетъ на первый планъ меня... и мои несуществующія достоинства. Въ концѣ концовъ они, понятно, держатся за меня же... въ надеждѣ, что я, какъ добрый конь, вывезу всю компанію. Единственное исключеніе—вонъ тотъ юнецъ, съ которымъ я сейчасъ бранился—онъ изъ другого прихода: финансистъ. И... тоже племянникъ моей тетки,—прибавилъ онъ съ многозначительной улыбкой.—Однако... что же мы?—опять заговорились? Здѣсь душно; человѣкъ отнеси-ка намъ въ угловой кабинетъ икему и фруктовъ. Знаете, я нынче рѣшительно перешелъ на икемъ. А вы?

Я невольно усмѣхнулся и проговорилъ уклончиво:

— Да, икемъ—хорошее вино. Я тоже пью его съ удовольствіемъ.

Кабинетъ оказался довольно большой комнатой съ двумя окнами на улицу. Лакей зажегъ электрическіе фонарики, поставилъ, что нужно, и направился къ выходу.

— А шторы?—крикнулъ Кашинцевъ, топнувъ ногой.

Лакей метнулся къ окнамъ.

— А вентиляторъ? Портьеры?—снова крикнулъ Кашинцевъ.—Негодяи! Сколько имъ ни давай—все одно. П...шелъ!

Лакей исчезъ за дверями. Кашинцевъ устало бросился въ кресло.

— Фу-у!.. Скучно живется на свѣтѣ! А помните, какъ мы кутили здѣсь три года назадъ?—началъ онъ черезъ минуту, чокаясь бокаломъ.—Именно кутили... во всѣхъ смыслахъ этого слова. Хорошее было времячко. Были страсти... оживленіе... надежды...

— Теперь хуже?

— Скажете! Этакая тоска смертная!

— Вы разумѣете—въ общественномъ отношеніи?

— И въ общественномъ, и въ личномъ.

— Какъ, не вы ли сейчасъ говорили, что „фортуна" ваша налаживается? Вы-же, навѣрное, обзавелись семьей? Кстати: я давно хочу спросить, какъ здоровье Вѣры Павловны?

Кашинцевъ посмотрѣлъ на меня и усмѣхнулся.

— А я, признаться, давно жду, когда вы спросите. Это съ вашей стороны прямо неделикатно, любезный другъ. Вы точно не рѣшались почему-то? Почему? Скажите.

— Мнѣ кажется, я не имѣлъ еще случая... удобнаго момента,—пробормоталъ я, нѣсколько смутившись.

— Ой, потому ли? Не по другой-ли причинѣ? Не представлялось ли вамъ наша свадьба вообще невѣроятною... и были-ли вы убѣждены, что я... сдержу слово?

— Ну вотъ! Съ какой стати? Напротивъ, я самъ по разнымъ случайнымъ признакамъ... пришелъ къ заключенію, что вы давно женаты.

— Да что вы? Ну-те, по какимъ же признакамъ?

Онъ закрылъ рукой лѣвую щеку, какъ-бы предохраняя ее отъ простуды и, поставивъ локти на столъ, съ любопытствомъ смотрѣлъ мнѣ въ глаза.

Я чистосердечно разсказалъ о нашей встрѣчѣ въ Лѣсномъ, когда я заподозрилъ въ его спутницѣ Вѣрочку, затѣмъ о моихъ догадкахъ послѣ неудачнаго визита въ Конюшенную. Среди моего повѣствованія Кашинцевъ тихонько

всталъ, спустилъ на глухо портьеру у дверей и, вернувшись на мѣсто, принялъ прежнее положеніе.

— Да, относительно меня вы не ошиблись,—заговорилъ онъ черезъ минуту, барабаня пальцами по столу.—Въ Лѣсномъ былъ я, конечно. Я увидѣлъ васъ издали и... и ударилъ по лошадямъ, чтобы во весь духъ прогнать мимо. Тетка, съ которою я ѣхалъ, вообразила, что я спасаюсь... ха-ха!.. отъ кредитора. Такъ вотъ, слышите,—я съ теткой ѣхалъ,—не съ Вѣрочкой. Но, разумѣется, я не отъ васъ спасался. Что вы для меня? Старый знакомый и даже одно время—другъ... если будетъ позволено мнѣ такъ выразиться. Я спасался отъ прошлаго, которое вы такъ... больно мнѣ напоминаете. И вотъ вамъ доказательство. Взгляните,—прибавилъ онъ, помолчавъ.

Кашинцевъ повернулъ ко мнѣ лѣвую сторону лица, которую закрывалъ ладонью,—и тутъ я увидѣлъ, что его лѣвую бровь и уголъ верхней губы сильно дергаетъ судорога.

— Такъ пріятно на меня дѣйствуютъ воспоминанія!—пояснилъ онъ съ гримасой.

— Ничего не понимаю,—произнесъ я въ недоумѣніи.—Какія воспоминанія? И почему... такъ дѣйствуютъ?

— А вы представьте,—Кашинцевъ презрительно усмѣхнулся и опять забарабанилъ по столу,—что я слова-то и не сдержалъ. Вотъ все сразу и поймете.

— Вы не женаты?

— Не только не женатъ, а даже не могу отвѣтить на вашъ вопросъ о здоровьи Вѣрочки. Я совсѣмъ не знаю, гдѣ она.

— Ну, такъ!—вырвалось у меня въ невольномъ приливѣ горечи и негодованія.—Но вѣдь это-же низость, Павелъ Николаевичъ!

Не помню навѣрное, но, кажется, я рѣзко оттолкнулъ отъ себя пустой бокальчикъ и даже чуть-ли не застучалъ чѣмъто по столу. Кашинцевъ смотрѣлъ на меня удивленно-брезгливымъ, наблюдающимъ взглядомъ. И подъ его впечатлѣніемъ я мгновенно утихъ.

— Впрочемъ, виноватъ, я, можетъ быть, тороплюсь черезчуръ?—прибавилъ я черезъ минуту.

— Да, вы торопитесь,—подтвердилъ онъ холодно.

— Но какъ, согласитесь сами, иначе выразиться, если тогда на моихъ глазахъ все было рѣшено и подписано,—если, наконецъ, вы сами заявляете...

— Что не сдержалъ слова? Но вѣдь надо знать, при какихъ это было обстоятельствахъ? Можетъ быть, я и не такъ ужъ...ха-ха!.. виновенъ?.. Представьте, напримѣръ, что Вѣрочка устроила мнѣ экзаменъ... да еще такой, который и вообще

то трудно выдержать, а тѣмъ болѣе при тогдашнихъ моихъ условіяхъ...

— Ну, вотъ вы опять говорите какими-то загадками... и я перестаю васъ понимать, проговорилъ я безнадежно.

— Вѣрю. Но тогда дайте мнѣ минуту, привести себя въ порядокъ. Вы вѣдь, кажется, курите? Не хотите ли попробовать „любительскихъ"?

Кашинцевъ всталъ, развернулъ предо мной портсигаръ и, намочивъ изъ пузырька клочекъ ваты какой-то жидкостью, принялся растирать больное мѣсто.

IX.

— Вотъ вы говорите: „Не понимаю!.." „Загадки!.." А мнѣ, думаете, все ясно?—началъ онъ вновь, слегка прохаживаясь по кабинету.—Да ничуть! Иногда мнѣ кажется, что ужъ не двое-ли было конкурентовъ на экзаменѣ... при чемъ вакансія досталась достойнѣйшему... Вы вѣдь помните, что тогда, въ больницѣ, было рѣшено, при первой-же возможности, перевезти ее въ Конюшенную?

— Помню.

— Ну-съ, такъ этого никогда не случилось. Что вы подѣлаете, если бинтъ взялъ обыкновеніе распускаться по ночамъ, на груди загноилось... процессъ перешелъ на ребра—и пришлось что-то чистить, скоблить, выдалбливать?..

— Въ вашихъ словахъ опять намекъ какой-то. Надѣюсь, вы не хотите сказать, что она сама... нарочно?..

Онъ пожалъ плечами и усмѣхнулся, какъ-бы удивляясь моей недогадливости, и продолжалъ, не отвѣчая на вопросъ:

— Но въ этой стадіи я выдерживаю экзаменъ блистательно. Волнуюсь, блѣднѣю, цѣлую руки и—шалости бинта, наконецъ, прекращаются. Ранка идетъ на заживленіе... Мало-по малу выясняется возможность взять ее изъ больницы въ Конюшенную. Но тутъ возникаютъ новыя препятствія. Жить въ одной квартирѣ передъ свадьбой... фи!—слишкомъ прозаично... Не будетъ никакой поэзіи въ обрядѣ вѣнчанья. Кромѣ того, ужъ если входить ко мнѣ послѣ всей этой кутерьмы,—то съ гордо поднятой головой, законной супругой. Допустимъ. Но гдѣ помѣстить ее пока что до свадьбы? Къ номерамъ, меблирашкамъ у насъ обоихъ родъ органическаго отвращенія: остается, очевидно, одно—нанять ей квартирку съ такимъ расчетомъ, чтобы обстановка могла переѣхать впослѣдствіи вмѣстѣ съ нею въ Конюшенную. И при томъ нанять самому; не могъ-же я поручить этого дѣла коммиссіонерамъ. Но вотъ тутъ-то и началось колебаніе на экза-

менѣ. Во-первыхъ... когда же мнѣ? Утромъ я занятъ: письма, газеты. Потомъ—служба, обѣдъ. Вечеромъ и къ ней нужно съѣздить... да и хочется отдохнуть, чортъ возьми, побездѣльничать, почитать что-нибудь. Тутъ кстати на меня еще коммиссію взвалили... была такая у насъ при министерствѣ по разсмотрѣнію особо важныхъ, такъ сказать, неотложныхъ требованій и ходатайствъ. То-есть, не то, чтобы взвалили; напротивъ, я самъ сдѣлалъ все, чтобы меня удостоили обязанностей дѣлопроизводителя. Въ сущности, отсюда получила толчокъ моя карьера. Засѣданія гнали ужасно; хотѣлось отличиться до созыва Думы, но, разумѣется, опоздали. До квартиры-ли тутъ, помилуйте! Да оно и вообще говоря: перепархивать съ лѣстницы на лѣстницу, вести переговоры съ дворниками, съ управляющими—удовольствіе сомнительное, для котораго нуженъ своего рода подъемъ, не правда-ли? Подъемъ... въ то время,—Кашинцевъ съ усмѣшкой покачалъ головою,—когда у меня началось, о чемъ вы, вѣроятно, и сами догадались, какъ разъ обратное теченіе, реакція...

— Въ отношеніи добровольно принятыхъ на себя обязательствъ!

— Нѣтъ-съ, не въ отношеніи обязательствъ,—возразилъ онъ съ иронической улыбкой,—я отъ нихъ и не думалъ отпѣкиваться. Обратное теченіе въ той области, надъ которой всѣ мы не вольны, въ области чувства и настроенія. Ради Бога, не улыбайтесь коварно; меня это ничуть не трогаетъ. Вѣдь не станете-же вы обвинять пѣвца въ томъ, что онъ неспособенъ безконечно тянуть болѣзненно-высокую ноту, которую онъ и взялъ-то, можетъ быть, нѣсколько неожиданно для себя?

— Во всякомъ случаѣ, онъ обязанъ ее протянуть то количество тактовъ, какое положено въ партитурѣ.

Кашинцевъ со смѣхомъ замахалъ руками.

— Ну, значитъ, тогда мое сравненіе никуда не годится! Какіе могутъ быть въ сферѣ чувства... такты и партитуры... о, Боже! Обыкновенно здѣсь бываетъ такъ, что волна, докатившись до крайнихъ предѣловъ, до экзальтаціи, сама собою спадаетъ. Такъ было и у меня. Виноватъ! — я отнюдь не хочу сказать этимъ, что мною овладѣло раскаяніе. Нѣтъ!— но усталость была, была неизбѣжно... какъ неизбѣженъ чадъ послѣ фейерверка. Усталость и ея обычная спутница, ироническая усмѣшечка.—„Ага молъ. Герой!.. рыцарь! Полѣзайка, полѣзай въ свои доспѣхи!“ А кромѣ того: посторонния обстоятельства вы признаете?—ихъ вліяніе на настроеніе? Допускаете, напримѣръ, что теткинъ ядъ могъ подѣйствовать?

— Теткинъ ядъ? Какой тетки? Вашей?

— Ну, да; той самой, у которой, кромѣ стриженыхъ лошадей, есть еще пятиэтажный домъ съ колоннадой и со статуями на англійской набережной... Кстати: Это вѣдь Ничше говоритъ, что логика банкировъ по своей неумолимости и есть наилучшая? Такъ вотъ тетка—какъ разъ вдова банкира... да и сама лѣтъ восемь весьма логично ведетъ операціи. Это вамъ могутъ подтвердить многіе изъ кліентовъ, теперь... протягивающіе руку на паперти. Понятно, моя предполагаемая женитьба на Вѣрочкѣ показалась ей какой-то наивно-глупой, почти самоубійственной операціей. Ну вотъ—какъ если-бы я задумалъ перевести половину моего состоянія въ завѣдомо-бездоходныя, ничего не стоющія бумаги... Дѣвченка — безъ оразованія, безъ средствъ, единственно—съ красивой мордочкой, да еще трепанная по больницамъ, по митингамъ, по конспиративнымъ квартирамъ: развѣ такую жену мнѣ нужно? И если не такую,—то ради чего, испортивъ дѣвку, я хочу жизнь себѣ испортить?

— «Подумай, Поль,—не бойся мысли. Не поступай по-бабьи, подъ вліяніемъ чувства!»

А такъ какъ я возражалъ, и даже яростно: „я—де боюсь не мысли, а совѣсти", о которой она имѣетъ смутное понятіе, какъ обо всемъ, что не принимается „къ учету",—то моя логическая тетушка, словъ не тратя по пустому, преспокойно переходитъ къ репрессіямъ. Въ одно прекрасное утро я убѣждаюсь, что на моемъ мѣстѣ вонъ тотъ самый хулиганъ, мой двоюродный братецъ, котораго вы видѣли въ билліардной. Каково? Можете представить мое положеніе? Кстати сказать, онъ и сейчасъ состоитъ при мнѣ на всякій случай... въ качествѣ угрозы.. Нѣтъ, вы способны оцѣнить такой пассажъ? Вѣдь какъ-бы то ни было, я привыкъ смотрѣть на ея палаццо съ чувствомъ собственника. Привыкъ строить на немъ, какъ на чрезвычайно прочномъ и основательномъ фундаментѣ, мои дальнѣйшіе планы и соображенія. И вдругъ уступи его ни за что-ни про что какому-то мелкому плуту, низкопробному карьеристу.. Чортъ возьми это—не фунтъ изюму! Само собою разумѣется, мнѣ было обидно...

— Дальнѣйшаго, пожалуй, можно и не разсказывать: оно тоже само собою разумѣется,—вставилъ я, пожимая плечами.

Кашинцевъ ядовито заулыбался.

— Да? Какъ вы нынче сдѣлались проницательны! Однако, что-же случилось по вашему? Я промѣнялъ на теткинъ домъ Вѣру Павловну? Ха, ха!.. очень благодаренъ за доброе мнѣніе обо мнѣ. Ну, знаете что? Я отнюдь не намѣренъ оправдываться, но и чернить себя сверхъ мѣры... тоже не

желаю. Довольно сказать, что о теткѣ, о домѣ у насъ съ Вѣрочкой и рѣчи не было. Но что она обо всемъ догадалась, дошла „своимъ умомъ или, вѣрнѣе, своимъ женскимъ инстинктомъ—это не подлежитъ сомнѣнію. Вѣдь въ чемъже и заключался экзаменъ, какъ не въ томъ, чтобы поставить меня лицомъ къ лицу съ разными затрудненіями и посмотрѣть, какая у меня будетъ при этомъ физіономія. А какая была у меня физіономія? Злился, огрызался, нервничалъ, какъ... собаченка, которой то и дѣло наступаютъ на-хвостъ. Возможно, хотя я и не помню этого, что вырывались у меня и прямые намеки: вотъ, молъ, какую гадость изъ-за тебя приходится терпѣть: чувствуй! Вѣдь фыркнулъ же я на бабъ ея любезныхъ—это-то я отлично помню. Когда ни приди—онѣ ужъ здѣсь, какъ здѣсь—съ своими печалями и горями. Слова сказать наединѣ нельзя. А тонъ непринужденный какой: „О! Вѣрушкинъ женихъ! Ужоткась мы васъ окрутимъ!“ И это теперь,—а что дальше будетъ? Чего добраго, ввалится эта богоданная родня и въ квартиру, разсядется по диванамъ: потчуй ее подсолнухами Вѣрушкинъ муженекъ! Нѣтъ,—Кашинцевъ, смѣясь, замахалъ руками,—какъ хотите, а не люблю я бѣдноты. Выросъ я, что-ли, въ въ другихъ условіяхъ, но эта унылая, пятачковая, вѣчно залѣзающая въ вашъ карманъ атмосфера возбуждаетъ во мнѣ... не умиленіе, а невольную брезгливость. Кривое дерево, не правда-ли? Ну... ха-ха!... конечно. Жаль, — теперь его не сдѣлаешь прямымъ. Однако я, кажется, черезчуръ забалтываюсь...

— Откровенно говоря, меня больше интересуетъ психологія Вѣры Павловны,—отвѣтилъ я съ усмѣшкой.—Ваша мнѣ отчасти знакома.

— Психологія Вѣры Павловны!—воскликнулъ онъ задумчиво.—Да, но я вообще смутно представляю ее за этотъ періодъ. Объясненій не было; да, слава Богу, и быть не могло при постороннихъ; значитъ, я могу судить только по наружности. Ну, глаза, конечно, печальные... не то удивленная, не то разочарованная улыбка... Вообще сначала у нея было такое выраженіе, какъ будто она хотѣла крикнуть мнѣ:

— Фуй! какъ не стыдно! Встряхнись!.. опомнись!..

А послѣ инцидента съ бабами уже и совсѣмъ притихла. Еще бы!.. Такая дерзость. Вѣдь это что-то въ родѣ измѣны выходитъ... О свадьбѣ—ни полслова, точно о ней и рѣчи не было. О прочемъ, что еще недавно имѣло такой для насъ интересъ: о заводахъ, о политикѣ—тоже самое. Вообще говоря, мы какъ-то сами собой отодвигались назадъ, на старыя позиціи. Понятно, и мои визиты вскорѣ приняли казенный характеръ. Придешь и болтаешь о томъ—о семъ,

а больше ни о чемъ; она молчитъ... точно ждетъ чего-то.., смотритъ... Мало по малу меня беретъ злость, но, тѣмъ не менѣе, поднимаюсь съ такимъ видомъ, какъ будто не хочу говорать при постороннихъ: уже, молъ, потомъ наговоримся! И она сдѣлаетъ видъ, что вѣритъ этому; если лежитъ, то встанетъ, проводитъ по коридору, протянетъ губенки на прощанье. Затѣмъ я спускаюсь внизъ, а она отправляется въ палату... по всѣмъ вѣроятіямъ, плакать... По правдѣ сказать, положеніе создалось фальшивое и омерзительное до-нельзя... И я видѣлъ это, видѣлъ, что между нами растетъ пропасть, чуть не ежедневно давалъ клятвы такъ или иначе перешагнуть ее... и...

— И каждый день откладывали на завтра?

— Вы же знаете, что мнѣ иной разъ черезъ улицу къ почтовому ящику не перейти,—произнесъ онъ съ гримасой.

Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, взглянулъ на часы и сѣлъ снова.

— Однако... скоро одиннадцать.

Перехожу къ сути дѣла. Позвольте, а въ чемъ суть дѣла? Фу!.. тоска какая! Да пожалуй, въ томъ, что день-за день наступаетъ, представьте, пятнадцатое число, то пятнадцатое марта, къ которому обѣщали выпустить ее изъ больницы... Конечно, у меня квартирки нѣтъ, какъ нѣтъ! Погода стоитъ отвратительная: снѣгъ, сырость, насморкъ... Положимъ, ничего не стоило свистнуть коммиссіонерамъ, конторамъ... да вѣдь не въ томъ суть. Квартирка—что это значитъ? Это значитъ—возможность... и даже неизбѣжность остаться наединѣ, неизбѣжность сценъ, объясненій. А что я могъ бы сказать ей, если у меня... самочувствіе преступника? Четырнадцатаго даже не рѣшился поѣхать въ больницу: опять эти несчастные глаза... этотъ нѣмой вопросъ, написанный въ физіономіи. Завтра ужо! Будь что будетъ! А на завтра новая оказія. У предсѣдателя заболѣла жена и, такъ какъ всѣ „труды“ коммиссіи находились у „дѣлопроизводителя“, то и засѣданія временно перенесли ко мнѣ-же. Честь—безспорно; но и хлопотъ по-уши: нужно квартиру привести въ порядокъ, ужинъ—потребовать изъ ресторана съ оффиціантами, серебро вынуть изъ буфета, сервизы... И вдругъ мелькаетъ такая мысль:

— А что, если я разрублю однимъ ударомъ всѣ затрудненія? Выпишу Вѣрочку изъ больницы и поручу ей эту операцію?!. Вы понимаете: точно меня молніей освѣтило! Увидятъ ее—тѣмъ лучше; представлю гостей Вѣрочкѣ, какъ моей невѣстѣ:—Прошу, молъ, ихъ любить и жаловать! О ней нечего и говорить; я не могъ вообразить безъ восторга, какъ заблестятъ ее глаза.—Устоялъ-таки, милый другъ!

Сдержалъ свое слово! Помнится, облилось на мгновеніе сердце кровью:—„А домъ-то теткинъ?!"—однако, и на него рукой махнулъ. Тѣмъ больше, что въ концѣ концовъ онъ авось и не уйдетъ отъ меня. Однимъ словомъ, никогда я не ѣлъ такой вкусной ухи въ ресторанѣ. И все таки, когда я вышелъ на улицу, я нанялъ извозчика не къ ней, а... быть можетъ, со злостью, чуть-ли не со слезами... но всетаки къ себѣ въ Конюшенную...

— Ну, конечно!—сказалъ я со смѣхомъ.—Хотя и любопытно знать—почему именно?

— А вотъ не угодно ли?—Кашинцевъ загнулъ на рукѣ одинъ палецъ.—Во-первыхъ, нѣтъ времени. Часъ—туда, часъ—тамъ, часъ—оттуда. Да еще нужно ей заѣхать на старую квартиру, одѣться, принять какъ бы то ни было видъ невѣсты.—А въ восемь, замѣтьте, назначено засѣданіе. Во-вторыхъ—Кашинцевъ загнулъ другой палецъ—вы полагаете,—это такъ просто принять видъ невѣсты? Вѣдь что ни говори, а она таки порядочно похудѣла въ больницѣ... и даже немножечко поиспортилась, а—пуще всего—поодичала... и вдругъ прямо оттуда... на этакихъ подлецовъ, какъ предсѣдатель съ Зябловскимъ,—на этакихъ зубоскаловъ! Вѣдь это ужасъ! Да малѣйшая неловкость съ ея стороны—и сейчасъ улыбки... переглядыванье... а то и прямое издѣвательство... вы понимаете,—въ той неуловимой формѣ, въ какой мы вѣкъ свой грыземся другъ съ другомъ. Сгоришь со стыда! Нѣтъ, думаю, какъ это ни грустно, а отсрочка необходима. Пусть сначала придетъ въ себя, пріодѣнется, похорошѣетъ, попривыкнетъ къ своей роли—вотъ тогда показать ее гдѣ-нибудь мелькомъ при эффектномъ освѣщеніи: въ театрѣ, въ концертѣ—будетъ совсѣмъ другое дѣло. И вдругъ за четверть до восьми... почти передъ началомъ засѣданія—ужъ члены начали съѣзжаться—меня вызываютъ въ переднюю. Смотрю: Вѣрочка!

Лицо Кашинцева выразило ужасъ.

— Въ бѣломъ платочкѣ... совсѣмъ по домашнему... Понимаете, въ первую минуту я даже не зналъ, какой тонъ взять при лакеяхъ.—Что вамъ угодно? Вы по дѣлу? Ахъ да; помню. Пройдите сюда... мнѣ некогда...

Провелъ ее черезъ столовую въ боковую гостиную... помните, гдѣ она въ былое время работала?—рядомъ съ кабинетомъ:

— Ну зачѣмъ ты? И въ такомъ видѣ? Вѣдь ты срамишь меня!..

Она тоже перепугалась:

— Извините, я не знала... Я думала—вы больны... Что у васъ?..

— Разъ я не ѣду—значитъ, неудобно. Видишь, засѣданіе. Неужели ты совсѣмъ выписалась?

— Нѣтъ, нѣтъ, я только на минуту отпросилась изъ больницы. Я сейчасъ уѣду.

Впрочемъ, тутъ и говорить много было некогда: звонокъ за звонкомъ, встрѣчать надо. Между прочимъ, предсѣдатель—съ перваго слова:

— Фу! какой холодъ собачій! Чайку бы, Павелъ Николаичъ!

Значитъ, зови въ столовую. А какъ позвать, если она не уходитъ. Вбѣгаю къ ней въ комнату: стоитъ впотьмахъ на колѣняхъ у замочной скважины и гостей разсматриваетъ.

— Это кто такой рыжій съ баками? Неужели Зябловскій? А черный, стриженый: Звягинцевъ? Вашъ главный врагъ и соперникъ? Господи, какіе всѣ они страшные!

Я говорю:

— Вѣрочка, ей-Богу, некогда разсуждать; сейчасъ всѣ они... и черные, и рыжіе... идутъ въ столовую чай пить. Значитъ, ты либо садись подъ арестъ въ этой комнатѣ часа на два, либо...

— Нѣтъ, нѣтъ,—я сейчасъ уѣду. Не гоните меня... Что я хотѣла сказать вамъ? Да, квартиры вы не нанимали?

— Ахъ, Боже мой! Когда же мнѣ? Ты видишь...

— Вижу, вижу... Ну, и отлично, что не нанимали.

— Завтра поищу утромъ. А потомъ прямо къ тебѣ.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы сначала ко мнѣ. Я, можетъ быть, сюрпризъ вамъ сдѣлаю.

— Какой сюрпризъ?

— Ну, вотъ! Если я сейчасъ скажу,—и сюрприза не будетъ. Да вы не бойтесь: не такой, какъ сегодня,—пріятный. Довольны будете. Счастливы.

— Ну, хорошо,—говорю,—сюрпризъ—такъ сюрпризъ. Вѣрно, хочешь прямо ко мнѣ переѣхать? Тѣмъ лучше. Завтра увидимъ. А теперь... бѣги же! Чаю просятъ...

— Да не гоните меня! Сама уйду. А... впрочемъ... прощайте! Поцѣлуйте... въ послѣдній разъ...

Прижалась ко мнѣ лицомъ, и чувствую я впотьмахъ: совсѣмъ мокрое.

— Вѣрка! Ревешь! О чемъ ты? Обѣщалась?

— Пустяки! Такъ... немножко взгрустнулось. Ахъ, да,—чуть и не забыла: пусть этотъ узелокъ полежитъ у васъ.

— А что въ немъ?

— Не пугайтесь; ничего опаснаго. Ваши же вещички разныя. Я ихъ взяла изъ квартиры, а въ больницу везти не смѣю: неравно утянутъ.

— Хорошо, пусть полежатъ. Ну, иди скорѣе. Завтра увидимся. Прямо къ тебѣ. Первымъ дѣломъ.

Выпроводилъ, наконецъ. Отлегло отъ сердца. Дальше все, какъ слѣдуетъ: чай, засѣданіе, ужинъ; выпили, конечно. Утромъ хватился за свертокъ: все здѣсь! Часы съ цѣпочкой... брошка... браслеты... кольца... Даже—„змѣйка", ея любимое, съ которымъ она никогда не разставалась. Что за странность! Неужели она боится, что его снимутъ съ пальца? Проглотилъ наскоро стаканъ кофе—въ больницу. Опять удивительная вещь: швейцаръ, вмѣсто того, чтобы снимать съ меня, по обыкновенію, пальто, лѣзетъ въ шкапчикъ.

— Что такое?

— А письмо вамъ оставлено.

— Кѣмъ?!

— Вашей больной.

— Да вѣдь она... здѣсь?

— Никакъ нѣтъ. Вчера еще уѣхали.

— Когда?

— Да такъ... часовъ въ десять вечера.

— Что ты,—говорю,—мелешь? Дубина! Она въ восемь была у меня и вернулась въ больницу.

— Такъ точно. А потомъ оставили это письмо и снова уѣхали. Я и на извозчика усаживалъ.

— Но... но куда же былъ нанятъ извозчикъ?

— А этого не могу знать. Сами нанимали. Да вѣдь въ письмѣ, чай, написано!

— Ахъ, въ письмѣ-то? Ну, конечно, написано.

Далъ ему на водку и вышелъ на улицу. Ровно пять строчекъ:

„Прощайте. Не ищите меня. Въ жены вамъ не гожусь, сама знаю. И не хочу, чтобы вы изъ-за меня мучились. Ужасно рада, что Богъ далъ мнѣ силу написать эти строки. За васъ рада и за себя. Женитесь. Будьте счастливы. Любящая васъ Вѣрочка".

Кашинцевъ внезапно произвелъ такой звукъ, какъ будто онъ подавился костью, круто всталъ и, разводя по своей привычкѣ руками, заходилъ по комнатѣ.

Нѣсколько минутъ мы молчали. Съ одной стороны, изъ-за портьеры доносился смутный гулъ ресторана, съ другой—непрерывный грохотъ колесъ на улицѣ.

— Ну и что же: вы такъ и не дѣлали попытокъ?.. — началъ я и остановился въ задумчивости.

— Связать разрубленный узелъ? — проговорилъ онъ съ

усмѣшкой. — О чемъ тутъ спрашивать? Конечно, дѣлалъ. Положимъ, не сразу. Первая-то мысль была: она права! Можетъ быть, такъ для обоихъ насъ будетъ лучше? Ну, а потомъ... какъ разсмотрѣлъ, что за люди вокругъ, небойсь, принялся искать во всѣхъ направленіяхъ... И справки наводить, и писать... и даже телеграфировать...

— Какой же получился результатъ?

Кашинцевъ пожалъ плечами.

— Узналъ заднимъ числомъ, что она нѣкоторое время жила на заводахъ. Хоронила, между прочимъ, братишку, который такъ и умеръ въ больницѣ. Затѣмъ, послѣ 17 октября ходила, распустя крылья, по Невскому. Ну, а потомъ, когда начались репрессіи, выѣхала... и тутъ уже всякіе слѣды стираются.

Онъ сѣлъ въ кресло и, откинувшись на спинку, закрылъ глаза.

— Все-таки есть же у васъ какія-нибудь догадки, куда она могла дѣваться?

— Да куда всѣ они дѣвались? Куда дѣвается вода послѣ наводненія? Уходитъ въ нутро земли... Въ щели... въ разсѣлины...—Онъ помолчалъ нѣсколько мгновеній.—Долго у меня держалась надежда: не ребятъ ли учитъ на родинѣ? Но когда и оттуда заказное вернулось... „за ненахожденіемъ адресата"... ой!.. не вспоминать лучше! Вѣрите-ли: одно время страшно было газету въ руки взять. Такая тьма захваченныхъ... живота лишенныхъ... сосланныхъ! Все-таки я думаю,—прибавилъ онъ послѣ новой паузы,—что она теперь скорѣе всего въ Петербургѣ. Не могъ же я тогда ошибиться такъ грубо на Невскомъ!

— Какъ, вы видѣли ее?

— То-то, что не могу сказать ничего навѣрное. Тѣмъ болѣе, я и видѣлъ ее одно мгновеніе. Еще недавно мѣсяца два назадъ, въ августѣ. Ѣду вечеркомъ на извозчикѣ, смотрю на публику, а она навстрѣчу... Бойко-бойко такъ пробирается въ толпѣ. Ну, вы понимаете: походка!.. фигура!.. профиль!.. сходство поразительное. Вотъ, я вамъ скажу, была минута. Одна изъ тѣхъ, въ которыя жизнь, какъ соломинка, ломается на-двое... и трещатъ каменные дома съ мезонинами! Но покуда я останавливалъ возницу, пока вылѣзалъ,—миражъ разсѣялся. Нигдѣ... никого, похожаго на Вѣрочку! Ну, вотъ: что это было? Обманъ зрѣнія?.. галлюцинація? Или просто она сама—и это всего вѣроятнѣе—не надѣясь на свою твердость, свернула куда-нибудь въ магазинъ, подъ ворота?

Мы опять замолчали. Отчетливо тикали на стѣнѣ огромные часы. И вдругъ самые разнородные звуки: голоса, ка-

шель, трескъ билліардныхъ шаровъ, чье то отрывистое восклицаніе разомъ ворвались въ комнату. То слуга отворилъ къ намъ дверь изъ коридора.

— Господа приказали доложить, что они собираются ужинать.

Кашинцевъ взглянулъ на часы.

— На здоровье! Пускай садятся. Скажи, что къ дессерту... то бишь, къ разсчету... я явлюсь,—прибавилъ онъ съ ехидной улыбкой.

Дверь захлопнулась. Я всталъ и началъ искать шляпу.

— Какъ! и вы сбираетесь?.. Уже?—меланхочески воскликнулъ Кашинцевъ.—Я навелъ на васъ тоску? Ну, съ этимъ ничего не подѣлаешь. Видно, изъ своей шкуры не вылѣзти. Давайте же съ горя хоть чокнемся въ послѣдній разъ.

Я отрицательно покачалъ головой.

— Какъ?—не хотите и этого? Почему? Э! полно!.. выпьемте. Вѣдь это и у насъ, пожалуй, послѣднее свиданіе. Вы не придете больше ко мнѣ. Вѣдь не придете?.. Навѣрное? О, я превосходно знаю, что вы думаете. Какой-де интересъ якшаться съ человѣкомъ, имѣющимъ постепенно обратиться въ сухую бюрократическую кость? А, между тѣмъ, вы и на этотъ разъ... можетъ быть, больше прежняго... ошибаетесь. Слушайте!—онъ ловилъ меня за руки, которыя я инстинктивно отдергивалъ:—если мнѣ удастся достигнуть того, къ чему я иду, къ чему стремлюсь твердо и неуклонно... да постойте же минутку и выслушайте!—если мнѣ удастся достигнуть хотя нѣкотораго относительнаго значенія, хотя крупицы власти и силы... божусь вамъ!—Кашинцевъ крѣпко ударилъ себя въ грудь,—я не употреблю ихъ во зло! Я буду пользоваться своей властью, своимъ значеніемъ по ея завѣту. По тому завѣту, который остался отъ нея въ моемъ сердцѣ.

Онъ смотрѣлъ на меня блестящими, умиленно-сіяющими глазами.

— Вы молчите?—вдругъ воскликнулъ онъ съ огорченіемъ.—Вы не вѣрите мнѣ?

Я вспомнилъ, какъ сіяли эти глаза два съ половиной года назадъ въ больницѣ, какъ тогда трепеталъ отъ волненія его голосъ, и произнесъ не безъ злости:

— Скажите лучше, скоро ли поступите по другому завѣту Вѣрочки: женитесь?

Онъ безнадежно махнулъ рукой.

— Чужія!

— Ну полно! Ужъ, вѣроятно, кто-нибудь есть у васъ на примѣтѣ?

— Положимъ. И даже титулованныя. Не чета Вѣрочкѣ: съ состояніемъ, со связями. Но... я подожду. Поэзія жизни

прожита, а съ прозой... мы еще успѣемъ. Впрочемъ, мнѣ даже не вѣрится, чтобы и поэзія была прожита такъ-таки вся, безъ остатка. Присядьте еще на минутку: я разскажу вамъ еще одну вещь... и прелюбопытную...

Я присѣлъ, а онъ, помолчавъ нѣсколько секундъ въ раздумьи, заговорилъ вполголоса:

— Знаете, чѣмъ будетъ заниматься вотъ эта ваша высыхающая бюрократическая кость, вернувшись изъ ресторана? Да ни больше, ни меньше, какъ тѣмъ, что разложитъ передъ собой на столѣ священныя реликвіи: цѣпочку, которая обвивала нѣкогда шею Вѣрочки, кольца, которыя красовались у нея на тоненькихъ пальчикахъ, броши, медальоны,—и начнетъ ждать... чего, вы думаете? Да „не дрогнетъ-ли звонокъ въ ночной тишинѣ", не раздадутся ли быстрые шаги за портьерами? Что вы смѣетесь? Развѣ вы не можете допустить, что иногда между нами... даже теперь... устанавливается нѣчто вродѣ магнетическаго сообщенія и, какъ это ни странно,—именно при помощи этихъ вещичекъ? Что она, почувствовавъ призывъ, неудержимо выбѣгаетъ на улицу, беретъ перваго встрѣчнаго извозчика, гонитъ его, что есть духу, заглядываетъ на свѣтъ въ окна, поднимается по лѣстницѣ?.. Кажется, еще одно усиліе—съ моей стороны, и она вбѣжитъ, обовьетъ шею ручонками:—Покажи глаза? Ты плакалъ?—Ну, и шабашъ! Одно изъ двухъ: либо опять затрещитъ все по швамъ: и моя карьера, и теткинъ домъ съ колоннадой и со статуями, либо меня на другой день отвезутъ, нимало не медля, на седьмую версту въ Удѣльную...

Я всталъ и, шутя, похлопалъ его по плечу.

— Ну, полноте! Что вы, что что тетушкинъ домъ, судя по всему, довольно прочной постройки: выдержите.

— Ага! Вамъ угодно иронизировать? Не ошибитесь, смотрите. Ну-съ, такъ какъ-же: чокнемся въ послѣдній разъ? Если не въ память нашихъ, нѣкогда почти дружескихъ отношеній, то хотя въ память Вѣрочки?..

— Извините, я считаю такой тостъ прямо... кощунственнымъ.

— Вы меня не поняли. Я хочу сказать: за ея здоровье! Виноватъ: за исполненіе ея желаній!

Я взялъ бокальчикъ и выпилъ его залпомъ.

Черезъ минуту мы, въ сопровожденіи извивавшихся и присѣдавшихъ лакеевъ, дошли до прямого выхода изъ кабинетовъ на лѣстницу и тамъ разстались. Въ головѣ у меня шумѣло. Хорошо помню, что, шагая по Невскому и вглядываясь по привычкѣ въ встрѣчныя женскія лица, я время отъ времени останавливался и, вѣроятно, къ немалому удивленію прохожихъ, восклицалъ почти со слезами:

— Вѣрочка! Уголекъ мой красный! Какъ я могъ во столько времени не удосужиться и не написать съ тебя портретъ?!

Вл. Ѳаворскій.

---

* * *

Золотистой ржи колосья нагибая на ходу,
Я одна навстрѣчу солнцу въ полдень блещущій иду.
Облака въ высокомъ небѣ и воздушны, и легки,
И синѣютъ ярче неба между рожью васильки.
Отъ земли встаетъ дыханье медуницъ и чебреца,
Къ небу тянутся ромашекъ золотистыя сердца.
Облака, цвѣты и травы, и поля, и дальній лугъ...
Солнце все связало вмѣстѣ, все слило въ единый кругъ!
И, пронизанъ блескомъ солнца, вѣтеръ теплый и живой
Гнетъ къ землѣ цвѣты, и травы, и колосья предо мной,
И шуршитъ, срывая красный съ головы моей платокъ:
„Ты сама—межъ травъ былинка, въ полѣ ты сама цвѣтокъ“.

Ада Чумаченко.

свое добро, копить состоянiе; тамъ они могли, стоя, вкушать свою пищу, могли спокойно умирать. А на холмѣ, недалеко отъ города, разстилалось ихъ кладбище съ тѣсно разставленными надгробными камнями, похожими издалека на толпу людей, простирающихъ къ небу свои руки — тамъ они могли мирно покоиться и ждать своего Мессiю.

Всѣ вѣрили, что онъ скоро придетъ.

Для iудеевъ настали тяжелыя времена: горе и несчастiя не покидали ихъ даже во снѣ, они преслѣдовали ихъ даже во мракѣ ночи. Всюду ихъ встрѣчала ненависть: ненависть со стороны народа, ненависть и злоба со стороны правительства, которое выжимало изъ нихъ кровь и деньги и гнало ихъ, какъ скотъ, на убой. Изъ Рима, черезъ море, до нихъ доносились проклятiя стараго папы; и эти проклятiя были для нихъ острымъ ножомъ, вонзавшимся въ старыя, еще незажившiя раны; солдаты-христiане убивали ихъ, шутя, ради забавы... Востокъ, объятый пламенемъ и ужасомъ, содрогался отъ стоновъ и рыданiй.

Но скоро, скоро долженъ придти Мессiя!

О приходѣ Мессiи молились утромъ, передъ началомъ работы, и вечеромъ, передъ отходомъ ко сну.

Вознося къ небу свои страстныя мольбы, эти несчастные не считали себя достойными такого великаго счастья. О, нѣтъ! Но развѣ Богъ не видитъ, какъ они бьются головами о землю въ своемъ безысходномъ горѣ и великомъ отчаянiи? Развѣ Онъ не слышитъ, какъ они обѣщаютъ Ему нести безропотно все, что выпадетъ на ихъ долю? О, какъ тяжело, какъ невыносимо тяжело! У нихъ нѣтъ времени и покоя обдумать весь ужасъ своего положенiя, они даже и помолиться не могутъ спокойно. Они должны зарабатывать свой хлѣбъ, прятать накопленныя деньги; они должны умѣть склонять голову и пригибаться къ землѣ, когда въ нихъ бросаютъ камнями... Развѣ возможно найти время для того, чтобы исполнять всѣ Его заповѣди? Но, несмотря ни на что, въ ихъ измученной памяти сохранились всѣ слова молитвы, всѣ священные обычаи; только въ памяти и была замѣтна жизнь, а во всемъ остальномъ оставалось надѣяться и ждать.

Мессiя долженъ придти, потому что никогда еще не нуждались они въ немъ такъ сильно, какъ теперь; онъ долженъ подвязать свой виноградникъ, потому что лозы его лежатъ въ пыли и грязи. Онъ придетъ! Мудрый равви Бенъ-Исса давно уже высчиталъ его пришествiе, которое должно совпасть съ двѣсти пятьдесятъ шестымъ мѣсячнымъ цикломъ; а Бенъ-Исса—очень умный человѣкъ, онъ не могъ ошибиться. Этотъ день приближается, говорили всѣ раввины и качали своими сѣдыми головами. Они не сомнѣва-

лись въ томъ, что предсказаніе Бенъ-Иссы сбудется, но въ то же время они боялись вѣрить, что ихъ страданіямъ наступитъ конецъ. По всей странѣ, крадучись, ходили какія-то переодѣтыя, таинственныя фигуры; онѣ осторожно проскальзывали въ низкія ворота и двери, приносили радостныя вѣсти о скоромъ освобожденіи, чертили на пескѣ какіе-то круги и проводили субботніе вечера то въ одной, то въ другой семьѣ, задумчиво глядя на потухшій очагъ.

Былъ вечеръ. Приближалась суббота. На крыльцѣ, выходившемъ на задній дворъ и на рѣку, сидѣла Рахиль и съ нетерпѣніемъ ждала, когда, наконецъ, стихнетъ шумъ и наступитъ покой.

Она устала отъ дневной сутолоки, устала отъ затворнической жизни; ей надоѣла и длинная зима, и весна, которая ничего не могла дать ей. Весна была не для нея, не для ея народа, она ничего не приносила имъ, она лишь брала. Весна наступала и приносила съ собой разноцвѣтныя, переливающіяся, какъ алмазы, росинки, звенящій, благоухающій воздухъ, радостныя пѣсни, блескъ, свѣтъ и какое-то безотчетное томленіе... Нѣтъ, весна не для нихъ!

Развѣ они могутъ давать, разъ у нихъ связаны руки? Развѣ они могутъ радоваться, разъ сердца ихъ объяты ужасомъ? Они не могутъ наслаждаться свѣтомъ и солнцемъ, ибо погружены во мракъ! Они не могутъ жаловаться, ибо они онѣмѣли отъ побоевъ!

Нѣтъ, положить свою усталую голову на руки, смотрѣть передъ собой, таить въ себѣ наболѣвшее горе, тихо убаюкивать себя, забыться, умереть—вотъ ихъ участь. Покой для нихъ необходимѣе всего, а они такъ рѣдко могли пользоваться имъ.

Согнанные въ одну тѣсную массу, почти прижатые другъ къ другу, они были обречены на то, чтобы вздрагивать при малѣйшемъ движеніи въ толпѣ. Стоило имъ поднять взоры, и они видѣли страданія, болѣзни; стоило имъ пошевелить рукой, и они наталкивались на раны и язвы.

Всѣ заботы и невзгоды становились еще тяжелѣе, еще невыносимѣе оттого, что *всѣ* принимали въ нихъ участіе; малѣйшая радость тускнѣла, потому что жалкіе отзвуки ея не могли жить въ этомъ спертомъ, затхломъ воздухѣ, наполненномъ вздохами и рыданіемъ. А когда на землю спускалась темная, тихая ночь и когда люди оставались наединѣ съ собой, то ими овладѣвало безпокойство, ихъ мучили тяжелые кошмарные сны.

По временамъ тишина нарушалась криками. Случалось, что кто-нибудь въ погонѣ за приключеніями, ради забавы, спускался сверху въ еврейскій кварталъ, и тогда въ воз-

духѣ проносился отчаянный вопль. И всѣми, кто слышалъ его, овладѣвалъ нѣмой, леденящій ужасъ. Иногда женщина рождала на свѣтъ ребенка—это было самое ужасное. Тогда Рахиль прижимала руки къ своему пылавшему лбу, и ей казалось, что все такъ безнадежно, мрачно, такъ невыносимо тяжело. Она не могла понять—зачѣмъ, для кого она живетъ.

А рѣка, рѣка! Чего она хочетъ, куда стремится? Зачѣмъ шумитъ, пѣнится, реветъ? Иногда она вдругъ поднимала лодки на своей порывисто дышащей груди и черезъ минуту снова опускала ихъ; по пути она забирала старые стволы деревьевъ, кусты, которые высовывали свои корни изъ воды, и несла ихъ внизъ по теченію; она гнѣвно взирала изъ пѣнистой пучины своими бѣлыми глазами, она взывала—о чемъ? Что означали ея вопли — насмѣшка это, или угроза? Она неслась все дальше, дальше, напоминая собой дикое, разъяренное животное съ развѣвающейся бѣлой гривой, которое, фыркая, проползаетъ подъ своды моста, при поворотѣ оглядывается назадъ и смотритъ, все смотритъ... Рахили казалось, что скоро всему наступитъ конецъ: рѣка выступитъ изъ береговъ, бросится на городокъ, сорветъ дома, разобьетъ ихъ о своды моста, увлекая болѣе тяжелые предметы въ глубину, а болѣе легкіе закружитъ въ пѣнѣ... Да, такъ это и должно быть!

Вдругъ по рѣкѣ пронесся пронзительный свистъ, похожій на крикъ хищной птицы, и на свинцовой поверхности воды черной точкой мелькнула лодка. Въ ней стоялъ человѣкъ, и по тому жесту, который онъ сдѣлалъ, Рахиль поняла, что онъ проситъ ее посторониться, собираясь пристать именно къ тому мѣсту, гдѣ она сидѣла. Рахиль прижалась къ косяку двери, и не успѣла вскрикнуть отъ страха за отважнаго пловца, какъ онъ съ такой силой оттолкнулся весломъ отъ камня, что оно сломалось. Черезъ секунду къ ней протянулись двѣ руки... Прыжокъ и незнакомецъ очутился рядомъ съ ней.

Рахиль не успѣла разсмотрѣть его лица, она не знала, кто онъ такой; она наклонилась внизъ, указывая рукой на лодку, которая безпокойно покачивалась на волнахъ.

— Скорѣе схвати ее,—закричала она,—а то ее унесетъ!

Тогда незнакомецъ изо всѣхъ силъ оттолкнулъ ногой лодку; теченіе подхватило ее и бросило подъ своды моста, гдѣ она разбилась на мелкіе куски; нѣкоторое время изъ воды, на подобіе переломленныхъ реберъ, торчалъ остовъ лодки, но вскорѣ и его поглотила пучина.

Рахиль съ испугомъ подняла голову и посмотрѣла на незнакомца. Онъ былъ очень блѣденъ, лицо его было по-

крыто каплями воды или пота, а глаза безпокойно, дико блуждали.

— Ты одинъ изъ нашихъ?—спросила она.

Онъ даже не посмотрѣлъ на нее, не захотѣлъ убѣдиться въ томъ, кто она такая, и отвѣтилъ: „Нѣтъ".

— Но одежда твоя еврейская...—Она вдругъ остановилась, у нея не хватило духу указать на желтую лилію на его плечѣ.

— Ты былъ въ большой опасности,—начала она.

Онъ посмотрѣлъ на нее и сурово сказалъ:

— По твоему выговору я вижу, что ты—еврейка. Нѣтъ, я не былъ въ опасности. Я еврейскаго происхожденія, но я жилъ въ пещерахъ.

Рахиль поняла его.

— Такъ, значитъ, ты одинъ изъ тѣхъ, кто *оплакиваетъ Сіонъ*!—воскликнула она и вздрогнула, вспомнивъ всѣ тѣ сказанія и легенды, въ которыхъ говорилось о невѣроятныхъ лишеніяхъ и о благочестіи этихъ людей, отрѣшившихся отъ міра.—Значитъ, ты всю свою жизнь провелъ тамъ, въ горахъ, въ постѣ и молитвѣ? Значитъ, ты никогда не бывалъ здѣсь?

Казалось, что онъ не слушаетъ ее. Онъ стряхнулъ воду съ волосъ.

— Но я ушелъ онъ нихъ,—сказалъ онъ,—скорби наступилъ конецъ, теперь настало время безмолвнаго ожиданія.

И онъ какимъ-то особеннымъ движеніемъ расправилъ свои члены; казалось, онъ подавилъ въ себѣ крикъ торжества и погасилъ сверкнувшую во взглядѣ искру.

Рахиль не понимала его, ее пугала эта быстрая перемѣна въ выраженіи его лица.

— А лодка?—пробормотала она.—Отчего ты...

Онъ обернулся и рѣзкимъ движеніемъ протянулъ руку по направленію къ водовороту, словно желая бросить ее туда.

— Потому что эта лодка привезла меня сюда, но ужъ не отвезетъ меня обратно. Потому что путь этотъ для меня новый, и позади меня возвышается стѣна.

Потомъ онъ схватилъ ее за руку и поднялъ съ порога.

— Идемъ,—сказалъ онъ.—Кто ты такая? Гдѣ твой домъ? Веди меня къ раввину!

— Меня зовутъ Рахиль, а моего отца Хаананъ, онъ—раввинъ. Мой домъ недалеко отсюда, вотъ онъ.

Она указала рукой на дверь, у которой сидѣла, и опустила глаза, но онъ даже не посмотрѣлъ на нее, а повернулся и быстро вошелъ въ домъ, плотно сжавъ губы.

Рахиль послѣдовала за нимъ; въ дверяхъ она схватила

его за плащъ, онъ молча обернулся и вошелъ вмѣстѣ съ нею.

Незнакомецъ подошелъ къ раввину и впился въ него испытующимъ, пронизывающимъ взглядомъ. Раввинъ былъ сгорбленный человѣкъ, съ кроткимъ выраженіемъ рта и робкими проницательными глазами, которые имѣли какое-то отсутствующее выраженіе. Незнакомецъ съ перваго взгляда понялъ его и опустилъ глаза.

— Меня зовутъ Менахемъ,—сказалъ онъ.—Я пришелъ сюда изъ пещеры, чтобы пожить здѣсь нѣкоторое время. Я не хочу быть твоимъ гостемъ, я только хочу пойти съ тобой въ синагогу, чтобы увидѣть всѣхъ.

Рахили показалось, что въ его нежеланіи быть ихъ гостемъ таится презрѣніе и ненависть къ нимъ; ея сердце больно сжалось, и она, не простившись, вышла изъ комнаты.

Но, услыша его шаги на улицѣ, она выскользнула изъ дому и послѣдовала за нимъ въ синагогу, чтобы посмотрѣть, какое впечатлѣніе онъ вынесетъ отъ всей этой обстановки и за кѣмъ онъ послѣдуетъ домой. Въ низкомъ проходѣ, гдѣ стояли женщины, было темно и почти пусто; маленькія лампочки бросали слабый свѣтъ на желтоватыя лица, и тѣни, падающія на полъ, казалось, боролись и душили другъ друга.

Незнакомецъ низко склонился въ дверяхъ, тихимъ глухимъ голосомъ забормоталъ что-то и, прежде чѣмъ поднять голову, быстрымъ внимательнымъ взглядомъ окинулъ всѣхъ окружающихъ.

Всѣ эти люди были похожи другъ на друга, у всѣхъ на плечѣ лежала рука, которая давила ихъ своей тяжестью; никто изъ нихъ не былъ похожъ на него, Менахема; всѣ они стояли съ опущенными глазами, мрачные, сгорбленные, напоминая собой какія-то тѣни. Впрочемъ, одинъ стоялъ прямо, это былъ слѣпой Уссіа: быть можетъ, благодаря тому, что онъ былъ слѣпъ, онъ не опускалъ своихъ глазъ передъ лицомъ Господа. Въ выраженіи его лица было что-то загадочное, непонятное: трудно было сказать—плачетъ онъ или смѣется. Рахиль увидѣла, какъ незнакомецъ и на немъ остановилъ свой внимательный взоръ и послѣ этого, какъ будто, успокоился, видимо, остановившись на какомъ-то рѣшеніи. Молча и неподвижно стоялъ онъ до конца богослуженія, а по окончаніи его, не говоря ни слова, подошелъ къ слѣпому и послѣдовалъ за нимъ. Уссіа былъ жестокій, всѣхъ презирающій человѣкъ, и Рахиль очень огорчилась, увидя, что выборъ незнакомца палъ на него.

И долго еще въ тишинѣ ночи перебирала она въ памяти

всѣ слова незнакомца; ей мерещился и сѣрый, ненастный день, и шумъ воды, и лодка, которая разбилась о каменные своды моста.....

Нѣсколько дней послѣ этого Рахиль не встрѣчалась съ нимъ, но она постоянно чувствовала его присутствіе. Воздухъ былъ полонъ имъ, онъ трепеталъ, какъ если бы по близости горѣло яркое, большое пламя. Все было охвачено смутнымъ безпокойствомъ: голоса какъ то странно дрожали, лица судорожно передергивались, даже занавѣси колыхались сильнѣе обыкновеннаго; казалось, въ воздухѣ происходитъ какая то бѣшеная пляска тѣней, призраковъ; высоко въ небѣ замирали стаи перелетныхъ птицъ и плавно парили на одномъ мѣстѣ.

Руки Рахили трепетали, ея голосъ утратилъ свою звучность отъ переполнявшихъ ее чувствъ, и она вся притаилась, ждала чего-то, каждый ея нервъ былъ напряженъ, натянутъ, какъ струна.

На улицахъ тоже все измѣнилось: люди ужъ не проходили мимо другъ друга молча, спѣша куда то—они смотрѣли другъ другу въ глаза. Они останавливались, шепотомъ говорили о чемъ-то; иногда собиралась даже толпа, которая до такой степени заполняла узкій переулокъ, что, казалось, старые мрачные дома по бокамъ его раздвинутся, разрушатся. Люди перестали оберегать свое имущество, побросали свои лавки, торговлю. Съ улицъ до Рахили доносились какія-то необыкновенныя, неслыханныя слова.

Но одно имя было у всѣхъ на устахъ—Менахемъ. Всюду оно приносило съ собой цѣлую бурю новыхъ, небывалыхъ ощущеній.

И еще одно имя—Мессія!

Съ этимъ именемъ было связано старое преданіе, которое цѣлыя поколѣнія слышали несмѣтное число разъ; преданіе, которымъ было отмѣчено цѣлое тысячелѣтіе страданій; оно, подобно золотому сказочному кораблю, носилось по морю скорби и рыданій; оно напоминало собой сверкающую искру, которая не угасла, поддерживаемая послѣдней надеждой погибающихъ; она тихо тлѣла во мракѣ горя и страданій, и при слабомъ свѣтѣ ея еще мрачнѣе, еще непригляднѣе становилась тьма, которая заволокла все кругомъ.

О, это старое преданіе, которое разсказывали такимъ страннымъ голосомъ: въ немъ слышалось страстное желаніе вѣрить, надѣяться, но вмѣстѣ съ тѣмъ звучала такая тоска, такое безысходное отчаяніе!...

„Мессія придетъ,—и это такъ же вѣрно, какъ то, что есть Богъ. Быть можетъ, онъ придетъ завтра, но тогда

меня ужъ не будетъ въ живыхъ. Его милосердіе будетъ сіять, какъ весеннее солнце, но какъ тяжело угасать во мракѣ! Онъ протянетъ руку помощи всѣмъ обездоленнымъ; всюду, куда онъ придетъ, воздухъ будетъ наполняться шелестомъ и шорохомъ, какъ отъ поднимающихся колосьевъ и цвѣтовъ, побитыхъ вѣтромъ,—но какъ тяжело, о какъ невыносимо тяжело теперь!“

Преданіе переходило изъ одного поколѣнія въ другое, изъ устъ въ уста. При появленіи на свѣтъ ребенка, когда прекращались страданія матери, она смотрѣла на свое дитя, которое лежало у ея груди, такое теплое, мягкое, и въ первыя минуты счастья въ ея сердцѣ вспыхивала надежда— о, можетъ быть, онъ доживетъ!.. Но эта надежда сейчасъ же угасала, и мать думала: если бы это счастье было суждено ея ребенку, то она готова своей жизнею заплатить за него.

И вотъ, преданіе снова овладѣло всѣми умами... Мудрецы высчитали, что время настало, часъ пробилъ. Они узнали это изъ древнихъ пророчествъ и вѣрили пророкамъ, но иногда они тяжело вздыхали, потому что овладѣвало сомнѣніе: не ошибся ли тотъ, кто записывалъ пророчество?

Усталые, измученные взоры обращались къ этому преданію, какъ взоры дѣтей къ сказкѣ, когда сонъ уже начинаетъ застилать туманомъ ихъ сознаніе.

Но теперь во всемъ появился какой-то новый оттѣнокъ. Это не была непоколебимая вѣра въ побѣду, это было какое то смутное безпокойство, полное вопросовъ и сомнѣній. „Менахемъ обѣщаетъ, Менахемъ сказалъ, Менахемъ видѣлъ во снѣ“... Чувствовалась попытка бороться, но борьба возможна лишь въ мірѣ дѣйствительности: съ преданіями бороться невозможно.

Менахемъ возбуждаетъ молодые умы, маня ихъ и соблазняя мишурой, блескомъ; онъ опасенъ, онъ не въ своемъ умѣ... Чего онъ хочетъ?

Неужели у христіанъ не вспыхнули подозрѣнія? Неужели въ воздухѣ не чувствуется приближеніе опасности? Не лучше ли скрывать это преданіе, не говорить о немъ?

Рахиль тоже не могла понять, чего хочетъ этотъ незнакомецъ, но ее охватывалъ трепетъ при воспоминаніи о его блуждающемъ взглядѣ и быстрыхъ, рѣзкихъ движеніяхъ. Она считала его сумасшедшимъ, безумнымъ. Но все же его имя и для нея имѣло какую то манящую, притягательную силу.

И вотъ однажды она встрѣтила его на берегу рѣки, когда солнце бросало снопы лучей изъ-за темно-синихъ разорванныхъ тучъ.

Онъ бормоталъ что-то, то повышая, то понижая голосъ, и пристально смотрѣлъ на воду. По временамъ онъ поднималъ голову, съ улыбкой глядя на сверкающую поверхность зыби... Быть можетъ, передъ нимъ вставало какое-нибудь видѣніе?.. Его глаза и зубы сверкали холоднымъ блескомъ. Онъ замѣтилъ Рахиль и молча окинулъ ее мрачнымъ взглядомъ.

— Ты часто приходишь сюда, Рахиль?—спросилъ онъ, наконецъ.

Голосъ Рахили дрогнулъ, когда она отвѣтила:—Тутъ только и можно дышать.

Менахемъ вплотную подошелъ къ ней, взялъ ея руки и, держа въ своихъ, какъ какую-нибудь вещь, долго разсматривалъ ее. Когда онъ заговорилъ, въ его голосѣ зазвучали презрѣніе и насмѣшка.

— Слишкомъ бѣлая рука, слишкомъ бѣлая,—строго сказалъ онъ.—Здѣсь есть руки усталыя, слабыя, худыя руки, такія безсильныя, что женщины даже не могутъ ломать ихъ въ минуты горя и отчаянія. Твоя рука слишкомъ бѣла, и твои глаза слишкомъ сухи. Здѣсь есть глаза, которые не видятъ отъ слезъ. Тамъ ты не можешь дышать, не можешь плакать, ты отворачиваешься, уходишь оттуда. Ты сидишь на берегу, тоскуешь, мечтаешь о красныхъ башмакахъ, о цвѣтахъ, о комнатахъ, куда не доносятся плачъ и рыданія. Ты ждешь, чтобы къ берегу пристала ладья, украшенная пурпурными тканями, ты войдешь въ нее, и она, плавно скользя по рѣкѣ, увезетъ тебя далеко, далеко... Ты не будешь слышать ни звука, ты будешь лежать на мягкихъ подушкахъ, окруженная пурпуромъ и блескомъ.

— Но теченіе уноситъ съ собой все, что разъ попалось на его пути, и твоя ладья попадетъ въ водоворотъ и разобьется во мракѣ подъ каменными сводами. Оглянись кругомъ, развѣ въ этомъ воздухѣ могутъ выжить твои мечты? Вѣдь онъ давитъ, какъ свинецъ. Свѣтъ, доходящій сюда, похожъ на отблескъ, бросаемый копьями и сѣкирами. Твоя печаль и твоя радость слишкомъ малы для этой рѣки. Вернись назадъ! Тамъ, по крайней мѣрѣ, ты можешь рыдать вмѣстѣ съ другими, тамъ раздѣлятъ твое горе, тамъ оно будетъ къ мѣсту. Здѣсь же скорбь слишкомъ велика!

И онъ рѣзкимъ движеніемъ оттолкнулъ ея руку.

Рахиль нахмурила брови.

— О нѣтъ, тамъ слишкомъ тѣсно для моей печали. Я не ищу радости. А ты... зачѣмъ ты пришелъ сюда?

Менахемъ молчалъ и, казалось, не слышалъ ея вопроса, а тихо шевелилъ губами и прислушивался къ тому, какъ

у самаго берега подъ широкимъ листомъ тихо бурлила вода. Рахиль продолжала:

— Ты усталъ,—почему же я не могу устать? Ты видѣлъ ихъ печаль? Она только гнетъ ихъ спины, а глаза остаются сухи. Они лишь считаютъ удары, не обращая вниманія на то, откуда они сыпятся. Считать удары стало ихъ утѣшеніемъ. Они стараются не видѣть окружающаго; они заглушаютъ другъ друга и даже не слышать собственныхъ своихъ криковъ. Здѣсь, на берегу рѣки, мои глаза раскрываются, я прозрѣваю. Здѣсь моя печаль становится великой.

Онъ прислонилъ ея голову къ своему плечу и протянулъ руку впередъ, указывая на свѣтлую полоску вдали.

— Здѣсь и радость также велика!—воскликнулъ онъ въ какомъ то экстазѣ.—Посмотри, видишь эту стѣну сверкающихъ копій, которая движется на насъ?

Его сильный голосъ оглушилъ ее. Эти звуки подняли ее отъ земли, какъ бы укачивая, усыпляя ее... Она трепетала отъ прикосновенія его руки, чувствуя себя пойманной и въ то же время испытывая счастье отъ сознанія этого.

— Сверкающія копья надвигаются на насъ. Вода стоитъ, какъ стѣна. Развѣваются волосы, одежды... слышится ржаніе и фырканіе коней, но ни одинъ человѣческій голосъ не нарушаетъ этой гордой тишины. Они идутъ прямые, какъ колонны, идутъ прямо на насъ...

— Былъ однажды народъ, обращенный въ рабство, угнетаемый и преслѣдуемый до того, что свѣтъ казался ему мракомъ. Но вотъ появился человѣкъ; онъ протянулъ руку, и въ глубинѣ темной ночи засіялъ свѣтлый путь.

— Здѣсь радость велика! Ты чувствуешь ее?

— Ты умѣешь плясать, плясать подъ звуки бубна, какъ Миріамъ? Ты умѣешь бить ногой объ ногу, плавно разводить руками и пѣть: „Будемъ славить Господа! Чудны дѣла Его!“—ты видишь ея сѣдые волосы? Они развѣваются, какъ языки пламени; суставы на ея пальцахъ побѣлѣли... Звуки возносятся въ вышину на подобіе вылетающихъ изъ лука стрѣлъ, падаютъ позади нея и снова поднимаются выше, выше... словно они соединены пурпурной лентой, которая уноситъ ихъ высоко надъ землей. Это побѣдная пѣснь!

Отверстіе между тучами стало уже, но кусочекъ неба прояснился, и изъ за него вырвался золотой солнечный лучъ; на фонѣ темнаго свинцоваго неба онъ казался золотымъ. Все запылало золотомъ, и вода вдругъ покрылась золотистыми блестками.

Менахемъ отодвинулся отъ Рахили, повернулся къ ней и посмотрѣлъ на нее такимъ взоромъ, словно онъ видѣлъ ее въ первый разъ. Его глаза сверкали безумной радостью.

Онъ продолжалъ, обращаясь къ ней, сильно жестикулируя:

— Придетъ человѣкъ, онъ придетъ скоро! Быть можетъ онъ уже здѣсь. Равви Бенъ-Исса высчиталъ это тысячу лѣтъ тому назадъ, когда люди такъ же, какъ и теперь дрожали отъ нетерпѣливаго ожиданія, но Исса былъ совершенно спокоенъ, потому что онъ зналъ лучше ихъ всѣхъ, когда этому человѣку суждено придти.

— Теперь время настало. Равви Бенъ-Исса предсказалъ это, а я, Менахемъ, видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ! Во снѣ я слышалъ пѣніе, которое возвѣстило мнѣ о его пришествіи. Послѣ трехдневнаго поста я узрѣлъ его. Было раннее утро, и я, усталый, сидѣлъ у подножія горы. Вдругъ тьма разсѣялась, солнце прорвало тучи и взглянуло на меня. Мимо меня проносились какіе-то образы, видѣнія. Они скользили плавно, не дѣлая ни малѣйшаго движенія, повернувшись лицомъ въ одну и ту же сторону, словно они смотрѣли на что-то невидимое для меня. А за ними шелъ *онъ*. Солнце ослѣпило меня, и эти молчаливые образы въ длинныхъ одеждахъ выдѣлялись темными силуэтами на золотомъ дискѣ солнца. Но *онъ* казался кровавымъ пятномъ, *онъ* походилъ на большой яркій цвѣтокъ!

— Послушай, Рахиль, Мессія, котораго мы ждемъ, гораздо могущественнѣе Моисея. Онъ избавитъ насъ отъ рабства. Но не въ тысячелѣтіе блаженства введетъ онъ насъ. Наша страна похожа на гигантскій жертвенникъ, на которомъ приносились въ жертву наши праотцы и сжигались цѣлые города. Она побѣлѣла отъ пепла, покрывающаго ее; наша страна это—сѣдое темя земли.

— Но скоро засіяетъ блаженство, котораго мы еще не видали. По нашей странѣ будетъ шествовать Богъ, и на его пути выростутъ цвѣты. Мы будемъ лобзать землю съ рыданіями, а она воздастъ намъ поцѣлуемъ радости. Настанетъ вѣчный миръ и покой, горе и страданія исчезнутъ съ лица земли, на ней не останется ни одного раба!

Онъ углубился въ созерцаніе того видѣнія, которое предстало передъ его взоромъ; выраженіе его лица смягчилось, а въ глазахъ словно загорѣлись золотыя очертанія той страны, о которой онъ говорилъ. Въ его голосѣ послышались отзвуки чего-то далекаго и свѣтлаго.

— Это наша родина. Но дальше, еще дальше находится страна для избранныхъ... тамъ за красными рѣками, за сверкающими за солнцѣ горами...

Онъ замолчалъ, но взоръ его не отрывался отъ волшебнаго видѣнія.

— Ты войдешь въ страну твоихъ отцовъ, ты увидишь

Іорданъ, онъ прибьетъ къ твоимъ ногамъ сказочный корабль, но ты даже не взойдешь на него, потому что все будетъ такъ прекрасно въ этой странѣ. Рѣка будетъ извиваться на подобіе длинной золотой ленты; тебѣ будетъ трудно оторваться отъ этой картины.

Рахиль уже видѣла ту сказочную страну, о которой онъ говорилъ, и погрузилась въ мечты о ея прелестяхъ. За ней разстилается другая страна: воздухъ тамъ еще синѣе, еще прозрачнѣе, тамъ еще больше простора...

— А ты, ты?—спросила она.

Онъ грубо оттолкнулъ ее.

— Развѣ тебѣ не достаточно того, что ты будешь тамъ? Ты хочешь знать еще больше, женщина!

Она покраснѣла отъ досады и со смѣхомъ отвѣтила:

— Однако, ты не очень щедръ. Ты, вѣроятно, высоко цѣнишь свои мечты. Ты подарилъ мнѣ лишь одну мечту, половину. Тебѣ жалко, что ли, дать побольше?

Но Менахемъ не обратилъ вниманія на ея насмѣшку. Онъ смотрѣлъ на Рахиль и, казалось, не видѣлъ ее. Вонъ тамъ эта страна, скоро, скоро настанетъ время...

Рахиль жадно смотрѣла вдаль и всѣмъ своимъ существомъ вдыхала благоухающій воздухъ новой страны. Она внезапно почувствовала въ себѣ притокъ силы, жажду счастья, которая поднимаетъ человѣка такъ высоко, высоко на своихъ пурпурныхъ крыльяхъ... Въ ней вспыхнула жажда жизни...

— Эта страна,—спросила она тихо,—она прекрасна, неправда ли? Тамъ не тѣсно отъ людскихъ голосовъ и взглядовъ? Воздухъ тамъ легкій? Тамъ ничто не давитъ, не гнететъ? Тамъ никто не стоитъ на берегу рѣки при восходѣ солнца, съ тоской устремивъ свои взоры вдаль?

Менахемъ посмотрѣлъ на нее, и на лицѣ его появилось выраженіе безумной радости, торжества.

— Эта страна,—онъ говорилъ вполголоса, какъ въ храмѣ, но каждое слово его дышало увѣренностью:—въ этой странѣ, въ Арзаретѣ, воздухъ легкій и свѣжій, солнце свѣтитъ ярко; людямъ нѣтъ необходимости тѣсниться и жаться другъ къ другу, тамъ царятъ покой и тишина; въ воздухѣ не клубится дымъ отъ жертвенниковъ, все проникнуто сознаніемъ близости Іеговы и его всемогущества.

— О, эта страна не для насъ, женщинъ!

— А у тебя, Рахиль, хватитъ ли мужества послѣдовать за мной? Можешь ли ты плясать и пѣть, какъ Миріамъ? Будешь ли ты въ состояніи радоваться побѣдѣ, или побоишься оставить эту трущобу?

Рахиль твердо выдержала его взглядъ.

— Я боюсь лишь одного,—сказала она,—я боюсь, чтобы мнѣ не пришлось остаться здѣсь.

Тогда Менахемъ засмѣялся, громко разсмѣялся и протянулъ руки по направленію къ темнымъ мрачнымъ домамъ. И онъ заговорилъ громкимъ ликующимъ голосомъ, давая выходъ своему чувству торжества, которое охватило его. Казалось, онъ говорилъ только для себя, забывъ о существованіи Рахили.

— Женщина первая вызвалась идти со мной!—воскликнулъ онъ. Въ его голосѣ послышалась насмѣшка.—Женщина оказалась первой. Кто подсказалъ ей это?

— Должны же хоть нѣсколько человѣкъ думать такъ же, какъ она, должны же они понимать, въ чемъ дѣло! Быть можетъ, всѣ они молчатъ только для того, чтобы испытать меня?

— И такъ, надежда есть, разъ даже женщины сочувствуютъ этому!

И Менахемъ ушелъ медленно, слегка покачиваясь на ходу.

Рахиль заплакала, но она плакала не долго. Скоро она осушила слезы и стала прислушиваться къ отзвукамъ голоса незнакомца, сохранившимся въ ея памяти; она раздумывала надъ всѣмъ тѣмъ, что онъ говорилъ ей, и ее охватили тоска и желаніе проникнуть въ его таинственный, загадочный міръ. Наконецъ, она почувствовала гордость при мысли о томъ, что *она* испытала горечь его насмѣшекъ, *она* узрѣла слабый лучъ его видѣнія.

На слѣдующій день Рахиль не встрѣчалась съ нимъ, но она чувствовала его близость еще сильнѣе, чѣмъ прежде.

Въ городѣ появились какіе-то незнакомые люди—бѣглецы. Значитъ, начались новыя гоненія и убійства. Рахиль смотрѣла на ихъ блѣдныя изможденныя лица и слушала, какъ они слабымъ, прерывающимся отъ кашля и слезъ голосомъ разсказывали о кострахъ, о цѣпяхъ и оковахъ, о невыносимыхъ страданіяхъ и трудностяхъ бѣгства.

Опасность приближается,—говорили они.

Но теперь къ этимъ слухамъ относились уже нѣсколько иначе, чѣмъ прежде. Воздухъ былъ наполненъ тревогой, всюду слышались разспросы, совѣты, всюду упоминалось имя Менахема. А когда на землю спускалась тьма, то все успокаивалось и затихало; но тишина эта была какая то особенная—въ ней слышался затаенный, заглушенный шепотъ.

Рахиль не боялась. Она вѣрила въ незнакомца, и все ея существо было переполнено радостью. Она не знала, что именно онъ дастъ имъ, но она была увѣрена въ томъ, что

вѣра его не пропадетъ безслѣдно, и твердо надѣялась на него. Она мечтала, перебирала въ своей памяти все сказанное имъ, и въ его словахъ открылся для нея новый міръ, отъ нихъ повѣяло прохладнымъ, освѣжающимъ вѣтеркомъ.

Однажды вечеромъ Рахиль стояла неподвижно, глядя на заходящее солнце; ротъ ея былъ полураскрытъ, а руки безсильно висѣли вдоль тѣла.

Она ни о чемъ не думала, ничего не видѣла: одиночество и тишина оказали на нее какое-то магическое дѣйствіе, она погрузилась въ тихое блаженство.

Когда въ дверяхъ показался Менахемъ, Рахиль не удивилась, лицо ея не измѣнило своего выраженія; она лишь спокойно посмотрѣла на него.

Онъ, по обыкновенію, былъ сильно возбужденъ и, бросивъ на нее бѣглый взглядъ, хотѣлъ уже было пройти мимо, но потомъ остановился возлѣ нея.

— Это ты, Рахиль, — началъ онъ. — Ты знаешь, скоро Пасха.

Она ничего не отвѣтила ему и снова повернулась лицомъ къ закату; ее наполняло чувство счастья отъ сознанія, что онъ видитъ ее въ эту минуту.

— Черезъ нѣсколько дней будетъ ихъ Пасха. Я хочу поговорить съ раввиномъ. Хискія, который долженъ явиться къ нимъ въ церковь на ночное богослуженіе, отказался идти. Я говорилъ съ нимъ.

Въ его голосѣ послышалось злорадство, но Рахиль продолжала стоять все такъ же неподвижно, его слова доносились до нея откуда-то издалека.

Тогда онъ подошелъ къ ней и сказалъ, смѣясь:

— Вотъ все, чего я добился, но это главное. Ужъ не думаешь ли ты, Рахиль, что въ немъ заговорила гордость? Нѣтъ, у него нѣтъ гордости! Онъ просто струсилъ, я обманулъ его. Я сказалъ ему, что его сожгутъ послѣ богослуженія, и тогда онъ отказался идти. Ничего, кромѣ огня, и не могло бы смыть такое оскорблѣніе!

Менахемъ снова засмѣялся, его глаза сверкали въ темнотѣ.

— Основаніе я уже заложилъ, теперь остается строить. Это будетъ прекрасное зданіе, Рахиль!—онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, потомъ быстро повернулъ назадъ, метаясь, какъ тигръ въ клѣткѣ.

— Во всемъ этомъ городѣ есть одна лишь живая душа, и та слѣпа. Это Уссіа!—Ты знаешь Уссію? Онъ мертвый человѣкъ, лѣнивый, вялый, злой; жизнь его исковеркала, сожгла. Но подъ пепломъ въ немъ тлѣетъ одно чувство; оно

мерцаетъ, свѣтитъ, оно можетъ вспыхнуть яркимъ пламенемъ Уссіа умѣетъ ненавидѣть. А вы, развѣ вы всѣ способны хоть на какое нибудь чувство? Вы умѣете лишь пресмыкаться и униженно улыбаться!

— Знаешь, кого онъ ненавидитъ?

— Онъ ненавидитъ ихъ, вонъ тамъ на горѣ, онъ ненавидитъ ихъ всѣхъ, вплоть до неродившихся; онъ радуется, когда кто нибудь изъ нихъ умираетъ и когда ихъ колокола завываютъ, какъ собаки, которыхъ бьютъ. Онъ ненавидитъ васъ—онъ даже не обращаетъ вниманія на ваши страданія,—онъненавидитъ меня... О! онъ съ восторгомъ стеръ бы меня съ лица земли! Но больше всѣхъ онъ ненавидитъ Мессію!

— Какъ ты думаешь, почему онъ ненавидитъ его?

— Онъ ненавидитъ Миссію за то, что онъ усыпилъ васъ однимъ звукомъ своего имени, и никакія трубы не могутъ ужъ больше разбудить васъ. Онъ ненавидитъ его за то, что вечеромъ, когда небо окрашивается пурпуромъ заката, въ нашихъ сердцахъ вспыхиваетъ радостная надежда, мы ждемъ его, а онъ все таки не приходитъ. Насъ все больше и больше втаптываютъ въ грязь, молодыя сердца превращаются въ комки мяса—все это повторяется изъ году въ годъ столько же разъ, сколько разъ поспѣваетъ жатва. „Пусть онъ теперь придетъ, говоритъ Уссіа, пусть онъ придетъ, этотъ ничтожный, жалкій старикъ. „Пусть онъ придетъ и попробуетъ собрать свой народъ“! Уссіа хочетъ дожить до той минуты, когда можно будетъ встрѣтить его лицомъ къ лицу и сказать: „Осанна сыну Давидову, князю справедливости и побѣды! Радуйтесь, добрые люди, и прославляйте Господа! Но не топайте ногами о землю, берегитесь разбудить мертвецовъ! Вотъ что говоритъ Уссіа, вотъ о чемъ онъ думаетъ; но только мнѣ одному повѣдалъ онъ свои сокровенныя мысли, меня одного счелъ онъ достойнымъ этого... О! Уссіа ужасенъ!

Онъ посмотрѣлъ на Рахиль, ожидая прочесть на ея лицѣ выраженіе ужаса, но она стояла, все такъ же тихо улыбаясь. Всѣ его слова не трогали ее, потому что воздухъ вокругъ былъ напоенъ радостью.

Тогда насмѣшка сошла съ его лица, голосъ пересталъ бичевать и сдѣлался похожимъ на эхо какого-то глубокаго внутренняго голоса.

„Уссіа слѣпъ, онъ ничего не понимаетъ“.

Придетъ время—никто не будетъ спрашивать, долго ли это продолжалось. Всѣмъ будетъ казаться, что они всегда такъ жили. Тогда никто не будетъ сравнивать: всѣ преклонятъ колѣна и сложатъ руки для молитвы. Что можетъ

устоять противъ чуда? Развѣ можетъ быть холодъ тамъ, гдѣ пылаетъ огонь?

„Ненависть Уссіи велика. Когда Мессія придетъ, онъ взглянетъ на Уссію, охваченнаго жгучей ненавистью, и подъ этимъ взглядомъ слѣпой Уссіа прозрѣетъ, и тогда онъ увидитъ, что въ сердцѣ его была не ненависть, а любовь, и его наполнитъ чувство ликующей радости.

— Ты слышишь, Рахиль, какъ тишина затаила дыханіе и притаилась? Ты чувствуешь, до чего мы близки къ свободѣ?

Въ какомъ-то экстазѣ онъ закинулъ голову назадъ; на его полураскрытыхъ губахъ играла улыбка, бѣлые зубы сверкали.

Рахили казалось, что въ воздухѣ вокругъ нея рѣютъ бѣлыя крылья.

— Я все чувствую,—сказала она, не сознавая, не слыша своего собственнаго голоса. — Я чувствую счастье тишины и покоя. То будетъ не жизнь, а сладкій сонъ! То будетъ не покой, а несравненно большее. Времени не будетъ, лишь издалека будетъ доноситься эхо паденія его капель.

Менахемъ выслушалъ Рахиль и вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Какъ странно ты говоришь, Рахиль. Твои рѣчи навѣваютъ прохладу и свѣжесть, какъ легкій вѣтерокъ. Не обманываешься ли ты?

Вдругъ онъ съ досадой встряхнулъ головой.

— Я отнесся серьезно къ твоимъ пустымъ мечтамъ, женщина! Ты не можешь чувствовать торжества побѣды, Рахиль! Твое видѣніе безцвѣтно, оно не окрашено въ пурпуръ. Голосъ того, кто придетъ, могучъ, а ты слаба. Я не для тебя говорилъ все это!

Менахемъ пошелъ дальше, но его слова не нарушили душевнаго покоя Рахили. Ей только казалось, что счастье ея померкло, и она почувтвовала смертельную усталость. Его видѣнія влекли ее къ себѣ, но она наталкивалась на ея подозрѣніе; она углублялась въ его міръ, томилась и вмѣстѣ съ тѣмъ боялась того, что онъ долженъ былъ дать имъ всѣмъ.

Насталъ слѣдующій день.

Послѣ богослуженія всѣ собрались у раввина, чтобы обсудить отказъ Хискіи, назначить кого-нибудь другого вмѣсто него и обмѣняться мнѣніями относительно того броженія, которое вызвалъ незнакомецъ.

И вотъ всѣ пошли къ раввину, наводнили комнаты, коридоръ; кто-то откинулъ занавѣсъ, чтобы было больше мѣста. Собрались женщины, старики, мужчины; народъ

стоялъ на лѣстницѣ, на дворѣ, на улицѣ; даже сосѣдніе переулки кишѣли народомъ.

Въ этотъ вечеръ всѣ сняли свои черные плащи съ позорнымъ клеймомъ, потому что собирались праздновать побѣду, и никто не долженъ былъ чувтвовать себя рабомъ. Вся комната пестрѣла разноцвѣтными тканями — зеленаго, синяго, желтаго цвѣта, но надъ всѣмъ царилъ красный; на плечахъ и головахъ онъ казался свѣтлымъ, горѣлъ яркимъ пламенемъ, въ тѣни онъ смягчался, а въ темныхъ углахъ сгущался и напоминалъ комки запекшейся крови.

Но лица людей были блѣдныя, безъ единой кровинки, съ землистымъ оттѣнкомъ. Всѣ стояли съ опущенными по привычкѣ глазами, у нѣкоторыхъ былъ боязливый, пронизывающій взглядъ, который кололъ, какъ иглой, до боли. Агнца принесли къ раввину, предварительно намазавъ его кровью двери жилищъ; по временамъ свѣтъ фонарей скользилъ по стѣнамъ опустѣвшихъ домовъ и освѣщалъ красные кровавые кресты.

У столовъ стояли старики, готовясь приступить къ приготовленію трапезы; всѣ не могли принять въ этомъ участіе, такъ какъ въ комнатѣ было слишкомъ тѣсно. По старинному обычаю, въ рукахъ у присутствующихъ были длинные посохи; такъ повелѣлъ Моисей, когда ангелъ смерти прилетѣлъ во мракѣ ночи. Впереди ихъ ждалъ путь освобожденія, но они едва держали посохи въ своихъ дрожащихъ рукахъ, на ихъ сморщенныхъ истомленныхъ лицахъ не было написано и тѣни радости, движенія ихъ были вялы и медленны. Одинъ только Уссіа стоялъ прямо, точно окаменѣлый, глядя передъ собой своими незрячими голубыми глазами.

Пора было начать трапезу, но всѣ были заняты мыслями о предстоящемъ совѣщаніи, а кромѣ того, видимо, ждали кого-то; всѣмъ было извѣстно, что ждутъ Менахема.

А въ толпѣ ходили новые слухи. Говорили о новыхъ преслѣдованіяхъ, недалеко отсюда... порывъ вѣтра—и пламя охватитъ ихъ уголъ. Куда спастись отъ угрозъ? Туда, вверхъ, къ весеннему неспокойному небу съ несущимися тучами, или внизъ, въ черную, мерзлую землю?.. Кругомъ царила смерть.

А на сѣверѣ, гдѣ воздухъ тяжелѣе, гдѣ сыро и холодно—тамъ еще хуже. Толпы крестьянъ, предводительствуемыя разбойниками и безумцами, двигались по направленію къ святой землѣ. Когда они входили въ какой-нибудь городъ, то съ воплями, въ какомъ-то дикомъ порывѣ, бросались на евреевъ и убивали ихъ. Тогда къ Мессіи начинали возноситься крики и мольбы о помощи, отчаянные

вопли; спасенія не было: мужчины перерѣзали себѣ горло ножемъ, а женщины привязывали тяжелые камни къ груди и бросались въ рѣку. И безъ того ужасные слухи становились еще страшнѣе по мѣрѣ приближенія. Силъ больше не было выносить все это! Опасность росла и принимала угрожающіе размѣры.

Вдругъ на лѣстницѣ поднялось движеніе и показался Менахемъ. На немъ былъ надѣтъ черный плащъ, и желтое клеймо бросилось всѣмъ въ глаза, словно никто не видѣлъ его раньше. Послышалось перешептыванье, раздались угрозы, нѣсколько человѣкъ сдѣлали замѣчаніе, но большая часть въ безпокойствѣ молчала — что это значитъ. Уссіа наклонился къ сосѣду: онъ понялъ, въ чемъ дѣло.

— На немъ клеймо? — спросилъ онъ громко. Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ воскликнулъ, задыхаясь отъ смѣха:—Отлично! Великолѣпно! Такъ вотъ какъ мы празднуемъ побѣду! Какъ мнѣ въ голову не пришло сдѣлать то же самое? Жаль, что я не могу видѣть его. Скажите мнѣ, это клеймо въ видѣ желтаго копыта?

Голосъ Менахена покрылъ весь шумъ. Онъ стоялъ посреди комнаты возлѣ стола.

— Вы смотрите на мою одежду, словно никогда въ жизни не носили этого плаща. Развѣ вы никогда не съеживались подъ нимъ, когда низко, униженно кланялись? Развѣ вы никогда не чувствовали бремя этого клейма на своихъ плечахъ? Развѣ вашимъ женамъ не присылали ко дню свадьбы въ подарокъ желтыя лиліи? Развѣ ваши матери не имѣли передъ глазами желтыхъ лилій, когда появлялись на свѣтъ? А вы сами, развѣ вы не затаили глубоко въ сердцѣ боль, причиняемую вамъ этими желтыми лиліями? Неужели вы думаете, что нашъ Богъ не видалъ ихъ раньше? Неужели вы думаете, что онъ отвернется отъ вашего праздничнаго стола изъ-за этого рабскаго клейма, которое уже сотни лѣтъ вопіетъ о вашемъ позорѣ?

— Говорю вамъ, люди, отъ васъ отвратилъ Онъ въ гнѣвѣ и презрѣніи лицо свое, отъ васъ и отъ рабскаго клейма въ сердцахъ вашихъ! И вотъ насталъ часъ, и вы могли бы прочесть въ очахъ Его обѣтъ, отъ котораго въ вашихъ сердцахъ загорѣлось бы пламя надежды; но для этого вы должны поднять высоко въ воздухѣ тяготѣющее надъ вами клеймо позора и громко крикнуть: вотъ оно! Мы долго носили его на своихъ плечахъ, но теперь сбрасываемъ его съ себя и попираемъ ногами! Во имя Твое, Господи, позору нашему насталъ конецъ!

Менахемъ сбросилъ съ себя плащъ, грудь его высоко поднималась, плечи выпрямились, и онъ сталъ топтать ногами

лежавшій на полу плащъ. Въ комнатѣ не было ни одного человѣка, который не былъ бы потрясенъ этой сценой; всѣми овладѣлъ восторгъ съ примѣсью глубокой скорби; ни въ однихъ глазахъ не успѣла еще загорѣться надежда.

Менахемъ окинулъ огненнымъ взоромъ всѣхъ присутствующихъ, мысленно взвѣсилъ всю важность этого мгновенія и дерзко бросилъ свою самую крупную карту.

— Вы собрались сюда не для того, чтобы праздновать Пасху; каждый могъ тихо и скромно отпраздновать ее у себя дома и лечь спать. Вы собрались сюда для того, чтобы выбрать изъ вашей среды человѣка, который долженъ будетъ идти на поруганіе въ ихъ церковь. Вы знаете, Хискія отказался идти. Не хочетъ ли кто-нибудь изъ васъ замѣнить его? Ты, Маръ-Исаакъ, ты, Езра, ты, Петахія, ты, Хананъ, не хочетъ ли кто-нибудь изъ васъ идти вмѣсто него?

Всѣ съежились, словно охваченные стыдомъ; казалось, будто каждое произнесенное имя раскаленнымъ желѣзомъ выжгло клеймо на лбу его обладателя. Менахемъ продолжалъ медленно и внятно:

— Я, Менахемъ, согласенъ идти, если только вы захотите этого. Я снова надѣну свой черный плащъ, опущу глаза и пойду на гору; я подставлю свою щеку, я не возвращу удара, я буду слушать ихъ пѣніе, буду смотрѣть на ихъ шутовское кривляніе, я заглушу свой собственный голосъ и не подниму глазъ на Господа. Ихъ отвратительное дыханіе будетъ жечь меня, какъ огнемъ, но я плотно сожму свои губы, подставлю щеку и приму на себя вашъ позоръ

— Скажите мнѣ, хотите ли вы этого?

Всѣ бросились къ нему въ какомъ-то порывѣ. *Этого* не должно быть! *Этого* не можетъ быть! Тогда всему будетъ конецъ. Руки ихъ съ мольбой протянулись къ Менахему.

А онъ соблазнялъ... опутывалъ ихъ своимъ взоромъ, словно сѣтями...

— Скажите мнѣ, хотите вы, чтобы я шелъ туда?

И вдругъ раздались крики, долго сдерживаемые крики, которые, наконецъ-то, вырвались изъ стѣсненныхъ грудей.

— Нѣтъ! Нѣтъ!

Тогда Менахемъ засмѣялся отъ охватившей его радости. Его губы были красны, какъ кровь, глаза сверкали огнемъ, а руками онъ дѣлалъ такія движенія, словно заклиналъ, связывалъ...

— А вы сами, вы не хотите? Никто не хочетъ взять этотъ позоръ на себя?

— Нѣтъ! Нѣтъ!

— Вы устали пресмыкаться, вы устали склонять головы. Вы хотите отвѣтить вызовомъ на угрозы, хотите твердо по-

ставить ногу на землю, откинуть волосы со лба... Хотите, чтобы воздухъ вокругъ васъ пѣлъ и ликовалъ?

— О, хотимъ ли мы этого!

Его руки какъ-то безсильно опустились, выраженіе лица смягчилось, онъ улыбнулся и, охваченный любовью къ этимъ несчастнымъ, раскрылъ свои объятія... Вся душа его засвѣтилась въ его глазахъ...

— Ну, въ такомъ случаѣ, слушайте! Всѣ вы слышали это, говорили объ этомъ, но никто изъ васъ не чувствовалъ, не видѣлъ. Время настало, часъ пробилъ, скоро пышно распустится цвѣтокъ. Быть можетъ, онъ уже распустился. Быть можетъ, онъ стоитъ во всемъ своемъ великолѣпіи, но солнце еще не взошло, и мы не видимъ его во мракѣ. Выйдите на просторъ, чтобы видѣть его! Выйдите на просторъ, чтобы почувствовать его, чтобы встрѣтить солнце! Мы сбросимъ наши одежды, мы будемъ попирать ихъ ногами, мы отряхнемъ съ ногъ прахъ этой земли и быстрыми шагами выйдемъ изъ страны униженія и позора.

Мессія придетъ не сюда. Онъ не будетъ пробираться подъ тѣсными сводами, онъ не будетъ стучаться въ грязныя двери. Онъ зоветъ насъ—*мы* должны идти къ нему!

Онъ зоветъ насъ въ страну нашихъ отцовъ, и голосъ его звучитъ громко, властно... Слушайте... ближе, ближе... Всюду, во всѣхъ странахъ, гдѣ царятъ мракъ и отчаяніе, люди затаили дыханіе и прислушиваются; всюду отпираются двери, вдали раздаются шаги... Всѣ стекаются къ Ханаану, съ горъ и изъ ущелій несутся людскіе потоки, они шумятъ, бурлятъ, сливаются, текутъ къ Ханаану, къ Ханаану!.. Потокъ несется черезъ равнины и поля, онъ будитъ лѣса, будитъ землю, несется черезъ рѣки и моря... потокъ выходитъ изъ береговъ, и вотъ онъ врывается въ Ханаанъ во всѣ ворота: на сѣверѣ изъ Сиріи, съ юга, съ востока... При торжественныхъ трубныхъ звукахъ херувимовъ они шествуютъ, входятъ...

— Мы поднимаемъ руки, чтобы защитить свои глаза отъ ослѣпительнаго свѣта, чтобы закрыть уши,—но напрасно. Все залито золотымъ сіяніемъ, въ воздухѣ звенитъ золото, оно въ насъ самихъ... оно блеститъ и переливается... поетъ, ликуетъ...

Мессія тамъ!

Вы дрожите, какъ птица, которая распускаетъ свои крылья, но которая страшится полетѣть. Вы думаете, что это далекій, тяжелый путь.

Неужели вы думаете, что Мессія будетъ ждать одинъ въ своей золотой странѣ? Неужели вы думаете, что на трубные звуки будетъ откликаться одно лишь эхо?

Вы празднуете Пасху, въ вашихъ рукахъ посохи, но вы забыли значеніе этого дня.

Чѣмъ гуще мракъ теперь, тѣмъ ярче засіяетъ утренняя заря! Неужели вы не вѣрите, что она дастъ вамъ крылья?

Мы двинемся въ путь, мы, жалкая горсточка людей отъ Нерака; мы пойдемъ по дорогѣ въ горы, вдоль рѣки, а тамъ мы увидимъ такую же горсточку изъ Аргонны, мы сольемся съ ней, выростемъ и пойдемъ дальше; а вонъ тамъ — дорога въ Иббаръ... Взойдетъ солнце, и насъ будетъ много, передъ нами будутъ открыты всѣ пути, преградъ не будетъ... Неужели же Мессія останется одинъ и напрасно будетъ ждать насъ?

— Я видѣлъ его однажды утромъ послѣ трехдневнаго поста, я видѣлъ его. Я видѣлъ, какъ онъ шествовалъ... Вѣдь вы вѣрите. Вѣдь вы знаете, что всѣ готовятся въ путь, всѣ ждутъ.

— Такъ бросьте же все, что гнететъ и давитъ васъ своей тяжестью, возьмите другъ друга за руки и идите! Развѣ вы не хотите уйти отсюда?

Хотятъ-ли они! Всѣ принадлежатъ ему! Но это шагъ въ темную бездну...

Вдругъ въ воздухѣ глухо прозвучалъ колокольный звонъ — сигналъ, чтобы тушили огни. Всѣ уже заранѣе наглухо завѣсили свои окна, но теперь, совершенно инстинктивно, многіе бросились тушить свѣчи.

Тогда Менахемъ сталъ упрекать ихъ въ малодушіи; онъ набросился на нихъ, какъ соколъ на добычу.

— Пусть гремятъ ихъ бубенчики, — закричалъ онъ,—теперь Пасха, что намъ за дѣло до ихъ колоколовъ. Теперь Пасха! Наши свѣчи горятъ и мерцаютъ, какъ звѣзды. Вы слышите, какой этотъ звонъ глухой и слабый? Звуки вылетаютъ одинъ за другимъ и падаютъ на землю, какъ ослабѣвшія птицы... Мракъ заключаетъ ихъ въ свои объятія, мракъ душитъ ихъ. Но не звонъ, а нѣчто другое проносится въ вихрѣ надъ городомъ. Вы слышите шорохъ у стѣны, вы чувствуете чье-то дыханіе, вы слышите, какъ чья-то рука ощупью старается найти ваши двери? Развѣ вы не чувствуете пронизывающаго взгляда устремленныхъ на васъ глазъ? Это — Божій ангелъ.—Вы намазали ваши двери кровью? Вы преклонились передъ величіемъ Господа?

— Вотъ онъ несется надъ рѣкой, она обдаетъ его ноги брызгами пѣны, вѣтеръ бьетъ ему прямо въ лицо и вызываетъ на борьбу. Но ангелъ попираетъ вѣтеръ ногами и топитъ его, потомъ онъ взмахиваетъ крыльями и спускается на землю—онъ здѣсь. Ангелъ смерти здѣсь! Воздѣньте руки къ небу и покиньте эту юдоль зла и печали, Богъ отомститъ

за васъ! Идите во мракъ ночи! Облекитесь въ пурпурныя одежды, пусть на головахъ вашихъ развѣваются перья. Впередъ въ радости и весельи! Устремите ваши взоры на востокъ, ибо тамъ Господь уготовилъ вамъ страну!

Народъ окружилъ Менахема; онъ волновался, какъ рѣка, выступившая изъ береговъ подъ напоромъ вѣтра,—но что будетъ съ ней? Войдетъ ли она обратно въ свое русло или ринется дальше бурнымъ потокомъ? Они вѣрили въ него, ихъ глаза горѣли, лица пылали, руки сжимались отъ волненія, колѣни дрожали, но гдѣ-то глубоко притаилось все же сомнѣніе...

Тогда Рахиль выбѣжала впередъ съ протянутыми руками, дрожа всѣмъ тѣломъ, какъ тростинка въ бурю, такая слабая, хрупкая—казалось, вся жизнь ея сосредоточилась въ горящемъ взорѣ, который былъ прикованъ какими-то невидимыми узами къ властнымъ глазамъ Менахема.

Ей хотѣлось пасть ницъ передъ нимъ, ей хотѣлось цѣловать его ноги, она закинула голову назадъ и замерла въ какомъ-то экстазѣ, устремивъ на него свой взглядъ...

— Ты, ты, ты!—она не могла больше ничего сказать.— Возьми меня съ собой, возьми насъ всѣхъ!

Потокъ прорвался и понесся впередъ, бурля и ликуя.

— Впередъ! Впередъ! Веди насъ!

Менахемъ протянулъ руку Рахили, поддержалъ ее, потомъ оставилъ. Побѣда была на его сторонѣ. Всѣ принадлежали ему. А теперь въ путь, сейчасъ же! Они готовы?—Да, да! Поднимите руки къ небу, устремите взоры впередъ, наполните сердца ваши пѣніемъ! Въ путь! Въ путь!

Въ одно мгновеніе, точно по мановенію волшебнаго жезла, появились повозки для больныхъ и дѣтей, собрали церковную утварь, украшенія, чтобы славить Господа, и снова всѣ соединились, сильные, непоколебимые.

Раздалось нѣсколько предостерегающихъ голосовъ, но они сейчасъ же умолкли.

— Какъ, вы хотите остаться здѣсь, чтобы васъ убили? Здѣсь царятъ смерть, позоръ, пусть остается тотъ, кто малодушенъ, кто хочетъ умереть!—Но этого никто не хотѣлъ. И они пошли, эти жалкіе, дрожавшіе люди, онѣмѣвшіе отъ страха и тоски.

Одинъ только Уссіа стоялъ спокойно съ выраженіемъ презрѣнія и насмѣшки на лицѣ.

— Идите,—говорилъ онъ,—я не пойду за вами. Но я радуюсь тому, что вы уходите, потому что воздухъ свѣжъ и прохладенъ, и вамъ пріятно будетъ совершить небольшую прогулку. Я буду ждать Мессію здѣсь. Быть можетъ, онъ улучитъ свободную минутку, чтобы заглянуть сюда, вѣдь

дорогу онъ знаетъ. Я усталъ и прилягу ненадолго. А когда вы возвратитесь обратно, то я встрѣчу васъ и скажу вамъ: добро пожаловать.

И всѣ бѣжали отъ него, какъ отъ чумы, всѣ боялись его.

Менахемъ не слышалъ ничего этого. На немъ лежало бремя власти и отвѣтственности, онъ поддерживалъ вѣру и мужество въ слабыхъ цѣлыми потоками словъ. Онъ послалъ гонцовъ во всѣ стороны, чтобы велѣть собирать пожитки и приготовляться въ путь; онъ описывалъ дороги, по которымъ они будутъ проходить, называлъ имена тѣхъ посвященныхъ, которые должны были подготовить жителей сосѣднихъ городовъ, онъ называлъ тѣ мѣста, гдѣ они соедидятся съ другими. Онъ весь трепеталъ отъ охватившаго его восторга.

И вотъ, наконецъ, они собрались, вся улица наполнилась шумомъ шаговъ и гуломъ людскихъ голосовъ. Менахемъ вышелъ на крыльцо, онъ задумался; рука его была въ крови: онъ поранилъ ее о дверной замокъ.

Онъ стоялъ надъ темной толпой между двумя зажженными факелами, которые ярко выдѣлялись въ окружавшемъ его со всѣхъ сторонъ мракѣ. На лицѣ его появилась торжествующая улыбка. Тамъ, во тьмѣ и духотѣ, осталось ихъ униженіе, словно пустая скорлупа; тамъ тлѣлъ ихъ позоръ; въ опустѣвшихъ домахъ раздавалось эхо при одномъ лишь напоминаніи о горѣ и слезахъ, пролитыхъ въ нихъ. Вздувшійся бурливый потокъ уносилъ все это въ глубину, ихъ былыя страданія и несчастія простирали руки изъ водоворотовъ, но безжалостный потокъ несъ ихъ дальше, пока, наконецъ, пучина не поглотила ихъ... Все осталось позади, все это прошло...

Вдругъ у Менахема блеснула мысль облечь все то, что онъ пережилъ въ эти нѣсколько мгновеній, въ какую-нибудь простую, понятную для всѣхъ форму, которая подняла бы въ нихъ цѣлую бурю ощущеній. Онъ выпрямился во весь свой ростъ и нарисовалъ на двери своимъ окровавленнымъ пальцемъ громадный красный крестъ.

Толпа всколыхнулась: при свѣтѣ факеловъ видно было, какъ всѣ склонили головы, они поняли его. Это было нѣмое прощаніе съ мѣстомъ ихъ страданій, это была жертва искупленія, принесенная Богу гнѣва, это былъ красный огненный знакъ ихъ торжества, который только ждалъ восхода солнца, чтобы ярко засіять.

Менахемъ опустилъ свою окровавленную руку и протянулъ впередъ другую,

— Тамъ,—сказалъ онъ,—тамъ лежитъ путь въ обѣтован-

ную землю. Теперь ни слова больше, ни единаго взгляда назадъ! Пропустите меня впередъ. Идемте!

И они вышли изъ города. Стѣны вздыхали, повторяя гулъ ихъ шаговъ, колеса скрипѣли, и на ихъ пути разсѣвался мракъ. Тамъ, гдѣ проходила эта темная толпа, сама земля, казалось, вызывала ночь на борьбу, вступала въ бой со смертью. На небѣ сіяли всего лишь три большія звѣзды, лившія тусклый, но ровный свѣтъ. Люди шли, не говоря ни слова, но сердца ихъ бились въ унисонъ, словно у нихъ всѣхъ было одно сердце, и они отчетливо слышали его глухіе удары. Они держали другъ друга за руки и радовались, глядя другъ на друга; старцевъ поддерживали и вели подъ руки; нѣкоторые везли повозки, въ которыхъ сидѣли дѣти; а нѣсколько человѣкъ шли, тѣсно прижавшись другъ къ другу.

Дорога была очень хорошая; она спускалась съ горы, и у бѣглецовъ было такое чувство, словно на ногахъ у нихъ выросли крылья. Тамъ, за деревьями, начинался крутой берегъ рѣки и открывалась равнина—все это имѣло такой величественный, мрачный видъ, все было свинцово-сѣраго цвѣта. Они шли все дальше. Около трехъ большихъ звѣздъ мало-по-малу зажигались новыя, еще и еще...

Они уже перестали бояться погони и могли говорить громко, не понижая голоса, но не о чемъ было говорить. Они закинули головы назадъ, жадно и глубоко дышали и любовались ночью, покровъ которой постепенно становился свѣтлѣе, прозрачнѣе. Впереди шелъ Менахемъ; видно было по его осанкѣ, что онъ идетъ къ опредѣленной, далекой цѣли. Почти вплотную съ нимъ шла Рахиль; она не спускала съ него глазъ и время отъ времени мѣняла мѣсто, чтобы одна изъ блѣдныхъ большихъ звѣздъ приходилась надъ его головой, и каждый разъ, когда звѣзда снова начинала сіять надъ нимъ, она вся трепетала отъ радости.

На берегу рѣки, гдѣ дорога дѣлала поворотъ, они въ послѣдній разъ могли оглянуться на свой городъ. Многіе повернули головы назадъ, но ничего не увидѣли. На фонѣ темныхъ горъ чернѣли какія-то пятна, какія-то ломанныя, кривыя линіи, но ихъ можно было принять за скалы, за утесы, за что угодно.

Быть можетъ, городъ уже исчезъ съ лица земли, быть можетъ, его никогда и не было и вся ихъ жизнь — былъ лишь мучительный, тяжелый сонъ?

Шаги гулко прозвучали по мосту; торжественно раздались эти тяжелые, глухіе звуки, постепенно замирая по мѣрѣ того, какъ люди переходили съ моста на каменистую

дорогу. Подъ ними лѣниво протекала сонная свинцовая рѣка съ нависшимъ надъ ней туманомъ и полумракомъ, а впереди тянулись два длинныхъ ряда деревьевъ; казалось, что темные стволы ихъ готовы тронуться въ путь и уже подняли свои кривые корни, чтобы сдѣлать первый шагъ.

Время отъ времени Менахемъ бросалъ короткія, отрывистыя фразы, которыя падали, какъ молніи изъ густыхъ тучъ; передъ его взоромъ вставали видѣнія. Тѣ, кто шелъ вблизи него, слышали его рѣчи и упивались ими; когда онъ умолкалъ, то все сказанное имъ передавалось въ задніе ряды, переходило изъ устъ въ уста. Это походило на отдѣльныя строфы гимна, собранныя и соединенныя въ одно цѣлое музыкой.

Менахемъ говорилъ:

— Ихъ страна залита золотомъ лучей заходящаго солнца; она похожа на пылающій костеръ между синими склонами горъ. Онъ видитъ ее, онъ видитъ также лица херувимовъ съ надутыми щечками, видитъ ихъ блестящіе глаза и пушистые свѣтлые волосы. Кто изъ нихъ первый хочетъ почувствовать на себѣ легкое прикосновеніе ихъ одежды, которая нѣжно сотретъ пыль съ ихъ разгоряченныхъ лбовъ? Кто хочетъ, кто хочетъ этого?

— О, ихъ земля, ихъ земля, на которой столько выстрадано! Бывало раньше, когда къ ней припадали и брали горсточку земли, изъ нея сочилась кровь, а теперь она будетъ благоухать, подобно цвѣтку! Кто первый хочетъ броситься на ту землю, смежить усталыя очи и на всю ночь погрузиться въ сладкій сонъ? Кто хочетъ, кто хочетъ этого?

— Ихъ день, ихъ первый день! Яркій свѣтъ ослѣпитъ ихъ, безумная всепоглощающая радость овладѣетъ ими. Братья и сестры найдутъ другъ друга, голоса замрутъ отъ восторга, а глаза съ ненасытной жадностью будутъ смотрѣть, смотрѣть...

Въ переднихъ рядахъ кто-то поднялъ знамя, подобіе знамени; Богъ знаетъ, откуда оно появилось, это боевое знамя съ звенящими колокольчиками; оно колыхалось надъ толпой, подобно сказочной птицѣ съ распростертыми крыльями, подобно сказочной поющей птицѣ.

А Менахемъ говорилъ объ Арзаретѣ, о ихъ рубиновой странѣ—едва ли они слышали когда-нибудь раньше это имя изъ полузабытаго сказанія объ Ездрѣ. Онъ говорилъ отрывисто, почти выкрикивая слова.

Арзаретъ, рубиновая страна... она тамъ, на золотыхъ ступеняхъ высокой горы, среди прозрачнаго и неподвижнаго воздуха.

Что это такое? Никто не могъ отдать себѣ отчета въ

своихъ чувствахъ, но эти гордыя слова придавали имъ бодрость, какъ трубные звуки. Это чудо, чудо!

Шествіе подвигалось; прозрачнѣе и легче становилась ночь, на небѣ сіяли тысячи звѣздъ. А они все шли впередъ, то поднимаясь въ горы, то спускаясь внизъ по извилистымъ тропинкамъ. Время шло.

И вотъ они пришли къ перекрестку, гдѣ расходились три дороги. Здѣсь они должны соединиться съ другими, здѣсь они, по крайней мѣрѣ, услышатъ торжествующіе, радостные крики... Но къ нимъ навстрѣчу вышелъ одинъ только человѣкъ.

— Менахемъ,—закричалъ онъ,—Менахемъ, вернись! Они не повѣрили мнѣ, они испугались... Недалеко отсюда ходятъ отряды воиновъ, они могутъ замѣтить васъ, они могутъ придти сюда...

Бодрости и мужества какъ не бывало, голоса потеряли свою звучность... Послышались вопросы, крики, сомнѣнія...

— Путь отрѣзанъ! Какъ, уже? Вотъ чего мы боялись!

Но Менахемъ громко крикнулъ:

— Они не повѣрили ему, они испугались! Впередъ!

— Но вѣдь путь отрѣзанъ! А отряды воиновъ?

Вдругъ Менахемъ вздрогнулъ, лицо его освѣтилось радостью.

— Божіе знаменіе! Божіе знаменіе! Онъ хочетъ показать вамъ великое чудо!—онъ протянулъ руку.—Тамъ, тамъ нашъ путь!

— Но вѣдь тамъ море, море!

И, дѣйствительно, къ гулу голосовъ уже примѣшивался глухой рокотъ моря.

Менахемъ повысилъ голосъ.

— Да, путь нашъ лежитъ тамъ. Неужели вы забыли имя Моисея? Развѣ вамъ никогда не приходилось слышать о шествіи Ездры, о странствованіи десяти колѣнъ? Неужели вы не слышали разсказовъ объ Арзаретѣ и о широкомъ просторѣ моря? Люди, тамъ лежитъ вашъ путь!

И онъ бросился впередъ. Спускъ къ морю былъ очень крутой, знамя колыхалось и звенѣло; начинало свѣтать, на горизонтѣ загорѣлись краски. Вдругъ изъ полумрака къ небу взвилось цѣлое облако крыльевъ—это были перелетныя птицы, жаворонки; они летѣли на родину, даже темнота ночи не мѣшала имъ найти дорогу домой.

И всѣ послѣдовали за Менахемомъ; земля дрожала подъ ихъ ногами. Онъ снова сталъ опутывать ихъ, какъ сѣтью, своими пылкими рѣчами.

Но въ заднихъ рядахъ царило сомнѣніе. Куда онъ ведетъ

ихъ? Вѣдь тамъ разстилается море! Чего онъ хочетъ? Что онъ дѣлаетъ съ ними?

А тутъ еще всѣми овладѣла усталость: устали ноги, болѣли головы—что онъ говоритъ? Ужъ не приготовилъ ли онъ корабль, который ждетъ ихъ на берегу? Въ его глазахъ было такое странное выраженіе, отъ него всего можно ожидать. А можетъ быть, онъ ведетъ ихъ на погибель? Все равно, они привыкли къ бѣдствіямъ. Горе и несчастія ждутъ ихъ повсюду, вѣдь и до сихъ поръ имъ жилось не сладко.

Все медленнѣе шла толпа, хотя дорога вела подъ гору; многіе отстали, образовались отдѣльныя группы.

Но Менахемъ ничего не видѣлъ, не слышалъ: онъ шелъ впередъ и говорилъ. Надъ его головой звенѣли колокольчики и сіяла—только для Рахили—большая, яркая звѣзда. Рахиль не обратила вниманія на остановку, не поняла, о чемъ говорили ея близкіе,—но она чувствовала, что ихъ ждетъ чудо, что теперь ея вѣрѣ предстоитъ серьезное испытаніе: она не боялась, потому что вѣра ея была велика, и она спокойно, съ радостнымъ сердцемъ шла дальше.

Видѣнія Менахема становились все упоительнѣе, все соблазнительнѣе.

— Арзаретъ, залитый багровымъ свѣтомъ! Насъ ждетъ чудо, а впереди великая цѣль! Арзаретъ погруженъ въ величественный покой. Откиньте все, что угнетаетъ, что связываетъ васъ! Сбросьте бремя, какъ одежду, сбросьте его, какъ цвѣтокъ сбрасываетъ свои лепестки! Нашъ міръ это—синяя даль съ неясными очертаніями; наша молитва это—пламя, которое поднимается въ неподвижномъ воздухѣ; наша жизнь это—пѣснь!

Юноши жадно прислушивались къ его словамъ и громко, въ неописуемомъ восторгѣ, повторяли ихъ. Становилось все свѣтлѣе, скоро должно было взойти солнце. Мелькаютъ красные платки, блеститъ золото, развѣваются ленты, волосы... Нѣтъ, еще краски—синяя, зеленая... Шурситъ и шелеститъ шелкъ, пляшутъ ноги, глаза сверкаютъ радостью... алѣютъ губы... Надъ головой Менахема звѣзда уже померкла, но знамя выдѣляется яркимъ краснымъ пятномъ, голова его гордо закинута назадъ—о, его голова!

И задніе ряды также освѣщены, но это ужъ не то. Это какой то насмѣшливый, безпощадно-яркій свѣтъ. Онъ освѣщаетъ сгорбленныя, жалкія фигуры, желтовато-блѣдныя лица, морщины вокругъ рта и истомленные, тоскливые взоры, въ которыхъ можно прочесть отчаяніе и въ то же время насмѣшку.

Но ни Менахемъ, ни тѣ, кто шелъ вблизи него, не оглядывались назадъ; Рахиль также ни разу еще не повернула головы.

Прямо передъ нимъ сіялъ яркій свѣтъ, въ воздухѣ повѣяло прохладой. На горизонтѣ стѣной стояли тучи и изъза нихъ вырвались языки пламени.

Огонь бѣгалъ по тучамъ, зажигаясь то тутъ, то тамъ... Какъ сверкаетъ знамя! Какъ блестятъ волосы Менахема! Тучи постепенно таяли, расходились, образовалось небольшое огненное пятно... это солнце!

Вдругъ въ воздухѣ зашумѣли крылья, большія крылья съ темнымъ металлическимъ отблескомъ...

Бѣглецы въ восхищеніи подняли головы. „Посмотрите, орлы, орлы!“—И они бросились внизъ, къ морю.

Передъ ихъ глазами вспыхнулъ новый костеръ, только теперь они увидали его—море, объятое пламенемъ! Небо также было охвачено огнемъ... Солнце! Арзаретъ! Арзаретъ!

А въ заднихъ рядахъ раздались отчаянные вопли: „Нѣтъ корабля, нѣтъ дороги, намъ нѣтъ спасенія—одно море!“

Менахемъ вскочилъ на камень и протянулъ руку по направленію къ морю.

— Вашъ испугъ простителенъ, но развѣ вы забыли, что теперь Пасха? Развѣ у насъ, какъ и у нашихъ отцовъ, не то же горе, не тотъ же Богъ? Воды узрѣли Тебя, Господи, и пучина разверзлась. По дну морскому лежитъ нашъ путь, На днѣ морскомъ сохранились слѣды нашихъ ногъ.

— Народъ, народъ Моисея, вотъ твой путь, вотъ чудо, вотъ новое спасеніе! Тамъ наша страна, наша побѣда, тамъ насъ ждетъ тысячелѣтіе блаженства! Отбросьте всѣ сомнѣнія и слѣдуйте за мной! Съ твердой вѣрой во всемогущество Господа сдѣлайте шагъ въ неизвѣстность.

— Позади васъ—горе и позоръ, впереди васъ ждетъ радость и свѣтъ! Кто хочетъ быть первымъ, кто хочетъ? Впередъ!

Менахемъ соскочилъ съ камня и побѣжалъ внизъ; его лицо пылало, глаза сверкали дикимъ, безумнымъ блескомъ. За нимъ послѣдовали остальные... Въ воздухѣ развѣвались волосы... поднимались къ небу руки... и все было залито огнемъ.

Тогда ужасъ овладѣлъ тѣми, кто отсталъ... отчаяніе заговорило въ сердцахъ.

— Онъ безумецъ, безумецъ, онъ злой духъ!.. Бѣжать! бѣжать!..

Страхъ, что и ихъ подхватитъ людской потокъ, совершенно парализовалъ ихъ. Они закрывали лица руками, па-

дали на землю или поворачивали назадъ и бѣжали, охваченные паникой.

А тамъ, позади раздаются крикъ и плескъ воды... дикій крикъ торжества, а быть можетъ, и страданія... воздухъ наполнился золотымъ сіяніемъ, взошло солнце. Но лишь немногіе оглянулись назадъ; остальные бѣжали, полумертвые отъ страха, вскарабкиваясь на каменные утесы, съ окровавленными колѣнями и руками, возвращаясь обратно къ позору, къ униженіямъ, къ Уссіи, а быть можетъ, — и къ смерти.

Но между ними не было Рахили: она ушла за Менахемомъ.

Постепенно сложилось сказаніе о томъ, что тѣ юноши и молодыя дѣвушки, которые бросились въ пучину, достигли своей цѣли. Они пришли въ невѣдомую, прекрасную страну, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій—они пришли въ Арзаретъ, въ сказочную рубиновую страну, которая манитъ, манитъ, сверкая въ лучахъ восходящаго солнца..

Изъ Англіи.

I.

Японія собиралась устроить въ Токіо всемірную выставку въ 1912 году. По разнымъ соображеніямъ, она отложена на 1917 годъ, и покуда рѣшено было устроить предварительную выставку въ Лондонѣ, при томъ въ такихъ размѣрахъ, какъ никогда раньше. У Японіи при этомъ были совершенно опредѣленныя цѣли: она хотѣла показать европейскимъ государствамъ, какихъ успѣховъ достигла у себя дома и въ новыхъ колоніяхъ. Затѣмъ несомнѣнной цѣлью было также подогрѣть нѣсколько остывшія за послѣднія два-три года симпатіи англичанъ къ японцамъ. Во всякомъ случаѣ, крайне любопытная и въ высшей степени поучительная японская выставка открылась въ Лондонѣ въ маѣ. Я не намѣреваюсь описывать ее здѣсь, а хочу только сгруппировать кое-какіе факты, собранные мною на выставкѣ, и подвести итоги.

Японцы хотѣли дать европейцамъ представленіе о стремительномъ развитіи своей страны. Съ этой цѣлью, кромѣ экспонатовъ различныхъ департаментовъ, прислали отлично составленныя діаграмы и таблицы, анализъ которыхъ въ высшей степени поучителенъ. Какъ опасно выносить какіе-нибудь рѣшительные приговоры націямъ! Въ 1854 году умный, талантливый, очень наблюдательный русскій романистъ, посѣтившіи Японію, пришелъ къ такому заключенію: «Кафры, негры, малайцы — нетронутое поле, ожидающее посѣва; китайцы и ихъ родственники японцы—истощенная непроходимо заглохшая нива» *). Посмотримъ, какой сборъ присланъ съ этой «истощенной» нивы. Прежде всего—нѣсколько цифръ о движеніи народонаселенія. Онѣ покажутъ, что терминъ «маленькая» Японія не совсѣмъ точенъ. Въ 1900 г. населеніе Японіи было 44.260.642 человѣка, а въ 1908 году—49.587.243. Сюда надо присоединить еще населеніе Тайвана, т. е. Формозы (2,8 мил. въ 1900 году и 3,2 мил. въ 1908 году) и Карафуто, или Сахалина. Только что Корейская имперія сдѣлана японской провинціей и названа Чо-зенъ. Такимъ образомъ, населеніе Японской имперіи

*) *И. А. Гончаровъ*, «Фрегатъ Паллада», т. II.

увеличилось еще на девять милліоновъ человѣкъ. Всего, значитъ, населеніе Японской имперіи достигаетъ теперь 63 милліоновъ человѣкъ.

Эмиграція изъ другихъ государствъ представляетъ собою громадную живую волну, постоянно отливающую или въ колоніи, или въ Америку. Процентъ японцевъ, живущихъ въ другихъ странахъ, очень невеликъ. Вотъ, напримѣръ, цифры, относящіяся къ 1907 году. Всѣхъ японцевъ, жившихъ тогда за предѣлами имперіи, было 232.000, а именно: 39.226 въ Китаѣ, 98001 въ Кореѣ, 4.882 въ Сибири, 1.061—въ европейскихъ государствахъ, 152.743 въ Соединенныхъ Штатахъ, 2.279 въ Канадѣ, 4.531 въ Перу, 64.348 на Гавайскихъ островахъ и 66 363 на Филиппинскихъ островахъ. Съ присоединеніемъ Кореи число японцевъ, живущихъ за границей, еще уменьшилось. Передъ нами, значитъ, имперія, населеніе которой быстро увеличивается. И раньше, когда Японія была только островнымъ государствомъ, переселенческая волна, несмотря на густоту населенія, не была высока. Теперь же правительство направило излишекъ населенія во вновь пріобрѣтенныя владѣнія.

Крайне интересно изученіе таблицъ, показывающихъ финансовое положеніе Японіи. Съ 1896 года государственный бюджетъ всегда сводился съ излишками. Только въ 1910—11 финансовомъ году доходы равны расходамъ.

Главныя статьи государственныхъ доходовъ—налоги всякаго рода. Земельный налогъ приноситъ теперь 77,5 мил. іенъ, а четыре года тому назадъ, когда онъ былъ выше,—84,6 мил. іенъ. Подоходный налогъ давалъ въ 1906—7 году 26,3 мил. іенъ, а въ 1910—11 году по смѣтѣ долженъ приносить 31,977,671 іенъ *). Налогъ на крѣпкіе напитки, хотя и приноситъ много, не составляетъ краеугольнаго камня государственнаго бюджета. Налогъ этотъ въ 1906—7 году принесъ 11 мил. іенъ, а по смѣтѣ 1910—11 года долженъ дать 87,7 мил. іенъ.

Война 1904—5 годовъ, а также выкупъ частныхъ желѣзныхъ дорогъ сильно увеличили государственный долгъ Японіи. Въ 1901 году весь долгъ составлялъ 486.464.195 іенъ, въ 1906 году—2.042.329.772 іены, а въ 1910 году уже 2.575.538.388 іенъ. Въ 1901 году доля каждаго человѣка въ государственномъ долгѣ была 10,2 іенъ, въ 1906 году—40,3 іенъ, а въ 1910—48,3 іенъ. Ежегодно опредѣленная сумма идетъ на погашеніе государственнаго долга (въ 1910-11 году—60 мил. іенъ). По разсчету къ 1935 году государственный долгъ Японіи долженъ уменьшиться до 95 мил. іенъ, если только, конечно, предстоящія двадцать пять лѣтъ обойдутся безъ войны. Такимъ образомъ, финансовая политика Японія здоровая. Министромъ финансовъ тамъ, повидимому, не для чего прибѣгать въ своихъ отчетахъ къ акробатическимъ пріемамъ.

---

*) Іена = рублю.

И. А. Гончаровъ разсказалъ, какъ удивлялись японскіе чиновники всему тому, что они видѣли на Палладѣ. «Они вглядывались во все съ любопытствомъ, осматривали все въ комнатѣ, раскрыли ротъ отъ удивленія, когда кто-то дотронулся до клавишей фортепіано» *). «Не скучно ли видѣть столько залоговъ природныхъ силъ, богатства, всякихъ даровъ въ неискусныхъ или, скорѣе, несвободныхъ, связанныхъ какими то ненужными путами рукахъ!»—восклицаетъ дальше романистъ. Это писано пятьдесятъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда путь отъ Петербурга до Нагасаки продолжался шесть мѣсяцевъ. Теперь на выставку Японія прислала сама великолѣпныя фортепіано и музыкальные инструменты. Японцы прислали также машины, инструменты (отъ столярныхъ до математическихъ), шелковыя и бумажныя ткани, консервы, сукна. Японская промышленность находится теперь въ переходномъ состояніи отъ кустарнаго производства къ фабричному. Громадныя фабрики возникаютъ въ разныхъ центрахъ. Обработка шелка стала теперь вполнѣ фабричной. «Вслѣдствіе недостаточнаго запаса желѣза и относительно высокой стоимости выдѣлки машинъ въ Японіи,—прогрессъ въ этой области не особенно великъ,—читаемъ мы въ «General Industrial Review». Но число машинныхъ заводовъ все таки увеличивается. Въ 1899 году въ Японіи всѣхъ промышленныхъ компаній было 2.253; располагали онѣ капиталомъ въ 147.000.000 іенъ, а въ 1908 году компаній было уже 3.065, а капиталъ достигалъ 440 мил. іенъ. Въ 1899 году въ Японіи было 6699 фабрикъ, изъ которыхъ 2.305 располагали паровыми двигателями. Въ 1908 году всѣхъ фабрикъ было уже 11.390, изъ которыхъ 5.617 имѣли паровые двигатели.

Гораздо болѣе стремительно, чѣмъ японская промышленность развивается торговля. Въ 1908 году капиталъ, вложенный въ торговыя предпріятія, составлялъ 120.000.000 іенъ. Сравнительно съ 1898 годомъ это представляетъ увеличеніе вдвое. Въ 1868 году внѣшняя торговля Японіи исчислялась въ 26 мил. іенъ, въ 1878 году—въ 130 мил. іенъ. Въ 1898 году, послѣ китайской войны, внѣшняя торговля опредѣлялась уже суммой въ 443 мил. іенъ, а въ 1907 году—въ 926.000.000 іенъ. Оффиціальные японскіе отчеты, находящіеся на выставкѣ, упоминаютъ, что «въ 1908 году, вслѣдствіе кризиса на денежномъ рынкѣ въ Европѣ и Соединенныхъ Штатахъ», а также по причинѣ «подавленнаго состоянія китайской торговли, обусловленнаго паденіемъ цѣны на серебро»,—японская торговля тоже упала и опредѣлилась суммой въ 807 мил. іенъ. Оффиціальные источники слишкомъ поверхностно касаются серьезнаго промышленнаго кризиса, отъ котораго Японія, повидимому, не оправилась еще до сихъ поръ. Вотъ, напр., что говоритъ спеціальный токійскій корреспондентъ Times'a. «Многихъ наблюдателей

---

*) «Фрегатъ Паллада», т. II.

изумляетъ та медленность, съ которой Японія оправляется отъ промышленной паники 1907 года. Прошло почти три года съ тѣхъ поръ, какъ лопнулъ пузырь чрезвычайнаго оживленія послѣ войны, а между тѣмъ духъ предпріимчивости, хотя и не совсѣмъ заснулъ, но не показываетъ признаковъ энергичнаго пробужденія. Безъ сомнѣнія, это свидѣтельствуетъ отчасти о силѣ удара, понесеннаго націей; но тутъ дѣйствуютъ также и другія причины. Однимъ изъ этихъ факторовъ является все растущее недовѣріе къ акціонернымъ обществамъ. Слишкомъ большія жертвы принесены были на алтарь большихъ дивидендовъ,—продолжаетъ корреспондентъ Times'а. Акціонеры требовали большихъ дивидендовъ, и директоры, уступая требованіямъ, не увеличивали запасныхъ капиталовъ. Кризисъ обусловливается также недостаткомъ публичной отчетности. Вообще основы здороваго веденія дѣлъ въ Японіи еще не сложились *). Корреспондентъ Times'а имѣетъ въ виду національную черту, на которую постоянно жалуются англійскіе негоціанты, ведущіе дѣла съ Японіей и съ Россіей: отсутствіе торговой честности. Англійскіе торговцы полагаютъ, что прямая выгода должна бы заставить купцовъ не строить своихъ разсчетовъ на обманѣ. «Онъ меня обманулъ,—говоритъ, напр., англійскій негоціантъ, получившій изъ Сибири бочки, въ которыхъ, кромѣ коровьяго масла, находились камни и ледъ, — но вѣдь я съ нимъ больше дѣла не буду вести. Такимъ образомъ, въ убыткѣ тотъ, кто мнѣ, вмѣсто масла, послалъ камни». Недостатокъ торговой честности у японскихъ купцовъ повелъ къ значительному охлажденію японскихъ симпатій у англійскихъ торговцевъ. Надо помнить, что послѣдніе, ведя дѣла съ Дальнимъ Востокомъ, привыкли къ поразительной честности китайскихъ негоціантовъ и банкировъ. Именно это обстоятельство имѣетъ въ виду спеціальный корреспондентъ Times'а, когда, говоритъ, что Японія должна научиться еще «здоровому веденію торговыхъ дѣлъ».

Японская торговля стремительно развивается. На Великомъ океанѣ японскій коммерческій флотъ вытѣснилъ уже всѣхъ конкурентовъ, въ томъ числѣ коммерческій флотъ американскій и англійскій. Въ 1900 году Японія располагала торговымъ флотомъ въ 882.000 тоннъ, а въ 1909 году—въ 1.641.000 тоннъ.

Японія все еще по преимуществу страна земледѣльческая. Несмотря на изобиліе горъ, влажный и умѣренный климатъ Японіи крайне благопріятствуетъ развитію земледѣлія. Послѣ революціи 1868 года западныя идеи коснулись не только промышленности, но и земледѣлія, къ которому мало-по-малу начали примѣняться научные методы. О томъ, на сколько благопріятенъ климатъ въ Японіи, свидѣтельствуетъ тотъ фактъ, что нѣкоторые сельскіе продукты даютъ тамъ три и даже четыре жатвы въ годъ. Интенсив-

*) Times, August 18, 1910.

ная культура вознаграждаетъ отчасти малые размѣры полей. По послѣднимъ отчетамъ, находящимся на выставкѣ, въ Японіи (не считая Сахалина) 5.860.000 крестьянскихъ усадьбъ. Всѣхъ лицъ, занимающихся земледѣліемъ,—32 милліона, что составляетъ 64°/₀ всего населенія. Среднимъ числомъ на хозяйство приходится около 2,62 акра. Около 70°/₀ крестьянъ обрабатываютъ меньше одного *чо* (2,45 акръ, т. е. около десятины). Крестьяне, имѣющіе больше трехъ *чо* (7,35 акра, или около $2^1/_2$ десятины), составляютъ только 4°/₀ общаго числа земледѣльцевъ. «Обращающіе вниманіе на незначительность земельныхъ участковъ,—говоритъ оффиціальный отчетъ,—должны имѣть въ виду, что земля даетъ два и три урожая въ годъ. Кромѣ того, у крестьянъ есть подсобные промыслы, какъ разведеніе шелковичныхъ червей, рыболовство, ремесла и пр. Все это увеличиваетъ доходы семьи; кромѣ того, потребности крестьянъ очень не велики». Знакомящійся съ оффиціальнымъ отчетомъ можетъ, конечно, сказать, что «крайне скромныя потребности» японскихъ крестьянъ представляютъ собою не причину, а послѣдствіе.

Японскихъ земледѣльцевъ можно раздѣлить на четыре группы: на собственниковъ; на собственниковъ, обрабатывающихъ часть земли, и часть сдающихъ въ аренду; на собственниковъ, арендующихъ, кромѣ того, еще участокъ и на чиншевиковъ. Послѣдніе составляютъ 27,3°/₀. Крестьяне, обрабатывающіе только свой участокъ земли, составляютъ 25,6°/₀. Около 38°/₀ крестьянъ, кромѣ собственой земли, арендуютъ еще небольшіе участки. Слѣдующая таблица, взятая изъ оффиціальнаго отчета, показываетъ распредѣленіе земледѣльческихъ хозяйствъ въ размѣрахъ (въ °/₀) Японіи.

Меньше 5 тановъ (1,23 акра).	Меньше 1 чо (2,45 акра).	Больше 1 чо	Больше 3 чо	Больше 10 чо	Больше 50 чо
46,14	26,09	18,75	5,65	0,81	0,06

Такимъ образомъ, Японія не только страна земледѣльческая, но также страна по преимуществу мелкихъ фермъ.

Японія проявляетъ большую настойчивость въ послѣдовательномъ превращеніи пустующей цѣлины въ нивы. За послѣднія тридцать лѣтъ площадь пахотной земли была увеличина такимъ образомъ на 16°/₀. Народъ не только старается утилизировать пустовавшія земли, но принимаетъ также мѣры для увеличенія продуктивности нивъ. Такъ, напр., въ Японіи теперь около 1.400.000 чо земли, дающей одинъ урожай риса въ годъ. Предпринятъ рядъ ирригаціонныхъ работъ, въ результатѣ которыхъ та же земля станетъ давать два урожая въ годъ. Японское правительство заботится теперь также о развитіи земледѣлія на Сахалинѣ.

Земли въ Японіи обрабатывается почти исключительно рабочими силами сидящихъ на ней крестьянскихъ семей. Примѣненіе наемнаго труда является исключеніемъ. За то японскіе крестьяне

знаютъ сосѣдскую взаимопомощь И эта форма крайне развита. Всѣ полевыя работы производятся, главнымъ образомъ, руками. Машины покуда примѣняются очень мало. Японское правительство заботится о распространеніи агрономическихъ знаній среди крестьянъ и объ ознакомленіи ихъ съ болѣе продуктивными и совершенными методами. Съ этой цѣлью существуетъ, прежде всего, Національная опытная земледѣльческая станція, имѣющая много отдѣленій въ префектурахъ. Опытныя станціи производятъ изслѣдованія и даютъ практическіе совѣты крестьянамъ. Спеціальныя земледѣльческія школы основаны въ Японіи всего только тридцать лѣтъ тому назадъ. Въ настоящій моментъ Японія имѣетъ два агрономическихъ института, четыре высшихъ школы, 78 земледѣльческихъ среднихъ школъ и 104 низшихъ школы, всего—188 учебныхъ заведеній. Кромѣ того, есть еще двѣ школы для изученія шелководства. Въ 1903 году число лицъ, прошедшихъ земледѣльческія школы, было 240.000, а теперь—598.000. Въ деревенскихъ округахъ имѣется еще десять постоянныхъ земледѣльческихъ школъ для взрослыхъ крестьянъ. Въ Японіи существуетъ теперь особое общество *Nokaï* (Земледѣльческая Ассоціація), имѣющее цѣлью всячески содѣйствовать развитію земледѣлія. Оно усиленно помогало крестьянамъ, желающимъ поселиться на сѣверномъ островѣ японскаго архипелага. Теперь оно заботится о направленіи переселенцевъ-крестьянъ на Карафуто (Сахалинъ). Въ настоящее время на Сахалинѣ уже 30000 японскихъ переселенцевъ, обрабатывающихъ 90000 чо земли (около 35 тысячъ десятинъ). Ячмень, пшеница, рожь, овесъ и картофель даютъ вполнѣ удовлетворительные (fairly well) урожаи на Карафуто,—читаемъ мы въ оффиціальномъ отчетѣ правительственныхъ агрономовъ.—Трава также въ изобиліи и даетъ хорошій кормъ для скота. Администрація употребляетъ всѣ усилія для развитія земледѣлія на Карафуто. Японское правительство прислало на выставку образцы хлѣбныхъ злаковъ, собранныхъ на территоріи, недавно отошедшей отъ Россіи; на территоріи, которая въ значительной степени поднята была впервые плугами японскихъ переселенцевъ.

II.

Японія—не только страна земледѣльческая. На выставкѣ она старается доказать, что въ нѣдрахъ земли кроется много богатствъ, и что Японія умѣетъ пользоваться ими. Многочисленные образчики, діаграмы, таблицы и модели показываютъ, что Японія богата каменнымъ углемъ, мѣдной рудой, свинцомъ, оловомъ, сѣрой, нефтью и другими естественными продуктами. Горное дѣло развивается въ Японіи. Добыча каменнаго угля оцѣнивалась въ 1880 г. въ 212 тыс. ф. стерл.. въ 1900—въ 2.474 тыс. ф., а въ

1908—въ 6.417 тыс.; добыча мѣди въ 1880 г. въ 270 тыс. ф. ст., въ 1900—въ 1.628 ф., въ 1900—2.301; желѣза въ 1880—48 тыс., въ 1900—95 тыс., 1908—917 тыс.; нефти въ 1880—21 тыс.' въ 1900—194 тыс., въ 1908—659 тыс.; золота въ 1880 г.—37 тыс., 1900—325 тыс. и въ въ 1908—699 тыс. ф. стерл.

Въ 1871 году въ Японіи былъ основанъ первый технологическій институтъ, при чемъ профессоровъ пришлось выписать изъ Англіи. Въ настоящее время высшія горныя и техническія учебныя заведенія существуютъ въ Токіо, Кіото, Осакѣ, Кумамото и Сендаи. Въ ближайшемъ будущемъ спеціальныя высшія учебныя заведенія открываются въ Кіусіу, Акитѣ и Васедѣ. Во всѣхъ этихъ высшихъ техническихъ учебныхъ заведеніяхъ, какъ и въ университетахъ, читаютъ теперь профессора японцы. Въ періодъ 40 лѣтъ возникли не только японскія высшія учебныя заведенія, но нарождается японская наука, съ которой европейцы начинаютъ считаться.

Японія умѣетъ разумно утилизировать и другую отрасль своихъ естественныхъ богатствъ — свои лѣса. Густыми лѣсами поросли собственно японскіе острова, какъ Гонсу, Сикоку, Кіусіу и Ріукіу, а также Хоккаидо, Формоза и Сахалинъ. Японія имѣетъ дорогія камфарныя деревья, представляющія громадную цѣнность. Правительство тщательно выработало систему, имѣющую цѣлью предупредить истребленіе лѣсовъ. Лѣсное хозяйство ведется всюду разумно.

На японской выставкѣ цѣлая зала отведена министерству путей сообщенія. Первая желѣзная дорога изъ Іокагамы въ Токіо открыта въ 1872 году. Правительство съ самаго начала приняло мѣры къ тому, чтобы желѣзныя дороги, по возможности, не попадали въ частныя руки. Въ послѣднее время почти всѣ частныя желѣзныя дороги выкуплены правительствомъ. Оно не только является хозяиномъ, но умѣло устроить дѣло такъ, что дороги приносятъ казнѣ прибыль, а не убытокъ. Въ настоящее время Японія имѣетъ 5770 миль ж. д. (5264 м. правит. и 506 м. част.). Въ сооруженіи—1079 миль (917 м. правит. и 162 м. част.). Кромѣ того, проектируется проведеніе еще 1526 миль. Въ 1895 году длина желѣзнодорожной линіи была только 2243 мили. Правительственныя желѣзныя дороги принесли чистой прибыли въ 1908 году 3.400.000 ф. ст. Японія выстроила желѣзную дорогу въ Кореѣ. Карафуто только что присоединенъ, но Японія уже и тамъ успѣла проложить короткую линію.

Судя по таблицамъ и рисункамъ, японскія желѣзныя дороги удобны, переѣздъ по нимъ стоитъ не дорого и тарифы—невысоки.

Министерство народнаго просвѣщенія постаралось еще болѣе блеснуть на выставкѣ, чѣмъ министерство путей сообщенія. Мы имѣемъ тутъ, кромѣ таблицъ и діаграмъ, учебники, модели школъ,

любопытныя картины, являющіяся пособіемъ при преподаваніи морали дѣтямъ и пр. Изъ этихъ картинъ посѣтители, вѣроятно, запомнили одну. Изображаетъ она императора съ трудно произносимымъ именемъ, жившаго лѣтъ семьсотъ тому назадъ. Ежедневно въ полдень онъ выходилъ на крыльцо своего дворца и смотрѣлъ на городъ, разстилающійся внизу. Императоръ внимательно наблюдалъ дымъ, поднимавшійся надъ трубами домовъ. Если дымъ не густой или совсѣмъ не видно было его,—императоръ зналъ, что въ этомъ домѣ люди бѣдны и не имѣютъ, что готовить къ обѣду. Государь тогда приказывалъ уменьшить налоги, уплачиваемые этими людьми.

Руководствомъ при изученіи экспонатовъ министерства народнаго просвѣщенія является обстоятельный докладъ, составленный ректоромъ кіотскаго университета барономъ Дайроку Кикучи *).

«Народное просвѣщеніе считается въ Японіи одною изъ самыхъ важныхъ функцій государства и находится всецѣло подъ правительственнымъ контролемъ»,—читаемъ мы въ докладѣ. Мы встрѣчаемся тутъ съ одною чертою, на которой я остановлюсь ниже; я имѣю въ виду поглощеніе въ Японіи личности государствомъ. Система народнаго образованія опредѣляется не законами (т. е. не выработывается парламентомъ) и императорскими указами, издаваемыми главою государства по совѣту кабинета, послѣ того, какъ мѣры были разсмотрѣны тайнымъ совѣтомъ. Второстепенныя мѣры вводятся приказами, изданными министромъ народнаго просвѣщенія. Кое что, касающееся дѣла народнаго просвѣщенія, рѣшается парламентомъ или мѣстными органами самоуправленія, такъ, напр., содержаніе начальныхъ школъ, учительскій пенсіонный фондъ и пр. «Главные пункты системы народнаго образованія опредѣляются, однако, императорскими указами, — говоритъ баронъ Дайроку Кикучи. Основой всей системы народнаго образованія являются начальныя школы. Ниже ихъ есть еще дѣтскіе сады, куда допускаются малолѣтки, начиная съ трехлѣтняго возраста; но они не могутъ быть разсматриваемы, какъ органическая часть національной системы образованія. Цѣль начальнаго образованія опредѣлена въ первомъ параграфѣ спеціальнаго императорскаго указа: «Начальныя школы должны дать дѣтямъ основы моральнаго и гражданскаго воспитанія, а также такія знанія, которыя необходимы въ обыденной жизни. Въ то же время необходимое вниманіе должно быть обращенно на физическое развитіе дѣтей».

Элементарныя школы раздѣляются на *начальныя* и *высшія*; обыкновенно и тѣ, и другія составляютъ только *отдѣленія* одной и той же школы. Курсъ въ элементарной школѣ—шестилѣтній. Посѣщеніе школы — обязательно. Обученіе въ ней — безплатно. Курсъ въ *высшемъ* отдѣленіи элементарной школы продолжается

*) «Education in Japan». By Baron Dairoku Kikuchi, M. A. (Cambridge).

два года. Онъ не обязателенъ. Съ учащихся взимается маленькая плата за право ученія. Въ начальномъ отдѣленіи преподаются слѣдующіе предметы: мораль *), японскій языкъ, ариѳметика, географія, исторія Японіи, естественная исторія, рисованіе, пѣніе, гимнастика и рукодѣлье (для дѣвочекъ). Въ высшемъ отдѣленіи элементарной школы преподается мораль, японскій языкъ, ариѳметика, географія, исторія Японіи, естественная исторія, рисованіе, пѣніе, гимнастика, ремесла и (необязательно) агрономія, бухгалтерія и англійскій языкъ.

Мальчики и дѣвочки большею частью обучаются совмѣстно. Для окончившихъ оба отдѣленія и находящихся уже на службѣ при школахъ существуютъ вечерніе классы. Въ каждой префектурѣ существуютъ «нормальныя школы», подготовляющія учителей для начальныхъ школъ. Курсъ въ нихъ четырехлѣтній. Принимаются по экзамену окончившіе высшее отдѣленіе элементарной школы.

Начальныхъ школъ въ Японіи теперь 27.125, а учащихся въ 5.713.698. Въ Японіи дѣти усерднѣе посѣщаютъ школу, чѣмъ въ Англіи. Процентъ уклоняющихся отъ посѣщенія постепенно падаетъ и теперь ничтоженъ. Въ самомъ дѣлѣ въ 1893 году 74,8% всѣхъ мальчиковъ посѣщали школы, а въ 1907 г.—98,5%. Въ 1893 году 40,6% всѣхъ дѣвочекъ школьнаго возраста посѣщали училища, а въ 1907 году—97,4%. Другими словами, даже въ глухихъ японскихъ деревняхъ нѣтъ теперь неграмотныхъ молодыхъ людей обоего пола.

Совмѣстное обученіе заканчивается въ Японіи въ начальныхъ школахъ. Для юношей и для дѣвушекъ есть отдѣльныя среднія и и высшія школы. Средняя школа является продолженіемъ начальной. Желающіе поступить туда должны пройти только шесть классовъ начальной школы (т. е. безъ двухъ дополнительныхъ). Курсъ въ средней школѣ пятилѣтній. Почти во всѣхъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ преподается только одинъ иностранный языкъ—англійскій; но преподается такъ хорошо, что молодые люди, прошедшіе школу, свободно читаютъ и объясняются на немъ. При каждой средней школѣ есть дополнительный классъ для молодыхъ людей, не идущихъ въ университетъ. Курсъ въ женскихъ среднихъ школахъ большею частью четырехлѣтній. Дополнительные трехлѣтніе курсы существуютъ для тѣхъ дѣвушекъ, которыя намѣрены идти въ университетъ. Женскія среднія школы начали наполняться только въ послѣдніе годы. Преподаватели въ среднихъ школахъ должны кончить или университетъ, или высшую нормальную школу (педагогическій институтъ). Слѣдующая таблица показываетъ число среднихъ учебныхъ заведеній и учащихся въ нихъ.

---

*) Всѣ школы, какъ извѣстно, свѣтскія.

	Сколько школъ.	Сколько учащихся.
Мужскія учебныя заведенія. .	285	110.876
Женскія учебныя заведенія. .	132	39.917

При анализѣ этихъ цифръ слѣдуетъ помнить постоянно, что система существуетъ всего лишь нѣсколько лѣтъ, и что японская женщина въ теченіе многихъ вѣковъ находилась въ порабощенномъ состояніи. Цифры эти относятся къ 1907 году. Въ 1908 году открыто 9 новыхъ среднихъ мужскихъ школъ и двадцать восемь женскихъ.

Юноши, желающіе изъ средней школы перейти въ университетъ, должны предварительно поступить въ высшую школу и пройти тамъ трехлѣтній курсъ. Такимъ образомъ, въ университетѣ нѣтъ студентовъ моложе двадцати лѣтъ. Въ Японіи теперь восемь высшихъ школъ, куда ежегодно поступаютъ около 2000 молодыхъ людей. Такъ какъ всѣхъ желающихъ поступить гораздо больше (около девяти тысячъ), то существуютъ конкурсные экзамены. Въ настоящее время въ Японіи два университета, въ Токіо и въ Кіото; вскорѣ откроются еще два: въ Сендаи и въ Фукуока (Кіусіу) Кромѣ университетовъ, существуютъ еще спеціальныя высшія учебныя заведенія или колледжи (юридическіе, медицинскіе, филологическіе, историческіе, философскіе и богословскіе). Туда принимаются молодые люди непосредственно послѣ того, какъ окончатъ среднюю школу. Къ категоріи высшихъ колледжей относятся также, такъ называемые, «частные университеты».

Ученіе обходится очень дешево въ Японіи: въ среднихъ школахъ—25 іенъ въ годъ (т. е. 25 руб.), а въ университетахъ—35 іенъ. Въ эту сумму входитъ также стоимость учебныхъ пособій.

III.

Японія блеснула на выставкѣ также своею живописью и литературою. Надо сознаться, что старая живопись ея красивѣе и оригинальнѣе, чѣмъ новая, представителями которой являются молодые японцы, учившіеся въ Мюнхенѣ и Парижѣ. Особенностью старой японской живописи является умѣнье передать «душу» природы, т. е. томленіе цвѣтовъ по солнцу. Новая японская живопись (я говорю о картинахъ, имѣющихся на выставкѣ) находится подъ вліяніемъ европейскихъ образцовъ. И странно видѣть сюжеты «модернизма» въ японской интерпретаціи!

Многочисленныя японскія издательскія фирмы прислали не мало изящно отпечатанныхъ, иллюстрированныхъ и сшитыхъ лиловымъ шелкомъ квадратныхъ книжекъ всѣхъ форматовъ. Европеецъ можетъ только любоваться нѣжными рисунками въ этихъ книгахъ и, глядя на мудреные квадратные іероглифы,—сожалѣть о своемъ

невѣжествѣ. Книжки эти—романы старыхъ и новыхъ японскихъ беллетристовъ. Европейцу остается только со вздохомъ отложить непонятную книжку и обратиться къ докладу, составленному профессоромъ Такенобомъ *). Судя по этому докладу, у японцевъ есть много беллетристовъ, пользующихся широкой извѣстностью у себя на родинѣ. Слѣдуя японскому обычаю, въ силу котораго прежде всего надо отдать почетъ усопшимъ, Такенобъ ставитъ въ первую голову умершихъ беллетристовъ: Хигучи «Ичіо» (1872—1896 гг.), Осаки «Койо» (1867—1904), Хасегава «Футабатей» (1863—1909), Куникида «Доппо» (1871—1908) и Каваками «Бизанъ» (1870—1908 **). Воздухъ Японіи, повидимому, очень вреденъ беллетристамъ, потому что всѣ они умираютъ крайне молодыми. Хигучи Ичіо (первое имя—собственное, второе—литературный псевдонимъ) была женщина, обладавшая, по словамъ Такеноба, громаднымъ талантомъ. Она оставила неизгладимый слѣдъ въ исторіи японской литературы. Литературная дѣятельность Ичіо продолжалась всего только пять лѣтъ. Она успѣла, тѣмъ не менѣе, написать очень много разсказовъ, которые, по словамъ проф. Такеноба, «всѣ отличаются необыкновенной изящностью стиля и силой психологическаго анализа. Ее можно назвать,—говоритъ Такенобъ,—японской Джорджъ Эліотъ».

«Койо» въ свое время былъ вождемъ небольшого кружка беллетристовъ, который назывался «школой Кеніуши». Возникъ этотъ кружокъ въ 1885 году по иниціативѣ Койо и другого романиста, писавшаго подъ псевдонимомъ Биміо. Школа стояла за реализмъ въ искусствѣ и совершенно отрицательно относилась къ тенденціозности. Лучшимъ произведеніемъ Койо признается романъ «Золотая фурія» (Конджи Киваша), часть котораго переведена нѣсколько лѣтъ тому назадъ на англійскій языкъ проф. Артуромъ Ллойдомъ.

«Доппо» (псевдонимъ Куликиды)—авторъ многочисленныхъ разсказовъ, написанныхъ имъ подъ вліяніемъ (какъ признавалъ это самъ беллетристъ) произведенія Тургенева. Доппо считается въ Японіи замѣчательнымъ изобразителемъ пейзажа. Беллетристъ много говоритъ о всесильномъ вліяніи природы на человѣка. Лучшимъ произведеніемъ Доппо, по словамъ Такеноба, является разсказъ «Мясо и картофель».

Футабатей (псевдонимъ Хасегавы) тоже воспитался на русской литературѣ, которую замѣчательно хорошо зналъ. Его романъ «Плывущее облако» (Укигумо) считается въ Японіи образцомъ реалистическаго произведенія. Футабатей долго жилъ въ Петер-

---

*) „Japanese Novelists and their Works“. By Professor y. Takenob, Editor of „The Japan Year Book“.

**) Повидимому, всѣ писатели въ Японіи выступаютъ подъ псевдонимами.

бургѣ спеціальнымъ корреспондентомъ газеты «Ашаи», заболѣлъ чахоткой и умеръ по пути въ Японію.

Профессоръ Такенобъ насчитываетъ шестьдесятъ здравствующихъ японскихъ беллетристовъ. Въ числѣ ихъ шесть женщинъ. Ветераномъ романистовъ страны Восходящаго Солнца считается проф. Тсубучи (родился въ 1858 г.), который въ 1885 году «революціонизировалъ искусство писанія повѣстей»,—говоритъ проф. Такенобъ. До тѣхъ поръ японскіе романы были по преимуществу нравоучительные. Тсубучи выступилъ съ книгой «Основы творчества», въ которой отстаивается реализмъ въ искусствѣ. Авторъ самъ написалъ нѣсколько разсказовъ, которые должны были иллюстрировать теоріи, изложенныя въ «Основахъ Творчества».

Еще очень недавно Робанъ (псевдонимъ лектора кіотскаго университета Коды; родился въ 1867 году) считался послѣ Койо лучшимъ японскимъ беллетристомъ. Робанъ—идеалистъ. Его писанія проникнуты духомъ буддійской философіи, а стиль—сжатъ и серьезенъ. Лучшимъ произведеніемъ Робана считается романъ «Пагода». Теперь Робанъ не пишетъ больше романовъ, такъ какъ посвятилъ себя всецѣло художественной критикѣ.

Западно-европейскій модернизмъ ввелъ въ японскую литературу Огаи (псевдонимъ военнаго врача Мори, родившагося въ 1860 г.). Лучшимъ произведеніемъ его считается разсказъ «Танцовщица», описывающій любовь японца къ нѣмецкой балеринѣ. Трагическимъ писателемъ современной Японіи, описывающимъ мрачные ужасы жизни, является Ріуро (псевдонимъ Иротсу, родившагося въ 1861 году). Его лучшимъ произведеніемъ считается,—говоритъ Такенобъ,—романъ «Двойное убійство въ Имадо». Ріуро описываетъ также «Ямы». Таковъ романъ «Публичный домъ Кавачива».

Исторія Японіи вдохновила многихъ романистовъ, но ихъ произведенія крайне слабы и шаблонны. Единственнымъ талантливымъ писателемъ, спеціальность котораго историческій романъ,—является Ріушу (псевдонимъ Тсукахары, родившагося въ 1850 г.).

Реалистическое направленіе въ романѣ, введенное проф. Тсубучи, въ особенности ярко выразилась во время китайско-японской войны (1894—1895 гг.). Тогда появился цѣлый рядъ произведеній, описывающихъ ужасы войны. Беллетристика отличалась тогда пессимизмомъ; романы и разсказы проникнуты были отчаяніемъ и тоской. Романисты говорили про безпомощность человѣка. Тогда именно и народилась такъ называемая «трагическая повѣсть». Впервые японскіе романисты обратили вниманіе на экономическое и соціальное положеніе массъ, ухудшившееся во время войны. Явились беллетристы, изучавшіе вообще вліяніе соціальныхъ условій на характеры. Таковъ Рока (псевдонимъ Токутоми, родившагося въ 1868 г.), выступившій въ 1900 году съ романомъ «Хототочису», который произвелъ громадное впечатлѣніе. Произведеніе

построено на трагедіи, проистекающей изъ столкновенія взглядовъ на бракъ старой и молодой Японіи. Рока тоже воспитался на русской литературѣ, но только не на Тургеневѣ, а на Толстомъ. Недавно японскій беллетристъ, какъ онъ самъ говоритъ, «побывать на поклоненіи» въ Ясной Полянѣ. Къ той же школѣ, что и Рока, принадлежитъ Кикутси (псевдонимъ Тагучи, родившагося въ 1875 году), авторъ романа «Графиня» и ряда разсказовъ, а также Юко (псевдонимъ Кикучи, родившагося въ 1870 году), авторъ романа «Ея собственный грѣхъ».

Мрачный, непроглядный пессимизмъ и проповѣдь безполезности борьбы, такъ какъ жизнь—зло, въ концѣ концовъ утомили читателей. Ко времени русско-японской войны въ японскую литературу проникло ученіе Ницше и произвело потрясающее впечатлѣніе. Сильные «сверхъ-человѣки» полонили воображеніе беллетристовъ. Рядомъ съ этимъ въ литературѣ шло другое литературное теченіе, создавшееся подъ вліяніемъ изученія произведеній Мопассана, Толстого и другихъ европейскихъ романистовъ. Подъ вліяніемъ Мопассана находится теперь Тенгаи (псевдонимъ Косучи, родившагося въ 1865 году), авторъ произведеній «Зачарованный вѣтеръ» (Маказе Коиказе) и «Кремень» (Кобуши), а также Кафу (псевдонимъ Нагаи, родившагося въ 1879 году), Хакучо и др. Въ послѣднее время импрессіонизмъ тоже проникъ въ Японію. Представителемъ его является Тосонъ (псевдонимъ Шимазаки, родившагося въ 1872 году), авторъ романа изъ жизни отверженныхъ, «Хакои» (1906 году). Рядомъ съ импрессіонизмомъ уживается и реалистическій романъ. Прекрасное, по словамъ Такеноба, произведеніе подобнаго рода написалъ Катаи (псевдонимъ Тайамы) въ 1907 году. Романъ называется «Стеганое одѣяло» («Футонъ»). Отдѣльно отъ намѣченныхъ ученій стоитъ японскій Эдгаръ Поэ Кіока (псевдонимъ Изуми, родившагося въ 1873 году), японскій Андерсенъ Сазанами и авторъ соціалистическихъ романовъ Шоко (псевдонимъ Киношиты, родившагося въ 1869 году). Чтобы писать подобныя произведенія въ Японіи, надо обладать большимъ мужествомъ, потому что правительство безпощадно преслѣдуетъ соціалистическія идеи.

Японскіе беллетристы тоже занимаются разрѣшеніемъ сексуальныхъ вопросовъ и, вслѣдствіе этого, часто приходятъ въ столкновеніе съ правительственными цензорами нравовъ. Положеніе беллетристовъ въ Японіи не очень завидное. Вслѣдствіе стараго предразсудка ихъ ставили раньше на одну доску съ шутами. Старики и пуристы до сихъ поръ глядятъ на нихъ косо, не желая признавать ихъ писателями, какъ поэтовъ, напр. «Беллетристы могутъ утѣшиться тѣмъ, говоритъ проф. Такенобъ, что молодое поколѣніе питаетъ къ нимъ глубокое уваженіе». По понятіямъ старшаго поколѣнія въ Японіи — беллетристика — «гиль», тогда какъ «вещь» лишь поэзія. Въ то время, какъ пожилые японцы

такъ презрительно относятся къ романамъ, стихотворство пользуется такимъ почетомъ, что самъ императоръ пишетъ оды, а спеціальный придворный чинъ комментируетъ ихъ. Этихъ одъ я коснусь ниже. Покуда, со словъ Денинга *), скажу только, что прежде японскіе поэты предпочитали «длинныя оды», или «нага-ута», которыя, впрочемъ, были длинны только по названію. Теперь предпочтеніе отдается преимущественно «короткимъ одамъ», или «анка», состоящимъ лишь изъ 31 слога. Поэты очень ограничены въ выборѣ темъ: они должны говорить въ своихъ одахъ только о природѣ, любви и мимолетности человѣческой жизни. Есть еще болѣе короткія оды, «хаикаи», состоящія только изъ семнадцати слоговъ. Въ 1872 году врачи Тояама, Инуе и Етабе, воспитавшіеся въ Европѣ, основали новую школу поэзіи—«шинтаиши», слѣдующую западно-европейскимъ образцамъ. Поэты этой школы перевели Байрона, Шелли и нѣкоторыхъ другихъ англійскихъ авторовъ. Теперь самымъ виднымъ представителемъ этой школы считается Тсучіи Бансуи, переведшій на японскій языкъ Мильтона и Шекспира.

IV.

Повидимому, Японія желала больше всего импонировать европейцамъ не столько ростомъ своей культуры, сколько военной мощью. И въ этомъ отношеніи она, конечно, успѣла. Осмотръ павильоновъ военнаго и морского министерствъ производятъ сильное впечатлѣніе даже на профановъ.

«Они (японскіе чиновники) попросили показать фрегатъ... Ихъ повели по палубамъ. Они разсматривали пушки, ружья, и внимательно слушали объясненія о ружьяхъ съ новыми прицѣлами, купленныхъ въ Англіи. Все занимало ихъ, и въ этомъ любопытствѣ было много наивнаго, дѣтскаго, хотя японцы и удерживались слишкомъ обнаруживаться... Свита ихъ, прислужники, бродили по палубѣ, смотрѣли на все, полуразиня рты... Тутъ были, между прочимъ, два или три старика, въ панталонахъ, т. е. ноги у нихъ выше обтянуты синей матеріей, а обуты въ такіе же чулки, какъ у всѣхъ, и потомъ въ сандаліи. Коротенькія мантіи были тоже синія. Что это за люди?—спросили.—Солдаты, говорятъ. Солдаты! Нельзя ничего выдумать противоположнѣе тому, что у насъ называется солдатомъ. Они, отъ старости, едва стояли на ногахъ и плохо видѣли. Сѣдая косичка, въ три волоса, не могла лежать на головѣ и торчала кверху; сквозь рѣдкую косу проглядывала лысина, цвѣта красной мѣди. Вообще не видно почти ни одной мужественной, энергической физіономіи, хотя умныхъ и лукавыхъ много».

*) Walter Dening, „Japanese Modern Literature".

Такъ писалъ И. А. Гончаровъ въ 1854 году. Какъ опасно ставить діагнозъ о «вырожденіи» какого-нибудь народа! И какъ трудно судить о слабости народа по его внѣшности! Черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ того, какъ умный, наблюдательный романтикъ познакомился съ японцами, этотъ народъ, среди котораго И. А. Гончаровъ не видѣлъ «ни одной мужественной физіономіи», явился побѣдителемъ при Мукденѣ. Второе поколѣніе людей, смотрѣвшихъ, разиня ротъ, на фрегатъ, выиграло морское сраженіе, передъ которымъ блѣднѣетъ даже побѣда Нельсона у мыса Трафальгаръ.

Морское министерство прислало рядъ моделей военныхъ кораблей разнаго типа. Тутъ миноноски, крейсера, броненосцы. Японія приспособила теперь свои казенные заводы, устроила элинги и сооружаетъ у себя дома громадные броненосцы. Правда, въ Японіи тоже одинъ броненосецъ поглощаетъ результатъ многихъ урожаевъ рисовыхъ полей; но тамъ хоть казнокрадство неизвѣстно или, во всякомъ случаѣ, только что еще нарождается.

Въ павильонѣ морского министерства мы находимъ таблицы, показывающія составъ современнаго японскаго флота. Въ соотвѣтствующихъ графахъ указаны: классъ корабля, водоизмѣщеніе, лошадиная сила и т. д. Просматривая эти таблицы, мы наталкиваемся на странный на первый взглядъ фактъ. Противъ одиннадцати военныхъ кораблей: «Ивами», «Хизенъ», «Сагами», «Суво», «Танго», «Ики», «Окиношима», «Миношима», «Асо», «Соя» и «Тсугару»—въ графѣ «гдѣ построенъ» отмѣчено—«неизвѣстно», хотя годъ сооруженія всегда указанъ. Японцамъ отлично извѣстно, гдѣ эти таинственные корабли построены, но отмѣтка сдѣлана для того, чтобы щадить самолюбіе нѣкоторыхъ посѣтителей выставки. «Ивами» это—«Орелъ», «Хизенъ»—«Ретвизанъ», «Сагами»—«Пересвѣтъ», «Суво»—«Побѣда», «Танго»—«Полтава», «Ики»—«Николай I», «Окиношима»—«Апраксинъ», «Миношима»—«Сенявинъ», «Асо»—«Баянъ», «Соя»—«Варягъ» и «Тсугару»—«Паллада».

Военный японскій флотъ состоитъ теперь изъ 193 кораблей, водоизмѣщеніе которыхъ 503.206 тоннъ. Въ 1871 году Японія расходовала на содержаніе флота 19,2 мил. іенъ, въ 1881 году—71,4 мил., въ 1891 — 83,5 мил. Въ 1895 году, во время войны—85,3 мил. іенъ. Затѣмъ слѣдуетъ Симоносокскій договоръ и занятіе Портъ-Артура Россіей. Морской бюджетъ Японіи послѣ этого стремительно возрастаетъ:

Въ 1896 году	. . .	168,8	мил.	іенъ
» 1897 »	. . .	223,6	»	»
» 1898 »	. .	219,7	»	»
» 1899 »	. . .	254,1	»	»
» 1900 »	. . .	292,7	»	»
» 1901 »	. . .	266,8	»	»
» 1902 »	. . .	289,2	»	»
» 1903 »	. . .	249,5	»	»
» 1904 »	. . .	277,05	»	»

Для всѣхъ было очевидно, что Японія готовится къ войнѣ. «Симоносокскій договоръ заключалъ въ себѣ зародыши будущаго столкновенія съ Россіей, — читаемъ мы въ очеркѣ «The Japanese Navy», написанномъ англійскимъ морскимъ офицеромъ... Для компетентныхъ наблюдателей стало ясно, что война между Японіей и Россіей рано или поздно неизбѣжна. Японія энергично обзаводилась флотомъ и пріобрѣла эскадру первоклассныхъ броненосцевъ. То обстоятельство, что она всецѣло зависѣла въ этомъ отношеніи отъ Европы, имѣло важное значеніе при опредѣленіи стратегіи будущей борьбы. Кризисъ произошелъ въ началѣ 1904 г., когда послѣ продолжительныхъ переговоровъ выяснилось, что Россія не намѣрена дѣлать уступки ни въ Манчжуріи, ни на границѣ Кореи». И послѣ заключенія войны расходъ на флотъ не уменьшился, а напротивъ, увеличивается. Въ 1907 году содержаніе флота стоило государству 602,4 мил. іенъ, а въ 1908 году — 626,7 мил. іенъ.

Не менѣе внушительны расходы на армію. Въ 1871 году содержаніе арміи обходилось Японіи въ 19,2 мил. іенъ, въ 1881 г. — 71,4 мил., въ 1891 г.—83,5 мил. іенъ, въ моментъ войны съ Китаемъ—85,3 мил. іенъ. Послѣ Симоносокскаго договора расходъ на армію сразу увеличивается вдвое (168,8 мил. іенъ).

Въ 1897 году Японія расходуетъ на армію уже 223,6 мил. іенъ. И тутъ было очевидно, что страна готовится къ войнѣ. Въ моментъ объявленія войны армія обходилась Японіи въ 420,6 мил. іенъ. Съ тѣхъ поръ расходы не уменьшаются, что показываютъ слѣдующія цифры:

1906 году		464,2 мил. іенъ
1907 »		602,4 » »
1908 »		626,7 » »

Новые военные законы, дѣйствующіе теперь, должны дать Японіи черезъ 18 лѣтъ армію въ 1.688.000 человѣкъ. «Если Японія сама или при помощи союзниковъ сумѣетъ удержать и дальше господство на морѣ, она явится рѣшающей военной державой на Дальнемъ Востокѣ», — говоритъ военный корреспондентъ «Times'а *). Тотъ же авторъ доказываетъ, что японская армія теперь вдвое сильнѣе, чѣмъ была она въ 1904 году.

Приведу теперь нѣсколько данныхъ изъ доклада японскаго военнаго министерства. Военная служба обязательна для всѣхъ японцевъ въ возрастѣ отъ 20—40 лѣтъ. Ежегодно призывнаго возраста достигало 550.000 юношей. Послѣ строгаго медицинскаго осмотра признанные годными вынимаютъ жребій, такъ какъ на службу должны поступить только 120.000. Молодые солдаты находятся на дѣйствительной службѣ два года, если они въ пѣхотѣ, или

*) „Times", july 19.

три года, если они въ кавалеріи или артиллеріи. Затѣмъ они перечисляются въ запасъ (уобі) до 27 лѣтъ. До 37 лѣтъ солдатъ числится въ «коби» (ополченіе перваго разряда, Landwehr), а потомъ до 40 лѣтъ въ «кокумики» (ополченіе второго разряда, Landsturm). Къ этому разряду принадлежатъ также юноши отъ 17—20 лѣтъ, которые могутъ быть вызваны въ крайнемъ случаѣ. Японскій Landsturm образуетъ резервъ въ 3.000.000 человѣкъ.

Военное министерство прислало, помимо оружія всякаго рода, образцы обмундированія арміи, сухарей и пр. Я совершенно не берусь судить о качествѣ тѣхъ ружей, пушекъ и снарядовъ, которые выставлены въ павильонѣ военнаго министерства. Скажу только нѣсколько словъ объ образчикахъ солдатскаго сукна, присланнаго правительственной фабрикой въ Сейджу (близъ Токіо). Солдатское сукно это мягко и, вѣроятно, очень грѣетъ. Невозможно даже сравнивать достоинство сѣраго сукна нашихъ солдатскихъ шинелей съ толстымъ, крѣпкимъ, мягкимъ «хаки», изъ котораго шьется верхнее платье японскихъ солдатъ. Японскіе офицеры обмундированы гораздо скромнѣе русскихъ, за то японскіе солдаты одѣты неизмѣримо теплѣе и изящнѣе нашихъ нижнихъ чиновъ.

Говорятъ, несмотря на строгую дисциплину въ японской арміи, тамъ установлены человѣческія отношенія между офицерами и солдатами. Объ этомъ много писалось у насъ во время войны. Я хочу коснуться другого факта. Японскихъ солдатъ обучаютъ, какъ гражданъ. При этомъ стараются воздѣйствовать на ихъ умъ, на убѣжденіе. Вотъ почему офицеры говорятъ съ ними человѣческимъ языкомъ, а не спеціальнымъ залихватскимъ жаргономъ, который такъ рѣжетъ ухо своею фальшью. Предо мною журналъ Ямато-дамашіи, издающійся на двухъ языкахъ: на японскомъ и англійскомъ. Во второмъ нумерѣ помѣщенъ императорскій манифестъ, данный японскимъ войскамъ 4 января 1882 года, когда формировалась новая армія и флотъ. Вотъ нѣсколько строкъ изъ этого манифеста. Сперва разъясняется, что всѣ отъ маршала до нижняго чина—солдаты. И тутъ же прибавляется: «солдаты (отъ маршала до нижняго чина) должны быть всегда вѣжливы... ...ко всѣмъ, которые выше васъ чиномъ, все равно, служите ли вы подъ ихъ начальствомъ или нѣтъ,—будьте всегда почтительны. Съ другой стороны, начальствующіе никогда не должны проявлять по отношенію къ стоящимъ ниже ихъ гордость, грубость или презрѣніе. Въ рядахъ и на полѣ битвы начальствующіе обязаны соблюдать строгую дисциплину, но въ другое время должны обращаться съ подчиненными мягко, ласково и любовно. Начальствующіе должны всегда помнить, что они и солдаты вмѣстѣ служатъ общей родинѣ». Приказъ не предписываетъ солдатамъ не разсуждать. Напротивъ, онъ говоритъ слѣдующее: «солдатъ (въ данномъ случаѣ имѣется въ виду нижній чинъ) долженъ выработать въ себѣ привычку думать ясно (въ англійскомъ переводѣ: «A soldier shall

cultivate the habit of thinking dearly») и умѣнье тщательно разбираться въ деталяхъ». Въ примѣчаніи къ англійскому переводу, помѣщенному въ журналѣ «Ямато-домашіи», говорится: «Манифестъ этотъ обнародованъ пять лѣтъ спустя послѣ гражданской войны, извѣстной подъ названіемъ Сатсумовскаго мятежа. Съ тѣхъ поръ наши офицеры и солдаты, какъ въ мирное, такъ и въ военное время, вѣрно слѣдовали правиламъ, изложеннымъ въ манифестѣ. Правила эти для нашихъ солдатъ имѣютъ такое же значеніе, какъ догматы религіи для вѣрующихъ» *).

V.

Японія отличный организаторъ не только у себя дома, но и въ колоніяхъ. Въ той области, гдѣ даже организаторскій талантъ Германіи оказался безсильнымъ, Японія сдѣлала большіе успѣхи. Германія, напр., кромѣ огорченій, не видитъ ничего отъ своихъ богатыхъ африканскихъ колоній. Японіи досталась половина острова, окруженнаго холодными теченіями, и въ нѣсколько лѣтъ она заставила и эту колонію приносить прибыль. Въ отчетѣ, напримѣръ, о состояніи Карафуто (Сахалина) мы читаемъ: «На островѣ возникаютъ заводы для добыванія древеснаго спирта». Вѣдь сколько лѣтъ Сахалинъ былъ въ рукахъ у насъ, а ни разу не возникала даже мысль о подобной утилизаціи лѣсныхъ богатствъ.

«До сихъ поръ,—читаемъ мы дальше въ отчетѣ,—рыба шла только на приготовленіе удобренія. Теперь проектируется отдѣлять жиръ для разныхъ промышленныхъ цѣлей». «Изъ естественныхъ богатствъ Сахалина самое важное значеніе имѣетъ каменный уголь, находимый всюду въ изобиліи пластами толщиною отъ двухъ до пяти футовъ. Такъ какъ уголь этотъ почти совершенно свободенъ отъ сѣры, то онъ даетъ до 60% кокса и очень мало золы. Въ 1905 г. начаты были геологическія изслѣдованія Сахалина, законченныя въ 1908 г. Кромѣ каменнаго угля найдено золото». «На восточномъ берегу острова находятъ очень хорошій янтарь. Нефтяные источники Сахалина въ послѣднее время сильно интересуютъ многихъ... Сахалинъ богато одаренъ природой; но требуется еще много работы, чтобы развить эти богатства». «Наиболѣе пригоднымъ мѣстомъ для земледѣлія оказался округъ Тоіохары (прежняя Владиміровка). Тамъ поселились уже многіе японскіе колонисты». «Когда Карафуто перешелъ къ Японія, единственная сносная дорога была отъ Огомари къ устью рѣки Наибучи. Теперь сооружены новыя дороги отъ Тоіохары (Владиміровки) до Маука, черезъ западно-сахалинскій горный хребетъ. Такимъ образомъ установлено сообщеніе во всякое время года между двумя важными пунктами...

*) «The Yamato-damashii». № 2. P. 6.

Черезъ рѣчки и потоки построены мосты, а черезъ большія рѣки— плашкоуты. Желѣзная дорога проложена отъ Огомари до Тоіохары на протяженіи 25 англійскихъ миль. Открыты почтовыя конторы въ Тоіохарѣ, Огомари, Маукѣ и въ другихъ сколько-нибудь значительныхъ мѣстахъ» Я напомню читателямъ, что русскіе поселились на Янѣ и на Колымѣ еще въ XVII вѣкѣ, а между тѣмъ ни Верхоянскѣ, ни въ Средне-Калымскѣ нѣтъ почтовой конторы (Во всякомъ случаѣ не было въ 1892 году).

«Интересно,—писалъ А. П. Чеховъ двадцать лѣтъ тому назадъ,—что въ то время, какъ сахалинскіе колонизаторы вотъ уже тридцать пять лѣтъ сѣютъ пшеницу на тундрѣ и проводятъ хорошія дороги къ такимъ мѣстамъ, гдѣ могутъ прозябать одни только низшіе молюски, самая теплая часть острова, а именно, южная часть западнаго побережья, остается въ совершенномъ пренебреженіи».

Лондонская японская выставка, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ объ энергіи, талантѣ и настойчивости Японіи; но внимательное изученіе экспонатовъ и многочисленныхъ докладовъ приводитъ къ заключенію, что европейской демократіи у страны Восходящаго Солнца учиться нечему. Не слѣдуетъ переоцѣнивать значеніе прогресса, сдѣланнаго Японіей. Надо помнить, что прогрессъ этотъ односторонній. Передъ нами покуда усиленное развитіе государства на счетъ личности. Обратимся къ любопытнымъ документамъ. Передъ нами рядъ изящно отпечатанныхъ номеровъ журнала *Ямато-дамашіи*, выходящаго на двухъ языкахъ—японскомъ и англійскомъ. Заглавіе журнала означаетъ «Духъ Японіи». «Обязанностью каждаго человѣка является улучшеніе условій жизни при помощи выработки хорошихъ привычекъ, утонченныхъ манеръ и неуклоннаго выполненія божественной воли»,—читаемъ мы въ редакціонной статьѣ перваго номера. Европейская демократія того мнѣнія, что для измѣненія условій жизни требуется нѣчто другое. «Изъ идей, господствовавшихъ въ Японіи, не мѣняясь, въ теченіе двадцати пяти вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ тамъ царствуетъ одна и та же династія —возникъ циклъ понятій *Ямато-дамашіи*, или духъ Японіи. Изъ этого цикла, въ свою очередь, развился «Бушидо» Въ послѣднее время во всѣхъ странахъ многіе заинтересовались нашимъ кодексомъ чести «Бушидо». Изслѣдователи пріѣзжали даже съ этою спеціальною цѣлью къ намъ, въ Японію. Но, вслѣдствіе отсутствія писаннаго кодекса, многіе были введены въ заблужденіе относительно значенія «Бушидо». Журналъ *Ямато-дамашіи*, поэтому, имѣетъ цѣлью познакомить весь міръ съ дѣйствительной душою Японіи. Прежде всего читатель спѣшитъ познакомиться съ «одами», о которыхъ слышалъ такъ много. Каждая «ода» состоитъ только изъ двухъ строчекъ. Вотъ, напримѣръ, ода «Дружба», написанная нынѣшнимъ японскимъ императоромъ:

«Исправляйте недостатки ближнихъ и живите, какъ друзья.
Вотъ, что внушаетъ духъ истинной дружбы».

Мнѣ припомнилось начало стихотворенія, появившагося лѣтъ 16 тому назадъ въ декадентскомъ журналѣ: «Отъ бѣлой акаціи акаціей пахнетъ, отъ бѣлой сирени—сиренью». Къ «одѣ» тутъ же приложено «толкованіе». Составлено оно «Предсѣдателемъ департамента поэзіи при министерствѣ двора» *) барономъ Такасаки. «Если кто-нибудь поступитъ неправильно, истинные друзья его обязаны указать ошибку, усовѣстить и заставить, чтобы она была исправлена,—говоритъ комментаторъ. Хотя очень много такихъ друзей, которые станутъ хвалить хорошій поступокъ, очень трудно найти друга, который рѣшился бы попрекнуть за дурной поступокъ. Надо сомнѣваться въ искренности того друга, который только хвалитъ, то никогда не порицаетъ. Императорская ода означаетъ, что друзья должны порицать за дурные поступки, хотя бы это подвергало риску отношенія» **). Вотъ еще ода, «Родители», того же автора.

„Облегчай сердце родителей и дай имъ радость,
Если обязанности къ странѣ даютъ тебѣ досугъ".

Тотъ же «Предсѣдатель департамента поэзіи» скрѣпляетъ двустишіе комментаріями. «Мнѣ кажется, что въ своей одѣ его величество выражаетъ такую священную волю. Всѣ подданные его имперіи, отъ министровъ до простыхъ рабочихъ, должны прежде всего радѣть о благѣ государства. И если работа на пользу государства оставляетъ свободное время, послѣднее надо посвятить родителямъ» (The Yamato-damashii, № 2, p. 7). Вотъ ода «Трудъ», опять же написанная императоромъ.

«Смотри: дождевыя капли, падающія со стрѣхъ, долбятъ камни внизу!
Не падай духомъ поэтому даже тогда, если трудъ твой тяжелъ».

«Въ этой одѣ,—комментируетъ Предсѣдатель департамента поэзіи,—его величество доказываетъ своему народу важность настойчивости и неусыпнаго прилежанія. Не можетъ быть поэтому большаго побудителя къ труду, чѣмъ изученіе милостивыхъ строкъ его величества» ***).

Обратимся теперь къ одамъ не столь высокихъ поэтовъ.

„Какъ достоинъ жалости возлагающій надежду на завтра
И откладывающій свою работу со дня на день".

Истины несомнѣнныя; но авторъ оды, лордъ Нисшинъ, могъ бы лучше прямо перевести знаменитое двустишіе, которое мы дѣтьми переписывали изъ прописей, когда учились нѣмецкому языку.

„Не теряй надежды, если ты недостаточно искусенъ.
Путемъ упражненій, можно изъ пыли вывести цѣлую гору".

---

*) Англійскій переводъ японскаго титула будетъ: „President of the Board of Poetry in the Imperial Household Department".

**) The Yamato-damashii, № 1. P. 2.

***) „The Yamato-damashii", № 3, p. 1.

Ода эта принадлежитъ тому же лорду Ниссшину. Къ ней приложенъ комментарій, хотя не указано, принадлежитъ ли онъ Предсѣдателю департамента «поэзіи» или менѣе титулованому критику. «Въ своей одѣ лордъ Ниссшинъ убѣждаетъ насъ, что глупые люди (stupid persons—въ англійскомъ переводѣ) не должны терять надежду стать хорошими; а неискусные не должны приходить въ отчаяніе отъ своей неловкости. Точно такъ, какъ пыль, накопляясь мало по малу, образуетъ холмъ, люди глупые или неловкіе, если они будутъ усердно работать, могутъ значительно преуспѣть. Люди рождаются умными и глупыми, искусными и неловкими; но у насъ глупый можетъ стать мудрымъ; путемъ упражненій неловкій можетъ стать ловкимъ. Съ другой стороны, пренебрегая работой, умный становится глупымъ, а ловкій — неловкимъ» *). Журналъ по преимуществу посвященъ выясненію одной основной мысли: человѣкъ существуетъ, чтобъ служить государству; служить онъ можетъ, главнымъ образомъ, тѣмъ, что въ любой моментъ, станетъ воиномъ.

Въ журналѣ, конечно, значительное мѣсто отведено выясненію того, что такое «Бушидо». Вотъ выдержки изъ разговора объ этомъ кодексѣ между генераломъ Ноги, имя котораго связано съ Портъ-Артуромъ, и капитаномъ Такахаши, редакторомъ журнала Ямато-дамашіи.

Вопросъ. Что такое *Бушидо*?

Отвѣтъ. Бушидо то, чему родители заботливо учили насъ, когда мы были еще маленькими дѣтьми и когда мы только что еще начали знакомиться съ окружающимъ міромъ. Мнѣ кажется, лучшимъ опредѣленіемъ Бушидо будетъ слѣдующее: «практическое примѣненіе принциповъ лояльности, сыновней почтительности, прямодушія (uprightness) и мужества. Другими словами, Бушидо означаетъ утонченный духъ совершенныхъ манеръ, который издавна существовалъ у самураевъ. *Бушидо* это—сущность *Ямато-дамашіи* (т. е. духа Японія).

Вопросъ. Что именно подразумѣвается подъ словами «утонченный духъ» и что такое «совершенныя манеры»?

Отвѣтъ. Сущностью «утонченнаго духа» (refined spirit) является лояльность своему сюзерену, а формой—честь. Чтобы мы ни дѣлали, первой нашей мыслью должно быть благо сюзерена, а затѣмъ долженъ явиться вопросъ: не наложитъ ли нашъ поступокъ пятна на нашу военную честь?.. Мнѣ кажется, нигдѣ въ другой странѣ нельзя встрѣтить такого утонченнаго духа, какъ у насъ. Онъ связываетъ государя и подданныхъ, дѣлившихъ вмѣстѣ радости и горе въ теченіе тысячелѣтій. Трудно объяснить, что подразумѣвается подъ словами «совершенныя манеры». Имѣется въ виду восхваленіе военнаго духа, являющагося основой нашего на-

*) Ib. № 6, p. 2.

ціональнаго существованія и воздаянія должнаго—сильной волѣ. Тотъ, кто богатъ военной доблестью, всегда готовъ упражнять свой умъ и, конечно, держитъ подъ сильнымъ контролемъ стремленіе къ матеріальнымъ благамъ. Какъ небо отъ земли, отличается такой человѣкъ отъ тѣхъ, которые (какъ это мы видимъ теперь) гонятся за матеріальными благами и, погружаясь все глубже въ наслажденія, не стыдятся быть неискренними и несправедливыми.

Вопросъ. Роскошь и излишество нашего времени являются, конечно, результатомъ пренебреженія нашего долга; но въ настоящемъ фазисѣ національнаго развитія мы не можемъ призирать такъ деньги, какъ это дѣлали наши отцы. Какого вы мнѣнія объ этомъ?

Отвѣтъ. Въ минувшія времена «буши», т. е. вассалъ, одѣвался очень просто и былъ крайне умѣренъ въ пищѣ. Но такъ какъ сказано, что платье отражаетъ нашъ умъ, то *буши* заботился о томъ, чтобы платье его было опрятно. Старинные мудрецы наши дальше говорятъ»: «Жилище имѣетъ вліяніе на мысли человѣка». Вотъ почему домъ *буши* былъ всегда сравнительно просторенъ. Но *буши* никогда не думалъ даже переступить границу, отдѣляющую его отъ людей высшаго класса. Тѣмъ менѣе склоненъ былъ онъ сдѣлать это при помощи денегъ, добытыхъ безчестнымъ путемъ. На оружіе, т. е. на саблю, копье, шлемъ и кольчугу *буши* всегда расходовалъ большія деньги. На черный день онъ держалъ про запасъ сумму, приличествующую его состоянію. Эти спрятанныя деньги давали возможность *буши* проявить свою лояльность къ сюзерену (т. е. когда возникала война) и поддерживать честь своего класса. Если у *буши* были лишнія деньги, онъ отдавалъ часть сюзерену, а затѣмъ помогалъ неимущимъ родственникамъ и бѣднымъ. Такимъ образомъ, деньги нужны были *буши*, только чтобы служить сюзерену и чтобы поддерживать свою честь. Наслѣдственная земля (*року*) давала *буши* достаточно средствъ, чтобы жить скромно, не думая о другихъ источникахъ дохода. Вотъ почему *буши* стыдился даже говорить о деньгахъ. Казалось, будто бы, онъ презираетъ ихъ. Но это—недоразумѣніе, возникшее тогда, когда явились купцы, главная цѣль которыхъ нажива. Совсѣмъ напротивъ, *буши* никогда не презиралъ денегъ. Онъ довольствовался скромной умѣренной жизнью и презиралъ лѣнь. *Буши* зналъ, что деньги нельзя тратить зря. Теперь у насъ въ Японіи нѣтъ наслѣдственныхъ удѣловъ. Вотъ почему мы должны смотрѣть на деньги, во первыхъ, какъ на средство проявлять лояльность къ нашему императору, а во вторыхъ, какъ на возможность поддерживать нашу честь.

Вопросъ. Необходимъ ли *Бушидо* въ настоящее время?

Отвѣтъ. Въ былыя времена воинъ стоялъ совершенно въ сторонѣ отъ земледѣльца и считался единственнымъ защитникомъ страны, хотя, собственно говоря, одними своими силами онъ никогда не могъ разбить непріятеля. Въ тѣ времена казалось, что

только *буши* должны слѣдовать правиламъ, указаннымъ въ *Бушидо*. Но теперь наши старинныя учрежденія переустроены. Теперь всѣ должны быть солдатами. Вотъ почему необходимо, чтобы нація, какъ цѣлое, руководствовалась *Бушидо*. Теперь многіе, ослѣпленные матеріалистической цивилизаціей нашихъ дней, заботятся только о собственныхъ интересахъ, когда великія общественныя работы остаются невыполненными. Человѣческія сердца становятся неискренними и легкомысленными. Намъ надо развивать въ сердцахъ прямоту и мужество, являющіяся основоначаломъ Бушидо.

Вопросъ. Что говоритъ Бушидо о военномъ искусствѣ?

Отвѣтъ. Каждый буши долженъ изучать его и постоянно упражняться въ немъ... Военное искусство помогаетъ развитію ямато-дамашіи (духа Японіи) *).

Въ томъ же журналѣ мы находимъ статью проф. Инуіе Тетсуджиро объ историческомъ развитіи военнаго кодекса морали (Бушидо). Мы узнаемъ, что происхожденіе кодекса относится къ «первой эрѣ (отъ восхожденія на престолъ императора Джимму, въ 660 году нашей эры, до 1185 года, когда началась эра Камакуре). Кодексъ былъ выработанъ двумя кланами. Затѣмъ правила стали распространяться среди воиновъ и другихъ клановъ. «Каждый воинъ имѣлъ безграничное право распоряжаться имуществомъ и жизнью своихъ слугъ, которые поэтому обязаны были абсолютно подчиняться»—говоритъ проф. Инуіе Тетсуджиро.

Выводъ нѣсколько неожиданный: «вотъ почему отношенія между воинами и ихъ слугами стали очень тѣсны» **). «Бушидо скрѣпилъ отношенія».

Выдержки эти, мнѣ кажется, доказываютъ слѣдующее. Вслѣдствіе совершенно особыхъ мѣстныхъ условій въ Японіи много вѣковъ тому назадъ дворянскій классъ выработалъ довольно стройный кодексъ рыцарской морали. Согласно кодексу воинъ являлся божествомъ для своихъ слугъ, владѣлецъ лена—божествомъ для воина, а императоръ—божествомъ для воина и владѣльца лена. Кодексъ морали предписывалъ не одно только слѣпое подчиненіе младшихъ старшимъ; онъ накладывалъ обязательства не только на подчиненныхъ. Ленные властелины тоже были въ извѣстной степени связаны этимъ кодексомъ. Вотъ, напр., рядъ изреченій, выработанныхъ японскими феодалами. Юзуги Іозанъ, владѣлецъ лена Іонезава, оставилъ слѣдующія правила для феодаловъ:

I. Государство унаслѣдовано мною отъ предковъ не для того, чтобы я выжималъ изъ него средства для себя, а чтобы я передалъ его въ болѣе благоустроенномъ видѣ потомкамъ.

II. Народъ принадлежитъ государству, а не мнѣ. Я не имѣю права поэтому обижать населеніе и облагать его налогами въ свою пользу.

---

*) *The Yamato damashii*, №№ 1, 2, 3.

**) Ib., № 1. P. 16.

III. Безъ своего государя государство и народъ будутъ существовать. Безъ народа и государства—государь ничто.

Вотъ правила, оставленныя Шимазу Наріакирой, леннымъ властелиномъ Сатсумы:

I. Управленіе страной можетъ быть основано только на гармоніи сердецъ.

II. Государь долженъ постоянно помнить слѣдующее правило: если богатѣетъ народъ, то богатѣетъ также и государство.

III. Повелитель не долженъ знать ни ненависти, ни пристрастной любви къ какой-нибудь одной части своего народа.

IV. Прими во вниманіе уроки прошлаго. Не повторяй никогда своихъ ошибокъ, которыя привели къ волненіямъ и неудовольствію.

V. Хорошее управленіе узнается по тому, что нѣтъ страдающихъ и обиженныхъ.

Правила, завѣщанныя властелиномъ удѣла Изуми-Хондой Тадаотсу.

I. Проявляя лицепріятность по отношенію къ одной части народа, которую ты считаешь почему то болѣе лояльной тебѣ,—ты этимъ разрушаешь у всего населенія представленіе о правосудіи *).

«Бушидо» составлялъ не духъ Японіи, а духъ опредѣленнаго класса. Обаяніе послѣдняго обусловливалось, какъ исключительными внѣшними условіями (оторванностью отъ всего міра, необходимостью бороться за свое существованіе и пр.), такъ и тѣмъ, что классъ не проявлялъ грубаго произвола, а былъ связанъ строгими правилами морали. Судя по тому, что японцы, пишущіе о *бушидо*, жалуются на «паденіе нравовъ», надо думать, что старинный кодексъ не вполнѣ подходитъ для новой жизни и для всѣхъ классовъ. Слѣдуетъ помнить, впрочемъ, что жалобы на «поврежденіе нравовъ» раздаются во всѣхъ странахъ, когда жизнь ломаетъ старые уклады. «Взирая на нынѣшнее состояніе отечества моего съ таковымъ окомъ, каковое можетъ имѣть человѣкъ, воспитанный по строгимъ древнимъ правиламъ, у коего страсти уже лѣтами въ ослабленіе пришли, а довольное испытаніе подало потребное просвѣщеніе, дабы судить о вещахъ, и могу я не удивляться, въ коль краткое время повредились повсюдно нравы въ Россіи,—писалъ суровый кн. Щербатовъ въ XVIII вѣкѣ.—Воистину могу я сказать, что, если, вступая позже другихъ народовъ въ путь просвѣщенія, намъ ничего не оставалось болѣе, какъ благоразумно послѣдовать стезямъ прежде просвѣщенныхъ народовъ,—мы подлинно въ людкости и въ нѣкоторыхъ другихъ вещахъ можно сказать удивительные имѣли успѣхи и исполинскими шагами шествовали къ поправленію нашихъ внѣшностей. Но тогда

*) *The Yamato-damashii*, june 1, 1910 (№ 6) P. p. 13—16.

же съ гораздо вящей скоростью бѣжали къ поврежденію нашихъ нравовъ и достигли до того, что вѣра и божественный законъ въ сердцахъ нашихъ истребились, тайны божественныя въ презрѣніе впали, гражданскія узаконенія презираемы стали, судіи во всякихъ дѣлахъ не столь стали стараться, объясняя дѣло, учинить свои заключенія на основаніи узаконеній, какъ о томъ, чтобы, лихоимственно продавая правосудіе, получить себѣ прибытокъ, или, угождая какому вельможѣ, стараются проникать, какое есть его хотѣніе. Другіе же, не зная и не стараясь узнать узаконеній, въ сужденіяхъ своихъ, какъ безумные бредятъ, и ни жизнь, ни честь ни имѣнія гражданскія не суть безопасны отъ таковыхъ неправосудій» *).

На первый взглядъ кажется, что эти строки надо лишь перевести на японскій языкъ, а затѣмъ послать въ *Ямато-дамашіи*: до такой степени онѣ подходятъ по тону.

Но это только на *первый* взглядъ. Японскій авторъ въ доказательство «поврежденія нравовъ» можетъ привести только развитіе роскоши и погоню за земными благами. Русскій авторъ XVIII вѣка отмѣчаетъ столь знакомыя намъ черты: лихоимство, лицепріятность судей, попраніе законовъ и пренебреженіе къ личности. Авторъ не желаетъ знать, что не только въ *его* время люди, «предавшись безпорядочнымъ хотѣніямъ и обожая внутри сердца своего стремительныя страсти», «презрѣли» «узаконенія страны, въ которой живутъ». Въ самомъ дѣлѣ: легче разрѣшить задачу о квадратурѣ круга, чѣмъ указать у насъ ту эпоху, когда «узаконенія страны» дѣйствительно признавались людьми, спеціально приставленными блюсти законы...

VI.

Въ чемъ заключается прогрессъ нашего времени? Мнѣ кажется, въ томъ, что создался новый взглядъ на взаимоотношеніе индивидуума и государства.

Подъ вліяніемъ Гегеля сложилось обожествленіе государства. Государство существовало прежде индивидовъ и стоитъ выше ихъ. «Это—божественная воля, воплощенная въ человѣческой волѣ; это—обнаруженный разумъ, это—олицетворенное безконечное. Государство имѣетъ свою собственную цѣль, въ томъ смыслѣ, что функціи его заключаются не въ томъ, чтобы содѣйствовать индивидуальнымъ интересамъ, охранять частную собственность и т. д. — подобныя функціи государства чисто случайныя и подчиненныя; его истинная роль заключается въ томъ, чтобы служить воплощеніемъ органическаго единства общественной жизни. Высшая задача инди-

*) *Кн. М, Щербатовъ*, «О поврежденіи нравовъ въ Россіи», London, 1858, стр. 1—2.

вида—содѣйствовать полнотѣ этого воплощенія. Высшая форма свободы, по Гегелю, это—служеніе государству... Подъ свободою Гегель понимаетъ не индивидуальную независимость, а скорѣе общую отвѣтственность. Кульминаціоннымъ пунктомъ человѣческаго развитія въ его глазахъ является не высшая индивидуальная культура, а скорѣе наиболѣе полно организованное и наиболѣе широко распространенное коллективное сознаніе. Индивиды приносятся въ жертву идеѣ цѣлаго, при чемъ индивидъ можетъ раздѣлить его безсмертіе, только живя въ этой идеѣ и для нея»*).

Мы знаемъ, къ какому страшному произволу можетъ привести эта теорія. Самыя грубыя насилія надъ личностью оправдываются, такъ называемыми, государственными интересами. Въ Японіи мы находимъ крайнее выраженіе ученія, что высшая задача индивида—содѣйствовать величію государства. Личность исчезаетъ совершенно; она, такъ сказать, растворяется въ государствѣ. Въ Западной Европѣ мы слышимъ про то, что у гражданъ есть права и обязанности. Въ Японіи индивидууму внушаютъ съ дѣтства, что у него есть *только* обязанности. Обращусь къ показанію такого авторитетнаго лица, какъ сэръ Александръ Баннерманъ**). «Отъ ранняго дѣтства японцы слышатъ только одно слово: «обязанность». *Долгъ* является основнымъ мотивомъ японской системы морали, преподаваемой въ школахъ. Слово «право» не встрѣчается даже въ учебникахъ. Даже когда рѣчь идетъ о выборахъ, юношу учатъ, что участье въ нихъ является *долгомъ*, а не *правомъ* японца». Олицетвореніемъ государства является императоръ.

«Съ незапамятныхъ временъ,—говоритъ G. E. Vyehara, авторъ недавно вышедшей интересной книги «The Political Develapmont of Japan», Японія обладала институтомъ, къ которому населеніе относилось не только съ глубокимъ уваженіемъ, но и съ религіознымъ благоговѣніемъ, порождаемымъ всѣмъ таинственнымъ и неизвѣстнымъ. Императоры, которые въ теченіе десятка вѣковъ пребывали въ заключеніи въ своихъ дворцахъ и являлись игрушкой въ рукахъ немногочисленной олигархіи, въ глазахъ народа казались божествомъ. Когда началось реформаціонное движеніе въ Японіи, вожди его использовали божественный авторитетъ императора для того, чтобы сдѣлать всѣ реформы пріемлемыми... Божественное происхожденіе императора все еще имѣетъ громадную власть надъ умами японцевъ. Въ политическомъ отношеніи это такой же важный факторъ въ Японіи, какимъ въ нѣкоторыхъ религіяхъ являются чудеса, миѳологія и аллегорическіе разсказы. Божественное происхожденіе императора и связанныя съ этимъ чрезвычайныя права его являются фундаментомъ, на которомъ было выведено полити-

---

*) „Journal of the Royal United Service Institution", August 1910.
**) См. *Куно Франке*, „Исторія нѣмецкой литературы», стр. 555.

ческое здавіе въ Японіи. На этомъ фундаментѣ оно держится до сихъ поръ» *).

«Императорскій домъ созданъ въ одно время съ небомъ и съ землею»,—такою главою открывается книга барона Окумы—«Кокуминъ Токуонъ» **). И дальше тамъ же авторъ продолжаетъ: «Императорскій домъ является столпомъ, поддерживающимъ Дай Ниппонъ (т. е. Японскую имперію). Наша національная исторія со времени вѣка боговъ сконцентрирована въ императорскомъ домѣ. Онъ является прародительскимъ домомъ всего народа. Императоръ нашъ является одновременно и властелиномъ, и отцомъ всѣхъ. Государства, существующія на землѣ, переживали много великихъ потрясеній; царствующія тамъ династіи мѣнялись; но не такъ происходило въ Дай Ниппонъ. Небесные предки императора создали власть его на всѣ вѣка. Государи наши происходятъ отъ богини солнца. Наша имперія хранитъ сокровища вѣка боговъ. Дай Ниппонъ—божья страна. Властелинъ въ ней рѣзко отдѣляется отъ остальныхъ людей. Съ незапямятныхъ временъ императоры у насъ, возсѣдая на спущенномъ съ неба высокомъ престолѣ, правили народомъ съ любовью и кротостью... Императорская добродѣтель сверкаетъ, какъ солнце, и ласкаетъ, какъ мѣсяцъ. Царствующая у насъ династія будетъ вѣчна, какъ небо и какъ земля. Вода въ рѣкѣ Изудзу будетъ всегда бѣжать къ морю. Гора Камиджи будетъ вѣчно возвышаться. До скончанія вѣковъ ковчегъ, поддерживающіе столбы котораго высоки, будетъ охранять великую имперію» ***). «Ковчегъ» тутъ символизируетъ всѣхъ боговъ.

И мнѣ припоминается одна сценка, которую я видѣлъ недавно на японской выставкѣ. Тамъ выстроили цѣлый японскій городокъ съ населеніемъ въ 300—400 человѣкъ. Тутъ японскія мастерскія, лавки, чайныя, театры, храмы. По обѣимъ сторонамъ улицы стоятъ ниши съ богами и съ богинями. И вотъ въ концѣ августа подошелъ японскій праздникъ Канда Матсури, т. е. праздникъ рисовой жатвы. Японское населеніе собралось торжественно отпраздновать этотъ день. Праздникъ собралъ безчисленную публику на выставку. Японцы устроили большое религіозное шествіе. Сперва, конечно, выступалъ широко улыбающійся синій англійскій «бобби» (полисмэнъ). Безъ него праздникъ не въ праздникъ. Затѣмъ шли маски: бѣлый котъ, фантастическія птицы, драконы и т. д. Въ драконѣ сидѣли два японца, которыхъ ноги, одѣтыя въ бѣлые шерстяные подштанники, видны были изъ брюха чудовища. Зеленый драконъ извивался, вращалъ глазами и кричалъ что то. Слова были непонятны, но по тону было видно, что

*) G. E. Vyehara „The Political Development of Japan. P. 232 и дальше.

**) Цитирую по англійскому переводу, приложенному къ іюльскому номеру «Ямато-дамашіи».

***) Count Okuma's Kaikoku Gojunenshi. „The Jamato-damashii". № 8. P. 17.

дракону было неловко, что онъ стѣсняется. Торжественно выступали воины въ старинныхъ кольчугахъ и въ лакированныхъ латахъ. Затѣмъ шелъ, должно быть, буддійскій дьячекъ, размахивавшій кадиломъ. За дьячкомъ на большомъ конѣ ѣхалъ бонза въ черномъ заломленномъ колпакѣ и въ парчевой хламидѣ. Конь былъ рабочій, выпряженный на время изъ тачки, широкозадый, съ мохнатыми ногами. Только у одного этого бонзы во всей религіозной процессіи лицо было совершенно равнодушное, заспанное. «По мнѣ что? Заплатите, буду на лунѣ править службу».—говорило это лицо. За бонзой слѣдовали четыре японца, несшіе на плечахъ вызолоченный ковчегъ, въ которомъ сложены были какія то бумажки. Повидимому, носящіе ковчегъ должны выражать радость и ликованіе. Но этимъ японцамъ было такъ же неловко, какъ и тѣмъ, чьи ноги въ шерстяныхъ подштанникахъ торчали изъ брюха дракона. Японцы не только улыбались, но пробовали даже кричать что то веселое. И срывавшимся крикомъ они еще больше выражали ту неловкость, которую испытывали. За ковчегомъ съ чувствомъ собственнаго достоинства шли сильно нарумяненныя молодыя японки—танцовщицы и акробатки. Дальше около двадцати японцевъ, впрягшись въ веревочныя лямки, волокли громадную золоченую будку. На ней стояло волосатое, грозное изображеніе бога жатвы Шовки, а рядомъ съ нимъ еще другое колѣнопреклоненное изображеніе съ саблей въ рукахъ. Въ будкѣ и на будкѣ сидѣло человѣкъ восемь, которые колотили изо всѣхъ силъ въ громадный барабанъ и дули въ длинныя дудки. Судя по усердію барабанщиковъ, они старались отчаянными звуками заглушить сознаніе неловкости. Въ лямки впряглись японцы въ халатахъ, но съ котелками, японцы въ черныхъ сюртукахъ и въ неизмѣнныхъ золотыхъ очкахъ, столь облюбованныхъ китайцами, индусами и обитателями страны Восходящаго Солнца, одѣтыми по-европейски. Тянувшіе лямки также кричали что то, но тутъ застѣнчивость и сознаніе неловкости чувствовалось еще больше. Подулъ вѣтеръ. Одна изъ богинь въ нишѣ опрокинулась и легла на спину, вытянувъ ноги въ черныхъ башмакахъ. Подошелъ японецъ, поднялъ богиню и нѣсколько разъ стукнулъ ею, какъ бы пробуя, прилѣпится ли она къ полу. Но богиня не хотѣла стоять, и японецъ бросилъ ее. Чувство неловкости заразительно, какъ смѣхъ, какъ плачъ. Я отошелъ въ сторону. И здѣсь въ храмѣ увидалъ бонзу. Онъ слѣзъ съ коня, но остался въ своемъ черномъ колпакѣ. Съ тѣмъ же соннымъ выраженіемъ лица онъ продавалъ рисовыя священныя булочки—«мочи». Покупали большею частью англичане. Бонза не успѣвалъ даже складывать столбиками вырученные пенсы...

Если судить по описанной религіозной процессіи, то фонды небожителей въ Японіи стоятъ не выше, чѣмъ во многихъ другихъ странахъ. А если это такъ, то въ Японіи государство и олицетво-

ренія его никогда не равны божествамъ, а поставлены неизмѣнно выше ихъ.

Прогрессъ демократическихъ идей повелъ, какъ я сказалъ уже, къ возникновенію на Западѣ (въ Англіи въ частности) новаго взгляда на взаимоотношенія государства и индивидуума. Этотъ взглядъ не признаетъ уже больше за государствомъ тѣхъ правъ, которыми надѣлялъ его Гегель. Индивидуумъ имѣетъ *право* требовать отъ государства, чтобы оно ему гарантировало счастье въ жизни или хотя бы дало шансъ на это. Результатомъ такого взгляда является, между прочимъ, рядъ законопроектовъ, намѣченныхъ обѣими главными партіями въ Англіи. Но объ этомъ я писалъ уже подробно.

Западная Европа удивляется энергіи и таланту Японіи, но, повторяю, учиться у страны Восходящаго Солнца демократическимъ странамъ нечему. Западная Европа и Японія стоятъ на діаметрально противоположныхъ точкахъ зрѣнія при оцѣнкѣ значенія государства и индивидуума. Демократія высоко ставитъ права индивидуума. Японія признаетъ, что только государство имѣетъ *права*. Индивидуумы имѣютъ только *обязанности* по отношенію къ государству.

До сихъ поръ, въ силу исключительныхъ условій, японская идеологія удовлетворяла населеніе. Надо помнить, что населеніе Японіи до послѣдняго времени было однородно, что борьба съ Россіей носила характеръ народной войны и т. д. Теперь старая идеологія, повидимому, даетъ трещины. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, привить западно-европейскія идеи и удержать вѣру въ божественное происхожденіе императора. Затѣмъ революціоннымъ бродиломъ является именно государственная мощь, которая обходится страшно дорого народу. При возникновеніи новыхъ формъ производства является и антагонизмъ классовъ. Крайне характернымъ явленіемъ надо признать глубокій пессимизмъ современной японской беллетристики, о которомъ упомянуто выше. Онъ, несомнѣнно, свидѣтельствуетъ, что далеко не все населеніе Японіи удовлетворяется теперь идеями, изложенными въ «одахъ» микадо или въ правилахъ «бушидо». Vyehara, книгу котораго я цитировалъ уже, говоритъ о назрѣвающей въ Японіи борьбѣ за дѣйствительно демократическій парламентъ. Затѣмъ есть еще одна причина, которая должна неминуемо повести къ перемѣнамъ въ Японіи.

До послѣдняго времени Японія была почти однородна по составу населенія. Теперь она присоединила имперію съ населеніемъ въ девять милліоновъ. Вся Японія признавала авторитетъ императора, какъ потомка богини солнца; но такимъ божественнымъ авторитетомъ не можетъ быть окруженъ микадо въ глазахъ корейцевъ. До сихъ поръ у Японіи были только «внѣшніе враги». Съ тѣхъ поръ, какъ она ступила на путь имперіализма, у ней появились «враги внутренніе». Японія не представляетъ уже такого обаянія для азіатскихъ народовъ. Въ сентябрской книжкѣ «Con-

temporary Review» авторъ въ высшей степени интересной статьи «Asia for the Japanese» доказываетъ, что энтузіазмъ азіатскихъ народовъ къ Японіи ослабѣлъ съ тѣхъ поръ, какъ страна начала преслѣдовать политику имперіализма. Англійская печать, вообще относящаяся сочувственно къ Японіи (хотя не такъ, какъ пять лѣтъ тому назадъ), не скрываетъ теперь опасенія, что при замиреніи вновь присоединенной имперіи страна Восходящаго Солнца выберетъ образцомъ не Англію, а другую страну. Англійская печать думаетъ, что Японія соблазнится политикой огня и меча. «Страна со старинной культурой перестала теперь существовать, какъ самостоятельное государство,—читаемъ мы въ передовой статьѣ «Daily News».—Такимъ образомъ, также Японія формально вступила на путь завоеванія и расширенія владѣній. Событіе (присоединеніе Кореи) имѣетъ міровое значеніе. Вся исторія этого имперіалистическаго опыта, продѣланнаго азіатскимъ государствомъ, крайне поучительна. Первый пунктъ англо-японскаго соглашенія въ 1902 году начинается слѣдующими свовами: «Договаривающіяся стороны, признавая взаимно независимость Китая и Кореи, объявляютъ, что имъ чужды аггрессивныя стремленія въ упомянутыхъ странахъ». Это было, конечно, до русско-японской войны. Портсмутскій договоръ предоставилъ Японіи свободу дѣйствія въ Кореѣ. И въ послѣднія пять лѣтъ японское правительство заботливо подготовляло окончательное присоединеніе Кореи, которая теперь получила ратификацію. Не можетъ быть болѣе яркой иллюстраціи того, что при нынѣшнихъ условіяхъ ждетъ маленькіе народы. Мы видимъ, что великія державы не обращаютъ никакого вниманія ни на интересы слабыхъ національностей, ни на свои собственныя торжественныя обязательства. Исторія Кореи за послѣдніе годы очень печальна. И самыя грустныя страницы тѣ, которыя слѣдуютъ за 1904 годомъ». Японія послала въ Корею наиболѣе грубыхъ и жестокихъ «усмирителей». Имъ поручено было передѣлать старинную цивилизацію и подчинить девятимилліонное населеніе. «По всей вѣроятности,—говоритъ англійская газета,—самъ князь Ито не былъ угнетателемъ; но за то не подлежитъ сомнѣнію, что агенты его съ азіатской безпощадностью проводили политику «замиренія». Дѣйствіе этихъ правительственныхъ агентовъ даетъ Западной Европѣ представленіе о томъ, что такое восточный имперіализмъ новаго типа. Японія слѣдовала при управленіи Кореи примѣру своихъ ближайшихъ сосѣдей. Она такъ же, какъ и они, не обращала никакого вниманія на культуру страны, на ея традиціи и на все то, что дорого населенію».

Конечно, находятся защитники Японіи, которые говорятъ слѣдующее: «Безъ сомнѣнія, поведеніе японскихъ чиновниковъ въ Кореѣ было не безупречно; но все же правительственная машина, введенная Японіей лучше продажнаго, глупаго, жестокаго и бездарнаго корейскаго правительства». Аргументъ этотъ не новъ.

Выставляющіе его забывають только, что населеніе ничего не выигрываетъ отъ перемѣны машины, а наоборотъ, теряетъ *). «Быть можетъ,—заканчиваетъ «Daily News»,—лѣтъ черезъ двадцать пять корейскому народу (точнѣе, остаткамъ его) будетъ лучше; но возмѣстить ли это за конфискованныя земли, за опустошенныя деревни и за національный разгромъ»?

Times признаетъ, что Японіи надо было присоединить Корею, но преподаетъ тѣмъ не менѣе совѣтъ, который можно формулировать: «пожалуйста, полегче!».

«Японія теперь сдѣлала крайне важный шагъ,—говоритъ *Times*.—Изъ островного государства она превратилась въ континентальное. До сихъ поръ она имѣла всегда возможность оставить материкъ и удалиться на острова, такъ какъ и Ляодунскимъ полуостровомъ, и Южной Манчжурской желѣзной дорогой владѣетъ на правахъ аренды. Теперь границы Японіи лежатъ далеко на азіатскомъ материкѣ. Въ самой Японіи многіе съ неудовольствіемъ глядятъ на происшедшую перемѣну... Мы надѣемся, что Японія проявитъ по отношенію къ Кореѣ гуманность. Въ прошломъ Японія свершила въ Кореѣ важныя ошибки, обусловленныя чрезмѣрнымъ преобладаніемъ военнаго элемента въ администраціи... Будетъ крайне прискорбно, если туземное населеніе будетъ поглощено волною японскихъ эмигрантовъ. Быть можетъ, переселеніе Японіи на материкъ является политической и экономической необходимостью; но страна Восходящаго Солнца лишится симпатій Европы, если присоединеніе Кореи не поведетъ къ благу кроткаго и добродушнаго народа».

Чужія территоріи вообще не захватываются ради блага туземнаго населенія, хотя этотъ мотивъ всегда выставляется для оправданія грабежа. Вотъ почему предупрежденіе *Times*'а врядъ ли поведетъ къ чему-нибудь...

Итакъ, японская выставка въ Лондонѣ доказала, что въ кругъ великихъ державъ вступила новая, талантливая, энергичная, мощная *военная* страна, которую «историческая необходимость», какъ ей кажется, заставляетъ преслѣдовать такую же хищническую импе-

---

*) Я приведу конкретный примѣръ. Въ Тунисѣ и Алжирѣ при беяхъ населеніе платило десятину урожая съ каждой пальмы. Когда былъ хорошій урожай, бей получалъ много. Въ случаѣ неурожая терпѣлъ и крестьянинъ, и бей. Явились французы. Деспотическое правительство было замѣнено прогрессивнымъ. Въ Тунисѣ и Алжирѣ появились школы, хорошія дороги, полиція. Выиграли ли что-нибудь крестьяне? Французы нашли, что десятина—варварская форма обложенія. Десятину перевели на деньги, при чемъ приняли максимальный урожай за мѣрку. Затѣмъ налогъ этотъ фиксировали. И теперь въ хорошій годъ или въ плохой арабъ платитъ деньгами одинъ и тотъ же налогъ прогрессивному правительству. То же самое мы видимъ въ Индіи. Мароккское правительство изъ рукъ вонъ плохо, но арабъ только проиграетъ, если страна будетъ захвачена европейцами: все равно, будутъ ли то французы, англичане, нѣмцы или испанцы.

ріалистическую политику, какъ и ея сосѣдей. При осуществленіи этой политики Японія такъ же мало считается съ чужими правами, какъ и европейскія страны. Эта политика имперіализма должна внести измѣненіе въ однородность Японіи. Съ другой стороны, однородность должна разрушиться вслѣдствіе внутреннихъ процессовъ. «Ямато-дамашіи», т. е. «духъ Японіи», если судить по фактамъ, сообщеннымъ самими же японцами, врядъ ли теперь можно опредѣлить только одними правилами «Бушидо».

Діонео.

Хроника внутренней жизни.

1. Объ одномъ мелкомъ факторѣ. Къ исторіи политическаго самоопредѣленія правительства и правительственнаго большинства.—Дѣло объ убійствѣ Караваева. Дѣло о. Восторгова.—2. Октябристы самоопредѣляются. Переписка г. Хомякова съ г. Шараповымъ.—3. Урожайное воспособленіе землевладѣнію. Холерное воспособленіе промышленникамъ.—4. Общества обывателей. Изъ предсказаній Салтыкова-Щедрина.

Близится «законодательный сезонъ» 1910—11 гг. А чего хорошаго ждать? Г. Рославлевъ изъ С. Петербургскихъ Вѣдомостей» «окончательно убѣдился», что

«урожай рѣшительно ничего не измѣнитъ въ отношеніяхъ русской власти и русскаго общества. Все по прежнему. Я бы сказалъ,—хуже прежняго, если бы ужъ давно не была пройдена черта, за которой перестаешь чувствовать, что лучше, что хуже» *)

Далеки отъ мира отношенія «власти и общества». Все то-жъ какъ и прежде—на войнѣ, какъ на войнѣ. Ничто не обѣщаетъ перемѣнъ и въ той семьѣ, которая создалась на почвѣ брачныхъ связей между правительствомъ и его «парламентскимъ большинствомъ». Скоро «еще разъ взовьется занавѣсъ»

«надъ лицедѣйствомъ, именуемымъ обновленнымъ строемъ... Не измѣнятъ своего облика гг. Крупенскіе, Пуришкевичи и Гучковы. Грядущая политическая страда, по всѣмъ вѣроятіямъ, готовитъ лавры тѣмъ самымъ людямъ, кружкамъ и теченіямъ, которыхъ мы оставили подъ занавѣсомъ при рѣшеніи финляндскаго вопроса» **).

Какъ и прежде,—подтверждаетъ съ своей стороны «Русское Знамя»,—это будетъ связь купленная. И когда взовьется занавѣсъ,

---

*) Цит. по «Смоленскому Вѣстнику», 22 августа.
**) Цит. по «Смоленскому Вѣстнику», 25 августа.

«большинство» по прежнему станетъ играть роль погибшаго, но милаго политическаго созданья...

«Не измѣнятъ своего облика Крупенскіе, Пуришкевичи, Гучковы»... Да и зачѣмъ мѣняться имъ? Но уже одно то, что такія соображенія возникаютъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ», свидѣтельствуетъ о нѣкоторыхъ трудно уловимыхъ перемѣнахъ. По прежнему-то оно, дѣйствительно, по прежнему. Но, между прочимъ, временами и чѣмъ дальше, тѣмъ больше, тѣмъ замѣтнѣе наблюдаются единичные случаи страннаго свойства. Ихъ можно сравнить съ мелкимъ, но любопытнымъ эпизодомъ, о которомъ не такъ давно разсказывалось въ газетахъ. Эпизодъ мнѣ при чтеніи показался на столько мелкимъ, что я его не отмѣтилъ. И теперь не помню, въ какой именно газетѣ я читалъ о немъ. Суть же вкратцѣ сводится къ слѣдующему. Живетъ мирно въ какомъ-то городкѣ, чуть ли не въ Луганскѣ, еврейская семья. Она перенесла погромъ 1905 г.; съ тѣхъ поръ оправилась, раны душевныя и тѣлесныя стали заживать. Недавно въ эту семью явился какой-то «русскій человѣкъ» и сталъ разсказывать:

— Я былъ въ компаніи, которая васъ, люди добрые, громила. Я у васъ тогда такія-то и такія-то вещи ограбилъ. И съ тѣхъ поръ ужъ пятый годъ ни въ чемъ себѣ счастья не вижу. Думалъ-думалъ и вотъ пришелъ къ вамъ повиниться...

Внѣшне это похоже на «совѣсть заговорила». И какъ знать, можетъ быть, оно и впрямь совѣсть. Но, можетъ быть, и многое другое. Мотивы могутъ быть даже дикіе. Ограбилъ, надѣялся «поживиться», но почему-либо, именно послѣ 1905 г., въ личной жизни бывшаго погромщика началась полоса неудачъ, и такъ какъ она не прекращается, то темный умъ темнаго человѣка пришелъ къ выводу, что на ограбленное имъ еврейское имущество могло быть наложено хозяевами волшебное «заклятіе», или у ограбленныхъ евреевъ есть какая-либо таинственная сила, которая помогаетъ имъ заочно мстить обидчику... И надо «повиниться» передъ ними потому же, почему иногда надо умилостивить обиженнаго колдуна, если онъ убѣдилъ обидчика въ своемъ могуществѣ. И не только это можетъ быть. Газеты теперь много говорятъ объ Ивановѣ-Меньшиковѣ, который долго занималъ секретные посты въ департаментѣ полиціи, накопилъ огромный «архивъ» и теперь, живя во Франціи, собирается выступить съ новыми разоблаченіями противъ «охранки». «Новое Время» объясняетъ это, между прочимъ, тѣмъ, что Иванова-Меньшикова обидѣли, не дали ему за 25-лѣтнюю службу той пенсіи, какую онъ просилъ. Что-жъ, и этотъ мотивъ: обидѣли, обдѣлили, не дали обѣщаннаго, порою можетъ играть большую роль въ человѣческихъ поступкахъ. Но вообще мотивы человѣческихъ поступковъ безконечно разнообразны и трудно уловимы. Навѣрное, крайне разнообразны и мотивы тѣхъ «единичныхъ случаевъ», общее зна-

ченіе которыхъ, мнѣ кажется, необходимо отмѣтить. Въ этихъ «случаяхъ» есть нѣчто, похожее на голосъ проснувшейся совѣсти, на краску народившагося стыда. Сами по себѣ эти совѣстеобразныя и стыдоподобныя явленія чаще всего какъ бы случайны, эпизодичны, неожиданны и мелки. Но дѣйствіе, производимое ими, иногда не такъ ужъ ничтожно, а въ общей сложности они не совсѣмъ мелкій факторъ, между прочимъ, не совсѣмъ они мелкій факторъ и въ исторіи «правительства Столыпина», и тѣхъ общественныхъ группъ, благодаря поддержкѣ которыхъ это правительство держится.

Безъ сомнѣнія, напр., мелкимъ эпизодомъ было «раскаяніе» нѣскольких «союзниковъ», сообщившихъ фактическія свѣдѣнія по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна. Не столь ужъ важнымъ событіемъ были и возникшія отсюда неожиданности въ карьерѣ пресловутаго «доктора Дубровина»: въ 1908 г. его называли кандидатомъ на высокій государственный постъ, а въ 1909 г. привлекли къ финляндскому суду въ качествѣ обвиняемаго въ организаціи шайки убійцъ, и г. Дубровинъ оказался вынужденнымъ временно скрыться отъ розысковъ полиціи въ Ялту подъ защиту генерала Думбадзе. Извѣстно, однако, какія послѣдствія вытекли изъ этихъ мелкихъ эпизодовъ и для правительства, и для его «союзниковъ». Министру юстиціи пришлось уполномочить себя правами «общеимперскаго законодателя» и объявить новый, по существу, законъ объ отношеніяхъ между финляндскимъ судомъ и «русской» полиціей, и по этому новому «закону» оказалось, что «русская» полиція вовсе не обязана содѣйствовать цѣлямъ правосудія въ Финляндіи, хотя вплоть до этого разъясненія она содѣйствовала, и въ частности разыскивала, арестовывала и доставляла на мѣсто подсудности даже обвиняемыхъ по тому же дѣлу объ убійствѣ Герценштейна (г. Юскевича-Красковскаго, напр.). Въ «разъясненіи» г. Щегловитова достаточно характерно уже то, что прямо сказано. Но, разумѣется, гораздо характернѣе другое, о чемъ «разъясненіе» умолчало, и что какъ бы разумѣлось само собою. Обязана или не обязана «русская» полиція содѣйствовать правосудію въ Финляндіи, но организація шайки убійцъ—преступленіе, караемое не одними законами «финскими»; карается оно и русскими законами; въ этомъ преступленіи, направленномъ противъ русско-подданнаго Герценштейна, обвиняютъ другого русско-подданнаго Дубровина. И разъ это обвиненіе извѣстно министру юстиціи, оно должно быть имъ провѣрено, онъ обязанъ относительно обвиняемаго принять тѣ или иныя мѣры, если, конечно, не желаетъ въ свою очередь подвергнуться обвиненію въ укрывательствѣ преступника. Такъ, казалось бы, стоитъ дѣло по закону. Но періодическими изданіями «союза русскаго народа» (а послѣдній теперь вообще не скрываетъ, что убійство въ Теріокахъ совершено его людьми,) предъявлена другая точка зрѣнія: Герценштейнъ имѣлъ «революціонный» образъ мыслей, а потому тѣхъ,

кѣмъ онъ убитъ, надо не карать, а миловать. «Разъясненіе» г. Щегловитова не подтверждаетъ и не опровергаетъ этой точки зрѣнія. Но г. Дубровинъ сумѣлъ сразу понять, о чемъ оно молчитъ, — открыто явился въ Петербургъ и открыто вотъ уже около года продолжаетъ въ прежнемъ направленіи свою политическую дѣятельность. Совершенно новый и очень важный юридическій принципъ, въ силу коего преступленіе, въ которомъ обвиняютъ г. Дубровина, оказывается вовсе не преступленіемъ, пока оффиціально не признанъ. Но фактически основательность этого принципа подтверждена ходатайствомъ того же г. Щегловитова о помилованіи осужденныхъ по дѣлу объ убійствѣ Герценштейна. Подтвержденіемъ могутъ служить и систематическія ходатайства о помилованіи погромщиковъ. Остановка лишь именно за оффиціальнымъ, открытымъ признаніемъ. И, быть можетъ, оно не за горами.

Мелкій эпизодъ—«раскаяніе» нѣсколькихъ союзниковъ, отразился и на группировкахъ внутри праваго крыла «правительственнаго большинства». Въ прошломъ году подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ обвиненій, предъявленныхъ гласно къ г. Дубровину, часть «союзниковъ» почувствовала нѣчто похожее на стыдъ, на сознаніе неловкости, неприличія. На мѣсто г. Дубровина и другихъ «лидеровъ», близкихъ къ «каморѣ народной расправы», намѣтили новыхъ лицъ, близость которыхъ къ этому боевому учрежденію не успѣла еще пріобрѣсти огласки. Въ результатѣ получилась организаціонная путаница, возникшая, конечно, по многимъ причинамъ и лишь обостренная дѣломъ Герценштейна. Теперь существуетъ не менѣе двухъ «главныхъ совѣтовъ», между руководящими дѣятелями идетъ ожесточенная междоусобная потасовка, заинтересованныя стороны обвиняютъ другъ друга въ самозванствѣ, во всевозможныхъ преступленіяхъ, попутно, въ разгарѣ драки, обнажаютъ кое-какіе государственные секреты недавняго прошлаго и настоящаго... И опять-таки, сама по себѣ, эта потасовка не столь ужъ важна: милые бранятся—только тѣшатся. Секреты, раскрываемые попутно, часто интересны, но кто разберетъ, что въ нихъ правда, а что вѣтеръ носитъ? Важнѣе другое. Полемика ведется по такому приблизительно методу. Отъ г. Дубровина отшатнулась часть союзниковъ въ виду предъявленнаго къ нему въ Теріокахъ обвиненія. Часть, оставшаяся вѣрной г. Дубровину, возражаетъ: а вы чѣмъ лучше? сами-то вы развѣ въ такихъ-то и такихъ-то дѣлахъ не участвовали, да и что плохого въ томъ, что Герценштейна убили?.. Въ концѣ концовъ обѣ стороны оказываются вынужденными признать, что плохого въ этомъ нѣтъ, да и у всѣхъ «рыльце въ пуху». Для общества да и для самого праваго крыла правительственнаго большинства выясняется опредѣленнѣе, что оно, это правое крыло, считаетъ благомъ и зломъ. Другими словами: съ союзниками въ данномъ случаѣ произошло то же, что и съ пред-

ставителемъ правительства г. Щегловитовымъ; какъ г. Щегловитовъ въ своемъ «разъясненіи» оказался вынужденнымъ открыто признать для себя обязательными нѣкоторые выводы, отъ коихъ онъ самъ, до раскрытія «дѣла Герценштейна», навѣрное бы отрексся, такъ приходится поступать и всѣмъ вообще единомышленникамъ г. Дубровина. Въ былые дни они предпочитали во многихъ случаяхъ держаться тактики запирательства, отрицанія: не мы, дескать, организовали погромы, не мы убили Герценштейна, не мы, а соціалъ-демократы убили Караваева. Подъ этимъ голымъ отрицаніемъ все таки скрывалось молчаливое признаніе, что организація погромовъ и убійствъ—дѣло нехорошее. Мало-по-малу понадобилась иная постановка вопроса: да, мы это сдѣлали, и въ этомъ наша заслуга. И разъ это заслуга, дѣяніе, прежде молчаливо признававшееся преступнымъ, приходится открыто объявить похвальнымъ. Для этого, конечно, требуется соотвѣтствующее обоснованіе, мотивировка; является необходимость договорить до конца, поставить всѣ точки надъ всѣми і.

Процессъ постановки всѣхъ точекъ надъ всѣми і, безъ сомнѣнія, далеко не завершился. Быть можетъ, нѣкоторые завтрашніе выводы изъ нынѣшнихъ посылокъ не совсѣмъ ясны даже гг. Щегловитову и Пуришкевичу. Но большіе успѣхи все таки сдѣланы. И сдѣланы они не безъ вліянія тѣхъ, порою, мелкихъ эпизодовъ, въ которыхъ чувствуется проблескъ чего-то, похожаго на совѣсть и подобнаго стыду и раскаянію. Какъ бы, повторяю, ни оцѣнивать «раскаяніе» нѣсколькихъ человѣкъ, помогшихъ раскрыть дѣло Герценштейна, но они своимъ, пусть маленькимъ, поступкомъ безспорно содѣйствовали программному самоопредѣленію власти и ея союзниковъ. Опредѣленнѣе высказалась власть. И яснѣе для нея самой, да и для общества, стали ея дальнѣйшіе пути. Опредѣленнѣе высказались союзники, яснѣе дальнѣйшее стало и для нихъ. Когда процессъ вполнѣ завершится и къ чему онъ приведетъ,—предсказать мудрено. Пока лишь можно указать на коекакіе новые эпизоды, которые, навѣрное, дадутъ возможность и власти, и союзникамъ сдѣлать дальнѣйшіе успѣхи въ смыслѣ самоопредѣленія и постановки точекъ надъ і.

Раскаявшійся екатеринославскій союзникъ, въ печати до сихъ поръ, сколько мнѣ извѣстно, не названный, помогъ раскрыть и еще одно дѣло. Въ концѣ мая, н. г.,—передъ самымъ заключеніемъ минувшей законодательной сессіи—семья убитаго члена второй Государственной Думы А. Л. Караваева обратилась къ прокурору екатеринославскаго окружнаго суда съ письменнымъ заявленіемъ, въ которомъ «указаны мѣстожительство убійцъ и ихъ фамиліи».

«Дѣти покойнаго депутата трудовика просили возбудить предварительное слѣдствіе и допросить 16 свидѣтелей» *).

*) «Кіевская Мысль», 2 іюня.

По свѣдѣніямъ, собраннымъ семьей убитаго, «убійцами являются члены боевой дружины союза русскаго народа»; въ числѣ свидѣтелей были указаны «четыре депутата» [1]). Двое изъ нихъ названы въ дальнѣйшихъ свѣдѣніяхъ газетъ «о лицахъ, привлеченныхъ къ дознанію»: это—члены 3-ей Думы гг. Гололобовъ и Образцовъ [2]). Оба—екатеринославскіе жители; изъ нихъ г. Образцовъ—руководитель мѣстныхъ истинно-русскихъ людей, а г. Гололобовъ былъ однимъ изъ тѣхъ политическихъ дѣятелей, которые одновременно принадлежали и къ «союзу русскаго народа», и къ «союзу 17 октября». Черезъ 2 недѣли послѣ подачи прошенія прокурору семьей убитаго, печать заговорила о странномъ положеніи, въ которомъ очутилось это дѣло. Прокуратура дала прошенію ходъ, но...

«Слѣдствіе поручено участковому слѣдователю, находящемуся по другому дѣлу въ отлучкѣ. Не допрошенъ вообще ни одинъ свидѣтель, даже очевидцы преступленія; подозрѣваемые въ убійствѣ очевидцамъ не предъявлены. Интересна судьба главнаго свидѣтеля (которому убійцы сознались въ преступленіи). По опредѣленію департамента полиціи онъ подлежалъ осенью 1902 г. (?!) высылкѣ изъ предѣловъ губерніи. Опредѣленіе это не было ему предъявлено,—быть можетъ, въ виду его отсутствія; онъ вернулся въ Екатеринославъ 9 апрѣля, что было хорошо извѣстно полиціи, но его не тревожили до подачи прошенія. Вскорѣ же послѣ подачи прошенія, а именно 6 іюня, ему предъявили опредѣленіе департамента, и онъ выѣхалъ въ Бердянскъ, при чемъ на отъѣздъ ему былъ данъ трехдневный срокъ [3]).

Словомъ, «только послѣ небольшого шума, поднятаго печатью, министерство юстиціи распорядилось дать прокурорскому надзору нѣкоторыя инструкціи» [4]). Послѣ «инструкцій» прокуроръ и судебный слѣдователь «проявили энергію». И во второй половинѣ іюля «предварительное слѣдствіе было закончено».

«Заявленіе родственниковъ Караваева подтвердилось цѣликомъ... Подтвердилось также весьма любопытное указаніе на то, что одинъ изъ главныхъ убійцъ... послѣ смерти Караваева, внезапно разбогатѣлъ и, бѣднякъ доселѣ, вдругъ пріобрѣлъ для себя домъ... Убійцы—нужно ли объ этомъ говорить?—члены союза русскаго народа. Объ этомъ давно было извѣстно.. И вотъ теперь, когда предварительное слѣдствіе закончено, мы присутствуемъ при странной картинѣ. Есть на лицо преступленіе, которое карается высшею мѣрою наказанія... Есть и виновники. И предварительное слѣдствіе, закончившись, не даетъ въ сущности никакихъ результатовъ потому что хотя главные виновники и допрошены, и извѣстны, все таки они не арестованы» [5]).

...«Картина странная, если её разсматривать съ точки зрѣнія общепринятыхъ въ культурномъ быту юридическихъ понятій. Но

---

[1]) «Кіевская Мысль», 3 іюня.
[2]) «Кіевская Мысль», 11 іюня.
[3]) «Смоленскій Вѣстникъ, 16 іюня.
[4]) «Русскія Вѣдомости», 24 іюля.
[5]) Тамъ же.

съ той точки зрѣнія, на которой стоитъ «разъясненіе» г. Щегловитова по дѣлу Герценштейна, ничего тутъ страннаго нѣтъ. Наоборотъ, такъ и быть должно. Оба дѣла удивительно совпадаютъ во многихъ деталяхъ, и уже тѣмъ самымъ свидѣтельствуютъ, что передъ нами не случайность, а система. И тамъ, и здѣсь слѣдственная власть не сумѣла распутать нити,—и въ томъ, и въ другомъ случаѣ дѣло раскрыто, исключительно благодаря «частной инціативѣ». Если относительно герценштейновскаго дѣла наивные люди могли ссылаться на несовершенство финляндскаго слѣдствія, то дѣло Караваева вполнѣ возстановляетъ репутацію министерства юстиціи: въ Екатеринославѣ наша, русская, прокуратура, наши, русскіе, слѣдователи... И тамъ, и здѣсь «преступленіе на лицо», преступники названы поименно. Но мысли наивнаго человѣка въ дѣлѣ Герценштейна могли быть спутаны «формальными» соображеніями: финляндскій судъ «средневѣковый», «дикій», а русскому суду вмѣшаться нельзя, ибо преступленіе совершено по ту сторону Бѣлоострова. Въ дѣлѣ Караваева и эти «формальныя» соображенія отпадаютъ. И остается только ликвидировать возникающія на этой почвѣ недоразумѣнія. «Большая публика» все еще склонна полагать, что министръ юстиціи на убійства «союзниками» людей, извѣстныхъ своимъ несогласнымъ съ видами правительства образомъ мыслей, смотритъ съ общепринятой точки зрѣнія. Г. Щегловитовъ уже достаточно обнаружилъ, что его точка зрѣнія на такія дѣла совсѣмъ не общепринятая и во многихъ отношеніяхъ противоположна общепринятой. Можно думать, что и на сей разъ министръ юстиціи не захочетъ высказаться до конца; быть можетъ, даже постарается оставить недоразумѣніе невыясненнымъ. Но удастся ли ему это,—богъ вѣсть. Ликвидаціи недоразумѣній требуетъ не одно дѣло объ убійствѣ Караваева. «Правое крыло» выдвигаетъ на очередь разныя другія дѣла, требующія той же ликвидаціи. И среди нихъ пока едва ли не самое замѣтное мѣсто занимаютъ разоблаченія миссіонерской, педагогической, политической и общественной дѣятельности «митрофорнаго протоіерея Восторгова».

Обвиненія, предъявляемыя о. Восторгову, отчасти не новы. Многое изъ того, что теперь о немъ говорится, два года назадъ было сгруппировано и формулировано въ брошюрѣ нѣкоего Orthodox'а. Между прочимъ, брошюра подробно останавливалась на дѣятельности о. Восторгова, какъ законоучителя женской гимназіи въ Тифлисѣ. Orthodox увѣрялъ, будто о. Восторговъ пользовался своими уроками Закона Божія для того, чтобъ увлекать нѣкоторыхъ ученицъ въ интимно-религіозныя бесѣды, а интимно религіозныя, носящія характеръ исповѣди бесѣды заканчивалъ растлѣніемъ. Такимъ способомъ—говоритъ Orthodox,—о. Восторговъ нѣсколькихъ ученицъ довелъ до сумасшествія и самоубійства. На брошюрку обратила вниманіе общая печать. Но... именно съ момента появленія этой брошюры, вызвавшей шумъ въ періодической печати,

карьера о. Восторгова быстро пошла въ гору. Видный лидеръ разныхъ чорносотенныхъ организацій, о. Восторговъ на служебномъ поприщѣ занималъ третьестепенныя и малозамѣтныя роли. Именно послѣ гласнаго предъявленія къ нему обвиненіи онъ вдругъ оказался полномочнымъ духовнымъ ревизоромъ всей Сибири, кандидатомъ на постъ протопресвитера военнаго и морского вѣдомства [1]), кандидатомъ на духовный дворцовый постъ и даже «вѣроятнѣйшимъ кандидатомъ въ члены Государственнаго Совѣта» [2]). Нынѣ о. Восторговъ—«столпъ церкви», одинъ изъ виднѣйшихъ фактическихъ руководителей и вдохновителей церковной политики. Его роль, какъ представителя синода, на послѣднемъ миссіонерскомъ съѣздѣ въ Иркутскѣ газеты характеризуютъ такими словами: «миссіонерскій съѣздъ, это — Восторговъ; до того огромно вліяніе этого протоіерея» [3])... Примѣръ о. Восторгова, разумѣется, вовсе не исключительный. Принципъ, на которомъ основываются такія неожиданныя карьеры, достаточно извѣстенъ,—его ужъ не разъ выдвигала «монархическая печать» (по дѣлу минскаго Шмидта, напр.): если человѣкъ полезенъ для борьбы съ «внутренними врагами», то нравственный цензъ для него необязателенъ. Фактически этотъ принципъ нерѣдко господствуетъ въ русской жизни. Но открытаго и оффиціальнаго онъ до сихъ поръ не получилъ. Въ дѣлѣ о. Восторгова придется, однако, признать не только данный принципъ. Святѣйшему синоду необходимо высказать принципіальныя соображенія и по цѣлому ряду другихъ вопросовъ, напр., — въ чемъ синодъ полагаетъ смыслъ и цѣль обязательнаго для русскихъ школъ преподаванія Закона Божія?.. И необходимость высказаться наростаетъ. Дѣянія о. Восторгова задѣли чтото, похожее на стыдъ и совѣсть, среди самихъ его друзей и сотрудниковъ по «монархическимъ» организаціямъ. И благодаря въ значительной мѣрѣ разоблачительнымъ трудамъ именно «союзниковъ», сейчасъ положеніе «восторговскаго дѣла» вкратцѣ таково. Поименной списокъ жертвъ законоучительской службы «свѣтила церкви» и представителя святѣйшаго синода опубликованъ. Помимо тифлисскихъ уроковъ Закона Божія, числится за митрофорнымъ протоіереемъ, если вѣрить его обличителямъ, обманы, подлоги, разныя болѣе или менѣе рискованныя похожденія и продѣлки. Есть продѣлки, неудобныя даже съ «патріотической» точки зрѣнія,—напр., обманы высокопоставленныхъ особъ [4]). Обличители взываютъ къ прокуратурѣ. Но взглядъ русской прокуратуры на дѣла «патріотовъ», хотя еще и не признанъ оффиціально, достаточно выяснился на фактахъ. Обличители убѣдительно просятъ самого о. Восторгова привлечь ихъ къ отвѣтствен-

---

1) «Рѣчь», 13 мая.
2) «Нижегородскій листокъ», 23 августа.
3) «Рѣчь», 27 августа.
4) См., напр., «Рѣчь», 13 мая.

ности за клевету въ печати. О. Восторговъ долго отмалчивался. Потомъ заявилъ черезъ сотрудника одной московской газеты, что приписываемое ему до него, какъ общественнаго дѣятеля, не относится; пусть даже онъ совершилъ то, въ чемъ его обвиняютъ,— это касается лишь его частной жизни. Вслѣдъ затѣмъ письмомъ въ «Новомъ Времени» онъ высказался прямѣе:

Іерархи не могутъ обращаться въ свѣтскій судъ; клеветать на нихъ (въ печати) можно безнаказанно. Пастырю открытъ въ такихъ случаяхъ только единственный путь—терпѣть и молчать, пока его спроситъ во имя Бога законная власть, которой дано обвинять и судить («Кіевскія Вѣсти», 5 сентября).

«Іерархи не могутъ обращаться въ свѣтскій судъ»... Какъ видите, о. Восторговъ умѣетъ даже своею властью создавать совершенно новыя каноническія правила, и при томъ очень выгодныя для него и пріятныя для начальства. Разъ о. Восторгову удастся ввести это правило въ каноны православной церкви, начальство, разумѣется, должно принять мѣры, чтобы печать не могла «клеветать безнаказанно» на духовенство, и, слѣдовательно, печати необходимо запретить обсужденіе дѣятельности духовныхъ лицъ... Лишь бы печати запретили, а ждать, «пока его спроситъ законная власть», о. Восторгову донынѣ было пріятно... До сихъ поръ синодъ посредствомъ дѣлъ Клавдія Аѳанасьева, Григорія Петрова и многихъ другихъ духовныхъ лицъ, имѣвшихъ неодобряемый департаментомъ полиціи образъ мыслей, довольно хорошо выяснилъ свои взгляды, свои пути. И «большая публика» освѣдомлена, что если бы о. Восторговъ на тѣхъ же урокахъ закона Божія высказалъ демократическія или хотя бы только либеральныя мнѣнія, то, разумѣется, ему бы не долго приходилось ждать «суда законной власти». Но о. Восторгова обвиняютъ не въ «кадетскомъ» образѣ мыслей, а въ растлѣніи ученицъ. Фактически на примѣрѣ этого протоіерея, «старца» Григорія Распутина и разныхъ другихъ лицъ, разоблачаемыхъ въ послѣднее время, показано, какъ смотритъ синодъ на дѣла такого рода. Теперь «настоитъ надобность» высказаться яснѣе, опредѣленнѣе, поставить и еще одну точку надъ однимъ і.

Намѣчается дѣятельностью праваго крыла цѣлый рядъ другихъ вопросовъ, по которымъ, быть можетъ, очень скоро надо будетъ высказаться опредѣленнѣе. Союзники, напр., много говорятъ о темномъ источникѣ, откуда щедро отпускались средства г. Дубровину, о. Восторгову, г. Пуришкевичу и прочимъ, на организацію монархическихъ партій, изданіе черносотенной литературы, вооруженіе боевыхъ дружинъ; изъ него же, по ихъ словамъ, оплачивался и трудъ наемныхъ убійцъ; въ разгарѣ междоусобной потасовки союзники увѣряютъ, что источникъ этотъ имѣетъ высоко оффиціозный или даже оффиціальный характеръ. Въ разгарѣ потасовки они сами называютъ цѣлый рядъ именъ, такъ или иначе связанныхъ

съ исторіей союза русскаго народа и прочихъ «патріотическихъ» и вмѣстѣ погромныхъ организацій. Въ числѣ этихъ именъ оказываются, между прочимъ, такія уголовныя, какъ Панченко, и такія громкія, какъ Шабельская... 4 года назадъ, характеризуя десятки вдругъ появившихся охранительныхъ «союзовъ» и «партій», я высказалъ догадку, что всѣ они возникаютъ по иниціативѣ одного и того же «главнаго штаба борьбы съ революціей», лишь фабрикуются на разные лады примѣнительно ко вкусамъ публики: «для простонародья»—союзъ русскаго народа, чтобъ привлечь къ охранительной работѣ «приличную публику», «главный штабъ» создаетъ организаціи, болѣе деликатныя. Теперь и эта догадка подтверждается. Если вѣрить союзникамъ, то г. Дубровинъ и г-жа Шабельская были сотрудниками, но дѣйствовали въ разныхъ слояхъ, хотя въ одно и то же время за счетъ одного и того же «темнаго источника»: г-жа Шабельская организовывала «партію правового порядка», а г. Дубровинъ—свой превословутый «союзъ» *). Подтверждается и другая догадка—о тѣсной связи между всей этой сѣтью организацій и совѣтомъ «объединеннаго дворянства». Тотъ же «Голосъ Русскаго», между прочимъ, увѣряетъ, что протоіерея Восторгова за одинъ изъ приписываемыхъ ему поступковъ (подлогъ телеграммы покойнаго Іоанна Кронштадтскаго) «судили» особымъ судомъ, въ составъ котораго входили виднѣйшіе представители объединенныхъ дворянъ: гр. Доррерь, кн. Волконскій, въ числѣ прочихъ учредителей и членовъ главнаго совѣта «союза русскаго народа». И уже одно участіе этихъ именъ способно объяснить, почему «Сашки Косые» и «Гамзѣи Гамзѣичи» никакъ не могли простить Герценштейну его разработку и защиту кадетской аграрной программы, а Караваеву—его видную роль въ трудовой группѣ, пытавшейся болѣе демократически подойти къ рѣшенію того же аграрнаго вопроса...

Словомъ, судя по всему, прошлогоднее «разъясненіе» г. Щегловитова, вызванное дѣломъ объ убійствѣ Герценштейна, не можетъ остаться рекорднымъ. Мы стоимъ на порогѣ еще болѣе откровенныхъ выступленій.

II.

Вынуждено ставить точки надъ і правое крыло «правительственнаго большинства». Не ушло отъ этой работы и лѣвое крыло,— «октябристы». При открытіи 3-ей Думы это было «руководящее большинство». Но отъ однихъ—въ родѣ минскаго г. Шмидта и екатеринославскаго г. Гололобова—пришлось отдѣлаться по требованіямъ политическаго приличія. Другіе сами нашли болѣе приличнымъ уйти влѣво. Третьимъ оказалось трудно поддерживать при-

---

*) «Южная Заря», 6 августа.

личный тонъ, и они ушли вправо. Все таки еще на каникулахъ 1909 г. это было «руководящее большинство», хотя и сильно порѣдѣвшее. Хорошіе въ прошломъ году были каникулы,—много веселѣй нынѣшнихъ. Сессія закончилась эффектнымъ жестомъ—вѣроисповѣдными законопроектами. Потомъ путешествіе—Лондонъ, Парижъ, рѣчи, «у насъ конституція», банкеты, тосты... Помпёзно каникулы и закончились: съѣздомъ, собраннымъ не безъ трудовъ и грѣховъ, но выступившимъ достаточно внушительно, давшимъ поводъ и еще разъ поговорить «о полѣвѣніи октябристовъ». Точекъ надъ і октябристы ставить не любятъ, предпочитаютъ систему либеральныхъ фразъ и обиняковъ. И въ большой публикѣ относительно лѣваго крыла не исчезало мнѣніе, что октябристы» все-таки считаются съ «условностями», которыя признаны обязательными для человѣка, живущаго въ культурномъ обществѣ. До поры до времени система либеральныхъ обиняковъ пользовалась нѣкоторымъ успѣхомъ, будила иллюзіи, помогала думать, будто политическая связь Хомяковыхъ съ Пуришкевичами — необъяснимая случайность, — одинъ изъ «парадоксовъ переходного времени». Хронологически послѣдній успѣхъ въ этомъ смыслѣ имѣла вступительная рѣчь г. Гучкова, какъ предсѣдателя Государственной Думы,—точнѣе, его заявленіе, что онъ сторонникъ конституціонной монархіи, и его фраза «посчитаться»,—съ кѣмъ неизвѣстно, но понято было — съ реакціонными тенденціями Государственнаго Совѣта... Затѣмъ «западное земство», «финляндскій законопроектъ», и «лѣвое крыло» какъ-то сразу самоопредѣлилось, да такъ хорошо, что стало неясно, какія принципіальныя разногласія лежатъ между правымъ, лѣвымъ крыльями и центромъ, и ради какой собственно надобности сохраняются въ правительственномъ большинствѣ эти организаціонныя различія. А кн. Е. Трубецкой въ «Московскомъ Еженедѣльникѣ» прямо констатировалъ, что

«правительство приказало октябристамъ переименоваться въ націоналистовъ, а несогласныхъ выкинуло за бортъ, какъ лишній балластъ»... (№ 26, іюнь).

«Выкинуло»—выраженіе фигуральное. Никого пока не выкидывали, и никто, кажись, послѣ «финляндскихъ дней» въ Думѣ съ правительственнаго корабля самъ не выкинулся. Но самоопредѣленіе «лѣваго крыла» не прошло безболѣзненно. Одни самоопредѣлились довольно спокойно, безъ лихорадочнаго повышенія температуры. Въ числѣ такихъ «согласныхъ», по терминологіи кн. Е. Трубецкого, оказался и «сторонникъ конституціонной монархіи» г. Гучковъ. Другихъ при этомъ нѣсколько знобило, лихорадило, и въ числѣ такихъ «несогласныхъ» были, между прочимъ, бар. Мейендорфъ и г. Хомяковъ. Дошло дѣло даже до открытыхъ протестовъ,—напр., «нѣмецкой» части фракціи противъ «націоналистическихъ» тенденцій всей фракціи. Ни программныхъ, ни организаціонныхъ

послѣдствій эти протесты пока не имѣли. Но печать заговорила о «моральномъ крахѣ октябристовъ», о «гибели октябризма». Кое-какіе изъ аргументовъ, выдвинутыхъ по этому поводу, не лишне напомнить.

«Оффиціально союзъ 17 октября еще не упраздненъ,—писалъ, напр., кн. Е. Трубецкой. — Но, въ сущности, не все ли равно, существуетъ или не существуетъ партія, утратившая смыслъ своего существованія и отпѣтая собственными сторонниками. Послѣ принятія законопроектовъ о земствѣ въ западныхъ губерніяхъ и финляндскаго, стало совершенно очевиднымъ, что у октябристовъ уже нѣтъ собственнаго политическаго credo. Разъ они отреклись отъ земства и отъ конституціи, отъ всего, что раньше казалось *ихъ принципами,... имъ больше уже нечего уступать*. У нихъ остался одинъ принципъ — безпрекословное исполненіе всякихъ приказаній свыше».

«О союзѣ, *какъ онъ сложился фактически*, жалѣть, разумѣется, нечего». Но

«участь идеи, выразившейся въ его программѣ, заслуживаетъ всякаго сожалѣнія. Гибель союза 17 октября напоминаетъ объ огромномъ пробѣлѣ въ нашей политической жизни. У насъ нѣтъ и, какъ теперь оказывается, *не было* конституціонно - консервативной партіи, нѣтъ вообще, *консервативной* партіи, достойной этого названія, ибо нѣтъ консерваторовъ, которые бы хоть что-нибудь охраняли. Правые и націоналисты ведутъ политику *сплошь* разрушительную: они разрушаютъ представительныя учрежденія, разрушаютъ земство, разрушаютъ вѣковые устои, на которыхъ покоится бытъ подвластныхъ намъ нерусскихъ народовъ» и т. д.

Отсутствіе «консервативной партіи, достойной этого названія»,—вопросъ старый. Старъ—замѣчу отъ себя—и отвѣтъ на него: у насъ нѣтъ системы общеполезныхъ государственныхъ учрежденій, которая соотвѣтствовала бы современному намъ народному правосознанію, и которую добросовѣстная мысль могла бы признать достойной охраны. Говоря грубо, — консервировать нечего, оттого и консерваторовъ нѣтъ. Наша русская система полезна отдѣльнымъ группамъ въ ущербъ массамъ. И сообразно характеру нашего status quo, у насъ консерваторъ, реакціонеръ, мракобѣсъ,—синонимы. Повидимому, кн. Е. Трубецкой согласенъ, что традиціонное въ Россіи status quo не принадлежитъ къ числу общеполезныхъ. До событій 1905 г. Россія вѣдь была «дортуаромъ въ участкѣ», — участковый ли дортуаръ достоинъ охраны? Но теперь, по его мнѣнію, дѣло обстоитъ иначе. У насъ должна быть партія, которая поставила бы своей задачей

«охранять противъ разрушительныхъ тенденцій конституціонныя свободы, возвѣщенныя манифестомъ, и единство имперіи, которое націоналистическое безуміе ведетъ къ расчлененію».

И разъ союзъ 17 октября отъ этой задачи совершенно отказался, на его мѣсто должна возникнуть новая организація *).

*) «Московскій Еженедѣльникъ», 26 іюня. *Курсивъ кн. Трубецкого.*

«Единство имперіи» — кимвалъ бряцающій. При нынѣшнемъ состояніи государства наше «единство» зависитъ преимущественно отъ доброй воли «враговъ внѣшнихъ». А задача «охранять конституціонныя свободы, возвѣщенныя манифестомъ», и вовсе вродѣ квадратуры круга. Какъ можно «охранять» то, чего нѣтъ? Но это между прочимъ. Главное, — октябристы отказались отъ благородной роли «консерваторовъ, достойныхъ этого названія». Однако, не всѣ же изъ нихъ отказались. Нынѣшнія безпокойныя, холерныя, чумныя каникулы начались подъ впечатлѣніемъ, что есть же и въ нѣдрахъ «гибнущаго октябризма» «праведники», есть и тамъ люди, которымъ дороги приличія, обязательныя для культурнаго человѣка. Среди «праведниковъ» едва ли не самое видное мѣсто должно быть отведено г. Хомякову. Къ нему то и обратился одинъ изъ сотрудниковъ кн. Г. Трубецкого по «Московскому Еженедѣльнику», г. Сергѣй Шараповъ съ призывомъ отказаться отъ активнаго участія въ «политической жизни Россіи, какъ она сейчасъ организована», отказаться во имя совѣсти, ради стыда, ибо теперь

«нѣтъ той партіи, среди которой честный человѣкъ могъ бы себя чувствовать легко и свободно и не насиловать свою душу и совѣсть. Оставаться съ правыми—преступно... Идти съ націоналистами и октябристами—постыдно. Не можетъ, не смѣетъ мыслящій человѣкъ оставаться среди людей, обращающихся добровольно... въ стадо скота, открыто въ столыпинскихъ ясляхъ жующаго сѣно»...

И по другимъ соображеніямъ нельзя теперь активно участвовать «въ политической жизни Россіи». Водворилась

«такая организація государственнаго устройства, при которой отсутствуетъ всякій основной принципъ, и умные люди до сихъ поръ не знаютъ, что у насъ такое въ Россіи, — «конституція», или самодержавіе, парламентъ, ограничивающій собою монарха, или совѣтъ министровъ, ведущій этотъ парламентъ на тоненькой бечевочкѣ»...

Водворилась «псевдоконституція», въ которой

«бюрократическій механизмъ, приведшій Россію къ мертвенности во всѣхъ отправленіяхъ, позору и анархіи, и погубившій самодержавіе... получилъ... новую точку опоры, ставъ еще болѣе опаснымъ и грознымъ. Современная бюрократія съ легкимъ сердцемъ рѣшается продѣлывать то, о чемъ старый режимъ не смѣлъ и думать. Опасность выражается уже не въ застоѣ и мертвенности только, но и въ активныхъ дѣйствіяхъ и грозитъ самому бытію Россіи».

Бюрократія въ лицѣ нынѣшняго правительства

«рѣшительно не проявляетъ никакой государственной мысли». «Обнаруживая творчество въ видѣ вносимыхъ въ Думу законопроектовъ является сплошь не созидательнымъ, а разрушительнымъ. Таковы продѣлываемыя нынѣ казенныя революціи: аграрная, административная, земская, судебная. Законопроекты объ общеимперскомъ законодательствѣ и земствѣ для западнаго края носятъ характеръ еще худшій, будучи насквозь пропитаны своеобразными понятіями бюрократическаго анархизма».

Такое положеніе «повелительно требуетъ» отъ «насъ», отъ «русской интеллигенціи въ ея серьезной консервативной (совершенно неточное выраженіе) части», «собрать и объединить вольныя творческія силы, коими еще располагаетъ родина, и разработать программы, внѣ всякой связи съ текущей политикой»... Словомъ, необходимо создать новую серьезную консервативную партію на почвѣ серьезной консервативной программы. На эту работу и зоветъ г. Шараповъ г. Хомякова *). Что именно эта партія должна охранять,—неизвѣстно: программы вѣдь еще нѣтъ, ее надо выработать. Но, по проекту г. Шарапова, въ число предметовъ, подлежащихъ открытію, не можемъ войти конституція. Если-бы признавалось желательнымъ охранять «конституцію», то можно бы и не вырабатывать самостоятельной программы, а просто присоединиться къ «прогрессистамъ», тѣмъ болѣе, что къ нимъ г. Шараповъ «невольно чувствуетъ симпатію, какъ къ лучшей, безспорно, части общества». Но горе въ томъ, что прогрессисты «упорно сидятъ на старыхъ глупыхъ тетрадкахъ европейскаго конституціонализма». А г. Хомяковъ еще въ бытность свою директоромъ департамента земледѣлія вмѣстѣ съ г. Шараповымъ, гр. Н. П. Игнатьевымъ, бывшимъ нижегородскимъ губернаторомъ Барановымъ, Черняевымъ и разными другими дѣятелями вырабатывалъ «основанія, на которыхъ должно возродиться и снова возсіять старое русское самодержавіе». Кружкомъ, въ центрѣ котораго стояли названныя лица, «велась подготовительная работа въ предупрежденіе готовой разразиться революціонной бури» и разрабатывался обширный планъ государственныхъ реформъ. За смертью Черняева, Игнатьева, Баранова и по разнымъ другимъ причинамъ, работа осталась неоконченной, революціонная буря оказалась не предупрежденной, «серьезные консерваторы» были «затерты, сбиты съ толку толпой». Имъ пришлось, не имѣя своей программы, «выходить давать отпоръ сорвавшейся съ цѣпи улицѣ, предводимый чортъ знаетъ кѣмъ». Въ это тяжелое время часть «серьезныхъ консерваторовъ»

«бросилась подъ защиту... насквозь скомпрометированнаго знамени», поднятаго «грингмутовцами», «несмотря на то, что на немъ ничего не было написано, кромѣ старыхъ опошленныхъ словъ: православіе, самодержавіе, народность, обозначавшихъ: бюрократія, бюрократія, бюрократія».

Кое-кто ушелъ влѣво (напримѣръ—г. А. А. Стаховичъ). Часть примкнула къ «союзу 17 октября». Къ этому берегу присталъ и г. Хомяковъ. Но это не былъ принципіальный отказъ отъ прежнихъ плановъ—возродить старое русское самодержавіе. Вступая въ ряды «октябристовъ», г. Хомяковъ свое отношеніе къ прежнимъ планамъ о возрожденіи самодержавія опредѣлилъ словами: «я кон-

*) «Открытыя письма», которыми обмѣнялись оба эти дѣятеля по данному вопросу, я цитирую по «Смоленскому Вѣстнику»,—№№ 11, 12 и 13 августа.

ституціоналистъ по высочайшему повелѣнію». А теперь... «Надѣюсь,—пишетъ г. Шараповъ г-ну Хомякову—что теперь вы не будете русскимъ конституціоналистомъ даже по высочайшему повелѣнію»...

«Какъ чувствуете вы себя въ данную минуту,—я не знаю, но я видѣлъ васъ незадолго до вашего ухода изъ предсѣдателей Думы и не завидовалъ вашему настроенію. Помните ваши слова: «уйти нельзя, оставаться тоже нельзя»?».

Такъ, между прочимъ, опредѣляетъ г. Шараповъ политическое credo г. Хомякова въ «открытомъ письмѣ», адресованномъ самому г-ну *Хомякову*. Послѣдній въ своемъ отвѣтномъ—и также «открытомъ» письмѣ—это опредѣленіе не оспариваетъ. Онъ не согласенъ лишь, что теперь нужно вырабатывать программу и «объединять творческія силы». Онъ придаетъ даже этому предложенію г-на Шарапова каррикатурный видъ. Во всякомъ случаѣ, не слѣдуетъ отказываться отъ активнаго участія въ политической жизни, какъ она теперь организована...

«Вотъ въ чемъ я вижу—пишетъ г. Хомяковъ—спасенье отъ «17 октября»: Россіи приходится думать самой: полно пробавляться чужимъ умомъ».

Это вообще и неопредѣленно. Въ частности же вотъ и опредѣленное указаніе на то, что Россія думаетъ и, Богъ дастъ, придумаетъ, какъ спастись отъ «17 октября».

Вся ваша критика—говоритъ г. Хомяковъ г-ну Шарапову—и Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, центра, правой и лѣвой убійственно вѣрна. Но этимъ вы доказываете лишь то, что наша система выборовъ плоха, что составители выборнаго закона ошиблись».

«Ошиблись» составители «выборнаго закона» 3 іюня,—того самаго, по которому «и я—говоритъ г. Хомяковъ—оказался вверху выборнаго сита». Теперь эту ошибку нужно исправить. Къ счастью, у насъ уже существуютъ по этому поводу нѣкоторыя предположенія, выработанныя не чужимъ, а нашимъ, русскимъ умомъ.

«Вы, чай, помните такъ называемый шиповскій проектъ выборнаго закона—по земской линіи. Онъ имѣлъ многое за себя, и потому, быть можетъ, и былъ отвергнутъ. Но это тоже меня не приводитъ въ уныніе: отъ воли государя зависитъ пересмотръ закона, и я увѣренъ, что эта воля будетъ проявлена».

«Вы, чай помните шиповскій проектъ»?.. Онъ появился въ 1905 г. послѣ рескрипта 18 февраля. По скольку рѣчь можетъ идти собственно объ избирательномъ законѣ, проектъ этотъ сводится къ замѣнѣ народнаго представительства представительствомъ отъ земскихъ собраній и городскихъ думъ. Если «представителей народа» будутъ выбирать земскіе и городскіе гласные, то получится серьезная гарантія отъ проникновенія въ Думу всякаго «сора». Такой «выбор-

ный, дѣйствительно, «и въ сепараторы годится, и за сито сойдетъ»... Чудо техника XX вѣка, а не законъ! И замѣчательное совпаденіе! 6 августа въ кіевскомъ клубѣ «русскихъ націоналистовъ» гр. А. А. Бобринскій читалъ докладъ о Государственной Думѣ. Подобно г. Хомякову, гр. Бобринскій полагаетъ, что нынѣшняя Дума, при всѣхъ ея несовершенствахъ, «положительный факторъ въ жизни Россіи». Онъ тоже находитъ, что «составъ Думы не соотвѣтствуетъ нынѣшнему настроенію страны». И также причину этого несоотвѣтствія видитъ, между прочимъ, въ «плохомъ избирательномъ законѣ» *). Двѣ группы «большинства»—умѣренная въ лицѣ гр. Бобринскаго и лѣвая въ лицѣ г. Хомякова — совпали во мнѣніямъ. А представитель праваго крыла, г. Пуришкевичъ, высказался гораздо раньше,—въ своемъ докладѣ въ «русскомъ собраніи» о необходимости измѣнить «избирательный законъ», и при томъ измѣнить «по земской линіи», какъ выражается г. Хомяковъ. Повидимому, согласно съ этимъ взглядомъ и правительство,—по свѣдѣніямъ «Русскаго Знамени», новый избирательный законъ въ духѣ предположеній г. Пуришкевича уже разработанъ г. Гурляндомъ подъ руководствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ г. Крыжановскаго. Наивные люди могутъ, пожалуй, возразить: «но манифестомъ 17 октября обѣщано общее избирательное право». Обѣщано-то оно обѣщано, но вѣдь г. Хомяковъ и не скрываетъ, что онъ ищетъ спасенія *отъ «17 октября»*.

«Вы, чай, помните шиповскій проектъ»?.. Не о «выборномъ законѣ» только говорится въ немъ. Онъ имѣлъ цѣлью—какъ напоминаетъ, между прочимъ, «Рѣчь»—предупредить созывъ настоящаго народнаго представительства.

Д. Н. Шиповъ былъ противникомъ правового принципа и сторонникомъ самодержавія, обставленнаго не «волей», а «мнѣніемъ» народнымъ. «Мнѣніе» же, по странной и, кажется, брошенной съ тѣхъ поръ самимъ авторомъ теоріи, лучше всего можетъ быть представлено не «четыреххвосткой», а такими представителями, которые будутъ выбраны земскими собраніями и городскими думами и не въ какое-либо новое учрежденіе, а въ существовавшій уже ранѣе Государственный Совѣтъ».

Послѣдній же долженъ остаться, какъ и прежде, законосовѣщательнымъ учрежденіемъ... **). Кстати сказать, агитація въ пользу замѣны нынѣшнихъ двухъ «законодательныхъ палатъ» законосовѣщательнымъ Государственнымъ Совѣтомъ, въ который должны войти члены по выбору, уже давно ведется «союзниками». И г. Хомяковъ не напрасно вѣритъ и надѣется. «Шиповскій проектъ», дѣйствительно, близокъ къ возрожденію. А со старо-славянофильской точки зрѣнія г-на Хомякова, «17 октября»—конечно, продуктъ чужого, западно-европейскаго, ума, тогда какъ проектъ Д. Н. Ши-

*) „Утро", 11 августа.
**) «Рѣчь», 11 августа.

кова выражаетъ исконную русскую идею. Въ славянофильскомъ катехизисѣ домыслы Хомякова-отца и Аксаковыхъ давно вѣдь объявлены идеями русскаго народа и при томъ исконными. Проектъ же г. Шипова лишь приспособляетъ къ новымъ обстоятельствамъ старый аксаковскій догматъ, опредѣляющій, кому принадлежитъ «сила власти», и кому «сила мнѣнія».

Въ концѣ минувшей сессіи, когда г. Хомякова лихорадило, и было ему, по его словамъ, не за Финляндію, а за Россію больно, октябристы отказывались отъ конституціи, какъ выражается кн. Е. Трубецкой. Очевидно, не потому было больно г. Хомякову, что приходилось отказываться отъ конституціи. Богъ съ ней,—съ конституціей. Если и былъ г. Хомяковъ конституціоналистомъ, то, какъ онъ самъ теперь признаетъ, произошло это по приказанію. Когда г. Хомякова лихорадило, октябристы «отказывались» еще отъ земства. И, кажется, по этому поводу ему, дѣйствительно, могло быть больно. Въ своихъ «открытыхъ письмахъ» другъ другу и г. Хомяковъ, и г. Шараповъ съ большимъ сочувствіемъ говорятъ о земствѣ, о самоуправленіи. Но... какъ разъ въ то время, когда эта переписка появилась въ печати, происходили выборы земскихъ гласныхъ въ Сычевскомъ у., Смоленской губерніи.

«Въ первое избирательное собраніе явилось 12 избирателей, которымъ предстояло избрать 15 гласныхъ. Присутствовавшіе такимъ образомъ выбрали самихъ себя и, кромѣ того, выбрали трехъ отсутствовавшихъ».

Въ число 15 «избранныхъ» вошелъ, конечно, и дворянинъ-землевладѣлецъ Сычевскаго уѣзда Н. А. Хомяковъ *). Этотъ уѣздъ не единственный въ своемъ родѣ. Много ихъ теперь—такихъ уѣздовъ, гдѣ дворянъ-землевладѣльцевъ, входящихъ въ первое избирательное собраніе, въ наличности оказывается столько же, сколько полагается выбрать отъ этого собранія земскихъ гласныхъ. Выборы во многихъ мѣстахъ превратились въ пустую формальность. Дворянинъ-землевладѣлецъ является гласнымъ ex officio, «Божіей милостью», по праву происхожденія. Если не считать немногихъ губерній, въ родѣ Вятской, то подъ громкими словами «земство», «самоуправленіе» фактически скрывается дворянское управленіе земскимъ хозяйствомъ. Вотъ какую «цѣнность» «охраняетъ» г. Марковъ 2-ой. Но г. Марковъ—«зубръ». Онъ дошелъ до состоянія полнаго блаженства,—призналъ ненужнымъ даже фиговыя прикрытія. Освободившись отъ «условностей», налагаемыхъ на человѣка жизнью въ культурной средѣ, г. Марковъ увѣренно изрекаетъ: «такъ и быть должно». Г. Хомяковъ хоть и сдѣлалъ нѣкоторые успѣхи въ этомъ направленіи, съ самимъ Пуришкевичемъ братски лобызался,—однако, до полнаго блаженства еще не дошелъ. Онъ не «зубръ». Но онъ и не «кадетъ». Это—фигура пограничная, промежуточная. Объявить дворянское управленіе земскимъ хозяй-

*) «Смоленскій Вѣстникъ», 13 августа.

ствомъ незыблемой основой жизни онъ пока не можетъ: нельзя, неловко, неприлично. Признать, что такой ничѣмъ неоправдываемый порядокъ подлежитъ упраздненію,—опасно. Мыслимо ли нанести такой ударъ первенствующему сословію, и безъ того оскудѣвшему, расшатанному?

До поры до времени лѣвому крылу правительственнаго большинства можно было не опредѣлять точно, что оно разумѣетъ подъ словами: «земство», «самоуправленіе». Въ концѣ минувшей сессіи октябристамъ пришлось высказаться яснѣе, понадобилось присоединиться къ точкѣ зрѣнія г. Маркова, признать—правда, пока по частному поводу—порядокъ существующій порядкомъ должнымъ. И я понимаю, какъ неловко г. Хомякову отъ этой наростающей необходимости самоопредѣлиться. Вѣдь и г. Щегловитовъ не сразу самоопредѣлился, и въ частности не сразу подписалъ свое «разъясненіе» по дѣлу Герценштейна. Однако, и то сказать надо,—не впервой вѣдь намъ черезъ неловкости шагать. Да вотъ примѣръ. Г. Хомяковъ въ своемъ «открытомъ письмѣ» почти благоговѣйно повторяетъ завѣты стараго славянофильства. И, казалось бы, благоговѣніе обязываетъ. Какъ бы ни относиться къ мнѣніямъ старыхъ славянофиловъ, но они, по крайней мѣрѣ, теоретически представляли, что надо охранять. Достаточно вспомнить ихъ отношеніе къ общинѣ. Преемники и потомки оказались въ рядахъ того самаго «правительственнаго большинства», которое «узаконило» и усовершенствовало «указъ 9 ноября». И врядъ ли надо подробно объяснять, чѣмъ обусловлена эта измѣна старой славянофильской программѣ въ одномъ изъ ея центральныхъ пунктовъ; вѣдь «указъ 9 ноября» весьма откровенно рекомендовался, какъ громоотводъ противъ революціонныхъ грозъ, собиравшихся смести дворянское землевладѣніе и упразднить дворянство, какъ привилегированное сословіе. Перешагнули черезъ общину. Перешагнемъ и черезъ земство. А затѣмъ,—кто сказалъ А, тотъ и Б скажетъ и мало-по-малу доберется до послѣднихъ буквъ алфавита. Перешагнули черезъ общину,—кажется, и дѣлу конецъ, и вспоминать объ этомъ нечего. Но жизнь не позволяетъ забыть. И тотъ же г. Шараповъ, напоминая г-ну Хомякову прошлое, ехидно подчеркиваетъ его участіе въ этомъ завѣдомо для него разрушительномъ дѣлѣ. И г. Хомяковъ счелъ необходимымъ отвѣтить на этотъ упрекъ:

«Вы—пишетъ онъ г. Шарапову—произносите великую хулу и на Думу, и на Совѣтъ за законъ 9 ноября... Но по совѣсти скажите, развѣ поправки меньшинства, не принятыя незначительнымъ большинствомъ, не достойны похвалъ?... Живя на волѣ, развѣ вы не чувствуете, что въ странѣ сочувствіе на сторонѣ меньшинства?.. Развѣ не счастье для Россіи, что голосъ и меньшинства слышенъ, и что онъ падаетъ на хорошую почву народнаго разума».

Пусть Дума и Совѣтъ провели вредный для страны законъ, за то «голосъ меньшинства» услышанъ «народнымъ разумомъ», а

«народный разумъ» это дѣло поправитъ,—таковъ смыслъ объясненій г. Хомякова. Но лишь только это объяснено, возникаютъ новые вопросы. Почему же—спрашиваетъ, напр., «Кіевская Мысль»—

поправки меньшинства только достойны похвалы, а не защиты и борьбы за нихъ? Почему тотъ же Хомяковъ душилъ это меньшинство, опираясь на большинство? Въ концѣ концовъ пора поговорить и о политической честности».

Wer A sagt, muss B auch sagen... Неграмотная Россія для формулированія этой истины прибѣгла къ другимъ образамъ: назвался груздемъ, полѣзай въ кузовъ. Жизнь найдетъ такіе способы предъявить вопросъ о политической честности, что надо будетъ объясниться на чистоту и до конца. И отъ самоопредѣленія, по нынѣшнимъ временамъ, никакъ не спасешься.

III.

Не спасутся правительственные люди отъ самоопредѣленія... Кн. Е. Трубецкой въ цитированной уже мною статьѣ о «гибели октябризма» не даромъ говоритъ, что они своею дѣятельностью внесли «неслыханный доселѣ... классовый антагонизмъ». «Классовый антагонизмъ» лежитъ въ основѣ «отказа отъ земства». «Классовымъ антагонизмомъ» продиктованъ бывшій «указъ 9 ноября», а нынѣ «законъ 14 іюня». Теоріей «классового антагонизма», перелицованной департаментомъ полиціи и примѣненной къ казеннымъ надобностямъ, приникнута вся система дѣйствій, кратко называемая «ставкой на сильныхъ». И съ нѣкоторыми новѣйшими практическими примѣненіями этого марксизма необходимо ознакомиться ближе.

Прошлогоднюю сессію мы встрѣчали надеждами по случаю «рекорднаго урожая» и обычными въ Россіи урожайными тревогами относительно бѣдственнаго для землевладѣльцевъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ. Оффиціальныя свѣдѣнія и теперь рисуютъ, правда, не совсѣмъ обильный, пестрый, но все-таки «урожай». Урожайныхъ надеждъ убавилось. Урожайныхъ тревогъ прибыло. «Голосъ Москвы» меланхолически констатируетъ, что

«въ концѣ концовъ обыватель теряется и не можетъ сообразить, да что же, наконецъ, такое урожай—зло или благо» *).

Землевладѣлецъ не знаетъ, куда дѣть зерно. Въ прошломъ году удалась благопріятная «конъюнктура» для землевладѣльца. Удалась она не безъ специальныхъ мѣръ, среди которыхъ главное мѣсто заняло, конечно, «расширеніе ссудныхъ операцій подъ хлѣбъ». Широко открытый кредитъ сильно помогалъ «играть на повышеніе». «Цѣны держались для такого урожайнаго года,

*) Цит. по «Нижегородскому Листку», 15 іюля.

какъ прошлый, высокія». Межъ тѣмъ, заграничный покупатель обманулъ надежды,—не такъ бойко, какъ предполагалось, шла продажа; европейскій рынокъ держался «понижательныхъ тенденцій». «Большіе запасы хлѣба» оставались подъ кредитомъ вплоть до весны, когда насталъ крайній срокъ платежей. Въ апрѣлѣ и маѣ возникла настоящая «хлѣбная паника»,—началось было «бѣшеное паденіе цѣнъ». Но «министръ финансовъ услышалъ вопль», приняты были «экстренныя мѣры: отсрочка ссудъ, экзекуціонныхъ продажъ»... Такимъ образомъ,—замѣчаетъ газета, обзоромъ которой я пользуюсь—«наши банки, не исключая и государственнаго, вовлечены въ биржевую игру на повышеніе» хлѣбныхъ цѣнъ *). И эта «игра» удалась: до самаго поступленія въ продажу новаго урожая «цѣны на внутреннихъ рынкахъ стояли какъ будто послѣ недорода», хотя все время несутся жалобы, что «огромные запасы» прошлогодняго урожая лежатъ на складахъ, и куда ихъ дѣвать, неизвѣстно. Межъ тѣмъ подоспѣлъ новый урожай, и озабоченное его успѣшной реализаціей министерство финансовъ привлекло «представителей петербургскихъ банковъ» къ совѣщанію. «Совѣщаніе согласилось съ доводами министерства о «необходимости оказывать самый широкій кредитъ подъ залогъ хлѣба». Оно лишь «высказалось, соображаясь съ прошлогоднимъ опытомъ, за осторожную оцѣнку». Съ своей стороны,

«управляющій государственнымъ банкомъ заявилъ, что государственный банкъ, *по прежнему въ такихъ же широкихъ* размѣрахъ будетъ выдавать ссуды *по уменьшеннымъ* процентамъ» *)

Кромѣ того, министръ финансовъ обратился къ министерству внутреннихъ дѣлъ съ просьбой привлечь земства

«къ болѣе энергичному и широкому участію въ работѣ государственнаго банка по обслуживанію въ предстоящую хлѣбную кампанію населенія кредитомъ подъ залогъ хлѣба въ цѣляхъ удержанія цѣнъ при его ликвидаціи».

Земствамъ предлагается «принять на себя посредничество по выдачѣ ссудъ подъ залогъ хлѣба» и озаботиться скорѣйшей организаціей этихъ операцій на возможно широкихъ началахъ, и при этомъ имѣть въ виду, между прочимъ, слѣдующее. Дѣятельность государственнаго банка направлена именно «на поддержаніе цѣнъ на хлѣбъ», и въ этихъ видахъ

«министромъ финансовъ... даны общія указанія мѣстнымъ учрежденіямъ государственнаго банка о льготномъ отношеніи къ ликвидаціи выданныхъ уже хлѣбныхъ ссудъ и о примѣненіи къ ссудной подъ хлѣбъ операціи въ нынѣшнюю кампанію тѣхъ же облегченій, что и въ минувшую; кромѣ того, для большаго распространенія операціи сдѣлано распоряженіе

*) «Южныя Вѣдомости», 12 іюня.
**) «Утро», 18 августа.

объ открытіи особыхъ агентуръ банка при казначействахъ и пониженіи взимаемаго банкомъ съ *посредниковъ* процента по симъ ссудамъ до 4% годовыхъ».

4% годовыхъ... Въ переводѣ на курсовыя цѣны это меньше, чѣмъ «мы сами» платимъ по государственнымъ займамъ. Повторяю, мы дѣлаемъ быстрые успѣхи по пути самоопредѣленія. Всего два мѣсяца назадъ русская печать находила ненормальнымъ, что государственный банкъ участвуетъ въ биржевой игрѣ на повышеніе хлѣбныхъ цѣнъ. Теперь самъ министръ счелъ нужнымъ оффиціально подтвердить: да, участвуетъ, такъ оно и быть должно.

Правая рука министерства финансовъ играетъ на повышеніе. Лѣвая ведетъ иныя операціи. Представители крестьянскаго банка просятъ губернаторовъ о содѣйствіи безпромедлительному взысканію платежей съ крестьянъ заемщиковъ, и взысканію именно въ теченіе августа и сентября, когда крестьяне продаютъ свой урожай. Взысканіе общихъ платежей и недоимокъ съ крестьянъ тоже направляется обычнымъ порядкомъ,—безпромедлительно и неукоснительно.

— Господа «посредники», скупайте смѣло мужицкій хлѣбъ и не торопитесь его продавать. Отнынѣ при казначействахъ, при всѣхъ земскихъ управахъ открыты «особыя агентуры», — вамъ подъ скупленный хлѣбъ дадутъ ссуду по возможно болѣе высокой оцѣнкѣ и всего за 4% годовыхъ. Поймите,—значительному числу земледѣльцевъ хлѣбъ, который они теперь продаютъ, уже къ Рождеству понадобится купить...

Въ такихъ случаяхъ говорятъ: правая рука не вѣдаетъ, что творитъ лѣвая. Но тутъ, думается, другое: шибко ужъ мы самоопредѣляемся. Во всякомъ случаѣ, землевладѣльческая часть правительственнаго большинства не можетъ пожаловаться, что его услугъ не цѣнятъ. Правительство платитъ. И въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе надо цѣнить эту оплату, что предпринятое на сей разъ въ необычайно широкихъ размѣрахъ «воспособленіе сельскому хозяйству» коммерчески можетъ быть разсчитано единственно на пріятныя неожиданности въ будущемъ. Въ прошломъ году размѣры были уже и коммерчески «ссудная операція подъ хлѣбъ» оправдывалась надеждами на заграничнаго покупателя. Но теперь на европейскомъ рынкѣ спросъ на русскій хлѣбъ заростаетъ и глушится сорными травами. Вѣроятно, понадобятся чрезвычайныя жертвы, чтобъ удержать продажныя цѣны внутренняго рынка на той высотѣ, какая бываетъ послѣ «недорода». Внутренній рынокъ, конечно,—не шутка. Его общая картина всѣмъ извѣстна: въ началѣ осени мужикъ везетъ свой хлѣбъ на базаръ, съ конца осени и до новаго урожая онъ везетъ тотъ же, но уже купленный хлѣбъ съ базара. Въ концѣ концовъ «енъ достанетъ», «енъ» купитъ

---

[1]) Цит. по «Смоленскому Вѣстнику,» 18 августа. Курсивъ мой,—*А. П.*

«зерно», щедро оплаченное ссудами государственнаго банка «посреднику» и землевладѣльцу. Но много ли «енъ» купитъ?

Все таки вѣдь мы продаемъ Европѣ не избытки урожая, а «сбереженія», накопленныя при помощи недоѣданія, голода... Тотъ самый «мужикъ», недоѣданіемъ котораго держится «разсчетный балансъ», и повиненъ оплатить новѣйшіе эксперименты воспособленія хлѣбному скупщику и тѣмъ землевладѣльцамъ, которымъ окажется доступнымъ широко открытый банковый кредитъ подъ хлѣбъ. Куда жъ, въ самомъ дѣлѣ, хлѣбъ дѣть, если Европа не купитъ? Не шутя вѣдь придется, пожалуй, молебны служить о дарованіи въ 1911 году хорошаго неурожая *). Вотъ, если Богъ пошлетъ неурожай, тогда всѣ запасы спустимъ и цѣну настоящую возьмемъ. А впослѣдствіи съ того же мужика, сообразно «настоящимъ» цѣнамъ, продовольственные и сѣменные долги взыщемъ...

Правительство платитъ за услуги... Какъ разъ во время новаго урожайнаго воспособленія землевладѣльцамъ напомнила о себѣ другая, торговопромышленная часть «опоры»,—а мы-то, дескать, какъ же, а намъ-то, что жъ?.. Промышленность наша,—сталъ жаловаться «Голосъ Москвы»,—вѣдь совсѣмъ угнетена, покупателей мало, внутренній рынокъ слабъ, и происходитъ это, какъ тамъ ни говорите, не безъ вины правительства. Для рынка нужна «частная инициатива», а «у насъ она не только не встрѣчаетъ поддержки со стороны власти, но порою испытываетъ прямое противодѣйствіе». Потребительныя общества, къ примѣру, и тѣ «признаются вредными и ущемляются», хотя «уже давно признано практикою Запада, что развитіе сѣти потребительныхъ обществъ является могущественнѣйшимъ рычагомъ въ дѣлѣ расширенія емкости рынка»...

— Не «нашимъ охраняемымъ таможенными пошлинами промышленникамъ» поднимать такіе щекотливые для нихъ вопросы,—отрѣзала на это «Россія» **)...

И вѣрно. А «охраняемые промышленники и сами, безъ сомнѣнія, предпочитаютъ имѣть дѣло съ практическими, а не щекотливыми вопросами. И практическіе вопросы сразу стали ребромъ, лишь только «министръ торговли внесъ въ совѣтъ министровъ предложеніе о предоставленіи ему права допускать въ случаяхъ экстренной надобности привозъ въ Россію иностраннаго чугуна».

---

*) Затрудненія по сбыту хлѣба остро обозначились уже въ сентябрѣ и побудили созвать «хлѣбное совѣщаніе». Совѣщаніе это, между прочимъ, высказывалось, что «принятыя въ прошломъ году мѣры къ задержанію богатаго урожая и къ поддержанію цѣнъ принесли сильный вредъ»; «запасы прошлаго года мѣшаютъ реализаціи нынѣшняго»; «биржевые комитеты указывали на хлѣбные запасы и жаловались, что, въ силу заполненія хлѣбомъ элеваторовъ по всей Россіи, они принуждены выбрасывать хлѣбъ на рынокъ прямо изъ вагоновъ» и т. д. («Новое Время», 12 сентября).

**) Цит. по «Смоленскому Вѣстнику», 14 августа.

Предложеніе это было мотивировано ссылкой на ходатайство рижскаго общества фабрикантовъ, обезпокоенныхъ тѣмъ, что «холера на югѣ грозитъ вызвать чугунный голодъ» *). До этого момента сами заводчики юга не скрывали, что положеніе острое, грозитъ «угольный» и «чугунный» голодъ. «Голодъ», пожалуй, даже подчеркивался: цѣны вѣдь отъ этого растутъ. Подчеркиваніями бѣдствія и рѣшили было воспользоваться тѣ, главнымъ образомъ, мелкіе заводчики рижскаго и другихъ районовъ, для которыхъ создавшаяся монополія металлургическихъ синдикатовъ, безъ сомнѣнія, стѣснительна. Но когда ихъ просьба получила въ министерствѣ «движеніе», всѣ тревожные признаки моментально исчезли. Представитель южныхъ промышленниковъ г. Авдаковъ поспѣшилъ явиться къ г. Коковцеву и къ г. Столыпину съ увѣреніями, что безпокоиться совсѣмъ не зачѣмъ,—

«въ Россіи имѣются значительные запасы чугуна, да и холерная эпидемія уже ослабѣла, рабочіе возвращаются къ работамъ, и жизнь въ донецкомъ бассейнѣ входитъ въ нормальную колею» **).

Правда, южныя газеты,—напр., «Одесскія Новости»—не мало удивлялись, какимъ образомъ г. Авдаковъ можетъ увѣрять въ томъ, что явно не соотвѣтствуетъ фактическому положенію вещей. Но что значитъ мнѣніе какихъ-то газетъ? Была спѣшно произведена «анкета» и «документально» установили, что пріоткрывать границу нѣтъ никакой надобности, такъ какъ на внутреннемъ рынкѣ большіе запасы чугуна. Какъ производилась эта «анкета», въ нѣкоторыхъ газетахъ разсказывалось довольно подробно. Воспроизводить эти разсказы здѣсь излишне. Отмѣчу лишь одинъ эпизодъ. Мелкіе заводчики, потребители сырого чугуна, до послѣдней минуты надѣялись, что правду не скроешь.

«У насъ большой козырь»—говорилъ, напр., одинъ заводчикъ московскаго района.—Самъ Григорій Александровичъ (Крестовниковъ) безъ чугуна сидитъ... А какъ Григорій Александровичъ рѣшитъ, такъ тому и быть» ***).

Но Григорій Александровичъ, по видимому, «рѣшилъ», что чугуна у насъ, сколько хочешь. И отсутствіе тревожныхъ признаковъ было удостовѣрено «неопровержимыми данными». Секретъ всей этой исторіи объяснилъ московскій корреспондентъ «Кіевской Мысли»: запасы чугуна, конечно, кое у кого есть, и у кого они есть, тому открылась возможность, по случаю холернаго бѣдствія на горнопромышленномъ югѣ, продать ихъ «съ барышемъ въ 20 коп. на пудъ***). Это даетъ возможность поднять цѣны по всей линіи. Ну, если все истощится, тогда можно будетъ и границу открыть. Само собою

*) «Одесскія Новости», 11 августа

**) «Русское Слово», 12 августа.

***) «Кіевская Мысль», 20 августа.

разумѣется, что при существованіи крайне повышенныхъ цѣнъ на внутреннемъ рынкѣ, и скидка съ нынѣшнихъ запретительныхъ тарифовъ на сырой чугунъ будетъ меньше той, которую правительство могло бы сдѣлать теперь. Промышленникамъ отъ холеры такимъ образомъ прямой барышъ. Они выплакали себѣ воспособленіе по случаю эпидеміи. Повышенныя цѣны будетъ платить потребитель, т. е. въ конечномъ счетѣ все тотъ-же «мужикъ» «Ёнъ достанетъ».

Никто не смѣетъ сказать, что правительство не платитъ за услуги. Принципъ экономическаго матеріализма усвоенъ на полицейскій ладъ и даже доведенъ до крайнихъ выводовъ. Вотъ, напр., картинка, которую рисуетъ «Русское Знамя». Въ такъ называемомъ «преддумьи», гдѣ обсуждаются до внесенія въ законодательныя учрежденія проекты земской и губернской «реформы» возникла было «правая оппозиція».

П. А. Столыпинъ «сумѣлъ всѣхъ заставить молчать,—одному пообѣщалъ мѣсто вице-губернатора, другому помогъ выпутаться въ дворянскомъ банкѣ изъ петли, третьему—по дорогой цѣнѣ продать крестьянамъ имѣніе, четвертому обѣщалъ освободить отъ уголовщины его проворовавшагося родственника»...

И «оппозиція» исчезла **)... А еще удивляются у насъ, почему правительственное большинство такъ услужливо и послушно... По случаю урожайнаго и холернаго воспособленій, оно, навѣрное, станетъ еще послушнѣй.

IV.

Правительство платитъ. И щедро платитъ. Но оно не желаетъ, чтобы обезпечиваемое его трудами вознагражденіе попадало не въ надлежащія руки. Многіе виды оплаты довольно точно опредѣлились. Землевладѣльческой опорѣ—поддержаніе высокихъ цѣнъ на землю и сельскохозяйственные продукты, торгово-промышленной—охрана барышей покровительственной политикой, сочувственной политикой по отношенію къ синдикатамъ и всякимъ инымъ начинаніямъ промышленниковъ, желающихъ «смягчить» конкуренцію на внутреннемъ рынкѣ. Укрѣплены и усовершенствованы патріархальныя права обѣихъ опоръ, какъ работодателей, надъ рабочими. Рабочіе — сельскохозяйственные и фабрично-заводскіе — отнынѣ должны представлять людскую пыль, лишенную благъ и правъ легальной организаціи для защиты своихъ интересовъ. Наоборотъ, промышленники и землевладѣльцы должны находиться въ состояніи организованномъ. И, наконецъ, въ области чисто политическихъ правъ землевладѣльческой опорѣ—управленіе земствами, торгово-

*) Цит. по «Рѣчи», 4 сентября.

**) № 20 августа.

промышленной—городами. Но нельзя полагаться при опредѣленіи этихъ группъ на чисто внѣшніе,—профессіонные и сословные, признаки. Нельзя оплачивать, напр., услуги просто дворянства, ибо среди дворянъ есть и «кадеты» и даже болѣе серьезные «враги отечества». Не мало наберется внутреннихъ враговъ и среди торгово-промышленнаго «класса». Задача момента въ томъ, чтобы отдѣлить овецъ отъ козловъ,—сплоченію однихъ помочь, другихъ лишить тѣхъ благъ, которыя они, на общемъ основаніи, могли бы получить, но которыхъ они, по образу своихъ мыслей, не заслуживаютъ. Съ этой точки зрѣнія предпринятое массовое уничтоженіе городскихъ обществъ обывателей и избирателей, получаетъ смыслъ болѣе значительный, чѣмъ могла-бы имѣть обыкновенная полицейская «мѣра пресѣченія».

Исторію послѣднихъ мѣсяцевъ въ краткой жизни городскихъ обществъ обывателей и избирателей «Русское Знамя» излагаетъ такъ. При помощи этихъ обществъ на послѣднихъ городскихъ выборахъ въ Петербургѣ

«тайной партіи кадетовъ удалось... провести огромное количество своихъ кандидатовъ. Успѣхъ въ столицѣ далъ поводъ открывать подобныя же общества заговорщиковъ по всей Россіи, и не только городскія, но и земскія. Нашлись, однако, изъ губернаторовъ умные и благородные патріоты, которые угадали коварный замыселъ покрыть всю Россію сѣтью масонскихъ учрежденій и настояли на отказѣ присутствіями объ обществахъ въ регистраціи обществъ избирателей» *)...

«Кадеты» упомянуты зря. Суть въ томъ, что есть въ торгово-промышленномъ цензовомъ Петербургѣ «партія», называемая «стародумцами». Объ общественной дѣятельности «стародумцевъ» хорошихъ отзывовъ ни откуда не слышно,—даже «Новое Время» бранится. Въ добросовѣстномъ отношеніи къ «общественному сундуку» стародумцевъ до сихъ поръ никто не обвинялъ. Но они «законопослушны», услужливы, «патріоты»,—вообще, «опора». И они, разумѣется, на послѣднихъ выборахъ одержали побѣду. Въ народившіяся же всего года два назадъ общества обывателей и избирателей вошли именно обыватели,—люди всевозможныхъ, пестрыхъ и крайне неопредѣленныхъ политическихъ взглядовъ. «Опытъ» двухъ лѣтъ доказалъ, однако, что просто обыватели, вошедшіе въ составъ обществъ, по своему настроенію не соотвѣтствуютъ видамъ правительства и не могутъ быть признаны опорой. На петербургскихъ городскихъ выборахъ организованные обыватели сказали свое слово и помогли вырвать нѣсколько мѣстъ у «стародумцевъ». Сдѣлать общегосударственные выводы изъ этого факта помогъ «частный случай»,—группа елисаветградскихъ жителей обратилась въ мѣстное по дѣламъ объ обществахъ присутствіе съ заявкою, что ею учреждается «общество обывателей и

*) Цит. по «Рѣчи», 1 сентября.

избирателей», при чемъ, если вѣрить оффиціальной версіи, группа эта такъ опредѣлила въ своемъ заявленіи цѣль учреждаемаго ею общества: «развивать дѣятельность *параллельно съ дѣятельностью* елисаветградской *городской думы по всѣмъ вопросамъ, подлежащимъ ея компетенціи*». Херсонское присутствіе именно на томъ основаніи и отказало елисаветградскому обществу въ регистраціи,—находя, что существованіе частной думы параллельно съ думой оффиціальной не нужно и могло бы привести къ вреднымъ послѣдствіямъ. Елисаветградскіе учредители обжаловали это постановленіе. Сенатъ оставилъ жалобу безъ послѣдствій и согласился съ доводами присутствія. За это частное рѣшеніе и ухватилось министерство внутреннихъ дѣлъ. Министръ циркулярно предписалъ руководствоваться этимъ мнѣніемъ сената относительно всѣхъ вновь открываемыхъ и уже существующихъ обществъ обывателей. И въ результатѣ началось массовое закрытіе едва успѣвшихъ возникнуть обывательскихъ организацій,—закрыты и всѣ 15 обществъ обывателей въ Петербургѣ. Вопросъ до того былъ предрѣшенъ, что не стали даже справляться, дѣйствительно ли существующія общества такъ опредѣляютъ свою цѣль, какъ ее намѣтили елисаветградскіе обыватели; закрывали просто по созвучію вывѣсокъ. Получилось такъ, что закрытію подлежитъ организація, законно существующая для объявленной правительству цѣли,—чтобы, напр., изыскать средства на покупку новой пожарной машины въ городской обозъ, и подлежитъ она закрытію только потому, что называется «обществомъ обывателей». И, наоборотъ, мыслимо общество, которое опредѣляетъ свои цѣли такъ же, какъ это выражено—если, повторяю, вѣрить оффиціальной версіи—въ елисаветградскомъ заявленіи, но разъ оно называется не обществомъ обывателей, а какъ-либо иначе, на него при массовой ликвидаціи по новѣйшему циркуляру министра могутъ и вниманія не обратить. Не для юридическихъ споровъ, разумѣется, я отмѣчаю это обстоятельство. Юридически и самый отказъ елисаветградскому обществу въ регистраціи не на законѣ основанъ. Но эта беззаботность министра и подвѣдомственныхъ ему чиновъ относительно формальной стороны дѣла хорошо характеризуетъ предрѣшенность вопроса по существу. Лишь бы закрыть то, что признано подлежащимъ закрытію. А подъ какимъ соусомъ,—не все ли равно?

Неудачная форма не помѣшала умнымъ и понятливымъ людямъ сразу оцѣнить основную мысль. Однимъ изъ первыхъ высказался московскій городской голова и членъ центральнаго комитета союза 17 октября, г. Н. И. Гучковъ.

Циркуляръ министра,—заявилъ онъ сотруднику одной изъ московскихъ газетъ,—«является естественнымъ результатомъ сенатскаго разъясненія, которое я нахожу вполнѣ правильнымъ, такъ какъ, разъ существуютъ государственныя административно-хозяйственныя учрежденія, а такими являются городскія и земскія самоуправленія, облеченныя извѣст

ными правами, и на которыя возложена отвѣтственность, то параллельно не могутъ дѣйствовать какія-либо другія частныя учрежденія *).

Таковъ, дѣйствительно, смыслъ сенатскаго рѣшенія по частному елисаветградскому дѣлу, и, дѣйствительно, циркуляръ министра этому частному рѣшенію придалъ значеніе общаго «разъясненія» законовъ. Но такая широта взглядовъ смутила даже «Голосъ Москвы». Московскій органъ нашелъ, что «натяжка мотивировки здѣсь очевидна». На точно такомъ же основаніи можно закрыть всѣ газеты, потому что существуетъ «Правительственный Вѣстникъ», всѣ частныя лѣчебницы и больницы, потому что есть больницы казенныя, земскія, городскія... При такой мотивировкѣ закрытіе обществъ обывателей

«по формѣ—незаконное лишеніе правъ, по существу—разгромъ налаживающейся общественной самодѣятельности».

Слишкомъ далеко хватилъ сенатъ,—можно вѣдь и всѣ организаціи промышленниковъ закрыть, такъ какъ они дѣйствуютъ, напр., параллельно съ министерствомъ финансовъ, можно закрыть новоучреждаемую «сельско-хозяйственную» организацію дворянъ, потому что она предполагаетъ дѣйствовать параллельно съ земствомъ. «Россія» выступила съ разъясненіями,—недоразумѣніе происходитъ, конечно, отъ случайной мотивировки. Сами по себѣ общества обывателей могли бы быть «полезными общественными начинаніями», и правительство ничего бы противъ нихъ не имѣло, но оно не можетъ допустить, чтобы «политическіе аферисты подъ личиной общественности» проводили «свои вредныя цѣли»; «настоящія общественныя силы, къ сожалѣнію, еще не вездѣ пробудились...» **). И въ самомъ дѣлѣ,—будь, напр., петербургскія общества обывателей въ рукахъ «стародумцевъ»,—правительство, навѣрное, относилось бы къ нимъ такъ же, какъ относится одесскій генералъ Толмачевъ къ существующей подъ его покровительствомъ сѣти «союзническихъ» организацій. Но не можетъ же г. Толмачевъ допустить, чтобы люди, хотя и обладающіе цензомъ, но не послушные, сорганизовались или получили точку опоры въ организаціяхъ и стали вредить цензовикамъ-послушнымъ. Не можетъ допустить этого и правительство. Оно считаетъ необходимымъ защитить друзей отъ враговъ, — первыхъ усилить, вторыхъ— ослабить. Октябристы изъ «Голоса Москвы» должны это понимать,—какъ понялъ членъ ихъ центральнаго комитета г. Н. Гучковъ, не дожидаясь объясненій, какъ поняло «Русское Знамя». Вамъ же, господа, правительство помогаетъ укрѣпить позиціи и безмятежно пользоваться выгодами создавшагося положенія; вамъ оно признательно платитъ за ваши услуги,—поэтому не придирай-

*) Цит. по «Смоленскому Вѣстнику», 19 августа.
**) Цит. по «Рѣчи», 1 сентября.

тесь къ мотивировкамъ. Навѣрное, октябристы изъ «Голоса Москвы» это поймутъ. Кстати вѣдь, если почему-либо не удастся провести новый избирательный законъ «по земской линіи», то общества обывателей могли бы, пожалуй, сыграть роль и на выборахъ въ четвертую Думу. «Они» поймутъ и признаютъ, что такъ и быть должно.

Они самоопредѣляются. И любопытныя порою формы принимаетъ ихъ самоопредѣленіе. Пріѣхалъ въ Херсонъ директоръ черкасской гимназіи, дѣйствительный статскій совѣтникъ Пересвѣтовъ, остановился въ гостиницѣ на одной изъ самыхъ людныхъ улицъ города, среди бѣлаго дня раздѣлся и «въ полномъ ночномъ облаченіи» вышелъ на балконъ и сталъ разсматривать «движеніе публики» по улицѣ... *) Прибылъ въ Екатеринодаръ министръ юстиціи Щегловитовъ, пожелалъ посѣтить общественное собраніе и поѣхалъ въ парномъ экипажѣ по городскому саду, именно по той аллеѣ, гдѣ гуляла густая толпа народа, гдѣ обязательными постановленіями запрещена ѣзда даже на велосипедахъ,—поѣхалъ, какъ подобаетъ ѣздить министру,—въ сопровожденіи полицеймейстера, городовыхъ, казаковъ, сыщиковъ... **). Накопляются теперь такіе странные факты. Чувствуется въ нихъ что-то новое, симптоматическое, характерное для нынѣшней русской жизни. Хочется попросту, по человѣчеству понять какихъ-то, видимо, особенныхъ людей, способныхъ на столь необычные поступки... Все-жъ таки обыкновенному человѣку самому стыдно показаться днемъ передъ людной улицей,—напр., «въ полномъ ночномъ облаченіи». Почему же дѣйствительному статскому совѣтнику и директору гимназіи Пересвѣтову не стыдно? И чѣмъ больше я думаю объ этомъ, тѣмъ яснѣе для меня становится одно старое пророчество.

Когда-то покойный Салтыковъ—во «введеніи» къ «Господамъ ташкентцамъ»—интересовался, какая судьба ждетъ русскихъ «Митрофановъ». «Митрофанами»—быть можетъ, не лишне это напомнить—сатирикъ называлъ послѣдователей теоріи Кукольника, заключенной въ знаменитомъ афоризмѣ: «прикажутъ—завтра же буду акушеромъ» (Афоризмъ этотъ послужилъ образцомъ для многихъ дальнѣйшихъ формулировокъ той же теоріи; одна изъ такихъ подражательныхъ формулъ: прикажутъ,—буду конституціоналистомъ,—принадлежитъ, какъ мы теперь знаемъ, г. Хомякову). Митрофаны еще во времена Салтыкова произвели великую «путаницу» въ русской жизни, и сатирикъ предсказывалъ, что имъ, «кромѣ путаницы, угрожаетъ еще другая бѣда: отчаяніе»; они могутъ «очутиться въ положеніи раскольника, съ часу на часъ ожидающаго антихриста». Въ этой части предсказаніе давно исполнилось съ

*) «Одесскія Новости», 3 августа.

**) «Рѣчь», 1 сентября.

буквальной точностью. До 1905 г. все жило ожиданіемъ... не антихриста, конечно, а революціи, и для предупрежденія ея «Митрофаны» неустанно создавали одну мѣру за другой. Теперь также они живутъ тѣмъ же страхомъ, и вся энергія ихъ направлена главнымъ образомъ, на то, чтобъ предупредить и не допустить. И другое интересовало Салтыкова: что будетъ съ Митрофанами, когда они дойдутъ до такого состоянія. Онъ видѣлъ для нихъ только два выхода: или «закутаться въ саванъ» и ждать гроба, или «обратиться въ дикое состояніе». Прижизненно «закутаться въ саванъ» люди соглашаются лишь въ исключительныхъ случаяхъ. Наиболѣе вѣроятенъ, слѣдовательно, второй путь,—путь, ведущій къ «дикому состоянію», къ совершенному игнорированію всего, на что обязываетъ культура и жизнь въ культурныхъ условіяхъ... Провидцемъ былъ покойный сатирикъ: въ предсказанномъ имъ направленіи и самоопредѣляются нынѣшніе «хозяева» легальной политической арены. Путь этотъ, повторяю, еще не пройденъ. Передъ нами цвѣтки,—могутъ быть и ягодки. Пока дѣйствительный статскій совѣтникъ Пересвѣтовъ все-таки оставилъ на себѣ «ночное облаченіе»,—онъ можетъ вѣдь еще и ночной костюмъ сбросить.

А. Петрищевъ.

Идеалы и будничная практика соціализма.

(По поводу Копенгагенскаго конгресса).

I.

Отъ меня далека мысль останавливаться на дебатахъ и рѣшеніяхъ недавно закрывшагося Копенгагенскаго конгресса международнаго соціализма. Читатель въ этой же книжкѣ «Русскаго Богатства» найдетъ спеціальную статью на данную тему. Но засѣданія конгресса вызвали въ пишущемъ эти строки желаніе высказать нѣсколько общихъ соображеній относительно фазиса, переживаемаго теперь международнымъ соціализмомъ. Приходится прежде всего отмѣтить то обстоятельство, что его конгрессы становятся все болѣе и болѣе сѣренькими и будничными. Они не носятъ характера конгрессовъ стараго Интернаціонала, относившагося къ героическому періоду рабочаго движенія. Но они теряютъ все больше и больше и отпечатокъ первыхъ конгрессовъ современнаго Интерна-

ціонала, который съ такимъ блескомъ выступилъ передъ общественнымъ мнѣніемъ всего міра на Парижскомъ («марксистскомъ») конгрессѣ 1889 г. и съ тѣхъ поръ каждые два-три года продолжалъ привлекать къ себѣ вниманіе всѣхъ партій Европы и Америки. Собственно, теорія и принципы отступаютъ въ этихъ международныхъ парламентахъ труда, чѣмъ дальше, тѣмъ больше на задній планъ, а на передній становятся практическіе вопросы, рѣшенія которыхъ настоятельно требуетъ повседневная практика жизни въ разныхъ странахъ. Теперь уже почти нѣтъ эффектныхъ турнировъ на пленарныхъ засѣданіяхъ, когда различные оттѣнки соціалистическаго міровоззрѣнія выставляютъ на братскую идейную борьбу своихъ лучшихъ представителей. Очевидно, начинается новый періодъ въ исторіи международнаго общенія рабочихъ классовъ.

По мѣрѣ того, какъ соціализмъ все шире разливается въ мірѣ и захватываетъ все болѣе широкія массы, жизнь вездѣ выдвигаетъ задачи и злобы дня, требующія непосредственнаго отвѣта. Но такъ какъ общіе принципы соціализма повсюду одни и тѣ же, а историческая и соціальная среда каждой націи имѣетъ свои особенности, то отсюда разнообразіе насущныхъ конкретныхъ вопросовъ, на которые должна отзываться соціалистическая партія каждой страны. Въ этой-то будничной, но существенной работѣ проявляется, въ промежуткахъ между интернаціональными конгрессами, жизненная дѣятельность соціалистическихъ организацій, принадлежащихъ къ разнымъ государственнымъ и національнымъ организмамъ. Сверхъ того, чтобы сохранить извѣстное единство мысли и дѣйствія въ этихъ интервалахъ, международный соціализмъ выработалъ спеціальный постоянный органъ, который намѣчаетъ вопросы, подлежащіе разрѣшенію всего Интернаціонала: мы говоримъ о международномъ соціалистическомъ бюро, засѣдающемъ въ Брюселѣ и играющемъ роль всемірной управы соціализма. Наконецъ, и сами засѣданія международныхъ конгрессовъ укладываются теперь по преимуществу въ рамки работъ различныхъ коммиссій и подкоммиссій, подготовляющихъ резолюціи. А на долю пленарныхъ засѣданій самаго парламента труда приходится незначительная часть времени, утилизируемая обыкновенно для болѣе или менѣе эффектнаго вотума предложеній, не вызывающихъ почти никакого разногласія среди конгрессистовъ. Любителямъ яркихъ и импозантныхъ манифестацій приходится нынѣ довольствоваться такими сравнительно рѣдкими парадными представленіями да, кромѣ того, публичными митингами и процессіями, которыя устраиваются въ связи съ конгрессомъ уже для широкой массы и для улицы.

Интересенъ прежде всего формальный, но крайне существенный вопросъ: какова компетенція рѣшеній международныхъ конгрессовъ для дѣятельности соціалистической партіи каждой страны? Въ теоріи дѣло, казалось бы, выходитъ просто. Разъ Интернаціо-

налъ труда основанъ на общности задачъ рабочихъ классовъ на всемъ земномъ шарѣ, то рѣшенія, принимаемыя международными конгрессами по тѣмъ или инымъ вопросамъ, должны выражать наиболѣе широко распространенный, преобладающій взглядъ на данную задачу среди рабочихъ всего міра. Національнымъ организаціямъ и соціалистическимъ партіямъ каждой страны оставалось бы, кажется, безпрекословно подчиняться вотуму тѣхъ вселенскихъ соборовъ трудящагося человѣчества, какіе представляютъ собою интернаціональные соціалистическіе конгрессы. Увы! дѣйствительность далеко не отвѣчаетъ этому. Сплошь и рядомъ случается, что извѣстная соціалистическая партія, формально подчиняясь на конгрессѣ принятому большинствомъ его членовъ рѣшенію, не успѣваетъ, кажется, дойти до своей страны, какъ отрясаетъ экзотическую пыль съ своихъ ногъ и въ своей національной дѣятельности становится на путь, прямо противорѣчащій только что вотированной международной резолюціи.

Не мѣшаетъ, пожалуй, отмѣтить здѣсь тотъ любопытный психологическій фактъ, что партіи, которыя въ теоріи отличаются особенною непримиримостью извѣстныхъ доктринальныхъ положеній, на практикѣ сплошь и рядомъ ведутъ себя въ духѣ самаго гибкаго оппортунизма. Возьмемъ для примѣра германскую соціалъ-демократію. Пишущій эти строки отнюдь не принадлежитъ къ числу строгихъ критиковъ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи. Наоборотъ, онъ признаетъ за нею великія историческія заслуги въ политической и даже просто въ культурной области. Но онъ лишь не зачисляетъ себя въ ряды такихъ восторженныхъ поклонниковъ этой партіи, которые готовы восхищаться ею, что бы она ни дѣлала и какъ бы ни поступала. Въ данный историческій моментъ она бросила въ обращеніе среди милліоновъ рабочихъ массъ нѣкоторыя положенія соціализма, нѣкоторыя, если я позволю себѣ такъ выразиться, истины соціальнаго прагматизма, которыя наилучше отвѣчали теоретическимъ и практическимъ потребностямъ организаціи труда въ извѣстный моментъ. Марксизмъ, и даже марксизмъ въ его наиболѣе узкой правовѣрной формѣ, продолжаетъ до сихъ поръ имѣть громадное идейное и практическое значеніе для пролетаріата Германіи, а отраженнымъ ударомъ и для пролетаріата всѣхъ странъ, въ которыхъ условія политической жизни болѣе или менѣе сходны съ нѣмецкими. И вотъ, во имя извѣстнаго символа вѣры, пришедшагося по сердцу и по уму нѣмецкой соціалъ-демократіи, она судитъ теорію и тактику другихъ соціалистическихъ организацій, нападаетъ на отклоняющихся, по ея мнѣнію, отъ этого кодекса, рѣзко очерчиваетъ программу дѣятельности для соціалистическаго движенія всего міра, пытается отлучать отъ церкви труда тѣхъ, кто въ ея глазахъ не согласенъ съ извѣстными основными положеніями, и, благодаря своей многочисленности и организованности, проводитъ почти всегда на меж-

дународныхъ конгрессахъ свою точку зрѣнія. Но это это не мѣшаетъ ей обнаруживать очень большую эластичность въ своей будничной національной тактикѣ всякій разъ, когда спеціальныя германскія условія препятствуютъ, по ея мнѣнію, рѣзкой принципіальной дѣятельности. А сравнительно мало инициативный характеръ этой партіи и отсутствіе въ ней революціонныхъ традицій заставляютъ ее очень часто преувеличивать значеніе противодѣйствія этихъ неблагопріятныхъ условій и поддерживаютъ въ ней стремленіе нарушать тѣ самыя резолюціи, исполненія которыхъ она настойчиво требовала раньше на какомъ-нибудь международномъ конгрессѣ.

Я позволю себѣ указать въ этомъ отношеніи на одинъ очень характерный примѣръ. На упомянутомъ Парижскомъ конгрессѣ 1889 г., гдѣ такъ эффектно выступилъ возрожденный Интернаціоналъ, нѣмцы чуть ли не громче всѣхъ пропагандировали необходимость организовать со слѣдующаго же 1890 года всемірную первомайскую манифестацію, которая на всемъ пространствѣ земного шара напомнила бы капиталу и охраняющимъ его повсюду государствамъ о требованіяхъ проснувшагося труда. И что же? Въ то время, какъ во многихъ странахъ, а въ особенности въ инициативной Франціи первомайскія манифестаціи 1890 г. приняли импозантный характеръ, бросившій въ дрожь имущіе и правящіе классы, въ самой Германіи соціалъ-демократическая фракція въ особомъ воззваніи отсовѣтовала рабочимъ бастовать непремѣнно 1-го мая. А еще на слѣдующій (1891) годъ нѣмцы уже повсемѣстно преспокойно справили первомайскій праздникъ третьяго мая: по ихъ календарю это выходило такъ. Ибо 3 мая приходилось на воскресенье, и вотъ они рѣшили праздновать великую забастовку труда въ тотъ день, когда ни германскій юнкеръ, ни германскій капиталистъ не могли ничего имѣть противъ отдыха.

А еще любопытнѣе, можетъ быть, то обстоятельство, что самъ Энгельсъ, считавшійся наиболѣе лѣвымъ изъ соціалъ-демократовъ, оправдывалъ такое поведеніе нѣмцевъ. Обращу вниманіе читателей на слѣдующее мѣсто изъ совершенно откровенной переписки Энгельса съ его старымъ пріятелемъ, Ф. А. Зорге: «Французы въ страшномъ гнѣвѣ, что нѣмцы на этотъ разъ будутъ праздновать не 1-е, а 3-ье мая. Но все это вздоръ.... Въ настоящее время перепроизводство въ Германіи стало во всѣхъ отрасляхъ промышленности хроническимъ, и такъ какъ всеобщій праздникъ, который возможенъ лишь путемъ нарушенія контракта, вызвалъ бы во всей Германіи 1-го мая всеобщій локаутъ, опустошилъ бы всѣ наши кассы, разрушилъ бы всѣ наши трэдъ-юніоны и вмѣсто воодушевленія вызвалъ бы разочарованность, то это празднество было бы безуміемъ. Правда, наши ребята на Парижскомъ конгрессѣ относились съ такимъ энтузіазмомъ къ 1-му мая, что теперь это похо-

дитъ на отступленіе. А сверхъ того и воззваніе нашей фракціи—до жалости блѣдное дѣтище *).

Возвращаясь вскорѣ въ новомъ письмѣ къ тому же вопросу, Энгельсъ пишетъ относительно крайняго недовольства французовъ на нѣмцовъ и англичанъ, собиравшихся праздновать 3-ье мая: «Французы не совсѣмъ неправы: на конгрессѣ всѣ размечтались о 1-мъ маѣ. Но почему же тѣ самые французы, которые такъ часто дѣлаютъ великія вещи на словахъ, за каковыми слѣдуютъ лишь малыя дѣла, почему они вдругъ сразу начинаютъ требовать, чтобы и другіе не позволяли себѣ немножко прихвастнуть (flunkern)»? *).

Нѣсколько лѣтъ спустя нѣмцы порѣшили въ этомъ отношеніи еще рѣзче, проведя на своемъ національномъ конгрессѣ рѣшеніе, шедшее въ разрѣзъ съ вотированной предъ тѣмъ резолюціей международнаго конгресса. Дѣйствительно, на Цюрихскомъ конгрессѣ 1893 г, несмотря на сопротивленіе германскихъ соціалъ-демократовъ, выразившееся въ рѣчи Бебеля, противъ непремѣннаго празднованія 1-го мая, прошла, однако, резолюція, которая именно вмѣняла въ обязанность рабочимъ всего міра организовать первомайскую манифестацію. И, однако, на Кельнскомъ конгрессѣ соціалъ-демократической партіи, едва два мѣсяца спустя, было ничтоже сумняшеся, принято рѣшеніе, гласившее, что, конечно, партія видитъ въ забастовкѣ 1-го мая достойное празднованіе труда; но такъ какъ проведеніе этой мѣры невозможно при данномъ экономическомъ положеніи, то партія рекомендуетъ, на ряду съ другими манифестаціями, и первомайскую манифестацію лишь тѣмъ рабочимъ, которые могутъ сдѣлать это «безъ вреда для рабочихъ интересовъ».

Эдуардъ Бернштейнъ, который не безъ ироніи вспоминаетъ послѣдній фактъ въ своей недавней статьѣ «Интернаціональныя резолюціи и ихъ значеніе» ***), видимо, ведетъ свою линію для того, чтобы вскрыть внутреннія противорѣчія нѣмецкой ортодоксальной соціалъ-демократіи, у которой, несмотря на ея внѣшнюю непримиримость, слово и дѣло, платоническая любовь къ принципу и практическое его осуществленіе иной разъ расходятся очень далеко. Но эта ироническая аргументація имѣетъ и гораздо болѣе общій смыслъ. Она, дѣйствительно, касается, больного мѣста

*) «Briefe und Auszüge aus Briefen an F. A. Sorge u. A.»; Штуттгартъ, 1906, стр. 356 (Письмо Энгельса отъ 11 февраля 1891 г.).

**) Ibid., стр. 359.

***) См. тройной (№№ 16—18) «интернаціональный номеръ» ревизіонистскаго журнала «Sozialistische Monatshefte» (отъ 11 августа 1910 г.), стр. 1001. Этотъ выпускъ интересенъ тѣми свѣдѣніями о соціалистическомъ движеніи въ разныхъ странахъ, которыя даны въ немъ самими же представителями различныхъ мѣстныхъ рабочихъ партій и организацій. Мы не разъ будемъ въ нашей статьѣ ссылаться на эти нерѣдко любопытные документы.

въ современномъ развитіи всѣхъ соціалистическихъ организацій. У соціализма есть извѣстные принципы, которые считаются какъ бы священными и неприкосновенными для всѣхъ партій. Но прилагать-то эти принципы приходится каждой соціалистической партіи въ извѣстной, часто очень разнящейся отъ другихъ странъ обстановкѣ, препятствующей осуществлять извѣстныя общія задачи на одинъ ладъ повсюду. Спрашивается: какъ сочетать вѣрность принципу и практическую задачу его воплощенія примѣнительно къ мѣстнымъ особенностямъ? И далѣе: какъ далеко можетъ идти въ той или другой странѣ отступленіе отъ извѣстнаго принципа, или что еще чаще бываетъ, отъ общеобязательнаго тактическаго пріема, вотированнаго на международномъ конгрессѣ?

Возьмемъ другой примѣръ, въ которомъ опять таки фигурируетъ нѣмецкая соціалъ-демократическая партія. Какъ извѣстно, нѣмцы всегда очень стоятъ за борьбу съ милитаризмомъ,—не отдѣляя этой борьбы, впрочемъ, отъ борьбы съ капитализмомъ. Они рѣзко обвиняютъ въ шовинизмѣ всякія другія партіи, лишь только, по ихъ мнѣнію, въ нихъ обнаруживается малѣйшее стремленіе пройти мимо этого вопроса принципіальной оппозиціи противъ военщины. Но перейдемъ отъ принципа къ его осуществленію,—и декорація моментально мѣняется. Тѣ рѣшительныя мѣры, которыя выдвигаются впередъ нѣкоторыми болѣе революціонными и инициативными соціалистическими партіями, находятъ какъ разъ среди нѣмцевъ противниковъ, съ большой настойчивостью стремящихся, въ пику крайнимъ тенденціямъ, провести свою гораздо болѣе миролюбивую точку зрѣнія подъ тѣмъ предлогомъ, что, молъ, нѣкоторыя рѣзкія формы оппозиціи милитаризму немыслимы въ Германіи и вызовутъ правительственныя репрессіи.

Не далеко ходить. Посмотрите хотя бы, что дѣлалось на Копенгагенскомъ конгрессѣ. Комиссія, носившая громкое названіе «Комиссія анти-милитаризма», получила нѣсколько предложеній, изъ которыхъ наиболѣе радикальнымъ была поправка Вайльяна и Киръ-Харди, говорившая о томъ, чтобы въ случаѣ объявленія войны тѣмъ или другимъ правительствомъ противоставить этому самыя рѣшительныя средства, вплоть до всеобщей стачки въ отрасляхъ, занятыхъ приготовленіемъ военной аммуниціи, и перевозкой. Противъ этого предложенія всего рѣзче возражалъ лѣвый изъ лѣвыхъ нѣмцевъ, Ледебуръ, членъ соціалъ-демократической германской партіи, настаивая на томъ, что проведеніе мѣры можетъ вызвать со стороны имперскаго правительства такія репрессіи, которыя могутъ затормозить дальнѣйшее развитіе партіи. И Интернаціоналъ большинствомъ голосовъ сталъ на точку зрѣнія Ледебура. Радикальная резолюція была отвергнута. Ее передали лишь въ международное соціалистическое бюро, поручивъ этому органу принять ее во вниманіе для дальнѣйшей разработки вопроса на слѣдующихъ конгрессахъ и редактированія новой резо-

люціи, которая болѣе бы подходила къ общему настроенію международнаго соціализма. Вопросъ, какъ видите, отложенъ до такъ называемыхъ греческихъ календъ, т. е. проще говоря, сданъ въ долгій ящикъ. Между тѣмъ были страны,—Франція и присоединившаяся къ ней на этотъ разъ Англія, равно какъ Норвегія, Голландія, Польша, часть русскихъ соціалистовъ (соціалисты-революціонеры),—которыя полагали, что именно здѣсь вѣрность служенія принципу мира должна была бы обусловливать болѣе рѣзкую и активную оппозицію милитаризму.

Мы взяли лишь одинъ изъ такихъ вопросовъ, гдѣ принципіальное рѣшеніе встрѣчаетъ пока сопротивленіе среди различныхъ соціалистическихъ партій, которыя прежде всего желаютъ считаться со своими національными условіями. Но подобныхъ задачъ возникло уже не мало и возникаетъ все больше по мѣрѣ самаго распространенія соціализма.

II.

Къ числу ихъ принадлежитъ, напр., вопросъ національный, въ различныхъ своихъ формахъ, которыя касаются уже не только узкой области противодѣйствія или потворства милитаризму, но и задачъ экономическаго сожительства различныхъ расъ, равно какъ общеполитическаго положенія разныхъ національностей въ рамкахъ опредѣленнаго государственнаго союза. Что вопросъ національный принадлежитъ къ очень труднымъ проблемамъ, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Своею трудностью и сложностью, а также нѣкоторыми аналогіями онъ напоминаетъ вѣковѣчную и далеко еще не рѣшенную задачу объ отношеніяхъ между личностью и обществомъ. Докуда можетъ простираться право индивидуума на свободу, счастье и развитіе, не вредя интересамъ цѣлаго общества? Гдѣ провести границы общественной солидарности и коллективной жизни, не разрушая значенія и красоты личности, которая, какъ никакъ, составляетъ смыслъ человѣческой исторіи? Лучшій отвѣтъ эта задача до сихъ поръ находитъ съ точки зрѣнія соціализма, такъ какъ всего вѣроятнѣе, что личность можетъ получить все доступное ей развитіе только въ обществѣ, организованномъ на началахъ коллективнаго труда и братской солидарности.

Нѣчто подобное мы встрѣчаемъ и въ вопросѣ объ отношеніяхъ между человѣчествомъ и національностью. Несомнѣнно, что высшіе общечеловѣческіе идеалы берутъ въ процессѣ историческаго развитія перевѣсъ надъ строго національными и расовыми особенностями. Но та же реальная исторія, хотя и разрушая множество первоначальныхъ, обособленныхъ, почти зоологическихъ группъ, всетаки оставила намъ до сихъ поръ наслѣдіе въ видѣ

національныхъ и политическихъ союзовъ, представляющихъ свои особенныя черты. Спрашивается: какъ далеко принципъ гуманности и общечеловѣческой цивилизаціи можетъ быть проведенъ, не разрушая насильственно существующихъ пока формъ національнаго и политическаго общежитія? И обратно: какія границы могутъ быть и должны быть поставлены національнымъ потребностямъ и интересамъ, не придавая гибельнаго для общечеловѣческой цивилизаціи окостенѣнія этимъ болѣе мелкимъ формамъ человѣческаго сожительства и не препятствуя возможно тѣсному общенію личностей, принадлежащихъ къ какому бы то ни было національному и расовому союзу, съ личностями другихъ подобныхъ же союзовъ? Опять таки и на это лучшій отвѣтъ дается требованіемъ установленія соціалистическаго строя, который долженъ свести до минимума противоположность національныхъ интересовъ и оставить внутри такихъ союзовъ и общежитій только то, что выражаетъ общечеловѣческій идеалъ, но лишь въ мѣстной особенной формѣ. Свобода личности въ рамкахъ солидарнаго общества; автономія національныхъ и расовыхъ союзовъ въ нѣдрахъ солидарнаго человѣчества,—таковы основныя положенія задачи, которая, повторяемъ, можетъ быть рѣшена, только при окончательномъ торжествѣ соціалистическихъ идеаловъ, т. е., въ царствѣ свободныхъ коллективно трудящихся и наслаждающихся личностей.

Но одно дѣло—построить болѣе или менѣе отвлеченную формулу рѣшенія вопроса. И другое дѣло—рѣшить практически данный вопросъ. Зоологическій періодъ человѣческой исторіи далеко не кончился. Процессъ сростанія человѣчества во все болѣе и болѣе широкія группы далеко не завершился. И современное общество, которому придаютъ столь жесткій характеръ власть классового государства и давленіе капитала, заключаетъ внутри себя до сихъ поръ такъ много звѣрскихъ пережитковъ и выжитковъ, что самыя, казалось бы, нормальныя и безобидныя требованія національной и расовой самостоятельности превращаются на этой почвѣ въ необузданный шовинизмъ и дикую исключительность.

Увы! И та широкая армія трудящихся массъ, которая должна въ концѣ концовъ явиться единственною искреннею носительницею общечеловѣческихъ идеаловъ, далеко еще не выступила изъ состоянія національной нетерпимости и вражды. Легко говорить въ принципѣ, что въ мірѣ труда, какъ и въ «универсальномъ государствѣ» стоиковъ или первобытномъ христіанствѣ, нѣтъ ни эллина, ни іудея, ни язычника; и что всемірная эксплуатація капитала вызываетъ фатально на другомъ полюсѣ общественной баттареи всемірную же солидарность эксплуатируемаго труда. На дѣлѣ эта основная и, дѣйствительно, все усиливающаяся борьба между трудовымъ и эксплуатирующимъ человѣчествомъ доселѣ усложняется столкновеніемъ различныхъ національныхъ и расовыхъ союзовъ,

которые нерѣдко парализуютъ и даже прямо извращаютъ начало основной исторической борьбы.

Приходится даже отмѣтить слѣдующее любопытное явленіе. По мѣрѣ того, какъ соціализмъ перестаетъ быть общеніемъ лишь теоретическихъ, высоко развитыхъ единомышленниковъ и превращается въ міровоззрѣніе широкихъ трудящихся слоевъ, національный элементъ усиливается въ немъ,—хотя конечно, временно,—на счетъ интернаціональнаго. И это понятно. Прошли времена вѣры въ спасительность декретовъ, которыми всемогущіе и благожелательные диктаторы могутъ осчастливить человѣчество. Теперь мы твердо знаемъ, что городъ будущаго можетъ быть прочно основанъ въ послѣднемъ счетѣ лишь на сознательномъ участіи въ общественномъ союзѣ всѣхъ трудящихся. А психологія послѣднихъ должна своей эволюціей опредѣлять и выработку новыхъ формъ общежитія. Была эпоха, когда геніальные предвозвѣстники соціалистическаго періода исторіи могли образовать изъ себя по всему міру братство, дѣйствительно не считавшееся съ цвѣтомъ пограничныхъ столбовъ и шлагбаумовъ. Ихъ развитіе, ихъ пониманіе общечеловѣческихъ условій, ихъ взаимное проникновеніе элементами передовыхъ цивилизацій на почвѣ всемірнаго прогресса,—все это служило достаточной гарантіей для самаго послѣдовательнаго интернаціонализма. Легко себѣ представить, какой великій духъ международности царствовалъ на засѣданіяхъ прежняго Интернаціонала до періода его роковыхъ расколовъ. Точно также легко себѣ представить, какой образцовый парламентъ труда могли бы составить уже теперь люди вродѣ Жорэса, Бебеля, Вандервельда, Брантинга и другихъ наиболѣе выдающихся представителей современнаго соціализма, если бы дѣло шло объ организаціи всемірнаго союза только изъ такихъ выдающихся личностей.

Но, къ сожалѣнію, даже современные международные конгрессы труда, заключающіе въ себѣ какъ никакъ соль и цвѣтъ соціалистической интеллигенціи, насчитываютъ въ своихъ рядахъ не мало людей, которые отнюдь не такъ рѣзко принципіально стоятъ на точкѣ зрѣнія интернаціонализма и которые до сихъ поръ еще не отдѣлались отъ націоналистической закваски. Дѣйствительно, по мѣрѣ того, какъ соціализмъ развивается, онъ захватываетъ все болѣе и болѣе широкіе слои, лишь впервые, благодаря ему, пріобщающіеся къ сознательной исторической жизни. Какъ же можно требовать, чтобы эта все растущая армія труда, только что пробуждающаяся къ сознательному человѣческому существованію, сразу могла отказаться отъ тѣхъ историческихъ формъ, въ которыхъ она до сихъ поръ вырабатывалась? Тягости матеріальнаго существованія мѣшаютъ умственному развитію этихъ массъ. Ихъ незнакомство ни съ языкомъ, ни съ цивилизаціей другихъ странъ закрѣпляетъ ихъ въ рамкахъ узкой національности или расы,

среди которой они родились. Для нихъ даже общечеловѣческіе идеалы впервые начинаютъ мерцать сквозь призму тѣхъ самыхъ исторически сложившихся формъ національнаго языка и національныхъ навыковъ мысли, которые до сихъ поръ проникнуты элементами исключительности и шовинизма, нынѣ особенно усердно и вполнѣ умышленно подогрѣваемаго привилегированными классами. Въ зависимости отъ этой психологіи массъ, представляющей порою причудливое смѣшеніе общечеловѣческихъ идеаловъ съ чувствами, традиціями и предразсудками національнаго бытія, находится, конечно, и психологія современныхъ вожаковъ рабочаго соціалистическаго движенія.

Дѣло представляется очень просто. Если вы не опираетесь въ своей дѣятельности на широкіе слои, то, какъ бы ни было само по себѣ возвышенно ваше міровоззрѣніе, оно будетъ зданіемъ, построеннымъ на пескѣ. И въ этомъ случаѣ самый благородный общечеловѣческій идеалъ такъ же мало окажется связаннымъ съ дѣйствительностью, какъ тѣ высоко прошумѣвшіе въ небѣ надъ реальной жизнью журавли міровой мысли и науки, о которыхъ съ такой грустью говорилъ Лассаль. Значитъ, вамъ неизбѣжно приходится стоять на почвѣ интересовъ и требованій, фатально выростающихъ среди массъ въ процессѣ историческаго развитія. Къ несчастію, рядомъ съ интересами глубоко реальными и потребностями поистинѣ существенными, надъ громаднымъ большинствомъ человѣчества, словно кошмары и зловѣщіе сны, властвуютъ фантастическіе идеалы и мистическія традиціи прошлаго, равно какъ звѣриные предразсудки отживающихъ, но далеко не изжитыхъ эпохъ національной обособленности и расовой вражды. И вотъ, порою незамѣтно для себя, а порою и совершенно сознательно, во имя извѣстнаго рода идейнаго маккіавелизма, представители міровоззрѣнія труда въ свои программы и практическія требованія вносятъ такія уступки этимъ традиціямъ и предразсудкамъ, что этотъ привносъ можетъ въ свою очередь парализовать въ массахъ дѣйствіе общечеловѣческихъ идеаловъ соціализма.

Опять таки за примѣромъ не далеко ходить. И на Копенгагенскомъ конгрессѣ националистическія тенденціи ярко выразились въ томъ, что чешская соціалъ-демократія требовала себѣ полной автономіи даже внутри кооперативныхъ организацій, которыя, казалось бы, должны быть цѣликомъ основаны на принципѣ борьбы труда съ капиталомъ и очень мало считаться съ языкомъ борющихся сторонъ. Замѣтьте, австрійская соціалъ-демократія, въ которую входитъ автономной частью чешская соціалъ - демократія, никогда не отрицала права чешскихъ соціалистовъ на организацію самостоятельной политической секціи среди чеховъ. Но чехи этимъ не удовлетворены. Они желаютъ распространить этотъ принципъ автономіи даже на рабочіе союзы и разбить ихъ всѣ такимъ образомъ на національныя группы, состоящія однѣ изъ нѣмцевъ, дру-

гія изъ чеховъ, третьи еще изъ какихъ-нибудь элементовъ того удивительнаго конгломерата, который представляетъ собою Австро-Венгрія.

Въ концѣ концовъ, послѣ обмѣна мнѣній, конгрессъ громаднымъ большинствомъ противъ нѣсколькихъ голосовъ осудилъ, правда, такія националистическія стремленія чеховъ. Но этимъ дѣло не кончено. Подчиняясь по необходимости рѣшенію конгресса, чехи уходятъ, видимо недовольные этимъ приговоромъ международнаго міра труда. И если ихъ диссидентская вражда противъ австрійской соціалъ-демократической партіи временно можетъ нѣсколько ослабнуть, то все же ядъ кооперативнаго шовинизма будетъ продолжать ходить внутри чешскихъ организацій. А между тѣмъ, въ какой степени эти националистическія тенденціи могутъ пагубно отразиться на развитіи рабочаго движенія, можно судить хотя бы на основаніи интересныхъ данныхъ, заключающихся какъ разъ по этому вопросу въ послѣднемъ номерѣ австрійскаго соціалистическаго ежемѣсячника «Der Kampf». Изъ статей Франца Домеса «Куда же клонитъ чешскій сепаратизмъ въ кооперацiяхъ», Фердинанда Ханушa «Сепаратистское движеніе между рабочими текстильной промышленности» и Антона Шраммеля «Сепаратистское движеніе въ химической индустріи», мы можемъ видѣть размѣръ уже происшедшихъ опустошеній и перспективу еще большихъ уроновъ, грозящихъ мѣстному профессіональному движенію.

Такъ, до начала этого вѣка, когда слабое кооперативное движеніе въ австрійскихъ земляхъ опиралось на существованіе обособленныхъ національныхъ организацій, въ текстильной промышленности насчитывалось не болѣе 4.600 объединенныхъ рабочихъ. Затѣмъ, когда наступилъ періодъ дѣятельности обще-австрійской соціалъ-демократической организаціи, соединившей подъ своимъ руководствомъ профессіональные союзы различныхъ національностей, армія организованныхъ рабочихъ дошла въ этой отрасли до 51.000, и дружнымъ напоромъ пролетаріата было достигнуто значительное сокращеніе рабочаго дня и т. п. существенныя реформы. Къ несчастію, въ послѣднее время, подъ вліяніемъ перенесенія автономныхъ тенденцій въ профессіональную организацію, число рабочихъ, входящихъ въ союзы, значительно уменьшается. А, главное, движеніе утратило всякую расширяющую и привлекающую силу вслѣдствіе чувствъ крайняго недовѣрія, которыя вожакамъ чешской соціалъ-демократіи удалось поселить среди чешскихъ же рабочихъ по отношенію къ такъ называемой гегемоніи центральной, т. е., нѣмецкой яко бы организаціи. *) Изслѣдователи чешскаго движенія указываютъ, кромѣ того, на тотъ печальный фактъ, что въ чешскихъ организаціяхъ процентъ управляющаго и, если

*) „Der Kampf», № отъ 1 сентября 1910, стр. 559; ср. стр. 555.

такъ можно выразиться, кооперативно - чиновническаго элемента сталъ не пропорціонально высокъ, именно вслѣдствіе того обстоятельства, что каждый мало мальски развитой чехъ старается захватить руководительское мѣсто въ рабочихъ организаціяхъ, гдѣ шовинистская демагогія даетъ теперь извѣстный просторъ дѣятельности вожаковъ, гораздо болѣе занятыхъ націоналистической агитаціей, чѣмъ борьбой съ предпринимателями. Такимъ образомъ, въ 1909 г., лишь въ одной химической индустріи Богеміи дефицитъ профессіональныхъ организацій, выросшій изъ ихъ переполненія получающимъ жалованье рабочимъ чиновничествомъ, достигъ до $6^1/_2$ тысячъ кронъ. *)

III.

Національныя тренія принимаютъ уже совершенно пагубный характеръ, когда къ этому присоединяется сильная этническая разница и вытекающая отсюда неравномѣрность въ условіяхъ конкурренціи между различными сожительствующими расами. Эти враждебныя тенденціи, широко распространяясь въ извѣстныхъ странахъ, возвращаютъ и членовъ мѣстныхъ соціалистическихъ организацій къ первоначальному звѣриному міровоззрѣнію и заставляютъ ихъ съ необыкновенною легкостью опрокидывать и принципы международнаго соціализма, и выраженія ихъ въ резолюціяхъ интернаціональныхъ конгрессовъ. Въ особенности ярко это бросается въ глаза въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ, куда десятками лѣтъ направляется изъ разныхъ странъ свѣта могучій потокъ эмиграціи. Пока вливающіеся на необозримую территорію штатовъ элементы принадлежали къ болѣе или менѣе родственнымъ бѣлой расѣ народностямъ, дѣло шло въ общемъ очень сносно. Въ теченіе одного поколѣнія, а то и гораздо скорѣе, эмигранты совершенно ассимилируются могучей мѣстной культурой и сами становятся ревностными американскими гражданами-патріотами. Но когда на сцену выступили желтыя и вообще цвѣтныя расы, то дѣло стало принимать дурной оборотъ, и на этой почвѣ экономической конкурренціи создалась страшная вражда, ниспровергающая, казалось бы, уже обязательные для всякаго соціалиста идеалы общечеловѣческой солидарности.

Не надо упускать изъ виду, что уже мѣстное черное населеніе, получившее всѣ гражданскія права въ результатѣ кровавой войны Сѣвера съ Югомъ, является жертвою крайне тяжелыхъ, порою возмутительныхъ проявленій расовой борьбы со стороны американцевъ: 9 милліоновъ негровъ, согласно дикому мнѣнію большинства даже очень передовыхъ бѣлыхъ гражданъ Заатлантической республики,

---

*) Ibid., стр. 563.

представляютъ собою постороннее тѣло, якобы вѣчную занозу, которая сидитъ въ организмѣ великой страны и должна быть выдѣлена подъ угрозою смерти всего политическаго цѣлаго. А тутъ присоединился еще вопросъ иммиграціи желтыхъ расъ, сначала китайской, затѣмъ (послѣ того, какъ законъ 1882 г. свелъ китайскую иммиграцію почти на нѣтъ) и японской. Послѣдніе-же годы великобританскіе подданные индусской расы начинаютъ все чаще и чаще появляться какъ въ англійской колоніи Канады, такъ и въ прилежащихъ штатахъ Сѣверо-Американской республики.

Нечего и говорить о тѣхъ безобразныхъ формахъ, въ которыя выливается раздраженіе бѣлаго населенія противъ японца или китайца. Достаточно сказать, что во многихъ западныхъ штатахъ Америки, особенно въ Калифорніи, «улица» прибѣгаетъ къ самому безпощадному расовому бойкоту, вывѣшивая, напр., большія афиши на цирюльняхъ или ресторанахъ, гдѣ работаетъ хотя бы одинъ китаецъ или «япошка» (такъ приблизительно, но довольно точно можно перевести кличку Jap). Но посмотрите, на какую точку зрѣнія приходится становиться и тѣмъ, казалось бы, сознательнымъ, передовымъ американцамъ, которые принадлежатъ къ растущей на территоріи республики партіи труда.

Три года тому назадъ Штутгартская резолюція поставила для соціалистическихъ партій странъ, куда направляется потокъ иммиграціи, и, стало быть, прежде всего для Американскихъ штатовъ, требованіе добиваться «отмѣны всѣхъ ограниченій, которыя закрываютъ опредѣленнымъ національностямъ или расамъ пребываніе въ странѣ и отнимаютъ у нихъ соціальныя, политическія и экономическія права туземцевъ или, по крайней мѣрѣ, затрудняютъ пріобрѣтеніе оныхъ». Что-же происходитъ въ мѣстныхъ соціалистическихъ организаціяхъ? Прежде всего у нихъ замѣчается тенденція смотрѣть на международные конгрессы исключительно, какъ на совѣщательныя собранія (merely an advisory body) представителей труда различныхъ національностей. Никакого рѣшающаго голоса они за ними не хотятъ признавать по отношенію къ задачамъ, выдвигаемымъ американскою жизнью. Но этого мало. Самые доподлинные марксисты и самыя несомнѣнныя, казалось бы, соціалистическія партіи Америки выдвигаютъ положенія, съ которыми не согласится не только всякій убѣжденный соціалистъ, но и просто дальновидный демократическій политикъ, да и вообще сторонникъ цивилизаціи и прогресса. Такъ, въ гордящемся своимъ якобы принципіальнымъ марксизмомъ «Интернаціональномъ Соціалистическомъ Обозрѣніи» («International Socialist Review») красуется статья нѣкоего Кинга, въ которой мы читаемъ: «Для Соціалистической партіи наступило, кажется, время рѣшить, каково же должно быть ея отношеніе къ рабочему классу. Должны-ли мы сгибать наши колѣна въ позѣ обожанія передъ идеалистическою мыслью «братскаго единенія человѣчества», или мы должны укрѣпить нашу

солидарность съ американскими рабочими и бороться вмѣстѣ съ ними противъ разрушенія тяжело достигнутаго уровня жизни? Короче сказать, являемся-ли мы утопистами, потерявшими всякое соприкосновеніе съ дѣйствительною, преисполненною алой крови жизнью, или же наше мѣсто въ рядахъ борящихся за свое существованіе рабочихъ, которые организуютъ свои силы и стремятся повысить уровень своего существованія? Въ такомъ случаѣ мы должны будемъ пообождать съ нашей братской любовью къ японцамъ до той поры, когда не будемъ имѣть причины видѣть въ нихъ устремляющіяся на насъ толпы чужеземныхъ понижателей платы (scabs)» *).

Но это отдѣльная статья, которую можно счесть за выраженіе мыслей отдѣльнаго-же человѣка. Посмотримъ, теперь, что происходитъ въ нѣдрахъ организованной Соціалистической партіи Америки при обмѣнѣ мыслей по поводу вопросовъ, вытекающихъ изъ желтой иммиграціи. Какъ извѣстно, въ маѣ текущаго года въ Чикаго состоялся конгрессъ этой партіи. 10 мая съѣзду былъ доложенъ двойной, исходящій и отъ большинства и отъ меньшинства, докладъ комиссіи по иммиграціонному вопросу. И вотъ что читаешь въ докладѣ большинства: «Мы не раздѣляемъ того мнѣнія, что подобныя мѣры (касающіяся исключенія чужихъ національностей или расъ. Н. Р.) неизбѣжно безплодны и реакціонны, какъ-то замѣчаетъ интернаціональный конгрессъ. Наоборотъ, мы убѣждены, что должно считать безплодными и реакціонными всѣ тѣ мѣропріятія, которыя идутъ въ разрѣзъ съ непосредственными ближайшими интересами американскаго рабочаго класса. Ибо такое отношеніе къ вопросу или таковыя мѣропріятія поставили-бы соціалистическую партію въ оппозицію къ наиболѣе рвущейся въ бой наиболѣе развитой части организованныхъ американскихъ рабочихъ, стало быть, къ тѣмъ слоямъ, союзничество съ которыми намъ совершенно необходимо, если только соціалистическая партія хочетъ подняться до политической власти... Современныя условія понуждаютъ насъ сдѣлать важную оговорку въ вопросѣ объ иммиграціи опредѣленныхъ и особыхъ національностей. Эта оговорка касается массоваго вторженія китайцевъ, японцевъ, корейцевъ и индусовъ въ Соединенные Штаты. Мы требуемъ безусловнаго исключенія (the unconditional exclusion) этихъ расъ,—не расъ какъ таковыхъ, т. е. не ради ихъ опредѣленныхъ тѣлесныхъ признаковъ, а на томъ рѣшительномъ основаніи, что онѣ выросли въ извѣстныхъ зонахъ земли, въ которыхъ онѣ, какъ психологически, такъ и экономически, столь далеко отстали отъ современнаго мірового развитія промышленности, что представляютъ собою препятствіе и опасность для прогресса какъ разъ самыхъ передовыхъ,

---

*) Цитирую по любопытной статейкѣ Макса Шиппеля «Иммиграція цвѣтныхъ рабочихъ» въ уже упомянутомъ выпускѣ «Sozialistische Monatshefte», стр. 1009.

боевыхъ и просвѣщенныхъ элементовъ нашего рабочаго класса. Наиболѣе могущественные и богатые представители нашихъ господствующихъ классовъ, крупные капиталисты, эти дѣйствитально серьезные и вліятельные противники борющагося рабочаго класса, и являются тѣми, кто извлекаетъ выгоды изъ иммиграціи упомянутыхъ странъ».

То же самое въ сущности говорила резолюція, предлагавшаяся и меньшинствомъ комиссіи. А въ результатѣ Чикагскимъ конгрессомъ было вотировано слѣдующее компромиссное предложеніе, внесенное Моррисомъ Хилкуитомъ, который считается однимъ изъ наиболѣе образованныхъ, дальновидныхъ и принципіальныхъ соціалистовъ Сѣверной Америки: «Соціалистическая партія Соединенныхъ Штатовъ поддерживаетъ всѣ тѣ законныя мѣропріятія, которыя стремятся воспрепятствовать иммиграціи штрейкбрехеровъ и законтрактованныхъ рабочихъ, равно какъ массовому ввозу иноземной рабочей силы со стороны предпринимательскаго класса съ цѣлью ослабленія организаціи рабочаго класса и пониженія жизненнаго уровня американскихъ трудящихся. Партія борется противъ исключенія какихъ бы то ни было иммигрантовъ за ихъ расу и національность и требуетъ, чтобы Соединенные Штаты оставались всегда страною свободнаго убѣжища для всѣхъ мужчинъ и женщинъ, которые преслѣдуются ихъ туземными правительствами по причинѣ ихъ политики, религіи и расы» *).

Какъ вамъ нравится эта яко бы соціалистическая резолюція, вторая часть которой столь удачно заушается первой? Сѣвероамериканскіе соціалисты ничего, видите ли, не имѣютъ ни противъ расы, ни противъ національности, и даже широко раскрываютъ двери свободной республики для всѣхъ гонимыхъ. Но они въ то же самое время энергично захлопываютъ эти самыя двери передъ носомъ тѣхъ изъ только что столь любезно приглашенныхъ гостей, на которыхъ имъ будетъ угодно наклеить ярлыкъ штрейкбрехеровъ и понижателей заработной платы. Пусть читатель припомнитъ себѣ, въ интересахъ большаго выясненія этого вопроса, то, что говорила резолюція большинства комиссіи: мы, молъ, боремся съ чужими расами не какъ съ расами, а какъ съ группами людей, которые привыкли къ низшимъ культурнымъ условіямъ и сбиваютъ плату у сѣверо-американскихъ рабочихъ, выработавшихъ болѣе высокій уровень потребностей. Не повторяетъ ли въ сущности это лицемѣрное и противорѣчивое разсужденіе ту самую аргументацію, которая пускается, напр., въ ходъ злѣйшими антисемитами? Эти господа тоже, видите ли, не имѣютъ ничего противъ евреевъ ни съ точки зрѣнія расовыхъ признаковъ, ни изъ-за религіи. Но они усматриваютъ въ нихъ лицъ, обладающихъ свойствами эксплуататорства и наносящихъ глубокій вредъ тому населенію,

*) Ibid., стр. 1011.

среди котораго евреи поселились. То же самое, буквально то же самое, и развиваетъ резолюція американской Соціалистической партіи.

Между тѣмъ, если бы, дѣйствительно, въ этомъ вопросѣ американцы желали остаться на высотѣ соціалистическаго міровоззрѣнія, развѣ они не могли бы формулировать свою резолюцію такъ, какъ ее формулируютъ въ вопросахъ о чужестранныхъ рабочихъ всѣ послѣдовательныя соціалистическія партіи Европы? Да, конечно, чужестранцы, притекающіе изъ странъ съ низкимъ уровнемъ культурныхъ потребностей, несомнѣнно понижаютъ заработную плату болѣе высокой страны и представляютъ дешевую приманку для алчныхъ капиталистовъ, этихъ истинныхъ интернаціоналистовъ эксплуатаціи, которымъ дороже всего не интересы отечества, а размѣры прибыли. Но именно поэтому-то всѣ уважающія себя партіи европейскаго соціализма ставятъ своимъ требованіемъ установленіе минимальной заработной платы для рабочихъ своей собственной страны и распространеніе этого минимума на всѣхъ иммигрирующихъ рабочихъ, чтобы воспрепятствовать такимъ образомъ отечественнымъ капиталистамъ прибѣгать къ этому дешевому пушечному мясу фабрикъ и заводовъ.

Конечно, спору нѣтъ, эти резолюціи рабочихъ организацій не могли еще проявить сильнаго дѣйствія на законы капиталистическихъ странъ, правительства которыхъ находятся въ рукахъ имущихъ и правящихъ классовъ. Но, по крайней мѣрѣ, намѣченъ тотъ единственно правильный путь рѣшенія сложныхъ вопросовъ иммиграціи, который только и совмѣстимъ съ вѣрностью принципамъ международной солидарности труда. Что-же дѣлаютъ сѣверо-американскіе соціалисты? Они съ самаго же начала становятся на точку зрѣнія безъидейныхъ демагоговъ, которые подъ предлогомъ борьбы противъ магнатовъ капитала и защиты широкихъ рабочихъ слоевъ налагаютъ тягчайшія цѣпи ограниченія на ихъ же братьевъ другихъ расъ и національностей. Мы видимъ, такимъ образомъ, какъ еще сложны практическія задачи осуществленія соціализма въ разныхъ странахъ, и какъ зорко приходится представителямъ международнаго соціализма вглядываться въ мѣстныя особенности экономической и политической борьбы, чтобы на почвѣ различныхъ отношеній рѣшать въ духѣ истиннаго соціализма всѣ задачи современности.

Эта крайняя напряженность расовой вражды замѣчается, конечно, далеко не во всѣхъ странахъ, входящихъ въ составъ международнаго соціализма. Но, напр., слегка затронутый нами выше вопросъ о формахъ сожительства различныхъ національностей въ одномъ государствѣ играетъ въ настоящее время громадную роль на территоріи всѣхъ тѣхъ политическихъ союзовъ, которые включаютъ въ себѣ значительное количество различныхъ этническихъ и культурныхъ элементовъ. Возьмите хотя бы, напр., ту же

Австрію, которой мы касались раньше. Какъ извѣстно, по переписи 1900 г., изъ 100% ея населенія лишь немногимъ больше трети, или, точнѣе говоря, 35,8% представлены нѣмецкимъ элементомъ, претендующимъ на политическую и культурную гегемонію. Остальные 64,2%, или почти 2/3, образованы другими расами и національностями. При чемъ на долю чеховъ, моравовъ и словаковъ приходится болѣе 23% всѣхъ жителей, на долю поляковъ—около 17%, на долю русиновъ болѣе 13%, а затѣмъ слѣдуютъ словинцы, сербо-кроаты, итальянцы, румыны и т. д. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что въ такомъ государствѣ не должно быть и рѣчи о подавленіи одной національности другою, если не хотятъ нанести самый страшный вредъ прогрессу общечеловѣческой цивилизаціи и современной культуры. И мы, дѣйствительно, видимъ, что успѣхи образованности и гуманности въ этомъ конгломератѣ націй и расъ тѣсно связаны со взаимными уступками, которыя одна національность оказываетъ другой и въ свою очередь получаетъ отъ третьей. Проницательные историки даже просто демократическаго направленія указывали не разъ, какъ гибельны были для политическаго прогресса страны столкновенія національностей въ Австріи. Припомните только роль кроатовъ въ усмиреніи либеральнаго венгерскаго движенія, согрѣшившаго въ 1848 г. объединительными мадьярскими тенденціями*). Приведите себѣ на память маккіавелевскую политику Таафе, который въ теченіе 13-ти лѣтъ умѣло практиковалъ тактику знаменитаго «желѣзнаго кольца», сковывавшаго развитіе всѣхъ національностей Австріи въ угоду 86 представителей крупнаго владѣнія въ прежнемъ парламентѣ, основанномъ на куріяхъ. И все это благодаря тому, что ловкій министръ умѣлъ «играть одной націей противъ другой», въ концѣ концовъ преслѣдуя лишь одну цѣль: торжество династически-феодальныхъ интересовъ, скрѣплявшихъ въ одно реакціонное цѣлое магнатовъ землевладѣнія и австрійскую монархію.

То, что мы видимъ теперь въ новомъ австрійскомъ парламентѣ, основанномъ на всеобщей подачѣ голосовъ, является не опроверженіемъ, а дальнѣйшимъ подтвержденіемъ нашей мысли. Да, и съ введеніемъ принципа всеобщей подачи голосовъ политическій и соціальный прогрессъ въ Австріи развивается пока медленно, нерѣшительно, причудливыми зигзагами, но именно потому, что и въ этомъ парламентѣ происходитъ ожесточенная борьба національностей, изъ которыхъ каждая хочетъ поработить себѣ другую. Улуч-

---

*) Кстати сказать, и Венгрія представляетъ собой такой же конгломератъ. Въ ней господствующая, мадьярская, національность едва-едва превышаетъ половину всего населенія (51,4%); остальная половина состоитъ изъ румыновъ (16,6%), словаковъ (11,9%), нѣмцевъ (11,9%) сербо-кроатовъ (3,7%), и т. д. Все, что можно сказать объ условіяхъ нормальнаго политическаго и культурнаго развитія въ Цислейтаніи, приложимо, стало быть, и къ Транслейтаніи.

шеніе несомнѣнно лишь въ одномъ отношеніи. Теперь политическое уравненіе приведено въ простѣйшій видъ. Въ парламентѣ борются сами націи въ лицѣ представителей широкихъ слоевъ, а не выразители тенденцій исключительно высшихъ классовъ и привилегированныхъ сословій каждой націи, какъ то было въ прежнемъ куріальномъ парламентѣ. Или, какъ говоритъ извѣстный демократъ и соціалистъ Пернерсторферъ въ своей статьѣ «Парламентъ всеобщаго избирательнаго права въ Австріи»: «Новое народное представительство впервые поставило націи во всей ихъ дѣйствительной силѣ на собственныя ноги. Чрезвычайно характеристично, что въ той Австріи, въ которой феодальные сеньоры обладали всегда такимъ громаднымъ значеніемъ, да еще обладаютъ имъ и теперь, при первыхъ же выборахъ на основаніи всеобщаго избирательнаго права было послано въ парламентъ такъ мало представителей высшаго дворянства. Ихъ не наберется, конечно, и дюжины. Даже въ странѣ священной шляхты, въ Галиціи, успѣхъ феодаловъ былъ поразительно малъ. Такимъ образомъ, въ современномъ австрійскомъ парламентѣ націи дѣйствительно представлены всѣми своими народными слоями, и только теперь національная проблема можетъ и должна проявиться во всей своей чистотѣ» *).

Но если мы обратимъ вниманіе на то, какъ мало удалось сдѣлать до сихъ поръ обновленному австрійскому парламенту въ политической и соціальной области, то мы не можемъ не придти къ заключенію, что настоящее рѣшеніе всѣхъ трудностей положенія можетъ лежать лишь въ предварительной выработкѣ братскаго сожительства различныхъ національностей. А это гораздо удобнѣе осуществить, идя по пути общечеловѣческихъ идеаловъ соціалистической солидарности, ставя на первый планъ вопросы борьбы труда и свободы противъ капитала и гнета въ интересахъ созиданія новаго лучшаго строя для всѣхъ трудящихся, чѣмъ ревностно преслѣдуя торжество національнаго принципа во всѣхъ сферахъ жизни. Именно искренніе соціалисты безъ всякаго усилія могутъ согласиться на самое широкое политическое самоопредѣленіе расъ и національностей. Ибо они увѣрены въ томъ, что самъ естественный процессъ обмѣна между націями и расами ослабитъ, а затѣмъ и совсѣмъ уничтожитъ всѣ тѣ зоологическія особенности ихъ, которыя остаются лишь наслѣдіемъ тяжелаго прошлаго и даютъ неизмѣримо меньше шансовъ для всесторонняго развитія личности, въ сущности достижимаго только при самомъ широкомъ общеніи всѣхъ національностей и расъ на почвѣ общечеловѣческаго братства. Конечно, это пока лишь идеалъ. Но трудности приближенія къ нему не должны парализовать энергіи убѣжденныхъ соціалистовъ. И не съ чувствомъ злорадства, а съ чув-

*) «Soz. Monatshefte», стр. 1015.

ствомъ глубокаго сожалѣнія приходится констатировать тотъ фактъ, что націоналистическія тенденціи до сихъ поръ еще черезчуръ живучи въ умахъ тѣхъ самыхъ людей, которые въ теоріи готовы провозглашать себя послѣдовательными интернаціоналистами.

По крайней мѣрѣ, въ той же самой Австріи лишь соціалисты обнаружили въ своей средѣ наиболѣе активное противодѣйствіе націоналистическимъ тенденціямъ, проявляющимся до сихъ поръ у представителей нѣкоторыхъ рабочихъ организацій Австріи. Между тѣмъ только на этомъ пути возможно будетъ обломать острія у враждебныхъ столкновеній между различными національными союзами, которыхъ исторія посадила, словно стаю враждебныхъ звѣрей, въ желѣзную клѣтку основаннаго на завоеваніи государства. Мы думаемъ, впрочемъ, что вообще въ странахъ восточной Европы съ разнороднымъ населеніемъ, въ родѣ Австріи, Венгріи, Турціи, Россіи, культурный и политическій прогрессъ будетъ зависѣть отъ того, насколько представителямъ труда удастся ослабить всѣ тѣ чисто націоналистическія тенденціи, которыя съ такой охотой культивируются и эксплуатируются господствующими классами каждой національности, видящими прямую выгоду въ томъ, чтобы борьба между горизонтально расположенными соціальными слоями одного и того же общества уступала мѣсто борьбѣ между вертикально отграниченными національными и политическими организмами, заключающими въ себѣ всѣ этажи общественной пирамиды: и эксплуататоровъ, и эксплуатируемыхъ, и угнетателей, и порабощенныхъ...

IV.

Но международный соціализмъ заключаетъ въ своихъ нѣдрахъ и нѣсколько другихъ назрѣвающихъ вопросовъ, которые пока не дебатировались еще или уже перестали дебатироваться временно на этихъ собраніяхъ представителей всемірнаго труда, но которые должны рано или поздно привлечь вниманіе и интернаціональныхъ съѣздовъ. Такъ, временно замолкъ, но долженъ будетъ необходимо возродиться вопросъ объ участіи соціалистовъ въ буржуазномъ министерствѣ,—вопросъ, который, хотя и былъ рѣшенъ отрицательно на Амстердамскомъ конгрессѣ 1904 г., но продолжаетъ тревожить сознаніе соціалистическихъ партій въ различныхъ странахъ міра и рано или поздно долженъ будетъ выплыть на интернаціональныхъ конгрессахъ.

Мы знаемъ, что международный соціализмъ имѣлъ свою «министерскую чашку чая», которая прельстила отдѣльныхъ членовъ и даже вліятельныя группы соціалистическихъ партій. Правда, до сихъ поръ эта попытка соціализма захватить себѣ часть реальной власти уже въ современномъ классовомъ государствѣ не удалась. Достаточно обратить безпристрастный взоръ на Францію, чтобы

видѣть, въ какой степени дѣятельность Бріана, Миллърана и Вивьяни принесла мало существенной пользы не только для рабочаго класса, но и для всей страны въ соціальномъ и политическомъ смыслѣ; какъ она вызвала расколъ и обезцвѣтила положительную и отрицательную работу соціалистической партіи, бросила роковое сомнѣніе въ умы рабочихъ и парадоксальнымъ, но понятнымъ обратнымъ ударомъ ослабила даже прогрессивные элементы въ программѣ стараго французскаго радикализма: чего стоятъ одни заявленія Бріана о необходимости усиленной борьбы съ «апашами»! Но демонъ-искуситель исторіи, повидимому, готовитъ испытанія на этомъ поприщѣ соціалистическимъ партіямъ и другихъ странъ. Въ Италіи, въ Бельгіи, въ скандинавскихъ государствахъ, можетъ быть, даже въ юго-западной Германіи съ большей или меньшей ясностью обрисовывается перспектива приглашенія того или другого соціалиста въ члены буржуазнаго министерства.

Напримѣръ, въ той самой Даніи, столица которой давала гостепріимство международному конгрессу, еще весной этого года поднимался вопросъ о возможности «сотрудничества классовъ» въ видѣ участія соціалистовъ въ лѣво-радикальномъ министерствѣ и соотвѣтственной поддержки рабочими организаціями въ странѣ передовой политики крайней буржуазіи. Правда, избирательной судьбѣ угодно было распорядиться иначе. На майскихъ выборахъ въ фолькетингъ умѣренные консерваторы, игравшіе на струнѣ шовинизма и военщины, взяли верхъ своими 180.000 голосовъ противъ 163000 голосовъ крайней радикальной и соціалистической коалиціи. Но это можно считать лишь простою случайностью. И тогда возникаетъ вопросъ: а что если политическая конъюнктура измѣнится въ благопріятномъ смыслѣ для формальнаго союза крайнихъ буржуазныхъ и соціалистическихъ партій? Не сыграетъ ли тогда свою роль министерская чашка въ оппозиціонномъ настроеніи соціалистовъ? И не будетъ ли суждено исторіи скандинавскихъ странъ внести въ свою политическую лѣтопись дѣятельность датскихъ Миллърановъ и Бріановъ? Точно также съ воцареніемъ новаго короля въ Бельгіи духъ умѣреннаго реформизма начинаетъ все сильнѣе и сильнѣе вѣять въ рядахъ мѣстной соціалистической партіи. Да и на югѣ Европы, въ странѣ классическихъ «комбинацій», можно ожидать такого положенія вещей, когда всѣ буржуазныя партіи, вплоть до самыхъ радикальныхъ, истощивъ свою жизненную энергію во взаимныхъ подсиживаніяхъ, обратятся за свѣжими силами къ умѣренному направленію соціалистической партіи и создадутъ коалицію капитала и труда на Апеннинскомъ полуостровѣ. Наконецъ, существуетъ мнѣніе, что и въ юго-западной и южной Германіи, въ Баденѣ, Баваріи, Вюртембергѣ, дальнѣйшее развитіе обще-германской оппозиціи можетъ вызвать обстоятельства, при которыхъ потомки мѣстныхъ ландесфатеровъ не будутъ ничего имѣть противъ того, чтобы соціалисты, въ родѣ Фолльмара, уже

получившаго ироническое названіе «не-коронованнаго короля Баваріи», приняли участіе въ рѣшеніи государственныхъ задачъ, окрашивая демократическую политику нѣкоторыми соціальными требованіями.

Будущее, какъ говорили греки, лежитъ на лонѣ боговъ. И никто не можетъ съ точностью предвидѣть тѣхъ комбинацій, въ какія сложится даже ближайшій ходъ современной исторіи. Но судя по тому, что мы уже видѣли на почвѣ Третьей республики, вопросъ объ участіи соціалистовъ въ томъ или другомъ изъ буржуазныхъ кабинетовъ отнюдь не можетъ принадлежать къ категоріи невозможностей и даже невѣроятностей. Не нынче, завтра, и этотъ вопросъ можетъ возникнуть и вызвать необходимость такого или иного отвѣта со стороны международнаго конгресса. Пишущій эти строки принадлежитъ къ убѣжденнымъ противникамъ тактики «участія». Но онъ вполнѣ понимаетъ, что даже у людей вполнѣ искреннихъ и отдающихъ всѣ свои силы на служеніе соціализму можетъ возникать безкорыстное желаніе помочь дѣлу соціальнаго прогресса, уже теперь пытаясь захватить долю власти и государственнаго вліянія въ обществѣ. Я лично предвижу цѣлый рядъ тяжелыхъ коллизій на этой почвѣ въ мірѣ труда и не могу закрывать глаза на то, что не сегодня завтра, въ особенности, если политическая реакція, воплощенная въ Германской имперіи, будетъ сломлена или, по крайней мѣрѣ ослабнетъ, для международнаго соціализма создастся необходимость такъ или иначе реагировать на историческое искушеніе участія соціалистовъ въ современной государственной дѣятельности. Сравнительно примирительная точка зрѣнія, которую защищалъ Бебель на только что закрывшемся Магдебургскомъ съѣздѣ нѣмецкой соціалъ-демократіи, показываетъ, что старый и опытный вожакъ предчувствуетъ, какія практическія трудности готовитъ растущему соціализму нерѣшенный вопросъ о сожительствѣ «революціонеровъ» и «реформистовъ» внутри любой рабочей партіи.

Къ числу нерѣшенныхъ вопросовъ принадлежитъ точно также временно какъ бы находящійся въ спячкѣ, но способный завтраже всплыть на верхъ соціалистическаго сознанія вопросъ объ аграрной программѣ. Я предполагаю читателя достаточно знакомымъ съ перипетіями, какимъ подвергалось обсужденіе этого вопроса среди соціалистовъ разныхъ странъ. Мы знаемъ, что простѣйшая схема его рѣшенія въ духѣ ортодоксальнаго марксизма была сильно помята самою жизнью, что бы ни говорили защитники приблизительной однородности промышленнаго развитія во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что мелкая земельная собственность далеко не таетъ такъ быстро предъ лицомъ капиталистическаго солнца, какъ это думали сторонники концентраціи. А нѣкоторые утверждаютъ, что при извѣстныхъ условіяхъ эта форма мелкой земледѣльческой

дѣятельности не только отражаетъ побѣдоносно натискъ крупнаго капиталистическаго землевладѣнія, но даже переходитъ мѣстами въ наступленіе. Какъ-бы то ни было, въ тѣхъ странахъ, въ которыхъ историческій процессъ засталъ еще значительное число крестьянъ-собственниковъ, соціалистическія партія уже давно сочли нужнымъ ослабить прямолинейность первоначальныхъ формулъ и даже выдвинуть рядъ практическихъ требованій въ защиту земледѣльца, трудящагося на своемъ клочкѣ.

Вспомните аграрную программу французской гэдистской партіи, вотированную въ 1892 г. и подтвержденную въ 1894 г., равно какъ дружескую полемику противъ нея со стороны Энгельса, въ свою очередь не избѣжавшаго недомолвокъ и уступокъ. Вспомните также аналогичное предложеніе, которое внесъ насмѣлѣвшій къ тому времени Фолльмаръ на франкфуртскомъ конгрессѣ нѣмецкой соціалъ-демократической партіи, которая и своей бреславльской резолюціей не успѣла совсѣмъ отдѣлаться отъ «мелко-буржуазнаго» яда популярнаго представителя рабочихъ Баваріи. Съ тѣхъ поръ, несмотря на теоретическую и практическую войну противъ такого направленія со стороны нѣмецкой ортодоксіи, вопросъ остался въ нерѣшенномъ видѣ и на той же самой стадіи развитія, на какой изображала его книга Эдуарда Давида *). Нѣмецкая соціалъ-демократія до сихъ поръ боится вплотную подойти къ аграрной программѣ. И подобное же положеніе дѣлъ замѣчается внутри соціалистическихъ партій Бельгіи, Италіи, Даніи. Намъ нечего уже говорить о судьбѣ земельнаго вопроса въ Россіи, гдѣ остановленная насильственно реакціей программа трудового крестьянскаго владѣнія заняла существенное мѣсто въ ряду соціалистическихъ требованій и въ различныхъ скрытыхъ формахъ, вплоть до муниципализаціи, окрасила собой даже дотолѣ «чистую» въ доктринальномъ смыслѣ платформу русскаго марксизма.

Въ настоящее время вопросъ о томъ, какъ же поступать съ мелкой крестьянской собственностью, возрождается, повидимому, съ новой силою въ скандинавскихъ странахъ. Въ уже упомянутомъ нами «интернаціональномъ номерѣ» ревизіонистскаго журнала находится любопытная въ этомъ отношеніи статья Олафа Кригена «Земельный вопросъ въ норвежской соціалъ-демократіи». По словамъ автора, эта партія выставляетъ своимъ требованіемъ, чтобы «государство объявило себя верховнымъ собственникомъ всей земли и всѣхъ связанныхъ съ нею правъ и угодій» **). Далѣе, устами этого писателя, норвежская соціалъ-демократія требуетъ, «чтобы общинамъ было дано право экспропріаціи для созданія мелкихъ хозяйствъ. Эти хозяйства должны отдаваться каждому въ пользова-

---

*) См. Eduard David, „Socializmus und Landwirtschaft"; Берлинъ, 1903, т. I, въ особенности стр. 38 и слѣд.

**) „Soz. Monat"., стр. 1059.

ніе, но не становиться объектомъ такого владѣнія, которое сопряжено съ отчужденіемъ, тогда какъ упомянутое право пользованія должно стать наслѣдственнымъ въ семьѣ». И авторъ цитируетъ такія сельскія общины, которыя «способны уже къ началу воспріятія соціалистическихъ формъ труда». Такъ онъ изображаетъ одну чисто сельскую общину, въ которой печатается чисто соціалистическій листокъ и которая громаднымъ большинствомъ голосовъ послала въ стортингъ представителя труда. И если, по моему мнѣнію, Крингенъ черезчуръ идиллически изображаетъ настроеніе даже крупныхъ крестьянъ своей родины, якобы благодушно относящихся къ соціалистической пропагандѣ, то, во всякомъ случаѣ, заслуживаютъ вниманія указанія этого писателя на чисто климатическія и хозяйственныя условія Норвегіи въ видѣ узкихъ долинъ, крутыхъ склоновъ и уединенно-разбросанныхъ способныхъ къ обработкѣ земельныхъ участковъ, которые дѣлаютъ возможнымъ лишь веденіе мелкаго хозяйства. «Объ общественномъ производствѣ могла бы здѣсь идти рѣчь лишь совсѣмъ въ отдѣльныхъ мѣстностяхъ»,—замѣчаетъ Крингенъ *).

Такимъ образомъ земельный вопросъ можетъ скоро потребовать своего разрѣшенія въ программѣ соціалистическихъ партій различныхъ націй, а потомъ и на международныхъ конгрессахъ. И нѣтъ сомнѣнія, что отъ этого вопроса въ его конкретныхъ формахъ нельзя будетъ отдѣлаться ссылкою на общіе законы экономическаго развитія, болѣе или менѣе общіе, молъ, какъ для города, такъ и для деревни. Не принадлежа лично къ страстнымъ поклонникамъ мелкаго крестьянскаго хозяйства, которое, по моему глубокому убѣжденію, нигдѣ до сихъ поръ не осуществляетъ достаточно благопріятныхъ условій и для развитія личности, и для укрѣпленія широкой общественной солидарности, я тѣмъ не менѣе увѣренъ, что соціалистическому интернаціоналу придется серьезно заняться аграрнымъ вопросомъ и въ частности установить хотя бы въ самыхъ общихъ чертахъ формулу, представляющую компромиссъ между соціалистическимъ требованіемъ коллективнаго производства и историческимъ пока еще очень распространеннымъ видомъ трудовой дѣятельности деревенскаго населенія.

V.

Не должно, однако, оставаться подъ впечатлѣніемъ этихъ назрѣвающихъ и еще нерѣшенныхъ вопросовъ соціализма. Самое обиліе ихъ показываетъ, что міровоззрѣніе труда проникаетъ во всѣ сферы общественной жизни и мысли, на все отзывается и все старается освѣтить сіяніемъ общечеловѣческаго идеала. Современ-

*) Ibid., стр. 1059—1060 passim.

ному соціализму по истинѣ не чуждо ничто человѣческое, и во многихъ отношеніяхъ онъ даже является прямымъ преемникомъ той нѣкогда небезславной буржуазіи, которая съ конца 18-го вѣка и почти до половины 19-го была въ лучшихъ своихъ представителяхъ носительницею высоко гуманныхъ идеаловъ какъ личныхъ, такъ и общественныхъ, а отчасти и международныхъ. Поэтому, совершенно правъ былъ Жорэсъ въ своей рѣчи, произнесенной на грандіозной манифестаціи, которая собрала 80.000 человѣкъ, въ день открытія Копенгагенскаго конгресса. Извиняясь передъ датчанами, что онъ не можетъ обратиться къ нимъ непосредственно на ихъ родномъ діалектѣ, Жорэсъ воспользовался этимъ ораторскимъ вступленіемъ для того, чтобы выразить общечеловѣческій и глубоко прогрессивный характеръ новаго міросозерцанія: «соціалисты говорятъ всѣ на одномъ и томъ же языкѣ, ибо соціализмъ обладаетъ двойнымъ качествомъ: онъ не только не утушаетъ особенныхъ свойствъ каждой расы, но наоборотъ, онъ придаетъ имъ настоящее значеніе, и каждая нація вноситъ въ него оригинальную долю своего генія. Отвѣтственность соціализма растетъ вмѣстѣ съ его могуществомъ. Это онъ ведетъ теперь искреннихъ демократовъ въ битву ради завоеванія свободы и человѣческой гордости противъ абсолютизма, божественнаго права, феодальной аристократіи, буржуазной олигархіи и противъ капитала. Это онъ превратитъ всѣхъ людей въ братьевъ и всѣ націи въ сестеръ» *).

Ростъ соціализма выражается не только въ разнообразіи и громадности вопросовъ, которые требуютъ у него рѣшенія: у кого много есть, съ того много и спросится. Но эти успѣхи міра труда и въ сферѣ мысли, и въ области жизни какъ нельзя лучше подтверждаются тѣми притѣсненіями, которыми обрушиваются противъ соціализма въ еще молодыхъ или, наоборотъ, въ еще очень отсталыхъ странахъ и темныя силы реакціи, и давленіе правительственнаго деспотизма, и алчные аппетиты привиллегированныхъ эксплуататоровъ.

Въ любопытной статейкѣ «Клерикализмъ и соціализмъ въ Испаніи» **) соціалистическій депутатъ Пабло Иглесіасъ рисуетъ намъ, наприм., свою страну подъ угломъ зрѣнія, который покажется довольно необычнымъ для большой публики. Такъ онъ утверждаетъ, что, вопреки принятому мнѣнію, въ Испаніи болѣе почти нѣтъ религіознаго фанатизма, и что соціалисты въ самыхъ отдаленныхъ, самыхъ заброшенныхъ углахъ Иберійскаго полуострова могли смѣло обращаться къ крестьянамъ съ рѣзкими свободомыслящими заявленіями, не вызывая у нихъ протеста. Что касается до городовъ, то здѣсь клерикализмъ находитъ ожесточенныхъ враговъ не только среди рабочихъ большихъ центровъ, но даже и между фабрикантами, иду-

---

*) «L'Humanité», № 2325 отъ 29 августа 1910 г.
**) «Soz. Monat.» стр. 1029—1033.

щими въ послѣднее время въ лицѣ представителей «Союза промышленности и торговли» противъ господства религіозныхъ орденовъ. По мнѣнію Иглесіаса, современный испанскій клерикализмъ столь же въ извѣстномъ смыслѣ искусственное, а именно династическое явленіе, какъ въ Австріи. Мать короля въ особенности потрудилась надъ развитіемъ религіознаго фанатизма въ Испаніи, превративъ королевскій дворецъ въ главную квартиру всѣхъ отчаянныхъ клерикаловъ и враговъ свѣтскаго прогресса. Дворъ, знатное дворянство, нѣкоторая часть самыхъ крупныхъ капиталистовъ, лѣзущихъ въ аристократію и обдѣлывающихъ при помощи своихъ связей темныя дѣлишки,—вотъ главная опора такъ называемаго испанскаго фанатизма, который, какъ насъ увѣряетъ Иглесіасъ, производитъ иллюзію лишь на иностранца, но въ настоящее время уже не имѣетъ корней въ странѣ.

Это не мѣшаетъ правительству, опираясь на магнатовъ капитала, заинтересованныхъ вмѣстѣ съ дворянствомъ и высшей военной администраціей въ марокккской авантюрѣ, жестоко подавлять соціалистовъ во имя «престола, религіи и собственности» и прибѣгать ко всевозможнымъ мѣрамъ репрессіи, чтобы остановить растущее рабочее движеніе. У всѣхъ еще въ памяти ужасающія сцены Барселонскаго «усмиренія», сведшагося къ разстрѣливанію невинныхъ и достойно завершившагося юридическимъ убійствомъ Феррера. И однако испанская партія труда неудержимо развивается, насчитываетъ въ настоящій моментъ уже 200 секцій, 40 спеціальныхъ союзовъ для юношества и женщинъ, располагаетъ 12 еженедѣльными газетами и въ одномъ Мадридѣ насчитываетъ 110 кооперативныхъ и соціалистическихъ организацій съ 30.000 членовъ, представители которыхъ сходятся въ прекрасномъ зданіи Народнаго Дома. Рѣшительное сопротивленіе испанской соціалистической партіи реакціоннымъ мѣрамъ теперь павшаго министерства Мауры и давленіе въ союзѣ съ республиканцами на половинчатую реформаторскую дѣятельность кабинета Каналехаса вызываютъ всеобщія симпатіи къ представителямъ міровоззрѣнія труда и позволяютъ надѣяться на дальнѣйшіе успѣхи партіи въ Испаніи.

По ту сторону океана, въ далекой Аргентинѣ, ростъ трудовыхъ партій, говорящихъ тоже на испанскомъ языкѣ, вызвалъ уже къ жизни роковые конфликты между правящими классами и государствомъ съ одной стороны и соціалистическими элементами съ другой. Съ лѣта нынѣшняго года борьба ведется съ двухъ сторонъ самыми ожесточенными способами. На объявленіе всеобщей стачки, которая имѣла своею цѣлью напугать буржуазію перспективою отсрочки открытія международной выставки въ Буэносъ-Айресѣ, рабочимъ организаціямъ было отвѣчено дикимъ нападеніемъ буржуазнаго студенчества столицы на соціалистическія редакціи газетъ и типографіи. А когда нѣкоторая часть горячихъ головъ изъ

рабочихъ иммигрантовъ прибѣгла къ «прямому воздѣйствію», правительство Лаплаты обрушилось уже на весь рабочій классъ республики безъ различія цѣлой массой драконовскихъ мѣръ. И однако и въ этой странѣ рабочее движеніе принимаетъ все болѣе и болѣе крупные размѣры, между тѣмъ какъ классовая борьба выражается послѣднее время со стороны правительства и имущихъ классовъ въ самыхъ безчеловѣчныхъ формахъ поголовной репрессіи, а среди массъ въ яркой ненависти къ гнету и шовинизму верховъ,—судя по тому изображенію «Тенденцій южно-американскихъ рабочихъ столкновеній», которое даетъ намъ Мануэль Ухартэ *).

Ширится и растетъ рабочій соціализмъ и въ далекой экзотической Японіи, которая переживаетъ въ данный моментъ приступъ жесточайшей соціальной реакціи, направленной противъ представителей организующагося труда. Сэнъ-Катайяма, которому, кстати сказать, японское правительство отказало въ паспортѣ на копенгагенскій конгрессъ подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ долженъ будетъ судиться за нарушеніе законовъ страны агитаціей среди рабочихъ, сообщаетъ, что мѣстнымъ соціалистамъ приходится выдерживать отчаянную борьбу противъ правительства и эксплуататоровъ, до сихъ поръ несдерживаемыхъ въ своемъ капиталистическомъ хищничествѣ ни малѣйшимъ фабричнымъ закономъ. Шовинистская волна, широко разлившаяся по Японіи наканунѣ и во время войны съ Россіею, сильно способствовала походу правительства противъ сторонниковъ трудового міровоззрѣнія, потрясла и опустошила многія рабочія организаціи и соціалистическіе кружки Имперіи. Теперь, когда снова стоитъ у руля правленія милитаристское министерство Катсуры, борьба властей съ соціализмомъ принимаетъ въ Японіи особенно рѣзкія формы, вызывая террористическіе акты со стороны подавляемыхъ элементовъ. А правительство пользуется этими вспышками, чтобы безжалостно преслѣдовать всякія проявленія соціализма, какъ теоретическія, такъ и практическія. Но партія труда въ Японіи и подъ напоромъ соціальной и политической реакціи исполнена увѣренности, что, будуть ли съ ней обращаться «мягко или грубо», какъ выражается Катайяма, **) она все таки будетъ дѣлать свое дѣло, стараясь вырвать трудящіяся массы страны изъ-подъ гнета имущихъ классовъ, не знающихъ предѣла въ своей эксплуатаціи и находящихъ лучшую опору въ шовинистскихъ и реакціонныхъ министерствахъ.

Соціалистическая жилка все сильнѣе начинаетъ биться и въ отсталыхъ экономически или заснувшихъ политически, казалось, на вѣкъ странахъ юго-востока Европы, передней Азіи и Африки. Такъ, въ Болгаріи, гдѣ формы конституціонализма плохо прикрываютъ личный режимъ и деспотическія стремленія нынѣшняго

*) «Soz. Monat.», стр. 1096—1099.
**) См. его статью о «Соціализмѣ въ Японіи»; Ibid., стр. 1084.

«царя», соціалистамъ приходится бороться не только ради торжества трудовыхъ идеаловъ, но и въ интересахъ укрѣпленія истинно-демократическаго режима. Партія труда, несмотря на внутреннія разногласія, представляетъ собою и наиболѣе жизненную прогрессивную организацію страны, къ которой далеко не всегда примыкаютъ въ борьбѣ за свободныя политическія учрежденія крайніе элементы буржуазіи, напр., такъ называемые радикалъ-демократы и члены крестьянскаго союза. По словамъ соціалиста Янко Заказова, «ближайшія задачи» болгарской соціалистической партіи и состоятъ въ томъ, чтобы участвовать въ «демократическомъ преобразованіи общественныхъ условій» и втягиваніи все большихъ слоевъ населенія въ политическую борьбу, тѣсно соединяемую съ соціальной. *)

И въ Турціи, которая удивляетъ міръ сплоченностью своихъ либеральныхъ элементовъ, главнымъ образомъ въ лицѣ прогрессивнаго офицерства, уже ярко обнаруживается борьба организующейся на новый ладъ буржуазіи противъ рабочихъ массъ, столько лѣтъ пребывавшихъ въ состояніи исторической спячки. Младотурки не только повторяютъ пріемы западно-европейской буржуазіи въ области національной политики, принося обильныя жертвы фетишу шовинистской централизаціи, и оффиціальнаго патріотизма. Они идутъ по стопамъ своихъ западныхъ предшественниковъ и въ борьбѣ противъ труда **). Не характерно ли, что едва рабочіе союзы Оттоманской имперіи, захватившіе 150 тысячъ тружениковъ въ различныхъ областяхъ промышленности, а особенно въ крупной капиталистической индустріи, ростущей на экзотическіе капиталы, успѣли предъявить самыя элементарныя требованія своимъ эксплуататорамъ, какъ либеральное правительство уже двинулось противъ турецкаго міра труда съ цѣлымъ дрекольемъ репрессив-

*) Ibid., 1070.

**) Въ очень интересной фактически книгѣ Найта о «Пробужденіи Турціи» переворотъ, совершенный въ Оттоманской имперіи, рисуется какъ «самая консервативная революція", которая когда-либо была въ мірѣ. И этотъ ея характеръ приписывается тому обстоятельству, что она была произведена „образованными и лучшими людьми" въ государствѣ, притомъ ранѣе „того момента въ экономическомъ и промышленномъ развитіи, когда то, что мы называемъ рабочимъ классомъ, начинаетъ измышлять политическія и соціальныя теоріи или, лучше сказать, принимаетъ мнѣнія зловредныхъ демагоговъ, сбивающихъ его съ пути". (E. F. Knight, „The Awakening of Turkey. A History of the Turkish Revolution"; Лондонъ, 1909, стр. 227—228). Яркой иллюстраціей къ этому взгляду, сложившемуся у Найта подъ вліяніемъ его младотурецкихъ друзей, можетъ служить сцена, изображенная тѣмъ же авторомъ на стр. 237—238, гдѣ съ явнымъ удовольствіемъ разсказывается, какъ турецкіе офицеры-патріоты усмиряли первую при конституціи стачку портовыхъ рабочихъ въ Галатѣ угрозами „разстрѣлять перваго же забастовщика, который не отправится немедленно на работу». Книга Найта, однако, въ общемъ заслуживала бы перевода на русскій богатствомъ и точностью свѣдѣній.

ныхъ мѣръ и запрещеній, направленныхъ противъ синдикатовъ? Между тѣмъ, рядомъ съ мужчинами, въ рабочихъ организаціяхъ Турціи начинаютъ принимать участіе и женщины, которыя успѣли напр., образовать совмѣстный синдикатъ прядильщиковъ и прядильщицъ. Въ общемъ, выражаясь словами мѣстнаго соціалиста, Абрагама Бенаройи, «промышленныя организаціи Турціи принимаютъ немалые размѣры и черезъ небольшой промежутокъ времени будутъ представлять собою еще одну новую силу въ интернаціональномъ рабочемъ движеніи. Въ этихъ союзахъ соціализмъ играетъ уже большую роль, въ особенности въ Салоникахъ, гдѣ соціалистическія идеи руководятъ шагами рабочихъ и освѣщаютъ ихъ путь» *).

Наконецъ, трогательная подробность: когда вспыхнуло конституціонное броженіе въ Персіи, вотъ уже четыре года потрясаемой смѣною революцій и контръ-революцій, соціалистическія идеи заявили о своемъ существованіи среди, казалось бы, совсѣмъ неразвитыхъ массъ. Рядомъ съ движеніемъ болѣе просвѣщенной части чиновничества, купечества и отчасти духовенства противъ деспотизма и феодальной организаціи, мѣстами обнаружилось въ поддерживающихъ это движеніе массахъ неопредѣленное, но сильное стремленіе къ соціализму, такъ что, напр., въ Тавризѣ «всѣ стали соціалъ-демократами», какъ, со словъ мѣстныхъ образованныхъ жителей, сообщаетъ намъ нѣкто Арташесъ Шахъ-Базіанъ, и партія насчитывала здѣсь во время революціи болѣе 12000 членовъ **). Конечно, было бы странно говорить пока о персидскомъ соціализмѣ. Но важно то, что уже одно слово «соціализмъ», обозначающее великое историческое теченіе, можетъ служить знаменемъ и символомъ всего хорошаго, къ чему тяготѣютъ впервые примыкающіе къ сознательному ходу человѣческой исторіи трудящіеся элементы отсталыхъ національностей.

Даже въ Египтѣ, гдѣ существуютъ четыре національныя партіи, стремящіяся къ водворенію свободнаго режима и изъятію родной страны изъ-подъ гнета англичанъ, самыя примитивныя демократическія требованія, въ родѣ безплатнаго и обязательнаго народнаго обученія, представляются сознанію мѣстныхъ реформаторовъ въ видѣ «соціалистическихъ». Надежды подавляемаго капиталистической и правительственной эксплуатаціей населенія, несомнѣнно, устремлены къ выработкѣ новаго и лучшаго соціальнаго строя. Правительство страны крайне подозрительно относится къ распространенію новыхъ идей среди феллаховъ, наказывая—фактъ почти невѣроятный и заслуживающій провѣрки!—египетскаго рабочаго штрафомъ «въ 160 марокъ, если онъ дерзнетъ обучать своихъ дѣтей грамотѣ», какъ сообщаетъ намъ въ отчетѣ о «Совре-

*) «Soz. Monat.», стр. 1081.

**) Ibid., стр. 1087.

меннномъ положенiи Египта» туземный соцiалистъ Салама-Мусса *). Повсюду въ Египтѣ функцiонируютъ теперь специальные уголовные трибуналы, которые состоятъ изъ богатыхъ сельскихъ землевладѣльцевъ, безжалостно осуждающихъ протестующаго крестьянина на ссылку въ оазисы Сахары, если онъ не можетъ внести залога въ 20.000 марокъ (sic!). А въ теченiе послѣднихъ мѣсяцевъ былъ изданъ законъ, который обязываетъ всякаго сельскаго работника въ возрастѣ отъ 13 до 25 лѣтъ идти, по приказанiю губернатора, на поля, гдѣ появляется хлопчатный червь, за опредѣленную, чрезвычайно низкую плату, воспрещая, такимъ образомъ, угнетаемому феллаху требовать мало-мальски сноснаго вознагражденiя въ тѣхъ случаяхъ, когда у крупныхъ землевладѣльцевъ наростаетъ потребность въ рабочихъ рукахъ. Соцiализма нѣтъ еще въ Египтѣ,—говоритъ намъ только что цитированный авторъ. Но, очевидно, и древняя страна фараоновъ стоитъ наканунѣ преобразованiй, которыя могутъ вызвать развитiе сознанiя не только въ интеллигентныхъ слояхъ населенiя, но и въ широкихъ трудящихся массахъ. Не характерно ли, что французское правительство, которое вотъ уже нѣсколько лѣтъ практикуетъ политику «сердечнаго соглашенiя» съ англiйскимъ правительствомъ, запретило въ Парижѣ собранiе египетскаго конгресса подъ тѣмъ предлогомъ, что младоегиптяне ведутъ агитацiю, подрывающую интересы Третьей республики?

И такъ, повсюду рабочее движенiе растетъ, соцiализмъ крѣпнетъ и расширяется и, несмотря на сложность практическихъ задачъ, вызывающихъ борьбу внутри различныхъ соцiалистическихъ партiй и на международныхъ конгрессахъ, резюмируетъ наиболѣе высокiе идеалы всего человѣчества. Онъ беретъ на себя роль защитниковъ всѣхъ притѣсненныхъ и угнетенныхъ. Онъ является глашатаемъ тѣхъ великихъ основъ общечеловѣческаго общежитiя, которые защищались въ свое время свободолюбивой буржуазiей, а нынѣ находятъ лучшихъ борцовъ въ рядахъ сознательныхъ рабочихъ.

Посмотрите на тѣ резолюцiи копенгагенскаго конгресса, которыя были вотированы на немъ наиболѣе единодушно и въ наиболѣе импозантныхъ формахъ. Международный соцiализмъ горячо протестуетъ противъ насилiй, чинимыхъ Россiей надъ Финляндiей. Онъ поднимаетъ громкiй протестъ противъ нарушенiя правъ убѣжища, которое практикуется не только Россiей, но и Англiей (дѣло индуса Саваркара). Онъ клеймитъ и реакцiонную политику клерикаловъ въ Испанiи, и буржуазныя репрессiи Аргентинскаго правительства, и младотурецкiй походъ противъ синдикатовъ. И онъ, наконецъ, выражаетъ самое глубокое негодованiе по поводу практикующейся еще повсюду смертной казни. Выражаетъ, благодаря удачной иронiи исторiи, какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда 30-ый съѣздъ нѣмецкихъ юристовъ энергично высказывается за

*) Ibid., стр. 1091.

сохраненіе этого варварскаго наказанія, заушая благородныя идеи, полвѣка тому назадъ высказывавшіяся просвѣщенной буржуазной демократіей, въ лицѣ лучшихъ представителей юридической науки въ родѣ Гольцендорфа; а кенигсбергскій съѣздъ врачей интересуется по этому вопросу лишь обсужденіемъ того, хорошо ли веревка душитъ повѣшеннаго.

И придется сказать, что если современный соціализмъ является прежде всего сознательнымъ движеніемъ рабочихъ массъ къ улучшенію своего соціально-политическаго положенія, и если по пути этого стремленія соціализму приходится порою сталкиваться съ трудностями рѣшенія нѣкоторыхъ сложныхъ практическихъ задачъ, то все же основная суть его все болѣе и болѣе обрисовывается въ своемъ великомъ общечеловѣческомъ значеніи. Новый Интернаціоналъ, подобно старому Интернаціоналу, съ гордостью можетъ сказать, какъ то говорилъ статутъ Международнаго Общества Рабочихъ, написанный рукою самого Маркса: «Интернаціональная рабочая ассоціація, равно какъ всѣ общества и лица, примыкающія къ ней, должны признавать основаніемъ своего поведенія по отношенію ко всѣмъ людямъ истину, справедливость и нравственность безъ различія цвѣта, вѣры и національности. Они считаютъ долгомъ людей требовать правъ человѣка и гражданина не только для самихъ себя, но для всякой личности, исполняющей свои обязанности. Нѣтъ правъ безъ обязанностей. Нѣтъ обязанностей безъ правъ» *).

Этими словами напутствія можно привѣтствовать въ его общей дѣятельности и современный международный соціализмъ, какіе бы нерѣшенные вопросы ни проводили еще граней между его идеалами и его будничной практикой.

Н. С. Русановъ.

---

*) Перевожу по первоначальному англійскому тексту, сообщенному Гильомомъ въ его очень документальной книгѣ: James Guillaume, «L'Internationale. Documents et souvenirs» (1864—1878); Парижъ, 1905, т. I, стр. 14. Авторъ совершенно кстати замѣчаетъ по этому поводу, что Марксъ, значитъ, отнюдь не насмѣхался надъ идеями нравственности и справедливости, какъ это «принято утверждать» (il est de tradition de prétendre).

На очередныя темы.

Богъ и Мымрецовъ.

Приведу два документа, выбравъ самые краткіе.

В. П. И.
Причтъ Троицкой церкви
села Новаго
Тобольскаго уѣзда
Марта 28 дня 1910 г.

Десятнику дер. Малысакской.

Предлагаю, по полученіи сего, выслать въ храмъ лицъ, поименованныхъ на оборотѣ, для исполненія долга исповѣди и Св. Причастія.

Священникъ *Павелъ Сосуновъ.*

Таковъ одинъ документъ. Коротко и ясно: тащить... Тащить къ Богу.

Другой документъ не менѣе характеренъ.

По указу Его Императорскаго Величества, 1908 года ноября 27 дня. Мировой Судья 4 уч. Черкасскаго Судебно-Мирового Округа, разобравъ уголовное дѣло по обвиненію Михаила и Даріи Ненадовъ и др. по 309 ст. Врем. Прав. о собр., нашелъ, что Приставъ 2 части г. Черкассъ просилъ подвергнуть обвиняемыхъ отвѣтственности за то, что они 13 іюля сего года устроили безъ надлежащаго разрѣшенія собраніе, на которомъ нѣкоторые изъ нихъ стояли на колѣняхъ и молились... Въ виду этого и на основаніи 119 и 122 ст. Уст. Угол. Суд. и 309 ст. Врем. прав. о собр. приговорилъ: Михаила Дмитріева Ненаду, Дарью Маркову Ненаду... (и т. д.—всего 15 человѣкъ) оштрафовать на шестнадцать (16) рублей каждаго съ замѣною арестомъ на четыре (4) дня каждаго.

Почти такъ же коротко и не менѣе ясно: не пущать... Не пущать къ Богу.

— Потому, намъ нельзя допущать дебошу...

Нельзя допущать, чтобы люди безъ надлежащаго разрѣшенія стояли на колѣняхъ и молились... Мымрецовъ остается вѣрнымъ себѣ во всѣхъ областяхъ жизни. Какъ извѣстно, «тащитъ онъ обыкновенно туда, куда рѣшительно не желаютъ попасть, а не пускаетъ туда, куда этого смертельно желаютъ» *). Такъ и тутъ, въ отношеніяхъ къ Богу: до совѣсти людей, которая ими руководитъ, ему нѣтъ никакого дѣла; онъ знаетъ лишь ихъ шиворотъ, за который можно схватить, и загривокъ, въ который можно накласть.

Думаю, что сказанное достаточно объясняетъ заголовокъ, взятый мною для статьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣляетъ и тему, которой я намѣренъ въ ней заняться. Впрочемъ, на этотъ разъ

*) Гл. И. Успенскій. „Будка“.

я ограничусь одной половиной этой темы,—остановлюсь на томъ лишь, какъ современный Мымрецовъ «не пущаетъ»...

I.

Полицейскій постъ на дорогѣ, ведущей къ Богу,—по крайней мѣрѣ, для тѣхъ, кто идетъ къ ней чинно и прямо, не сворачивая въ сторону,—оффиціально считается упраздненнымъ. И возстановить его до сихъ поръ случая не представилось,—даже подъ предлогомъ «успокоенія» этого сдѣлано не было. Отсутствіе будки не мѣшаетъ, конечно, Мымрецову по прежнему въ дѣлахъ вѣры хозяйничать, но это обстоятельство кладетъ все-таки замѣтный отпечатокъ на его дѣятельность, и, прежде чѣмъ говорить о послѣдней, не лишне будетъ на немъ остановиться. Для этого намъ придется прослѣдить исторію отношеній государственной власти къ вѣроисповѣднымъ вопросамъ за всѣ послѣдніе годы.

Готовность отказаться отъ полицейскаго вмѣшательства въ дѣла вѣры правительство изъявило, какъ извѣстно, довольно скоро,—гораздо раньше, чѣмъ оно оказалось вынужденнымъ объявить свободу въ другихъ отношеніяхъ. Послѣ первыхъ же проявленій «смуты» указомъ 12 декабря 1904 года повелѣно было «подвергнуть пересмотру узаконенія о правахъ раскольниковъ, а равно лицъ, принадлежащихъ къ инославнымъ и иновѣрнымъ исповѣданіямъ, и независимо отъ сего принять нынѣ же въ административномъ порядкѣ соотвѣтствующія мѣры къ устраненію въ религіозномъ бытѣ ихъ всякаго, прямо въ законѣ не установленнаго, стѣсненія». И надо сказать, что изъ всѣхъ «крупныхъ внутреннихъ преобразованій», обѣщанныхъ въ названномъ указѣ, лишь по данному пункту комитетъ министровъ, на который было возложено «быстрое и полное ихъ осуществленіе», дѣйствительно, кое-что сдѣлалъ. Можно думать, что въ глазахъ правящей бюрократіи эта именно уступка общественному мнѣнію и народнымъ нуждамъ являлась, съ одной стороны, вполнѣ назрѣвшей, а съ другой—для нея самой наименѣе тягостной. Какъ бы то ни было, уже 17 апрѣля 1905 года, т. е. за полгода до общаго манифеста о свободахъ, было утверждено положеніе комитета министровъ и послѣдовалъ указъ «объ укрѣпленіи началъ вѣротерпимости». Таково было отношеніе самодержавія къ религіозной свободѣ въ періодъ его отступленія: вѣроисповѣдныя позиціи оно начало сдавать раньше другихъ...

Но и послѣ того, какъ правительство перешло въ рѣшительное наступленіе, оно не спѣшило отбирать эти позиціи. Напротивъ, оно проявило готовность примириться съ ихъ утратой и даже открыло народу возможность до извѣстной степени укрѣпиться на нихъ. Такъ, въ эпоху перваго междумья, когда правительство работало, по извѣстному выраженію г. Столыпина, «обѣими ру-

ками», т. е. однихъ усмиряло «кнувомъ», а другихъ подманивало «овсомъ», старообрядцы и сектанты были причислены имъ ко второй категоріи, т. е. къ числу тѣхъ, которыхъ оно разсчитывало привлечь на свою сторону уступками. Въ этихъ видахъ, въ надеждѣ, что «мѣра сія послужитъ къ укрѣпленію въ старообрядцахъ вѣками испытанной преданности ихъ престолу и отечеству», 17 октября 1906 года, т. е. какъ разъ въ годовщину общаго манифеста о свободахъ, правительствомъ былъ изданъ въ порядкѣ 87 ст. указъ о старообрядческихъ и сектантскихъ общинахъ, каковымъ не только подтверждались права, пріобрѣтенныя старообрядцами и сектантами въ періодъ «смуты», но и предоставлялась имъ возможность сорганизоваться для осуществленія этихъ правъ.

Линія, на которой правительство предполагало въ ту пору остановиться, была, какъ извѣстно, скоро перейдена. Окончательно восторжествовавшая реакція, почувствовавъ, что всякое сопротивленіе сломлено, приняла совершенно безудержный характеръ. Однако, въ вѣроисповѣдной сферѣ и, въ особенности, въ отношеніяхъ къ старообрядцамъ и сектантамъ правительство продолжало еще нѣкоторое время воздерживаться отъ общихъ наступательныхъ дѣйствій. Оно сохраняло видъ вполнѣ и окончательно примирившагося со сдѣланными въ этой сферѣ уступками. Не только во вторую, но и въ третью Думу имъ былъ внесенъ рядъ законопроектовъ, подтверждавшихъ права, пріобрѣтенныя иновѣрнымъ и инославнымъ населеніемъ. Больше того: отношенія къ сектантамъ и старообрядцамъ не разъ служили правительству для демонстраціи его либерализма. Надѣялись проявить въ этихъ отношеніяхъ свой либерализмъ и октябристы въ качествѣ правящей партіи. Напомню конецъ второй сессіи нынѣшней Думы, когда ею было разсмотрѣно нѣсколько вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ, въ томъ числѣ и законопроектъ о старообрядческихъ общинахъ. Въ своемъ либерализмѣ Дума осмѣлилась тогда пойти даже дальше правительства.

Само собой понятно, однако, что этотъ либерализмъ въ вѣроисповѣдной сферѣ, когда въ другихъ областяхъ жизни царятъ безудержный произволъ и не отступающее передъ висѣлицами насиліе, былъ совершенно поверхностнымъ и не могъ быть долговѣчнымъ. Не встрѣчая сопротивленія, реакція неизбѣжно должна привести страну и въ этомъ отношеніи въ дореволюціонное, а при успѣхѣ—и въ средне-вѣковое состояніе. Теперь уже не можетъ быть сомнѣнія, что мы живемъ наканунѣ общихъ религіозныхъ гоненій. Въ эту мрачную полосу мы, въ сущности, уже вступили.

Дѣло началось, конечно, съ иновѣрцевъ,—прежде всего съ «жидовъ», религіозная нетерпимость къ которымъ слилась съ расовою къ нимъ ненавистью и оправдывается государственною ихъ неблагонадежностью. Теперь странно какъ-то даже вспоминать, что «вѣротерпимость» 1905 г. имѣла въ виду и евреевъ. Еще страннѣе вспоминать, что кое-какими послабленіями они дѣйствительно

успѣли воспользоваться, за что имъ и приходится теперь (въ учебной сферѣ, напримѣръ) въ три-дорого расплачиваться. Юдофобство уже охватило всю государственную власть сверху до низу и является сейчасъ чуть ли не отличительнымъ ея признакомъ. Юдофобъ,—ну, стало быть, человѣкъ властный...

Одними «жидами» дѣло, конечно, не могло ограничиться. Довольно скоро очередь дошла и до такъ называемыхъ «инославныхъ исповѣданій». Въ ряду послѣднихъ имѣется давно уже излюбленный объектъ для полицейскихъ воздѣйствій: это—католики, съ которыми русской государственной власти приходится имѣть дѣло, главнымъ образомъ, въ лицѣ поляковъ. Нетерпимости по отношенію къ нимъ тѣмъ легче было воспрянуть, что она сливается съ національной враждой и прикрывается государственною безопасностью. «Католическая вѣра,—пишетъ, напримѣръ, еп. Евлогій въ своей послѣдней прокламаціи,—не Христова, а папская и панская... Кто хочетъ перейти изъ православія въ католицизмъ, тотъ измѣнникъ, такъ какъ онъ превращается въ поляка и стремится къ возстановленію Польши»... *). Цѣлый рядъ фактовъ за послѣдніе полтора года наглядно показываетъ, какіе успѣхи враждебное отношеніе къ католикамъ сдѣлало въ правящихъ кругахъ россійскаго государства. Болѣе совѣстливые октябристы уже не рѣшаются теперь смотрѣть прямо въ глаза полякамъ. Но имѣются и не особенно совѣстливые... Я уже не говорю о такихъ славянолюбахъ, какъ, напримѣръ, гр. Бобринскій, совсѣмъ еще недавно обнимавшійся съ поляками. Эти прямо провозглашаютъ: такъ имъ и надо!..

Очередь должна была, конечно, дойти и до русскихъ сектантовъ. Въ сущности она дошла уже и до старообрядцевъ, несмотря на «вѣками испытанную преданность ихъ престолу и отечеству». Поворотъ достаточно ясно обозначился уже тогда, когда въ синодскихъ кругахъ явилась счастливая мысль замѣнить торжественно-возвѣщенный всероссійскій церковный соборъ мѣстными миссіонерскими съѣздами. Еще яснѣе этотъ поворотъ намѣтился той позиціей, какую полтора года тому назадъ заялъ синодъ при обсужденіи вѣроисповѣдныхъ законопроектовъ въ Государственной Думѣ. Послѣ того недовѣрчивое и даже враждебное отношеніе къ сектантамъ и старообрядцамъ сдѣлало замѣтные успѣхи и вообще въ правящихъ сферахъ.

Правда, не далѣе какъ въ минувшемъ мартѣ г. Столыпинъ, въ виду представившейся, очевидно, ему надобности, опять щегольнулъ своимъ вѣроисповѣднымъ либерализмомъ. Въ доказательство того, что «центральное правительство въ вѣроисповѣдной области твердо стоитъ на почвѣ возвѣщеннаго начала свободы совѣсти и настойчиво исправляетъ въ этомъ отношеніи погрѣшности мѣстной

---

[1]) «Рѣчь», 9 сентября.

административной власти», въ газетахъ, при любезномъ содѣйствіи октябристовъ *), было оглашено въ извлеченіяхъ нѣсколько столыпинскихъ «циркуляровъ». Въ дѣйствительности это были не «циркуляры», какъ ихъ назвалъ «Голосъ Москвы», а разъясненія отдѣльнымъ представителямъ мѣстной власти по частнымъ отдѣльнымъ случаямъ,—разъясненія, какія приходилось дѣлать центральному правительству, чтобы не скомпрометировать слишкомъ рано свой вѣроисповѣдный либерализмъ, и которыя нисколько не препятствовали другимъ представителямъ мѣстной власти и даже тѣмъ же администраторамъ въ другихъ, хотя бы и совершенно аналогичныхъ, случаяхъ продолжать свои «погрѣшности». Копіи этихъ разъясненій были, повидимому, около этого времени посланы губернаторамъ. По крайней мѣрѣ, ихъ получилъ таврическій губернаторъ, который въ своемъ циркулярѣ отъ 4 марта сдѣлалъ имъ сводку. Этою сводкою я и буду пользоваться въ дальнѣйшемъ изложеніи, предпочитая ее октябристской передачѣ. Сейчасъ же отмѣчу другіе факты.

Въ томъ же мартѣ мѣсяцѣ думскія сферы не мало были скандализованы разнесшимся въ ихъ средѣ слухомъ, что вѣроисповѣдные законопроекты у Государственной Думы «берутъ обратно»—берутъ обратно вѣдомства во главѣ со столыпинскимъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ. Относительно значенія этого акта ни у кого не было никакихъ иллюзій. Около этого же времени г. Столыпинымъ была предпринята общая мѣра съ цѣлью помѣшать «насильственному, какъ онъ выразился, оживленію сектантскаго движенія». Въ этихъ видахъ 31 марта имъ были утверждены правила о сектантскихъ съѣздахъ, ограничительный характеръ которыхъ былъ 14 апрѣля разъясненъ губернаторамъ въ особомъ циркулярѣ **). Имѣются основанія думать, что общія ограничительныя распоряженія, направленныя противъ старообрядцевъ и сектантовъ, предпринимались и раньше, но только такъ, какъ будто бы по инициативѣ мѣстныхъ властей. Теперь центральное правительство уже не стѣсняется выступать въ руководящей роли. Майскія

---

*) Сначала (15 марта) при содѣйствіи г. Каменскаго въ «Новыхъ Людяхъ», откуда мною и взята приведенная въ текстѣ цитата. Но эта газета пользовалась такою репутаціей, что на ея дифирамбъ Столыпину никто не обратилъ даже вниманія. Тогда, спустя болѣе недѣли, тѣ же документы въ видѣ экстренной новости, только что сообщенной по телефону, были оглашены еще разъ въ «Голосѣ Москвы» (24 марта).

**) Этотъ циркуляръ былъ полностью напечатанъ въ «Рѣчи» 29 апрѣля. Къ числу «ненормальностей», какія правительство считаетъ необходимымъ предотвратить на будущее время, въ немъ отнесены: устройство съѣздовъ въ рядѣ городовъ одинъ за другимъ, устройство ихъ въ большихъ городахъ, устройство ихъ въ одно время послѣдователями нѣсколькихъ вѣроученій участіе въ нихъ иностранныхъ подданныхъ, допущеніе на нихъ всѣхъ желающихъ, рѣчи на нихъ о всемірномъ значеніи данной секты, о ея миссіонерскихъ успѣхахъ среди язычниковъ, о процвѣтаніи и ростѣ ея и т. д.

пренія въ Государственномъ Совѣтѣ по поводу законопроекта о старообрядческихъ общинахъ наглядно показали, чего могутъ и должны ждать отъ государственной власти русскіе люди, совѣсть которыхъ не позволяетъ, чтобы ихъ тащили за шиворотъ на исповѣдь къ отцу Сосунову. «Всякая уступка со стороны государства,— говорилъ, между прочимъ, одинъ изъ представителей большинства,— явится измѣной церкви, а всякое снисхожденіе будетъ истолковано, какъ пораженіе церкви» *). Руководясь такого рода соображеніями, Государственный Совѣтъ не только отвергнулъ думскія поправки къ правительственному законопроекту, но и видоизмѣнилъ этотъ послѣдній, существенно урѣзавъ права, уже признанныя за старообрядцами. Чѣмъ закончится этотъ конфликтъ между Государственной Думой и Государственнымъ Совѣтомъ предусмотрѣть, конечно, не трудно.

Пока-же кое-какіе остатки вѣроисповѣднаго либерализма еще остаются и, появляясь время отъ времени на поверхности, даютъ иллюзію вѣроисповѣдной свободы. Въ самое послѣднее время, на примѣръ, милостью и снисхожденіемъ г. Столыпина состоялись два съѣзда: въ августѣ съѣздъ представителей старообрядческихъ общинъ въ Москвѣ и въ началѣ сентября съѣздъ баптистовъ въ С.-Петербургѣ. Едва ли, однако, такія публичныя оказательства раскола будутъ долго продолжаться...

Какъ видно изъ послѣднихъ газетныхъ извѣстій, въ синодскихъ кругахъ уже назрѣваетъ проектъ провозглашенія старообрядчества еретичествомъ, относительно чего имѣется уже постановленіе иркутскаго миссіонерскаго съѣзда, принятое имъ по докладу синодскаго чиновника г. Гринякина. По свѣдѣніямъ московскихъ старообрядцевъ, «очень можетъ быть, что синодъ и совершитъ этотъ актъ провозглашенія» **)... До революціи ихъ именовали «раскольниками», указомъ 17 апрѣля 1905 г. повелѣно именовать «старообрядцами», теперь, когда все успокоилось, ихъ, быть можетъ, сразу провозгласятъ «еретиками». Видимо, что не только вкусъ къ гоненіямъ возродился, но и аппетитъ разросся... Въ томъ же синодѣ предстоитъ еще обсужденіе ходатайства казанскаго миссіонерскаго съѣзда, возбужденнаго послѣднимъ по иниціативѣ извѣстнаго еп. Гермогена, о провозглашеніи еретиками (или язычниками) цѣлаго ряда писателей и общественныхъ дѣятелей. До революціи успѣли провозгласить еретикомъ только Толстого, теперь та же участь грозитъ чуть не всѣмъ русскимъ писателямъ. Легко понять, чѣмъ это пахнетъ: усиленно начнутъ жечь старо-и-ново-печатныя книги, а если вступятся въ дѣло дубровинцы, то, пожалуй, и самихъ «еретиковъ»...

---

*) Цитирую по «Рѣчи» отъ 13 мая.

**) См. «Русскія Вѣдомости» отъ 5 марта, гдѣ помѣщено заявленіе московскихъ старообрядцевъ, съ которымъ они обратились въ Синодъ по этому поводу.

Г. Меньшиковъ, съ своей стороны, вплотную взялся за сектантовъ и при томъ сразу за наиболѣе мирныхъ и наиболѣе чуждыхъ политикѣ баптистовъ, въ отношеніяхъ къ которымъ г. Столыпинъ до сихъ поръ наиболѣе склоненъ былъ проявлять свой либерализмъ. По Меньшикову это—не евангельскіе христіане, какъ многіе изъ нихъ себя называютъ, а «жидо-христіане», т. е. «по-просту евреи».

Въ частности, по поводу сентябрьскаго съѣзда баптистовъ онъ разразился статьею: «Соборъ еретиковъ», въ которой доказываетъ, что «баптизмъ питаетъ смертельную вражду къ національно-государственной церкви нашей и въ силу этого, несомнѣнно, враждебенъ народу русскому». Враги же, само собой понятно, должны быть обезврежены... Съ какою бы брезгливостью мы ни относились къ писаніямъ ново-временскаго Іудушки, мы не должны все-таки забывать, что онъ именно поставляетъ «идеи» для реакціи. Не мало уже ихъ имъ дано,—до идеи потѣшныхъ полковъ включительно. Даетъ онъ «идею» и въ данномъ случаѣ.

Правительство, представитель государства,—пишетъ онъ—должно стоять на стражѣ величайшей драгоцѣнности національной—*народнаго единодушія*. Ради этого единодушія въ старые вѣка было пролито не мало крови. Ради этого единодушія понесены великіе труды подвижниковъ нашихъ, святыхъ и мучениковъ; ради него тысячу лѣтъ звучала проповѣдь православія, сложившая нашъ духъ народный. Единодушіе національное—основная твердыня націи, центральная башня ея, послѣдній оплотъ нашъ. Пусть будетъ свободна и совѣсть людей, и ихъ мысль, но и совѣсть, и мысль должны быть по возможности согласными, и забота объ этомъ согласіи должна быть верховнымъ догматомъ государственности *).

Видите, о чемъ хлопочетъ г. Меньшиковъ: о народномъ единодушіи, объ этой основной твердынѣ націи, объ этомъ послѣднемъ оплотѣ нашемъ. Само по себѣ православіе онъ, повидимому, не очень даже высоко цѣнитъ. «Я вовсе не принадлежу—пишетъ онъ—къ тѣмъ наивнымъ соотечественникамъ, которые причисляютъ Создателя къ русской національности и подчиняютъ Его обрядамъ непремѣнно нашей церкви». Онъ готовъ допустить, что другія религіи лучше. Но «у меня—пишетъ онъ—есть всѣ основанія предпочесть православіе, хотя бы оно въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ и уступало, напримѣръ, раціоналистическимъ построеніямъ». «За тысячу лѣтъ православія—поясняетъ онъ—народъ нашъ нравственно такъ или иначе сложился; всего важнѣе то, что... еще недавно глубины его наслаждались покоемъ въ отношеніи самыхъ страшныхъ вопросовъ жизни». Проще говоря, всего важнѣе, что совѣсть народная была подморожена... Нравственный прогрессъ былъ такимъ образомъ заторможенъ, но за то правящіе классы могли не безпокоиться за свое благополучіе. Отъ добра-же добра не ищутъ...

*) «Новое Время», 4 сентября.

Намъ не трудно представить себѣ государство,—полицейское государство,—приводящее въ согласіе и совѣсть, и мысль, которыя уже проснулись. Мы достаточно уже насмотрѣлись, какъ однихъ оно хватаетъ за шиворотъ, другимъ накладываетъ въ загривокъ. Возможно, что и до «крови» опять дойдетъ... Какъ бы то ни было, «идея» дана,—дана даже тѣмъ, которые ни въ Бога, ни въ чорта не вѣруютъ. Для полнаго торжества этой идеи остается только разсѣять иллюзіи, нужно только опять на виду у всѣхъ поставить будку...

За этимъ дѣло, вѣроятно, не станетъ. Пока же и безъ этого Мымрецовъ, намиг уже сказано, на всей своей волѣ въ дѣлахъ вѣры хозяйничаетъ...

II.

Еще зимой какъ-то я получилъ довольно большую коллекцію (въ копіяхъ, конечно) обвинительныхъ актовъ, судебныхъ приговоровъ и рѣшеній, административныхъ распоряженій и опредѣленій, апелляціонныхъ и кассаціонныхъ жалобъ, всяческихъ прошеній и другихъ документовъ по сектантскимъ дѣламъ, производившимся за послѣдніе годы въ разныхъ губерніяхъ (главнымъ образомъ, въ южныхъ). Документы эти были собраны однимъ изъ сектантскихъ ходатаевъ съ цѣлью представить ихъ при докладной запискѣ министру внутреннихъ дѣлъ предъ поднесеніемъ адреса государю особой депутаціей, избранной для этого ростовскимъ съѣздовъ баптистовъ. Депутація не была допущена; кажется, и записка министру остается не поданной. Но это и не важно въ данномъ случаѣ. Г. Столыпину положеніе дѣлъ въ вѣроисповѣдной сферѣ, конечно, и безъ записки хорошо извѣстно. Если я упомянулъ о ней, то ради того лишь, чтобы отмѣтить происхожденіе и первоначальное назначеніе имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ. Ими то, главнымъ образомъ, я и воспользуюсь въ дальнѣйшемъ изложеніи *).

*) Прибавлю, что матеріалы эти относятся къ евангельскимъ христіанамъ (русскимъ баптистамъ), т. е. къ сектантамъ, которые, какъ уже сказано, едва ли не болѣе другихъ чуждаются политики и по отношенію къ которымъ центральная власть едва ли не наиболѣе охотно проявляла свой вѣроисповѣдный либерализмъ. Кромѣ того, надо сказать, что эти сектанты въ ряду другихъ русскихъ сектъ располагаютъ, какъ можно думать, сравнительно большимъ количествомъ интеллигентныхъ силъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ являются едва ли не лучше другихъ сорганизованными, а стало быть, и менѣе безпомощными. Имѣетъ извѣстное значеніе и то обстоятельство, что послѣдователи баптизма принадлежатъ не къ низшимъ только слоямъ населенія, но встрѣчаются и въ высшихъ, даже въ великосвѣтскихъ кругахъ. Эти „апостолы изъ кавалеристовъ и раздушенныя апостольши", какъ честитъ ихъ г. Меньшиковъ, эти «болѣе или менѣе придурковатые русскіе баре, будирующіе противъ православія чисто изъ барской брезгливости», какъ онъ ихъ характе-

Когда я знакомился съ присланными мнѣ документами, то помню, едва ли не самое сильное впечатлѣніе произвела на меня изворотливость современнаго Мымрецова. Какъ-никакъ положеніе его въ послѣдніе годы было трудное: раздавая въ вѣроисповѣдной сферѣ пинки, онъ долженъ былъ въ то же время сохранять на своемъ лицѣ либеральную улыбку. Чтобы сохранить эту улыбку, «чтобъ дѣлу дать законный видъ и толкъ», ему приходилось всячески изловчаться.

Возьму хотя бы право сектантовъ учреждать общины. По указу 17 октября 1906 г. это право предоставлено всѣмъ отпавшимъ отъ православія сектантамъ, за исключеніемъ «послѣдователей изувѣрныхъ ученій, самая принадлежность къ коимъ наказуема въ уголовномъ порядкѣ». Чтобы учредить общину, сектанты должны подать заявленіе, подписанное не менѣе чѣмъ 50 лицами, и указать въ немъ: а) наименованіе секты, б) допускаетъ ли секта наставниковъ, в) районъ дѣйствія общины, г) мѣстонахожденіе имѣющагося или предполагаемаго молитвеннаго дома и д) имена, отчества, фамиліи, званія и мѣста жительства лицъ, подписавшихъ заявленіе. Никакихъ другихъ условій и ограниченій въ законѣ не указано. Губернское же правленіе обязано въ мѣсячный срокъ разсмотрѣть заявленіе; въ случаѣ отсутствія въ немъ какихъ-либо изъ указанныхъ свѣдѣній, оно обязано затребовать ихъ въ недѣльный срокъ со дня подачи заявленія и, по полученіи ихъ, не далѣе, какъ черезъ мѣсяцъ, разсмотрѣть послѣднее.

Мымрецову, такимъ образомъ, всенародно сказано: пропущай, разъ одѣтъ, какъ слѣдуетъ! И еще прибавлено: не задерживай! Но онъ, конечно, понимаетъ, что это сказано, скрѣпя сердце, и что не спроста, конечно, его стоять на этомъ мѣстѣ оставили. Дальше онъ уже самъ соображаетъ и пускаетъ въ ходъ свойственную ему тактику.

Всѣмъ, я думаю, знакома такая картина: стоитъ городовой при входѣ и преграждаетъ дорогу; напрасно публика, знающая, что входъ открытъ, проситъ его посторониться: онъ глядитъ себѣ въ сторону, какъ будто озабоченный чѣмъ-то болѣе важнымъ, а то и просто стоитъ истуканомъ, какъ будто не видитъ и не слышитъ.

ризуетъ, какъ-никакъ не только сами застрахованы отъ не въ мѣру грубаго произвола, но и могутъ оказывать въ извѣстныхъ предѣлахъ защиту и поддержку своимъ единовѣрцамъ изъ низшихъ сословій. Все это, вмѣстѣ взятое, казалось бы, должно было обезпечить русскимъ баптистамъ сравнительно благополучное существованіе подъ кровлей обновленной русской государственности,—подъ кровлей, съ которой остается все еще не убраннымъ флагъ вѣроисповѣднаго либерализма. Прибавлю, что имѣющіеся въ моемъ распоряженіи матеріалы относятся не къ текущему году, когда этотъ флагъ, видимо для всѣхъ, приспущенъ и вотъ-вотъ будетъ сдернутъ, а къ тому времени (послѣдніе изъ документовъ помѣчены декабремъ 1909 г.), когда хозяева обновленной государственности продолжали еще указывать на него, какъ на неотъемлемое и характерное для ихъ хозяйства украшеніе.

Потомъ онъ, быть можетъ, и обратитъ вниманіе на досаждающихъ, но пока-что время онъ протянетъ. Да и неизвѣстно еще, что онъ въ концѣ-концовъ скажетъ. Можетъ быть, ляпнетъ что-нибудь совсѣмъ несуразное, а то и просто: нельзя! проходи мимо... Нетерпѣливый или недовольный обыватель, конечно, можетъ пожаловаться квартальному, но пока еще онъ его найдетъ и до него доберется. И при томъ тотъ еще легче можетъ прикинуться занятымъ, тотъ можетъ сыграть роль еще болѣе величественнаго истукана...

Вотъ этою-то тактикою власти и воспользовались довольно широко по отношенію къ сектантскимъ общинамъ. Указанные въ законѣ сроки, какъ можно думать, въ большинствѣ случаевъ вовсе не соблюдаются. По крайней мѣрѣ, изъ ряда присланныхъ мнѣ дѣлъ о регистраціи общинъ лишь въ одномъ случаѣ заявленіе сектантовъ было разсмотрѣно губернскимъ правленіемъ въ узаконенный срокъ, да и то, какъ можно думать, потому лишь, что его сразу осѣнила счастливая мысль, какъ отшить просителей. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ разсмотрѣніе заявленій было задержано на нѣсколько, иногда много, мѣсяцевъ. Большею частью, какъ можно думать, сектанты терпѣливо ждутъ, когда губернское правленіе удосужится. Нѣкоторые, однако, пытаются напоминать о себѣ и даже жаловаться, но толку изъ этого обыкновенно не получается.

Кіевская община по вѣрѣ крещеныхъ христіанъ евангельскаго исповѣданія, подавъ 21 апрѣля 1909 г. заявленіе, уполномочило вести дѣло популярнаго въ сектантской средѣ ходатая г. Кушнерева. Напрасно, однако, послѣдній обращался и съ личными, и съ письменными просьбами въ губернское правленіе объ ускореніи дѣла и о выдачѣ ему копіи съ опредѣленія, каково бы оно ни было. Никакого отвѣта онъ не получилъ. 30 октября онъ подалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ съ просьбою понудить кіевское губернское правленіе разсмотрѣть заявленіе его довѣрителей. Но и за всѣмъ тѣмъ до 1 января 1910 г. (срокъ, которымъ оканчиваются мои свѣдѣнія) никакого отвѣта на него дано не было, хотя со времени подачи его прошло болѣе 8 мѣсяцевъ.

Отписаться на жалобу губернскому правленію, конечно, не трудно. Приведу хотя бы такой примѣръ. Ново-Александровская община русскихъ христіанъ-баптистовъ (Херсонск. губ.) подала заявленіе 8 апрѣля 1908 г. Прождавъ болѣе 9 мѣсяцевъ и не получивъ отвѣта, уполномоченный общины 27 января 1909 г. подалъ жалобу министру внутреннихъ дѣлъ. Черезъ два мѣсяца департаментъ общихъ дѣлъ ему отвѣтилъ, что ходатайство о разрѣшеніи Ново-Александровской общины «не удовлетворено губернскимъ правленіемъ въ виду неоплаты прошенія гербовымъ сборомъ и за неразысканіемъ подателей таковаго, которымъ не могло быть о томъ своевременно сообщено». Хотя «послѣднее обстоятельство, какъ пишутъ сектанты въ слѣдующемъ своемъ прошеніи, является невѣрнымъ, такъ какъ всѣ учредители названной общины въ числѣ

57 человѣкъ находятся на лицо, постоянно проживающіе въ указанныхъ въ спискѣ мѣстахъ, а потому неразысканіе ихъ немыслимо», и хотя оплата заявленій гербовымъ сборомъ не установлена закономъ 17 октября, тѣмъ не менѣе, примирившись съ произведенной уже задержкой, они 28 августа 1909 г. представили потребованныя съ нихъ марки Наконецъ, 28 ноября 1909 г., т. е. спустя болѣе, чѣмъ полтора года послѣ подачи ими заявленія, сектанты получили отвѣтъ отъ губернскаго правленія. Имъ отказали въ регистраціи общины безъ объясненія причинъ. Не получивъ копіи опредѣленія, они оказались лишенными даже возможности принести жалобу въ сенатъ. 12 декабря 1909 г. ихъ уполномоченный подалъ по этому поводу новое прошеніе министру внутреннихъ дѣлъ... Чѣмъ кончилась эта волокита и даже кончилась ли, я не знаю. Вѣроятнѣе всего, что она и по сей день тянется.

Надо, однако, сказать, что тактикой молчаливой обструкціи губернскія правленія пользуются, какъ можно думать, до тѣхъ лишь поръ, пока не найдутъ какого-нибудь повода, чтобы отказать въ регистраціи неугодной имъ общины. Для того же, чтобы найти такой поводъ, за-глаза достаточно нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Для этого нужно вѣдь только покопаться полицейскимъ крючкомъ въ разныхъ статьяхъ закона. Достаточно даже одного его слова. Возьму хотя бы первое требованіе, поставленное въ законѣ: заявленіе должно быть подписано «не менѣе, чѣмъ 50 лицами». Лицами... Сколько въ этомъ только словѣ губернскія правленія нашли поводовъ. Приведу нѣкоторые изъ нихъ.

На ходатайство владикавказскихъ христіанъ баптистовъ о внесеніи ихъ общины въ реестръ, терское областное правленіе сначала отвѣтило, что оно не можетъ быть удовлетворено «впредь до рѣшенія вопроса объ отношеніи къ кавказскому баптизму». Найдя такой простой поводъ для отказа оно отвѣтило довольно быстро, повидимому—въ узаконенный срокъ (это и есть упомянутый мною выше единственный случай). Уполномоченный сектантовъ обжаловалъ этотъ явно незаконный отказъ министру внутреннихъ дѣлъ. Но въ тотъ самый день, когда онъ подалъ свою жалобу, областное правленіе придумало и еще одну причину для отказа. Оно нашло, что прошеніе сектантовъ, подъ которымъ было 59 подписей, подписано лишь 40 полноправными лицами; остальныя же 19 подписей сдѣланы женщинами. Женщины же, по мнѣнію правленія, не «лица»... Дѣло въ томъ, что въ одной изъ статей указа 17 октября говорится, между прочимъ, что женщины могутъ быть допущены къ участію въ управленіи общиною по постановленію общаго собранія; изъ этого областное правленіе и сдѣлало выводъ, что до утвержденія общины, послѣ чего лишь можетъ состояться такое постановленіе, подписи ихъ не должны быть принимаемы въ разсчетъ. Уполномоченный сектантовъ обжаловалъ это опредѣленіе въ сенатъ и пре-

силъ разъясненія у министра. Но отвѣта пока не послѣдовало, между тѣмъ областное правленіе отказало въ регистраціи и еще нѣсколькимъ общинамъ на томъ же основаніи.

Но вотъ заявленіе Хасавъ-Юртовской общины оказалось подписаннымъ, кромѣ 11 женщинъ, 54-ю мужчинами. На первый взглядъ: не менѣе 50 лицъ... Тогда областное правленіе произвело болѣе тщательное изслѣдованіе, потративъ на него семь мѣсяцевъ, и нашло, что «прошеніе это подписано лишь 45 полноправными лицами, остальные же 9 подписей сдѣланы лицами, не достигшими 25 лѣтняго возраста»... Правда, о возрастѣ лицъ, подписывающихъ заявленіе, въ законѣ ничего не говорится и свѣдѣній отъ нихъ по этому предмету не требуется. Но областное правленіе, видимо, само потрудилось, чтобы собрать ихъ... Такъ какъ въ законѣ, между прочимъ, сказано, что управлять дѣлами общины могутъ только лица, достигшія 25-лѣтняго возраста, то отсюда правленіе сдѣлало выводъ, что и учреждаться она можетъ только тогда, когда такихъ лицъ насчитывается не меньше 50. На этомъ основаніи оно отказало въ регистраціи и еще нѣсколькимъ общинамъ. На жалобы же по этому поводу сенатъ не отвѣчаетъ и министръ никакихъ разъясненій не шлетъ.

Изслѣдованіе лицъ, подписывающихъ заявленіе, производится и въ другихъ направленіяхъ. Волынское губернское правленіе отказало, напримѣръ, въ регистраціи Пекарско-Дашенской общинѣ на томъ основаніи, что въ числѣ 78 лицъ, подписавшихъ заявленіе, оказались два бывшихъ католика и одна бывшая лютеранка. Право же учреждать общины, по его мнѣнію, дано лишь сектантамъ, «отпавшимъ отъ православія» *). 1 декабря 1907 года уполномоченный общины принесъ на это опредѣленіе жалобу сенату но отвѣта на нее до 1 января 1910 г., т. е. въ теченіе болѣе двухъ лѣтъ, получено не было.

Между тѣмъ губернское правленіе отказало въ регистраціи на такомъ же основаніи и Суемецко-Хмѣлевской общинѣ, продержавъ заявленіе послѣдней свыше шести мѣсяцевъ безъ отвѣта. Тогда сектанты этой общины, не подавая жалобы, возбудили новое ходатайство, подписанное на этотъ разъ 55-ю лицами, исключительно отпавшими отъ православія. Но это ходатайство не было даже внесено въ губернское правленіе и оставлено безъ послѣдствій

---

*) Въ указѣ 17 октября, дѣйствительно, говорится о „сектантахъ, отпавшихъ отъ православія". Того, что люди разныхъ религій могутъ отпадать въ одну секту, авторы указа, повидимому, не сообразили, самъ же по себѣ вопросъ о сектантахъ инославныхъ исповѣданій имъ тогда представлялся, должно быть, не особенно спѣшнымъ, такъ какъ эти сектанты всегда пользовались нѣкоторыми правами, а иногда даже особымъ покровительствомъ государственной власти (напримѣръ, менониты или, какъ въ самое послѣднее время, маріавиты). Какъ бы то ни было, теперь, когда губернскія правленія вцѣпились въ букву, создалось явно нелѣпое, для сектантовъ же подъ часъ и прямо безвыходное положеніе.

единоличною властью губернатора на томъ основаніи, что просителями-де «не заявлено никакихъ новыхъ обстоятельствъ, которыя бы дали губернскому правленію право войти въ новое разсмотрѣніе этого ходатайства». На то, что самый составъ просителей новый, губернаторъ не обратилъ даже вниманія. Уполномоченный сектантовъ 15 декабря 1908 года принесъ жалобу въ сенатъ, но послѣдній даже на эту, казалось бы, болѣе чѣмъ простую жалобу до января нынѣшняго года, а можетъ быть и до сихъ поръ, не удосужился отвѣтить.

Между тѣмъ губернскія правленія въ изслѣдованіи лицъ, подписывающихъ заявленія, забираются все дальше и дальше. Въ самомъ дѣлѣ, можно вѣдь усомниться и въ томъ, дѣйствительно ли отпавшіе отъ православія отъ него отпали. Пусть-ка это они докажутъ... Такъ, херсонское губернское правленіе въ отвѣтъ на прошеніе Плетено-Ташлыкской общины, подписанное 52 лицами, черезъ два мѣсяца послѣ его подачи, потребовало цѣлый рядъ дополнительныхъ свѣдѣній, вовсе не предусмотрѣнныхъ въ законѣ, и въ числѣ ихъ такія: когда именно каждый изъ просителей перешелъ въ секту евангельскихъ христіанъ и соблюлъ ли онъ при этомъ всѣ формальности, установленныя такими-то и такими циркулярами. Сектанты отказались исполнить это требованіе въ виду явной его незаконности. Тогда губернское правленіе, спустя почти годъ послѣ подачи заявленія, отказало имъ въ регистраціи. Уполномоченный общины принесъ на это опредѣленіе жалобу въ сенатъ, но губернское правленіе, черезъ которое она должна была идти, отказалось ее представить, пока всѣ сектанты не заявятъ, что они къ ней присоединяются. На это ушло еще полгода. Дошла ли въ концѣ концовъ жалоба до сената, не извѣстно; во всякомъ случаѣ до января нынѣшняго года отвѣта на нее не послѣдовало.

Если въ лицахъ, подписавшихъ заявленіе, повода для отказа найти не удается, то его не трудно, конечно, найти въ самомъ заявленіи. Въ послѣднемъ, напримѣръ, должно быть указано наименованіе секты. Этого уже достаточно, чтобы полицейскій крючокъ нашелъ, за что уцѣпиться. Напримѣръ, въ Херсонской и Кіевской губерніяхъ (возможно, что и въ другихъ) цѣлому ряду общинъ отказано въ регистраціи на томъ только основаніи, что они назвали себя общинами «русскихъ евангельскихъ христіанъ-баптистовъ». Любопытно при этомъ, что опредѣленія кіевскаго и херсонскаго губернскаго правленія составлены въ буквально тождественныхъ между собою выраженіяхъ, какъ будто они списывали ихъ съ одного и того же руководства *). Любопытно и самое содержаніе опредѣленій.

*) Можно думать, что „руководство" это появилось не сразу, такъ какъ раньше общины съ такимъ же наименованіемъ регистрировались въ этихъ губерніяхъ. Возможно, что появленіе руководства находилось въ связи съ постановленіемъ Царицынскаго сектантскаго съѣзда, который, чтобы облег-

Высочайшимъ указомъ 17 октября 1906 года—говорится въ нихъ—установленъ порядокъ устройства общинъ лишь для тѣхъ сектантовъ, которые отдѣлились отъ православія, но указъ этотъ не касается сектъ иностранныхъ, инославныхъ и иновѣрныхъ. Между тѣмъ подъ именемъ баптистовъ законъ разумѣетъ сектантовъ, отдѣлившихся отъ лютеранской церкви, при чемъ имъ разрѣшается свобода исповѣданія вѣры, дозволено отправлять въ особо назначенныхъ для сего домахъ общественныя богослуженія и имѣть наставниковъ, но образовывать религіозныя общины по правиламъ Высочайшаго указа 17 октября 1906 года и вести при посредствѣ своихъ наставниковъ метрическую регистрацію не разрѣшено. Слѣдовательно, ходатайство именующихъ себя русскими евангельскими христіанами баптистами не подлежитъ удовлетворенію, такъ какъ послѣдователямъ ихъ вѣроученія могутъ быть предоставлены тѣ права, какія дарованы баптистамъ, если они представятъ доказательства о состоявшемся присоединеніи ихъ изъ православія къ лютеранской церкви и отпаденіи за симъ въ секту баптистовъ. Допуская, однако, возможность, что просители отдѣлились отъ православія и принадлежатъ къ послѣдователямъ секты штундистовъ, а именуютъ себя баптистами произвольно, присутствіе губернскаго правленія находитъ, что въ этомъ случаѣ образованіе религіозной общины возможно, но необходимо, чтобы просители объяснили это губернскому правленію въ особомъ прошеніи и отказались отъ именованія ихъ баптистами, съ тѣмъ, что если бы просители нашли именованіе ихъ штундистами для себя нежелательнымъ, то могутъ замѣнить его другимъ, напримѣръ: „по вѣрѣ крещеные христіане евангельскаго исповѣданія" или „евангельскіе христіане, пріемлющіе водное крещеніе по вѣрѣ" *).

Въ отвѣтъ на эти опредѣленія сектанты въ особыхъ прошеніяхъ и жалобахъ убѣдительно объясняютъ и доказываютъ, что во 1-хъ, наименованіе секты закономъ предоставлено учредителямъ общинъ; что во 2-хъ, ничего общаго съ «вредной политической сектой штундъ» они не имѣютъ, что ученіе у нихъ совсѣмъ разное **), что въ 3-хъ, баптистами они себя именуютъ не произвольно, а потому что дѣйствительно исповѣдуютъ баптистскую вѣру, что «баптистъ»—слово греческое и означаетъ то же, что и русское «крещеный», что назовутъ ли они себя русскимъ или греческимъ именемъ, это сущности ихъ вѣры не измѣнитъ и вреда правительству не принесетъ... Но все напрасно: губернскія правленія твердо стоятъ на своемъ, а сенатъ на жалобы не отвѣчаетъ...

Теперь, послѣ статей г. Меньшикова, нѣтъ ничего мудренаго, что и наименованіе «евангельскими христіанами» губернскія правленія признаютъ для русскихъ баптистовъ не подходящимъ и пред-

---

чить организацію и объединеніе близкихъ между собою по вѣроученію „евангельскихъ христіанъ" и „баптистовъ", рекомендовалъ регистрировать общины подъ указаннымъ названіемъ.

*) Въ такихъ выраженіяхъ составлены опредѣленія, напримѣръ, по дѣламъ объ Елисаветградской общинѣ (Херсонск. губ.) и Соболевской общинѣ (Кіевск. губ.).

**) „Это очевидно—пишетъ, напримѣръ, въ своемъ прошеніи уполномоченный Соболевской общины, кр. Кущій,—такъ какъ послѣдователи секты штундъ не имѣютъ никакихъ церковныхъ обрядовъ, отвергаютъ власти, подати, военную службу и пр. и проповѣдуютъ соціализмъ и коммунизмъ, т. е. общее равенство, раздѣлъ имуществъ и т. п. (цирк. М. В. Д. отъ 3 сентября 1894 г.), мы же признаемъ то и другое".

ложать имъ называться, если не штундистами, то жидами. Г. Меньшиковъ вѣдь доказалъ, что «они вовсе не евангельскіе, а скорѣе библейскіе христіане, т. е. по-просту евреи»... Конечно, это будетъ издѣвательствомъ, но вѣдь и въ приведенномъ опредѣленіи нота издѣвательства звучитъ довольно явственно...

Такъ же, какъ наименованіе секты, легко могутъ дать и дѣйствительно даютъ губернскимъ правленіямъ поводъ для придирокъ и всѣ другія свѣдѣнія, вносимыя, согласно закону, въ заявленія объ учрежденіи общинъ. Но мнѣ кажется, что крючкотворство современнаго Мымрецова достаточно уже охарактеризовано приведенными примѣрами. Думаю, что и вопросъ о правахъ сектантовъ учреждать общины, какъ онъ стоитъ въ условіяхъ современной дѣйствительности, достаточно этими примѣрами выясненъ. Чтобы покончить съ этимъ вопросомъ, приведу еще только два примѣра болѣе рѣшительной по отношенію къ нему тактики.

8 ноября 1908 г. жители г. Конотопа и нѣкоторыхъ селеній Конотопскаго уѣзда подали въ черниговское губернское правленіе заявленіе, подписанное 151 лицомъ, съ просьбою зарегистрировать «Конотопскую общину по вѣрѣ крещеныхъ христіанъ евангельскаго исповѣданія». Черезъ полгода они получили слѣдующій «указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго изъ Черниговскаго Губернскаго Правленія» (привожу резолютивную часть указа).

Приказали: Разсмотрѣвъ изложенное выше ходатайство и принимая во вниманіе заключеніе Епархіальнаго Начальства, согласно коему исповѣданіе и распространеніе по вѣрѣ крещеныхъ христіанъ не согласно съ ученіемъ православной церкви и оказываетъ пагубное вліяніе на православное населеніе, посему секта это по опредѣленію Епархіальнаго Начальства 2—4 января 1909 г. признана вредною для сыновъ православной церкви, Губернское Правленіе, руководствуясь закономъ 17 октября 1906 г., *опредѣляетъ*: ходатайство жителей названныхъ мѣстностей объ учрежденіи общины подъ названіемъ „Конотопской общины по вѣрѣ крещеныхъ христіанъ евангельскаго исповѣданія“ *оставить безъ удовлетворенія*...

На тѣхъ же основаніяхъ черниговскимъ правленіемъ еще раньше отказано въ регистраціи Вишенецкой общинѣ. Да и вообще, разъ такой поводъ для отказа найденъ, смѣло можно сказать, ни одной сектантской общины больше разрѣшено не будетъ: исповѣданіе всякой вѣдь секты не согласно съ ученіемъ православной церкви и каждая изъ нихъ епархіальнымъ начальствомъ будетъ признана, конечно, для ея сыновъ вредною.

Уполномоченные Конотопской и Вишенецкой общинъ принесли жалобы въ сенатъ, но отвѣта на нихъ не послѣдовало...

Кіевское губернское правленіе нашло менѣе рѣшительный, но, пожалуй, не менѣе остроумный способъ свести на нѣтъ права сектантовъ. Оно зарегистрировало Таращанско-Керданскую общину по вѣрѣ крещеныхъ христіанъ евангельскаго исповѣданія съ тѣмъ,

однако, чтобы на молитвенныя собранія членовъ общины въ избранныхъ общиною домахъ было испрошено разрѣшеніе губернскаго начальства, безъ чего собранія эти допускаемы быть не могутъ. Надо сказать, что по указу 17 октября всѣмъ сектантамъ, хотя бы они и не были объединены въ общины, предоставлено «свободное исповѣданіе ихъ вѣры и отправленіе религіозныхъ обрядовъ по правиламъ ихъ вѣроученія» и, стало быть, никакого разрѣшенія на устройство молитвенныхъ собраній имъ не требуется. Вотъ этого то права кіевское правленіе и лишило таращанскихъ и кердакскихъ сектантовъ. По «тому же шаблону» оно поступило съ Салихской и съ Ромашко-Винцентовской общинами. Да ему и не зачѣмъ искать лучшаго: пусть на бумагѣ общины существуютъ, но за то сектанты даже молиться безъ нашего разрѣшенія не будутъ... Уполномоченные общинъ принесли жалобы министру внутреннихъ дѣлъ и въ сенатъ, но «остановятъ ли эти жалобы притѣсненія губернскихъ властей, какъ пишетъ одинъ изъ сектантовъ, Богу извѣстно»...

По скольку же это находится въ предѣлахъ человѣческаго предвидѣнія, можно съ полною вѣроятностью сказать, что не остановятъ... Читатели обратили, конечно, вниманіе, что всякое почти дѣло, о которомъ мнѣ приходилось упоминать, останавливается на жалобѣ въ сенатъ, въ эту послѣднюю по даннымъ дѣламъ инстанцію. И каждый разъ мнѣ приходилось прибавлять, что отвѣта на жалобу не послѣдовало. Не послѣдовало—для большей точности пояснялъ я—до января нынѣшняго года, когда мнѣ были присланы съ нихъ копіи. Но я навелъ все-таки справку у лица, которое собирало эти документы, и оно послѣ того, какъ предыдущія страницы были уже написаны, сообщило мнѣ, что и до сихъ поръ ни на одну жалобу сенатъ не отвѣтилъ. Должно быть, онъ очень занятъ. Но и то возможно, что онъ, какъ квартальный, когда тому жалуются на городового, ничего не видитъ и не слышитъ. Сектанты пробовали доходить до него окольными путями —посылали прошенія оберъ-прокурорамъ сената и его генералъ-прокурору, т. е. г. Щегловитову, умоляя ускорить разсмотрѣніе ихъ жалобъ. Но все напрасно.

Повидимому, господа сенаторы поджидаютъ, когда надобность въ вѣроисповѣдномъ либерализмѣ совершенно исчезнетъ. Тогда они и примутся «разъяснять»... А какъ разъясняютъ господа сенаторы, это всѣ, конечно, хорошо знаютъ.

III.

Не лучше, если не хуже, обстоитъ дѣло и съ другимъ правомъ сектантовъ, которое признано за ними въ дѣйствующемъ законодательствѣ уже безусловно, безъ всякихъ ограниченій,—съ пра-

вомъ вѣровать и молиться по своему. Само по себѣ это право на столько безобидно, въ законѣ оно выражено такъ опредѣленно и въ то же время нарушенія его такъ грубы и безцеремонны, что одни органы власти то и дѣло оказываются вынужденными исправлять «погрѣшности» другихъ. Пришлось по этому поводу и г. Столыпину волей-неволей дать не мало разъясненій въ огражденіе «вѣроисповѣдной свободы». Въ моихъ матеріалахъ имѣется, между прочимъ, разъясненіе, данное имъ 9 мая 1909 г. кіевскому губернатору по жалобѣ сектантовъ с. Пастырскаго Чигиринскаго уѣзда, которыхъ власти разгоняли и не давали собираться на молитву въ ихъ частныхъ домахъ, толкуя законъ такъ, что собираться на молитву могутъ лишь сектанты утвержденныхъ общинъ и при томъ только въ спеціально устроенныхъ молельняхъ, да и то еще съ разрѣшенія губернской власти.

Увѣдомляю Ваше Превосходительство—писалъ въ своемъ разъясненіи министръ внутреннихъ дѣлъ,—что по буквальному смыслу ст. 1 отд. II Высочайшаго указа 17 октября 1906 года всѣмъ отдѣлившимся отъ православія сектантамъ, за исключеніемъ лишь принадлежащихъ къ изувѣрнымъ ученіямъ, предоставляется свободное исповѣданіе ихъ вѣры и отправленіе религіозныхъ обрядовъ по правиламъ ихъ вѣроученій, независимо отъ образованія ими религіозной общины; по силѣ ст. 8 того же указа, наличность молитвеннаго дома составляетъ непремѣнное условіе только для образованія общины, пользующейся юридическими правами.

Такимъ образомъ, недопущеніе по вышеуказаннымъ основаніямъ молитвенныхъ собраній сектантовъ, не принадлежащихъ къ числу изувѣровъ, является прямымъ нарушеніемъ дарованныхъ имъ Монаршею волею правъ и можетъ вызвать справедливое нареканіе на правительство въ стѣсненіи ихъ вѣроисповѣдной свободы...

Но всѣ такія исправленія погрѣшностей и разъясненія мало помогаютъ дѣлу. Погрѣшности исправляются обыкновенно уже тогда, когда сектанты достаточно претерпѣли, а разъясненія пишутся такъ, что не только не ограничиваютъ произвола, но и открываютъ еще новые пути ему и даже вмѣняютъ его въ обязанность... Возьму хотя бы только что цитированное разъясненіе. Вслѣдъ за приведенными словами министръ пишетъ:

Въ виду сего, я считаю необходимымъ разъяснить, что единственнымъ условіемъ, безъ котораго молитвенныя собранія таковыхъ сектантовъ не могутъ быть допускаемы, является предварительное увѣдомленіе ими полиціи о помѣщеніи, въ которомъ таковыя собранія будутъ происходить...

Какъ видите, г. министръ и самъ не удержался,—все-таки поставилъ условіе, вовсе не предусмотрѣнное въ законѣ. Надо сказать, что объ этомъ условіи онъ уже раньше сообщилъ всѣмъ губернаторамъ въ циркулярѣ отъ 12 января 1909 года *). Правда, это *единственное* условіе... Но его совершенно достаточно, чтобы

*) Его у меня нѣтъ, но это видно изъ тѣхъ ссылокъ, какія на него дѣлаются въ другихъ документахъ.

полицейскій крючокъ въ него вцѣпился. Чтобы показать, какъ крѣпко въ него онъ можетъ вцѣпиться, приведу полностью одинъ изъ документовъ.

М. В. Д.
Богодуховскій Уѣздный
Исправникъ.
3 ноября 1909 года
№ 4036.

Исполнительнымъ чиновникамъ полиціи Богодуховскаго уѣзда.

Предписываю г.г. чиновникамъ объявить всѣмъ урядникамъ, что сектанты баптисты по мѣсту своихъ жительствъ для богомоленья могутъ собираться небольшими группами 10—15—20 чел., но съ тѣмъ, чтобы они въ домахъ, гдѣ будутъ собираться и въ какихъ доводили до свѣдѣнія моего и г.г. чиновниковъ съ приложеніемъ списка молящихся и чтобы на ихъ собраніяхъ не было лицъ, не принадлежащихъ къ ихъ сектѣ, а если будутъ при провѣркѣ застигнуты, то на главарей собранія составлять протоколы и представлять мнѣ.

Исправникъ *М. Ильинскій.*

«Единственное условіе», какъ видятъ читатели, быстро разрослось. Кромѣ предварительнаго увѣдомленія, которое, какъ оказывается уже, нужно посылать и исправнику, и его «г.г. чиновникамъ», требуется еще: а) чтобы сектанты молились по мѣсту свое жительства, б) чтобы собирались они для этого небольшими группами, в) чтобы предварительно представили списокъ молящихся и г) чтобы на собраніяхъ не было лицъ, не принадлежащихъ къ сектѣ *)... И все это съ предвареніемъ о «провѣркахъ», какія будутъ производиться, и подъ угрозой протоколовъ, какіе будутъ составляться. Легко понять, что распоряженіе исправника «является, какъ пишутъ сектанты, полнѣйшимъ поводомъ къ разгромленію молитвенныхъ собраній и новымъ притѣсненіямъ».

Конечно, г. Столыпинъ можетъ разъяснить (и, какъ видно изъ упомянутой выше сводки таврическаго губернатора, онъ дѣйствительно кому-то разъяснилъ), что, напримѣръ, «присутстіе на собраніяхъ сектантовъ православныхъ, а тѣмъ болѣе лицъ другихъ исповѣданій, само по себѣ не нарушаетъ религіознаго характера даннаго собранія и... не можетъ служить основаніемъ къ закрытію онаго». Но пока министръ удосужится дать такое разъясненіе и сообщить его всѣмъ властямъ, а тѣ, съ своей стороны, пожелаютъ его усвоить и принять къ руководству, молитвенныя собранія сектантовъ могутъ безнаказанно подвергаться разгрому. И, дѣйствительно, подвергались,—подвергались даже въ такомъ городѣ,

*) Въ другомъ предписаніи тотъ же исправникъ требуетъ, чтобы, кромѣ списковъ молящихся по каждому дому, были представлены «заявленія за подписью всѣхъ тѣхъ лицъ-баптистовъ, которые будутъ въ извѣстномъ домѣ для богомоленія», а обязанность не допускать православныхъ возлагаетъ на «хозяевъ тѣхъ домовъ».

какъ Кіевъ, который на виду у всѣхъ. «Девятаго августа сего года—писалъ, напримѣръ, въ своей жалобѣ совѣтъ Кіевской общины,—во время обычнаго молитвеннаго собранія общины, состоявшагося въ молитвенномъ залѣ на Жилянской улицѣ въ домѣ Поллака № 104, явилась мѣстная участковая полиція и разогнала все собраніе за то, что мы допустили къ проповѣди нашего единовѣрца, обращеннаго ко Христу изъ евреевъ, и что среди насъ, въ числѣ посѣтителей, были на собраніи евреи».

Главное же, и это свое разъясненіе, а именно, что присутствіе православныхъ не можетъ служить поводомъ для закрытія собранія, г. министръ сопроводилъ такого оговоркой:

Но при этомъ необходимо обратить вниманіе на то, что законъ 17 октября 1906 г., изданный въ развитіе Высочайшаго указа 17 апрѣля 1905 года и имѣющій въ виду обезпечить свободное отправленіе религіознаго культа сектантовъ и даровать имъ право соединяться въ общины, никоимъ образомъ не долженъ быть понимаемъ, какъ указаніе на какое либо поощреніе сектантскихъ ученій или на развитіе прозелитизма въ ущербъ интересамъ господствующей церкви. Считаясь съ сектантствомъ, какъ наличнымъ религіозно-культурнымъ явленіемъ, дѣйствующій законъ ни въ чемъ не умалилъ правъ Православной церкви. При этомъ права ея должны быть всемѣрно ограждаемы администраціей, однако безъ нарушенія законныхъ правъ сектантовъ. Хотя успѣхъ Православной церкви зависитъ отъ степени дѣятельности ея духовныхъ представителей, но представителямъ мѣстной административной власти необходимо всемѣрно содѣйствовать развитію самодѣятельности среди православной части населенія, особенно въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ замѣчается по тѣмъ или инымъ причинамъ усиленіе вліянія сектантства.

Изъ сводки таврическаго губернатора не видно, когда именно и кому дано это разъясненіе,—возможно, что какъ разъ кіевской полиціи. Какъ бы то ни было, въ томъ же самомъ Кіевѣ, гдѣ было разогнано сектантское молитвенное собраніе за присутствіе на немъ евреевъ, въ скоромъ времени произошелъ инцидентъ, какъ бы спеціально инсценированный для выполненія только что приведенныхъ указаній г. Столыпина. Молитвенное собраніе той же самой евангельской общины, происходившее въ Контрактовомъ домѣ, было «закрыто приставомъ подольскаго участка на томъ основаніи, что среди посѣтителей собранія находился нарочито пришедшій въ собраніе благочинный, священникъ о. Дмитрій съ нѣсколькими православными людьми, въ числѣ около 14 человѣкъ, который по приходѣ пристава и потребовалъ закрытія упомянутаго собранія». Собраніе было закрыто, «дабы православные не совратились въ евангельское исповѣданіе»... Тутъ, какъ видятъ читатели, все оказалось въ наличности, что требуется по программѣ министра: и развитіе прозелитизма въ ущербъ интересамъ господствующей церкви (отецъ Дмитрій и иже были съ нимъ могли совратиться), и необходимая для успѣха этой церкви степень дѣятельности ея представителей (собраніе закрыто по тре-

бованію отца Дмитрія), и всемѣрное содѣйствіе со стороны полиціи самодѣятельности среди православной части населенія (14 человѣкъ нарочито вѣдь пришли, чтобы сорвать собраніе)... Тутъ ужъ и г. Столыпинъ при всемъ его либерализмѣ не найдетъ, пожалуй, никакой погрѣшности.

Для проявленія же своего либерализма, онъ можетъ, конечно, при случаѣ разъяснить незакономѣрность и другихъ, не въ мѣру ужъ безцеремонныхъ и никакими ущербами православію не обоснованныхъ, требованій богодуховскаго и всѣхъ прочихъ исправниковъ. Онъ напримѣръ, кому то разъяснилъ, что

представленіе списковъ лицъ, принадлежащихъ къ сектѣ данной мѣстности, провѣрка этихъ списковъ опросомъ вошедшихъ на собраніе лицъ и отобраніе подписки въ дѣйствительной принадлежности къ сектѣ, какъ не основанныя на законѣ и противорѣчащія духу его, не могутъ быть примѣняемы къ религіознымъ собраніямъ...

Но тутъ же, конечно, прибавилъ:

Хотя полиція не пользуется правомъ присутствія на религіозныхъ собраніяхъ, предоставленнымъ ей по закону 4 марта 1906 г. въ отношеніи собраній общаго характера, однако.. и въ случаяхъ простого уклоненія молитвенныхъ собраній отъ прямыхъ своихъ цѣлей, хотя бы и безъ признаковъ дѣяній, закономъ воспрещенныхъ, но по полученіи о томъ достовѣрныхъ свѣдѣній, чины полиціи должны являться на таковыя для удостовѣренія факта допущенныхъ нарушеній и принятія соотвѣтствующихъ мѣръ.

«Достовѣрныя свѣдѣнія» и тѣмъ болѣе о дѣяніяхъ, закономъ не воспрещенныхъ, у полиціи, конечно, всегда найдутся. Стало быть, и послѣ разъясненія министра за поводомъ, чтобы ворваться среди богослуженія и разгромить собраніе, дѣло у нея не станетъ.

Разъяснилъ кому то министръ и то, что «установленіе для частныхъ молитвенныхъ собраній въ цѣляхъ осуществленія полицейскаго надзора минимума или максимума участниковъ не представляется возможнымъ въ виду отсутствія основаній»... Но надзоръ долженъ быть все таки осуществленъ, и поэтому министръ немедленно вслѣдъ за этимъ прибавилъ:

Выясненіе вопроса, не имѣетъ ли религіозное собраніе въ дѣйствительности политическаго характера... лежитъ, въ случаѣ имѣющихся въ этомъ отношеніи свѣдѣній, на обязанности мѣстной администраціи, при чемъ выясненіе это должно быть произведено путемъ внутренняго надзора, а принятіе тѣхъ или другихъ мѣръ до закрытія общины включительно находится въ зависимости отъ обстоятельствъ каждаго отдѣльнаго случая *).

Легко понять, что одно такое разъясненіе даетъ, въ сущности, полиціи carte blanche въ ея отношеніяхъ къ сектантамъ. «Достовѣрныя свѣдѣнія», «внутренній надзоръ», «политическій харак-

*) Цитирую, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, по сводкѣ таврическаго губернатора.

теръ»... Пусть даже потомъ, въ случаѣ какой-либо жалобы, современный Мымрецовъ окажется и не въ состояніи удовлетворительно объяснить всѣхъ обстоятельствъ отдѣльнаго случая,—ему достаточно сослаться на политику. Все равно, какъ тому Мымрецову, котораго изобразилъ Успенскій, для оправданія себя достаточно было сказать: «въ числѣ драки-съ». Вы помните, вѣроятно, эту сценку, когда онъ даетъ отчетъ въ своихъ дѣйствіяхъ.

— Ну,—спрашивалъ его квартальный, перелистывая какія-то бумаги,—ты что же это тамъ съ бабами-то воюешь?

— Помилуйте, вашескобродіе, я только что отпихнулъ ее отъ себя.

— Кого?

— Эту самую даму.. Смоленскую...

— Какую Смоленскую?

— Да которая, напримѣръ, шельма самая... Гордѣиха приказываетъ ее узять, а она говоритъ: «я, говоритъ, съ эстой дрянью не пойду». Она, вашскобродіе, меня дрянью назвала...

— Ну?

— Ну, я ее отпихнулъ... говорю: «ты мнѣ не нужна!» А разодравши онѣ были прежде... Я подбегъ, онѣ ужъ разодравши были... и ужъ глазъ расшибли... въ томъ числѣ...

— Въ какомъ числѣ?

— Въ числѣ драки-съ.

Послѣ этого квартальному оставалось только спросить: «Посадилъ?» И разъ это было сдѣлано, то, стало быть, все въ порядкѣ.

Такъ и въ интересующемъ насъ случаѣ. Если бы начальству вздумалось спросить:

— Ты что же это тамъ съ сектантами воюешь?

Мымрецовъ, конечно, отвѣтитъ:

— Въ числѣ политики-съ... А неблагонадежные онѣ и прежде были...

Въ дѣйствительности онъ такъ и отвѣчаетъ. Приведу хотя бы такой примѣръ. На одно изъ молитвенныхъ собраній ковельскихъ сектантовъ явилась полиція въ сопровожденіи жандармовъ и, переписавъ присутствующихъ, воспретила собранія. Сектанты принесли жалобу. На запросъ по этому поводу, исправникъ отвѣтилъ, что за нѣсколько времени до возникновенія въ Ковелѣ религіозной секты «полиціей были получены свѣдѣнія о пріѣздѣ въ Ковель изъ Одессы нѣкоторыхъ лицъ съ цѣлью устройства здѣсь преступнаго сообщества, при чемъ предполагалось начать это дѣло устройствомъ собраній съ религіозною цѣлью» *).

Въ числѣ политики... Въ этомъ числѣ нынѣ все дозволено. Въ числѣ политики и надъ сектантами можно творить, что угодно, тѣмъ болѣе, что министръ въ своихъ разъясненіяхъ то и дѣло возвращается къ ней. Не забыта она и въ томъ разъясненіи, съ

*) „Рѣчь", 27 января.

котораго я началъ, въ разъясненіи по жалобѣ сектантовъ с. Пастырскаго.

Само собой разумѣется также,—заканчивается оно,—что административной власти принадлежитъ наблюденіе въ общемъ порядкѣ за недопущеніемъ на означенныхъ собраніяхъ какихъ-либо дѣйствій, не отвѣчающихъ прямой цѣли ихъ или же направленныхъ къ нарушенію общественной нравственности или государственнаго порядка.

Другими словами: кромѣ единственнаго условія, безъ котораго молитвенныя собранія сектантовъ «не могутъ быть допускаемы», надъ ними тяготѣютъ и всѣ общія условія, въ которыхъ мы живемъ.

IV.

Послѣ сказаннаго читателямъ, надѣюсь, понятно, почему, несмотря на всѣ столыпинскія разъясненія и исправленія погрѣшностей, законныя сектантскія права все время нарушались и нарушаются; нарушались они даже въ то время, когда правительству было не до того, кто какъ молится; тѣмъ болѣе они будутъ нарушаться теперь, когда «Гордѣиха приказываетъ узять», когда оно взялось всемѣрно ограждать права православія...

Въ частности, молитвенныя собранія сектантовъ воспрещались и воспрещаются прямо на глазахъ у центральнаго правительства. Возьму хотя бы недавній случай, когда православной части населенія въ лицѣ г. Меньшикова и царскосельскихъ союзниковъ вздумалось проявить свою самодѣятельность.

Съ цѣлью закрытія союза евангельскихъ христіанъ въ Царскомъ Селѣ, союзники пригласили нововременскаго Меньшикова на собраніе евангельскихъ христіанъ, а на другой день въ „Новомъ Времени“ появилась статья, въ которой Меньшиковъ „ужасался“ по поводу допущенія въ царской резиденціи собранія лицъ, не признающихъ воинской повинности, присяги и т. п. А еще черезъ день собраніе было закрыто *).

Если бы на основаніи имѣющихся въ моемъ распоряженіи матеріаловъ дать только голый перечень тѣхъ мѣстъ, гдѣ воспрещались сектантскія молитвенныя собранія, то онъ занялъ бы около страницы сплошного набора. Но мои матеріалы охватываютъ, конечно, лишь часть, и при томъ, быть можетъ, небольшую, такихъ воспрещеній.

Между тѣмъ однихъ воспрещеній для прекращенія молитвенныхъ собраній оказывается недостаточно. «Какое бы ни послѣдовало на нихъ запрещеніе—пишутъ по этому поводу въ своемъ прошеніи министру внутреннихъ дѣлъ елисаветградскіе сектанты,—они не могутъ быть оставлены или прекращены послѣдователями

*) „Рѣчь“, 14 августа.

евангельскаго ученія, такъ какъ это духовная ихъ пища, но лишь только дополнятъ число мучениковъ за вѣру евангельскую». Властямъ, не желающимъ допустить молитвенныхъ собраній, приходиться поэтому не только запрещать, но и пресѣкать ихъ и карать за нихъ.

Карать онѣ ухитряются и въ судебномъ, и въ административномъ порядкѣ. Именно ухитряются... Онѣ предаютъ, напримѣръ, сектантовъ суду за устройство молитвенныхъ собраній на основаніи временныхъ правилъ о собраніяхъ 4 марта 1906 г., хотя въ этихъ правилахъ прямо сказано, что «на рилигіозныя либо молитвенныя собранія» дѣйствіе ихъ не распространяется. Пользуются для этого и 29 ст. уст. о нак., т. е сначала запрещаютъ собранія или предъявляютъ къ нимъ „богдуховскія" требованія, а потомъ привлекаютъ къ суду за неисполненіе будто бы законныхъ распоряженій начальства. Пользуются, наконецъ, и 44 ст. уст. о нак., хотя эта статья, какъ пишутъ сектанты въ одномъ изъ прошеній, „относящаяся исключительно къ проституткамъ, а не къ баптистамъ, ничего общаго съ ними не имѣетъ".

Разъ полиція требуетъ, то мировые судьи и земскіе начальники приговариваютъ къ наказаніямъ. Одинъ изъ такихъ приговоровъ я привелъ въ самомъ началѣ, можно было бы привести ихъ и еще нѣсколько. Надо, однако, сказать, что этотъ путь воздѣйствія на сектантовъ не совсѣмъ надеженъ, такъ какъ въ слѣдующей инстанціи имъ иногда удается добиться оправданія. Въ виду этого земскіе начальники приговариваютъ иногда обвиняемыхъ къ минимальнымъ наказаніямъ, чтобы «дѣло дальше не пошло». Бываетъ, что они и вовсе не рѣшаются постановить приговоръ, явно ни на чемъ не основанный. Такъ, одинъ изъ земскихъ начальниковъ Харьковской губерніи, разобравъ дѣло о сектантахъ с. Сѣннаго и хут. Охримцова, обвиняемыхъ въ устройствѣ молитвеннаго собранія, не нашелъ въ ихъ дѣяніи состава уголовнаго преступленія. Надо сказать, что тотъ же земскій начальникъ, когда къ нему, спустя нѣкоторое время, поступило другое дѣло по обвиненію сектантовъ того же хутора Охримцова въ устройствѣ молитвеннаго собранія, которое въ дѣйствительности даже не состоялось, нашелъ нужные ему признаки и приговорилъ 13 человѣкъ къ штрафу по 25 руб. съ замѣною арестомъ на два мѣсяца каждаго. Но въ первый разъ онъ все-таки не рѣшился и счелъ за лучшее направить дѣло къ харьковскому губернатору для наложенія наказанія въ административномъ порядкѣ...

Этотъ второй путь—административный,—несомнѣнно, вѣрнѣе, тѣмъ болѣе, что повсюду дѣйствуетъ въ большей или меньшей степени усиленная охрана и, стало быть, губернаторы имѣютъ полную возможность и оштрафовать, кого имъ угодно, и въ тюрьму засадить, и за предѣлы выслать. Правда, въ дореволюціонное время (въ 1901 г.) состоялось разъясненіе сената, что къ «богомольнымъ

собраніямъ лицъ, исповѣдующихъ вѣроученіе, терпимое въ государствѣ», положеніе объ усиленной охранѣ не можетъ быть примѣняемо. Больше того: 11 февраля 1905 года было высочайше утверждено положеніе комитета министровъ, коимъ примѣненіе къ дѣламъ религіознаго свойства положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія было на будущее время прямо воспрещено. Но вѣдь власти могутъ совершать погрѣшности, и этихъ погрѣшностей ими надѣлано такъ уже много, что я затрудняюсь даже, какія изъ нихъ взять для иллюстраціи.

Наиболѣе характерными въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, явились бы, конечно, дѣянія г. Толмачева, который, напримѣръ, 8 мая 1909 г. подвергъ административному аресту 196 сектантовъ за участіе въ молитвенномъ собраніи, 11 того же мая 41 баптиста за присутствіе при обрядѣ крещенія и т. д. Не менѣе яркіе въ этомъ отношеніи факты дала, конечно, и дѣятельность г. Думбадзе, который, найдя какъ-то пребываніе евангельскихъ христіанъ въ своей сатрапіи вреднымъ, выслалъ изъ Алупки свыше 20 сектантовъ, а изъ Ялты всю общину и при томъ черезъ день или два послѣ того, какъ послѣдняя была утверждена губернскою властью... *). Думаю, однако, что совершенно безцеремонныя и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно безнаказанныя дѣянія названныхъ генералъ-губернаторовъ да и вообще хозяйничаніе русскихъ администраторовъ на основаніи положенія объ охранѣ на столько уже извѣстны читателямъ, что и въ данномъ случаѣ останавливаться на нихъ не стоитъ. Интереснѣе, какъ мнѣ кажется, будутъ тѣ погрѣшности государственной власти, которыя были ею потомъ исправлены. Кстати читатели увидятъ и то, на сколько подобныя исправленія облегчаютъ положеніе сектантовъ. Возьму два факта,—одинъ, когда погрѣшность была исправлена черезъ мѣсяцъ, и другой, когда на это понадобилось почти два года.

4 октября 1908 г. херсонскій губернаторъ подвергнулъ штрафу по 50 руб. съ замѣною арестомъ на двѣ недѣли восемь сектантокъ за устройство ими такъ называемаго «женскаго собранія» въ Елисаветградѣ; тому же наказанію былъ подвергнутъ и сектантъ Гладкій, у котораго онѣ собирались. Надо сказать, что среди восьми женщинъ находились жена и старшая дочь Гладкаго; такимъ образомъ, лишь шесть лицъ было постороннихъ. Собравшіяся у Гладкаго женщины «разбирали слово Божіе, молились Господу, пѣли псалмы и занимались рукодѣліемъ въ пользу бѣдныхъ членовъ общины». За однимъ изъ этихъ занятій, а именно за чтеніемъ евангелія, и застигла ихъ полиція. 10 октября распоряженіе губернатора было уже приведено въ исполненіе: самъ Гладкій, не имѣя на кого оставить малолѣтнихъ, вынужденъ былъ такъ

*) См. „Рѣчь". 18 марта.

или иначе достать деньги и уплатить штрафъ; жена же его, дочь и еще четыре женщины—нѣкоторыя съ грудными дѣтьми—были посажены подъ арестъ. Избѣжавшая почему-то ареста вдова полковника Гордова на слѣдующій день послала телеграмму министру, прося его отмѣнить незаконное постановленіе. 15 октября подали жалобу министру и другіе потерпѣвшіе... Въ результатѣ погрѣшность была исправлена: 4 ноября, т. е. когда арестованные отсидѣли уже весь срокъ, состоялось постановленіе губернатора объ отмѣнѣ наложеннаго на нихъ взысканія...

Другая погрѣшность начинается двумя приговорами села-волости Мостовой Кубанской области. Оба приговора были составлены въ одинъ и тотъ же день,—2 сентября 1907 года. Въ одномъ изъ нихъ говорится:

...между прочимъ, обсуждали вопросъ о томъ, что въ нашемъ селеніи нѣсколько лѣтъ осѣдло проживаетъ мѣщанинъ гор. Майкопа Иванъ Ефимовъ Моргаченко, который, будучи сектантомъ, развращаетъ жителей своимъ ученіемъ переходить изъ православія въ сектантство, такъ, напримѣръ, въ самое короткое время Моргаченко перевелъ въ сектантство слѣдующихъ лицъ: Алексѣя Сиваева, Назара Іовенко, Гордѣя Спасскаго, Михаила Горбашенко и другихъ; далѣе все болѣе и болѣе народъ въ нашемъ селеніи забываетъ православную церковь и въ воскресеніе и въ праздничные дни, вмѣсто посѣщенія церкви, заходятъ на собранія сектантовъ и превращаются подъ вліяніемъ агитаціи Моргаченко въ сектантовъ, а потому мы съ общаго нашего согласія постановили: просить Его Превосходительство Атамана Майкопскаго отдѣла о выселеніи изъ нашего села Ивана Моргаченко, какъ вреднаго для насъ лица въ религіозномъ отношеніи...

Другимъ приговоромъ постановлено выслать на томъ же основаніи Спасскаго, Сиваева, Іовенко, Горбашенко и Капрана, совращенныхъ Моргаченкомъ *). Хотя эти приговоры были немедленно

*) Въ данномъ случаѣ не видно, кѣмъ были внесены эти вопросы на обсужденіе схода и по чьей иниціативѣ составлены приговоры. Надо, однако, сказать, что въ большинствѣ другихъ аналогичныхъ случаевъ, какъ показываютъ мои матеріалы, не трудно прослѣдить дѣятельное участіе въ такихъ дѣлахъ представителей духовной или свѣтской администраціи. Такъ, приговоръ Песчанскаго сельскаго общества Полтавской губерніи о высылкѣ братьевъ Левченковъ и Богдана, какъ установлено, составленъ по предложенію земскаго начальника; приговоръ Хасавъ-Юртовскаго слободского схода (Терск. обл.) о высылкѣ „баптистскаго главаря" Бойченко составленъ „по настоянію и убѣдительной просьбѣ Хасавъ-Юртовскаго священника Павла Ащеулова" и т. д. О томъ, кто инспирировалъ въ томъ или другомъ случаѣ крестьянъ, не трудно бываетъ догадаться по тому, какъ редактированъ приговоръ. Напримѣръ, во второмъ приговорѣ о высылкѣ Левченка (въ первый разъ „погрѣшность" была исправлена послѣ того, какъ Левченко и Богданъ просидѣли 43 дня въ тюрьмѣ) говорится: „между прочими дѣлами имѣли сужденіе о томъ, что однообщественникъ нашъ казакъ Григорій Мартыновичъ Левченко, 30 лѣтъ. прежде исповѣдывалъ одинаковую съ нами православную вѣру, но теперь отвергся отъ нея и составляетъ секту баптистовъ, чѣмъ подрываетъ нашу вѣковую православную вѣру и даже отвергаетъ св. церковь и находящихся въ ней св. иконъ, кромѣ сего можетъ способствовать неповиновенію россійскимъ законамъ и постановленнымъ властямъ, а

обжалованы, какъ незаконные, такъ какъ религіозныя дѣла не подлежатъ вѣдѣнію сходовъ, однако, атаманъ майкопскаго отдѣла утвердилъ эти приговоры и 12 октября состоялось уже постановленіе начальника Кубанской области о высылкѣ всѣхъ названныхъ лицъ. При этомъ каждому изъ высланныхъ было выдано удостовѣреніе, что онъ высланъ на основаніи военнаго положенія «за распространеніе баптизма».

Потерпѣвшіе подали прошенія министру внутреннихъ дѣлъ, военному министру, директору департамента полиціи, наказному атаману и начальнику Кубанской области, доказывая, что военное положеніе къ нимъ непримѣнимо и что если они въ чемъ виноваты, то пусть ихъ предадутъ уголовному суду. Но все было напрасно. Лишь 26 апрѣля 1908 года департаментъ полиціи на прошеніе повѣреннаго сектантовъ г. Кушнерева возвратить ихъ изъ ссылки отвѣтилъ, что съ этимъ нужно обратиться къ намѣстнику на Кавказѣ. Этотъ отвѣтъ былъ объявленъ г. Кушнерову лишь 31 іюля, и онъ немедленно обратился съ прошеніемъ къ намѣстнику. Черезъ мѣсяцъ отъ того былъ полученъ отвѣтъ, что потерпѣвшіе, «какъ усматривается изъ донесенія начальника Кубанской области отъ 2 февраля сего года за № 2410, высланы изъ предѣловъ области не за ихъ религіозныя убѣжденія, а за производимые ими безпорядки, угрожающіе общественному спокойствію».

Такимъ образомъ, чтобы прикрыть «погрѣшность», кубанская администрація не остановилась, если выразиться мягко, передъ противорѣчіемъ самой себѣ, которое не трудно было установить на этотъ разъ документально. Повѣренный сектантовъ подалъ новое прошеніе намѣстнику, разъясняя всѣ обстоятельства. Наконецъ, 20 мая 1909 г., т. е. спустя болѣе полутора лѣтъ послѣ высылки, послѣдовалъ приказъ по Кубанской области, разрѣшавшій высланнымъ возвратиться. Надо сказать, что въ теченіе этого времени одинъ изъ нихъ просидѣлъ еще три мѣсяца въ тюрьмѣ за то, что навѣстилъ свою семью, остававшуюся въ с. Мостовомъ. Когда же они получили, наконецъ, разрѣшеніе вернуться, то нѣкоторые изъ нихъ даже не воспользовались этимъ правомъ, такъ какъ ликвидировали уже свое хозяйство на родинѣ и перевезли свои семьи въ другія губерніи.

Какъ видятъ читатели, административный путь оказывается достаточно вѣрнымъ даже въ тѣхъ случаяхъ, когда высшія инстанціи считаютъ нужнымъ отмѣнить распоряженія низшихъ...

Но въ какомъ бы порядкѣ—въ судебномъ или административ-

также своими злыми увѣщаніями увѣщать и нѣкоторыхъ однообщественниковъ о присоединеніи къ его вѣрѣ, кромѣ сего онъ противъ каждаго воскресенья ночью собираетъ своихъ единовѣрцевъ въ своемъ домѣ неизвѣстныхъ никому лицъ, которыя могутъ обсуждать политическія дѣла". Легко, конечно, понять, что въ этомъ приговорѣ сказались не крестьянскія только опасенія...

номъ—дѣло ни было направлено и если бы даже сектанты вовсе въ концѣ концовъ были избавлены отъ наказанія, имъ во всякомъ случаѣ приходится претерпѣть всѣ мѣры пресѣченія. Чтобы познакомить съ послѣдними, приведу два-три примѣра хотя бы тому, какъ пресѣкаются молитвенныя собранія сектантовъ.

«Все время—пишутъ въ своемъ прошеніи министру внутреннихъ дѣлъ баптисты поселка Лозовой,—мы собирались въ частномъ домѣ Анны Перепелицыной, пока не явились въ поселокъ православные миссіонеры, которые и возбудили противъ насъ мѣстную полицію. Не знаемъ, по чьему распоряженію, 17 сего мая въ 11 час. вечера явился къ намъ мѣстный полицейскій надзиратель въ сопровожденіи 4-хъ городовыхъ, вошелъ въ квартиру одного изъ насъ, Никиты Бондаренко, и сталъ кричать и браниться. Потомъ вошелъ въ сосѣднюю комнату, тутъ же въ домѣ Перепелицыной, и приказалъ городовымъ выбросить столъ, скамьи и другіе хозяйственные предметы, захвативъ со стола 4 новыхъ завѣта, 5 книгъ «Гусли» и 7 штукъ журнала «Христіанинъ». Затѣмъ, зайдя въ боковую комнату (весь домъ—жилое помѣщеніе) брата нашего Захарія Мироненко, по профессіи портного, и несмотря на полночь и на то, что жена его сильно больна передъ родами, повелѣлъ городовымъ выбросить и ихъ вещи: постель, стулья, швейную машину и проч. Такъ какъ больная не въ силахъ была выполнить это требованіе, то едва она не подверглась побоямъ со стороны городового, приводившаго надъ нею распоряженіе надзирателя. Съ большимъ усиліемъ и мольбами удалось семьѣ Бондаренко упросить надзирателя оставить больную до утра, на что послѣдній согласился, заперевъ на замокъ только одну комнату, въ которой совершалось наше богомоленіе, и ключъ отъ нея взялъ со собою.

Иной полицейскій, явившись съ подобною миссіей въ молельню сектантовъ, не упуститъ еще случая сорвать съ нихъ, сколько возможно, на какое-нибудь патріотическое дѣло. Такъ, въ одномъ изъ прошеній, поданныхъ херсонскому губернатору, мы читаемъ:

Во время обычнаго молитвеннаго собранія нашего въ с. Ингулкѣ, устроенномъ нами въ нанятомъ домѣ Якова Гохгалтера, явился приставъ 7 стана Херсонскаго уѣзда въ сопровожденіи сельскаго старосты и десятскихъ и, зайдя за столъ, откуда говорится нами слово Божіе, предложилъ собранію сдѣлать сборъ на сооруженіе памятника какому-то убитому на войнѣ генералу. Мы полагали, что г. приставъ прибылъ къ намъ нарочито съ этою цѣлью, а потому предложеніе его было принято нами съ радостью, и предложенный на памятникъ сборъ сдѣланъ нами сейчасъ-же. Оказалось, что полиція прибыла совсѣмъ не для этого...

Собравъ деньги, приставъ началъ хозяйничать...

Иногда сектанты, какъ я уже упоминалъ, упорно отстаиваютъ свое право молиться по своему и, не смотря на всѣ запрещенія и разгоны, продолжаютъ сходиться для молитвы. Мѣры пресѣченія въ этихъ случаяхъ становятся, конечно, все болѣе и болѣе крутыми. Между прочимъ, такое упорство проявили черкасскіе сектанты, одинъ изъ судебныхъ приговоровъ надъ которыми я привелъ въ самомъ началѣ.

14 августа сего года—писали они передъ этимъ кіевскому губернатору—пришли къ намъ два городовыхъ изъ участка и по приказанію пристава

забрали насъ, Михаила Ненадо, Клима Вакуленко и Филиппа Трояновскаго въ участокъ, гдѣ отъ насъ помощникъ пристава потребовалъ подписку въ томъ, что мы больше не будемъ собираться на молитву, а такъ какъ такой подписки мы не могли дать, то на насъ составили протоколъ и пригрозили намъ, что больше собираться намъ не дадутъ, отпустили домой. На другой день полиція особенно слѣдила за нами и когда прибыли къ намъ въ гости единовѣрцы наши, братья и сестры изъ Конотопа, съ которыми, по случаю праздника Успенія Богородицы, мы хотѣли пойти въ наше собраніе и помолиться Господу, то насъ тутъ-же еще на дорогѣ задержала полиція, состоявшая изъ помощника пристава г. Скорохода и восьми городовыхъ, не допустивъ до собранія, и всѣхъ, съ нашими женами и дѣтьми, окруживъ городовыми, повели въ участокъ, гдѣ мѣстныхъ жителей, переписавъ, отпустили домой, а стороннихъ нашихъ братьевъ и сестеръ отправили подъ конвоемъ на пароходъ, приказавъ имъ больше не являться къ намъ въ Черкассы.

Не находя возможнымъ ни по потребностямъ души, ни по заповѣди апостоловъ оставлять нашихъ собраній, мы, по обыкновенію, 24 августа сошлись на молитву въ нарочито предназначенномъ нами помѣщеніи въ домѣ Шакуна, куда сейчасъ-же явились трое городовыхъ, изъ которыхъ одинъ сталъ наносить намъ побои палкою почемъ попало, а остальные, ругаясь, выталкивали насъ въ шею изъ квартиры; когда-же мы напомнили имъ, что здѣсь молитвенное собраніе, и мы отправляемъ наше богослуженіе, славимъ нашего Господа и читаемъ св. Евангеліе, то они еще и еще стали ругать насъ матерно и выругались на самое Евангеліе...

На эту жалабу сектантовъ кіевскій губернаторъ ничего не отвѣтилъ. Да и что онъ могъ бы отвѣтить? Побои и оскорбленія нанесены,—и этихъ погрѣшностей даже при желаніи не исправить. Не станетъ же, въ самомъ дѣлѣ, губернаторъ привлекать городовыхъ къ отвѣтственности по 73 ст. Угол. Улож., карающею «виновныхъ въ поношеніи Священнаго писанія въ часовнѣ или христіанскомъ молитвенномъ домѣ» ссылкою на поселеніе... Вмѣсто этого потерпѣвшихъ сектантовъ стали привлекать къ отвѣтственности по Врем. прав. о собраніяхъ.

V.

Выше я упомянулъ, что едва ли не наибольшее впечатлѣніе, при первомъ чтеніи присланныхъ мнѣ документовъ, произвела на меня изворотливость современнаго Мымрецова. Надо, однако, сказать, что это было лишь первое впечатлѣніе—постепенно и незамѣтно оно смѣнилось другими. Думаю, что и читатели испытали нѣчто подобное. Дѣло въ томъ, что Мымрецовская изворотливость сливается съ совсѣмъ инымъ свойствомъ, которое я не рѣшаюсь даже прямо назвать и которое переходитъ временами то въ издѣвательство, то въ жестокость. На этихъ послѣднихъ свойствахъ мымрецовской дѣятельности мнѣ хотѣлось бы еще остановиться.

Не думайте, что я привелъ наиболѣе рѣзкіе факты гоненій въ дѣлахъ вѣры. Скорѣе напротивъ... Я остановился на отношеніяхъ государственной власти къ сектантамъ въ сферѣ ихъ правъ,—

правъ довольно таки безобидныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно ясно въ законѣ выраженныхъ. Но, кромѣ этой сферы сектантскихъ, правъ, имѣется еще сфера сектантскаго безправія. Въ 16 томахъ свода россійскихъ законовъ за долгіе годы накопилось не мало статей, лишающихъ иновѣрцевъ вообще и отпавшихъ отъ православія въ особенности различныхъ правъ. Въ большинствѣ своемъ эти статьи при «укрѣпленіи началъ вѣротерпимости» остались прямо не отмѣненными и, само собой понятно, при дальнѣйшей кодификаціи оказались сохраненными. Въ сферѣ дѣйствія этихъ статей Мымрецовъ ничѣмъ ужъ не стѣсняется. Тутъ и тѣ свойства его дѣятельности, на которыхъ, какъ мнѣ кажется, нужно еще остановиться, сказываются съ наибольшею опредѣленностью.

Давать полную картину отношеній государственной власти къ сектантамъ въ этой области я не буду,—имѣющіеся для этого матеріалы слишкомъ обширны, и къ нимъ лучше будетъ вернуться другой разъ, если представится случай. Сейчасъ же я возьму лишь нѣсколько фактовъ, чтобы штрихи, уже намѣтившіеся въ предыдущемъ изложеніи, сдѣлались яснѣе.

Въ XIII томѣ свода законовъ, а именно, въ «уставѣ врачебномъ» (!) къ ст. 707-й, въ которой говорится о погребеніи арестантовъ, какъ оказывается, сдѣлано примѣчаніе (повидимому, не очень давно, въ изд. 1892 г. его нѣтъ), воспрещающее погребать сектантовъ на одномъ кладбищѣ на ряду съ православными. Какія мученія и издѣвательства приходится переносить сектантамъ, благодаря этому примѣчанію, ясно будетъ хотя бы изъ слѣдующаго случая, который рѣзсказываютъ въ своемъ прошеніи министру внутреннихъ дѣлъ сектанты села Водяной Кіевской губерніи.

11 января сего года,—пишутъ они,—у одного изъ насъ, Кузьмы Семеруна, умеръ ребенокъ Петръ. Такъ какъ мы—сектанты и за малочисленностью намъ до сего времени обществомъ не отведено кладбища для погребенія умершихъ нашихъ членовъ, то мы обратились къ мѣстному священнику о. Григорію Грушенко съ просьбою дозволить по прежнему похоронить на общемъ кладбищѣ и этого ребенка. Священникъ въ просьбѣ намъ отказалъ. Тогда мы обратились къ становому приставу, который далъ намъ записку къ священнику Грушенко о допущеніи тѣла на кладбище. Это было на 3-й день, 13 января.

Взявъ тѣло, мы понесли его на кладбище, но тутъ же, на дорогѣ, были остановлены сельскимъ старостомъ Ерофеемъ Жулинскимъ, который, схвативъ одного изъ насъ, Тимофея Стукала, за груди, повлекъ во дворъ священника «на расправу». Вслѣдъ за этимъ послышался раздирающій крикъ Стукала, котораго на глазахъ старосты и священника жестоко избивали приглашенные во дворъ отцемъ Грушенко односельчане Давидъ Шавровскій и Михаилъ Новохацкій (первые были при своихъ знакахъ: староста—при бляхѣ, а священникъ—съ наперснымъ крестомъ)...

Этимъ дѣло не кончилось: оставивъ истязать Стукала, священникъ направился къ погребальной процессіи, окруженный толпою православныхъ людей и, какъ только завидѣлъ насъ, крикнулъ имъ: «бейте ихъ, я отвѣчаю». Несшіе и сопровождавшіе тѣло бросились во всѣ стороны и разбѣжались, оставивъ на произволъ тѣло ребенка среди выгона, которое, по

распоряженію священника Грушенко, доставлено сельскою полиціею обратно на домъ родителямъ его.

На другой день снова обратились къ становому приставу въ мѣстечко Шполу, отстоящее 12 верстъ отъ Водяной, прося оказать намъ законное содѣйствіе при погребеніи тѣла, но такъ какъ послѣдній никакого содѣйствія намъ не оказалъ, то мы отправились съ жалобой на сельскую власть къ мировому посреднику Звенигородскаго уѣзда, который, выслушавъ насъ и осмотрѣвъ избитаго изъ насъ Тимофея Стукала, для разслѣдованія дѣла командировалъ Шполянскаго волостного старшину Чепура,—жалобу нашу оставилъ безъ послѣдствій, а сей послѣдній, разобравъ дѣло, въ довершеніе всѣхъ истязаній и нравственнаго мученія, арестовалъ ни въ чемъ неповинныхъ ему нашихъ братьевъ Евтихія Пиндера и потерпѣвшаго Тимофея Стукала, и все-же полуразложившееся тѣло ребенка оставилъ безъ погребенія, которое только на шестой день могли похоронить въ усадьбѣ его родителей, въ саду.

Министръ, которому все это было описано, не нашелъ ничего лучшаго, какъ отвѣтить ссылкою на вышеупомянутое примѣчаніе къ одной изъ статей устава врачебнаго. Впрочемъ, онъ великодушно еще прибавилъ, что имъ одновременно написано кіевскому губернатору объ отводѣ сектантамъ отдѣльнаго мѣста для ихъ покойниковъ. Это было въ мартѣ 1907 года. Прождавъ понапрасну годъ, сектанты въ апрѣлѣ 1908 года вынуждены были снова обратиться съ просьбою о кладбищѣ. Изъ моихъ матеріаловъ не видно, чтобы и послѣ того эта нужда была удовлетворена. Возможно, что и до сихъ поръ они терпятъ всякія мытарства и хоронятъ своихъ умершихъ на усадьбахъ.

И этотъ фактъ отнюдь не исключительный. Тоже происходитъ и въ другихъ мѣстахъ,—даже тамъ, гдѣ раньше сектанты безпрепятственно хоронили своихъ покойниковъ на общихъ кладбищахъ. Разница, если и есть, то въ томъ только, гдѣ власти настигнутъ нарушителей врачебнаго устава. Напримѣръ, въ с. Кислинѣ (той же Кіевской губ.) при погребеніи ребенка Кравца онѣ настигли ихъ уже на кладбищѣ и здѣсь разогнали; тѣло же доставили сначала въ сельскую расправу и лишь поздней ночью отдали его родителямъ, послѣ чего оно и были похоронено въ огородѣ. Пришлось нести съ кладбища свою покойницу, чтобы похоронить ее на усадьбѣ, и сектантамъ д. Новославянска Харьковской губерніи. Въ сел. Насташкахъ (Кіевск. губ.) при погребеніи баптистки Корженко священникъ засталъ на кладбищѣ уже вырытую для нея могилу.

— Православные,—возопилъ онъ, — подумайте, до чего мы дожили: насъ стали хоронить уже со штундистами! Если же такъ, то и скотину хоронить можно...

И онъ потребовалъ, чтобы яма была зарыта, отказываясь иначе хоронить на кладбищѣ православныхъ. Сектанты потомъ опять откопали эту могилу и похоронили все-таки покойницу. Власти и на этотъ разъ хотѣли помѣшать, но опоздали, нашли могилу уже зарытой, а вновь ее раскапывать онѣ не рѣшились.

Но бываетъ, что сектантскихъ покойниковъ и выкапываютъ... Такой случай имѣлъ, напримѣръ, мѣсто въ Былбасовкѣ Харьковской губерніи. Священникъ сначала не позволилъ хоронить на кладбищѣ сектантскаго ребенка, но потомъ, когда была уже вырыта могила на усадьбѣ, неожиданно прислалъ съ десятскимъ свое разрѣшеніе. Едва, однако, сектанты похоронили ребенка, какъ священникъ явился на кладбище и велѣлъ выкопать. Народъ стоялъ въ страхѣ и недоумѣніи, но нашлись все-таки такіе, которые за обѣщанный имъ могарычъ раскопали могилу, вынули гробъ, сбили съ него крышу лопатой и поставили его передъ священникомъ. Добившись своего, послѣдній отпѣлъ его по православному обряду...

Я взялъ для примѣра маленькое, не всѣмъ даже извѣстное примѣчаніе къ одной изъ статей въ XIII томѣ... Между тѣмъ въ сводѣ законовъ имѣются и болѣе грозныя статьи. Не мало ихъ, напримѣръ, въ XV томѣ, куда входятъ уголовные законы. Достаточно напомнить 73—98 статьи уголовнаго уложенія, грозящія всевозможными карами, начиная отъ ареста и кончая каторгой, за богохульство, кощунство, совращеніе въ расколъ и т. п. Едва ли не больше всѣхъ другихъ приходится отвѣчать по этимъ статьямъ сектантамъ. Въ большинствѣ случаевъ это такія преступленія, которыя не трудно усмотрѣть и тамъ, гдѣ ихъ въ дѣйствительности не было; если же и усмотрѣть нельзя, то создать можно. Чтобы показать, какъ создаются эти преступленія, приведу два примѣра.

Въ деревню Варовскъ (Радомысл. у.) пришли какъ-то два сектанта, разыскивавшіе своего должника. Хозяинъ пивной, куда они зашли, заподозривъ въ нихъ штундистовъ, послалъ за старостой. Тѣмъ временемъ собрался народъ поглядѣть на штундистовъ, при чемъ нѣкоторе стали ихъ допрашивать. Явился урядникъ, арестовалъ сектантовъ, составилъ протоколъ,—и дѣло готово. Сектантамъ было предъявлено обвиненіе по 90-й ст., т. е. за публичное произнесеніе рѣчей съ цѣлью совращенія православныхъ. 12 августа нынѣшняго года кіевскій окружной судъ разсмотрѣлъ это дѣло и оправдалъ обвиняемыхъ послѣ того, какъ они пробыли почти $1^1/_2$ года подъ судомъ и слѣдствіемъ.

Другой примѣръ. Священникъ с. Дермезной о. Юрачковскій съ дьячкомъ и сторожемъ зашелъ въ хату сектанта Литвина и сталъ приставать, чтобы тотъ съ женою поцѣловали крестъ. Сектанты сначала отказывались, а потомъ заспорили, доказывая, что для нихъ въ крестѣ нѣтъ никакой святости. Въ результатѣ Литвинъ привлеченъ къ суду по обвиненію въ кощунствѣ и оскорбленіи православнаго священнослужителя во время совершенія имъ духовной требы. Дѣло это возникло въ декабрѣ 1908 г. и по сей день еще судомъ не разсмотрѣно.

Еще чаще религіозныя преступленія создаются такимъ путемъ:

кто-либо изъ представителей православія (иногда съ этой цѣлью пріѣзжаютъ даже архіереи) начинаетъ обличать сектантовъ и всячески поносить ихъ вѣру; достаточно со стороны сектантовъ въ этомъ случаѣ неосторожной реплики... Пусть потомъ судъ оправдаетъ обвиняемыхъ, пусть ихъ не удастся даже довести до скамьи подсудимыхъ,—во всякомъ случаѣ претерпѣть имъ придется не мало. Достаточно, если имъ придется пройти только стадію полицейскаго дознанія. Характеръ послѣдняго хорошо извѣстенъ. Впрочемъ, приведу одинъ примѣръ.

Въ іюнѣ 1909 г. въ с. Ново-Николаевкѣ Харьковской губ. были арестованы, какъ совратители, сектанты Паленый и Шапошникъ (послѣдній—пресвитеръ, пріѣхавшій изъ Екатеринославской губ., чтобы совершить крещеніе новообращенныхъ). «Я арестовываю васъ обоихъ—сказалъ имъ урядникъ,—потому-что вы называетесь баптистами, но вы не баптисты, а бунтисты». Сначала арестованныхъ допрашивалъ урядникъ при участіи двухъ священниковъ. «Когда урядникъ писалъ протоколъ—разсказываетъ въ своемъ письмѣ Шапошникъ,—то попы просили его писать протоколъ такъ, какъ они говорили, и дѣлали допросъ съ 6 час. вечера до двухъ часовъ ночи». Потомъ арестованныхъ отправили на допросъ къ становому приставу. Уже здѣсь урядникъ, не смущаясь присутствіемъ послѣдняго, «тыкалъ пальцами въ уши и скубъ за волосы» сектантовъ. Но худшее ихъ ожидало впереди. По дорогѣ въ г. Изюмъ на одной изъ остановокъ урядники развернулись во всю.

Выславъ всѣхъ стражниковъ,—разсказываетъ г. Шапошникъ,—урядники стали наносить удары Паленому по чемъ попало: раскровавили его лицо и носъ, они обливали его водою и обмывали кровь съ лица и одежды, вытирая носовыми платками. Избивъ до полусмерти, посадили его въ камеру, а меня взяли къ себѣ. Вводя въ ту же комнату, урядники захватили съ собою снова кружку воды и, какъ только ввели меня, то не давъ даже осмотрѣться (я успѣлъ только увидѣть портретъ Государя на стѣнѣ), сейчасъ набросились на меня, какъ львы: стали бить меня съ обѣихъ сторонъ кулаками, а когда сбили съ ногъ, то начали бить сапогами подъ бока и по чемъ попало. Затѣмъ поднимутъ, напоятъ водою и приведутъ немного въ чувство, снова начнутъ бить, а когда лишусь чувства, то снова поднимутъ, напоятъ водою и снова бьютъ до потери сознанія. Затѣмъ еще съ лучшимъ остервенѣніемъ хватали меня за уши и били объ стѣну головою, рвали бороду и на головѣ волосы, становя по-солдатски „смирно", руки по швамъ. Потомъ снова со всего размаху били въ ухо и валили на полъ..

Въ Изюмѣ избитымъ учинилъ допросъ еще исправникъ, послѣ чего ихъ отправили въ тюрьму... Несмотря, однако, на этотъ рядъ допросовъ, создать судебное дѣло противъ Шапошника и Паленаго все-таки не удалось. Тогда губернаторъ подвергъ ихъ трехмѣсячному аресту въ административномъ порядкѣ. Но и эту погрѣшность въ виду сектантскихъ жалобъ пришлось черезъ мѣсяцъ исправить.

Потому, быть можетъ, что сектантскія дѣла, хотя ихъ и легко

возбуждать, не всегда удается надлежащимъ образомъ кончить, нѣкоторые предпочитаютъ вовсе не пускаться въ юридическія тонкости. Совершенно не интересуясь тѣмъ, какихъ правъ сектанты лишены и какія имѣютъ, они просто-напросто расправляются съ ними по своему, вполнѣ довольствуясь тѣмъ «умаленіемъ жизни», какое могутъ причинить имъ собственными силами. Изъ ряда относящихся сюда фактовъ приведу одинъ, изложенный въ прошеніи министру внутреннихъ дѣлъ сектантами с. Старогольскаго Воронежской губерніи.

Мѣстный священникъ, Георгій Петровъ,—пишутъ они,—будучи недовольнымъ тѣмъ, что въ его селѣ проживаютъ сектанты-баптисты, потребовалъ отъ сельскаго старосты созвать сельскій сходъ, на который потребовалъ доставить и насъ для „расправы". Требованіе это было выполнено, и мы по приказанію старосты были доставлены сотскими и десятскими въ расправу. Когда насъ привели въ расправу, здѣсь находились: священникъ, сельскій староста, сотскій, сельскій писарь и около двадцати человѣкъ сельчанъ, которые, по приказанію священника и властей, набросились на насъ, сбили съ ногъ и стали наносить удары палками, кулаками и всякаго рода пинками истязая насъ до полусмерти. Избивъ насъ, истязатели пошли по домамъ баптистовъ, гдѣ, между прочимъ, зашли въ домъ единовѣрца нашего Кирсанова, успѣвшаго скрыться изъ дому, и все тамъ разгромили, перепугавъ маленькихъ дѣтей его, и дѣлали многое другое, чего описать не въ силахъ.

Такъ какъ разъяренная толпа буяновъ, подстрекаемая мѣстною сельскою властью и священникомъ Петровымъ, не унималась, то мы обратились къ полиціи, къ уряднику и исправнику, но отъ нихъ никакой защиты намъ не послѣдовало...

Этимъ я и кончу. Думаю, что дѣятельность Мымрецова, расположившагося на дорогѣ къ Богу, достаточно уже мною охарактеризована.

Высланные по распоряженію ген. Думбадзе изъ Ялтинскаго уѣзда евангелисты подали ему прошеніе, въ которомъ писали:

Видитъ Богъ, ваше превосходительство, что мы никогда никого не совращали въ штунду и впредь обѣщаемъ не совращать. Такое совращеніе намъ приписали ложно, и эту ложь мы всегда готовы доказать передъ лицомъ вашего превосходительства, если на то будетъ вами изъявлено согласіе. Будучи вѣрными послѣдователями евангельскаго ученія, въ которомъ заповѣдано повиноваться начальству міра сего, мы безпрекословно и безропотно подчинились наказанію и вполнѣ увѣрены предъ своею совѣстью, что мы безъ вины наказаны, но принимаемъ все это за Божіе испытаніе. «Гнали Меня, будутъ гнать и васъ». Не желая, чтобы ваше превосходительство были въ числѣ тѣхъ людей, которые гнали христіанъ за вѣру во Христа Іисуса, умершаго за насъ на Голгофѣ, мы, забывши все прошлое, со смиреніемъ и евангельскою кротостью наканунѣ великаго христіанскаго праздника Рождества Христа Спасителя, о которомъ пѣли ангелы, что въ человѣкахъ должно быть благоволеніе, рѣшили обратиться къ вашему превосходительству съ покорнѣйшей просьбой разрѣшить намъ свободно проживать въ Ялтѣ.

Генералъ Думбадзе,—какъ сообщили въ свое время газеты,—оставилъ это прошеніе безъ отвѣта... Надо сказать, что съ подоб-

ными обращеніями къ «любвеобильному сердцу» того или иного превосходительства приходится встрѣчаться и въ другихъ прошеніяхъ. Признаюсь, что мнѣ лично эти обращенія въ устахъ сектантовъ—въ устахъ людей, которые въ гоненіяхъ видятъ «Божіе испытаніе»—представляются не совсѣмъ даже понятными. Думаю, что Іисусъ, завѣтамъ котораго они слѣдуютъ, съ подобнымъ прошеніемъ къ Пилату или Каіафѣ не обратился бы. Да и въ безплодности подобныхъ обращеній сектантамъ пора бы, кажется, убѣдиться.

Болѣе близкой и понятной представляется мнѣ борьба—подъ часъ очень упорная борьба,—которую они ведутъ кое-гдѣ на правовой почвѣ. На первый взглядъ она представляется и болѣе плодотворной. Кое-чего имъ какъ будто удается въ этомъ случаѣ достигнуть,—но, какъ оказывается при болѣе внимательномъ изученіи, не больше того, сколько можетъ и хочетъ дать произволъ. Почвы для правовой борьбы въ дѣйствительности нѣтъ. Правда, власти нерѣдко стараются придать своимъ дѣйствіямъ «законный видъ и толкъ». Не трудно, однако, понять, что этотъ «законный видъ и толкъ» тотъ же, что и въ баснѣ. Въ отвѣтахъ ихъ сектантамъ все время слышится: «ты тѣмъ ужъ виноватъ, что хочется мнѣ кушать»...

Несомнѣнно, что въ отношеніяхъ сектантовъ къ государственной власти прорывается и еще одна нота,—нота обиды, возмущенія, протеста... Но она звучитъ слишкомъ слабо, чтобы дать какіе-либо практическіе результаты.

По крайней мѣрѣ, такое впечатлѣніе производятъ лежащіе передо мною матеріалы.

Въ результатѣ сходство въ положеніи дѣлъ съ тѣмъ, какое изображено въ баснѣ, представляется еще болѣе полнымъ.

«Богъ и Мымрецовъ»—назвалъ я свою статью. Правильнѣе, быть можетъ, было бы ее назвать «басней въ лицахъ». Бога мы такъ и не видѣли,—мы видѣли рядъ сценъ, какія происходятъ въ лѣсныхъ трущобахъ...

А. Пѣшехоновъ.

О современной тюрьмѣ и ссылкѣ.

Послѣдніе годы — «годы успокоенія» Россіи по оффиціальной терминологіи—принесли съ собою небывалое переполненіе мѣстъ заключенія и ссылки. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ населеніе русскихъ тюремъ чуть не утроилось и общая численность его уже въ настоящій моментъ едва-ли не превышаетъ 200.000 человѣкъ. Сильно увеличилось также и количество лицъ, осужденныхъ на ссылку судомъ и подвергнутыхъ административной ссылкѣ. Тюрьма и ссылка, всегда занимавшія видное мѣсто въ русской жизни, теперь, въ періодъ оффиціальнаго «успокоенія», играютъ въ ней еще болѣе замѣтную роль. Но характеръ этой роли обусловливается не однимъ только количествомъ заключенныхъ и ссыльныхъ; не въ меньшей, если не въ большей, степени опредѣляютъ этотъ характеръ тѣ условія жизни, которыя созданы дѣятелями «успокоенія» для современной русской тюрьмы и ссылки.

Широкимъ слоямъ общества эти условія, особенно по скольку они касаются тюремъ, остаются въ сущности очень мало извѣстны. Внутренняя жизнь русскихъ тюремъ защищена отъ постороннихъ глазъ плотной, почти непроницаемой завѣсой. Лишь время отъ времени, въ особо экстренныхъ случаяхъ, эта завѣса нѣсколько приподнимается и даетъ возможность разсмотрѣть кое-какія изъ скрывающихся за нею явленій. Лишь время отъ времени въ печати появляются свѣдѣнія о томъ, что происходитъ внутри тюремныхъ стѣнъ, свѣдѣнія по большей части краткія, отрывочныя и не всегда достаточно ясныя. Даже путемъ группировки такихъ свѣдѣній за нѣкоторый, болѣе длительный промежутокъ времени нельзя еще получить полной картины современной тюремной жизни. Но такимъ путемъ возможно, по крайней мѣрѣ, освѣтить хоть нѣкоторыя характерныя черты этой жизни и именно это я и хотѣлъ бы сдѣлать, предлагая вниманію читателей настоящій набросокъ.

Кое-какія особенности быта современныхъ русскихъ тюремъ стали уже достояніемъ широкой гласности. И эти особенности таковы, что, заговоривъ о нихъ, даже тѣ органы русской печати, которые являются присяжными хвалителями существующаго порядка, присяжными бардами «успокоенія», порою нѣсколько измѣняютъ обычному своему тону. Недавно «Новое Время» сочло нужнымъ помѣстить на своихъ столбцахъ разсказъ о порядкахъ пятигорской уголовной тюрьмы. Въ этой тюрьмѣ—сообщала га-

зета—250 заключенныхъ довольствуются пищей изъ котловъ, разсчитанныхъ на довольствіе 82 человѣкъ. Въ тюремной больницѣ на трехъ койкахъ помѣщается отъ 10 до 18 человѣкъ. Въ женской камерѣ санитарная коммиссія видѣла женщину въ цвѣтущемъ періодѣ сифилиса, а для питья воды въ этой камерѣ имѣется лишь одна кружка. Тюрьма разсчитана на 85 человѣкъ, но обычно она вмѣщаетъ не менѣе 150 заключенныхъ, а бываетъ въ ней и до 250 арестантовъ. Тогда они помѣщаются въ подвалахъ, въ которыхъ стѣны такъ грязны, что ихъ трудно отличить отъ асфальтовыхъ половъ. За недостаткомъ мѣстъ на нарахъ заключенные спятъ на полу подъ нарами, на тюфякахъ, разъ въ шесть мѣсяцевъ набиваемыхъ соломой пополамъ съ навозомъ; при этомъ передъ набивкой тюфяковъ чехлы не стираются, а переходятъ немытыми отъ сифилитика, туберкулезнаго и тифознаго къ здоровому. Ни простынь, ни полотенецъ заключеннымъ не выдается. Послѣ умыванья арестантъ вытирается своей рубашкой, которая стирается лишь два раза въ мѣсяцъ. Два раза въ мѣсяцъ арестанта водятъ въ грязную, съ провалившимися полами, баню.

«Убійцы и грабители—комментировала этотъ разсказъ суворинская газета — не должны разсчитывать на комфортъ, котораго требуетъ для нихъ оппозиціонная печать и котораго не имѣетъ честный трудящійся людъ. Но нельзя терпѣть, чтобы арестанты завѣдомо заражали другъ друга сифилисомъ и туберкулезомъ, нельзя заставлять ихъ спать на тюфякахъ, набитыхъ навозомъ, нельзя и преступниковъ ставить въ такія условія обстановки, въ какихъ мало-мальски порядочный хозяинъ не держитъ скотину. Да, наконецъ, что говорить о преступникахъ! Вѣдь это не только имъ, заслужившимъ всяческія кары, вѣдь это угроза всѣмъ обывателямъ и посѣтителямъ курорта! И можетъ ли государство требовать съ чистой совѣстью соблюденія санитарныхъ мѣропріятій отъ рядовыхъ гражданъ, если само превращаетъ свои учрежденія, долженствующія служить образцомъ благоустройства, въ клоаку? *)

Безъ выходки по адресу оппозиціонной печати «Новое Время», конечно, не могло обойтись. Но, отгораживаясь отъ всякой солидарности съ «требованіями оппозиціонной печати», оно все же не рѣшилось взять на себя защиту порядковъ пятигорской тюрьмы и, осуждая эти порядки, утверждаетъ, что тюрьмы не должны быть обращаемы въ клоаки. Пусть даже къ этому утвержденію газету г. Суворина привела злоба не о заключенныхъ, не о «преступникахъ, заслужившихъ всяческія кары», а только объ «обывателяхъ и посѣтителяхъ курорта», благополучію которыхъ угрожаетъ санитарное неблагоустройство пятигорской тюрьмы. Взявъ своею отправною точкою исключительно заботу объ обывателяхъ, живущихъ по сосѣдству съ тюрьмою, газета все же приходитъ къ выводу, что нельзя ставить заключенныхъ въ такія условія, въ которыхъ больные неизбѣжно заражаютъ здоровыхъ, нельзя дер-

*) «Новое Время», 26 августа.

жать арестованныхъ людей въ такой обстановкѣ, въ какой сколько-нибудь порядочный хозяинъ не станетъ держать скотины. И этому выводу само же «Новое Время» противопоставляетъ тотъ фактъ, что пятигорская тюрьма вовсе не представляетъ собою какого-либо рѣзкаго исключенія и что вообще наши уголовныя тюрьмы въ настоящее время «являются очагами заразы».

Въ приведенномъ эпизодѣ интересны, конечно, не разсужденія «Новаго Времени», сами по себѣ взятыя. Интересно въ немъ то, что даже столь угодливая, столь охотно разсыпающаяся по всякимъ поводамъ въ восторженныхъ похвалахъ современности газета, какъ «Новое Время», очутившись лицомъ къ лицу съ конкретными явленіями жизни, не могла не назвать ихъ настоящимъ именемъ. Хотя и съ нѣкоторымъ опозданіемъ противъ дѣйствительности, «Новое Время» во всякомъ случаѣ правильно отмѣтило тотъ фактъ, что русскія тюрьмы обращены въ очаги заразы. Для болѣе наглядной иллюстраціи этого факта нѣтъ надобности даже вспоминать о тифозной эпидеміи, болѣе года свирѣпствовавшей въ тюрьмахъ чуть ли не всей Россіи и до сихъ поръ еще не совсѣмъ заглохшей. На ряду съ тифомъ въ нашихъ тюрьмахъ прочно водворились и другія эпидеміи и нѣтъ недостатка въ свидѣтельствахъ объ этомъ, правда, краткихъ, но въ самой своей краткости крайне выразительныхъ.

«Городской санитарный надзоръ—сообщала минувшей весной газетная телеграмма изъ Екатеринослава — сдѣлалъ ужасное открытіе: оказывается, что въ губернской тюрьмѣ вслѣдствіе антигигіеническихъ условій свирѣпствуетъ туберкулезъ, причемъ въ тюрьмѣ отъ него погибаетъ больше людей, чѣмъ во всемъ городѣ». «Въ виду угрожающей городскому населенію опасности—прибавляла телеграмма—вопросъ будетъ обсуждаться въ думѣ» *). Газетная телеграмма однако не поясняла, что именно разсчитываетъ предпринять екатеринославская дума въ виду представшаго предъ ней «ужаснаго открытія». Впрочемъ, въ такихъ поясненіяхъ врядъ ли была и надобность: всякій читатель газеты и самъ, конечно, вполнѣ отчетливо представлялъ себѣ, что городская дума можетъ, пожалуй, разсуждать о свирѣпствующей въ тюрьмѣ эпидеміи, но ничего не можетъ сдѣлать въ этомъ вопросѣ, за исключеніемъ развѣ лишь обращенія къ администраціи, въ вѣдѣніи которой находится пораженная эпидеміей тюрьма. И дѣйствительно, какъ и слѣдовало ожидать, никакихъ извѣстій о какой-либо борьбѣ съ эпидеміей туберкулеза въ екатеринославской тюрьмѣ въ печати не появлялось. За то появились извѣстія о развитіи той же эпидеміи въ уѣздныхъ тюрьмахъ Екатеринославской губерніи. «Въ мѣстной тюрьмѣ,—сообщали недавно газетамъ изъ г. Александровска—какъ и въ екатеринославской, благодаря скученности, недостатку воздуха, сквозняку и

*) «Рѣчь», 15 апрѣля.

плохому питанію, туберкулезъ среди заключенныхъ свилъ себѣ прочное гнѣздо» *).

Условія, отмѣченныя въ этомъ послѣднемъ сообщеніи, имѣются на лицо въ громадномъ большинствѣ русскихъ тюремъ. Недавно были опубликованы данныя анкеты, предпринятой главнымъ тюремнымъ управленіемъ съ цѣлью освѣтить состояніе тюремныхъ помѣщеній въ Россіи. Вотъ нѣкоторыя изъ свѣдѣній, сообщаемыхъ оффиціальной анкетой. Въ акмолинской тюрьмѣ «арестантскій корпусъ настолько ветхій, что тепло въ немъ удерживается только благодаря толстой глиняной, внутренней и наружной, обмазкѣ на стѣнахъ. Крыша надъ всѣмъ зданіемъ сгнила и во время дождей даетъ течь». Въ кокчетавской тюрьмѣ «наружныя стѣны на столько прогнили, что во время зимнихъ холодовъ промерзаютъ и покрываются инеемъ. Крыша течетъ, потолки сгнили и погнулись, полы во многихъ мѣстахъ провалились». Астраханская тюрьма «расположена въ самой низкой, малоздоровой, но весьма населенной части города. При тюрьмѣ нѣтъ прачешной, и бѣлье арестантовъ моется поэтому въ банѣ. Зданіе арестантскаго корпуса лишено вентиляціи, а въ нижнемъ этажѣ значительная сырость, которая не исчезаетъ, несмотря на всѣ принятыя мѣры». Въ бакинской тюрьмѣ «арестантскій корпусъ, какъ и отхожія мѣста, лишены вентиляціи, почему въ тюрьмѣ тяжелый и удушливый воздухъ». Въ нолинской тюрьмѣ (Вятской губерніи) «ретирадныя мѣста лишены вентиляціи и распространяютъ на всю тюрьму сильное зловоніе». Въ роменской тюрьмѣ «стѣны крайне сыры», а кирпичные своды грозятъ разрушеніемъ». Въ ростовской тюрьмѣ «наружныя стѣны имѣютъ нѣсколько сквозныхъ трещинъ». Въ одной изъ тюремъ Елисаветпольской губерніи «на одного заключеннаго приходится не болѣе 0,4 куб. арш. воздуха въ то время, какъ должно быть 1,14 куб. арш.». «Вслѣдствіе скученности заключенныхъ, сырости стѣнъ и отсутствія какой-либо вентиляціи воздухъ» въ этой тюрьмѣ «въ высшей степени затхлый и пропитанный міазмами. Въ осеннее время въ тюрьмѣ постоянно наблюдаются повальныя заболѣванія дыхательнаго аппарата съ осложненіями—ревматизмомъ, накожными болѣзнями и цынгой». Въ читинской тюрьмѣ «балки сгнили, потолки поддерживаются только подпорами, полы износились, печи перегорѣли». Въ зданіи керчинской каторги «потолки протекаютъ, а полы сгнили». Въ вилькомірской тюрьмѣ (Ковенской губерніи) «обнаружено присутствіе грибка» *). Неудивительно, что и вѣсти о здоровьѣ заключенныхъ идутъ изъ тюремъ приблизительно однѣ и тѣ же и что въ этихъ вѣстяхъ можно отмѣтить лишь нѣкоторыя, не особенно значительныя варіаціи. Недавно, напримѣръ, корреспондентъ «Рѣчи» далъ на столбцахъ этой газеты описаніе

---

*) «Рѣчь», 27 авуста.

**) «Рѣчь», 11 сентября.

одной изъ западныхъ тюремъ, именно Сандомірской, помѣщающейся въ зданіи, когда-то представлявшемъ собою родовой замокъ польскихъ магнатовъ Мнишковъ.

«Главное вѣковое тюремное зданіе — разсказываетъ корреспондентъ—имѣетъ три этажа съ подвалами. Въ верхнемъ его этажѣ расположено 8 камеръ, въ среднемъ 16, а въ нижнемъ 7. Камеры нижняго этажа съ толстыми, въ три аршина, мокрыми отъ сырости и покрытыми вѣковой плесенью стѣнами, низкими, темными потолками и маленькими окнами съ желѣзными, въ три пальца толщины рѣшетками. Воздухъ въ нихъ—сырого, никогда не провѣтриваемаго подвала. Это какіе-то склепы для заживо погребаемыхъ людей. Асфальтовые полы всегда мокры отъ сырости. Пронизывающая кости сырость охватываетъ здороваго человѣка при входѣ въ эти камеры. Служатъ онѣ карцерами. Попадая въ одинъ изъ такихъ карцеровъ по распоряженію начальника тюрьмы, арестованный, закованный иногда въ кандалы на голыхъ ногахъ, остается въ немъ по нѣсколько дней и долженъ сидѣть и спать на прогнившемъ соломенномъ матрацѣ. Но и тотъ, для усугубленія кары, не всегда дается попадающему въ карцеръ... Послѣ нѣсколькихъ дней, проведенныхъ въ карцерахъ, арестованные выходятъ изъ нихъ зачастую съ сильнѣйшей ломотой въ костяхъ и пріобрѣтеннымъ на всю жизнь ревматизмомъ, попадая прямо въ больницу. Въ особыхъ камерахъ содержатся присужденные къ каторжнымъ работамъ, здѣсь же они и отбываютъ свои наказанія, безъ всякаго физическаго труда и свѣжаго воздуха. Убыль такихъ осужденныхъ происходитъ естественнымъ путемъ вымиранія» *)...

Трудно, пожалуй, представить себѣ обстановку, болѣе благопріятную для развитія туберкулеза, чѣмъ та, какая вырисовывается изъ приведеннаго описанія. Но не менѣе благопріятной обстановкой могутъ въ свою очередь похвалиться и многія другія русскія тюрьмы. За нѣсколько мѣсяцевъ до того, какъ въ «Рѣчи» появилось описаніе сандомірской тюрьмы, въ сибирскихъ газетахъ было помѣщено составленное на основаніи частныхъ писемъ описаніе жизни на акатуйской каторгѣ. Здѣсь заключенные помѣщаются не въ средневѣковомъ зданіи, но это не дѣлаетъ для нихъ заключеніе болѣе сноснымъ и его условія остаются въ достаточной степени благопріятными для появленія и развитія эпидемическихъ болѣзней.

«У всѣхъ — разсказывали газеты объ акатуйскихъ каторжанахъ—отняты собственное бѣлье, подушки, одѣяла и т. д. Вотъ уже полтора года, какъ отняты письменныя принадлежности, разгромлена библіотека (оставлено приложеніе къ „Родинѣ“); такимъ образомъ всякая духовная пища отнята. Вся тюрьма лишена табаку навсегда; переписка разрѣшена только съ близкими родными, очень часто лишаютъ переписки на мѣсяца по цѣлымъ камерамъ;

*) „Рѣчь“, 1 августа.

медицинская помощь совсѣмъ отсутствуетъ; казенное бѣлье, выдаваемое политическимъ, путается съ бѣльемъ уголовныхъ, среди которыхъ масса венерическихъ больныхъ; камеры переполнены въ $2^1|_2$ раза, и по милости этого начались легочныя заболѣванія; вѣчные арестанты (осужденные на 20 лѣтъ) закованы въ ручные и ножные кандалы; прогулки сокращены до 20 минутъ въ сутки; отняты фотографическія карточки даже близкихъ родныхъ; въ карцерахъ гноятъ по мѣсяцамъ, при чемъ горячая пища дается черезъ четыре дня, карцеры лишены свѣта; политиковъ съ кухни прогнали и поставили туда уголовныхъ... Тюрьма лишена возможности улучшить пищу, частная выписка продуктовъ ограничена до 3 р. въ мѣсяцъ, такимъ образомъ неимущіе лишены необходимыхъ продуктовъ совершенно. Начальникъ, а съ нимъ и надзиратели, держатся въ высшей степени оскорбительно: оскорбленія на каждомъ шагу»*)...

«Особенно сильно—говорится въ другомъ частномъ сообщеніи, относящемся къ началу текущаго года и идущемъ изъ стѣнъ Александровской центральной тюрьмы, — даетъ себя знать нужда недоѣданіе. Подавляющее большинство „политиковъ" совершенно безъ средствъ, помощи нѣтъ ни откуда, казеннаго пайка не хватаетъ. И результаты этого уже начинаютъ сказываться въ страшно увеличившемся количествѣ туберкулезныхъ больныхъ въ больницѣ. Раньше, годъ тому назадъ, туберкулезными была занята всего одна палата (14 человѣкъ), при чемъ въ больницу попадали больные съ катарромъ верхушекъ, вообще находящіеся въ начальной стадіи болѣзни. А теперь ими заняты двѣ палаты, да еще въ другихъ баракахъ разбросано человѣкъ 10 туберкулезныхъ, и въ больницу берутъ уже только такихъ больныхъ, которымъ нѣтъ надежды на выздоровленіе. И это вполнѣ понятно. При четвертичасовой прогулкѣ, переполненныхъ камерахъ, хроническомъ недоѣданіи, отсутствіи движенія и работы (только въ видѣ ироніи можно говорить о «каторжныхъ работахъ», когда въ дѣйствительности люди осуждены на каторжное бездѣлье въ запертыхъ камерахъ) нужно ожидать гораздо большаго, когда теперешній режимъ окажетъ все свое вліяніе».

Изъ всѣхъ этихъ сообщеній, касающихся различныхъ, далеко одна отъ другой отстоящихъ тюремъ, вырисовывается одна и та же, всѣмъ имъ въ одинаковой степени общая картина. Повсюду тюрьмы переполнены заключенными и повсюду это переполненіе соединяется съ крайне антигигіеническими условіями, благодаря чему среди биткомъ набитыхъ въ тюремныя помѣщенія заключенныхъ легко развиваются заразныя болѣзни. Тифъ, туберкулезъ и даже сифилисъ находятъ себѣ здѣсь удобную почву для распространенія и тюрьмы быстро обращаются во вмѣстилища заразы. Но на ряду съ этимъ уже въ приведенныхъ сообщеніяхъ проскальзы-

*) „Эхо". Цитирую по „Рѣчи", 8 апрѣля.

ваютъ указанія и на другую характерную черту современной тюремной обстановки, тѣсно связанную съ только что отмѣченной. Возможность легкаго проникновенія и безпрепятственнаго развитія всевозможныхъ заразныхъ болѣзней въ современныхъ русскихъ тюрьмахъ обусловливается не только крайнимъ переполненіемъ послѣднихъ и антигигіеническими условіями самыхъ тюремныхъ помѣщеній. Къ вліянію этихъ двухъ факторовъ въ данномъ случаѣ присоединяется еще третій—до крайности антигигіеническія условія содержанія заключенныхъ, создаваемыя усиліями тюремнаго вѣдомства. Здоровье заключенныхъ совершенно не озабочиваетъ это вѣдомство, вниманіе котораго привлекають къ себѣ совершенно другіе вопросы. И въ результатѣ такого положенія вещей въ русскихъ тюрьмахъ создаются совершенно своеобразные порядки.

Года два съ половиной тому назадъ газеты сообщали, что въ главномъ тюремномъ управленіи въ цѣляхъ сокращенія расходовъ выработана новая одежда для пересыльныхъ арестантовъ. Согласно газетному сообщенію, тогда рѣшено было всѣмъ заключеннымъ, отправляемымъ въ путь и не имѣющимъ собственнаго платья, выдавать одежду, бѣлье и обувь удешевленнаго сравнительно съ прежде существовавшимъ образца. При заготовкѣ этой одежды новаго образца качество и прочность матеріала не должны были бы служить препятствіемъ къ возможному удешевленію цѣнъ на одежду *). Я не знаю въ точности, былъ ли своевременно осуществленъ этотъ планъ сокращенія казенныхъ расходовъ путемъ удешевленія выдаваемой арестантамъ одежды за счетъ пониженія ея качества. Но несомнѣнно во всякомъ случаѣ одно, что сейчасъ арестантская одежда очень плохо отвѣчаетъ своему назначенію. Не далѣе, какъ въ началѣ текущаго года, въ газетахъ разсказывалась такая исторія. Изъ Кашина въ Калязинъ въ сильный морозъ была отправлена пѣшкомъ партія арестантовъ въ 17 человѣкъ. По прибытіи въ Калязинъ 11 человѣкъ оказались обмороженными, изъ нихъ двое на столько жестоко, что ихъ пришлось положить въ земскую больницу, и тамъ у нихъ ампутировали отмороженныя ноги **). Фигурировала ли въ этомъ эпизодѣ одежда «удешевленнаго образца» или же тюремное начальство вообще нашло лишнимъ снабжать коекакъ одѣтыхъ арестантовъ казенной одеждой и обувью,—объ этомъ газетное сообщеніе умалчиваетъ. Изъ него ясно только одно: нужно было переслать арестантовъ изъ одной тюрьмы въ другую, ихъ и переслали, но при этомъ отправили ихъ въ морозъ въ такой одеждѣ, что нѣсколько человѣкъ изъ нихъ поплатилось болѣзнью, а двое потеряли ноги. Казенная надобность была выполнена, а что касается до здоровья арестантовъ, то вѣдь не оно составляетъ предметъ заботъ тюремнаго вѣдомства.

---

*) Кіев. Вѣсти", 27 апрѣля 1908 г.

**) „Волынь", 28 января.

Можно, конечно, сказать, что только что разсказанный случай представляетъ собою исключеніе. До извѣстной степени это и справедливо, но только это одно изъ тѣхъ исключеній, въ которыхъ отражается правило. Изъ приведенныхъ выше сообщеній отчасти можно уже видѣть, какіе порядки установлены въ настоящее время внутри тюремъ. Тюремныя камеры набиты биткомъ, въ нихъ иногда буквально нечѣмъ дышать, но прогулки даются заключеннымъ лишь на четверть часа, много на 20 минутъ. Казенный паекъ, на которомъ посажены заключенные, явно недостаточенъ, но передача имъ въ тюрьму съѣстныхъ припасовъ со стороны безусловно воспрещена, а покупка такихъ припасовъ самими заключенными на ихъ собственныя средства ограничена опредѣленной и опять-таки явно недостаточной суммой. Иначе говоря, заключенные осуждаются на лишеніе свѣжаго воздуха, на безвыходное почти пребываніе въ душныхъ и тѣсныхъ камерахъ, на постоянное недоѣданіе. И такой порядокъ установленъ во всѣхъ тюрьмахъ, за рѣдкими исключеніями онъ одинаково неуклонно соблюдается и на окраинахъ государства, и въ центрѣ его.

«Камеры—пишетъ политическій заключенной изъ московской Бутырской тюрьмы—по величинѣ не соотвѣтствуютъ количеству населенія въ нихъ. Пыль, вонь отъ «параши», отсутствіе вентиляціи, сквозняки при открытыхъ окнахъ, клопы. Пища крайне недостаточная, какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи: на обѣдъ три раза въ недѣлю кислая водичка, именуемая щами, съ нѣсколькими кусочками мяса, два раза картофельный «супъ», т. е. вода, въ которой плаваютъ нѣсколько гнилыхъ картошекъ, два раза горохъ—сплошь и рядомъ гнилой; затѣмъ каша. На ужинъ «кашица»—теплая водичка съ плавающими на поверхности крупинками гречневой или пшенной крупы. Хлѣбъ никогда не бываетъ достаточно выпеченъ, онъ кислый, съ примѣсью пыли, песку и еще какихъ-то несъѣдобныхъ предметовъ»...

«Выписка продуктовъ—говорится въ другомъ сообщеніи изъ той же тюрьмы—два раза въ мѣсяцъ; можно выписывать на 3 рубля, но нѣкоторые продукты, напр., кофе, какао, не разрѣшаются совсѣмъ... Прогулки одиночниковъ до недавняго времени были таковы: выпускали по 4 человѣка ходить по двору кругомъ попарно, одна пара отъ другой на разстояніи 10 шаговъ, въ продолженіе 20 минутъ. Такъ какъ это была единственная возможность общенія, то прогулки являлись всевознаграждающей и единой радостью. И вотъ въ началѣ іюня отнята и эта радость, послѣднее общеніе другъ съ другомъ запрещено самымъ категорическимъ образомъ: безъ всякихъ мотивовъ на прогулкѣ запрещено было разговаривать. Большинство послѣ этого отказалось отъ прогулки, и теперь многіе совершенно не гуляютъ, такъ какъ требованіе мертвой тишины превращаетъ прогулку въ сплошную пытку—не имѣть возможности однимъ словомъ обмѣняться съ товарищемъ, гуляя съ нимъ рядомъ;

а при малѣйшемъ шепотѣ—крикъ, ругань, карцеръ; больше крови испортишь, чѣмъ нагуляешь. Сидящіе въ общихъ камерахъ ходятъ гулять по-камерно, по 25 человѣкъ, тоже попарно, вокругъ двора, одна пара отъ другой на 5 шаговъ. Тишина должна быть при этомъ полная. Гуляютъ 20—30 минутъ и попарно, чинно возвращаются въ камеры. Въ камерѣ тоже должна быть тишина, запрещается громко говорить, сильно гремѣть кандалами, бѣгать и т. д. А между тѣмъ въ камерахъ сидитъ по 22, 25, 30 и даже по 60 человѣкъ. Къ окну нельзя подходить на три шага; если постовой увидитъ чью-нибудь голову въ окнѣ, вся камера наказывается карцеромъ на 7 сутокъ».

Послѣдствія такихъ порядковъ для здоровья заключенныхъ ясны сами собою. Держать людей, и безъ того обреченныхъ на сидѣніе въ грязныхъ, тѣсныхъ, противорѣчащихъ всѣмъ правиламъ гигіены камерахъ, мѣсяцами и годами безъ движенія, безъ свѣжаго воздуха, безъ достаточнаго количества пищи—значитъ, конечно, сознательно обрекать ихъ въ жертву всевозможнымъ болѣзнямъ. Разъяснять и доказывать это врядъ-ли есть надобность. Но нельзя не отмѣтить другого,—что всѣ эти порядки вовсе не вызываются, по крайней мѣрѣ, въ значительной своей части, ни соображеніями «экономіи», ни требованіями «тюремной дисциплины», какъ бы далеко ни шли такія соображенія и требованія. Плохое качество и недостаточное количество казенной пищи, отпускаемой заключеннымъ, могутъ, правда, найти себѣ объясненіе въ своеобразной «экономіи», практикуемой тюремной администраціей за счетъ здоровья заключенныхъ. Но стремленіе къ подобной экономіи само по себѣ еще не могло бы повести къ воспрещенію помощи заключеннымъ со стороны или выписки продуктовъ самими заключенными на ихъ собственныя средства. Съ другой стороны, самый ревностный фанатикъ тюремнаго благочинія, казалось бы, не можетъ найти ничего, противорѣчащаго интересамъ этого благочинія, въ томъ обстоятельствѣ, что заключеннымъ удается за собственный счетъ или за счетъ своихъ близкихъ хоть до нѣкоторой степени избавиться отъ того недоѣданія, на какое ихъ осуждаетъ казенный паекъ, и чувствовать себя болѣе сытыми. Точно также, казалось бы, «тюремная дисциплина», какъ бы строго ни понимать послѣднюю, нисколько не пострадала бы и въ томъ случаѣ, если бы заключеннымъ давалась болѣе продолжительная прогулка на свѣжемъ воздухѣ. Врядъ-ли могла пострадать эта дисциплина и отъ того, что люди, уже приговоренные къ тюрьмѣ и отбывающіе свой срокъ наказанія въ одиночныхъ камерахъ, обмѣнивались между собою нѣсколькими словами при встрѣчахъ на прогулкѣ, и воспрещеніе подобныхъ разговоровъ въ свою очередь не можетъ быть объяснено одними лишь широко понимаемыми требованіями тюремнаго благочинія. Всѣ эти запрещенія и органиченія, очевидно,

имѣютъ другой источникъ и этотъ источникъ не такъ трудно указать.

Современный режимъ русскихъ тюремъ весь направленъ въ одну сторону, весь проникнутъ стремленіемъ причинить заключенному какъ можно больше крупныхъ и мелкихъ лишеній. Чѣмъ болѣе опаснымъ преступникомъ является заключенный въ глазахъ властей, тѣмъ сильнѣе и назойливѣе становятся эти лишенія. Для политическихъ заключенныхъ они сильнѣе, чѣмъ для уголовныхъ, для каторжанъ сильнѣе, чѣмъ для приговоренныхъ къ заключенію въ крѣпости или тюрьмѣ. Сообразно этому у человѣка, попавшаго въ тюрьму, отнимаютъ возможность пользоваться улучшенной за его счетъ пищей, ему сокращаютъ до послѣднихъ предѣловъ прогулку; если онъ каторжанинъ, у него отнимаютъ собственное платье и бѣлье, нерѣдко подвергая его этимъ опасности зараженія; его лишаютъ книгъ и письменныхъ принадлежностей, тѣмъ самымъ подавляя духовную жизнь; даже письма ему позволяютъ писать только въ опредѣленные сроки, и только близкимъ родственникамъ, иногда, какъ это практикуется, напримѣръ, въ московской Бутырской тюрьмѣ,—только однофамильцамъ; даже фотографическія карточки отбираются изъ камеръ. Но всѣми этими разнообразными лишеніями, матеріальными и духовными, еще не исчерпываются особенности тюремной обстановки. Подвергая заключеннаго такимъ лишеніямъ, тюремная администрація вмѣстѣ съ тѣмъ предъявляетъ къ нему рядъ суровыхъ требованій, регламентирующихъ всю его жизнь вплоть до мельчайшихъ ея деталей и по характеру своему нерѣдко крайне унизительныхъ для его достоинства. Достаточно сказать, что въ настоящее время во многихъ тюрьмахъ упорно проводится въ жизнь правило, согласно которому заключенные не могутъ отвѣчать поздоровавшемуся съ ними начальнику тюрьмы или его помощнику обыкновеннымъ «здравствуйте», а должны выкрикивать солдатское «здравія желаю, ваше благородіе». Неисполненіе этого нелѣпаго требованія неизмѣнно квалифицируется, какъ «неоказаніе должнаго почтенія начальству», и влечетъ за собою кару, чаще всего въ видѣ заключенія въ карцеръ.

Наказанія вообще дождемъ сыплются на головы заключенныхъ. Въ общихъ камерахъ московской Бутырской тюрьмы, по словамъ одного лица, на себѣ испытавшаго ея порядки, «возстановленъ институтъ круговой поруки: если завѣдующій или старшій надзиратель зайдутъ въ камеру и увидятъ на полу окурокъ, а виновнаго не найдутъ,—вся камера на 7 сутокъ въ карцеръ. Если у куртки нѣтъ пуговицы, или она не застегнута, или позабылъ снять шапку и ходишь въ ней по камерѣ,—темный карцеръ отъ 7 до 15 сутокъ. И все въ этомъ родѣ. За малѣйшую неисправность—карцеръ и карцеръ. За противорѣчіе надзирателю и за грубость—розги, смотря по настроенію начальника, отъ 25 до

100 ударовъ». И Бутырская тюрьма вовсе не является въ данномъ случаѣ какимъ-либо исключеніемъ: столь же щедро назначаются заключеннымъ наказанія въ громадномъ большинствѣ тюремъ. Въ кіевской Лукьяновской тюрьмѣ въ августѣ прошлаго года случайно выглянувшему въ окно заключенному Сахарову расшибли камнемъ голову. Когда товарищи Сахарова по камерѣ выразили протестъ противъ такого обращенія со стороны администраціи, вся камера была въ наказаніе на семь сутокъ переведена на «карцерное положеніе». Это «карцерное положеніе» состоитъ въ томъ, что заключенные лишаются пищи, за исключеніемъ хлѣба и воды, лишаются постелей и должны спать на полу, наконецъ, лишаются прогулокъ и должны безвыходно сидѣть въ камерѣ, не имѣя права выйти даже для отправленія естественныхъ надобностей, почему въ камерѣ на это время оставляется пресловутая «параша». Обстановка карцернаго положенія оказалась такова, что за тѣ дни, пока оно оставалось въ силѣ, съ нѣкоторыми изъ заключенныхъ благодаря душной и зловонной атмосферѣ камеры дѣлались обмороки, а одного даже пришлось увести въ больницу. Тѣмъ не менѣе уже въ слѣдующемъ мѣсяцѣ человѣкъ 80 заключенныхъ вновь были посажены на двѣ недѣли на карцерное положеніе; когда же мать одного изъ нихъ обратилась по этому поводу съ жалобой къ губернатору и послѣдній запросилъ тюремную администрацію объ ея дѣйствіяхъ, то заключенныхъ лишили чернилъ, бумаги и вообще письменныхъ принадлежностей. Вслѣдъ за тѣмъ начальникъ тюрьмы уничтожилъ существовавшее раньше среди политическихъ заключенныхъ артельное пользованіе провизіей и упразднилъ завѣдывавшихъ ея распредѣленіемъ старостъ. Человѣкъ 40 подслѣдственныхъ заключенныхъ заявили протестъ противъ этого распоряженія, отказавшись во время повѣрки встать передъ помощникомъ начальника тюрьмы. На нихъ немедленно была наложена кара въ видѣ перевода на семь дней на «карцерное положеніе» и при этомъ начальство тюрьмы предупредительно объявило имъ, что тотъ, кто, отбывъ наложенное наказаніе, вновь не встанетъ на слѣдующей повѣркѣ, опять будетъ посаженъ на недѣлю въ карцеръ, и такъ будетъ продолжаться до полнаго отказа отъ всякихъ протестовъ *). По этому эпизоду можно до нѣкоторой степени судить о томъ, какъ расправляется съ заключенными тюремная администрація даже въ тѣхъ случаяхъ, когда она не выходитъ за предѣлы полномочій, предоставленныхъ ей закономъ въ дѣлѣ наложенія каръ на арестантовъ.

Въ число такихъ каръ входитъ и тѣлесное наказаніе. Сравнительно недавно еще оно, по крайней мѣрѣ, къ политическимъ заключеннымъ примѣнялось лишь очень рѣдко, и каждый случай такого примѣненія являлся тяжелой трагедіей, заставлявшей много

*) „Рѣчь", 12 ноября 1909 г.

говорить о себѣ и надолго оставлявшей слѣдъ въ общественномъ сознаніи. Теперь такія трагедіи повторяются чуть не на каждомъ шагу, онѣ стали привычнымъ дѣломъ, вошли въ повседневный обиходъ тюремной жизни. Я помню, въ 1906 году мнѣ случилось прочитать письмо одного политическаго заключеннаго, бывшаго матроса, подвергнутаго въ тюрьмѣ тѣлесному наказанію. Это былъ сплошной вопль истерзанной души, вопль человѣка, внезапно увидѣвшаго себя опозореннымъ и поруганнымъ и сбрасывающаго съ себя всякія узы, заранѣе отрекающагося отъ жизни, отказывающагося отъ наиболѣе дорогого для него дѣла, лишь бы сознавать себя вполнѣ свободнымъ въ переполнившемъ все его существо чувствѣ мести. И нѣчто подобное переживали тогда не только жертвы тѣлеснаго наказанія. Каждый случай его примѣненія въ тюрьмѣ вызывалъ чрезвычайно повышенное настроеніе и внутри тюремныхъ стѣнъ, и за предѣлами тюремной ограды. Съ того времени населеніе русскихъ тюремъ успѣло присмотрѣться къ розгамъ и успѣло привыкнуть къ тому, что онѣ примѣняются къ политическимъ заключеннымъ. «Розгами—сообщаетъ одинъ изъ обитателей Бутырской тюрьмы—наказываютъ главнымъ образомъ политическихъ, такъ какъ въ Бутыркахъ ихъ большинство, особенно много матросовъ... Самый большой процентъ наказаній падаетъ на безсрочныхъ, которыхъ очень много. Съ ними обращаются ужасно грубо, за малѣйшіе проступки порютъ, хотя и малосрочныхъ не щадятъ. Порютъ за грубость, очень часто за записки, при чемъ, если не находятъ писавшаго записку, то наказываютъ того, къ кому она была послана».

Такъ какъ примѣненіе тѣлеснаго наказанія зависитъ всецѣло отъ власти тюремной администраціи, то на практикѣ оно налагается по самымъ разнообразнымъ поводамъ. О Бутырской тюрьмѣ одинъ изъ моихъ корреспондентовъ разсказываетъ такую исторію. Какъ-то разъ въ одной изъ общихъ камеръ разыгрался безпорядокъ, поднялся шумъ, а, можетъ быть, и драка. Надзиратель выстрѣлилъ въ камеру и ранилъ въ ногу одного политическаго заключеннаго, присужденнаго къ вѣчной каторгѣ. Раненаго, именно потому, что онъ былъ раненъ, сочли зачинщикомъ безпорядка. Его взяли въ карцеръ, на другой день высѣкли и снова съ больной ногой посадили въ карцеръ. Послѣ того товарищи еле отговорили его отъ самоубійства. Въ саратовскихъ арестантскихъ ротахъ, какъ сообщали газеты, въ исходѣ прошлаго года былъ наказанъ 25 розгами арестантъ Глистинъ за отказъ идти на работу въ первый день Рождества **). Думается, нѣтъ надобности приводить другіе примѣры для того, чтобы показать, какъ прочно укоренилось господство розги въ современной русской

---

*) „Р. Вѣдомости", 2 февраля 1910 г.

тюрьмѣ и какъ мало считается эта послѣдняя съ личнымъ достоинствомъ заключенныхъ въ ней людей.

На ряду съ тѣлесными наказаніями въ тюрьмахъ практикуются и побои, въ свою очередь успѣвшіе войти въ число обыденныхъ явленій современной тюремной жизни. О частыхъ избіеніяхъ заключенныхъ говорятъ почти всѣ безъ исключенія свидѣтельства, идущія изъ тюремъ, но по вполнѣ понятнымъ причинамъ эти свидѣтельства лишь въ рѣдкихъ случаяхъ находятъ себѣ оффиціальное подтвержденіе. Тѣмъ не менѣе и такіе случаи все же имѣются и картина, раскрывающаяся въ нихъ, настолько выразительна, что по ней можно составить нѣкоторое представленіе объ особенностяхъ современной тюремной обстановки въ указанномъ отношеніи.

«Казанской судебной палатой—писалъ въ концѣ 1907 года въ поданномъ властямъ заявленіи г. Ананьинъ-Щипановскій—я былъ приговоренъ къ заключенію въ крѣпости и до истеченія срока, въ который приговоръ долженъ былъ войти въ законную силу, былъ отправленъ изъ екатеринбургской тюрьмы въ николаевское исправительное арестантское отдѣленіе... Въ Николаевкѣ во время пріемки обратила на меня вниманіе старшаго надзирателя Евстюнина моя фамилія. «Ананьинъ-Щипановскій говоришь ты,—переспросилъ онъ—ты бродяга, у тебя глаза вонъ какіе!» Онъ заглянулъ въ открытый листъ. «Ананьинъ-Щипанъ-Щипановскій— вонъ какая у него фамилія! Тащи его!» Меня подхватили и, не давая касаться ногами до полу, прямо понесли на кулакахъ въ подземелье. Втолкнули въ подвальную камеру и, велѣвъ раздѣться до нага, посадили стричь. Я заявилъ, что я не каторжный, я приговоренъ къ заключенію въ крѣпости, стричь меня не нужно, тѣмъ болѣе, что теперь холодно и у меня нѣтъ теплой одежды,—въ отвѣтъ меня начали бить по шеѣ, толкать подъ бока и все-таки остригли. Собственную одежду отобрали, принесли казенный рваный бушлатъ, грязное арестантское бѣлье, лапти и бросили меня въ совершенно темный, холодный, сырой карцеръ. Я думалъ, здѣсь меня оставятъ въ покоѣ, но минутъ черезъ 15 въ карцеръ вошелъ старшій надзиратель Чекуровъ, съ нимъ еще человѣкъ 10 надзирателей, и Чекуровъ началъ читать мнѣ постановленія, каждое слово сопровождая пощечиной. «Арестантъ не смѣетъ пѣть»—страшный ударъ по щекѣ. «Не смѣетъ перестукиваться»—новый ударъ. «Не смѣетъ называть надзирателей дядьками и дежурными, а господами надзирателями»— еще ударъ по щекѣ изо всей силы и такъ безконечно, пока не истощились его правила и не устала рука. Я сказалъ Чекурову, что, можетъ быть, я исполнялъ бы всѣ эти правила, за что же онъ бьетъ меня сейчасъ, не зная моего поведенія и увидѣвъ меня въ первый разъ? Сильными ударами въ бокъ и по лицу я былъ моментально сбитъ съ ногъ, вновь поднятъ ударами каблуковъ и вновь сбитъ страшными ударами по головѣ. Меня поставили на колѣни передъ Чекуровымъ и приказали просить прощенія. Въ чемъ? Безсознательно я сказалъ «больше не буду», и они вышли, опрокинувъ меня пощечиной на полъ. Это еще не былъ конецъ. Минутъ черезъ сорокъ вошелъ надзиратель, завѣдующій цейхгаузомъ, и, давъ нѣсколько наставленій, въ свою очередь ударилъ меня четыре раза связкой ключей.

«Часа черезъ четыре въ коридорѣ раздался шумъ, чей-то плачъ, мольбы о пощадѣ, и въ волчокъ я увидалъ товарища Лупскаго, котораго босикомъ, въ одномъ бѣльѣ, безпощадно избивая по дорогѣ, тащили въ другой карцеръ, противоположный моему; за нимъ съ такими же избіе-

ніями протащили еще трехъ человѣкъ. Лупскаго пока заперли въ карцеръ. Когда разсадили послѣднихъ трехъ, вернулись опять къ нему, и я видѣлъ, какъ страшно избивали Лупскаго, какъ падалъ онъ отъ ударовъ на чугунный полъ и бился о стѣны. Такъ было поступлено со всѣми притащенными въ подземелье. Покончивъ съ ними, они вновь вернулись ко мнѣ и такъ жестоко избили, что я лишился сознанія и очнулся на полу своего карцера уже одинъ».

И это былъ не какой-нибудь исключительный случай, а лишь одно изъ проявленій опредѣленной системы.

«На третій день—разсказывалъ г. Ананьинъ-Щипановскій въ своемъ заявленіи—меня посадили въ общую камеру. Мой разсказъ объ избіеніи не удивилъ товарищей. Я услыхалъ, что здѣсь нѣтъ неизбитыхъ, мнѣ показали ужасные слѣды расправы тюремной администраціи съ заключенными. Нѣкоторые получили неизлѣчимыя увѣчья. Тихомировъ послѣ избіенія началъ кашлять кровью, у него повреждены легкія, у Александра Мельникова голова покрыта шрамами, у Николая Плѣнникова пробиты барабанныя перепонки; Катаевъ, Поповъ показывали мнѣ спины, исполосованныя рубцами отъ ударовъ бычачьими жилами.

«Жаловаться невозможно. Заявившихъ претензіи вновь избиваютъ и засаживаютъ на недѣли въ темные, холодные карцеры на чугунномъ полу.

«На смерть не убиваютъ. Когда арестантъ добитъ до потери человѣческаго облика, его прячутъ во время пріѣзда какого-либо начальника. Такъ было поступлено съ уголовнымъ Шумскимъ. Онъ былъ страшно избитъ, сдѣланную докторомъ перевязку разбитой головы сорвали въ карцерѣ при вторичномъ избіеніи. Раны на головѣ Шумскаго загнили, онъ лежалъ въ бреду, но, когда пріѣхалъ въ тюрьму прокуроръ, Шумскаго на одѣялѣ вынесли за путь и продержали за тюрьмой, пока не уѣхалъ прокуроръ» *).

Самъ авторъ приведеннаго заявленія рѣшился подать его лишь послѣ того, какъ былъ вновь переведенъ въ екатеринбургскую тюрьму. И понадобилось героическое средство въ видѣ голодовки екатеринбургскихъ политическихъ заключенныхъ, чтобы заставить прокурорскій надзоръ обратить вниманіе на происходившія въ николаевскихъ исправительныхъ ротахъ истязанія. Въ концѣ концовъ 19 человѣкъ изъ состава мѣстной тюремной администраціи были преданы суду и теперь—черезъ два съ половиной года—газеты сообщаютъ, что вскорѣ въ казенной судебной палатѣ должно начаться разсмотрѣніе этого процесса.

Въ вятской тюрьмѣ въ 1907—8 гг. избіенія заключенныхъ приняли такіе размѣры и получили такую скандальную огласку, что дѣло окончилось также привлеченіемъ къ суду помощника начальника тюрьмы Салтыкова и 11 надзирателей. Въ началѣ текущаго года Салтыковъ и 4 надзирателя предстали передъ судомъ. Послѣдній призналъ фактъ избіенія заключенныхъ доказаннымъ,—впрочемъ, и сами подсудимые не отрицали производившихся ими избіеній,—но приговоръ вынесъ весьма мягкій. Салтыковъ и два надзирателя присуждены къ отрѣшенію отъ должности,

---

*) «Рѣчь», 9 іюля 1910 г.

одинъ надзиратель — къ удаленію отъ должности и одинъ — къ строгому выговору *). Тѣмъ временемъ избіенія въ вятской тюрьмѣ продолжаются по прежнему. Били здѣсь заключенныхъ въ прошломъ году, бьютъ и въ настоящемъ. Бьютъ при розыскахъ пропавшихъ въ тюрьмѣ денегъ, бьютъ въ отвѣтъ на заявляемыя заключенными претензіи, бьютъ при обычныхъ въ тюрьмѣ обыскахъ и повѣркахъ. Всякій протестъ немедленно влечетъ за собой угрозу револьверами, а нѣкоторымъ заключеннымъ надзиратели опредѣленно заявляютъ, что ихъ живыми не выпустятъ изъ тюрьмы— забьютъ или заморятъ въ карцерѣ. «Прежде били, а теперь чище будемъ бить и заморимъ въ карцерахъ»—приходится выслушивать заключеннымъ отъ надзирателей. Всѣ жалобы и заявленія тюремному начальству и прокурорскому надзору не ведутъ ни къ какимъ результатамъ **).

Подобныя же избіенія совершались въ 1908—9 гг. въ уѣздной глазовской тюрьмѣ. Надзиратели били здѣсь заключенныхъ кулаками, ключами, нагайками, били, придираясь ко всякому поводу. Иногда простая просьба заключеннаго протопить въ камерѣ печку вела къ избіенію. Порою побои принимали столь свирѣпый и безпощадный характеръ, что избитые заключенные подолгу лежали въ больницѣ. Не всегда, впрочемъ, избитыхъ пускали въ больницу, иногда ихъ даже съ серьезными увѣчьями заставляли оставаться въ тюремныхъ камерахъ. Жалобы заключенныхъ не приводили ни къ какому серьезному результату, и избіенія не останавливались до тѣхъ поръ, пока главный ихъ вдохновитель, управлявшій тюрьмою Волковъ, въ концѣ 1909 года не былъ переведенъ въ Вятку ***). Аналогичные порядки засвидѣтельствованы нѣкоторыми опубликованными за послѣдніе мѣсяцы документами въ устьсысольской тюрьмѣ Вологодской губерніи. Здѣсь одинъ изъ старшихъ надзирателей, нѣкто Сорвачевъ, раньше самъ сидѣлъ въ тюрьмѣ шесть мѣсяцевъ за убійство крестьянина и, отсидѣвъ свой срокъ, былъ назначенъ тюремнымъ надзирателемъ. Въ новой своей должности онъ, вмѣстѣ съ другими надзирателями, занялся систематическимъ и жестокимъ избіеніемъ заключенныхъ и скоро сталъ для послѣднихъ своего рода грозой. Уже въ двухъ случаяхъ политическіе ссыльные, бывавшіе раньше въ устьсысольской тюрьмѣ и вновь направляемые въ нее для отбытія административнаго наказанія, обращались къ властямъ съ просьбой разрѣшить имъ отбыть наложенное наказаніе въ какой-либо другой тюрьмѣ, такъ какъ въ устьсысольской они опасаются за свою жизнь въ виду того, что имъ уже приходилось выносить побои и издѣвательства отъ Сорвачева, и послѣдній грозился «при случаѣ» забить ихъ на

*) «Рѣчь», 9 апрѣля.
**) «Рѣчь», 8 августа 1909 г. и 19 марта 1910 г.
***) «Рѣчь», 14 марта.

смерть *). Такіе же порядки были констатированы судомъ въ Омскѣ: въ прошломъ году омская судебная палата разбирала дѣло начальника мѣстной тюрьмы, Сущинскаго, обвинявшагося въ избіеніи арестанта Соколова, и, признавъ подсудимаго виновнымъ, приговорила его къ отрѣшенію отъ должности. Тому же Сущинскому предстоитъ и еще разъ явиться передъ судомъ по обвиненію въ нанесеніи побоевъ цѣлому ряду заключенныхъ, содержавшихся въ омской тюрьмѣ **).

Не избавлены отъ побоевъ и истязаній со стороны тюремной администраціи и женщины, заключенныя въ тюрьмахъ. Въ прошломъ году въ кіевской Лукьяновской тюрьмѣ была избита политическая заключенная Михельсонъ; когда женское отдѣленіе тюрьмы запротестовало противъ этой расправы, оно было наказано рядомъ разнообразныхъ лишеній, вплоть до замѣны еженедѣльной смѣны бѣлья двухнедѣльной ***). Недавно въ одной изъ кіевскихъ газетъ появилось письмо заключенныхъ въ Лукьяновской тюрьмѣ женщинъ, въ которомъ сообщается, что въ послѣднее время случаи избіенія уголовныхъ женщинъ сдѣлались въ названной тюрьмѣ повседневнымъ явленіемъ, попытки же политическихъ противодѣйствовать этому трактуются, какъ вмѣшательство въ распоряженія начальства, и влекутъ за собою для лицъ, предпринимающихъ такія попытки, заключеніе въ карцеръ, не говоря уже о ругани и издѣвательствѣ со стороны надзирательницъ и надзирателей ****), И, конечно, подобные порядки опять-таки не являются исключительнымъ достояніемъ одной только кіевской тюрьмы. Слишкомъ многое заставляетъ думать, что въ другихъ мѣстахъ они практикуются не менѣе усердно и, быть можетъ, даже въ еще болѣе рѣзкой формѣ.

Но современная русская тюрьма не только попираетъ личное достоинство заключенныхъ въ ней людей, не только истязаетъ и увѣчитъ ихъ,—она еще подвергаетъ постоянной опасности самую ихъ жизнь. До очень недавняго времени часовымъ при тюрьмахъ разрѣшалось, если не прямо предписывалось, стрѣлять въ заключенныхъ, если эти послѣдніе высовываются изъ тюремныхъ оконъ или стоятъ около нихъ, и такимъ образомъ каждый заключенный, близко подошедшій къ окну своей камеры, рисковалъ получить пулю. Не мало такихъ случаевъ и было въ послѣдніе годы. Наиболѣе трагическій случай такого рода произошелъ въ прошломъ году въ ярославской тюрьмѣ. Крестьянка Уфимской губерніи, Ксенія Новожилова, была административно выслана въ Вологодскую губернію. Пересылали Новожилову этапомъ, при чемъ съ ней находилась ея семилѣтняя дочь Зинаида. Въ Ярославлѣ этапъ

*) «Рѣчь», 8 апрѣля и 21 августа.
**) «Рѣчь», 8 сентября.
***) «Рѣчь», 12 ноября 1909 г.
****) «Огни». Цитирую по «Рѣчи», 1 сентября 1910 г.

былъ задержанъ на нѣсколько дней, и пересыльные сидѣли въ тюрьмѣ. Однажды, когда Новожилова была чѣмъ-то занята, ея дѣвочка взобралась на окно и стала разсматривать, что дѣлается на дворѣ. Вдругъ со двора грянулъ выстрѣлъ. Пуля попала въ одинъ изъ прутьевъ рѣшетки и раздробилась на части. Осколки ея попали въ голову ребенка, причинивъ двѣ глубокія раны и трещину черепа. Залитый кровью ребенокъ упалъ съ окна и былъ отправленъ въ пріемный покой *). Въ другихъ мѣстахъ часовые дѣтей, кажется, не убивали, но взрослыхъ заключенныхъ за послѣдніе годы отъ пуль часовыхъ погибло не мало. Такъ, еще въ 1909 году въ рижской центральной тюрьмѣ были застрѣлены политическіе заключенные Эмма Подзинъ и Эдуардъ Пола. Обстоятельства, при которыхъ произошло убійство двухъ послѣднихъ лицъ, въ свою очередь были очень характерны. Подзинъ была убита въ то время, когда она, стоя у окна тюремной больницы, смотрѣла на дворъ, гдѣ гуляли другія больныя заключенныя. Никакихъ знаковъ гуляющимъ она не дѣлала, а переговариваться съ ними не могла уже потому, что окна въ рижской тюрьмѣ никогда не открываются. Стоявшій на дворѣ часовой, не сдѣлавъ никакого предупрежденія, незамѣтно для Подзинъ прицѣлился и выстрѣлилъ въ нее. Она была ранена въ животъ и черезъ нѣсколько часовъ скончалась. Послѣ того прошло два мѣсяца, и при подобныхъ же условіяхъ пуля часового унесла новую жертву. Заключенный Эдуардъ Пола рано утромъ причесывался въ своей камерѣ, стоя недалеко отъ окна. Внезапно со двора грянулъ выстрѣлъ, и Пола упалъ съ простреленной головой, убитый наповалъ **).

Въ концѣ прошлаго года начальникъ рижской центральной тюрьмы обратился къ военному начальству съ просьбой измѣнить тотъ пунктъ инструкціи командируемымъ въ тюрьму часовымъ, который говоритъ о стрѣльбѣ въ стоящихъ у окна и не отходящихъ по требованію часового заключенныхъ. Просьба эта была исполнена и часовымъ было предписано въ томъ случаѣ, если какой-либо заключенный не исполнитъ требованія отойти отъ окна, особымъ сигналомъ вызывать кого-нибудь изъ тюремной администраціи или служащихъ и указывать имъ окно, у котораго стоялъ ослушникъ. По окну и должна быть опредѣлена камера, въ которой находится послѣдній, немедленно подвергаемый наказанію; если же эта камера общая и заключенные въ ней не выдаютъ виновнаго, то наказаніе должно быть наложено на всю камеру ***). Такой порядокъ въ настоящее время, повидимому, распространенъ и на другія тюрьмы. Такимъ образомъ

*) «Р. Вѣдомости», 13 ноября 1909 г.
**) «Рѣчь», 28 ноября 1909 г.
***) «Рѣчь», 3 ноября 1909 г.

право и обязанность тюремныхъ часовыхъ убивать подходящихъ къ окнамъ камеръ заключенныхъ отмѣнены,—власть признала сейчасъ возможнымъ карать арестантовъ за это преступленіе не смертью или увѣчьемъ отъ пули часового, а нѣсколькими днями карцера. Но тѣмъ не менѣе и сейчасъ вовсе не исключена возможность убійства заключеннаго часовымъ за то или иное мелкое нарушеніе тюремныхъ правилъ. Не далѣе, какъ весною текущаго года, такая исторія разыгралась въ зерентуйской тюрьмѣ. Содержавшійся въ одиночной камерѣ политическій заключенный Захарій Воробьевъ во время прогулки въ присутствіи надзирателя подошелъ къ группѣ гулявшихъ заключенныхъ закурить папиросу. Часовой увидѣвъ это, сталъ стрѣлять въ него, при чемъ въ первый разъ промахнулся, и пуля задѣла другого заключеннаго, а вторымъ выстрѣломъ смертельно ранилъ Воробьева. И нельзя не сказать, что такіе эпизоды являются вполнѣ естественными при томъ безразличномъ отношеніи въ жизни заключенныхъ, какое отличаетъ современный тюремный режимъ. При всей своей кажущейся исключительности подобные трагическіе эпизоды лишь договариваютъ его послѣднее слово, тѣсно связанное со всѣмъ остальнымъ его содержаніемъ.

Цѣликомъ построенный на отрицаніи за заключенными какихъ бы то ни было правъ, этотъ режимъ насквозь пропитанъ своеобразнымъ мстительнымъ чувствомъ. До послѣдней степени ограниченные въ удовлетвореніи даже самыхъ элементарныхъ своихъ потребностей, обрекаемые крайней антигигіеничностью созданной для нихъ обстановки въ жертву всевозможнымъ болѣзнямъ, подчиненные донельзя суровымъ и жестокимъ требованіямъ, заключенные въ тюрьмахъ вынуждены еще выносить гнетъ цѣлаго ряда безсмысленныхъ стѣсненій, едва ли не единственною своею цѣлью имѣющихъ возможно болѣе глубокое униженіе ихъ достоинства, и сознавать себя отданными на полный произволъ тюремщиковъ, нерѣдко совершенно пьянѣющихъ отъ предоставленной имъ власти и доходящихъ до крайнихъ формъ издѣвательства. Пребываніе въ тюрьмѣ въ такихъ условіяхъ обращается въ сплошной кошмаръ, въ непрерывную пытку и именно такъ оно и воспринимается значительной частью заключенныхъ, порождая въ нихъ соотвѣтствующія мысли и чувства. «Многое въ тюремной жизни—говорится въ одномъ письмѣ, каторжника, случайно прошедшемъ мимо тюремной цензуры,—можетъ показаться мелкимъ, но, когда эти мелочи происходятъ каждый день, въ продолженіе годовъ, онѣ перестаютъ быть мелочами. Здѣсь передъ нами одинъ выборъ—или смерть, или выполненіе всего, что прикажутъ, хотя бы самаго нелѣпаго. Середины нѣтъ. И ждать каждый часъ, что надъ тобой совершатъ всевозможныя издѣвательства, видѣть каждый день, какъ попираютъ въ человѣкѣ самое дорогое—его личное достоинство, какъ люди превращаются въ звѣрей, отъ

этого извинительно и съ ума сойти, и удивительно ли, что глубокая, жестокая злоба рождается у заключенныхъ»...

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ эти чувства остаются, конечно, запрятанными глубоко въ душѣ. Но иногда какая-нибудь капля внезапно переполняетъ чашу, они бурно вырываются наружу, и тогда вспыхиваетъ одинъ изъ тѣхъ тюремныхъ «бунтовъ», во время которыхъ кучка заключенныхъ съ голыми руками набрасывается на вооруженную съ ногъ до головы тюремную стражу и порою даже оказываетъ сопротивленіе прибывающимъ въ тюрьму для «водворенія порядка» отрядамъ войска. Много отчаянія нужно для такого бунта, но въ отчаяніи, очевидно, нѣтъ недостатка въ тюрьмахъ: тюремные бунты не перестаютъ вспыхивать одинъ за другимъ. И даже тѣ крайне короткія и отрывочныя свѣдѣнія, какія имѣются объ нихъ въ нашей по необходимости молчаливой и сдержанной въ данномъ случаѣ прессѣ, позволяютъ судить о томъ, какъ много безнадежности и отчаянія скопилось внутри тюремныхъ стѣнъ.

Въ концѣ прошлаго года произошли безпорядки въ чигиринской тюрьмѣ. Арестанты во время прогулки попытались обезоружить надзирателей. Одинъ изъ арестантовъ при этомъ бѣжалъ въ городъ, но тамъ былъ убитъ городовымъ. «Надзиратели—продолжала сообщавшая объ этомъ событіи газетная телеграмма—выстрѣлами усмирили бунтующихъ. Руководитель бунта застрѣлился» *). Немного раньше еще болѣе крупные безпорядки такого же характера разыгрались въ черниговской тюрьмѣ. Здѣсь тринадцать заключенныхъ, преданныхъ военно-окружному суду, и среди нихъ одинъ, уже приговоренный къ смертной казни, обезоруживши одного надзирателя, убили прибѣжавшаго на шумъ другого и, вооружившись двумя отобранными у нихъ револьверами стали обстрѣливать надзирателей. На предложеніе начальника тюрьмы сдаться и выдать оружіе взбунтовавшіеся арестанты отвѣтили рѣшительнымъ отказомъ. Послѣ того въ тюрьму были вызваны городовые и стражники и совмѣстно съ надзирателями предприняли обстрѣлъ арестантовъ. Въ концѣ концовъ послѣдніе сдались, но сдались только тогда, когда двое изъ нихъ были убиты, а всѣ остальные ранены **).

Подобный же бунтъ вспыхнулъ въ концѣ прошлаго года въ ошской тюрьмѣ, находящейся въ Ферганской области. Выведенные на прогулку каторжане набросились на расположенный на тюремномъ дворѣ военный караулъ и успѣли отнять у него нѣсколько ружей, изъ которыхъ и открыли огонь по солдатамъ и тюремной стражѣ. Въ тюрьму была вызвана рота солдатъ, при чемъ командовавшій ею офицеръ приказалъ солдатамъ размѣститься по крышамъ сосѣднихъ съ тюрьмой зданій и оттуда обстрѣливать тюрьму.

*) «Рѣчь», 8 октября 1909 г.

**) «Рѣчь», 4 сентября 1909 г.; «Новое Время», 7 сентября 1909 г.

Послѣ длившейся нѣкоторое время перестрѣлки взбунтовавшіеся каторжане сдались, и солдаты заняли тюрьму. При усмиреніи этого бунта 9 арестантовъ было убито и 10 ранено; были убитые и раненые и со стороны солдатъ и тюремной стражи. Что касается до пострадавшихъ арестантовъ, то среди нихъ были и такіе, которые не участвовали въ бунтѣ. Между прочимъ, одинъ изъ каторжанъ, спасаясь отъ преслѣдованія, забѣжалъ въ камеру, гдѣ содержались обыкновенные арестанты, не принявшіе участія въ бунтѣ. Послѣдніе, опасаясь за себя, выгнали каторжанина обратно въ коридоръ, предварительно отнявъ у него ружье и выбросивъ это ружье за окошко. Но въ это время въ камеру вбѣжалъ гнавшійся за каторжаниномъ начальникъ тюрьмы съ солдатами и, вообразивъ, что сидящіе здѣсь арестанты тоже взбунтовались, скомандовалъ стрѣлять въ нихъ. Солдаты дали два залпа, и нѣсколько арестантовъ осталось на мѣстѣ, нѣсколько было ранено *).

Во всѣхъ этихъ случаяхъ невольно обращаетъ на себя вниманіе одна и та же черта—крайнее ожесточеніе рѣшающихся на «бунтъ» заключенныхъ. Успѣвъ овладѣть хотя бы незначительнымъ количествомъ оружія, они держатся съ нимъ до послѣдней возможности, держатся даже тогда, когда всякая надежда на спасеніе путемъ бѣгства для нихъ исчезаетъ, и заставляютъ тюремную стражу и даже вызываемыхъ въ тюрьму солдатъ вести съ ними форменныя сраженія. Люди идутъ прямо на гибель, а порою, когда для нихъ выясняется полная невозможность дальнѣйшей борьбы, даже сами налагаютъ на себя руки, лишь бы не возвращаться въ стѣны тюремныхъ камеръ, не отдаваться вновь во власть тюремной администраціи. Такъ могутъ дѣйствовать только люди, доведенные всей обстановкой своей жизни до послѣдней степени отчаянія, утратившіе всякую надежду на возможность примириться съ этой обстановкой или измѣнить ее къ лучшему.

Съ еще большею рельефностью, пожалуй, выступаетъ та же самая черта въ двухъ случаяхъ тюремныхъ безпорядковъ, разыгравшихся въ текущемъ году. Одинъ изъ такихъ случаевъ произошелъ мѣсяцъ съ небольшимъ тому назадъ въ пользующейся громкой извѣстностью орловской каторжной тюрьмѣ. Въ этой тюрьмѣ устроены громадныя мастерскія—столярныя, кузнечныя, ткацко-прядильныя, кустарныхъ издѣлій и другія, въ которыхъ работаютъ арестанты. 9 августа въ мастерскихъ работало около 300 каторжанъ. Къ одному изъ нихъ, обрубавшему въ ткацкой мастерской бревно, подошелъ завѣдующій мастерской надзиратель, на тюремномъ жаргонѣ «дядька», Вѣтровъ, и, сдѣлавъ выговоръ за неправильную будто-бы работу, ударилъ заключеннаго. Тотъ отвѣтилъ ударомъ топора, и Вѣтровъ упалъ съ разсѣченной головой. Это послужило какъ бы сигналомъ: работавшіе въ ткацкой и кузнечной

*) «Рѣчь», 3 октября 1909 г.

мастерскихъ каторжане, бросивъ работу, выбѣжали на дворъ тюрьмы и тамъ успѣли захватить еще двухъ «дядекъ»: одному изъ нихъ перерубили топоромъ руку, другого тяжело ранили пулей изъ отнятаго револьвера. Но тѣмъ временемъ собралась по поднятой тревогѣ вся тюремная стража и открыла огонь по каторжанамъ. «Взбунтовавшіеся—разсказываетъ газетный корреспондентъ, описавшій эту исторію,—моментально были прижаты къ стѣнѣ и градомъ выстрѣловъ усмирены». При этомъ двое каторжанъ было убито, двое смертельно ранено и одиннадцать получили болѣе или менѣе тяжелыя пораненія. Кромѣ того, по упорнымъ городскимъ слухамъ, на другой же день 20 человѣкъ изъ участвовавшихъ въ бунтѣ каторжанъ были подвергнуты тѣлесному наказанію *). Въ этомъ бунтѣ, очевидно, не было никакой организованности, какъ не было и не могло быть никакой надежды на спасеніе. Здѣсь прорвался только стихійный порывъ мести со стороны дошедшихъ до крайняго отчаянія людей, прорвалась та «глубокая, жестокая злоба», которая накопилась въ душѣ заключенныхъ въ результатѣ безконечнаго ряда истязаній и насилій.

Въ концѣ августа аналогичные безпорядки вспыхнули въ верхне-днѣпровской тюрьмѣ въ Екатеринославской губерніи. Вотъ, какъ описываются эти безпорядки въ газетномъ сообщеніи. «Выпущенный изъ камеры для принятія чая каторжанинъ Долженко набросился на надзирателя Стежко и началъ душить его. На подмогу Долженко прибѣжали и его товарищи по камерѣ. Одинъ изъ нихъ, Васильевъ, обезоружилъ другого надзирателя, Подводу. Вооружившись его револьверомъ, Васильевъ погнался за убѣгавшимъ Стежко и пустилъ ему вдогонку нѣсколько пуль, къ счастью, пролетѣвшихъ мимо. Скрывшійся Стежко далъ сигналъ о бунтѣ. Видя, что дѣло ихъ проиграно, Васильевъ отобралъ ключи отъ камеръ у Подводы и передалъ ихъ Долженко, поручивъ ему выпустить всѣхъ заключенныхъ, а затѣмъ, заперевъ Подводу въ клозетъ, подошелъ къ выходной двери и выстрѣломъ въ високъ покончилъ съ собой. На крикъ Стежко явилась тюремная полиція. Немедленно была вызвана рота солдатъ, и вскорѣ тюрьма была оцѣплена со всѣхъ сторонъ. Когда чины полиціи подошли къ дверямъ коридора тюрьмы, они нашли ихъ запертыми. Арестантъ Долженко, стоявшій за дверьми съ револьверомъ въ рукахъ, просилъ не ломать дверей, угрожая въ противномъ случаѣ застрѣлить Подводу и себя. Начались переговоры. Долженко обѣщалъ открыть двери и выдать оружіе только въ томъ случаѣ, если тюремная администрація пообѣщаетъ исполнить требованія арестантовъ о банѣ, о болѣе частой смѣнѣ бѣлья и проч. Когда администрація дала обѣщаніе исполнить всѣ эти требованія, Долженко открылъ дверь и выдалъ оружіе **). Когда послѣ этого въ тюрьму прибылъ слѣдователь,—

*) «Рѣчь», 14 августа.

**) «Новое Время», 13 сентября.

прибавляла одна изъ газетныхъ телеграммъ—«волненіе въ тюрьмѣ улеглось, но заключенные еще не успокоились; нѣкоторые арестанты заявили много жалобъ, такъ, напримѣръ, что бѣлье не мѣнялось больше мѣсяца, что пища плоха и т. п.» *).

Этотъ послѣдній эпизодъ самъ по себѣ даетъ цѣлую картину тюремной жизни, при томъ картину на столько мрачную, что она можетъ привести въ содроганіе любого свѣжаго человѣка. Въ самомъ дѣлѣ, можно представить себѣ, какова должна быть та тюремная обстановка, въ которой одинъ заключенный охотно разстается съ жизнью, разъ не можетъ разстаться съ тюрьмой, а другой подъ угрозой смерти надзирателя и своей собственной вынуждаетъ у тюремной администраціи ни больше, ни меньше, какъ обѣщаніе чаще водить заключенныхъ въ баню и мѣнять имъ бѣлье. Это могло бы показаться трагическимъ фарсомъ, если бы не было неприкрашеннымъ фактомъ печальной дѣйствительности. Въ виду этого факта такъ убѣдительно звучатъ цитированныя уже мною слова изъ письма каторжанина: «когда мелочи происходятъ каждый день, въ продолженіе годовъ, онѣ перестаютъ быть мелочами». И не менѣе убѣдительно звучатъ другія слова того же письма: «здѣсь передъ нами одинъ выборъ—или смерть, или выполненіе всего, что прикажутъ,—середины нѣтъ». Одни, сознавъ это сразу, рѣшаютъ всему подчиняться, другіе начинаютъ борьбу и приходятъ къ смерти,—третьяго выхода современная дѣйствительность не даетъ или даетъ только въ видѣ исключенія, становящагося все болѣе рѣдкимъ.

Я не знаю, явится ли такимъ исключеніемъ верхне-днѣпровская тюрьма, сочтетъ ли ея администрація нужнымъ выполнить хотя бы то обѣщаніе на счетъ бань и бѣлья, какое было вынуждено у нея каторжникомъ Долженкомъ, и измѣнятся ли въ ближайшемъ будущемъ хоть сколько-нибудь къ лучшему порядки этой тюрьмы. Но на счетъ общихъ порядковъ всѣхъ россійскихъ тюремъ сомнѣваться не приходится. Не далѣе, какъ весной текущаго года, оффиціозная «Россія», излагающая взгляды и мнѣнія правительства, выступила съ торжественныхъ заявленіемъ, которое не оставляетъ мѣста никакимъ сомнѣніямъ въ этомъ вопросѣ. «Если—писала названная газета—должно въ чемъ-либо, дѣйствительно, обвинять наши тюрьмы, то развѣ въ томъ лишь, что не всегда и не вездѣ установленные закономъ порядки соблюдаются въ тюрьмахъ съ надлежащей строгостью и точностью» **). Смыслъ этой фразы совершенно ясенъ, особенно, если вспомнить то значеніе, какое имѣетъ въ устахъ публицистовъ «Россіи» слово «законъ». Правительство намѣтило свой курсъ и не намѣрено отступать отъ него въ вопросѣ о тюрьмахъ, какъ и во всѣхъ другихъ вопросахъ

*) «Рѣчь», 3 сентября.
**) „Россія“, 10 апрѣля.

русской жизни. И устами своихъ присяжныхъ публицистовъ оно обѣщаетъ въ ближайшемъ будущемъ еще болѣе усовершенствовать и съ еще большей «строгостью и точностью» осуществлять тѣ порядки, которые воцарились сейчасъ въ русскихъ тюрьмахъ, порядки, сущность и послѣдствія которыхъ мы имѣли нѣкоторую возможность оцѣнить въ предыдущемъ изложеніи. И по тому, что было уже сдѣлано въ прошломъ, можно думать, что это обѣщаніе не останется праздными словами для будущаго.

Нѣкоторую аналогію съ порядками современныхъ тюремъ представляютъ и порядки современной ссылки. Въ моемъ распоряженіи нѣтъ, правда, матеріаловъ для полной картины жизни современной ссылки, но нѣкоторыя, наиболѣе характерныя и наиболѣе бросающіяся въ глаза черты этой жизни позволяютъ отмѣтить и имѣющіеся матеріалы.

Число лицъ, находящихся въ ссылкѣ, въ настоящее время весьма значительно. Однихъ только административно-ссыльныхъ къ веснѣ настоящаго года насчитывалось въ различныхъ губерніяхъ около 11,000 человѣкъ. Изъ этого общаго числа въ Архангельской губерніи было 1,915 человѣкъ, въ Томской — 1,788, въ Тобольской — 1,420, въ Вологодской — 1,416, въ Астраханской — 931, въ Енисейской—866, въ Олонецкой—816, въ Якутской области—331, въ Пермской губерніи—290 и въ Забайкальской области—61; остальные распредѣлялись еще по нѣсколькимъ губерніямъ. Къ этому надо прибавить еще немалое количество ссыльно-поселенцевъ по суду, т. е. лицъ, приговоренныхъ судомъ къ ссылкѣ на поселеніе. Положеніе тѣхъ и другихъ въ большинствѣ случаевъ едва-ли не одинаково плачевно.

Мытарства ссыльныхъ начинаются задолго до прибытія ихъ на мѣсто ссылки. Самая переправа ихъ въ ссылку представляетъ собою рядъ тяжелыхъ мытарствъ, которыя далеко не всякому удается пройти безнаказанно. Въ тюрьмахъ на долю ссыльныхъ достаются наибольшая тѣснота и грязь, наименѣе удовлетворительныя помѣщенія, наиболѣе скудная пища, и люди со сколько-нибудь слабымъ здоровьемъ часто не выдерживаютъ всего этого. Бывало, что ссыльные, не добравшись до мѣста своего назначенія, умирали въ одной изъ тюремъ по дорогѣ. Еще болѣе часты другіе случаи, когда ссыльный, отправившись въ ссылку сравнительно здоровымъ человѣкомъ, попадаетъ въ нее совершенно больнымъ. Бывали порою даже и такіе случаи — своего рода злая насмѣшка судьбы, — что человѣкъ, отправленный въ административную ссылку, напримѣръ, въ Архангельскую губернію, по дорогѣ раза два заражался въ тюрьмѣ тифомъ, мѣсяцами лежалъ въ тюремныхъ больницахъ и, прибывъ въ концѣ концовъ въ предназначенное для него мѣсто, узна-

валъ, что срокъ его ссылки уже истекъ, и что поэтому администрація не можетъ выдать ему кормовыхъ денегъ.

О способѣ переправки ссылаемыхъ по этапу много уже писалось въ нашей повременной прессѣ, писалось въ частности и на страницахъ «Русскаго Богатства», и я не буду останавливаться на прелестяхъ этапнаго пути. Позволю себѣ привести только относящійся къ нимъ отрывокъ изъ помѣщеннаго въ нынѣшнемъ году въ газетахъ письма одного бывшаго офицера, лейтенанта въ отставкѣ, угодившаго въ архангельскую ссылку. «Оправданный московской палатой, засѣдавшей въ г. Архангельскѣ, — разсказываетъ въ своемъ письмѣ этотъ ссыльный, г. Кусковъ, —я, какъ ссыльный, по распоряженію архангельской полиціи, выѣхалъ на мѣсто своей ссылки, г. Пинегу, сопровождаемый стражникомъ. До Холмогоръ доѣхалъ благополучно, но отсюда начались мытарства. Холмогорскій исправникъ распорядился измѣнить распоряженіе губернскаго полицейскаго управленія и велѣлъ отправить меня обыкновеннымъ пѣшимъ порядкомъ, какъ арестанта. Въ ожиданіи этапа меня засадили въ тюрьму-клоповникъ... Въ этомъ грязномъ клоповникѣ я провелъ нѣсколько дней. Но настоящая пытка началась съ принятія конвоемъ этапа. Меня, какъ и другихъ, хотя я возвращался свободно, обыскивали, словно арестанта, до гола. Вещи выбрасывались, несмотря на то, что полицейское управленіе заявило, что я могу ихъ сдать конвою. На мою просьбу составить протоколъ конвойный хотѣлъ все выбросить и переломать. Я, какъ бывшій офицеръ, знаю обязанность конвойныхъ солдатъ и то, чему я былъ свидѣтелемъ, привело меня въ ужасъ. По дорогѣ конвойные, зная свою безграничную власть, третировали насъ, арестантовъ, оскорбляли, угрожали разъ даже винтовкой, прибавляя: «убьемъ, ничего не будетъ, награду еще получимъ». Сами же на каждомъ шагу нарушали свои обязанности *). То, что «привело въ ужасъ» г. Кускова, въ сущности, успѣло уже стать обыденнымъ явленіемъ. И если въ тюрьмахъ ссыльные, какъ и всѣ заключенные, отданы на полный произволъ разнузданныхъ тюремщиковъ, то во время этапнаго пути они вынуждены испытывать, помимо разнообразныхъ неудобствъ и лишеній, еще гнетъ безконтрольной власти лишь немногимъ менѣе разнузданныхъ конвойныхъ.

Съ момента прибытія на мѣсто ссылки лишенія не исчезаютъ, наоборотъ, порою становятся еще острѣе, особенно для ссыльно-поселенцевъ, не получающихъ пособія отъ казны. Въ прошломъ году въ газетахъ были помѣщены характерныя выдержки изъ письма одного ссыльно-поселенца, волею судьбы занесеннаго въ село Алтату Енисейской губерніи. «Въ Алтатѣ—писалъ онъ—насъ семеро политическихъ поселенцевъ. Пришли въ село—ни у

*) «Рѣчь», 31 марта.

кого ни копѣйки денегъ; рѣшили продать свою амуницію—халаты, полушубки и бродни. Продали за полцѣны, деньги проѣли и опять ѣсть нечего. Выпросили у ссыльныхъ-старожиловъ ружье и пошли охотиться; убили рябчика, дрозда, еще 2—3 птицы, и всего этого, при большой экономіи, хватило на три дня, а потомъ опять ѣсть нечего. Нѣкоторые уже слегли. Въ 45 верстахъ отъ нашей деревни проводятъ дорогу для переселенцевъ. Пришли мы четверо на работы по проводкѣ дороги. Насъ послали корчевать лѣсъ и прорывать въ тайгѣ русло для стока воды. Проработали три дня и одинъ изъ насъ простудился, пришлось отправиться съ нимъ домой. Въ болотѣ промачиваешь ноги и платье, а къ вечеру уже подмораживаетъ, и мокрая одежда леденѣетъ на тѣлѣ; ночевать же приходилось въ шалашѣ, едва укрывающемъ отъ снѣга» *).

Трудно достать работу въ гиблыхъ мѣстахъ ссылки, но даже и тамъ, гдѣ такая работа имѣется, на пути къ ней стоятъ трудно преоборимыя препятствія. «Что мы будемъ дѣлать въ страшную сибирскую восьмимѣсячную зиму,—писалъ авторъ только что процитированнаго мною письма,—трудно представить. Идти «бѣлковать»—надо имѣть ружье, порохъ, дробь и возможность пробыть въ тайгѣ съ мѣсяцъ. Но оружіе имѣть поселенцу строго воспрещается, а самовольная отлучка на мѣсяцъ въ тайгу, хотя бы для добыванія насущнаго хлѣба, карается годомъ тюрьмы». Въ тайгу на охоту можно, по крайней мѣрѣ, уйти безъ паспорта, но для платныхъ заработковъ, если ихъ нельзя найти въ мѣстѣ поселенія, паспортъ является безусловно необходимымъ, такъ какъ безъ него нельзя отлучиться въ населенныя мѣста. И тутъ на дорогѣ ссыльныхъ немедленно выростаютъ серьезныя препятствія, о значеніи которыхъ можетъ дать понятіе хотя бы слѣдующій случай. Въ анциферовскую волость Енисейскаго уѣзда, насчитывающую въ себѣ около двухъ-трехъ тысячъ жителей, въ прошломъ году сослали болѣе 200 ссыльно-поселенцевъ, не считая административныхъ ссыльныхъ. «Въ деревню Комарево, гдѣ всего одинъ домъ и восемь душъ населенія,—разсказывалось въ одной газетной корреспонденціи—сослано 11 человѣкъ. Въ этой деревнѣ не только заработка, но и куска хлѣба не достанешь. Такъ же обстоитъ дѣло и въ деревняхъ Гурино и Усть-Питское, въ которыхъ всего 10—15 дворовъ, а сослано народу видимо-невидимо. Немногимъ лучше обстоитъ дѣло и въ другихъ деревняхъ». Поставленнымъ въ такія условія ссыльно-поселенцамъ, большинство которыхъ вдобавокъ принадлежало къ рабочимъ и не получало никакой помощи изъ дому, необходимо было, конечно, для пріисканія заработка уходить изъ мѣстъ своего поселенія въ другія, болѣе заселенныя мѣста. Первоначально волостное правленіе и выдавало свободно паспорта всѣмъ отправлявшимся на заработки ссыльно-поселенцамъ. Но за-

*) „Рѣчь", 28 октября 1909 г.

тѣмъ мѣстный исправникъ разъяснилъ волостному правленію, что ссыльно-поселенцамъ, сосланнымъ за государственныя преступленія, не слѣдуетъ выдавать паспорта, а уже выданные надо отобрать обратно,—и всѣ настоянія ссыльныхъ, указывавшихъ на безвыходность своего положенія, не повели къ отмѣнѣ этого распоряженія *). Съ нѣкоторыми незначительными варіаціями то же самое повторялось и повторяется и въ другихъ мѣстахъ ссылки.

Но даже и въ тѣхъ случаяхъ, когда заработокъ можно было бы найти на мѣстѣ поселенія, онъ часто оказывается запретнымъ. Цѣлый рядъ профессій закрытъ для ссыльныхъ. «Все, что было бы полезнымъ для мѣстнаго населенія и дало бы хоть какое-нибудь удовлетвореніе интеллигентнымъ ссыльнымъ,—говорится въ одномъ появившемся въ газетахъ письмѣ изъ Туруханскаго края—все запрещено и строжайше преслѣдуется. Нельзя учить грамотѣ дѣтей туземцевъ, по умственному развитію пребывающихъ до сихъ поръ въ состояніи первобытнаго человѣка; нельзя оказывать медицинской помощи краю, вырождающемуся отъ сифилиса и эпидемическихъ заболѣваній; наконецъ, преслѣдуется всякое общеніе между населеніемъ и ссыльными. На этой почвѣ у ссыльныхъ съ крестьянами постоянныя тренія и недоразумѣнія, часто комическаго характера. А въ общемъ все это ложится тяжелымъ камнемъ на душу и отравляетъ существованіе ссылки, растительное, подневольное, безполезное» **).

«Въ нашемъ городѣ—писали въ началѣ этого года «Рѣчи» изъ Усть-сысольска—до 5.000 жителей и около 500 ссыльныхъ. Близь города расположено нѣсколько большихъ селъ. На всю эту громадную округу имѣется лишь одинъ врачъ при больницѣ въ городѣ. Ясно, что онъ можетъ сдѣлать при такихъ условіяхъ... Около трехъ мѣсяцевъ тому назадъ сюда прибылъ въ административную ссылку врачъ Соловьевъ. Въ первые же дни его пребыванія здѣсь къ нему валомъ повалили не только ссыльные, но и мѣстные жители. Послѣдніе, главнымъ образомъ, съ дѣтьми. Соловьеву пришлось на тысячу ладовъ разъяснять зырянамъ-родителямъ больныхъ дѣтей, что, хотя онъ и «настоящій докторъ», но, пока ему не разрѣшитъ министръ, онъ «не имѣетъ права» помогать ни имъ, ни ихъ дѣтямъ. Недоумѣвающіе обыватели рѣшили ждать, когда придетъ разрѣшеніе «доктору лѣчить». На-дняхъ, въ отвѣтъ на ходатайство Соловьева о разрѣшеніи ему практики, изъ министерства пришло краткое: «оставить безъ послѣдствій» ***).

Интересы мѣстнаго населенія и ссыльныхъ одинаково приносятся въ жертву, лишь бы предупредить образованіе у ссыльныхъ какихъ-либо прочныхъ связей съ этимъ населеніемъ. Ради этой цѣли ссыльныхъ лишаютъ и подходящихъ для нихъ занятій, и возможнаго заработка, обрекая на полную бездѣятельность и крайнюю нужду. Благодаря наплыву ссыльныхъ въ мѣстахъ массоваго

*) «Рѣчь», 26 ноября 1909 г.
**) «Рѣчь», 14 марта 1910 г.
***) «Рѣчь», 7 февраля.

ихъ поселенія цѣны на квартиры и на предметы первой необходимости рѣзко поднялись вверхъ и массѣ ссыльныхъ, не говоря уже о тѣхъ, кто вовсе не получаетъ казеннаго пособія, приходится вести полуголодное, а то и прямо голодное существованіе. Между тѣмъ различнаго рода организаціи самопомощи, возникшія было среди ссыльныхъ въ разныхъ мѣстахъ, за послѣдніе годы подверглись полному разгрому со стороны администраціи. До чего доходитъ усердіе послѣдней въ этомъ отношеніи, можно судить хотя бы по такому эпизоду. Въ Архангельскѣ находящаяся въ ссылкѣ жена д-ра Никонова рѣшилась на свои средства нанять комнату, въ которой могли бы временно помѣщаться вновь прибывающіе въ городъ ссыльные, еще не успѣвшіе найти себѣ пріютъ. Г-жа Никонова осуществила свое намѣреніе, и нанятая ею комната полтора года давала пріютъ вновь пріѣзжавшимъ ссыльнымъ. Нерѣдко даже полиція направляла сюда ссыльныхъ, не нашедшихъ себѣ угла. Но прошло полтора года и жандармская полиція усмотрѣла въ этомъ актѣ помощи ссыльнымъ со стороны г-жи Новиковой нѣчто преступное. У г-жи Новиковой и ея мужа былъ устроенъ обыскъ, ихъ обоихъ привлекли къ допросу, отъ найма комнатъ для ссыльныхъ заставили отказаться и начали «дѣло» о преступной помощи ссыльнымъ. Пока это дѣло еще въ производствѣ и, чѣмъ оно окончится, неизвѣстно, но характерна уже самая возможность его возникновенія.

Разгромлены въ послѣднее время и образовательныя учрежденія, возникшія было среди ссыльныхъ,—библіотеки и «школы», которыя собственными силами устраивали ссыльные съ цѣлью пополнить недостатки своего образованія путемъ товарищеской помощи. Мало того,—въ нѣкоторыхъ мѣстахъ администрація перешла даже къ преслѣдованіямъ тѣхъ отдѣльныхъ лицъ изъ среды ссыльныхъ, которыя занимаются со своими товарищами. «Со второй половины 1909 года—писалъ въ «Рѣчь» одинъ ссыльный изъ г. Яренска Вологодской губерніи—полиція начала сильное гоненіе и на учителей-одиночекъ: всѣ, подозрѣваемые въ учительствѣ, вызываются въ полицію, гдѣ отъ нихъ, подъ угрозой трехмѣсячнаго тюремнаго заключенія, требуютъ прекратить какія бы то ни было занятія. Исправникъ ловитъ на улицахъ всѣхъ идущихъ съ книгами. При обыскахъ отбираютъ учебники (напр., «Учебную книгу новой исторіи» проф. Карѣева) и ихъ приходится прятать, какъ нелегальщину. Наконецъ, приступаютъ и къ болѣе сильно дѣйствующимъ средствамъ: арестамъ и высылкамъ. Напримѣръ, пишущій эти строки былъ арестованъ и подъ конвоемъ высланъ въ глубь уѣзда, гдѣ водворенъ среди зырянскаго населенія. Арестъ и высылка были произведены съ такой поспѣшностью, что не дали даже собраться, пришлось ѣхать, какъ былъ. И такая кара постигла, по выраженію исправника, „за педагогическую дѣятель-

ность", т. е. за то, что не счелъ себя въ правѣ отказаться подѣлиться своими знаніями съ товарищами по несчастью» *).

Внѣ тюремныхъ стѣнъ для ссыльныхъ создается обстановка тюремной жизни. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ въ ссылкѣ, пожалуй, даже хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ. Бѣда, если сосланный въ какой-нибудь глухой уголъ схватитъ серьезную болѣзнь. Онъ можетъ или остаться вовсе безъ помощи, или найти такую помощь, которая хуже полнаго ея отсутствія. Не такъ давно одинъ изъ подобныхъ случаевъ былъ описанъ въ письмѣ, полученномъ членомъ Думы г. Бѣлоусовымъ отъ ссыльныхъ села Богучанскаго Енисейской губерніи. «На святкахъ—разсказывалось въ этомъ письмѣ – одинъ изъ ссыльныхъ заболѣлъ, его отправили въ больницу, до которой было 400 верстъ. Своей теплой одежды онъ не имѣлъ, при отправкѣ власти также не озаботились снабдить его ею, а морозы въ это время стояли до 48°. На стоянкахъ ему не давали даже обогрѣться, а на его просьбы объ этомъ отвѣчали только ругательствами. Его везли день и ночь безостановочно. Когда пріѣхали на послѣднюю станцію, больной озябъ уже до такой степени, что не могъ говорить. Но и здѣсь не помогли просьбы сопровождавшаго его товарища. Мѣстный сотскій и стражникъ обрушились цѣлымъ потокомъ отборной ругани на обоихъ. И вотъ, не доѣзжая 14 верстъ до больницы, онъ умеръ. Сюда, въ Богучанское, доставили уже трупъ» **).

Помимо всякаго рода лишеній, ссыльные вынуждены еще испытывать постоянный гнетъ неослабнаго надзора за всею ихъ жизнью. И хотя этотъ надзоръ по необходимости все же слабѣе, чѣмъ тюремный, онъ во всякомъ случаѣ сопряженъ для ссыльныхъ съ достаточнымъ количествомъ непріятностей, стѣсненій и издѣвательствъ. О томъ, какія формы принимаетъ подчасъ такой надзоръ, можетъ дать понятіе хотя бы циркуляръ, съ которымъ обратился въ прошломъ году къ ссыльнымъ города Пинеги мѣстный исправникъ, г. Голенищевъ. «Мною неоднократно замѣчено,—писалъ г. Голенищевъ въ этомъ циркулярѣ — что проживающіе въ деревняхъ около города Пинеги политическіе ссыльные постоянно находятся въ городѣ и толпами, вмѣстѣ съ ссыльными, проживающими въ г. Пинегѣ, собираются во время прихода почтъ около почтово-телеграфной конторы и въ такомъ порядкѣ разгуливаютъ по городу, нерѣдко ускользая такимъ образомъ отъ повѣрки». «Признавая такой надзоръ за гласно-поднадзорными недостаточнымъ и подобнаго рода сборища незаконными», исправникъ въ своемъ циркулярѣ предписывалъ «наблюдающимъ за ссыльными повѣрку ссыльныхъ производить неукоснительно два раза въ день, утромъ и вечеромъ», и вмѣстѣ съ тѣмъ поручалъ полиціи «объявить всѣмъ

*) „Рѣчь", 7 февраля 1910 г.
**) „Рѣчь", 2 апрѣля 1910 г.

ссыльнымъ, чтобы они, во-первыхъ, не собирались около почтово-телеграфной конторы толпами и, во-вторыхъ, не производили празднаго шатанія по городу послѣ вечерней повѣрки, а тѣмъ ссыльнымъ, кои живутъ въ пригородныхъ деревняхъ, чтобы они безъ надобности не являлись въ городъ, а тѣмъ болѣе по вечерамъ». При этомъ исправникъ поручалъ полиціи «предупредить ссыльныхъ, что замѣченные въ неисполненіи сего ссыльные будутъ высылаться въ отдаленныя селенія уѣзда» *). Такимъ образомъ даже приходъ ссыльныхъ къ почтѣ является въ глазахъ администраціи «незаконнымъ сборищемъ», даже прогулки ссыльныхъ вечеромъ по городскимъ улицамъ представляются ей преступленіемъ, требующимъ немедленной и строгой кары. И такъ смотритъ не одинъ только пинежскій исправникъ. Отрѣзанный отъ общенія съ мѣстнымъ населеніемъ, ссыльный, по мысли администраціи, долженъ отказаться почти отъ всякаго общенія и съ своими товарищами, долженъ жить въ своей квартирѣ или комнатѣ приблизительно такъ же, какъ живутъ заключенные въ тюрьмѣ въ своихъ камерахъ.

Проявляя къ ссыльнымъ такія требованія, администрація располагаетъ для ихъ поддержанія цѣлымъ арсеналомъ карательныхъ мѣръ, которыя она, не обинуясь, и пускаетъ въ ходъ при всякомъ удобномъ случаѣ. И въ этомъ арсеналѣ такія мѣры, какъ заключеніе въ тюрьму или высылка въ отдаленныя селенія, являются еще не самыми суровыми. Въ отдѣльныхъ губерніяхъ творчество мѣстныхъ властей изобрѣло и другія, еще болѣе чувствительныя кары. Такъ, напримѣръ, въ Вологодской губерніи за послѣднее время вошло въ обычай налагать на провинившагося административно-ссыльнаго не штрафъ и не тюремное заключеніе, а обязательство пропутешествовать этапнымъ порядкомъ изъ города, гдѣ живетъ ссыльный, въ какой-либо другой городъ и обратно. Въ началѣ настоящаго года въ Устьсысольскѣ было задержано собраніе ссыльныхъ въ 30 человѣкъ. «По представленію исправника, губернаторомъ была положена резолюція: такимъ-то и такимъ-то мѣсяцъ тюрьмы и сводить по этапу въ г. Никольскъ; такихъ то въ тюрьму и пр. Мѣста прогулки были даны различныя: до Вельска, Грязовца, Кадникова и т. д., и обратно» **). Въ тюрьму можно посадить на три мѣсяца, а «прогулка» при желаніи можетъ быть разсчитана и на значительно болѣе долгій срокъ. Къ тому же на этой «прогулкѣ» ссыльному въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ приходится даже хуже, чѣмъ въ тюрьмѣ; онъ не можетъ пользоваться книгами, находясь въ крайне тяжелой и нездоровой обстановкѣ, вынужденъ питаться на 10 копѣекъ въ сутки, своихъ денегъ не можетъ имѣть при себѣ болѣе одного рубля, въ случаѣ заболѣванія лишенъ медицинской

*) «Рѣчь», 20 октября 1909 г.
**) «Рѣчь», 17 февраля.

помощи. Если принять все это во вниманіе, то нельзя не оцѣнить по достоинству вологодское изобрѣтеніе.

Не застрахованы ссыльные и отъ самыхъ крайнихъ формъ насилія, играющихъ такую видную роль въ современномъ тюремномъ обиходѣ. Время отъ времени въ газетахъ мелькаютъ извѣстія о случаяхъ избіенія ссыльныхъ наблюдающими за ними политическими чинами, избіенія, иногда сопровождающагося даже смертью избитыхъ. И такія избіенія совершаются по самымъ ничтожнымъ поводамъ, для нихъ достаточно самаго зауряднаго недоразумѣнія. Вотъ два такихъ случая, какъ они были разсказаны въ газетахъ. Весною настоящаго года въ Усть-Цыльмѣ безъ всякихъ видимыхъ поводовъ были арестованы и препровождены въ казарму стражниковъ для отправки въ деревню Бугаево 14 ссыльныхъ. Въ числѣ ихъ находился художникъ Сергѣй Захаровъ. По прибытіи въ казарму онъ просилъ, чтобы его допустили къ исправнику для личныхъ переговоровъ, или же сводили къ доктору для освидѣтельствованія. Ни одна изъ этихъ просьбъ не была исполнена и, когда настало время отправки этапа на почтовомъ баркасѣ, Захаровъ отказался идти на судно. При этомъ никакого активнаго сопротивленія онъ даже не оказывалъ, но тѣмъ не менѣе его жестоко избили и лишь послѣ того отправили этапомъ. Черезъ два дня вернувшіеся въ Усть-Цыльму стражники привезли съ собою его трупъ. По ихъ разсказу, Захаровъ дорогой принялъ какого-то яду и умеръ, но этотъ разсказъ такъ и остался непровѣреннымъ *). Другой подобный случай произошелъ совсѣмъ недавно. 1 сентября въ холмогорское полицейское управленіе явился ссыльный Николайчикъ за полученіемъ кормового пособія. «Между Николайчикомъ и полицейскимъ надзирателемъ — повѣствуетъ газетная телеграмма—произошло объясненіе, закончившееся жестокимъ избіеніемъ, въ которомъ принимали участіе самъ полицейскій надзиратель и нѣсколько стражниковъ, нанесшихъ Николайчику три штыковыхъ раны и одну сабельную въ голову. Избитый былъ арестованъ и посаженъ подъ арестъ, гдѣ избіеніе продолжалось приходившими нѣсколько разъ стражниками» **).

Къ приведеннымъ фактамъ, являющимся лишь примѣрами изъ цѣлаго ряда имъ подобныхъ, врядъ-ли надо что прибавлять. Они говорятъ сами за себя и достаточно ярко—пожалуй, ярче, чѣмъ это могли бы сдѣлать общія описанія,—обрисовываютъ условія, въ какія поставлена сейчасъ жизнь ссыльныхъ. Но для современной власти и эти условія представляются еще недостаточно тяжелыми, недостаточно приближающими жизнь ссылки къ тюремному образцу. Недавно, по словамъ газетъ ***), департа-

*) «Кіевскія Вѣсти», 9 іюня.
**) «Рѣчь», 5 сентября.
***) «Рѣчь», 21 августа.

ментомъ полиціи былъ данъ губернаторамъ и начальникамъ областей рядъ новыхъ указаній объ организаціи надзора за политическими ссыльными. Для выполненія этого надзора департаментъ рекомендуетъ учрежденіе особыхъ надзирателей, которые должны назначаться исправниками, преимущественно изъ лицъ, отбывшихъ военную службу; при этомъ надзиратели изъ запасныхъ нижнихъ чиновъ могутъ быть освобождены отъ призыва въ войска при мобилизаціи и отъ явки во время повѣрочнаго и учебнаго сборовъ: ради цѣлей наблюденія за „внутреннимъ врагомъ" правительство готово освободить ихъ отъ повинности борьбы съ врагомъ внѣшнимъ. Надзирателямъ этимъ не полагается форменной одежды, но для ихъ безопасности они всѣ должны быть вооружены за счетъ казны револьверами, которые имъ предписывается носить спрятанными въ карманахъ подъ одеждой. На обязанность надзирателей возлагается постоянный надзоръ за ссыльными. Въ этихъ видахъ они обязаны ежедневно по нѣскольку разъ посѣщать квартиры ссыльныхъ для провѣрки, всѣ ли они на мѣстахъ, и наблюдать за ихъ поведеніемъ, образомъ жизни, родомъ занятій, за тѣмъ, откуда они добываютъ средства къ жизни, съ кѣмъ ведутъ знакомство, какъ проводятъ время, гдѣ собираются и что тамъ дѣлаютъ. Въ случаѣ обнаруженія чего-либо преступнаго или чего-либо подозрительнаго со стороны ссыльныхъ надзиратели должны немедленно докладывать обо всемъ замѣченномъ начальству. Съ осуществленіемъ этой новой формы надзора за ссыльными жизнь ссылки, несомнѣнно, болѣе приблизится къ жизни тюрьмы и получитъ еще болѣе трагическій и уродливый характеръ.

Такимъ образомъ и тюрьма, и ссылка непрерывно эволюціонируютъ, пріобрѣтая все болѣе жестокія и уродливыя формы. И эта эволюція въ наличныхъ условіяхъ все свирѣпѣющей реакціи и все растущаго одичанія власти, конечно, не представляетъ ничего неожиданнаго. Но не можетъ она представляться и законченной. Современная тюрьма и ссылка успѣли перещеголять тюрьму и ссылку до революціонной эпохи, успѣли кое въ чемъ перещеголять даже порядки первыхъ лѣтъ, послѣдовавшихъ за усмиреніемъ революціи, но это не значитъ, что имъ закрытъ путь къ дальнѣйшему усовершенствованію. Такое усовершенствованіе, несомнѣнно, и впредь будетъ происходить въ однажды усвоенномъ направленіи до тѣхъ поръ, пока останутся въ силѣ общія условія нынѣшней эпохи.

В. Мякотинъ.

Международный соціалистическій конгрессъ въ Копенгагенѣ.

Современный соціалистическій Интернаціоналъ окончательно сорганизовался въ 1889 году. Съ тѣхъ поръ каждый изъ его конгрессовъ отмѣчаетъ, несмотря на временныя колебанія въ тѣхъ или иныхъ странахъ, неуклонный ростъ міроваго соціализма. Отмѣтилъ этотъ ростъ и состоявшійся въ концѣ августа т. г. въ Копенгагенѣ международный конгрессъ, на которомъ 887 делегатовъ представляли 25 крупныхъ и малыхъ соціалистическихъ партій. Какъ видно изъ докладовъ, представленныхъ конгрессу, соціалистическое движеніе за трехлѣтіе, протекшее послѣ Амстердамскаго съѣзда, сдѣлало значительные успѣхи. За исключеніемъ венгерской и русскихъ партій, пострадавшихъ отъ чрезвычайныхъ правительственныхъ репрессій, большинство организацій, примыкающихъ къ Интернаціоналу, укрѣпилось и расширило область своего вліянія *).

Въ настоящее время, согласно послѣднимъ статистическимъ даннымъ, соціалистическія партіи всего міра насчитываютъ около 4 милліоновъ членовъ, 570 депутатовъ въ разныхъ парламентахъ, а на законодательныхъ выборахъ всѣхъ парламентскихъ странъ ими было собрано свыше восьми милліоновъ голосовъ. Кромѣ этого, около десяти милліоновъ рабочихъ сгруппированы въ профессіональные союзы, находящіеся, за небольшими исключеніями, подъ непосредственнымъ вліяніемъ соціалистовъ. И надо принять во

*) Приводимъ нѣсколько интересныхъ цифръ, свидѣтельствующихъ объ успѣхахъ соціалистическаго движенія за послѣдніе три года. Въ англійской „Labour Party" число организованныхъ членовъ возросло отъ 1 милліона до 1.500.000, и въ англійской „Независимой рабочей партіи"—отъ 35 до 60.000. Германская соціалъ-демократія насчитываетъ теперь 660.000 членовъ вмѣсто 530.000 въ 1906 году. Въ теченіе этого же времени число подписчиковъ на соціалъ-демократическія газеты поднялось съ 900.000 до 1.50.000. Партіей кромѣ этого завоевано 5 новыхъ мѣстъ на дополнительныхъ выборахъ въ рейхстагъ, 25 новыхъ депутатскихъ мандатовъ на выборахъ въ саксонскій ландтагъ и 8—въ баденскій. Французскіе соціалисты завоевали на законодательныхъ выборахъ 22 новыхъ мѣста (76 вмѣсто 54) и 200 000 голосовъ (1.100.000 вмѣсто 900.000). Итальянская партія въ свою очередь завоевала 15 депутатскихъ мѣстъ (41 вмѣсто 26). Бельгійская рабочая партія представлена теперь въ парламентѣ 35 депутатами вмѣсто 30 и число ея членовъ съ 140.000 дошло до 185.000. 120.000 голосовъ завоевали также американскіе соціалисты. Болѣе или менѣе крупные успѣхи, о размѣрахъ которыхъ у насъ не имѣется данныхъ, реализованы и другими соціалистическими партіями. Наконецъ, новыя соціалистическія партіи образовались въ Турціи, Южной Африкѣ, Мексикѣ, Бразиліи, Боливіи, на островѣ Кубѣ и въ Австралазіи.

вниманіе, что сила эта, о которой приведенныя цифры даютъ, по необходимости, крайне неполное представленіе, накопилась въ теченіе какихъ-нибудь сорока лѣтъ.

Рядомъ съ ростомъ соціалистическихъ партій шла и характерная идейная эволюція въ рядахъ соціалистовъ, эволюція, признаки которой проявились очень выпукло и на Копенгагенскомъ конгрессѣ.

Въ началѣ организованнаго соціалистическаго движенія, когда соціалисты были еще слабы и организаціонно, и численно, препятствія, стоявшія на пути ихъ дѣятельности, усугублявшіяся, вдобавокъ, политической реакціей, царствовавшей тогда на Западѣ, были и такъ огромны, что имъ казалось невозможнымъ добиться чего-нибудь положительнаго въ рамкахъ капиталистическаго режима. Они были убѣждены, что растущій гнетъ капитализма, въ концѣ концовъ, и даже черезъ короткое время, вызоветъ неизбѣжно народное возстаніе, которое смететъ съ лица земли современный строй и положитъ начало братскому обществу свободнаго труда. Но до наступленія этого великаго дня, пока Молохъ-капиталъ не обрушится подъ ударами тяжелаго молота соціальной революціи, надѣяться на возможность завоеванія какихъ бы то ни было дѣйствительныхъ улучшеній—утопично и неосновательно. Переходъ отъ капитализма къ соціализму мыслился соціалистами не какъ эволюціонный процессъ, процессъ постепеннаго накопленія и кристализаціи въ настоящемъ элементовъ грядущаго, образующихъ фундаментъ и матеріалъ для соціалистическаго зданія, а какъ рѣзкій скачекъ изъ одного общественнаго порядка въ другой, рѣзко ему противоположный. Но когда соціалистическія партіи начали постепенно пріобрѣтать силу и могущество, имъ стало трудно оставаться на этой теоретической позиціи и ограничиваться исключительно критическою дѣятельностью. Надо было дать практическое примѣненіе своимъ силамъ, чтобы не разочаровать рабочія массы въ ихъ надеждахъ вопреки всякимъ теоріямъ добиться непосредственныхъ результатовъ при помощи партійныхъ организацій, чтобы оправдать ихъ довѣріе, чтобы показать цѣлесообразность соціалистическаго движенія уже въ настоящемъ, что, какъ выяснила практика, является лучшимъ средствомъ для привлеченія трудящихся въ ряды партій. Съ другой стороны, благодаря измѣнившемуся политическому положенію нѣкоторыя серьезныя рабочія реформы были проведены въ жизнь, что опровергало въ значительной степени старую точку зрѣнія.

Соціалисты начали тогда постепенно вносить коррективы къ прежней точкѣ зрѣнія, нѣкоторые же изъ нихъ рѣшительно стали на почву эволюціонизма, придя къ убѣжденію, что съ возрастаніемъ силы напора рабочихъ массъ и ихъ организаціи будутъ постепенно осуществляться все болѣе прогрессивныя соціальныя мѣропріятія. Явившись результатомъ усиленія соціалистическаго

движенія, эволюціонистское теченіе естественно пріобрѣтало все больше сторонниковъ, по мѣрѣ того, какъ это движеніе росло и крѣпло. Въ настоящее время оно фактически преобладаетъ въ международномъ соціализмѣ.

Въ этомъ и заключается та идейная эволюція, которую, какъ я говорилъ выше, отразилъ и Копенгагенскій конгрессъ.

I.

Кооперативы и соціалистическія партіи.

Вопросъ объ отношеніяхъ между кооперативами и соціалистическими партіями былъ однимъ изъ главныхъ вопросовъ, занимавшихъ вниманіе Копенгагенскаго конгресса.

Кооперативное движеніе за послѣднія десять-пятнадцать лѣтъ приняло огромные размѣры въ капиталистическихъ странахъ Запада, превратившись въ вліятельный и могучій факторъ соціальной жизни. Потребительныя кооперативныя общества, объединенныя въ крупнѣйшіе союзы, группируютъ сотни тысячъ, а въ Англіи и Германіи—милліоны рабочихъ, обладаютъ большими капиталами, оптовыми складами, мастерскими, фабриками и заводами и вдобавокъ растутъ и развиваются съ необычайной быстротой. Чтобы дать читателямъ нѣкоторое представленіе о размѣрахъ западноевропейскаго кооперативнаго движенія, приведемъ здѣсь небольшую табличку о положеніи кооперации въ 1906 году, которую мы заимствуемъ изъ книги Бернара Лаверня «Le Régime Coopératif».

Страны.	Число обществъ.	Число членовъ.	Сумма годовой торговли.	Сумма годового производства.
			Въ милліон.	франковъ.
Англія	1448	2.222.457	1584	396
Германія	2070	1.200.000	360	42
Франція	2166	650.000	200	$75^1/_2$
Бельгія	250	200.000	55	27
Швейцарія	350	170.000	70	Неизвѣстно.
Венгрія	750	150.000	30	—
Голландія	—	42.000	10	—

Въ приведенной табличкѣ данныя касаются не всѣхъ кооперативныхъ странъ и при томъ онѣ нѣсколько устарѣли, но все же картина движенія получается довольно внушительная.

Бернаръ Лавернь въ своей книгѣ дѣлаетъ слѣдующій любопытный разсчетъ. Онъ предполагаетъ, что въ семьѣ каждаго члена кооперативнаго общества имѣются, по крайней мѣрѣ, два взрослыхъ человѣка, участвующихъ, слѣдовательно, косвеннымъ образомъ въ кооперации, и что $^4/_5$ общаго числа кооператоровъ принадлежитъ къ рабочему классу. Исходя изъ этихъ двухъ, болѣе чѣмъ вѣроятныхъ,

предположеній, Бернаръ Лавернь исчисляетъ процентное отношеніе организованныхъ кооперативно рабочихъ нѣсколькихъ капиталистическихъ странъ ко всему активному рабочему населенію.

Результатъ получился слѣдующій.

Англія	53%
Германія	29%
Франція	24%
Бельгія	29%
Швейцарія	60%

Эти цифры съ достаточною убѣдительностью показываютъ, какіе глубокіе корни пустила кооперація на западно-европейской почвѣ. Отношенія между этой формой рабочаго движенія и соціалистическими партіями носятъ неодинаковый характеръ въ разныхъ странахъ. Въ Бельгіи большая часть кооперативовъ входитъ въ составъ партійной организаціи и каждый изъ ихъ участниковъ считается членомъ партіи и обязанъ принимать ея программу и тактику. Въ то же время кооперативы отчисляютъ часть своихъ доходовъ на партійныя нужды. Такія же приблизительно отношенія между партіей и коопераціей существуютъ въ Австріи и въ Голландіи. Во Франціи такъ называемые соціалистическіе кооперативы не связаны организаціонно съ партіей; тѣмъ не менѣе они ставятъ условіемъ пріема въ свои ряды признаніе основныхъ принциповъ соціализма: классовой борьбы, соціализаціи средствъ производства и обмѣна и международной солидарности работниковъ. Они также поддерживаютъ матеріально партійныя организаціи. Въ Англіи кооперативныя общества ничѣмъ не связаны съ партіей. Нѣмецкая кооперація, въ свою очередь, совершенно нейтральна, но соціалъ-демократы играютъ въ ней преобладающую и руководящую роль. То же самое въ общихъ чертахъ замѣчается и въ Швейцаріи и Италіи.

По мѣрѣ роста и развитія кооперативнаго движенія и увеличенія его значенія и силы, передъ соціализмомъ выдвигалась настоятельная задача—выработать основные, обязательные для всѣхъ странъ принципы своего отношенія къ нему. Въ виду интернаціональности проблемы рѣшающее слово принадлежало высшей инстанціи соціализма — международному конгрессу. Вопросъ былъ поставленъ поэтому въ порядкѣ дня Копенгагенскаго съѣзда.

Но для того, чтобы рѣшить этотъ вопросъ съ точки зрѣнія соціализма, необходимо было сначала выяснить принципіальную цѣнность коопераціи и ея роль въ борьбѣ за общество будущаго. На этомъ, главнымъ образомъ, сосредоточились пренія, въ Копенгагенѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ изложенію этихъ преній, приведу здѣсь вкратцѣ тѣ сужденія о коопераціи, которыя формулировались теоретиками соціализма съ самаго зарожденія соціалистическаго движенія. Такимъ образомъ станетъ еще болѣе понятнымъ ха-

рактеръ направленій, боровшихся вокругъ этого вопроса на конгрессѣ.

Прежде всего необходимо отмѣтить, что къ потребительнымъ кооперативамъ, о которыхъ, главнымъ образомъ, шла рѣчь въ Копенгагенѣ, относились отрицательно даже такіе апологеты кооперативнаго принципа, какъ Робертъ Овенъ и Лассаль. Лассаль обосновывалъ свою точку зрѣнія существованіемъ «желѣзнаго закона» заработной платы, который онъ, какъ извѣстно, формулировалъ въ самой рѣзкой и категорической формѣ. По мѣрѣ того, доказывалъ Лассаль, какъ потребительная кооперація будетъ развиваться, заработная плата неизбѣжно понизится соотвѣтственно тому сокращенію расходовъ, которое рабочіе осуществятъ при помощи кооперативовъ. Таковъ законъ экономическихъ отношеній между трудомъ и капиталомъ,—его же не прейдеши. Потребительные кооперативы, слѣдовательно, безполезны.

Марксъ, не признававшій «желѣзнаго закона» въ такомъ духѣ, какъ Лассаль, и внесшій къ нему существенные коррективы, глубоко измѣнившіе его характеръ, также не признавалъ цѣлесообразности потребительной коопераціи. Такъ, въ докладѣ центральнаго комитета Интернаціонала первому конгрессу послѣдняго, состоявшемуся въ Женевѣ въ 1866 году, мы читаемъ по поводу коопераціи слѣдующее:

«Кооперативное движеніе есть сила, могущая преобразовать общество. Но такъ какъ усилія рабовъ капитала могутъ создать такое движеніе лишь въ микроскопическихъ размѣрахъ, то оно не въ состояніи трансформировать общественныхъ отношеній» *).

Эта точка зрѣнія очень долго преобладала среди соціалистовъ. Еще въ 1893 году, въ публичной рѣчи, произнесенной на засѣданіи германскаго рейхстага, Бебель заявилъ, что «соціалъ-демократія не придаетъ никакого значенія тѣмъ выгодамъ, которыя потребительная кооперація доставляетъ своимъ членамъ». Во Франціи Гэдъ проповѣдывалъ эту же мысль еще въ болѣе рѣзкой формѣ. Аргументировать, въ данномъ случаѣ, Гэду было тѣмъ легче, что онъ вѣрилъ и вѣритъ, dure comme le fer, въ истинность Лассалевскаго «желѣзнаго» закона. Вотъ что писалъ Гэдъ, въ своей брошюрѣ «la Loi des Salaires et ses conséquences».

«Если кооперація дастъ возможность рабочему сократить свои расходы, не понижая уровня своей жизни, она вызоветъ неизбѣжно пониженіе заработной платы, ограниченной всегда, не забудемъ этого, минимальной суммой, необходимой для удовлетворенія его основныхъ потребностей. Кромѣ этого, развитіе кооперативнаго движенія выброситъ на рабочій рынокъ, по крайней мѣрѣ, полмилліона нынѣшнихъ мелкихъ посредниковъ и торговцевъ, которые будутъ вынуждены добы-

---

*) См. Congrès ouvrier de l'Association Internationale des Travailleurs à Genève en 1866.

вать средства къ жизни продажею своей рабочей силы. Результатомъ этого наплыва новыхъ пролетаріевъ будетъ опять таки пониженіе заработной платы» *).

Постепенно, однако, подъ вліяніемъ уроковъ жизни отрицательное отношеніе соціалистовъ къ потребительной коопераціи стало измѣняться. Во первыхъ, практика показала, что развиваются успѣшно и быстро какъ разъ потребительные кооперативы, а производительныя товарищества, которыя такъ энергично рекомендовали Робертъ Овенъ, Лассаль и ихъ многочисленные послѣдователи, за рѣдкими исключеніями, гибнутъ, или вырождаются въ капиталистическія предпріятія. Вмѣстѣ съ этимъ стало ясно, что ростъ потребительныхъ обществъ, давая весьма существенныя выгоды рабочимъ и содѣйствуя укрѣпленію трудовой солидарности, не вызываетъ никакого уменьшенія заработной платы. Наоборотъ, рабочіе, поддерживаемые кооперативными обществами, получили большую возможность бороться за ея повышеніе. Наконецъ—и это крайне важно, обнаружилось, что если производительныя товарищества могутъ существовать, то только въ томъ случаѣ, если они вызываются къ жизни потребительною коопераціею, обезпечивающую имъ сбытъ продуктовъ.

Уже въ 1895 году, Каутскій писалъ о коопераціи въ своей книжкѣ «Konsumgenosenchaften und Sozialdemocratie»:

«Рано или поздно кооперація начнетъ играть важную роль въ освободительномъ движеніи рабочаго класса, рядомъ съ синдикатами, стремящимися улучшить положеніе работниковъ, рядомъ съ партіей, борющейся во имя завоеванія государственной и коммунальной власти, рядомъ съ усиліями государства и общинъ расширить отрасли своего производства».

Важную практическую роль потребительныхъ кооперативовъ призналъ и Вандервельдъ въ своей книгѣ «Le Collectivisme et l'Evolution industrielle». «Въ настоящемъ, писалъ Вандервельдъ, потребительныя общества содѣйствуютъ поднятію уровня жизни рабочаго и вмѣстѣ съ этимъ увеличиваютъ его силу сопротивленія. Они въ то же время даютъ средства для политической пропаганды, для веденія стачекъ, содѣйствуютъ умственному развитію трудящихся и т. д.».

Итакъ, какъ видимъ, и Каутскій, и Вандервельдъ признали положительное значеніе коопераціи. Но положительное значеніе непосредственное, для сегодняшняго дня. На вопросъ о томъ, нельзя ли видѣть въ развивающейся коопераціи факторъ, подготовляющій осуществленіе соціализма, или кристалъ грядущаго общественнаго порядка, они не давали отвѣта и, повидимому, рѣшали его отрицательно.

Утвердительно отвѣтилъ на этотъ вопросъ въ ясной и категорической формѣ Эдуардъ Бернштейнъ.

---

*) Jules Guesde „La Loi des Salaires et ses conséquences", p. p. 23—24.

«Кооперація—не соціализмъ, писалъ онъ, но, какъ рабочая организація, она заключаетъ въ себѣ достаточно элементовъ соціализма, чтобы превратиться въ важный и необходимый рычагъ въ борьбѣ за соціалистическое освобожденіе» *).

Аргументація Бернштейна, въ общемъ, сводилась къ слѣдующему; Кооперація, во первыхъ, организуетъ по мѣрѣ своего развитія общественное потребленіе. Объединяя потребителей, интересы которыхъ совпадаютъ съ интересами другихъ потребителей, она служитъ развитію солидарности среди людей, и ея принципіальное значеніе поэтому тѣмъ выше, чѣмъ болѣе она разростается. Но этого мало. Потребительная кооперація, усиливаясь и расширяясь, создаетъ въ большихъ размѣрахъ собственное кооперативное производство. Примѣръ англійскихъ и нѣмецкихъ кооперативовъ, владѣющихъ колоссальнѣйшими заводами, фабриками, мельницами и т. п., лучшее этому доказательство. Такимъ образомъ, кооперація осуществляетъ двѣ цѣли: она соціализируетъ потребленіе и соціализируетъ производство. Она даетъ, слѣдовательно, рабочему классу возможность завладѣть значительною частью общественнаго богатства, не прибѣгая къ насильственнымъ дѣйствіямъ. Но кооперація одна не въ силахъ, конечно, осуществить соціалистическій строй. Необходимо добиваться, чтобы соціалистическую политику проводили государство и община. Результатомъ соціализаторской дѣятельности коопераціи рядомъ съ таковой же дѣятельностью государства и общины и будетъ въ концѣ концовъ соціализмъ.

Взглядъ Бернштейна на соціалистическое значеніе коопераціи получилъ широкое распространеніе среди западно-европейскихъ соціалистовъ, хотя не всѣ сторонники этого взгляда раздѣляютъ увѣренность главы теоретическаго ревизіонизма въ возможности мирнаго перехода изъ «царства необходимости» въ «царство свободы».

Въ настоящее время, въ международномъ соціализмѣ оформились три направленія въ вопросѣ о коопераціи. Одно направленіе, представленное почти исключительно гэдистами,—этими послѣдними могиканами соціализма стараго закала,—отрицаетъ какое бы то ни было соціалистическое значеніе за кооперативами. Второе направленіе признаетъ за ними такое значеніе, но только въ томъ случаѣ, если они объединены организаціонно съ соціалистическими партіями и дѣйствуютъ подъ ихъ руководствомъ. Наконецъ, третье направленіе придерживается, въ общихъ чертахъ, точки зрѣнія Бернштейна.

На Копенгагенскомъ конгрессѣ эти три направленія столкнулись.

Въ коммиссіи конгресса по кооперативному вопросу Гэдъ лично защищалъ свою точку зрѣнія, вызвавъ, однако, очень мало сочувствія.

*) E. Bernstein «Die Voraussetzungen des Sozialismus etc.», стр. 159.

Аргументація Гэда была кратка и отличалась чрезвычайной ясностью. Кооперація сама по себѣ, утверждалъ Гэдъ, не представляетъ интереса. Партія должна интересоваться ею только съ точки зрѣнія соціализма. Но соціалистичности коопераціи онъ не видитъ. До сихъ поръ этой соціалистичности не доказали сколько нибудь убѣдительно, и пока ея не докажутъ,—онъ, опираясь на факты, будетъ утверждать противное. Тотъ фактъ, что кооперативы распредѣляютъ между своими членами часть реализуемой прибыли соотвѣтственно суммѣ сдѣланныхъ ими покупокъ, какъ разъ говорятъ противъ нихъ, ибо это есть чисто буржуазная практика: кто больше покупаетъ, тотъ больше и получаетъ. Вотъ почему германскія потребительныя общества, въ сущности, суть не болѣе, какъ капиталистическія предпріятія съ мелкими акціями.

Видѣть въ коопераціи средство къ осуществленію соціализма вообще не приходится. Соціализмъ можетъ быть осуществленъ лишь путемъ завоеванія политической власти организованнымъ пролетаріатомъ. Только въ томъ случаѣ, если кооперативы будутъ содѣйствовать этой цѣли, они получатъ нѣкоторое положительное значеніе. Но содѣйствовать завоеванію политической власти кооперативы могутъ лишь посредствомъ матеріальной поддержки партіи, доставляя ей денежные рессурсы для веденія борьбы.

Задача соціалистовъ, поэтому, ясна и очевидна. Они должны стремиться къ тому, чтобы кооперативы связались организаціонно съ партіей и отчисляли въ ея пользу часть своихъ доходовъ. Это все, что можетъ и долженъ рекомендовать конгрессъ въ резолюціи по кооперативному вопросу.

То же самое, и почти въ аналогичныхъ выраженіяхъ, говорилъ единомышленникъ Гэда, бельгійскій делегатъ Анзеелэ. Онъ также настаивалъ на коммерческомъ характерѣ кооперативовъ и также доказывалъ, что кооперація только въ томъ случаѣ получаетъ прогрессивный характеръ, когда она даетъ деньги партіи, борющейся за соціальное освобожденіе.

Другой бельгійскій делегатъ, піонеръ кооперативнаго движенія въ Бельгіи, Луи Бертранъ, далъ иную оцѣнку коопераціи. Въ спеціальномъ докладѣ, представленномъ конгрессу, онъ писалъ, между прочимъ, слѣдующее:

«Мы думаемъ, что кооперативное движеніе, въ самой простой его формѣ, въ формѣ потребительной коопераціи не только не затрудняетъ соціалистической борьбы, но, наоборотъ, поддерживаетъ и облегчаетъ ее. Въ самомъ дѣлѣ, не является ли постепенное сокращеніе области капиталистической эксплуатаціи, осуществляемое коопераціей, приближеніемъ къ идеалу соціализма? А уменьшая капиталистическое могущество, не увеличиваетъ ли тѣмъ самымъ кооперація силу труда? Можно легко представить себѣ, что организація потребителей сначала для покупки и продажи продуктовъ, а потомъ для ихъ производства, составляетъ этапъ къ соціалистиче-

скому обществу. Кромѣ этого, современная кооперація, какъ и соціализмъ, носитъ интернаціональный характеръ. Она также способствуетъ укрѣпленію международной солидарности, поддержанію мира и союза между націями. Никто не станетъ утверждать, что соціализмъ реализуетъ свою конечную цѣль однимъ ударомъ, сразу. Наоборотъ, соціализмъ старается подкопать капиталистическое общество съ разныхъ сторонъ. Въ области политики, путемъ завоеванія государства, соціалисты осуществятъ соціализацію крупныхъ отраслей промышленности: рудниковъ, транспорта, банковаго и страхового дѣла и т. п. Въ коммунальной области соціалисты уничтожатъ капиталистическія монополіи черезъ посредство развитія муниципализаціи. Въ области синдикальной, группируя работниковъ всѣхъ профессій, они сократятъ могущество капитала, добившись улучшенія условій труда и жизни пролетаріевъ. Наконецъ, въ области кооперативной они поразятъ на смерть частную торговлю, вытѣснивъ посредниковъ. Кажется очевиднымъ, что, атакованный такимъ образомъ со всѣхъ сторонъ сразу, капитализмъ будетъ неизбѣжно уменьшаться въ силѣ. Его способность противодѣйствія ослабнетъ въ то время, какъ усилится мощь организованнаго труда... Можно поэтому утверждать, что между соціалистическимъ и кооперативнымъ движеніемъ существуетъ тѣсное взаимоотношеніе.

Такимъ образомъ, расширились рамки, первоначально установленныя для кооперацiи. Ее не считаютъ уже простымъ средствомъ борьбы противъ современной организаціи труда и собственности. Ея дѣйствіе болѣе глубокое. «Кооперація есть выработка новаго общественнаго порядка, при которомъ будетъ отсутствовать эксплуатація и исчезнетъ возможность получать прибыль, безъ затраты личнаго труда» *).

Расходясь радикально въ оцѣнкѣ коопераціи съ Гэдомъ и Анзеелэ, Луи Бертранъ приходитъ, однако, къ такимъ же выводамъ, какъ и они, въ вопросѣ о желательномъ характерѣ отношеній между кооперативами и партіей. Онъ также настаиваетъ на необходимости тѣсной организаціонной связи между этими двумя орудіями рабочей борьбы.

Приведемъ вкратцѣ его доводы.

Теоретически разсуждая, можно признать, что, сохраняя полную независимость отъ соціалистической партіи, кооперація получаетъ больше шансовъ на развитіе, ибо тогда въ ряды ея получатъ возможность вступать и такіе рабочіе, которые еще не поднялись до соціалистическаго сознанія. Но фактически—это невѣрно. Какъ показываетъ примѣръ Бельгіи и Франціи, какъ разъ тѣ кооперативныя общества, которыя примыкаютъ къ партіи, развиваются больше всего и процвѣтаютъ. Объединеніе съ партіей не представляется поэтому опаснымъ для кооперативовъ. Оно,

*) „Bulletin périodique du Bureau Socialiste International"; № 4, стр. 91.

наоборотъ, чрезвычайно необходимо и желательно. При нейтральности коопераціи, можно опасаться, что въ ней разовьется партикуляризмъ, отчужденность отъ партіи, нежеланіе считаться съ нею—и все это принесетъ большой вредъ, въ извѣстные моменты, необходимому единству рабочаго движенія.

Конгрессъ, въ силу этого, долженъ заявить, что партіямъ не слѣдуетъ добиваться установленія все болѣе тѣсныхъ отношеній между ними и кооперативами, и что въ тѣхъ странахъ, гдѣ это разрѣшается законодательствомъ, долгъ кооперативныхъ обществъ—вступить въ партійную организацію и посвящать часть своихъ доходовъ дѣлу пропаганды, воспитанія и борьбы за освобожденіе трудящихся.

Эту точку зрѣнія защищалъ и лидеръ бельгійскихъ соціалистовъ, Эмиль Вандервельдъ.

Вандервельдъ утверждалъ, что партіи связаться съ кооперативами еще болѣе необходимо, чѣмъ съ синдикатами. Въ синдикатахъ участвуютъ исключительно рабочіе, которые, въ силу своего соціальнаго положенія, вынуждены вести классовую борьбу и тѣмъ самымъ идти по пути къ соціализму. Другое дѣло кооперативы. Въ составъ кооперативовъ вступаютъ различные элементы, въ томъ числѣ и буржуазные, несоціалистическіе, которые могутъ направить развитіе кооперативнаго движенія въ совершенно нежелательную сторону. Правда, въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуютъ сильныя соціалистическія партіи, воспитавшія массы рабочихъ въ классовомъ духѣ, напримѣръ, въ Германіи, такой опасности нечего бояться. Но тамъ, гдѣ политическія организаціи не достигли большой силы,—онѣ обязаны добиваться связи съ кооперативами, чтобы подчинить ихъ своему идейному вліянію и руководству.

Противъ изложенныхъ точекъ зрѣнія рѣзко выступили въ коммиссіи представители германской соціалъ-демократіи. Делегатъ фонъ Эльмъ предложилъ резолюцію, въ которой характеристика коопераціи была дана въ четырехъ слѣдующихъ пунктахъ:

1) Кооперація продаетъ продукты по собственной цѣнѣ, не взимая процентовъ въ пользу посредниковъ и тѣмъ самымъ радикально отличается отъ капиталистическихъ учрежденій.

2) Торговая и производительная дѣятельность коопераціи является серьезнымъ и полезнымъ противодѣйствіемъ стремленіямъ капиталистическихъ картелей и трестовъ повышать цѣны.

3) Прогрессивныя условія труда въ кооперативныхъ магазинахъ, мастерскихъ и фабрикахъ служатъ яркимъ примѣромъ для всего рабочаго класса и поэтому оказываютъ благотворное вліяніе на движеніе заработной платы въ странѣ и общее положеніе трудящихся.

4) Кооперація является средствомъ показать наглядно женщинѣ значеніе группировки, научить массы демократическому са-

моуправленію, организовать потребленіе и довести организацію производства до высшей степени развитія.

Въ виду всего этого, потребительная и создаваемая ею производительная кооперація *служатъ орудіемъ для демократизаціи и соціализаціи общества*». (Курсивъ мой. Е. С.).

Въ дальнѣйшемъ резолюція фонъ Эльма гласила, что такъ какъ кооперація сама по себѣ носитъ глубоко прогрессивный характеръ и такъ какъ основнымъ условіемъ ея успѣшнаго развитія и роста является возможность для нея втянуть въ свои ряды какъ можно больше потребителей, то ей необходимо сохранить полную независимость отъ какихъ бы то ни было партій, чтобы не отталкивать отъ себя политическими, философскими или религіозными разногласіями.

Въ большой рѣчи фонъ Эльмъ доказывалъ, что рекомендуемый имъ нейтралитетъ коопераціи вовсе не означаетъ что, послѣдняя должна чуждаться соціализма или воздерживаться отъ политики. Необходимость борьбы противъ вздорожанія жизни и т. п. вынуждаетъ кооперативы, какъ бы они ни были нейтральны, вмѣшиваться въ политику и естественно идти рука объ руку съ соціалистической партіей, единственной защитницей рабочихъ интересовъ. Фонъ Эльмъ не желаетъ только, чтобы кооперація получила партійную окраску. Для самой партіи, впрочемъ, было бы невыгодно связаться организаціонно съ кооперативами. Партія неизбѣжно сдѣлалась бы зависимой въ извѣстной степени отъ послѣднихъ, а это совсѣмъ не въ ея интересахъ. Партія должна всегда сохранять полную свободу дѣйствій. Необходимо постоянно доказывать рабочимъ, что они должны собственными усиліями, непосредственными матеріальными жертвами обезпечивать независимость и могущество партіи, а не возлагать въ этомъ отношеніи надежды на побочныя средства. Кооперація, даже не будучи связанной съ партійной организаціей, можетъ оказывать послѣдней большую пользу и поддержку, если только рабочіе захотятъ этого. Въ Германіи оно такъ и происходитъ въ дѣйствительности. Надо только воспитывать въ такомъ духѣ рабочихъ.

Другой делегатъ, выступавшій отъ имени германской соціалъ-демократіи, Вурмъ, энергично поддерживалъ фонъ Эльма.

Классовое воспитаніе раньше всего, говорилъ онъ. Тотъ, кто думаетъ, что кооперативы могутъ приносить партіи пользу денежными взносами, жестоко ошибается. Мы не можемъ купить за деньги политическихъ побѣдъ. Поэтому мы противъ отчисленій изъ кооперативныхъ доходовъ въ пользу партіи. Надо, чтобы каждый членъ партіи дѣлалъ самъ взносы въ ея кассу, съ искреннимъ желаніемъ и съ сознаніемъ необходимости этого. Въ противномъ случаѣ мы будемъ лишь создавать себѣ иллюзіи о соціалистичности и сознательности рабочихъ. Бельгійскіе и французскіе соціалисты желаютъ посредствомъ коопераціи вербовать принудительнымъ образомъ чле-

новъ партіи. Намъ такихъ принудительныхъ рекрутовъ не нужно. Въ наши ряды работники должны вступать добровольно и сознательно. Конечно, было бы хорошо, если бы всѣ формы рабочаго движенія слились въ единую организацію. Но рабочій классъ въ своемъ цѣломъ еще не достигъ той степени сознательности, при которой это можно было бы осуществить. Мы поэтому и боремся противъ партійности кооперативнаго движенія, чтобы не раскалывать его. Безусловно не нужно упускать изъ виду, что кооперація есть только средство для классовой борьбы, что если классовый духъ не будетъ въ ней господствовать,—она потеряетъ свое значеніе. Соціалисты должны проникать индивидуально въ кооперацію, завоевать тамъ руководящую роль,—это опять таки дѣлается въ Германіи; но дальше этого нельзя идти.

Большинство французской делегаціи, съ Жорэсомъ во главѣ, и большая часть делегатовъ другихъ странъ присоединились къ мнѣнію германскихъ соціалъ-демократовъ. Но въ виду крайней деликатности вопроса и чтобы не создавать препятствій для нѣкоторыхъ партій было рѣшено выработать такую компромиссную резолюцію, которая могла бы быть вотирована конгрессомъ единогласно.

Для этой цѣли была избрана подкомиссія изъ семи делегатовъ разныхъ странъ. Эта подкомиссія, несмотря на выдающійся дипломатическій талантъ участвовавшаго въ ней Жорэса, проработала надъ составленіемъ резолюціи цѣлыхъ четыре дня. Лишь къ послѣднему засѣданію конгресса ей удалось придти къ соглашенію.

Въ общемъ восторжествовала, конечно, точка зрѣнія большинства. Но меньшинству было сдѣлана уступка. Во первыхъ, соціалистическое значеніе коопераціи было формулировано не въ такой рѣзкой формѣ, какъ въ рѣчахъ ораторовъ большинства; во вторыхъ, рядомъ съ заявленіемъ о необходимости для партій и кооперативовъ сохранить полную автономію и организаціонную независимость было указано, что тѣ и другіе должны стремиться, однако, къ все большему сближенію.

Приведемъ здѣсь текстъ этой крайне важной для соціалистическаго и кооперативнаго движенія резолюціи.

«Принимая во вниманіе, что кооперативныя потребительныя общества не только доставляютъ своимъ членамъ непосредственныя выгоды, но вмѣстѣ съ этимъ призваны:

1) увеличивать мощь пролетаріата, путемъ уничтоженія посредниковъ и созданія организмомъ производства, зависящихъ отъ сгруппированныхъ потребителей;

2) улучшать условія рабочей жизни;

3) воспитывать рабочихъ для самостоятельнаго управленія собственными дѣлами и помочь имъ, такимъ образомъ, подготовлять *демократизацію и соціализацію средствъ производства и обмѣна*;

принимая во вниманіе, что одна кооперація не въ силахъ осуществить цѣль, преслѣдуемую соціализмомъ, которая заключается въ завоеваніи политической власти для перевода въ коллективное владѣніе орудій труда,—конгрессъ, предостерегая работниковъ противъ тѣхъ, кто утверждаетъ, что кооперація сама по себѣ является достаточной, заявляетъ, что утилизація кооперативнаго орудія въ своей классовой борьбѣ представляетъ огромный интересъ для рабочаго класса.

Конгрессъ приглашаетъ поэтому всѣхъ соціалистовъ, всѣхъ членовъ профессіональныхъ союзовъ участвовать активно въ кооперативномъ движеніи для того, чтобы развить въ коопераціи соціалистическій духъ и не дать кооперативамъ отклониться отъ своей задачи воспитанія рабочихъ и укрѣпленія трудовой солидарности.

Долгъ соціалистовъ-кооператоровъ бороться внутри кооперативныхъ обществъ за осуществленіе слѣдующихъ мѣръ:

1) чтобы прибыль не возвращалась полностью участникамъ потребительныхъ обществъ, а предназначалась также для поддержки кооперативами, кооперативными федераціями и ихъ центральными магазинами своихъ нуждающихся членовъ, для развитія кооперативнаго производства и для воспитательныхъ и просвѣтительныхъ цѣлей;

2) чтобы условія труда и размѣры заработной платы въ кооперативахъ регулировались послѣдними въ согласіи съ профессіональными союзами;

3) чтобы организація труда у нихъ была примѣрной и чтобы при покупкѣ товаровъ они считались съ условіями труда тѣхъ которые эти товары производили.

Кооперативы каждой отрасли должны сами рѣшить, будутъ ли они поддерживать и въ какой мѣрѣ политическія партіи изъ своихъ рессурсовъ.

Принимая во вниманіе, что услуги, которыя кооперація можетъ оказать рабочему классу, будутъ тѣмъ болѣе значительны, чѣмъ болѣе сильнымъ и объединеннымъ будетъ кооперативное движеніе, конгрессъ заявляетъ, что кооперативы каждой страны, основанные на базисѣ, указанномъ въ настоящей резолюціи, должны объединиться въ единую федерацію. Конгрессъ заявляетъ, кромѣ того, что рабочій классъ въ своей борьбѣ противъ капитализма заинтересованъ сильнѣйшимъ образомъ въ томъ, чтобы кооперативы, синдикаты и соціалистическая партія, сохраняя свою автономію и независимость (leur autonomie et leur unité prorpe), все болѣе сближались въ своихъ отношеніяхъ».

Делегатомъ русскихъ соціалъ-демократовъ, Лепинымъ, отстаивавшимъ точку зрѣнія Гэда, была предложена слѣдующая поправка къ цитированной резолюціи.

Къ словамъ «подготовляетъ демократизацію и соціализацію

средствъ производства и обмѣна» добавить «послѣ сверженія капитализма».

Поправка эта была отвергнута голосами всѣхъ членовъ коммиссіи противъ голоса ея автора.

Эволюціонная точка зрѣнія, получившая выраженіе въ резолюціи, была подчеркнута еще яснѣе этимъ вотумомъ. Конгрессъ призналъ, что до полнаго уничтоженія капитализма возможна подготовка будущаго общества, и что уже въ настоящемъ могутъ быть созданы общественныя организаціи, осуществляющія такую подготовку.

II.

Антимилитаризмъ.

Вторымъ важнымъ вопросомъ, подвергавшимся обсужденію Копенгагенскаго конгресса, былъ вопросъ объ антимилитаризмѣ.

Вопросъ этотъ обсуждался долго и страстно еще на предыдущемъ интернаціональномъ конгрессѣ, имѣвшемъ мѣсто въ 1907 г. въ Штуттгартѣ. Тогда споръ велся, главнымъ образомъ, между большинствомъ французской делегаціи, во главѣ съ Жорэсомъ и германскими соціалъ-демократами, выступавшимъ въ союзѣ съ гэдистами. Жорэсъ доказывалъ, что соціалистическія партіи, сдѣлавшись реальной силой, должны бороться противъ опасности войны не только словомъ, но и энергичнымъ дѣйствіемъ. Отвергая категорически утвержденія Эрвэ о фиктивности идеи отечества и провозглашая, что дѣло соціалистовъ — охранять независимость своей родины, Жорэсъ требовалъ, однако, чтобы въ случаѣ опасности войны, соціалистическія партіи прибѣгли для ея предотвращенія, ко всякимъ возможнымъ средствамъ, вплоть до всеобщей стачки и возстанія.

Оппоненты Жорэса выдвигали противъ его точки зрѣнія раньше всего аргументы догматическаго характера. Они доказывали, что, вообще, пока существуетъ капиталъ, войны не исчезнутъ, ибо милитаризмъ есть не только порожденіе, но и основа современнаго общества. Говорить рабочимъ, что до полнаго осуществленія соціализма можно будетъ избавить человѣчество отъ Дамоклова меча кровавыхъ конфликтовъ между націями, — значитъ ввести ихъ въ заблужденіе насчетъ истинной сущности капиталистическаго режима и ослабить силу ихъ оппозиціоннаго отношенія къ нему. Къ этому германскіе соціалъ-демократы прибавляли соображенія практическаго характера. Они утверждали, что если ими будетъ вотирована резолюція, рекомендующая работникамъ прибѣгнуть, въ случаѣ военной опасности, къ всеобщей стачкѣ и возстанію, то германская соціалъ-демократія потеряетъ свой легальный характеръ и подвергнется судебнымъ преслѣдованіямъ.

Въ Штуттгартѣ вопросъ объ антимилитаризмѣ былъ рѣшенъ компромиссньмъ путемъ. Въ резолюціи, принятой по этому вопросу, всеобщая стачка и возстаніе не рекомендовались категорически, но во включенномъ въ нее краткомъ обзорѣ имѣвшихъ мѣсто активныхъ выступленій противъ войны указывалось, что оба эти средства практиковались въ прошломъ. Это было своего рода косвенное приглашеніе прибѣгать къ нимъ и впредь.

Въ порядкѣ дня Копенгагенскаго конгресса стоялъ на этотъ разъ вопросъ объ отношеніи соціалистовъ къ международнымъ третейскимъ судамъ, эмбріонъ которыхъ представляетъ гаагскій трибуналъ, и о мѣрахъ для осуществленія разоруженія народовъ.

Пренія по этому вопросу воскресили рѣшенный въ Штуттгартѣ вопросъ о средствахъ борьбы съ опасностью войны. Это было вызвано, главнымъ образомъ, большинствомъ французской делегаціи, питавшей надежду, что нѣмцы сдѣлаютъ какую-нибудь уступку въ пользу радикальныхъ средствъ. Уже одно то обстоятельство, что интернаціональный конгрессъ долженъ былъ обсуждать отношеніе соціалистовъ къ международнымъ третейскимъ судамъ, являлось въ извѣстной степени знаменательнымъ. Еще характернѣе было то, что какъ разъ германскіе соціалъ-демократы предложили резолюцію, приглашавшую всѣ парламентскія соціалистическія фракціи единовременными концентрированными выступленіями въ парламентахъ добиваться распространенія практики международнаго арбитража. Кромѣ этого резолюція рекомендовала парламентскія выступленія съ требованіямъ всеобщаго разоруженія или, въ крайнемъ случаѣ, ограниченія вооруженій, начиная съ флота. Соціалисты должны также требовать опубликованія секретныхъ, дипломатическихъ договоровъ; защищать при всякомъ случаѣ угнетенныя народности; освѣщать истинныя причины войнъ и воспитывать юношество въ духѣ международной солидарности. Въ случаѣ угрозы войны соціалистическія партіи обязаны принить Штуттгартскую резолюцію.

Французское большинство и рядъ делегатовъ другихъ націй, соглашаясь съ резолюціей Ледебура, требовали, однако, чтобы въ нее были также внесены нѣкоторыя болѣе энергичныя мѣры и въ болѣе ясной формулировкѣ. На этотъ разъ самымъ рѣшительнымъ сторонникомъ такихъ мѣръ выступилъ старый вожакъ англійскихъ рабочихъ, парламентскій лидеръ «Labour Party», Кейръ Гарди. Кейръ Гарди, уполномоченный всѣми фракціями англійской делегаціи, въ томъ числѣ и делегатами тредъ-юніоновъ, предложилъ вмѣстѣ съ Вальяномъ слѣдующую краткую резолюцію:

«Конгрессъ считаетъ наиболѣе цѣлесообразными средствами для предупрежденія и предотвращенія войнъ всеобщую рабочую стачку, въ особенности въ тѣхъ отрасляхъ производства, которыя изготовляютъ военный матеріалъ (оружіе, аммуницію, транспортъ и т. п.), а также народныя выступленія въ самыхъ активныхъ формахъ».

Въ поясненіе къ этому предложенію Кейръ-Гарди заявилъ, что онъ имѣетъ въ виду, чтобы забастовка происходила не въ одной только странѣ, а одновременно во всѣхъ тѣхъ странахъ, которымъ будетъ угрожать опасность вступить въ военный конфликтъ.

Необходимо отмѣтить, что на Штутгартскомъ конгрессѣ Кейръ Гарди занималъ нейтральную позицію въ спорѣ между французами и нѣмцами. Его теперешнее выступленіе, да еще отъ имени тредъ-юніоновъ, ясно показываетъ, что антимилитаристскія идеи успѣли сдѣлать значительный процессъ среди англійскихъ рабочихъ массъ, выставлявшихся до сихъ поръ буржуазными писателями, какъ примѣръ умѣренности и благоразумія. Въ этомъ, впрочемъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Головокружительное развитіе военныхъ расходовъ капиталистическихъ государствъ ложится такимъ тяжелымъ бременемъ на плечи трудовыхъ массъ и въ то же время такъ ясно для всѣхъ затрудняетъ соціальное законодательство, поглощая большую часть государственныхъ доходовъ, что глаза начинаютъ раскрываться даже у наиболѣе ослѣпленныхъ буржуазными предразсудками рабочихъ.

Противъ предложенія Кейръ-Гарди-Вальяна въ коммиссіи по антимилитаризму никто не выдвинулъ принципіальныхъ возраженій. Противники этого предложенія аргументировали лишь практическими соображеніями. Германскіе соціалъ-демократы опять какъ въ Штутгартѣ сослались на легальную невозможность вотировать всеобщую стачку на случай войны, въ виду реакціоннаго законодательства Германіи въ этомъ отношеніи. Итальянцы объявили, что для нихъ вотированіе такой резолюціи было бы равносильно самоубійству, въ виду современнаго настроенія итальянскихъ массъ. Они предлагали лишь организовать международное выступленіе соціалистовъ съ требованіемъ сокращенія военныхъ расходовъ на 50%. Австрійцы, въ свою очередь, находили для себя рискованнымъ голосовать такое крайнее средство противъ войны.

Въ концѣ концовъ большинствомъ голосовъ членовъ коммиссіи предложеніе Кейръ-Гарди-Вальяна было отвергнуто. Вопросъ былъ перенесенъ тогда на пленарное засѣданіе конгресса.

Противъ предложенія говорилъ одинъ изъ лидеровъ германской соціалъ-демократіи, Ледебуръ, въ пользу предложенія—Кейръ-Гарди

Указавъ, что развитіе вооруженій, а въ особенности постройки все новыхъ и новыхъ дредноутовъ усиливаютъ опасность международныхъ конфликтовъ, Ледебуръ доказывалъ вмѣстѣ съ этимъ, что если соціалисты проведутъ въ жизнь мѣры, перечисленныя въ его резолюціи, и постараются развить энергичную дѣятельность во имя расширенія и упроченія практики интернаціональнаго арбитража, то они могутъ добиться важныхъ результатовъ и парализовать въ значительной степени эту опасность, ибо и буржуазныя партіи защищаютъ арбитражъ. Что касается предложенія Кейръ-

Гарди, то оно непріемлемо уже по той простой причинѣ, что экономическое развитіе различныхъ странъ не одинаково, точно такъ же, какъ не одинакова и сила ихъ соціалистическихъ партій. Проведеніе всеобщей стачки не всюду является поэтому возможнымъ, а интернаціональный конгрессъ долженъ вотировать лишь такія резолюціи, которыя могутъ получить примѣненіе во всѣхъ соціалистическихъ странахъ. Мало этого; не надо забывать, что организація всеобщей стачки вовсе не входитъ въ компетенцію партіи. Это касается исключительно профессіональныхъ союзовъ. Имѣемъ ли мы право рѣшать за нихъ такой важный вопросъ и есть ли у насъ увѣренность, что они въ силахъ провести всеобщую стачку наканунѣ войны?

Наконецъ, заявлялъ Ледебуръ, я оспариваю у англичанъ моральное право дѣлать такія предложенія. Напоминаю, что англійскіе рабочіе депутаты вотировали въ парламентѣ бюджетъ, въ которомъ значатся кредиты на армію и флотъ.

Кейръ-Гарди началъ свою сильную рѣчь, произведшую глубокое впечатлѣніе на конгрессистовъ, выясненіемъ принципіальной позиціи англійскихъ организацій въ вопросѣ объ антимилитаризмѣ. По отношенію къ обоимъ вопросамъ, заявилъ онъ, къ вопросу о борьбѣ съ опасностью войны и вопросу объ арбитражѣ, англійская секція единодушна. Мы не только противъ войны, но и противъ милитаризма. Существованіе постоянныхъ армій и флота уже само по себѣ показываетъ, что современный строй вынуждаетъ прибѣгать къ насильственнымъ средствамъ для защиты привилегій господствующихъ классовъ. Мы противъ увеличенія вооруженій не только потому, что оно создаетъ опасность войны, но также и по той причинѣ, что оно влечетъ за собой неизбѣжное усиленіе деспотизма. Милитаризмъ и свобода—два рѣзко противоположныхъ явленія,—и мы выступаемъ противъ милитаризма, потому что боремся за свободу. Англійскія вооруженія поглощаютъ ежегодно 45 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Правительство обусловливаетъ это опасностью нѣмецкаго нашествія. Въ свою очередь, германское правительство аргументируетъ необходомостью защищать свой торговой флотъ. Улаженіе вопроса о правѣ морскихъ захватовъ есть наша первая задача.

Указавъ, затѣмъ, что намекъ Ледебура относительно тактики рабочей партіи въ парламентѣ невѣренъ, ибо депутаты этой партіи, имѣя возможность вотировать бюджетъ постатейно, вотировали статьи, относящіяся къ соціальному законодательству, и подали свои голоса противъ военныхъ кредитовъ, Кейръ-Гарди перешелъ къ существу своего предложенія. Въ Штуттгартѣ, сказалъ онъ, мы сдѣлали шагъ впередъ въ вопросѣ о милитаризмѣ, въ Копенгагенѣ мы должны поступить такъ же. Ледебуръ невѣрно интерпретировалъ предложеніе. Мы не требуемъ, чтобы рабочій классъ во всѣхъ странахъ при какихъ бы то ни было условіяхъ прибѣгалъ къ забастовкѣ противъ войны. Мы говоримъ лишь нашей резолюціей

рабочимъ, что, организуя свою экономическую силу, они должны пользоваться ею и для предупрежденія военныхъ конфликтовъ. Антимилитаристическая идея не можетъ получить осуществленія, если она будетъ развиваться въ одной только странѣ,—необходимо, чтобы ея развитіе было «интернаціонально». Мы требуемъ, чтобы было положено начало такому развитію. Разница между нами и Ледебуромъ заключается въ томъ, что Ледебуръ это откладываетъ, а мы хотимъ этого сейчасъ же. Мы въ общемъ не требуемъ даже всеобщей стачки, а имѣемъ въ виду лишь прекращеніе работъ въ тѣхъ отросляхъ производства, дѣятельность которыхъ необходима для веденія войны. Достаточно, напримѣръ, забастовать углекопамъ, и военныя дѣйствія должны будутъ пріостановиться. Международный конгрессъ углекоповъ, состоявшійся нѣсколько недѣль тому назадъ въ Брюсселѣ, какъ разъ постановилъ бастовать въ случаѣ войны и поручилъ своимъ организаціямъ подготовить къ слѣдующему конгрессу проектъ практическихъ мѣръ, могущихъ обезпечить дѣйствительное примѣненіе этого рѣшенія. Всѣмъ рабочимъ необходимо слѣдовать указанному примѣру. Если мы будемъ воспитывать рабочихъ въ такомъ духѣ, то можно быть увѣреннымъ, что они отвѣтятъ на нашъ призывъ.

Послѣ рѣчи Кейръ-Гарди выступилъ Вальдервельдъ въ своей обычной роли примирителя. Выступленіе Вальдервельда было инспирировано лидерами партій, такъ какъ было ясно, что положеніе крайне осложнялось, и что необходимо найти изъ него выходъ. Въ дѣйствительности, нельзя было надѣяться, что предложеніе Кейръ-Карди и Вильяна соберетъ большинство голосовъ,—оно неизбѣжно было бы отвергнуто. Но провалъ этого предложенія конгрессомъ представлялся крайне нежелательнымъ и опаснымъ. Во-первыхъ, это чрезвычайно затруднило бы антимилитаристскую дѣятельность французской и англійской партіи, давъ удобное оружіе въ руки ихъ противниковъ. Во-вторыхъ, это могло бы быть интерпрентировано, какъ осужденіе международнымъ соціализмомъ всякихъ попытокъ бороться противъ военной опасности крайними средствами. Вандервельдъ предложилъ поэтому снять съ обсужденія резолюцію Кейръ-Гарди, поставить этотъ вопросъ на обсужденіе отдѣльныхъ партій и интернаціональнаго бюро, а затѣмъ рѣшить его окончательно на слѣдующемъ конгрессѣ, который состоится въ1913 году, въ Вѣнѣ.

Вандервельдъ добавилъ при этомъ, что самъ онъ такъ же, какъ и бельгійская секція, относятся сочувственно къ резолюціи Кейръ-Гарди. Но они вотировали бы ее только въ томъ случаѣ, если бы въ пользу нея было единогласіе всего конгресса; въ противномъ случаѣ,—они воздержались бы отъ голосованія.

На предложеніе Вандервельда согласились какъ французы и англичане, такъ и нѣмцы. Оно было затѣмъ принято конгрессомъ.

Тотъ фактъ, что нѣмцы согласились вновь обсуждать резолюцію Кейръ-Гарди, считается уже нѣкоторой уступкой съ ихъ стороны.

Вандервельдъ въ газетныхъ интервью, съ своей стороны, заявилъ, что интернаціональное бюро надѣется добиться кое-чего въ этомъ отношеніи какъ отъ германскихъ и австрійскихъ соціалъ-демократовъ, такъ и отъ итальянцевъ и отъ другихъ партій, шедшихъ за ними.

Изъ дебатовъ конгресса по вопросу объ антимилитаризмѣ можно вывести заключеніе, что антимилитаристскія идеи гораздо сильнѣе развиты въ Англіи и во Франціи, чѣмъ въ странахъ тройственнаго союза.

Это объясняется, конечно, глубокими историческими причинами, но во всякомъ случаѣ это фактъ чрезвычайной важности, съ которымъ интернаціональному соціализму придется серьезно считаться и на который онъ, по всей вѣроятности, будетъ вынужденъ энергично реагировать.

Заканчивая изложеніе дебатовъ объ антимилитаризмѣ, намъ необходимо привести короткую, но чрезвычайно важную резолюцію, вотированную единогласно конгрессомъ по предложенію Вальяна и показывающую, что, несмотря на разногласія въ вопросѣ о средствахъ борьбы, соціалистическія партіи всѣхъ странъ намѣрены серьезно противодѣйствовать военной опасности.

«Во всѣхъ случаяхъ, гласитъ эта резолюція, когда вооруженный конфликтъ будетъ угрожать двумъ или нѣсколькимъ странамъ и когда національныя партіи проявятъ колебаніе, или будутъ оттягивать свое рѣшеніе, секретарь интернаціональнаго соціалистическаго бюро по требованію представителей пролетаріата одной, по крайней мѣрѣ, изъ заинтересованныхъ странъ, созоветъ международное соціалистическое бюро и междупарламентскую соціалистическую коммиссію, которыя соберутся въ Брюсселѣ, или въ другомъ мѣстѣ, въ зависимости отъ обстоятельствъ».

Эта резолюція подразумѣваетъ, что собравшіяся организаціи должны будутъ выработать экстренныя мѣры для активнаго противодѣйствія грозящему столкновенію между тѣми или иными націями.

III.

Безработица и рабочее законодательство.

Базработица въ послѣднее время стала принимать все большіе и большіе размѣры въ капиталистическихъ страняхъ Европы и Америки, превратившись въ настоящеее бѣдствіе.

Въ особенности, какъ извѣстно, страдаютъ отъ безработицы рабочіе Англіи, Германіи и Соединенныхъ Штатовъ, т. е. странъ, гдѣ промышленность какъ разъ развита болѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Какъ бороться съ этимъ печальнымъ слѣдствіемъ современнаго соціальнаго порядка?

Въ коммиссіи конгресса, обсуждавшей этотъ вопросъ, докладчикъ, германскій соціалъ-демократъ Малькенбуръ, доказывалъ, что

необходимо, главнымъ образомъ, направить всѣ усилія для реализаціи государственнаго страхованія отъ безработицы. Проведеніе этой мѣры, по мнѣнію докладчика, будетъ имѣть результатомъ не только спасеніе безработныхъ отъ голодной смерти, но и значительное сокращеніе размѣровъ безработицы. Ибо если страхованіе будетъ организовано на счетъ государства и предпринимателей,— а только такого страхованія и нужно добиваться,—то государственныя и частныя предпріятія, несомнѣнно, примутъ всѣ мѣры, чтобы безработныхъ было меньше. Они будутъ избѣгать тогда по возможности практики сверхъ урочныхъ часовъ, будутъ равномѣрнѣе распредѣлять работу по періодамъ, найдутъ чѣмъ занять рабочихъ во время мертваго сезона и т. п. Пока не будетъ осуществлено страхованіе отъ безработицы указаннаго характера, нечего ожидать, чтобы государство и предприниматели сдѣлали что-либо дѣйствительно серьезное для облегченія и ограниченія этого бѣдствія.

Моль						кенбуръ предложилъ еще цѣлый рядъ другихъ мѣръ, которыя всѣ получили выраженіе въ принятой коммиссіей резолюціи. Коммиссія высказалась лишь противъ того, чтобы государство ассигновывало часть суммъ, необходимыхъ для страхованія, и провозгласила, что только одни предприниматели должны нести расходы по страхованію.

Приведемъ текстъ этой резолюціи, теоретическая часть которой, какъ мы увидимъ въ дальнѣйшемъ, вызвала протестъ англійской делегаціи.

«Конгрессъ констатируетъ, что безработица не отдѣлима отъ способа капиталистическаго производства и исчезнетъ лишь вмѣстѣ съ нимъ.

До тѣхъ поръ, пока современное общество основано на базисѣ капиталистическаго производства, все, что будетъ сдѣлано въ области борьбы съ безработицей, явится не болѣе, какъ паллиативомъ.

Конгрессъ требуетъ всеобщаго обязательнаго страхованія, организованнаго на средства собственниковъ орудій производства и администрируемаго рабочими союзами.

Выборные представители рабочаго класса должны постоянно требовать отъ общественныхъ властей:

1) точной и регулярной статистики безработицы;

2) организаціи въ достаточной мѣрѣ общественныхъ работъ съ тѣмъ, чтобы безработные получали заработную плату по тарифу, опредѣленному профессіональными союзами;

3) экстренныхъ субсидій кассамъ помощи безработнымъ въ періоды кризисовъ;

4) чтобы субсидіи пострадавшимъ отъ безработицы ни въ коемъ случаѣ не влекли за собою уменьшеніе политическихъ правъ послѣднихъ;

5) организація конторъ найма и субсидіи тѣмъ изъ нихъ, гдѣ

свобода и интересы рабочихъ обезличиваются сотрудничествомъ профессіональныхъ союзовъ;

6) законодательнаго сокращенія рабочаго дня;

7) чтобы до осуществленія законодательствомъ всеобщаго страхованія общественныя власти поощряли и субсидировали кассы взаимопомощи на случай безработицы, при чемъ субсидіи эти не должны ни въ чемъ стѣснять автономіи профессіональныхъ союзовъ».

Въ коммиссіи эта резолюція не вызвала разногласій, но когда она была прочитана на пленарномъ засѣданіи конгресса, англійская делегація, какъ я уже говорилъ выше, немедленно запротестовала.

Отъ имени всѣхъ англійскихъ фракцій представитель «Labour Party», депутатъ Макъ Дональдъ, заявилъ, что англичане не могутъ вернуться на родину съ такой резолюціей. Всѣ соціалистическія и рабочія организаціи Англіи ведутъ въ настоящее время энергичную кампанію въ пользу обезпеченія законодательнымъ путемъ *права на трудъ* каждаго члена общества. Законопроектъ въ этомъ духѣ уже внесенъ депутатами «Labour Party» въ бюро палаты общинъ. Если конгрессъ приметъ резолюцію, въ которой сказано, что до полнаго уничтоженія капитализма безработица не можетъ быть устранена, то онъ тѣмъ самымъ объявитъ утопическою упомянутую кампанію англичанъ.

Вопросъ, возбужденный Макъ Дональдомъ, имѣлъ, несомнѣнно, принципіальное значеніе.

До сихъ поръ большинство соціалистовъ высказывалось противъ требованія права на трудъ въ современномъ обществѣ, находя такое требованіе неосуществимымъ при капитализмѣ. Но теперь на примѣрѣ Англіи оказывается, что въ странѣ, достигшей высшей степени капиталистическаго развитія, требованіе права на трудъ можетъ вызвать могучее народное движеніе и тѣмъ самымъ, при демократическомъ политическомъ строѣ, получить большіе шансы хотя бы на частичное осуществленіе. Если право на трудъ несовмѣстимо съ существованіемъ капитализма, ибо оно разрушаетъ одинъ изъ важнѣйшихъ его базисовъ, то тѣмъ лучше. Даже частичное проведеніе въ жизнь этого права пробьетъ въ такомъ случаѣ широкую брешь въ капиталистическомъ строѣ и мощно подвинетъ общество къ соціализму.

Вопросъ о правѣ на трудъ получаетъ, такимъ образомъ, огромное значеніе. Но конгрессисты не были подготовлены къ этому вопросу, и поэтому серьезные дебаты не могли быть посвящены ему. А такъ какъ резолюцію поздно уже было передѣлывать, то конгрессъ и принялъ ее безъ измѣненій, несмотря на протесты англичанъ и воздержаніе большинства французскихъ делегатовъ.

Однако, послѣ вотума этой резолюціи, секретарь интернаціональнаго бюро и депутатъ бельгійскаго парламента, Гюнсмансъ, по-

требовалъ, чтобы вопросъ о безработицѣ былъ поставленъ въ порядокъ дня для слѣдующаго конгресса.

Такъ оно, по всей вѣроятности, и будетъ, и въ Вѣнѣ можно ожидать интересныхъ преній относительно права на трудъ. Это тѣмъ болѣе, что къ тому времени англійская практика дастъ, надо думать, какіе-нибудь поучительные результаты.

Вопросъ о рабочемъ законодательствѣ, также обсуждавшійся конгрессомъ, не вызвалъ большихъ дебатовъ.

По этому вопросу конгрессъ принялъ резолюцію съ слѣдующими основными требованіями:

1) ограниченіе рабочаго дня максимумъ восемью часами;

2) запрещеніе принимать на работу дѣтей моложе четырнадцати лѣтъ;

3) запрещеніе ночныхъ работъ, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда этого требуютъ общественные интересы, или необходимости техническаго характера;

4) тридцати-шести часовой отдыхъ въ недѣлю, безъ перерывовъ, для всѣхъ работниковъ;

5) запрещеніе разсчетовъ натурою (Trucksystem);

6) гарантія права коалиціи;

7) дѣйствительная индустріальная и земледѣльческая инспекція труда при сотрудничествѣ уполномоченныхъ отъ рабочихъ организацій.

Указавъ затѣмъ, что до сихъ поръ въ области рабочаго законодательства было сдѣлано еще очень мало, резолюція напоминала, что въ этой области прогрессъ можетъ быть реализованъ лишь энергическими усиліями работниковъ.

«Конгрессъ, гласилъ конецъ резолюціи, приглашаетъ поэтому работниковъ всѣхъ странъ преодолѣть противодѣйствіе господствующихъ классовъ и *завоевать* путемъ безпрерывной пропаганды и усиленія своей организаціи, какъ на политической, такъ и на экономической почвѣ, дѣйствительную законодательную защиту труда».

IV.

Разные вопросы.

Вниманіе Копенгагенскаго конгресса очень сильно занималъ конфликтъ между чешскими и австрійскими соціалъ-демократами, который ему нужно было уладить.

Дѣло заключалось въ слѣдующемъ. До послѣдняго времени въ Австріи существовала одна лишь центральная синдикальная организація, объединявшая федераціи синдикатовъ разныхъ національностей, населяющихъ многоязычную имперію Габсбурговъ. Центральный органъ этой организаціи находился въ Вѣнѣ, и въ немъ естественно преобладали нѣмцы.

Чешскіе синдикаты, обладающіе болѣе богатыми кассами, чѣмъ нѣмецкіе союзы, и почти такимъ же количествомъ членовъ, возстали противъ этого порядка. Основываясь на томъ, что австрійская соціалъ-демократія организована на національномъ базисѣ при полной самостоятельности входящихъ въ ея составъ національныхъ партій, они потребовали и для себя такой же организаціи, не желая быть управляемыми изъ Вѣны.

Нѣмцы отказали чехамъ въ этомъ требованіи; послѣдніе откололись тогда отъ нихъ и образовали отдѣльный синдикальный центръ въ Прагѣ. Въ виду большихъ раздоровъ, вызванныхъ этимъ актомъ, обѣ заинтересованныя стороны рѣшили обратиться къ посредничеству Интернаціональнаго Конгресса, заранѣе объявивъ, что онѣ подчинятся безпрекословно его рѣшенію, каково бы оно ни было. Отъ имени обѣихъ сторонъ выступили соціалъ-демократы, уполномоченные союзами.

Конгрессъ нашелъ, что чехи поступили неправильно и что они рискуютъ создать прецедентъ, весьма опасный для успѣшнаго развитія синдикальнаго движенія. Всѣ, безъ исключенія, націи, представленныя на конгрессѣ, высказались противъ чеховъ.

Главный аргументъ, выдвинутый противъ ихъ позиціи, заключался въ томъ, что если можно допустить самостоятельную и автономную національную организацію политическихъ партій, въ виду разницы въ политическихъ и культурныхъ требованіяхъ разныхъ націй, то для профессіональныхъ союзовъ, объединяющихъ рабочихъ исключительно на почвѣ экономическихъ интересовъ это было бы въ высшей степени вредно. Ибо если профессіональные союзы начнутъ раскалываться по національному признаку, то они неизбѣжно ослабнутъ—и это какъ разъ въ такой моментъ, когда капиталъ все болѣе организуется интернаціонально. Съ другой стороны, представители польскихъ, малорусскихъ и другихъ національностей, населяющихъ Австрію, объявили, что если конгрессъ одобритъ чеховъ, то тогда и они образуютъ самостоятельные синдикальные центры. Послѣднихъ создастся тогда въ Австріи столько, сколько есть въ ней языковъ.

Въ виду всѣхъ этихъ соображеній, конгрессъ принялъ слѣдующую резолюцію.

«Интернаціональный соціалистическій конгрессъ въ Копенгагенѣ подтверждаетъ свою Штутгардскую резолюцію касательно отношеній между политическими партіями и синдикатами, особенно ту часть ея, которая гласитъ, что организаціонное единство профессіональнаго движенія должно быть сохранено въ каждомъ государствѣ, и что это является основнымъ условіемъ успѣха въ борьбѣ противъ эксплуатаціи и угнетенія.

Въ многоязычныхъ странахъ объединенные синдикаты должны, однако, считаться безусловно съ культурными и лингвинистическими интересами своихъ членовъ. Конгрессъ въ то же время за-

являетъ, что всякія попытки расколоть интернаціональные объединенные синдикаты на сепаратистскія національныя организаціи идутъ въ разрѣзъ съ принципами настоящей резолюціи. Международное соціалистическое бюро такъ же, какъ и интернаціональный секретаріатъ синдикатовъ приглашается предлагать свои услуги непосредственно заинтересованнымъ сторонамъ для улаженія, въ духѣ согласія и соціалистическаго братства, конфликтовъ, могущихъ возникнуть по этому поводу».

Конгрессомъ были еще приняты резолюціи по вопросамъ объ организаціи международной солидарности, въ случаѣ крупныхъ столкновеній между трудомъ и капиталомъ въ какой-либо странѣ, и объ интернаціональной борьбѣ противъ смертной казни.

Въ первой резолюціи международному соціалистическому бюро ставится въ обязанность слѣдить за тѣмъ, чтобы работники всѣхъ странъ были во-время и точно освѣдомлены о характерѣ важныхъ экономическихъ столкновеній, гдѣ бы они ни происходили; во второй—соціалистическимъ депутатамъ рекомендуется организовать соотвѣтствующія выступленія въ парламентахъ.

Кромѣ того, были приняты восемь резолюцій протеста противъ реакціонныхъ дѣйствій антидемократическихъ правительствъ разныхъ странъ.

Наконецъ, конгрессъ поручилъ международному соціалистическому бюро назначить день для единовременной манифестаціи соціалистовъ всего міра противъ покушенія русскаго правительства на финляндскую свободу.

Копенгагенскій конгрессъ, какъ мы видимъ изъ всего изложеннаго, обнаружилъ весьма явственно все большее усиленіе тенденціи къ превращенію Интернаціонала, игравшаго до сихъ поръ лишь роль идейнаго свѣточа, въ практическую организацію.

Объ этомъ свидѣтельствуютъ очень ясно резолюціи конгресса, поручающія его высшему исполнительному органу—Международному бюро, въ которомъ представлены всѣ соціалистическія партіи, осуществленіе ряда задачъ практическаго характера.

Эта тенденція, являющаяся результатомъ роста мірового соціализма, несомнѣнно, въ будущемъ еще болѣе усилится, по мѣрѣ расширенія и углубленія соціалистическаго движенія и, надо думать, не останется безъ вліянія на укрѣпленіе солидарности между трудящимися классами всѣхъ странъ.

Е. Сталинскій.

Новыя книги.

Ив. Бунинъ. Томъ шестой. Изд. т-ва «Общественная Польза». СПБ. 1910. Стр. 189. Ц. 1 р.

Томъ шестой,—подобный пяти предыдущимъ. Полагалось бы повторить прежнія хваленія милому, теплому и задушевному Бунину; пожалуй, отмѣтить недостатки, неизмѣнно второстепенные. Мы такъ ужъ свыклись съ Бунинымъ, сроднились съ нимъ, вжились въ него, что и недостатки его кажутся намъ родными и необходимыми. И мы не удивимся, найдя, что и въ новомъ томѣ онъ не безукоризненъ въ формѣ, что онъ позволяетъ себѣ вольности и не всегда замѣчаетъ свои прозаизмы, что онъ перегружаетъ свою лирику терминологіей, этнографіей, собственными именами,—и тонкая ткань нѣжнаго созерцательнаго настроенія, сотканная поэтомъ, вдругъ рвется отъ этого тяжелаго груза чужихъ словъ. Его словарь не бѣденъ, но онъ слишкомъ заботится о его обогащеніи и слишкомъ настойчиво щеголяетъ его красками; замѣчаешь преднамѣренность и теряешь гармоническое однозвучіе съ душой поэта. Бунинъ пишетъ сонеты, а ихъ строгая сухость не по немъ: онъ недостаточно холоденъ для сонета; мало быть точнымъ въ канонѣ строгаго сонета—и здѣсь Бунинъ не безъ упрека—мало воспроизводить форму и даже стиль: надо быть не только извнѣ, но и внутри безстрастнымъ чеканщикомъ математически точной формы, а для этого Бунинъ слишкомъ мягокъ, слишкомъ лириченъ. Этотъ лиризмъ—основное свойство его дарованія и самое привлекательное въ немъ. Въ него проходитъ лишь то, что освѣщено его чувствомъ, и, проникнутое этимъ свѣтомъ, все становится глубоко, прозрачно и значительно въ его изображеніи. Онъ ищетъ большихъ впечатлѣній, скитается по свѣту, уходитъ въ страны великихъ историческихъ воспоминаній, но рѣдко большое воспламеняетъ его мысль—какъ гробница Рахили или святая Софія—чаще незамѣтное, повседневное: вотъ на палубѣ парохода молится старый мусульманинъ, вотъ утро въ рощѣ, вотъ сѣнокосъ, вотъ умершій крестьянинъ въ гробу. Все это проходитъ равнодушными глазами случайный зритель, и все загорается для насъ новымъ содержаніемъ въ передачѣ Бунина. Все это хорошо, но вотъ бѣда: Бунинъ уже нашъ, признанный, безусловный поэтъ— и это признаніе возлагаетъ на него новыя обязанности; мы любимъ его—и повышаемъ требованія. Хочется, напримѣръ, чтобы Бунинъ шелъ впередъ, чтобы томъ шестой говорилъ о немъ не то, что пять предыдущихъ, а этого не чувствуется; все благополучно, все прелестно, тотъ же милый Бунинъ,—гдѣ-то глубоко скребетъ подозрѣ-

ніе: не слишкомъ ли милый? Нѣтъ ничего хуже прелести, когда она благополучна: она мертвѣетъ и разлагается. Прелестный шаблонъ все же шаблонъ, и если сегодня Бунинъ еще зажигаетъ душу читателя сочувственнымъ переживаніемъ и пламенемъ познающаго созерцаиія,—то что будетъ завтра? Недавно выбрали Бунина въ академики,—а кажется, что въ немъ всегда было что-то академическое, спокойное, уравновѣшенное, законченное, неищущее; только не холодное, какъ все академическое. Нѣтъ, Бунинъ не холоденъ, но онъ и не горячъ; онъ тепловатъ—и въ этомъ его несчастіе. Онъ будетъ поэтомъ милымъ, поэтомъ любимымъ, поэтомъ признаннымъ, но никогда не будетъ поэтомъ поколѣнія. Онъ никогда не будетъ несвоевременнымъ: онъ не былъ новъ для своего времени; какъ бы не слишкомъ скоро устарѣлъ онъ для потомковъ. Исторія уже открыла ему свои объятія, и ему покойно въ нихъ: слишкомъ рано, за то прочно.

Ю. Айхенвальдъ. Силуэты русскихъ писателей. Выпускъ III. Изданіе «Научнаго Слова.» Москва. 1910. Стр. 138. Ц. 1 р. 10 к.

У литературныхъ портретовъ г. Айхенвальда есть особенность въ самомъ дѣлѣ сближающая ихъ съ силуэтами: они безъ фона. Каждый писатель выступаетъ отдѣльно, какъ будто онъ не связанъ съ прошлымъ и будущимъ литературы, какъ будто онъ творилъ въ безвоздушномъ пространствѣ: чистый листъ бумаги, и на немъ абрисъ литературной физіономіи Веневитинова, Левитова, Бориса Зайцева. Хотѣлось бы сказать: тонкій и отчетливый абрисъ, ибо тонкость и отчетливость это вѣдь—необходимыя свойства хорошаго силуэта. Но если въ характеристикахъ г. Айхенвальда бываютъ нерѣдко схвачены черточки тонкія и интересныя, то никакъ нельзя назвать отчетливость ихъ выдающимся свойствомъ. Не то, чтобы онѣ были туманны, или запутаны, или чтобы нельзя было понять, куда клонитъ авторъ; но его легкая лирическая манера характеристики не отчетливость имѣетъ въ виду. Его обычный пріемъ есть сочувственное переживаніе писателя; онъ входитъ въ настроеніе того, кого хочетъ изобразить, онъ вживается въ его образы и этимъ настроеніемъ—которое кажется ему настроеніемъ характеризуемаго писателя,—онъ хочетъ заразить читателя: методъ не столько научно-критическій, сколько художественный и во всякомъ случаѣ приближающій критику къ художеству. Оттого—не только недостатокъ эта не разъ отмѣченная оторванность литературныхъ портретовъ г. Айхенвальда отъ историко-литературной обстановки: онъ отрываетъ ихъ отъ ихъ современниковъ, но связываетъ съ собой; онъ отрываетъ ихъ отъ исторіи, но связываетъ съ настоящимъ. Его очерки охватываютъ чуть всѣхъ выдающихся и очень многихъ второстепенныхъ представителей русской литературы XIX вѣка—и, однако, въ его характеристикѣ никто не кажется умер-

шимъ; никого эти портреты не отодвигаютъ въ прошлое. Наоборотъ, если Левитовъ или Полежаевъ, Козловъ или Бенедиктовъ умерли для васъ, то—хвалитъ или порицаетъ ихъ Айхенвальдъ—онъ рождаетъ желаніе вновь—а можетъ быть, и впервые—приблизиться къ нимъ, войти въ ихъ міръ. У каждаго поэта именно свой міръ—имъ для себя созданный—и Айхенвальдъ въ своихъ оцѣнкахъ всегда помнитъ это, всегда старается изобразить поэта, какъ законченное цѣлое, какъ систему. Поэтому даже тамъ, гдѣ онъ отмѣчаетъ отрицательныя стороны таланта или характера, его замѣчаніе звучитъ не какъ порицаніе; его лирика, субъективная по тону, достаточно объективна по основамъ. Онъ умѣетъ доказывать и бываетъ незамѣтно убѣдителенъ.

Бываютъ, однако, случаи, когда, увлекаясь отрицательной критикой, онъ слишкомъ сосредоточивается на ней и теряетъ изъ виду общій жизненный обликъ писателя. Главное, онъ при этомъ изъ-за деревьевъ не видитъ лѣса: онъ правъ во второстепенномъ и промахнулся въ главномъ. Такъ «разносъ» Тургенева—мы указывали это въ свое время—при всей справедливости отдѣльныхъ замѣчаній все-таки не раскрываетъ, а затемняетъ предъ нами подлиннаго Тургенева. Въ новомъ сборникѣ досталось Горькому и Валерію Брюсову. Очерки, посвященные имъ, не столько силуэты, сколько памфлеты,—и нельзя отрицать, что въ нихъ есть та правда, которая бываетъ въ памфлетахъ. Но, конечно, въ нихъ не вся правда. Характеристика Валерія Брюсова—одна изъ лучшихъ работъ Айхенвальда. Невозможно убѣдительнѣе и содержательнѣе выяснить реторическіе элементы поэзіи Брюсова, его напряженный прозаизмъ, его ремесленность, его разсудочность. Эта статья, такъ сказать, исторически необходима, и въ этомъ ея цѣнность; рано или поздно, Айхенвальдомъ или кѣмъ-нибудь другимъ она должна была быть написана; потому что прозаизмъ Брюсова легко сознавался всѣми, а наполнить это смутное сознаніе настоящимъ содержаніемъ было дѣломъ умѣлаго и внимательнаго аналитика, какимъ въ этомъ случаѣ явился г. Айхенвальдъ. Но изъ словъ самаго критика видно, что его Брюсовъ—не весь Брюсовъ, и этого другого Брюсова, доказавъ его существованіе, подойдя къ нему, не показалъ г. Айхенвальдъ. «Если Брюсову съ его тяжеловѣсной поэзіей не чуждо нѣкоторое величіе, то это именно—величіе преодолѣнной бездарности», такъ заключаетъ г. Айхенвальдъ, и не замѣчаетъ, что это заключеніе отодвигаетъ на второй планъ всю его статью. Если Брюсовъ въ самомъ дѣлѣ преодолѣлъ свою бездарность, то надо ли говорить только о ней? Нѣтъ ли чего-либо болѣе важнаго? Побѣдителя не судятъ—и менѣе всего въ мірѣ художественнаго творчества. Если поэзіи Брюсова не чуждо величіе, то, конечно, именно объ этомъ величіи—мы его, кстати сказать, не чувствуемъ—слѣдовало говорить.

Рѣзко отрицательныя характеристики удаются г. Айхенвальду

не хуже другихъ; но онѣ какъ-то не соотвѣтствуютъ общему стилю его крическихъ сборниковъ; также мало подходятъ къ нимъ фрагментарныя оцѣнки, которыя авторъ нашелъ удобнымъ включить въ послѣдній выпускъ своихъ очерковъ. Безъ этихъ случайныхъ элементовъ его «Силуэты» были бы недурнымъ обозрѣніемъ литературныхъ индивидуальностей въ Россіи XIX вѣка. Это менѣе всего курсъ или исторія, но рядомъ съ историческимъ курсомъ, рядомъ съ чтеніемъ самихъ писателей, такая портретная галлерея можетъ имѣть образовательное значеніе.

Чеховскій юбилейный сборникъ. Москва. 1910. Стр. 544. Ц. 1 р. 25 к.

Самыя лучшія намѣренія окрыляли составителей сборника. По случаю пятидесятилѣтія со дня рожденія Чехова чуть не во всѣхъ газетахъ и журналахъ были напечатаны поминальныя статьи, соотвѣтственныя замѣтки, стихотворенія, воспоминанія. Чье сердце не дрогнетъ при мысли, что всѣ эти драгоцѣнныя произведенія литературы, столь необходимыя для пониманія и оцѣнки Чехова, могли исчезнуть во тьмѣ забвенія? Необходимо увѣковѣчить ихъ, собрать всѣ—отъ стиховъ Мих. Бескина до размышленій Оскара Норвежскаго—въ толстую книгу, спасая ихъ отъ бездны медленной Леты и служа великому дѣлу просвѣщенія и благотворенія: «весь доходъ отъ изданія поступитъ въ фондъ перваго въ Россіи учительскаго Дома, сооружаемаго Обществомъ взаимной помощи при Московскомъ учительскомъ институтѣ».

Самъ Чеховъ, вѣроятно, отказался бы и отъ такого чествованія, и отъ такого безнадежнаго, интеллигентски-чиновничьяго способа дѣлать хорошее дѣло. У насъ слишкомъ часты поминки и юбилеи; ихъ любитъ обыватель и любитъ пишущая братія, которой они даютъ благодарную возможность поговорить легко и мило на удобную тему. По случаю каждой годовщины, необходимой или сочиненной, въ сотняхъ періодическихъ изданій появляются миріады литературныхъ однодневокъ, которыя мелькомъ пробѣгаются за утреннимъ чаемъ и тутъ же забываются. На сотню этихъ произведеній едва одно бываетъ достойно лучшей участи, и дурную услугу имъ и читателямъ оказываетъ тотъ, кто пытается довести ихъ до второго чтенія. Въ цѣломъ рядѣ статей и замѣтокъ, нынѣ перепечатанныхъ въ «юбилейномъ Чеховскомъ сборникѣ», авторы стараются по мѣрѣ силъ охарактеризовать личность Чехова, и изъ всѣхъ этихъ характеристикъ явствуетъ, какъ ненавидѣлъ онъ лицемѣріе календарныхъ чествованій, бездарность юбилейныхъ панегириковъ, пошлость условной хвалы. И вотъ, въ честь Чехова воздвигнута эта панегирическая пирамида, созданъ этомъ апоѳеозъ пошлости. Конечно, въ сборникѣ есть и двѣ-три благопристойныхъ статейки, есть не лишенныя интереса біографическія мелочи: въ семьѣ не безъ

урода. Но въ общемъ—какое ненужное предпріятіе, какое механическое отношеніе къ дѣлу. Вмѣсто хорошей библіографіи, вмѣсто дѣйствительной помощи будущему изслѣдователю Чехова—перепечатки: легко и безответственно. Перепечатано все, что стоитъ внѣ литературы, вродѣ статей Б. Борскаго или Оскара Норвежскаго, перепечатаны перепечатки. Г. Ожиговъ сдѣлалъ въ «Современномъ Словѣ» нѣсколько цитатъ изъ статьи В. Г. Тана, часть которой посвящена Чехову: въ сборникѣ перепечатана и вся статья Тана, и цитаты Ожигова. Почему то воспроизведенъ снимокъ со скульптуры Коненкова, похожей на кого угодно, но ничѣмъ не напоминающей Чехова. Стихи тоже перепечатаны—скучные, каучуковые, юбилейные стихи. Два стихотворенія г. А. Лукьянова, два стихотворенія г. Lolo: Боже мой, кому же не извѣстно, что и Лукьяновъ и Lolo могутъ по всякому поводу и въ любой моментъ дня и ночи написать бойкое, гладкое, совершенно благопристойное и никому не нужное стихотвореніе; неужто надо извлечь изъ газеты это стихотвореніе, включить его въ книгу, заставить обывателя платить за это удовольствіе,—да еще въ надеждѣ, что изъ этой ерунды выйдетъ всероссійскій учительскій Домъ?

И замеръ смѣхъ... Съ тоскливымъ стономъ.
Ушли со струнъ былыя грезы,
Антоша сдѣлался Антономъ
И тихой грусти далъ намъ слезы.

Эта потрясающая пошлость, равномѣрно увѣковѣченная въ сборникѣ, могла бы послужить ему эпиграфомъ: тѣмъ же тономъ, тѣмъ же богатствомъ идей запечатлѣно большинство статей, составляющихъ эту толстую безполезную книгу, этотъ новый «вагонъ для устрицъ», о которомъ такъ охотно и съ такой возвышенной ироніей вспоминаютъ сочинители очередныхъ юбилейныхъ статей о Чеховѣ.

Н. Карѣевъ. Общій курсъ исторіи XIX вѣка. Спб. 1910.

Новая книга проф. Н. И. Карѣева предназначена главнымъ образомъ для читателя, который не имѣетъ возможности проштудировать три послѣдніе тома «Исторіи Западной Европы» автора, составляющіе около 2.500 страницъ текста, и въ то же время желаетъ получить возможно полное представленіе объ основныхъ моментахъ исторіи XIX вѣка. «Общій курсъ» не представляетъ изъ себя, однако, простого сокращенія соотвѣтственныхъ частей «Исторіи Западной Европы». Авторъ дѣлаетъ въ немъ интересную попытку построить исторію XIX вѣка по совершенно новому плану. Исторій XIX вѣка въ западно-европейской литературѣ существуетъ чрезвычайно много. Многія изъ нихъ переведены и на русскій языкъ, и книги Файфа, Эндрьюса и Сеньобоса, напр., пользуются у насъ вполнѣ заслуженной извѣстностью. Всѣ появлявшіяся до сихъ поръ

исторіи XIX вѣка отличались одной характерной чертой. Онѣ были не исторіей Европы въ XIX вѣкѣ, а совокупностью исторій отдѣльныхъ европейскихъ странъ, т. е. исторія каждой отдѣльной страны излагалась совершенно независимо отъ исторіи другихъ странъ и связывалась съ ними чисто механически. Между тѣмъ чѣмъ дальше развивается человѣчество, тѣмъ сильнѣе становится взаимодѣйствіе отдѣльныхъ странъ и народовъ, и тѣмъ болѣе отдѣльныя національныя цивилизаціи сливаются въ одну обще-европейскую цивилизацію, позволяющую говорить объ исторіи Европы, какъ объ одномъ неразрывномъ цѣломъ. Такая обобщающая точка зрѣнія примѣнялась иногда историками къ болѣе раннимъ эпохамъ европейской исторіи; въ этомъ смыслѣ говорилось, напримѣръ, о феодализмѣ, католицизмѣ, реформаціи, абсолютизмѣ, какъ объ общеевропейскихъ явленіяхъ, но до сихъ поръ не обращали вниманія на то, что съ еще большимъ правомъ можно примѣнить этотъ принципъ къ исторіи XIX вѣка и говорить о конституціонализмѣ, милитаризмѣ, соціализмѣ, какъ явленіяхъ обще-европейскихъ. Книга проф. Карѣева дѣлаетъ первый опытъ такого обобщающаго построенія исторіи XIX вѣка и старается изобразить ее, какъ единый историческій процессъ, какъ развитіе единой обще-европейской или, лучше сказать, общечеловѣческой цивилизаціи.

Главное вниманіе автора естественно обращено на внутреннюю исторію, на изученіе движеній политическихъ, національныхъ и соціальныхъ. Но смыслъ этихъ движеній, составляющихъ главное содержаніе исторіи прошлаго столѣтія, только тогда сдѣлается понятенъ, когда будутъ выяснены обусловившія ихъ измѣненія въ матеріальномъ и духовномъ быту общества. Поэтому авторъ удѣляетъ нѣсколько главъ экономической эволюціи XIX вѣка и эволюціи въ міросозерцаніи европейскаго общества. Кромѣ того, для полноты картины онъ находитъ нужнымъ присоединить еще краткій очеркъ международныхъ отношеній прошлаго столѣтія, такъ какъ иногда они въ свою очередь оказывали сильное вліяніе на ходъ внутренней эволюціи. Исходнымъ пунктомъ для пониманія всей исторіи XIX вѣка служитъ французская революція. Съ выясненія ея всемірно-историческаго значенія авторъ и начинаетъ свое изложеніе. Охарактеризовавъ затѣмъ эпоху владычества Наполеона, онъ послѣдовательно прослѣживаетъ основные моменты всей исторіи XIX вѣка вплоть до нашихъ дней: реакцію и либерализмъ, экономическій переворотъ и торжество капитализма, возникновеніе и развитіе соціализма, демократическія и соціальныя движенія, національныя войны, милитаризмъ, колоніальныя предпріятія и т. д. Каждое изучаемое явленіе авторъ разсматриваетъ прежде всего, какъ обще-европейское, изучая всѣ фазисы, которые оно принимаетъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, и естественно останавливаясь съ большимъ вниманіемъ на тѣхъ странахъ, гдѣ оно нашло болѣе яркое отраженіе.

Благодаря такому методу, предъ глазами читателя постепенно развертывается ясная и отчетливая картина европейской цивилизаціи XIX вѣка. Чтобы подчеркнуть, что европейская цивилизація сдѣлалась теперь уже всемірной, авторъ двѣ послѣднія главы посвящаетъ распространенію началъ европейской цивилизаціи за предѣлами государствъ Западной Европы и заканчиваетъ свою книгу краткими очерками исторіи Америки, Австраліи, Россіи, государствъ Балканскаго полуострова и, наконецъ, Японіи въ XIX вѣкѣ Таково въ самыхъ краткихъ чертахъ содержаніе этой чрезвычайно интересной книги. Крупныя достоинства ея, несомнѣнно, создадутъ ей широкій кругъ читателей.

Общая исторія европейской культуры. Подъ редакціей профессоровъ **И. М. Гревса, Ѳ. Ф. Зѣлинскаго, Н. И. Карѣева и М. И. Ростовцева.** Спб. Т. I. 1908. Т. II. 1910.

Предпринятое издательской фирмой Брокгаузъ-Ефронъ изданіе въ 16 томахъ «Общей исторіи европейской культуры» преслѣдуетъ задачу дать русской читающей публикѣ въ хорошихъ переводахъ рядъ новѣйшихъ иностранныхъ монографій по исторіи отдѣльныхъ эпохъ и крупнѣйшихъ явленій прошлаго Европы. Редакторы при этомъ отнюдь не желали сдѣлать «Исторію европейской культуры» чѣмъ-то въ родѣ прежнихъ «всемірныхъ» исторій, представлявшихъ ихъ себя скучный расказъ о политическихъ событіяхъ всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. Съ той сравнительно недавней поры, когда ищущій историческаго образованія читатель долженъ былъ удовлетворять свой интересъ соотвѣтственными томами Шлоссера или Вебера, пониманіе задачъ исторической науки успѣло сильно измѣниться, и центръ историческаго знанія съ политической исторіи былъ перенесенъ на эволюцію общечеловѣческой культуры, понимаемой въ самомъ широкомъ смыслѣ слова. Дать картину последовательнаго развитія этой общечеловѣческой культуры и является цѣлью редакторовъ настоящаго изданія. Первые 6 томовъ предположено посвятить исторіи античнаго міра и ранняго христіанства, затѣмъ 6 томовъ—исторіи среднихъ вѣковъ и ренессанса 4 тома – исторіи новаго времени и 2 послѣдніе тома—исторіи русской культуры, при чемъ само собой разумѣется, что исторіи Россіи будутъ посвящены не переводныя, а оригинальныя сочиненія. Вышедшіе въ свѣтъ первые два тома изданы подъ редакціей проф. Ѳ. Ф. Зѣлинскаго и М. И. Ростовцева. Первую часть перваго тома составляетъ «Очеркъ греческой исторіи и источниковѣдѣнія». Пёльмана. «Очеркъ» Пёльмана былъ выбранъ, какъ наиболѣе подходящій по своей краткости и научности компендіумъ по исторіи Греціи. Онъ даетъ необходимый minimum свѣдѣній изъ политической исторіи и служитъ введеніемъ для сознательнаго отношенія къ исторіи греческой культуры. Вторая часть тома посвящена

«Эллинской культурѣ», принадлежащей перу трехъ нѣмецкихъ ученыхъ: Баумгартена, Вагнера и Поланда. Это превосходный, читающійся съ живымъ интересомъ очеркъ развитія культуры древней Греціи; читатель найдетъ здѣсь изображеніе развитія политическихъ учрежденій и соціально-экономическихъ отношеній, религіи, искусства и науки. Для лучшаго пониманія исторіи изобразительныхъ искусствъ книга снабжена необходимымъ числомъ иллюстрацій. Второй томъ цѣликомъ посвященъ переводу замѣчательнаго труда Пёльмана—«Исторіи античнаго коммунизма и соціализма». Содержаніе книги Пельмана шире своего заглавія. Авторъ не ограничивается изученіемъ исторіи однѣхъ соціальныхъ идей. Возникновеніе и распространеніе идей соціальнаго переустройства онъ ставитъ въ тѣсную связь съ соціально-экономическимъ развитіемъ древняго міра и старается такимъ образомъ показать почву, на которой выростали соціальныя утопіи. Прекрасно знакомый съ современной соціалистической литературой, онъ изслѣдуетъ съ современной точки зрѣнія соціальныя отношенія Греціи и Рима и постоянно проводитъ параллели между античнымъ и современнымъ соціализмомъ. Особенно интересна глава III, излагающая планы организаціи новаго строя общества, гдѣ особенное вниманіе удѣлено утопіи Платона; V глава, посвященная «соціальной утопіи въ поэтической формѣ», и VI («Соціальная демократія»), изображающая постепенное усвоеніе соціальныхъ идей демократическими партіями, результатомъ чего является рядъ неудачныхъ соціальныхъ революцій. Римскому соціализму, въ виду чрезвычайной скудости источниковъ, авторъ посвящаетъ гораздо меньше вниманія, но и здѣсь ему удаетстя подчеркнуть соціальную сторону демократическихъ движеній. Такимъ образомъ содержаніе первыхъ двухъ томовъ «Исторіи европейской культуры» представляетъ выдающійся интересъ. Изданы они очень хорошо, а за качество перевода ручается имя редакторовъ.

Гата-Іога. Тайна индусовъ о здоровомъ человѣкѣ. Составилъ японецъ Іога Рамарака. Переводъ съ 5-го изд. Николая Өедорова-Дальняго подъ ред. и съ предисловіемъ доктора Б. Бентовина. Спб. 1910. Ц. 1 р. V + 254 стр.

Объ этой книгѣ мы даемъ отзывъ исключительно потому, что она санкціонирована авторитетомъ русскаго врача, взявшаго на себя редакцію перевода и давшаго свое предисловіе.

Начнемъ съ маленькой исторической справки. «Іога» есть одна изъ шести философскихъ системъ древней Индіи, творецъ которой, Патанджали, жилъ во второмъ вѣкѣ до Р. Х. Послѣдователи этой философіи, такъ называемые «іоги», выработали цѣлую систему духовныхъ и тѣлесныхъ упражненій, которыя, по ихъ мнѣнію, содѣйствовали торжеству «духа» надъ «плотью». Вполнѣ естественно, что трудно-понимаемая философія была скоро почти всѣми

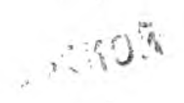
забыта, а легко усвояемыя манипуляціи сдѣлались какъ-бы самодовлѣющей цѣлью. И въ настоящее время въ Индіи имѣется не малое количество этихъ іоги — полуаскетовъ, полунищихъ, не брезгающихъ даже публичными представленіями, гдѣ они демонстрируютъ свои «фокусы».

Разбираемая нами книга именно и является изложеніемъ практической стороны іогизма: это—такъ сказать, курсъ гигіены іоги.

Что-же поучительнаго нашелъ русскій врачъ въ этой индійской гигіенѣ? «Предлагаемая книга, говоритъ онъ въ своемъ предисловіи, ведетъ человѣка къ природѣ... Кто прочтетъ эту книгу, содержащую въ себѣ въ значительной степени столь примитивныя, казалось-бы, наставленія индусскихъ іоговъ, искреннѣе долженъ сознаться, что даже при той сложности и громадной суетѣ, которою характеризуется жизнь культурнаго европейца, многое изъ справедливыхъ указаній іоговъ можно и должно исполнить». «Вся основная тенденція книги—на сколько важно для человѣка идти въ ногу съ природой, съ ея требованіями и запросами—выражена съ большой убѣдительностью».

Интересно-бы знать, по какому руководству гигіены готовился докторъ Бентовинъ къ своему докторскому экзамену? Ибо, очевидно, что для него требованіе «идти въ ногу съ природой» кажется чѣмъ-то новымъ, небывалымъ. Правда, наши европейскіе курсы гигіены не наполнены той высокопарной болтовней о «намѣреніяхъ природы», какою переполнена эта рекомендуемая д-ромъ Бентовинымъ книга, гдѣ на каждомъ шагу встрѣчаются пустозвонныя фразы въ родѣ слѣдующихъ: «Природа не вѣтренница, не лгунья» (стр. 22) или «природа никогда не имѣла въ виду, чтобы человѣкъ разставался со своимъ тѣломъ ранѣе достиженія глубокой старости» (стр. 22). Но спрашивается, чѣмъ занята вся наша европейская медицина (и гигіена), какъ не разысканіемъ «велѣній природы»?

Но научныя разысканія европейской медицины, вѣроятно, кажутся д-ру Бентовину менѣе интересными, чѣмъ высокопарныя мудрствованія іоги, которыя о самыхъ общеизвѣстныхъ вещахъ говорятъ съ «глубокимъ» проникновеніемъ. Такъ, напр., всѣмъ извѣстно, что пищу слѣдуетъ хорошо разжевывать. Европейская гигіена учитъ насъ, почему измельченіе пищи зубами способствуетъ пищеваренію; она, между прочимъ, указываетъ на то, что при продолжительномъ пережеваніи пища хорошо перемѣшивается со слюной, благодаря чему крахмалъ превращается въ легко-усвояемой сахаръ. Указывая на это превращеніе крахмала въ сахаръ, наша гигіена даетъ раціональное объясненіе акта жеванія, не призывая всуе имени природы, какъ это дѣлаетъ «Гата-Іога», говоря: «помните друзья, что зубы даны вамъ съ опредѣленной цѣлью и что если-бы природа желала, чтобы вы набивались пи-

щей, она снабдила-бы васъ зобомъ вмѣсто зубовъ» (стр. 28). Много новаго узнаетъ читатель послѣ такихъ глубокомысленныхъ объясненій!

Однако, въ разбираемой нами книгѣ не однѣ давно извѣстныя вещи. Есть и новое. И это прежде всего ученіе о «пранѣ». Это ученіе о «пранѣ» такъ важно, что по заявленію самого автора (стр. 153) безъ «праны» его книга «была-бы абсурдомъ». «Люди Востока и оккультисты знаютъ, что человѣкъ получаетъ свою «прану», такъ же какъ и питаніе, изъ пищи, получаетъ «прану» изъ воды, получаетъ «прану» съ лучами солнца, «прану» вмѣстѣ съ кислородомъ при дыханіи и т. д.» (стр. 153). Такъ, «прана» это—энергія, подумаетъ, пожалуй, читатель. Нѣтъ, энергія это одно, а «прана»—совсѣмъ другое. «Западные ученые» знаютъ, что пища есть источникъ энергіи, они это знаютъ потому, что присутствіе энергіи можетъ быть обнаруженно разными приборами, въ «прану»-же они не вѣрятъ, «не находя, чтобы какіе-либо изъ ихъ инструментовъ указывали на ея присутствіе» (стр. 157). А оккультисты, хотя и не могутъ сказать объ этой пранѣ ничего, кромѣ словъ, однако твердо знаютъ, что «накопленіе праны» есть основная задача человѣка.

Совѣтъ «накоплять прану» есть, конечно, самое важное указаніе, даваемое нашей книгой. Но есть и болѣе мелкіе, но все-таки очень полезные совѣты. Такъ, на стр. 8 и 9 авторъ убѣждаетъ людей не бояться того, что отъ прикосновенія къ землѣ «ихъ магнетизмъ» уйдетъ въ землю. Онъ серьезно громитъ какихъ-то, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстныхъ, чудаковъ, которые совѣтуютъ «носить резиновые подошвы и каблуки» и «спать на кроватяхъ съ изолированными при помощи стекла ножками», и все это изъ боязни, чтобы «магнетизмъ» изъ человѣка не ушелъ въ землю. Этихъ чудаковъ нашъ авторъ побѣдоносно поражаетъ совѣтомъ узнать, «что говоритъ Природа». А Природа говоритъ, что «сильные, полные магнетизма (sic!) полные жизни люди» не чувствуютъ себя «ослабленными, повалявшись на зеленомъ лугу». Конечно, съ точки зрѣнія европейской науки и тѣ чудаки, которые боятся потерять свой «магнетизмъ», и ихъ побѣдоносный опровергатель въ одинаковой мѣрѣ обнаруживаютъ дѣтски наивное пониманіе явленія магнетизма, но—вы забываете о «пранѣ»...

Если сказать, что книга «Гата-Іога» состоитъ изъ таинственнаго пустословія и банальныхъ вещей, то этимъ еще не исчерпываютъ всѣ ея недостатки. Она еще носитъ слѣды фальсификаціи. Такимъ образомъ трудъ прочтенія этой книги не вознаграждается хотя-бы тѣмъ, что мы знакомимся съ подлиннымъ мнѣніемъ людей, хотя и невѣжественныхъ и наивно-легкомысленныхъ, но все-таки дѣйствительно существующихъ. Нѣтъ, нашъ авторъ систематически фальсифицируетъ ученіе іога, модернизируя его. Чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ, напр., прочитать хотя бы главу XVIII, начи-

нающуюся словами «Гата-Іоги учитъ, что плотское тѣло состоитъ изъ клѣточекъ». Значитъ іоги превосхитили европейское ученіе XIX вѣка! А на стр. 135 говорится о роли «красныхъ кровяныхъ шариковъ». Такъ-то іоги и безъ микроскопа справляются не хуже, чѣмъ мы съ микроскопомъ!

Это соединеніе «прана» съ «кислородомъ» и «красными кровяными шариками» рѣжетъ всякое мало-мальски чуткое ухо и заставляетъ каждаго критически мыслящаго читателя опасаться на каждомъ шагу мистификаціи...

Новыя книги, поступившія въ редакцію.

(Значащіяся въ этомъ спискѣ книги присылаются авторами и издателями въ редакцію въ одномъ экземплярѣ и въ конторѣ журнала ***не продаются***. Равнымъ образомъ контора не принимаетъ на себя коммиссіи по пріобрѣтенію этихъ книгъ въ книжныхъ магазинахъ).

Изд. В. М. Саблина. М. 1910.—***Анатоль Франсъ***. Собр. сочин. Т. IX. Аметистовый перстень. Пер. А. Смирнова. Ц. 1 р.—Т. X. Подъ придорожнымъ вязомъ. Ц. 1 р.—***Пьеръ Лоти***. Собр. сочин. т. VII. Женитьба Лоти. Пер. Е. Сомовой. Ц. 1 р.—***Германъ Бангъ***. Собр. сочин. Т. II. Фрэкенъ Кайя. Жизнь и смерть. Ц. 1 р.—Т. I. У дороги. Пер. В. К. Ц. 1 р.—***Берн. Шоу***. Полн. собр. сочин. Т. V. Кандиди. Ни за что бы вы этого не сказали. Пер. Л. Экспера. Ц. 1 р.—***А. В. Цингеръ***. Начальная физика. Первая ступень. Ц. 1 р. 75 к.

Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1910.—***У.*** и ***Д. Холлъ***. Здоровье и какъ его беречь. Пер. Н. А. Петровской. Ц. 35 к.—***В. В. Рюминъ***. Инж.-техн. Простѣйшіе опыты по химіи. Ц. 75 к.—Хрестоматія-малютка. Составили В. Спасскій и В. Стражевъ. Ц. 1 р.—***В. Дудинъ***, ***А. Стеблевъ*** и ***А. Толстовъ***. Русская исторія. Ч. II. Ц. 1 р. 10 к.—***В. Девятинъ***. Эсперанто. Ц. 30 к.—Царь-колоколъ. Художественный календарь. Ц. 60 к.

Изд. „Звено". М. 1911.—***Пересъ Гальдосъ***. Собр. сочин. Т. I. Донья Перфекта. Пер. М. В. Ватсонъ. Ц. 1 р.

К-во „Современныя проблемы". М. 1910. ***Влад. Реймонтъ***. Мужики. Романъ. Ч. I и II. Ц. 1 р. 50 к.

К-во „Сфинксъ". М. 1910.—***Поль Аданъ***. Полн. собр. сочин. Т. I. Красныя мантіи. Романъ. Пер. З. Венгеровой. Ц. 1 р.

А. Тепловъ. Разсказы. Ц. 25 к. Спб. 1910.

Г. Герцовскій. Мимолетное. Спб. 1910. Ц. 75 к.

О. Коваленко. Золотий Засів. Київ. 1910. Ц. 75 к.

С. Судіенко. Шекспиръ о самоубійствѣ. Два Гамлета. Ц. 30 к.

Липницкій. Желѣзнодорожники. Силуэты. Екатеринбургъ. Ц. 75 к.

Другъ народа Алекс. Львовичъ Караваевъ. Спб. 1910. Ц. 30 к.

С. Бертенсонъ. Библіогр. указатель литературы о Гоголѣ за 1900—1910 гг. Спб. 1910. Ц. 25 к.

А. К. Дживелеговъ. Исторія современной Германіи. Ч. II. 1862—1910.

С. А. Сегаль, д-ръ мед. Библія, ея философія, этика и религія. Новочеркасскъ. 1910. Ц. 1 р.

Эразмъ Ротердамскій. Похвала глупости. Пер. П. Н. Ардашева. Изд. 3-е. Кіевъ. Ц. 50 к.

К. Грабовскій. Долой матеріализмъ. Критика эмпиріокритической теоріи. Спб. 1910. Ц. 1 р. 40 к.

А. А. Раевскій. Трудовая помощь, какъ задача государст. управленія. Харьковъ. 1910. Ц. 50 к.

С. А. Новосельскій Статистика самоубійствъ. Спб. 1910.

Н. Виташевскій. Якутскіе мате-

ріалы для разработки вопросовъ эмбріологіи права. В. I. 1910.

Его же. Опытъ меліораціонной статистики Одесскаго уѣзда. Одесса. 1910.

Библіотека „Народное Здравіе".— *В. М. Бехтеревъ*. Проф. Охрана дѣтскаго здоровья. Ц. 5 к.—*П. Б. Вансъ*, д-ръ. Чахотка. Ц. 5 к.

И. В. Сажинъ, д-ръ мед. Алкоголь и нервная система. Спб. 1910. Ц. 20 к.

Л. Н. Литошенко. Таможенное обложеніе въ Россіи. Харьковъ. 1910.

Попечительство о народной трезвости въ 1907 г. В. IV. Спб. 1910.

Ежегодникъ Костромскаго Губ. Земства. Кострома. 1910.

Сводъ свѣдѣній о финансовыхъ результатахъ и главныхъ оборотахъ казенной продажи питій за 1909 г. Спб. 1910.

Ф. А. Даниловъ. Альбомъ плановъ школьныхъ зданій. М. 1910. Ц. 2 р. 40 к.

К. Норландеръ. Гимнастика и спортъ по системѣ Линча. Пер. А. Полторацкаго. Спб. 1910. Ц. 75 к.

Книжки съ картинками,

(*Письмо въ редакцію*).

Заперли полторы тысячи человѣкъ въ огромномъ каменномъ домѣ, отрѣзанномъ отъ всего міра высокой оградой.

Сказали имъ:

— Вотъ, вы осуждены въ каторжныя работы. Но мы дадимъ вамъ работу только за хорошее поведеніе, да и то не всѣмъ. За очень хорошее поведеніе. А пока вы должны сидѣть въ камерахъ тихо и смирно. Не пѣть, не свистать. Въ карты, шашки, шахматы и прочія игры не играть. Въ окна не заглядывать... Если не будете выполнять правилъ,—у насъ есть темные карцера и... и розги!

Изъ полуторы тысячи человѣкъ триста получили работу. Остальные—нѣтъ. И чѣмъ длиннѣе срокъ каторги, тѣмъ труднѣе попасть въ мастерскую.

Тысячу двѣсти человѣкъ заперли въ разныхъ камерахъ. Однихъ на пять лѣтъ, другихъ на десять, а третьихъ на двадцать и «вѣчную».

— Не пѣть, не играть, не свистать... А читать можно?

— Читать? Можно. Книги, конечно, не всѣ допускаются... Которыя такія... тѣхъ нельзя. Прочія можно.

И вотъ въ книгѣ было найдено то, что не находите въ ней вы, вольные, не скованные, не запертые люди. Она сдѣлалась лучшимъ другомъ, помощникомъ, утѣшителемъ. Къ ней идутъ одни за знаніями, которыхъ не могли получить на волѣ, изъ-за нужды и постоянной погони за работой; другіе прячутъ въ ней свою тоску безъисходную, муки безсилія... Тѣ просто отвлекаютъ ею

свои мысли отъ дѣйствительности... Книга, которую такъ трудно получать въ тюрьму, сдѣлалась драгоцѣнностью, равной которой нѣтъ.

Многіе говорятъ:

— Не будь книгъ, я бы удавился...

— Милая, хорошая книга!..

Вотъ и я сижу на нарахъ и въ десятый разъ перечитываю Чехова. Только на каторгѣ я научился понимать красоту отдѣльныхъ фразъ писателей, даже отдѣльныхъ словъ... Страницу за страницей я прочитываю, повторяя самыя красивыя мѣста.

Около меня лежитъ вторая книга—толстая, какъ церковный часословъ. Я держу ее про запасъ, ибо я знаю себя.

Беллетристика бываетъ опасна. Какимъ нибудь однимъ, особо яркимъ словомъ она вдругъ разбудитъ въ тебѣ воспоминаніе прошлаго, твоихъ погибшихъ мечтаній, твоей прерванной юности, бодрости, любви... Душу всполошитъ безудержное желаніе воли, свѣта и яркихъ красокъ. И во много разъ тѣснѣе покажутся своды тюрьмы...

Дальше отъ этого!.. Дальше...

Я уже читаю свою толстую книгу о финансахъ. Длинныя цифровыя таблицы и вычисленія—о, не онѣ напомнятъ мнѣ о красотѣ Волги, о шири Дона!..

Противъ меня сидитъ, поджавъ подъ себя ноги, Кипятокъ. Собственно, у него есть настоящая длинная фамилія, составленная изъ Али, Магометъ, Курбанъ, Оглы и еще какихъ то именъ. Но всѣ зовутъ его «Кипятокъ»—единственнымъ словомъ, которое онъ произноситъ по русски правильно и чисто. Остальныя онъ коверкаетъ, мѣшая со своими восточными татарскими восклицаніями. Кипятокъ долго и пристально слѣдитъ за мной и, наконецъ, трогаетъ меня рукой:

— Якши книжкамъ, товарышъ?—спрашиваетъ онъ.

— Якши!—отвѣчаю я,—книжка хорошая.

— Покажи мінэ...

Я даю ему книгу. Курбанъ быстро перелистываетъ ее и возвращаетъ, разочарованный:

— Картынкамъ нэтъ?..

— Нѣтъ. Безъ картинокъ.

— Что такой?!—горестно изумляется онъ,—книжкамъ много, картинкамъ нэтъ?.. Яманъ твоя книжкамъ!..

Бѣдный Кипятокъ!..—Онъ забраковалъ книжку—она безъ картинокъ.

Были когда-то въ нашей библіотекѣ «Нивы», за нѣсколько лѣтъ были. И каждая иллюстрація, каждая виньетка были осмотрѣны тысячи разъ.

Смотрѣли ихъ всѣ: политическіе и уголовные съ большимъ или меньшимъ удовольствіемъ. Но съ благоговѣйнымъ изумленіемъ,

съ восторгомъ, съ наивной радостью склонялись надъ ними десятки сартовъ, ногайцевъ, персовъ, киргизовъ и другихъ «народовъ», для которыхъ въ библіотекѣ нѣтъ ни одной книги на ихъ родномъ языкѣ. Имъ не присылаютъ такихъ книгъ, а если и пришлютъ, то все же они не увидятъ ихъ. Лицо, поставленное, чтобы слѣдить за безвредностью книгъ, получаемыхъ съ воли заключенными, все равно скажетъ:

— Да какъ же я тебѣ пропущу ее? Почемъ я знаю, что за книга? Развѣ я обязанъ читать на всѣхъ языкахъ?

Гм... Конечно, не обязанъ...

Кипятокъ, конечно, въ другомъ положеніи и обязанъ знать русскій языкъ, если хочетъ читать книги. Онъ не знаетъ—самъ виноватъ... Пусть не читаетъ.

Были «Нивы» и испортились. Листы разбухли, точно впитавъ въ себя тысячи настроеній, вызваныхъ ими. Уже не перелистываетъ ихъ Курбанъ-Кипятокъ, какъ раньше.

И мнѣ скучнѣе. Бывало, получитъ онъ «Ниву», въ десятый разъ одну и ту же, и, торжествующій, садится около меня.

Первая страница—новогодняя. Старый годъ, въ видѣ сѣдого великава, уходитъ въ тьму ночи—въ вѣчность. Курбанъ непремѣнно укажетъ на меня и сѣдого дѣда:

— Такой твоя будетъ, када каторгу кончалъ...

Потомъ найдетъ портретъ Скобелева, увѣшаннаго орденами и воскликнетъ:

— Балшая гаспадинъ!.. Царь!..

«Баба-Яга» для него юмористическая вещь.

Онъ толкнетъ локтемъ меня, сосѣдей и кивнетъ головой на другого татарина, красавца Гасана.

— Сматри: такой жена Гасанъ лубитъ...

И зальется искреннимъ смѣхомъ, а за нимъ и остальные зрители, и самъ Гасанъ...

Въ этихъ картинкахъ онъ познавалъ ту чуждую ему жизнь, о которой онъ никогда, быть можетъ, не подозрѣвалъ.

Я съ Курбанъ-Кипяткомъ сдружился случайно. Кто-то изъ родныхъ прислалъ мнѣ открытку съ видомъ Мекки. Я показалъ ее Курбану. Онъ долго смотрѣлъ на нее и вдругъ такъ и бросился ко мнѣ:

— Что такой?! Что такой, товаришъ?!.. Моя тутъ былъ!.. Ей-Богу, былъ!.. Ахъ, якши!.. Алла!.. Тутъ шла!..—показываетъ онъ коричневымъ пальцемъ на дорогу, по которой онъ шелъ.

Я подарилъ Курбану открытку, и онъ не разставался съ нею, пока ее не отобрали на обыскѣ.

И мнѣ жаль Курбана, которому я вмѣсто «книжкамъ-картынкамъ» могу предложить только толстую книгу о финансовой статистикѣ.

Иногда подходятъ ко мнѣ и другіе за тѣмъ же.

— Хоть бы иллюстрацій гдѣ достать!—говоритъ товарищъ Ваня Б.,—ни черта дѣлать не могу. Сидѣлъ бы да перелистывалъ...

Ваня Б. не можетъ дѣлать того, что дѣлаютъ другіе: учить англійскій, алгебру, исторію. Онъ заболѣлъ чахоткой и знаетъ, что своихъ пятнадцати лѣтъ каторги онъ не отбудетъ. Зачѣмъ ему алгебра?.. Можетъ быть, онъ хочетъ хоть въ неважныхъ русскихъ иллюстраціяхъ еще разъ-другой вернуться къ той жизни, къ тѣмъ образамъ, къ которымъ, въ дѣйствительности, никогда не вернется.

— Нѣтъ, Ваня, иллюстрацій!—отвѣчаю я.

— А я что жъ говорю?—будто сердится онъ,—знаю, что нѣтъ!.. Чудакъ!..

Чрезъ полъ-часа онъ снова подходитъ ко мнѣ и говоритъ:

— Покажи мнѣ свои открытки!..

И, найдя изъ десятка ихъ одну—«Парижъ»,—разсказываетъ мнѣ:

— Здѣсь, вотъ, Латинскій кварталъ. А я жилъ поблизости,—сюда вотъ за уголъ завернуть...

Курбанъ о Меккѣ, Ваня—о Парижѣ...

Понялъ-ли ты меня, мой случайный читатель?...

Я прошу у тебя и для себя, и для Курбана, и для Вани, быть можетъ, ненужныхъ тебѣ иллюстрированныхъ книгъ и журналовъ.

Ты, вѣроятно, уже просмотрѣлъ эти «Нивы», имѣющія для тебя интересъ момента, текущаго дня, и отложилъ ихъ въ сторону, или забросилъ на чердакъ.

Вели достать ихъ оттуда и отдай намъ. Скажемъ спасибо тебѣ мы всѣ, а Курбанъ-Кипятокъ, пожалуй, навсегда, запомнитъ, что не всѣ русскіе—начальники съ золотыми пуговицами, а есть и «якши»—люди, дарящіе ему «книжкамъ-картынкамъ».

Каторжная тюрьма.

С—ръ.

ОПЕЧАТКА.

Въ № 7 „Р. Б.", въ перечнѣ содержанія журнала, на обложкѣ и на стр. 5,

напечатано:	слѣдуетъ:
2. *Чернышевскій въ Сибири.* Продолженіе.	2. *Чернышевскій въ Сибири.* Окончаніе.

ОТЧЕТЪ

конторы редакціи журнала „Русское Богатство".

ПОСТУПИЛО:

На покрытіе штрафа въ 1000 р., наложеннаго за № 4 „Русскаго Богатства": отъ „фермы Смолянки"—5 р.

А всего съ прежде поступившими 377 р. 69 к.

Съ благотворительной цѣлью: отъ „Ф. З. М. неотданный долгъ"- 4 р.; отъ Черемшанской 6 р.; черезъ М. П.—70 р.; отъ Натана В. и Розы М.—3 р.; отъ М. Левина—20 р.

Итого . . . . . . 103 р.

Редакторъ-издатель *Вл. Г. Короленко.*

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

2) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору журнала.

Книжные магазины только передаютъ подписныя деньги въ контору журнала и не принимаютъ никакого участія въ доставкѣ журнала.

3) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору журнала не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

4) При заявленіи о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ**, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

Не сообщившіе № своего печатнаго адреса затрудняютъ наведеніе нужныхъ справокъ и этимъ замедляютъ исполненіе своихъ просьбъ.

5) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 15 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору журнала или въ отдѣленія конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи, а также на случай возвращенія обратно рукописи должны быть приложены марки.

2) **Непринятыя рукописи**, обратная пересылка которыхъ не была оплачена, возвращаются заказной бандеролью съ наложеннымъ платежомъ стоимости пересылки.

3) По поводу непринятыхъ стихотвореній редакція не ведетъ съ авторами никакой переписки, и такія стихотворенія **уничтожаются**.

Изданія М. В. ПИРОЖКОВА.

Захарьинъ, И. Н. (Якунинъ). „Встрѣчи и воспоминанія". Изъ литературнаго и военнаго міра. Спб. 1903 г. 1 р. 75 к., уст. 30%.

Кампанелла Томасъ. Государство солнца. (Civitas solis) Переводъ съ латинскаго съ біографическимъ очеркомъ, примѣчаніями и дополненіями А. Г. Генкеля. Съ портретомъ Т. Кампанеллы. Серія коммунистическихъ романовъ № 2. Спб. 1907 г. 60 к. уст. 30%.

Канадѣевъ, И. Н. Очерки закавказской жизни. Томъ I. Спб. 1902 г. 2 р., уст. 40%.

Карабчевскій, Н. П. Второе прибавленіе къ книгѣ „Рѣчи". 25 к., уст. 40%.

Караскевичъ, С. (Ющенко). Повѣсти и разсказы. 1 р., уст. 40%.

Кейльганъ, проф. Артезіанская вода. (Съ 19 рис.). Съ нѣм. съ согласія автора перевелъ А. Соловьевъ. Спб. 1902 г. 25 к., уст. 45%.

Кеннанъ, Джорджъ. Сибирь. Переводъ съ нѣмецкаго безъ всякихъ сокращеній. Въ двухъ томахъ. Спб. 1906 г. Ц. каждаго тому 75 к., уст. 50%.

Лавриновичъ, Ю. Н. (Надеждинъ). Очерки французской общественности. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к. уст. 40%.

Лемке, Мих. Думы журналиста. Спб. 1903 г. 1 р. 25 к., уст. 40%.

Очерки по исторіи русской цензуры и журналистики XIX столѣтія Съ 19 портретами и 81 каррикатурою. Спб. 1904 г. 3 р. уст. 40%.

Содержаніе: Эпоха обличительнаго жара. — Эпоха цензурнаго террора.— Русское Bureau de la presse. Ѳаддей Булгаринъ.

Эпоха цензурныхъ реформъ 1859—65 годовъ. Съ 4 портретами. Спб. 1904 г. 3 р., уст. 30%.

Николай Михайловичъ Ядринцевъ. Біографическій очеркъ. Къ десятилѣтію со дня кончины (1891 $\frac{7}{XI}$ 1904). Съ 8 иллюстраціями и съ введеніемъ И. И. Попова. Спб. 1904 г. 1 р. 50 к., уст. 40%.

M-me Ле-Руа, Фердинандъ. № 4. Сынъ адмирала. Перев. съ французскаго Е. А. Пелль. Со многими иллюстраціями. Спб 1904 г., въ роск. пер. 1 р. 75 к., уст. 30%.

Лесевичъ, В. (изд.). Дѣтскій сборникъ. Очерки и разсказы для дѣтей старшаго возраста. Съ 8 картинами и 3 политипажами. Спб. 1892 г. 1 р. 25 к. въ роскошномъ переплетѣ 2 р., уст. 30%.

Лэббокъ, Джонъ. Шесть главъ популярной естественной исторіи. Съ 90 рисунками. Приспособлены служить книгой для чтенія въ народныхъ и среднихъ школахъ. Спб. 1902 г. 60 к., въ изящн. пер. 95 к., уст. 30%.

Майковъ, М. П. Второе Отдѣленіе Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи 1826—1882. Историческій очеркъ. Спб. 1906 г. 3 р. 50 к., уст. 30%.

Мало Гекторъ. № 3. Приключенія Ромена Кальбри. Перев. съ фран. Е. И. Бурхсеніусъ. Со многими иллюстраціями. Спб. 1904 г., въ роск. пер. 1 р. 75 к., уст. 30%.

Масарикъ, Ѳ. О. проф. Начала соціалистическаго общества. (Главные вопросы марксистской политики). Изданіе партіи „Свободомыслящихъ". Спб. 1906.

I. Революція или эволюція? Переводъ подъ ред. пр.-доц. Н. Ястребова. 35 к., уст. 30%.

Мережковскій, Д. С. Трилогія «Христосъ и Антихристъ», въ 3 частяхъ:

I. Смерть боговъ (Юліанъ Отступникъ). 3-е изд. 1 р. 25 к., въ изящномъ изд. 2 р.

II. Воскресшіе боги (Леонардо да-Винчи). 3-е изд. 2 р. 50 к., въ изящн. изд. 3 р. 50 к.

III. Антихристъ (Петръ и Алексѣй). 2-ое изд. 2 р. Въ изящномъ изд. 3 р., уст. на всѣ изд. 20%.

Любовь сильнѣе смерти. Итальянскія новеллы XV в. 2-е изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к., уст. 20%.

Пророкъ русской революціи. Къ юбилею Достоевскаго. Спб. 1906 г. 1 р. 25 к., уст. 20%.

Грядущій Хамъ. Спб. 1906 г. 1 р. уст. 20%.

Содержаніе: Грядущій Хамъ—Чеховъ и Горькій. — Теперь или никогда. — Страшный судъ надъ русской интеллигенціей.—Св. Софія.—О новомъ религіозномъ дѣйствіи.

Дафнисъ и Хлоя. Древне-греческая повѣсть Лонгуса о любви пастушка и пастушки на островѣ Лезбосѣ. 2-ое изд. Спб. 1904 г. 1 р. 25 к., уст. 20%.

Вѣчные спутники. Акрополь. — Дафнисъ и Хлоя. 3-е изд. Спб. 1907 г. 40 к.

— Ибсенъ. 3-е изд. Спб. 1907 г. 40 к.

— Пушкинъ. 3-е изд. Спб. 1906 г. 30 к.

— Достоевскій, Гончаровъ, Майковъ. 50 к.

— Маркъ Аврелій и Плиній младшій. 30 к.

— Монтанъ Флоберъ 30 к.

уст. на всѣ 30%.

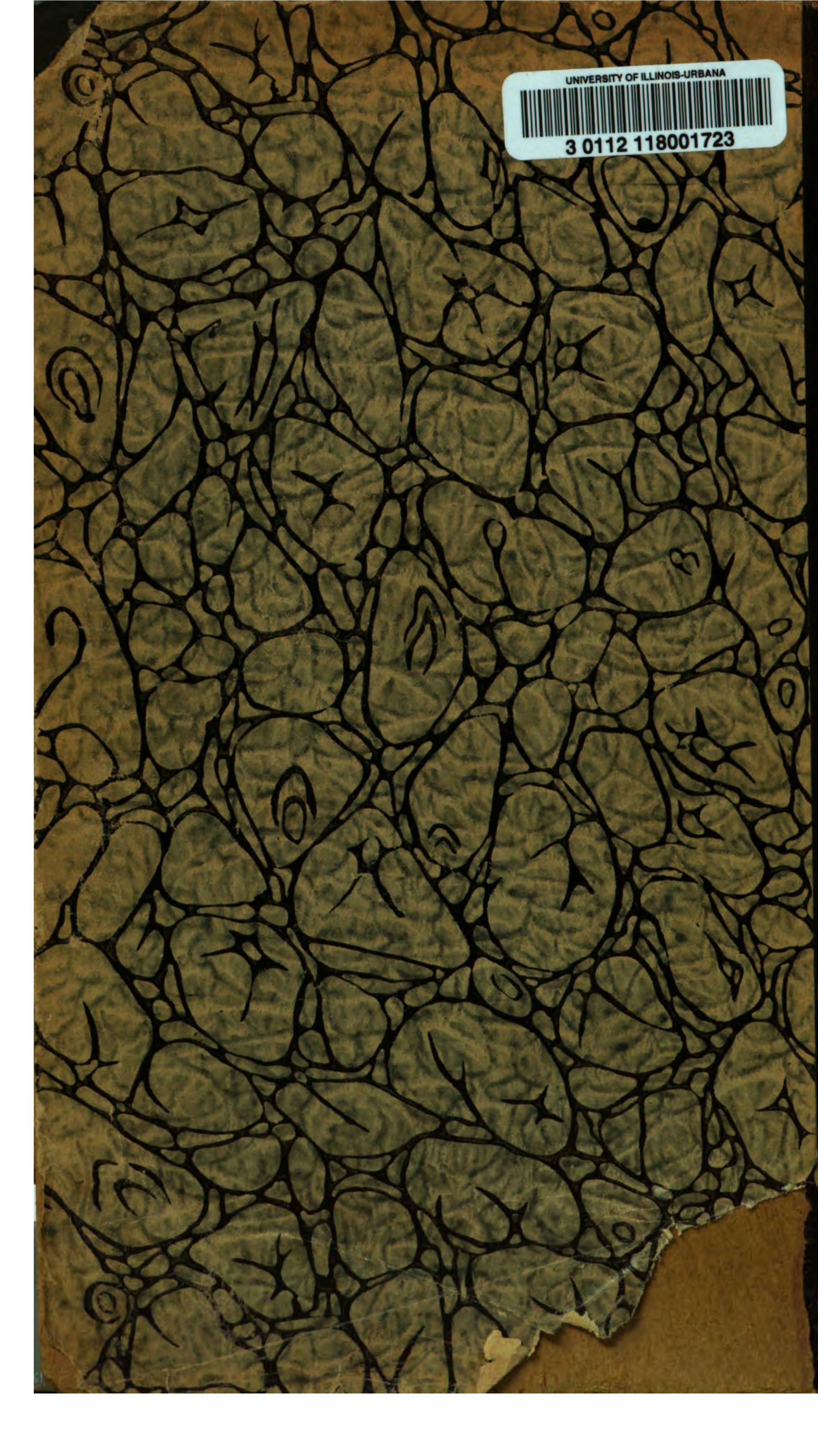
Не миръ, но мечъ. 1 р. 50 к., уст. 20%.

Метерлинкъ, М. Сочиненія. Въ 3 томахъ, въ переводѣ Л. Вилькиной. Съ рисунками Ш. Дудля, Миннэ и Н. Рериха.

Книжн. скл. „КОМИССІОНЕРЪ", Спб. Садовая, 18 (прод. см. на слѣд. стр.).

Б.В.

ВОТЪ
ОНЪ
КОНВЕРТОВСКРЫВАТЕЛЬ ТОМЪ!
Одинъ нажимъ, одной рукой и конвертъ вскрытъ. Цѣна 6 р.
Необходимъ каждому всюду.
Требованія и деньги просятъ направлять:
Единственные представители Т-во Ж. Блокъ
Правлен. Москва, Мясницкая, 24. Отдѣл.: СПБ. Гороховая, 4,
Одесса, Кіевъ, Екатеринбургъ, Ташкентъ, Варшава, Ростовъ,
Екатеринодаръ.

UNIVERSITY OF ILLINOIS-URBANA
3 0112 118001723